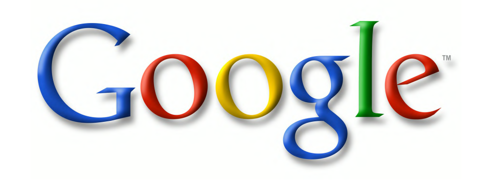
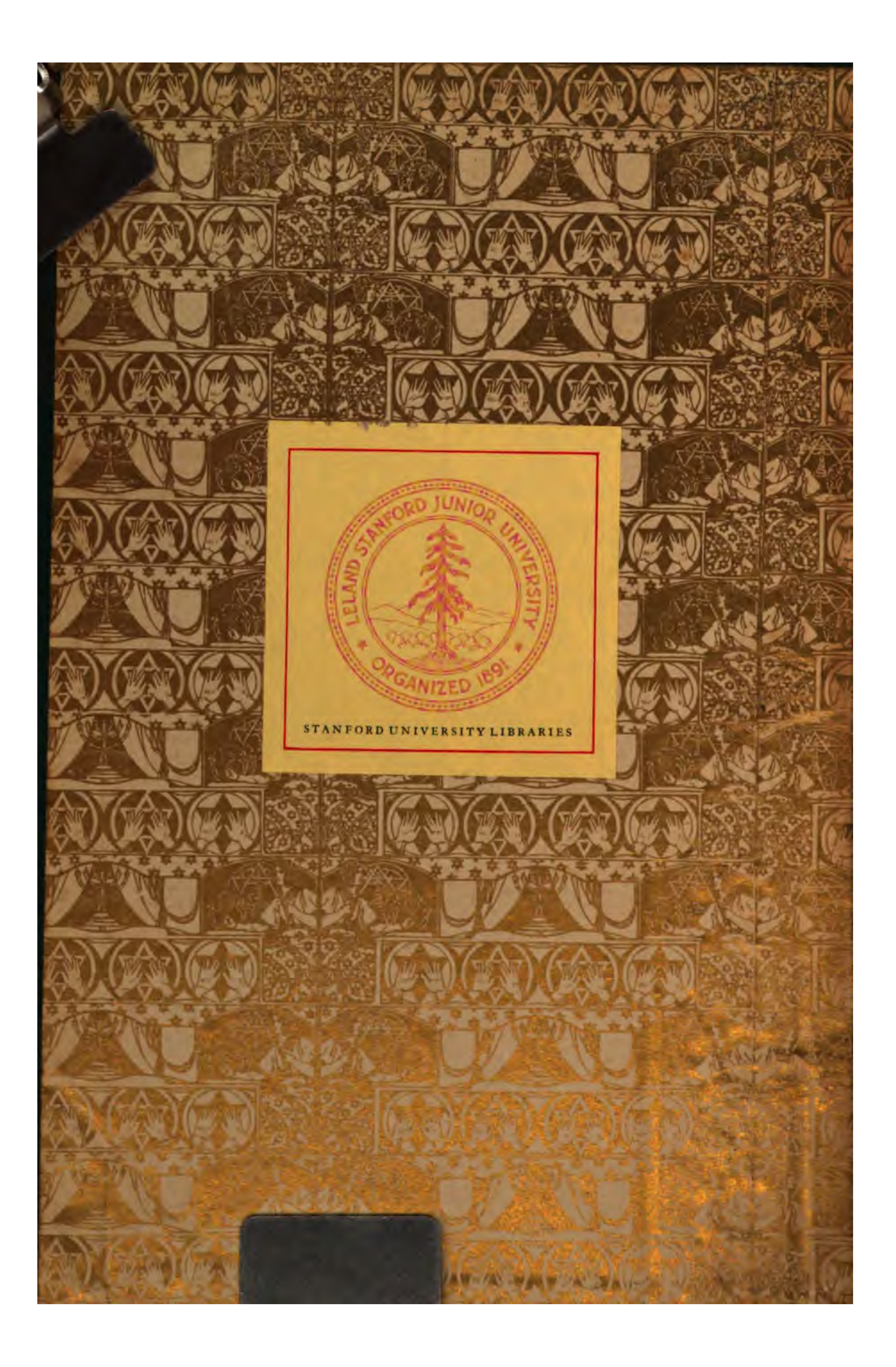

ИСТОРІЯ
ЕВРЕЕВЪ

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Grätz, H.H.

Д-ръ ГЕНРИХЪ ГРЕЦЪ,
Профессоръ Бреславльскаго университета, Почетный членъ Королевской Испанской Академіи исторіи Мадрида и Историческаго общества Техаса.

ИСТОРІЯ ЕВРЕЕВЪ

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАСТОЯЩАГО.

Отъ изгнанія евреевъ изъ Испаніи и Португаліи до поселенія марановъ въ Голландіи.

ПЕРЕВОДЪ СЪ 3-го ИСПРАВЛ. и ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННАГО НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Д-РА ВЕНІАМИНА ШЕРЕШЕВСКАГО.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

Изданіе книжнаго магазина ШЕРМАНА.

ОДЕССА
Типографія „Издатель" Я. Х. Шермана, Еврейская 19.
1908

Третья эпоха четвертаго періода.

Время новыхъ странствованій и поселеній.

ГЛАВА I.

Послѣдствія изгнанія евреевъ изъ Испаніи и Португаліи.

ОБЗОРЪ.

Послѣдствія изгнанія. Странствованія; превосходство сефардскихъ евреевъ. Судьба семействъ Ибнъ-Яхіи и Абрабанела. Судьба Исаака Акриша. Государства сѣверной Африки; Самуилъ Алваленси, Яковъ Беравъ, Симонъ Дуранъ II. Судьба евреевъ Бугіи, Алжира, Триполи и Туниса. Авраамъ Закуто и Моисей Алашкаръ. Египетъ: Исаакъ Шалалъ, Давидъ ибнъ-аби-Зимра; конецъ сана нагида, прекращеніе селевкидскаго лѣтосчисленія. Освобожденіе каирской общины отъ безчеловѣчности паши Ахмета Шайтана.

(1496—1525).

Неразумное и безчеловѣчное изгнаніе евреевъ изъ Пиренейскаго полуострова во многихъ отношеніяхъ является рѣзкимъ поворотнымъ пунктомъ во всей исторіи еврейскаго племени. Оно имѣло очень важныя, въ большинствѣ печальныя послѣдствія не только для изгнанныхъ, но и для всего еврейства. Блескъ послѣдняго померкъ, его гордость была унижена, его центръ былъ сдвинутъ, могучая колонна, на которую оно до сихъ поръ опиралось, была сломана. Горе, вызванное этимъ печальнымъ событіемъ, заполнило души евреевъ всѣхъ странъ, до которыхъ дошло извѣстіе о немъ. Всѣмъ казалось, будто въ третій разъ разрушенъ храмъ, будто въ третій разъ сыны Сіона изгнаны и разорены. Пусть это было самовнушеніемъ или высокомѣріемъ со стороны испанскихъ (правильнѣе сефардскихъ [1]) евреевъ, утверждавшихъ, что они потомки благороднѣйшихъ семействъ и что среди нихъ находятся прямые потомки короля Давида; въ глазахъ всего еврейства они въ дѣйствительности являлись самыми благородными и самыми превосходными, чѣмъ-то вродѣ еврейской аристократіи. И вдругъ именно ихъ постигли самыя ужасныя страданія. Изгнаніе, насильственное крещеніе, смерть въ самой отвратительной формѣ отъ отчаянія, голода, чумы, огня, кораблекрушенія—всѣ эти мученія, вмѣстѣ взятыя, довели число ихъ съ сотенъ тысячъ почти до

[1] Въ это время библейское слово Sepharad условно относилось ко всему Пиренейскому полуострову. Такимъ образомъ названіе *Сефардимъ* обнимаетъ всѣхъ евреевъ Испаніи, кастильскихъ, арагонскихъ, леонскихъ, наварскихъ, и Португаліи.

десятой доли[1]), а оставшіеся блуждали въ большинствѣ какъ привидѣнія, изгонялись изъ одной страны въ другую, и бывшіе князья въ еврействѣ должны были, какъ нищіе, стучаться въ двери своихъ братьевъ. Имѣвшіеся у испанскихъ евреевъ во время изгнанія, по крайней мѣрѣ, 30 милліоновъ дукатовъ[2]) незамѣтно растаяли, и изгнанники остались въ такомъ видѣ совершенно безъ какихъ-либо средствъ во враждебномъ мірѣ, цѣнившемъ въ евреѣ еще только деньги. Въ то же самое время изъ нѣкоторыхъ городовъ запада и востока было изгнано также много нѣмецкихъ евреевъ; но ихъ несчастье нельзя было и сравнивать съ горемъ испанскихъ евреевъ. Первые не вкусили еще ни сладости отечества, ни комфорта жизни; они были болѣе закалены, и, по крайней мѣрѣ, привыкли къ униженію и грубому обращенію.

Спустя 50 лѣтъ послѣ изгнанія евреевъ изъ Испаніи и Португаліи повсюду можно было встрѣтить бѣглецовъ, въ иныхъ мѣстахъ группой, въ другихъ семействомъ или также въ одиночку. Это было переселеніе народовъ въ миніатюрѣ, направлявшееся на Востокъ, большей частью въ Турцію, какъ будто евреи стремились приблизиться къ своей древней родинѣ. Но и ихъ странствованія, пока они снова достигали надежныхъ жилищъ и могли нѣкоторымъ образомъ отдохнуть, полны всякаго рода несчастныхъ случайностей, униженій, позора, горьше смерти. Нѣкоторые примѣры странствованія высокопоставленныхъ личностей, которые болѣе или менѣе проникли въ исторію еврейскаго народа, могутъ дать, по крайней мѣрѣ, слабое представленіе объ этомъ.

Старинный отпрыскъ фамиліи Яхіи изъ Португаліи, *донъ Давидъ бенъ Соломонъ* (род. 1440 г., ум. въ Константинополѣ 1504 г.[3]), человѣкъ съ почетнымъ положеніемъ, разностороннихъ знаній, жертвователь и благотворитель по отношенію къ бѣднымъ, вынужденъ былъ просить милостыни для своей семьи. Этотъ донъ Давидъ (третій въ большомъ семействѣ Яхіи) былъ проповѣдникомъ въ Лисабонѣ, пріобрѣлъ уже себѣ извѣстность двумя сочиненіями, написанными тамъ, и собралъ вокругъ себя кругъ учениковъ, когда его постигъ гнѣвъ португальскаго короля, Іоао II. Онъ былъ обвиненъ въ оказаніи помощи на португальской территоріи испанскимъ маранамъ въ ихъ возвращеніи въ іудейство. Давиду ибнъ-Яхія предстояла позорная смерть. Но онъ былъ во время предупрежденъ, и ему удалось бѣгствомъ спастись вмѣстѣ со своимъ семействомъ. Однако большую часть своего огромнаго состоянія онъ потерялъ вслѣдствіе конфискаціи. Въ Неаполѣ, куда онъ бѣжалъ, его, какъ и многихъ его сотоварищей по несчастью, постигла еще болѣе суровая участь.

---

[1]) Абрабанелъ, предисловіе коментарія къ кн. Даніила и въ текстѣ ея стр. 132

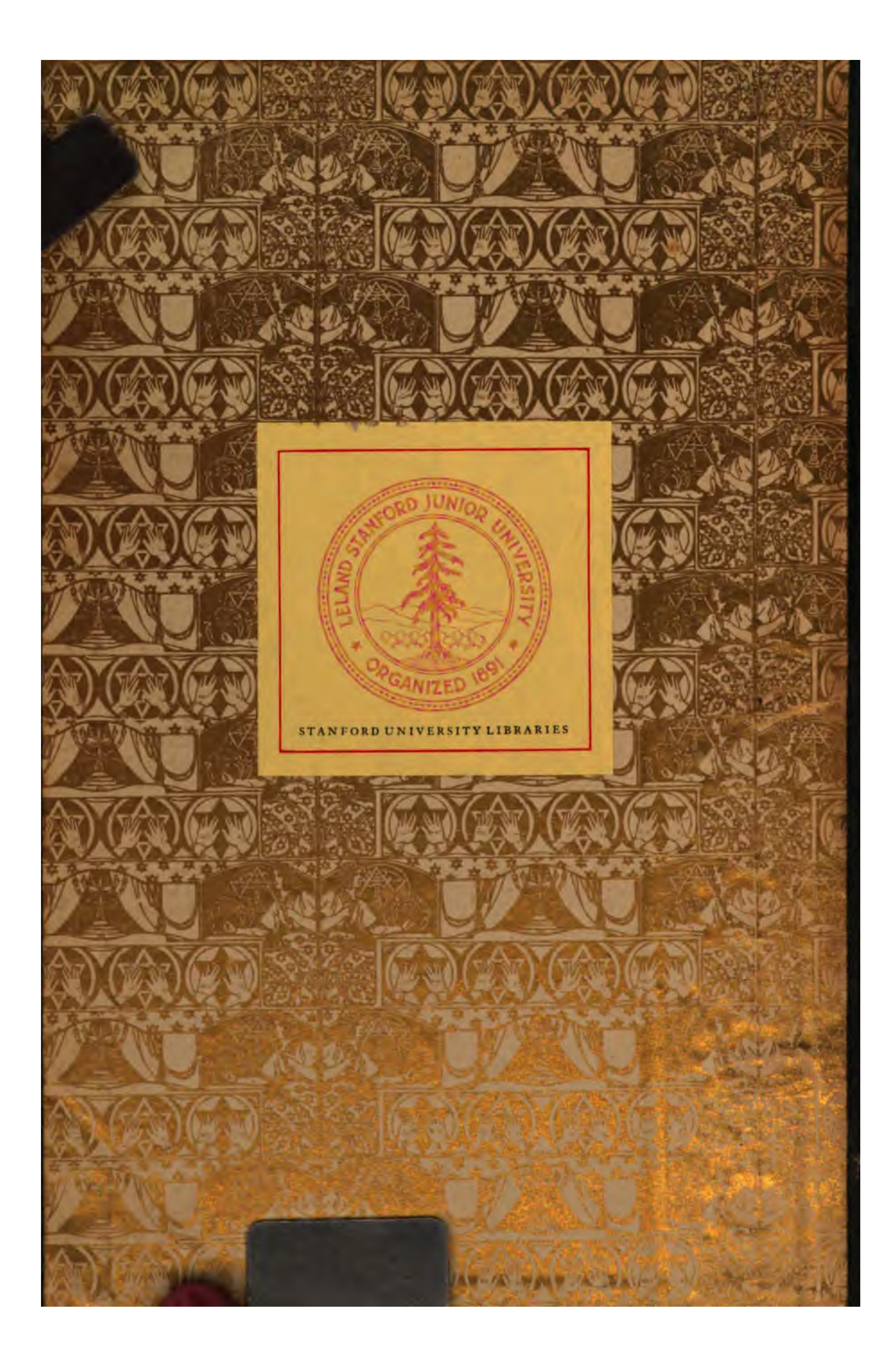
[2]) Т. же.

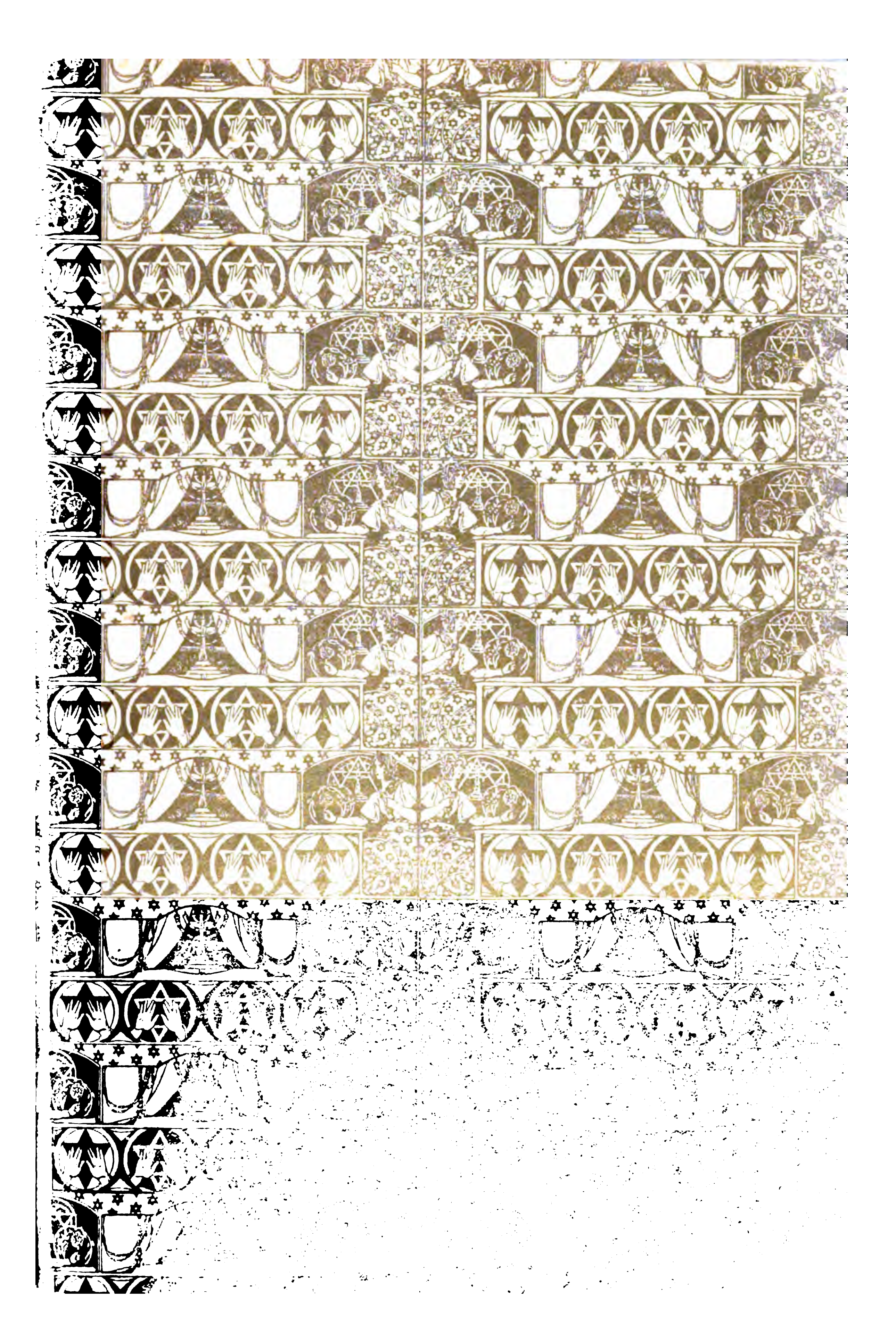
[3]) См. о немъ въ кн. Кармоли „Яхіи“ стр. 17.

Это было время, когда соединявшій въ себѣ безумную смѣлость и слабость король французскій, Карлъ VIII, принялся за выполненіе своего высокомѣрнаго, авантюристскаго плана завоеванія Италіи, покоренія Греціи, уничтоженія турецкаго государства и устройства крестоваго похода для того, чтобъ разнеслась по всему свѣту слава французскаго оружія. Однако ему удалось лишь на короткое время, меньше двухъ лѣтъ (отъ февраля 1495 до конца 1496), завоевать королевство Неаполь, и то болѣе благодаря низости и лицемѣрію итальянскихъ государей, интригамъ самого подлаго изъ всѣхъ папъ, Александра VI, и ненормальнымъ условіямъ итальянской жизни, чѣмъ благодаря блестящему походу. Но этого короткаго времени было достаточно, чтобъ сдѣлать несчастными тѣхъ многочисленныхъ изгнанниковъ, которые, при посредствѣ Абрабанела, нашли въ неаполитанскомъ государствѣ убѣжище. „Французская муха" колола ихъ не менѣе чувствительно, чѣмъ „испанскій скорпіонъ". Обращались же французы съ христіанскимъ населеніемъ Неаполя, какъ своевольная разбойничья шайка; на какую же пощаду могли разсчитывать при такихъ обстоятельствахъ евреи! Какъ голуби при видѣ когтей хищной птицы, такъ разбѣгались еврейскіе изгнанники при видѣ французовъ, если только оставлялось имъ время для спасенія жизни съ потерей всего достоянія. Тѣ, которые устали отъ странствованія, крестились. Давидъ ибнъ-Яхія потерялъ при этомъ спасенный имъ изъ Португаліи остатокъ своего имущества и лишь съ большимъ трудомъ, продавъ свою драгоцѣнную библіотеку, сумѣлъ переѣхать на островъ *Кофу*, а оттуда достичь *Арты* (Ларты) въ Греціи. Онъ хотѣлъ переселиться въ Турцію, но не могъ добыть ни денегъ на переѣздъ, ни средствъ для пропитанія своей семьи и былъ вынужденъ послать ученому и состоятельному единовѣрцу, *Іешаѣ Месени*, письмо съ просьбой объ оказаніи ему помощи въ нуждахъ. Однако Давидъ ибнъ-Яхія могъ, по крайней мѣрѣ, достичь цѣли своихъ стремленій, эльдорадо для несчастныхъ, Турціи и Константинополя, и тамъ спокойно дожить свои дни [1]).

Не такъ хорошо было его родственнику, *дону Іосифу ибнъ-Яхія* [2]), которому пришлось бѣжать изъ Португаліи, когда ему было уже 70 лѣтъ отъ роду. Судно, на которомъ онъ ѣхалъ вмѣстѣ со своими тремя сыновьями, невѣстками, другими родственниками и имуществомъ, равнявшимся, должно быть, почти 100,000 крусадовъ, было загнано къ испанскому берегу. Здѣсь онъ вмѣстѣ со своими близкими долженъ былъ быть преданнымъ сожженію на кострѣ за то, что они осмѣлились, будучи евреями, коснуться испанской почвы. Однако за нихъ вступился португаль-

[1]) Т. же. [2]) Т. же стр. 14, 26.

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

тамъ видѣлъ его король Фернандо при своемъ посѣщеніи Неаполя. Послѣ отъѣзда короля и немилостиваго увольненія вице-короля (іюнь 1507), Леонъ Абрабанелъ, не находя другой подходящей дѣятельности, вернулся къ своему отцу [1]), жившему въ то время въ Венеціи.

Второй сынъ Исаака Абрабанела, *Исаакъ II*, проживалъ въ качествѣ врача сначала въ Reggio (Калабрія), а позже въ Венеціи, куда онъ вызвалъ также своего отца. Самому младшему сыну, *Самуилу*, который позже сталъ великодушнымъ защитникомъ своихъ единовѣрцевъ, было лучше всего; онъ въ это время пребывалъ подъ тѣнью тихой школы въ Салоникахъ, куда отецъ послалъ его для изученія еврейскихъ знаній [2]). Старшій Абрабанелъ еще разъ вступилъ на политическое поприще. Въ Венеціи ему представился случай уладить споръ между португальскимъ дворомъ и венеціанской республикой, возникшій вслѣдствіе устроенныхъ португальцами остъ-индскихъ колоній и въ особенности торговли колоніальными товарами. Нѣкоторые вліятельные сенаторы познакомились при этомъ съ правильными политическими и финансовыми взглядами Абрабанела и съ того времени совѣтывались съ нимъ по поводу важныхъ государственныхъ вопросовъ [3]). Но его сила была сломлена многочисленными перенесенными страданіями и скитаніями. Еще до семидесятилѣтняго возраста подкралась къ нему дряхлость старческаго возраста. Въ отвѣтномъ посланіи къ одному жаждущему знаній человѣку изъ Кандіи, *Саулу Когену Ашкенази*, ученику и духовному наслѣднику Иліи дель-Медиго (IX т., стр. 200), задавшему ему важные философскіе вопросы, Абрабанелъ жаловался на возрастающую слабость и старчество [4]). Это если бъ онъ даже скрылъ, выдали бы его написанныя въ то время сочиненія. Гонимыя жертвы испанскаго фанатизма должны были бы имѣть тѣло изъ желѣза и крѣпость камня, чтобъ не пасть подъ напоромъ такихъ страданій.

Ясную картину безпрерывныхъ скитаній еврейско-испанскихъ изгнанниковъ даетъ жизнь одного товарища по несчастью, который, не представляя самъ по себѣ ничего выдающагося, пріобрѣлъ себѣ извѣстность благодаря энергіи, съ которой онъ возбуждалъ упавшую бодрость несчастныхъ. Это былъ дѣятельный посланецъ, любитель книгъ, испанецъ, *Исаакъ бенъ Авраамъ Акришъ* (род. 1489 г., ум. послѣ 1578), которому еврейская литература обязана сохраненіемъ многихъ цѣнныхъ ве-

---

[1]) Абрабанелъ, отвѣтное посланіе къ Саулу Когену Ашкенази, изд. въ Венеціи, въ 1574, стр. 20.

[2]) Шемъ-Товъ Атіасъ, предисловіе коментарія къ Псалмамъ.

[3]) Хаскиту, Біографія Абрабанела.

[4]) Отвѣтное посланіе Абрабанела.

щей. Акришъ говорилъ о себѣ полушутя, полусерьезно: онъ, должно быть, родился въ такое время, когда планета Юпитеръ проходила чрезъ знакъ Рыбъ зодіака; такое совпаденіе предсказывало, согласно астрологіи, жизнь, полную скитаній; хотя онъ былъ хромъ на обѣ ноги, однако всю свою жизнь онъ провелъ въ странствованіяхъ изъ города въ городъ, по водѣ и на сушѣ. Еще будучи маленькимъ мальчикомъ, Акришъ былъ изгнанъ изъ Испаніи, а въ Неаполѣ его постигли несчастья, которыя, какъ бы составили заговоръ противъ изгнанниковъ. Такъ хромая, онъ шелъ отъ народа къ народу, „языка которыхъ онъ не понималъ и которые не щадили ни стариковъ, ни дѣтей", пока онъ не нашелъ на нѣсколько лѣтъ спокойное пристанище въ Египтѣ, въ домѣ одного изгнанника, добившагося за это время тамъ виднаго положенія. Кто въ состояніи прослѣдить за блуждавшими изъ конца въ конецъ изгнанниками съ израненными ногами и еще болѣе истерзанными сердцами, пока они находили гдѣ-либо мѣсто отдохновенія или спокойствіе могилы!

Но именно это неизмѣримо громадное горе, перенесенное ими, подняло сознаніе сефардскихъ евреевъ до высоты, граничащей съ гордостью. Кого десница Божья такъ тяжко, такъ продолжительно покарала, кто такъ неописуемо много страдалъ, тотъ, должно быть, занимаетъ особое положеніе, является особенно избраннымъ—эта мысль или это чувство жили въ большей или меньшей степени ясно въ душѣ всѣхъ уцѣлѣвшихъ. Они смотрѣли на свое изгнаніе изъ Пиренейскаго полуострова, какъ на третье, а на себя самихъ, какъ на особенныхъ любимцевъ Бога, которыхъ Онъ, именно благодаря своей большей любви къ нимъ, тѣмъ суровѣе наказалъ. Противъ ожиданія у нихъ наступило повышенное настроеніе, которое, хотя не заставляло забыть перенесенныя страданія, придало имъ сіяніе мученичества. Какъ только они хоть немного чувствовали себя свободными отъ тяжести своего ужаснаго несчастья и могли передохнуть, они снова выпрямлялись и высоко, какъ князья, носили свои головы. Они все потеряли, только не свою испанскую важность, только не свою знатность. Какъ они ни были унижены, ихъ гордость не покидала ихъ, и они проявляли ее повсюду, гдѣ находили покой для своихъ усталыхъ ногъ. Извѣстнымъ образомъ они имѣли на это основаніе. Какъ они ни отстали въ высшихъ наукахъ и теряли свое, въ теченіе столѣтій утвержденное, руководительство со времени побѣды враждебнаго знаніямъ строго набожнаго направленія въ іудаизмѣ и со времени перенесеннаго исключенія изъ круговъ общества, они все-таки далеко превосходили евреевъ всѣхъ остальныхъ странъ образованностью, умѣніемъ держаться, а также внутреннимъ содержаніемъ, проявлявшимися въ ихъ внѣшнемъ видѣ и въ ихъ языкѣ. Ихъ любовь къ

своей родинѣ была такъ велика, что она не оставила въ ихъ сердцахъ совершенно мѣста для ненависти, которую они должны были бы питать къ жестокой матери, толкнувшей ихъ въ объятья нищеты. Куда они ни приходили, они основывали, поэтому, испанскія и португальскія колоніи. Они принесли съ собой испанскій языкъ, испанскую знатность и важность въ Африку, европейскую Турцію, Сирію и Палестину, въ Италію и Фландрію; куда они ни были заброшены, повсюду они съ такой любовью берегли и хранили эту испанскую сущность, что она сохранилась живой среди ихъ потомковъ вплоть до настоящаго дня. Будучи очень далеки отъ того, чтобъ раствориться въ большинствѣ остальныхъ еврейскихъ жителей странъ, гостепріимно ихъ принявшихъ, они держались особнякомъ отъ своихъ единоплеменниковъ, какъ какая-нибудь высшая порода людей, какъ цвѣтъ и аристократія еврейства, и презрительно смотрѣли на нихъ сверху внизъ и не рѣдко предписывали имъ законы. Это происходило такъ потому, что испанскіе и португальскіе евреи правильно говорили на языкѣ своей родины (ставшемъ благодаря завоеваніямъ и открытію Америки міровымъ языкомъ), принимали участіе въ литературѣ, а вслѣдствіе этого выступали также при сношеніяхъ съ христіанами, какъ равные съ равными, мужественно, безъ страха и раболѣпія. Въ этомъ отношеніи они являлись полной противоположностью нѣмецкихъ евреевъ, которые какъ разъ презирали то, что дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, т. е. чистый и красивый языкъ, и, наоборотъ, считали благочестіемъ небрежную и тарабарскую рѣчь, какъ и обособленіе отъ христіанскаго міра. Сефардскіе евреи вообще придавали большое значеніе красивой формѣ, изящной одеждѣ, роскоши въ синагогахъ, а также средствамъ обмѣна мыслей. Равины испанскихъ и португальскихъ евреевъ читали свои проповѣди на своемъ языкѣ и придавали большое значеніе чистому и благозвучному произношенію. Поэтому ихъ языкъ никогда, по крайней мѣрѣ въ первые вѣка послѣ ихъ изгнанія, не вырождался въ уродливый жаргонъ. Христіанскій писатель[1]), почти черезъ полстолѣтія послѣ ихъ изгнанія, такъ писалъ о нихъ: „Въ Салоникахъ, Константинополѣ, Александріи, Каирѣ, Венеціи и другихъ торговыхъ пунктахъ евреи ведутъ свои дѣла только на испанскомъ языкѣ; я зналъ евреевъ изъ Салоникъ, которые, несмотря на свою юность, такъ же хорошо или еще лучше, чѣмъ я, говорили на кастильскомъ нарѣчіи“.

Даже кроткій и уже надломленный Исаакъ Абрабанелъ презрительно отзывался о нѣмецкихъ евреяхъ изъ-за ихъ варварскаго смѣшенія языковъ. Онъ былъ прямо пораженъ, найдя въ посланіи выходца изъ Германіи, *Саула Когена* изъ Кандіи, весьма искусный (еврейскій)

[1]) Gonsalvo de Jllescas.

языкъ и очень правильное расположеніе мыслей и откровенно высказалъ свое удивленіе: „я пораженъ, встрѣчая такой правильный языкъ среди нѣмцевъ (евреевъ), который рѣдокъ даже въ устахъ ихъ великихъ людей и равиновъ, какъ бы они ни были высоки въ остальныхъ отношеніяхъ. Ихъ языкъ полонъ неуклюжести и безпомощности, одно сплошное заиканіе“ [1]). Это превосходство евреевъ испанскаго и португальскаго происхожденія въ просвѣщенности, умѣніи держаться, манерахъ и свѣтской опытности вызывало свое удивленіе и признаніе со стороны остальныхъ евреевъ, въ частности нѣмецкихъ, съ которыми они повсюду встрѣчались. Поэтому тѣ могли позволить себѣ повсюду играть роль господъ и часто, несмотря на свою малочисленность, повелѣвать большинствомъ въ общинахъ. Въ вѣкѣ, слѣдовавшемъ за ихъ изгнаніемъ, почти исключительно они являются носителями историческихъ событій, повсюду слышны имена ихъ руководителей; они доставляли равиновъ, писателей, мыслителей и мечтателей, въ то время, какъ нѣмецкіе и итальянскіе евреи занимали тогда скромное мѣстечко. Сефардскіе евреи стали задавать тонъ во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ Германіи и Польши, куда они никогда или лишь въ одиночку проникали.

Приморская полоса сѣверной Африки и населенная часть внутри страны были переполнены евреями испанскаго происхожденія, которые скопились тутъ въ большомъ числѣ въ вѣкъ великихъ гоненій съ 1391 года до полнаго изгнанія. Отъ Сафи (Асафи), самаго крайняго города юго-запада Мароко, до Триполи на сѣверо-востокѣ расположились многія большія и малыя общины испанскихъ евреевъ. Хотя малые варварскіе тираны и низкое маврское населеніе большей частью ненавидѣли ихъ, обращались съ ними по произволу и часто заставляли ихъ носить позорящую одежду, тѣмъ не менѣе тамъ оставалось достаточное поприще для того, чтобъ способные, выдающіеся евреи могли отличиться, достичь высокаго положенія и пріобрѣсти обширный кругъ вліянія. Въ *Мароко* одинъ богатый и свѣдущій въ исторіи евреи, оказавшій правителю этого государства значительныя услуги, пользовался большимъ его уваженіемъ [2]). Въ *Фецѣ*, въ который бѣглецы изъ Испаніи прибыли массами, несмотря на голодъ и чуму, уничтожившіе тысячи изъ нихъ [3]), существовала всетаки община въ 5000 еврейскихъ семействъ, въ рукахъ которыхъ нахо-

[1]) Отвѣтное посланіе Абрабанела къ Саулу Когену: לשון בל יכון בארץ אשכנז הצור אשר מםנת חוצבת, ולא בפי רבניה אם שלמים וכן רבים המה. תחת לשונם עמל ואון, בלעג לשון אין בינה.

[2]) Leo Africanus, Africae descriptio кн. II, № 45, стр. 105.

[3]) Авраамъ б.-Соломонъ изъ Терутіела.

лось большинство ремеслъ [1]). Здѣсь жилъ еврей испанскаго происхожденія, *Самуилъ Алваленси*, должно быть, внукъ равина того же имени [2]), бывшій очень любимъ королемъ за свои способности и мужество и пользовался такимъ довѣріемъ населенія, что оно выбрало его своимъ вождемъ. Въ борьбѣ двухъ правящихъ семействъ, *мериносовъ* и *ксерифовъ*, онъ сталъ на сторону перваго, повелъ 1400 человѣкъ, евреевъ и мавровъ, противъ приверженцевъ другого и разбилъ ихъ на голову при Цеутѣ [3]). Въ столичномъ городѣ, *Тлемсенѣ* (Тремсенѣ), очень значительная еврейская община испанскаго происхожденія занимала его большую часть [4]). Сюда прибылъ послѣ бѣгства изъ Испаніи восемнадцатилѣтній *Яковъ Беравъ* (род. 1474, ум. 1541), одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ людей среди испанскихъ выходцевъ, самый остроумный, послѣ своего нѣмецкаго тезки, *Якова Полака*, равинъ своего времени, но въ то же время упрямый, неуступчивый и несносный человѣкъ, имѣвшій многихъ противниковъ, хотя и многихъ почитателей. Родившись въ *Макведѣ* около Толеды, Яковъ Беравъ среди многихъ опасностей, терпя нужду, голодъ и жажду, прибылъ въ Тлемсенъ, а оттуда направился въ Фецъ, община котораго избрала его, бѣднаго юношу, за его ученость и остроуміе своимъ равиномъ. Тамъ онъ руководилъ школой, пока фанатическіе испанцы не сдѣлали завоеванія въ сѣверной Африкѣ и не нарушили покой тихаго убѣжища тамошнихъ евреевъ.

Въ Алжирѣ, во главѣ уже уменьшившейся общины стоялъ потомокъ испанскихъ бѣглецовъ 1391 года, *Симонъ Дуранъ II* (род. 1439, ум. послѣ 1510), сынъ философски образованнаго равина, *Соломона Дурана* (IX т., стр. 84), преемникъ по равинату своего умершаго брата, *Цемаха Дурана II*. Въ свое время онъ, подобно своему брату, считался выдающимся равинскимъ авторитетомъ, и къ нимъ изъ многихъ мѣстъ поступали запросы. Такого же благороднаго образа мыслей, какъ и его отецъ, Симонъ Дуранъ являлся защитой для своихъ единовѣрцевъ и якоремъ спасенія для испанскихъ изгнанниковъ, заброшенныхъ въ мѣста близь его мѣстожительства; тамъ, гдѣ нужно было отстоять религіозность и нравственность или спасти своихъ единоплеменниковъ, ему не страшны были ни денежныя потери, ни смертельныя опасности. Пятьдесятъ евреевъ, заброшенные бѣглецы, потерпѣвшіе кораблекрушеніе, были выброшены на берегъ около Севильи; фанатическіе испанцы, согласно буквѣ эдикта, посадили ихъ въ тюрьму и держали тамъ въ теченіе двухъ

[1]) Leo Africanus III № 52 стр. 243.

[2]) Т. IX.

[3]) Эмануилъ Авоавъ, Nomologia стр. 305.

[4]) Leo Africanus т. же IV № 10, стр. 334; Авраамъ Гависонъ, Omer ha-Schikcha стр. 29.

лѣтъ. Каждый день евреи ждали смерти; однако подъ конецъ они были все-таки помилованы, т. е. проданы въ рабство. Въ ужаснѣйшемъ состояніи они прибыли въ Алжиръ, гдѣ, благодаря стараніямъ Симона Дурана, ихъ выкупили за 700 дукатовъ, собранныхъ маленькой общиной. Страсть къ завоеваніямъ и фанатизмъ испанцевъ отравили его старость и принесли евреямъ нѣкоторыхъ городовъ сѣверной Африки новыя бѣдствія. Послѣ того, какъ кардиналъ *Ксименесъ*, третій великій инквизиторъ, основатель университета въ Алкалѣ и творецъ мрачнаго ужаснаго деспотизма въ Испаніи, завоевалъ крестомъ и мечемъ городъ Оранъ (еврей, говорятъ, помогъ ему въ роли шпіона), лавры его не давали спать завистливому королю, Фердинанду Католику. Онъ послалъ флотъ подъ начальствомъ фельдмаршала *Педро Навары* для завоеванія королевствъ Бугіи и Туниса. Городъ Бугія послѣ двухнедѣльной осады былъ взятъ (31 января 1510) и разграбленъ; жители разбѣжались во всѣ стороны отъ угрожавшей опасности. Евреямъ этого города стало отъ этого довольно скверно [1]); тѣ, кто не бѣжалъ, попали въ плѣнъ, и нельзя было завидовать ихъ участи въ рукахъ испанскихъ солдатъ, превратившихся подъ вліяніемъ инквизиціи въ кровопійцъ. Какъ только извѣстіе о взятіи Бугіи пришло въ Алжиръ, еврейскіе жители, какъ и весь городъ, пришли въ трепетъ отъ неизбѣжно угрожавшей имъ опасности и многіе изъ нихъ искали спасенія въ бѣгствѣ. Достигшій уже 72-хлѣтняго возраста старикъ Симонъ Дуранъ тащился изъ села въ село и думалъ переселиться во вдали лежавшую Алмадію. Однако все сошло не такъ плохо; жители Алжира добровольно покорились, присягнули на вѣрность испанскому королю и обѣщали платить ежегодную дань. Жизнь евреевъ была пощажена; но они должны были, какъ военно-плѣнные, уплатить полностью выкупную сумму магометанскому населенію [2]). Община *Триполи* (Тараблуса) въ сѣверной Африкѣ, насчитывавшая болѣе восьмисотъ семействъ, въ то же самое время въ большинствѣ попала въ плѣнъ [3]].

Евреямъ Туниса было не лучше, такъ какъ и этотъ городъ былъ вынужденъ капитулировать предъ Педро Наварой. Здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ находили убѣжище два выдающихся испанскихъ еврея: одинъ, историкъ и астрономъ *Авраамъ Закуто*, стоявшій уже на закатѣ своей жизни, другой, болѣе молодой человѣкъ, *Моисей Алашкаръ*. Закуто, имѣвшій уже на Пиренейскомъ полуостровѣ школу съ христіански-

[1]) Іосифъ Когенъ, хроника стр. 54, Emek ha-Bacha стр. 39, респонсы Моисея Алашкара № 39. [2]) Zurita Anales de Aragon VI, стр. 9.

[3]) Іосифъ Когенъ въ ук. м. Респонсы Якова Берава № 56. Респ. Леви б.-Хавивъ стр. 318. Респ. Моисея Алашкара № 6.

ми и магометанскими учениками по математикѣ и астрономіи, сочиненія котораго, будучи отпечатанными, многократно читались и употреблялись, былъ между тѣмъ вынужденъ скитаться, какъ ссыльный, и лишь съ трудомъ избѣгъ смерти. Въ Тунисѣ онъ прожилъ, кажется, нѣсколько спокойныхъ лѣтъ и здѣсь онъ закончилъ свою болѣе знаменитую, чѣмъ пригодную для пользованія, хронику. Ее слѣдуетъ называть не историческимъ трудомъ (Sefer Iochasin 1504), а очеркомъ еврейской исторіи и скорѣе исторіи литературы. Приложеніемъ къ ней былъ ежегодникъ всеобщей исторіи. Трудъ Закуты имѣетъ только ту заслугу, что онъ возбудилъ среди евреевъ изслѣдованіе исторіи; онъ очень далекъ какъ отъ художественнаго плана, такъ и отъ полноты. Онъ прямо безпорядочно собралъ свѣдѣнія изъ доступныхъ ему сочиненій. Даже исторію своей эпохи, страданія испанскихъ и португальскихъ евреевъ, Закуто не изложилъ ни полностью, ни въ порядкѣ краткаго обзора. Его хронологическія данныя тоже не всегда надежны. Но хроника Закуты была плодомъ старости и несчастья; онъ написалъ ее дрожащею рукой и сердцемъ, полнымъ страха за ближайшее будущее, не имѣя въ достаточномъ количествѣ литературныхъ пособій, и постольку онъ заслуживаетъ снисхожденія.

Одновременно съ Закутой въ Тунисѣ жилъ *Моисей бенъ Исаакъ Алашкаръ* (Ашакаръ род. 1470 г., умеръ между 1532 и 1538 год.), который прежде былъ въ *Цаморѣ*, при изгнаніи евреевъ изъ Испаніи попалъ въ плѣнъ и чуть было не погибъ въ морскихъ волнахъ. Алашкаръ былъ остроумнымъ талмудистомъ, какъ его рано умершій учитель, Самуилъ *Алваленси,* здравомыслящимъ человѣкомъ безъ узкой односторонности. Онъ съ одной стороны погружался въ темные лабиринты кабалы, а съ другой обращалъ свои взоры къ свѣтлымъ высотамъ философіи. Такая связь двухъ исключающихъ другъ-друга воззрѣній была тогда еще возможна. Алашкаръ пошелъ такъ далеко, что взялъ подъ свою защиту Маймонида и его философскую систему противъ нападокъ осуждавшихъ его мракобѣсовъ.

Отъ страха, наведеннаго на сѣверо-африканскихъ евреевъ испанскимъ оружіемъ, Закуто и Алашкаръ вмѣстѣ со многими другими оставили, кажется, Тунисъ. Они уже въ достаточной степени познакомились съ нечеловѣческимъ отношеніемъ ультракатолическихъ испанцевъ къ евреямъ. Первый переселился въ Турцію и, кажется, вскорѣ послѣ этого сошелъ въ могилу (раньше 1515 г.). Алашкаръ убѣжалъ въ Египетъ, гдѣ, благодаря своимъ многостороннимъ знаніямъ и богатству, занялъ видное положеніе.

Въ Египтѣ, именно въ главномъ городѣ его, Каирѣ, также собрались много еврейско-испанскихъ бѣглецовъ и пріобрѣли въ короткое время

значительный перевѣсъ надъ кореннымъ еврейскимъ населеніемъ. Когда они туда прибыли, тамъ, какъ въ прежнее время, во главѣ всѣхъ египетскихъ общинъ стоялъ еврейскій верховный судья или князь (Nagid, Reis); это былъ тогда, столь же благородный, какъ и богатый, *Исаакъ Когенъ Шалалъ* (или Шолалъ, его дѣятельность 1490 г., ум. 1525 г.);онъ былъ преемникомъ въ этомъ санѣ своего родственника, *Натана Шалала*. Это былъ честный талмудически образованный человѣкъ, пользовавшійся своимъ высокимъ положеніемъ, которое было признано египетскимъ султаномъ-мамелюкомъ, и своимъ богатствомъ для блага своей общины и заброшенныхъ туда бѣглецовъ. Исаакъ Шалалъ снискалъ, поэтому, большое уваженіе своихъ современниковъ. Безъ зависти онъ опредѣлялъ заслуженныхъ людей изъ испанскихъ выходцевъ на должности, и послѣдніе благодаря этому постепенно пріобрѣли значительное вліяніе. Среди нихъ нашелъ себѣ убѣжище въ Каирѣ испанскій ученый, *Самуилъ Сидило* (или Сидъ, Ибнъ-Сидъ, род. 1455, ум. 1530), ученикъ послѣдняго толедскаго равина, *Исаака де Леонъ*, пользовавшійся въ свое время большимъ уваженіемъ за свою набожность и глубокія и ясныя равинскія знанія. Самуилъ Сидило былъ назначенъ равиномъ каирской коллегіи. Еще болѣе выдающагося имени достигъ тамъ же другой ученый бѣглецъ испанскаго происхожденія, *Давидъ ибнъ-аби Зимра* (род. 1470, ум. 1573), ученикъ мистика *Іосифа-Сарагоси*, богатый знаніями, добродѣтелями, сокровищами и потомками, скоро превзошедшій туземцевъ и ставшій высшимъ равинскимъ авторитетомъ въ Египтѣ. Еще много другихъ испанско-равинскихъ ученыхъ нашли убѣжище въ Египтѣ и между ними, помимо уже названныхъ, Яковъ Беравъ, Моисей Алашкаръ Авраамъ и *Ибнъ-Шошанъ* въ другихъ отношеніяхъ мало-извѣстный; всѣ они вступили постепенно въ равинскую коллегію.

Измѣненіе политическаго положенія Египта поставило испанскихъ пришельцевъ во главѣ тамошняго еврейства. Страна Нила вмѣстѣ съ принадлежавшей къ ней Сиріей и Палестиной, завоеваніе которой было такъ трудно константинопольскимъ султанамъ, потому что и правовѣрные турки были противъ этого, наконецъ досталась въ качествѣ вѣрной добычи *Селиму I*. Въ рѣшительной битвѣ, недалеко отъ Алепо, онъ одержалъ блестящую побѣду надъ послѣднимъ султаномъ-мамелюкомъ, *Кансу-Алгаври*, и его переходъ изъ Сиріи въ Египетъ походилъ на тріумфальное шествіе. Селимъ сталъ господиномъ надъ всѣми обширными пространствами земли, которыя въ прежнія времена образовывали рядъ большихъ и малыхъ государствъ. Послѣдній египетскій султанъ трагически закончилъ свою жизнь; таковъ же былъ конецъ и наскоро избраннаго султана на часъ, *Туманбега*. Странно, что турецкіе евреи сочув-

ствовали завоеванію Египта. Кабалистъ *Соломонъ дель-Медрасъ* взялся разузнать при помощи многозначительныхъ сновидѣній, будетъ ли успѣшенъ походъ Селима на Египетъ и въ какомъ году онъ завоюетъ его. И то, и другое было, говорятъ, ему открыто во снѣ при помощи библейскихъ стиховъ [1]). Въ теченіе лѣта того же года Селимъ работалъ надъ созданіемъ новаго порядка въ Египтѣ, приведеніемъ послѣдняго въ полнѣйшую зависимость отъ Турціи и превращеніемъ его, вообще, въ провинцію, управляемую преданнымъ нашей въ роли вице-короля. Селимъ назначилъ арендаторомъ монетнаго двора для новой турецкой чеканки еврея испанскаго происхожденія, *Авраама де-Кастро*, который, благодаря своимъ богатствамъ и вліянію, пріобрѣлъ важное значеніе въ кругу турецкаго чиновничества и въ египетскомъ еврействѣ. Де-Кастро былъ большимъ благотворителемъ, жертвовалъ ежегодно 3000 золотыхъ для милостыни и вообще живо интересовался дѣлами своихъ единовѣрцевъ [2]).

Старая организація египетскаго еврейства была, повидимому, измѣнена Селимомъ I или вице-султаномъ *Хейбегомъ*. До того времени въ теченіе всѣхъ вѣковъ во главѣ всѣхъ общинъ стоялъ верховный равинъ и высшій судья, имѣвшій нѣчто вродѣ княжеской власти, похожей на ту, которой нѣкогда пользовались вавилонскіе или багдадскіе экзилархи. Верховный равинъ или князь (нагидъ) назначалъ общинамъ равиновъ, разрѣшалъ споры между евреями самъ одинъ въ качествѣ высшей инстанціи, имѣлъ право утверждать или отвергать каждое новое предложеніе или мѣру, могъ самъ присуждать къ извѣстнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ за проступки и преступленія, совершенныя единовѣрцами, и получалъ за эти обязанности большіе доходы. Эта организація была уничтожена со времени господства турковъ въ Египтѣ. Каждая община получала впредь самостоятельность, могла сама выбирать себѣ равина и устраивать свои дѣла безъ опеки. Послѣдній еврейско-египетскій князь или верховный равинъ, *Исаакъ Шалалъ* (стр. 15), былъ лишенъ своего сана и отправился со своими богатствами въ *Іерусалимъ*, гдѣ сталъ благодѣтелемъ возроставшей тамъ общины. Каирскій равинатъ получилъ послѣ этого испанскій выходецъ, Давидъ ибнъ-аби-Зимра, выбранный на эту должность за свой честный характеръ, свою ученость, склонность къ благотворенію и, должно быть, также или еще больше за свое богатство. Передавали, что онъ въ своемъ домѣ нашелъ кладъ, который онъ расходовалъ на поддержку бѣдныхъ, изучающихъ Талмудъ, въ Египтѣ, Іеру-

[1]) Meorat Olam стр. 2.

[2]) Т. же стр. 17: והוא (שולטאן שולימאן) בנה את חומות טבריה על יד הנגיד ר׳ אברהם די קאשטרו אשר היה במצרים מושל על בית המטבע.

салимѣ, Хевронѣ и Сафетѣ[1]). Популярность Давида Зимри такъ сильно увеличилась, что онъ уладилъ длившійся долгіе годы споръ между двумя группами въ общинѣ, между могребами (африканцами) и мостарабами, и могъ отмѣнить очень старый обычай, который, какъ омертвѣлая часть тѣла, въ силу преувеличенной страсти къ сохраненію тянулся изъ вѣка въ вѣкъ. Вавилонскіе евреи за слишкомъ 18 вѣковъ приняли *сирійское* или *селевкидское лѣтосчисленіе* (Minjan Iawanim, Minjan Schetarot) въ память побѣды сирійскаго царя, Селевка, надъ остальными полководцами Александра Великаго. Сирійскаго царства и селевкидовъ давно уже не было, Сирія поочередно становилась добычей римлянъ, византійцевъ, магометанъ, монголовъ и турковъ; тѣмъ не менѣе вавилонскіе, а за ними и египетскіе евреи сохранили то же лѣтосчисленіе и пользовались имъ не только для историческихъ воспоминаній и свѣтскихъ бумагъ, но и для религіозныхъ цѣлей, при выдачѣ разводовъ и другихъ подобныхъ документовъ. Въ то время, какъ палестинскіе и европейскіе евреи вели лѣтосчисленіе отъ *разрушенія храма* и *сотворенія міра* (Aera mundi), вавилонскіе и египетскіе евреи такъ твердо держались селевкидской эры, что каждый документъ о разводѣ, который не былъ помѣченъ согласно этой эрѣ, считался недѣйствительнымъ. Ибнъ-ави-Зимра отмѣнилъ для Египта это устарѣвшее лѣтосчисленіе и ввелъ вмѣсто него общепринятое: отъ сотворенія міра; его нововведеніе не встрѣтило никакого возраженія. Перевѣсъ переселившихся сефардскихъ евреевъ надъ большинствомъ коренныхъ общины (мостарабовъ) былъ такъ великъ и силенъ, что тѣ могли осмѣлиться и провести, вопреки протесту послѣднихъ, отмѣну стараго, красиваго, введеннаго самимъ Маймонидомъ, обычая. Дѣло въ томъ, что мостарабскіе евреи въ теченіе болѣе, чѣмъ трехъ вѣковъ, привыкли выслушивать въ синагогахъ главную молитву, громко произносившуюся канторомъ, не принимая сами въ ней участія. Но этотъ обычай казался благочестивцамъ съ Пиренейскаго полуострова противу-талмудическимъ, если не совсѣмъ ересью, и они ревностно стремились вытѣснить его, хотя творцомъ его былъ всѣми чтимый Маймонидъ[2]). Ужасныя страданія вызвали у сефардскихъ евреевъ суровое настроеніе и сдѣлали ихъ слишкомъ склонными къ введенію въ области религіи крайней строгости и къ рабскому слѣдованію буквѣ. Раввинъ Давидъ ибнъ-ави-Зимра былъ ихъ глашатаемъ.

Во время его раввинства надъ каирской общиною висѣла тяжелая опасность. Четвертый вице-король Египта, паша *Ахметъ Шайтанъ*

[1]) Конфорте Kore ha-Dorot стр. 36.

[2]) Респонсы Давида ибнъ-ави-Зимра изд. Ливорно № 94.

(Сатанъ), награжденный этимъ высокимъ саномъ за свои геройства при завоеваніи Родоса, замыслилъ снова оторвать Египетъ отъ Турціи, а себя объявить независимымъ властителемъ послѣдняго. Когда ему удались первые шаги къ выполненію своего плана, онъ предъявилъ къ еврейскому арендатору монетнаго двора, *Аврааму де-Кастро*, требованіе снабдить чеканящіяся монеты его именемъ. Послѣдній для виду согласился на это и велѣлъ дать себѣ письменный на то приказъ Ахмета. Заручившись этимъ, онъ постарался тайно уѣхать изъ Египта и поспѣшилъ въ Константинополь ко двору Сулеймана II, чтобы извѣстить объ измѣнническомъ отпаденіи паши. Вслѣдствіе этого Ахметъ почувствовалъ необходимость пріостановить выполненіе своего плана. Свой гнѣвъ по поводу побѣга де-Кастро онъ излилъ поэтому на евреевъ, бросилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, вѣроятно родственниковъ и друзей де-Кастро, въ тюрьму и разрѣшилъ мамелюкамъ разграбить еврейскій кварталъ въ Каирѣ. Послѣ замѣчанія одного совѣтника, что имущество евреевъ по праву вообще принадлежитъ ему, повелителю, Ахметъ Шайтанъ остановилъ грабежъ, чтобы не уменьшить свою собственную казну. Затѣмъ онъ призвалъ къ себѣ во дворецъ двѣнадцать видныхъ евреевъ и приказалъ имъ въ теченіе короткаго времени доставить ему недостижимо громадную сумму денегъ, угрожая на случай, если они не удовлетворятъ его требованія, безжалостной смертью ихъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Для большей увѣренности онъ задержалъ въ качествѣ заложниковъ приглашенныхъ представителей, вѣроятно равиновъ, Давида-ибнъ-ави-Зимра и другихъ. На мольбы общины о снисхожденіи и отсрочкѣ тиранъ отвѣчалъ еще болѣе страшными угрозами. Въ этомъ безнадежномъ положеніи евреи столицы обратились съ пламенной молитвой къ Богу. Старый Самуилъ Сидило собралъ въ своей синагогѣ на молитву несовершеннолѣтнихъ дѣтей моложе двѣнадцати лѣтъ, которые также были обречены на смерть, и это ужасное моленіе невинныхъ произвело такое глубокое впечатлѣніе на умы, что эта сцена не изгладилась болѣе изъ памяти. Между тѣмъ сборщики собрали значительную сумму денегъ и предложили ее пока въ счетъ требуемой суммы. Но такъ какъ собранная сумма едва соотвѣтствовала десятой долѣ требуемой Ахметомъ Шайтаномъ, то его секретарь велѣлъ заковать въ цѣпи и сборщиковъ и угрожалъ имъ, какъ и всѣмъ членамъ общины отъ мала до велика, вѣрной смертью еще въ тотъ же день, какъ только его господинъ выйдетъ изъ бани. Въ тотъ же моментъ, когда секретарь произнесъ эту угрозу, на пашу въ банѣ напалъ, сумѣвшій его обмануть, одинъ изъ его визирей, Магометъ-бей, вмѣстѣ съ нѣсколькими заговорщиками и тяжело ранили его. Хотя ему удалось убѣжать въ свой укрѣпленный замокъ, но собравшееся населеніе Каира стало штурмовать по-

слѣдній, такъ какъ Магометъ-бей предоставилъ ему разграбленіе послѣдняго. Ахметъ-Шайтанъ убѣжалъ изъ замка; но былъ выданъ, схваченъ, закованъ въ цѣпи и затѣмъ обезглавленъ. Послѣ этого Магометъ-бей освободилъ закованныхъ въ цѣпи еврейскихъ представителей изъ тюрьмы, а всѣхъ каирскихъ евреевъ отъ смертельной опасности. День спасенія (27-е или 28-е адара 1524 г. [1]) въ теченіе многихъ лѣтъ праздновался египетскими евреями въ качествѣ поминальнаго дня (Каирскій Пуримъ, Purin al-Missrajin.)

ГЛАВА II.

Обзоръ.

(продолженіе).

Возвышеніе и улучшеніе нравовъ Іерусалима. Овадія ди Бертиноро и Исаакъ Шалалъ. Сафетъ и Іосифъ Сарагоси. Евреи въ Турціи, Сулейманъ I и Моисей Гамонъ. Община въ Константинополѣ. Илія Мизрахи; караимы. Кегаія Шалтіелъ. Общины Салоникъ и Адріанополя. Греческія общины. Илія Капсали, раввинъ и историкъ. Евреи въ Италіи и папы; Боне де Латъ. Первое гето въ Венеціи. Самуилъ Абрабанелъ и Бенвенида Абрабанела. Авраамъ Фарисолъ и его сношенія съ дворомъ Ферары. Нѣмецкіе евреи и ихъ мученія. Яковъ Лоансъ и Іосифъ Іоселинъ изъ Росгейма. Изгнаніе евреевъ изъ Штиріи, Каринтіи, Крайны, Нюрнберга и другихъ городовъ. Евреи Богеміи. Яковъ Полякъ и его школа. Евреи въ Польшѣ и нѣмецкіе переселенцы.

(1496—1505).

Благодаря переселенію испанцевъ и португальцевъ, еврейскія общины *Іерусалима* и многихъ палестинскихъ городовъ сильно увеличились и пріобрѣли высокое значеніе; и здѣсь они въ теченіе короткаго времени стали вожаками и руководителями. Въ промежутокъ времени въ 7 лѣтъ (1488—1495) число евреевъ въ св. городѣ повысилось съ 70 до двухсотъ семействъ, а въ періодъ въ два десятилѣтія (1495 до 1521) возросло съ двухсотъ до тысячи пятисотъ семействъ. Благодаря притоку новыхъ жителей, благосостояніе еврейскаго населенія Іерусалима необыкновенно поднялось. Прежде почти всѣ члены общины были почти нищими; позднѣе же тридцатью годами получавшихъ милостыню было уже только двѣсти человѣкъ. Но, что еще выше нужно цѣнить, благодаря иммигрантамъ, значительно улучшились и нравы. Іерусалимъ пересталъ быть тѣмъ разбойничьимъ гнѣздомъ, который нашелъ Овадія ди-Берти-

[1]) Meorat Olam (стр. 19), Конфорте (Kore стр. 32) и Іосифъ ибнъ-Верга въ Schebet Jehuda стр. 111.

норо. Членовъ общинъ ужъ не мучило болѣе насильничающее, алчное, измѣнническое правленіе и не доводило ихъ до отчаянія или выселенія; согласіе, уживчивость, чувство справедливости и спокойствіе вернулись въ ихъ среду. Тамъ, правда, господствовало преувеличенное внѣшнее благочестіе; но оно не находилось ужъ болѣе въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ возмутительно безнравственнымъ образомъ жизни. Сильно, очень сильно способствовалъ этому улучшенію нравовъ и образа мыслей въ Іерусалимѣ кроткій и любезный итальянскій проповѣдникъ, *Овадія ди-Бертиноро*, который въ теченіе болѣе, чѣмъ двухъ десятилѣтій, словомъ и дѣломъ училъ растущую общину внутренней религіозности, благородному образу мыслей и отвыканію отъ варварскихъ наклонностей. Когда онъ прибылъ въ Іерусалимъ, онъ написалъ своимъ родственникамъ: „Если-бъ въ этой странѣ былъ одинъ разсудительный еврей, который умѣлъ бы справедливо и кротко руководить большимъ обществомъ, то ему охотно подчинились бы не только евреи, но и магометане, такъ какъ послѣдніе совсѣмъ не настроены враждебно къ евреямъ и, наоборотъ, скорѣе полны уваженія къ чужимъ. Однако въ этой странѣ нѣтъ ни одного благоразумнаго и общительнаго еврея, но всѣ они грубы, алчны и ненавидятъ другъ друга“[1]). Тогда Ди-Бертиноро не предчувствовалъ, что на него самого выпадетъ эта красивая роль, смягчить грубость, улучшить нравственность, облагородить низость. Своимъ нѣжнымъ, привлекавшимъ сердца характеромъ онъ обезоруживалъ злобу и залѣчивалъ тѣ раны, которыя въ іерусалимской общинѣ онъ нашелъ, оплакивалъ и безпощадно раскрылъ. Овадія ди Бертиноро былъ настоящимъ благословеніемъ для святого города; онъ удалилъ съ него грязь и надѣлъ на него чистое праздничное платье. „Если-бъ я хотѣлъ его хвалить“, такъ пишетъ о немъ итальянскій паломникъ, бывшій въ Іерусалимѣ, „то я никогда не могъ бы кончить. Онъ самый уважаемый человѣкъ въ странѣ, по его приказу все дѣлается, и никто не осмѣливается противорѣчить его словамъ. Отовсюду его ищутъ и спрашиваютъ его совѣта; его уважаютъ также въ Египтѣ и Вавилоніи, и даже магометане оказываютъ ему почетъ. При этомъ онъ скроменъ и кротокъ, его слова мягки, и онъ доступенъ каждому. Всѣ превозносятъ его и говорятъ, что онъ совсѣмъ не похожъ на смертнаго. Когда онъ читаетъ проповѣдь, каждое ухо прислушивается къ его слову и при этомъ не слышно даже шороха, такъ тихи и благоговѣйны его слушатели“. Заброшенные туда изгнанники съ Пиренейскаго полуострова поддерживали его въ его благородномъ дѣлѣ; между ними былъ испанскій врачъ, *Давидъ ибнъ-Шошанъ*, ученый и благороднаго образа мыслей чело-

[1]) Его посланіе стр. 213.

вѣкъ, пользовавшійся послѣ своего переселенія большимъ уваженіемъ іерусалимской общины.

Вѣроятно при посредствѣ Овадіи ди-Бертиноро и его единомышленниковъ появились тѣ прекрасныя постановленія, которыя община сама признала для себя ненарушимыми законами и для памяти вырѣзала на доскѣ въ синагогѣ; они были направлены противъ раньше вкравшихся злоупотребленій. Къ числу такихъ предписаній принадлежали слѣдующія: въ спорныхъ вопросахъ между евреями лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ разрѣшалось обращаться къ магометанскимъ властямъ; еврейскому судьѣ или раввину не запрещалось принуждать состоятельныхъ членовъ давать ссуды для общинныхъ потребностей; изучающіе Талмудъ и вдовы должны были освобождаться отъ общинныхъ налоговъ; евреямъ запрещалось покупать фальшивыя монеты; если же случайно попадутся такія, то не сбывать ихъ; жертвователю дара по обѣту для синагогъ въ Іерусалимѣ послѣ состоявшейся передачи не должно было принадлежать болѣе никакого права распоряженія своимъ даромъ; наконецъ, паломникамъ ко гробу пророка Самуила запрещалось пить вино. Дѣло въ томъ, что въ этотъ день мужчины и женщины обыкновенно вмѣстѣ шли туда, и послѣднія безъ покрывалъ, такъ что происходили неприличія, когда винные пары затуманивали сознаніе. Святой городъ получилъ еще большее значеніе, благодаря переселенію туда Исаака Шалала (стр. 6) со своими богатствами, своимъ опытомъ и популярностью.

Помимо Іерусалима большое еврейское населеніе пріобрѣлъ относительно самый молодой городъ Палестины, *Сафетъ* въ Галилеѣ. Его населеніе и значеніе постепенно такъ сильно возрастали, что онъ не только могъ конкурировать съ главнымъ городомъ, но также превзойти его. Въ концѣ XV и въ началѣ слѣдующаго столѣтія въ немъ жило, правда, лишь немного больше трехсотъ еврейскихъ семействъ, коренныхъ (*морисковъ*), берберскихъ и сефардскихъ. Въ началѣ онъ также еще совсѣмъ не имѣлъ выдающагося туземнаго знатока Талмуда, которому выпало бы руководительство. Свое значеніе и свое обширное вліяніе онъ получилъ лишь послѣ переселенія одного испанскаго бѣглеца, давшаго ея общинѣ устойчивость и направленіе. *Іосифъ Сарагоси* былъ для Сафета приблизительно тѣмъ же, что Овадія ди Бертиноро сталъ для Іерусалима. Прогнанный изъ Испаніи (Сарагосы), онъ, чрезъ Сицилію, Бейрутъ и Сидонъ, гдѣ онъ провелъ болѣе долгое время, прибылъ, наконецъ, въ Сафетъ и тамъ нашелъ отдохновеніе. Іосифъ Сарагоси также представлялъ собою кроткую, привлекавшую сердца личность и считалъ задачей своей жизни проповѣдь миролюбія и возстановленіе нарушеннаго согласія въ жизни семьи и общины. Даже на магометанъ онъ дѣйствовалъ

въ этомъ смыслѣ примиряюще и успокаивающе, и они любили и уважали его за это какъ ангела мира. Когда онъ какъ-то разъ захотѣлъ оставить Сафетъ, община прямо уцѣпилась за него и назначила ему, чтобы удержать его, ежегодное содержаніе въ 50 дукатовъ, для чего магометанскій начальникъ города внесъ изъ своей кассы двѣ трети этой суммы[1]). Іосифъ Сарагоси перенесъ въ Сафетъ изученіе Талмуда, но также и кабалу. Благодаря ему, молодая община Сафета стала кабалистическимъ гнѣздомъ.

Въ полупалестинскомъ главномъ городѣ Сиріи, *Дамаскѣ*, помимо древней мостарабской еврейской общины, благодаря приросту бѣглецовъ, также образовалась сефардская община, насчитывавшая въ это время 500 еврейскихъ семействъ. Вскорѣ послѣ своего прибытія испанскіе евреи построили роскошную синагогу въ Дамаскѣ, названную *Катаибомъ* скоро число ихъ такъ сильно увеличилось, что они разбились на нѣсколько группъ по землячествамъ своей родины.

Главный потокъ еврейско-испанскихъ изгнанниковъ направился въ европейскую Турцію[2]); большая часть остатка отъ трехсотъ тысячъ высланныхъ нашла убѣжище въ странѣ, жители которой не выставляли любви къ ближнему на своемъ знамени. Султаны Баязетъ, Селимъ I и Сулейманъ II поочередно не только терпѣли переселившихся евреевъ, но приняли ихъ также съ необыкновенной предупредительностью и предоставили имъ ту же свободу, которой пользовались тамъ другія народности, армяне и греки. Поэтъ Соломонъ Уске съ воодушевленіемъ рисовалъ свободное положеніе, которое заняли тамъ его единовѣрцы. „Великая Турція—это широкое, громадное море, которое Господь открылъ жезломъ своего милосердія (какъ при исходѣ изъ Египта), чтобы потокъ твоего (Іаковъ) настоящаго злосчастія исчезъ въ немъ, какъ нѣкогда толпа египтянъ. Тамъ всегда для тебя открыты врата свободы и равенства для безпрепятственнаго слѣдованія завѣтамъ іудаизма; они никогда не закрываются для тебя. Тамъ ты можешь обновить свое внутреннее содержаніе, измѣнить свое положеніе, очистить свои обычаи, оставить ложныя и ошибочныя ученія, снова воспринять свою древнюю истину, бросить противныя божественной волѣ привычки, которыя ты вынужденъ былъ перенять подъ вліяніемъ насилія народовъ, среди которыхъ ты странствовалъ, какъ пилигримъ. Въ этомъ государствѣ ты получаешь отъ Господа высокую милость, такъ какъ Онъ даетъ тебѣ въ немъ широкую свободу начать свое позднее раскаяніе[3]).“

---

[1]) שבחי ירושלם стр. 21, Resp. Якова Берава № 33.

[2]) Соломонъ Мелехъ, авт. коментарія къ Библіи מכלל יופי, современникъ, замѣчаетъ въ предисловіи: במלכות הזה ,מלכות תוגרמה אשר באו בה רוב הקהלות ספרד.

[3]) Самуилъ Уске Consolacao, стр. 233.

Переселявшіеся евреи въ первое время имѣли въ Турціи необыкновенно счастливые дни, такъ какъ они пришлись относительно молодому государству очень кстати. Турки были хорошими воинами, но плохими гражданами. Грекамъ, армянамъ и христіанамъ другихъ исповѣданій султаны, при своихъ часто натянутыхъ отношеніяхъ къ христіанскимъ государствамъ, мало могли довѣрять; христіане казались имъ рожденными шпіонами и измѣнниками. Наоборотъ, на вѣрность, надежность и пригодность евреевъ они могли вполнѣ разсчитывать. Поэтому послѣдніе стали съ одной стороны завѣдывать торговыми дѣлами, съ другой образовали въ Турціи классъ мѣщанъ. Въ ихъ рукахъ были не только крупная и мелкая торговля на водѣ и сушѣ, но и ремесла и искусства. Они, именно убѣжавшіе изъ Испаніи и Португаліи, изготовляли для воинственныхъ турковъ новые доспѣхи и огнестрѣльныя оружія, отливали пушки, фабриковали порохъ и учили турковъ искусству обращенія съ ними[1]). Такъ христіанскіе народы извѣстнымъ образомъ сами доставили своимъ главнымъ врагамъ, туркамъ, оружіе, благодаря чему послѣдніе получили возможность подготовить имъ пораженіе за пораженіемъ и униженье за униженіемъ. Особенной любовью пользовались въ Турціи еврейскіе врачи, искусные ученики Саламанкской школы; за ихъ находчивость, обширныя знанія, умъ и умѣніе соблюдать тайну ихъ предпочитали христіанскимъ и даже магометанскимъ врачамъ. Эти еврейскіе врачи, въ большинствѣ испанскаго происхожденія, пріобрѣли большое вліяніе при дворѣ султановъ и у визирей и пашей[2]).

Лейбъ-медикомъ султана Селима I былъ выходецъ изъ Испаніи, вѣроятно изъ Гранады, *Іосифъ Гамонъ*[3]), сынъ и внукъ котораго одинъ за другимъ занимали то же положеніе. Его сынъ, *Моисей Гамонъ* (род. 1490, ум. до 1565), лейбъ-медикъ мудраго султана, Сулеймана, благодаря своей опытности и мужественному, твердому характеру, пользовался еще большей популярностью и вліяніемъ. Онъ сопровождалъ обыкновенно султана въ его походахъ; изъ Персіи, куда онъ слѣдовалъ за Сулейманомъ въ его побѣдномъ походѣ, Моисей Гамонъ привезъ (1535 г.) ученаго *Якова Туса* или *Тавса*, переведшаго на персидскій языкъ Пятикнижіе. Позже Гамонъ на свой счетъ велѣлъ отпечатать этотъ переводъ вмѣстѣ съ халдейскимъ и арабскимъ. Моисей Гамонъ считался защитникомъ своихъ единоплеменниковъ и покровителемъ іудаизма.

---

[1]) Николай де Николаи (1554 г.) IV гл. 16. Emek ha-Bacha Іосифа Когена стр. 148.

[2]) Николай де Николаи III гл. 12.

[3]) Гедалія ибнъ-Яхія, Schalschelet стр. 50; Эмануилъ Абоавъ, Nomologia стр. 306.

Въ Турціи евреевъ искали и ими пользовались также, какъ знатоками языковъ и переводчиками, потому что, вслѣдствіе своихъ блужданій чрезъ страны столь многихъ народовъ и языковъ, они должны были научиться языкамъ своихъ притѣснителей и благодаря этому пріобрѣли способность говорить на разныхъ языкахъ.

Въ столицѣ, *Константинополѣ*, была очень многочисленная еврейская община, которая ежедневно возрастала благодаря новымъ бѣглецамъ изъ Пиренейскаго полуострова и стала наибольшей въ Европѣ, насчитывая, должно быть, тридцать тысячъ душъ. Въ ней было сорокъ четыре синагоги, т. е. столько же общинныхъ группъ. Дѣло въ томъ, что евреи въ турецкой столицѣ и въ остальныхъ городахъ не представляли собой замкнутой единой организаціи, а распадались, смотря по странѣ или мѣсту своей родины, на различныя группы и подгруппы, изъ которыхъ каждая хотѣла удержать свою особенность, сохранить свои воспоминанія, соблюдать свой порядокъ богослуженія и свои обычаи и даже имѣть свою собственную синагогу и собственный раввинатъ. Вся община дѣлилась, поэтому, на одни только землячества, которыя обособлялись другъ отъ друга и не хотѣли слиться въ одно большое цѣлое. Такимъ образомъ существовали не только *кастильскія, арагонскія и португальскія* общины, но еще болѣе узкіе союзы, *кордовскіе, толедскіе, барселонскіе, лисабонскіе кагалы* (группы), помимо *нѣмецкихъ, апульскихъ, месинскихъ, зейтунскихъ* или *греческихъ*. Каждая маленькая община самостоятельно раскладывала среди своихъ сочленовъ налоги не только для нуждъ своего культа, своихъ общинныхъ служащихъ, призрѣнія нищихъ, больницъ и школъ, но и для своихъ повинностей по отношенію къ государству. Государственные налоги, которые приходилось евреямъ платить, вначалѣ были незначительны, *подушная подать* съ каждаго плательщика податей (charag) и нѣчто вродѣ *раввинскаго налога*, который община дѣлила на три нормы въ 200, 100 и 20 асперновъ (4,2 и $^2/_5$ дуката) для трехъ различныхъ по состоятельности классовъ[1]). Свободной отъ налоговъ была только семья врача Гамона. И въ европейской Турціи сефардскіе евреи вскорѣ стали руководителями еврейскихъ общинъ, которыя и приняли обычаи первыхъ[2]).

Въ первое время туземные евреи, представляя большинство, имѣли во всякомъ случаѣ перевѣсъ надъ переселившимися. Должность верховнаго

---

[1]) Resp. Иліи Мизрахи № 89: אני טרוד בעת מרוב טרדות הקהלות. שנפלו עלי מחמת שהשליכו עלינו מן המלכות לקחת אלף לבנים מכל כי שפורע מס ר׳ לבנים, ות״ק לבנים מכל מי שפורע מס ק׳ לבנים, ומ׳ לבנים מכל מי שפורע כ׳ לבנים ועולה חשבונו על היהודים לבדם קרוב ז׳ אלפים פרחים.

[2]) Resp. Самуила ди Медина I № 53.

равина, послѣ смерти заслуженнаго, но не оцѣненнаго Моисея Капсали (т. IX), занялъ потомокъ переселившейся, вѣроятно, изъ Греціи семьи, *Илія Мизрахи,* засѣдавшій, подобно своему предшественнику, въ диванѣ при султанахъ Баязетѣ, Селимѣ I и, можетъ быть, также Сулейманѣ и являвшійся офиціальнымъ религіознымъ представителемъ всего турецкаго еврейства. Этотъ высокій постъ онъ получилъ также за свою равинскую и иную ученость и свой прямой, безпартійно-справедливый характеръ. Илія Мизрахи (род. 1455, ум. между 1525 и 1527 г. г.) былъ воспитанникомъ нѣмецкой школы и, какъ ученикъ равина Іуды Менца изъ Падуи, былъ глубокимъ знатокомъ Талмуда и строго-набожнымъ человѣкомъ; но изъ-за этого онъ все-таки не былъ противникомъ науки. Онъ зналъ и преподавалъ математику и астрономію, читалъ публичные рефераты о нихъ, какъ и о Талмудѣ, и составилъ руководства по этимъ дисциплинамъ[1]), бывшія настолько популярны, что были переведены на латинскій языкъ. Въ юности онъ былъ горячей головой и велъ споръ съ караимами въ Турціи. На старости Илія Мизрахи сталъ, наоборотъ, болѣе снисходителенъ къ нимъ и высказалъ свое вліятельное слово, чтобъ отвратить отъ нихъ несправедливость завзято-набожныхъ. Нѣкоторые мракобѣсы, именно изъ апульской общины въ Константинополѣ, хотѣли насильственно нарушить дружеско-сосѣдскія сношенія, существовавшія въ теченіе слишкомъ полустолѣтія между равинистами и караимами. Они собрали членовъ своей общины и со свиткомъ Торы въ рукахъ прокляли тѣхъ, кто впредь будетъ обучать караимовъ, какъ взрослыхъ, такъ и несовершеннолѣтнихъ, Библіи и Талмуду или учить ихъ даже лишь свѣтскимъ предметамъ, математикѣ, естествознанію, логикѣ или музыкѣ; они прокляли даже тѣхъ, которые будутъ обучать ихъ только азбукѣ. Слуги-равинисты не должны были болѣе поступать на службу въ караимскія семьи. Эти завзято-набожные имѣли въ виду провести глухую стѣну между вѣрующими въ Талмудъ и вѣрующими въ Библію. Небольшая часть константинопольской общины была очень недовольна этой нетерпимой мѣрой. Учителя-равинисты, жившіе до того времени доходами съ уроковъ у караимовъ и имѣвшіе въ своихъ школахъ одновременно и равинистскихъ, и караимскихъ воспитанниковъ, жаловались на уменьшеніе и лишеніе заработка. Вслѣдствіе этого толерантные равинисты Константинополя также собрались, чтобъ уничтожить несправедливое проклятіе, объявленное мракобѣсами. Но послѣдніе такъ нагло и такъ насильственно повели себя, приведши въ синагогу, гдѣ должно было произойти совѣщаніе, толпу всякаго сброда, снабженную дубинами, что собравшіеся не могли даже слова произнести. Такъ упорное меньшинство, вопреки протесту и добрымъ намѣреніямъ

[1]) Сравни его Reвр. № 58.

большинства, провело въ торжественной формѣ постановленіе о проклятіи. Тогда противъ этого, столь же необоснованнаго и беззаконнаго, какъ и насильственнаго, поступка рѣшительно выступилъ равинъ Илія Мизрахи и въ ученомъ разсужденіи развилъ, какъ несправедливо и даже противно Талмуду отталкиваніе караимовъ. Онъ ссылался при этомъ на авторитетное мнѣніе гаона Гая и Маймонида, что равинисты не только вправѣ, но даже обязаны относиться къ караимамъ какъ къ евреямъ. Онъ указывалъ мракобѣсамъ, что они своей нетерпимой строгостью приведутъ къ упадку образованія юношества, такъ какъ до сихъ поръ соперничество и желаніе превзойти караимскихъ сотоварищей служило поощреніемъ равинскихъ учениковъ къ занятіямъ. Къ концу Илія Мизрахи обращалъ вниманіе еще на то обстоятельство, что проклятіе противъ преподаванія караимамъ не достигнетъ цѣли, такъ какъ позже прибывшіе въ Константинополь испанскіе и португальскіе равинисты и тѣ, которые еще въ будущемъ переселятся, не будутъ связаны этимъ, не должны будутъ обращать на это вниманіе и такимъ образомъ сумѣютъ, какъ и прежде, встрѣчаться съ караимами[1]).

Турецкіе евреи имѣли въ это время также нѣчто вродѣ политическаго представителя, повѣреннаго (Каһуа[2]) или камергера, имѣвшаго доступъ къ султану и высшимъ сановникамъ и пожалованнаго на свою должность дворомъ. Въ правленіе Сулеймана носителемъ этого сана былъ *Шалтіелъ*, неизвѣстный въ иныхъ отношеніяхъ, но рисуемый благороднымъ человѣкомъ. При всякой оказанной евреями въ Турціи несправедливости и каждомъ насильственномъ дѣйствіи, въ которыхъ, при высокомѣрномъ отношеніи турецкаго населенія къ иновѣрцамъ, евреямъ и христіанамъ, при произволѣ провинціальныхъ пашей и фанатизмѣ христіанскихъ грековъ и болгаръ, никогда не было недостатка, кагія Шалтіелъ вступался за своихъ единовѣрцевъ и за деньги добивался при дворѣ прекращенія обидъ. Онъ, должно быть, какъ-то провинился передъ евреями вмѣшавшись пристрастно въ ихъ дѣла или какъ-нибудь иначе, потому что всѣ константинопольскія общины (кагалы) торжественно приняли рѣшеніе подъ угрозой отлученія отъ синагоги смѣстить его съ должности. Но Шалтіелъ не только согласился на это смѣщеніе, но еще къ тому же обязался за себя и своихъ дѣтей не принимать безъ согласія общинъ сана *кагіялика* даже въ томъ случаѣ, когда султанъ принудитъ его къ этому (октябрь 1508), что во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о его благородномъ образѣ мыслей. Однако спустя нѣкоторое время евреи турец-

[1]) Resp. № 67.

[2]) Т. же № 14 и 15: ר' שאלתיאל שהיה קהייא עד היום . . . שיש לר' שאלתיאל כח לעמוד בהיכל המלך לבטל גזירת השר שגזר על היהודים עם כת השרים רואי פני המלך שהוא כבן בית עמהם׳

кой столицы сами поняли, какъ необходимъ имъ такой энергичный представитель, что польза, приносимая имъ его заступничествомъ, значительно превышаетъ вредъ, который могли бы нанести имъ могущія случиться проявленія произвола съ его стороны. Кромѣ того султанъ настаивалъ на томъ, чтобъ Шалтіелъ, котораго, должно быть, любили при дворѣ, снова занялъ свою должность. Тогда представители и равины всѣхъ константинопольскихъ общинъ еще разъ собрались и постановили отмѣнить отлученіе Шалтіела и опять признать его своимъ политическимъ повѣреннымъ (май 1520). Но они поставили ему нѣкоторыя условія, которымъ онъ подчинился; согласно послѣднимъ важныя касающіяся евреевъ дѣла онъ не долженъ былъ представлять на усмотрѣніе султана или визирей безъ согласія общинныхъ представителей и вообще долженъ былъ пользоваться своимъ положеніемъ исключительно только для блага еврейства. Нѣкоторые злобные фанатики, „не учившіеся ничему порядочному, желавшіе, чтобъ невѣжественная толпа считала ихъ святыми, лисята, которые портятъ виноградникъ Господа, готовые посѣять лишь раздоръ“ (какъ ихъ рисуютъ), запротестовали противъ отмѣны отлученія и перваго постановленія. Вслѣдствіе этого равины различныхъ общинныхъ группъ должны были высказаться въ пользу Шалтіела и его вовстановленія въ должности. Помимо Иліи Мизрахи, за него высказались *Яковъ Тамъ ибнъ-Яхія*, *Аврамъ ибнъ-Яишъ*, *Іуда бенъ-Булатъ* и другіе, какъ испанскіе, такъ и нѣмецкіе представители равината.

Второй по величинѣ еврейской общиной Турціи были *Салоники* (древняя Өесалоника), нездоровый городъ, привлекавшій однако сефардскихъ переселенцевъ. Главный потокъ послѣднихъ направился въ эту приморскую мѣстность потому, что этотъ нѣкогда греческій городъ представлялъ больше возможности мирныхъ занятій, чѣмъ шумная турецкая столица. Скоро здѣсь возникло по крайней мѣрѣ десять общинъ, и большинство изъ нихъ было сефардскаго происхожденія. Позже число ихъ возросло до тридцати шести. Салоники стали настоящимъ еврейскимъ городомъ, въ которомъ жило больше евреевъ, чѣмъ не-евреевъ[1]). Поэтъ Самуилъ Уске гиперболически назвалъ этотъ городъ „матерью іудаизма, твердо стоящей на почвѣ закона, полной великолѣпныхъ растеній и плодоносныхъ деревьевъ, какихъ въ настоящее время нельзя ужъ болѣе встрѣтить на всемъ земномъ шарѣ. Роскошны ея плоды, такъ какъ ихъ орошаетъ изобиліе щедрости. Въ ней собралась большая часть преслѣдуемыхъ и изгнанныхъ сыновъ изъ Европы и другихъ частей свѣта, и она принимаетъ ихъ съ любовью и сердечностью, какъ будто бы она была нашей достослав-

[1]) Респонсы Самуила де Медина (רשדם перв. изд., Константинополь 1550 г., подъ именемъ פסקים) I № 88: שאלוניקי שהיא עיר שרובה ישראל.

ной матерью „Іерусалимомъ"[1]). За короткое время сефардскіе выходцы достигли здѣсь полнаго перевѣса надъ ихъ единоплеменниками другихъ языковъ и даже надъ старой общиной, такъ что испанскій языкъ сталъ господствующимъ въ Салоникахъ, и нѣмецкіе и итальянскіе евреи должны были его себѣ усвоить, если они хотѣли остаться въ общеніи съ испанскими единовѣрцами. Здѣсь поселился внукъ одного изъ послѣднихъ еврейско-испанскихъ знатоковъ финансоваго дѣла, Авраама Бенвенисти, бывшаго въ такомъ большомъ почетѣ при Жуанѣ II и *конетаблѣ Алваро де-Луна* (т. IX 113), *Іегуда Бенвенисти*, который такъ много спасъ изъ отцовскаго имущества, что обладалъ великолѣпной библіотекой. Онъ былъ тѣмъ знаменемъ, вокругъ котораго могли собираться многострадальные [2]). Представителями талмудическаго знанія были здѣсь исключительно сыны Пиренейскаго полуострова; ученое семейство *Тайтасакъ*, *Эліезеръ Шимеони* (ум. 1530[3]) и *Яковъ ибнъ-Хабивъ*—всѣ эти далеко не были спеціалистами первой величины; только послѣдній оставилъ послѣ себя литературное произведеніе и то не о строгой галахѣ, а собраніе всѣхъ агадическихъ сентенцій изъ Талмуда съ собственными и чужими разъясненіями[4]). Вопросы философіи и астрономіи нѣкоторымъ образомъ также разрабатывались въ Салоникахъ испанскими выходцами, врачами *Перахіей Когеномъ*, его сыномъ, *Даніиломъ Арономъ Афіей* (*Афіусомъ*), и *Моисеемъ Алмоснино*[5]). Но болѣе всего здѣсь изучалась кабала и опять таки именно испанскими переселенцами, *Іосифомъ Тайтасакомъ, Самуиломъ Франко* и другими[6]). Салоники въ европейской Турціи и Сафетъ въ Палестинѣ со временемъ стали главными центрами кабалы. Меньше значенія имѣла прежняя резиденція турецкихъ султановъ, *Адріанополь*, хотя и здѣсь, какъ и въ *Никополисѣ*, образовалась значительная община съ преобладаніемъ сефардскаго элемента.

И въ Малой Азіи испанскіе бѣглецы населили города *Амасію Брусу, Трію и Токатъ*. Между тѣмъ Смирна, имѣвшая тоже многочисленное еврейское населеніе, въ это время была незначительна. Зато, въ Греціи существовало нѣсколько многочисленныхъ еврейскихъ общинъ. Въ *Артѣ* или *Лартѣ*, помимо основного ядра изъ романьоловъ и корфіотовъ, осѣли также калабрійскіе, апульскіе, испанскіе и португаль-

---

1) Самуилъ Уске, Consolacao III, № 34.
2) Предисл. къ En-Jakob Хавива.
3) Предисл. коментарія Атіаса къ Псалмамъ.
4) En-Jakob или En-Jisrael, изд. впервые въ Константинополѣ въ 1516 г.
5) Frankel-Grätz, Monatsschrift, г. 1864 стр. 25.
6) Предисл. Атіаса.

скіе пришельцы. Имъ, кажется, и здѣсь жилось недурно, такъ какъ еврейская молодежь обоихъ половъ была еще расположена веселиться и танцовать, къ большой досадѣ строго набожныхъ. Когда разъ на такомъ празднествѣ произошло половое безчинство, безъ сомнѣнія большая рѣдкость при скромности еврейскихъ дѣвушекъ и женщинъ, коллегія раввиновъ и правленіе общины Арты вообще запретили танцы. Позже они пошли еще дальше и запретили помолвленнымъ приходить въ домъ своихъ невѣстъ, потому что кое-гдѣ любовь предшествовала свадьбѣ. Изъ-за этого въ общинахъ Арты возникли раздоры между апульцами, протестовавшими противъ этой строгости, и остальными, желавшими полнаго ея соблюденія[1]). Не маленькія общины были въ *Патрасѣ*, *Негропонтѣ* и *Ѳивахъ*, при чемъ Ѳивяне считались очень учеными, т.е. знатоками Талмуда[2]). Патрасская община имѣла очень ученаго раввина, *Давида Когена* изъ *Корфу*, авторитетъ котораго простирался на очень далекое пространство, съ одной стороны на Италію, а съ другой на Востокъ. Но онъ былъ слишкомъ упрямымъ и горячимъ въ своихъ утвержденіяхъ и слишкомъ пространнымъ въ своихъ раввинскихъ толкованіяхъ. Вслѣдствіе морской войны между турками и христіанской Европой, Корфу испытывалъ потрясенія, и Давидъ Когенъ часто вынужденъ былъ эмигрировать. Обычаи общины *Корфу* были приняты остальными греческими евреями. Видная община существовала въ Канеѣ на островѣ Кандіи (Критѣ), принадлежавшемъ Венеціи. Здѣсь во главѣ общины стояли два ставшихъ знаменитыми семейства, семейство *Делмедиго*, сыновья и родственники философа Иліи Делмедиго (IX т.), и семейство *Капсали*, родственники прежняго главнаго раввина Турціи. Выдавались изъ нихъ двое, *Іуда Делмедиго* (сынъ учителя Пико де Мирандола) и *Илія бенъ-Элкана Капсали*, племянникъ названнаго главнаго раввина, а также племянникъ и преемникъ философски образованнаго раввина, *Менахема Делмедиго*. Оба довершили свое образованіе подъ руководствомъ одного и того же раввина, *Іуды Менца* въ Падуѣ, и тѣмъ не менѣе оба недолюбливали другъ друга. Такъ какъ оба занимали должность раввиновъ въ Канеѣ, то между ними постоянно были тренія[3]). Если одинъ объявлялъ что-либо дозволеннымъ, то можно было быть увѣреннымъ, что другой пуститъ въ ходъ всю ученость и все остроуміе, чтобы доказать противное, и все-таки оба были достойные, съ убѣжденіями люди, оба были хорошо знакомые и съ нераввинской литературой.

---

[1]) Resp. Benjamin Seeb № 303—8; Resp. Tam Ibn-Jachia № 168.

[2]) Resp. Иліи Мизрахи № 70: תיוה (תיבץ) המפורסמת בחכמה.

[3]) Респ. Моисея Алашкари, № 70, 111. Респ. Яковъ Берабъ, № 54. Респ. Меира изъ Падуи 29.

Илія Капсали (род. 1490, ум. 1555), отецъ котораго, *Элкана*, былъ общиннымъ представителемъ (Condestable) Канеи, обладалъ также хорошими историческими познаніями. Когда разъ чума опустошала Кандію и повергла населеніе въ уныніе, онъ, чтобы отвлечь читателей отъ смертельнаго страха, составилъ (1523) исторію турецкаго государства, которую написалъ въ очень красивомъ еврейскомъ стилѣ, яснымъ и возвышеннымъ языкомъ, далекимъ отъ преувеличеній, избѣгая тарабарщины варваризмовъ. Капсали стремился разсказывать только правду. Онъ вплелъ туда исторію евреевъ и въ мрачныхъ краскахъ рисовалъ трагическую участь изгнанныхъ изъ Испаніи и Португаліи, поскольку онъ ознакомился съ нею изъ устъ бѣглецовъ[1]). Хотя при составленіи исторіи онъ имѣлъ въ виду достиженіе посторонней цѣли, развлеченіе опечаленныхъ, тѣмъ не менѣе онъ при этомъ не увлекался фантазіей, но правдиво излагалъ событія и выяснялъ связь причины и слѣдствія. Онъ придавалъ также значеніе подходящей формѣ, и его изложеніе можетъ служить образцомъ красиваго еврейскаго историческаго стиля и также служило таковымъ, находя подражателей. Капсали отказался отъ сухого разсказа событій и, какъ историкъ, далеко, далеко превосходилъ своего предшественника, Авраама Закуто. Для раввина по профессіи, который вынужденъ при экспертизахъ пользоваться испорченнымъ, смѣшаннымъ языкомъ, звучащимъ ни по еврейски, ни по халдейски, особенно замѣчательна чистота языка, и его историческій трудъ обнаруживаетъ большое искусство и талантъ.

Въ Италіи тогда кипѣло бѣжавшими евреями. Почти большинство тѣхъ, которые были высланы изъ Испаніи, Португаліи или Германіи, сначала останавливались на итальянской почвѣ, чтобъ, смотря по обстоятельствамъ, поселиться тамъ подъ защитой какого-либо толерантнаго властелина или странствовать дальше, въ Грецію, Турцію или Палестину. Удивительнѣйшимъ образомъ тогдашніе папы проявили себя болѣе дружелюбными къ евреямъ, чѣмъ остальные итальянскіе государи. Александръ VI, Юлій II, Левъ X и Климентъ VII преслѣдовали другіе интересы и предавались другимъ страстямъ, чтобы обращать свое вниманіе на мученіе евреевъ. Они и ихъ кардинальская коллегія соблюдали каноническіе законы лишь постольку, поскольку они нуждались въ нихъ для возвышенія своего могущества и для пополненія своего кошелька. Совершенно забывая рѣшеніе Базельскаго собора, согласно которому христіане не должны были пользоваться совѣтами еврейскихъ врачей, эти папы и ихъ кардиналы избирали себѣ преимущественно еврейскихъ лейбъ-медиковъ. Кажется, что при тайной войнѣ, интригахъ и отравленіяхъ, которыя со

[1]) Его историч. произведеніе דברי הימים или סדר אליהו.

времени Александра VI были распространены въ куріи, гдѣ одинъ въ другомъ подозрѣвали тайнаго врага, еврейскіе врачи потому предпочитались, что отъ нихъ нельзя было ожидать, чтобы они вмѣсто лекарства дали папѣ или кардиналу ядъ. Александръ VI имѣлъ при себѣ еврейскаго врача, *Боне де Латъ*, переселившагося изъ Прованса, который зналъ также астрономію, изготовилъ астрономическое кольцо и описаніе послѣдняго на латинскомъ языкѣ посвятилъ папѣ, расточая ему чрезмѣрныя похвалы. Позже Боне де-Латъ сталъ также очень любимымъ лейбъ-медикомъ папы Льва X и имѣлъ вліяніе на рѣшенія послѣдняго. Лейбъ-медикомъ Юлія II былъ *Симеонъ Царфати*, вообще пользовавшійся у него большимъ уваженіемъ[1]); можетъ быть, это былъ тотъ самый, который послѣ вступленія Юлія на престолъ обратился къ нему съ длиннымъ латинскимъ привѣтствіемъ. Кардиналы и другіе высшіе князья церкви слѣдовали этому свыше данному примѣру и довѣряли свое святое тѣло большей частью еврейскимъ врачамъ[2]). Такъ вообще тогда въ Италіи стали домогаться преимущественно еврейскихъ врачей. По примѣру этихъ папъ, которые почти всѣ были покровителями евреевъ, во многихъ сѣверо-итальянскихъ городахъ стали принимать еврейскихъ бѣглецовъ изъ Пиренейскаго полуострова и Германіи и даже мнимыхъ христіанъ, вернувшихся обратно въ лоно іудаизма, и давать имъ свободу сношеній[3]). Самыя значительныя еврейскія общины въ Италіи, послѣ изгнанія евреевъ въ Неаполѣ (стр. 7), образовались въ венеціанскомъ и римскомъ государствахъ путемъ прироста извнѣ Италіи: въ первомъ, какъ въ городѣ *Венеціи*, такъ и въ цвѣтущемъ городѣ *Падуѣ*, во второмъ, какъ въ *Римѣ*, такъ и въ портовомъ городѣ *Анконѣ*. Въ совѣтѣ эгоистической венеціанской республики въ отношеніи къ евреямъ господствовали два противоположныхъ взгляда. Съ одной стороны торговый городъ не хотѣлъ лишиться ожидавшихся отъ евреевъ выгодъ и вообще начинать съ ними ссору, чтобы не испортить свои отношенія съ ихъ единовѣрцами въ Турціи (левантинскими евреями); съ другой стороны венеціанскіе торговые дома завидовали успѣхамъ еврейскаго купечества. По этому въ венеціанскомъ государствѣ, смотря по тому, брало ли перевѣсъ въ высшемъ совѣтѣ синьоріи то или иное настроеніе, то угнетали евреевъ, то за ними ухаживали. Въ Венеціи раньше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ итальянскихъ городахъ, въ которыхъ жили евреи, былъ устроенъ для нихъ особый *еврейскій кварталъ*, *гетто* (мартъ 1516[4]), въ чемъ проявилось подражаніе ненависти къ нимъ въ Германіи.

[1]) David de Pomis de medico Hebraeo, стр. 10.
[2]) Т. же. [3]) Самуилъ Уске, Consolacao стр. 229.
[4]) Maskir I, стр. 17, Гедалія ибнъ-Яхія, Schalschelet въ концѣ.

Переселившіеся евреи, испанскіе или нѣмецкіе, въ среднемъ получили въ Италія перевѣсъ надъ туземными; въ раввинской учености, въ общинныхъ дѣлахъ и иныхъ отношеніяхъ всегда тѣ задавали тонъ. Значительную роль играли въ Италіи потомки Абрабанела. Глава этого семейства, Исаакъ Абрабанелъ, былъ слишкомъ надломленъ страданіями и старостью, чтобы сумѣть сильно вліять въ какомъ бы то ни было направленіи; онъ умеръ прежде, чѣмъ опредѣлились отношенія (лѣто 1509). Его старшій сынъ, *Леонъ Медиго*, также имѣлъ небольшое вліяніе въ своемъ кругу. Онъ былъ для этого слишкомъ большимъ философо-мечтателемъ и идеалистомъ, поэтической натурой, которая неохотно занимается вещами этого міра; поэтому о немъ ничего неизвѣстно съ того момента, какъ онъ потерялъ должность лейбъ-медика главнаго капитана Неаполя (стр. 8). Вліятельнымъ былъ только самый младшій изъ трехъ братьевъ, *Самуилъ Абрабанелъ* (род. 1473, ум. ок. 1550 [1]). Въ свое время онъ считался самымъ виднымъ евреемъ въ Италіи и чтился своими единоплеменниками, какъ князь. Онъ одинъ изъ своихъ братьевъ унаслѣдовалъ отъ своего отца финансовую науку и, по своемъ возвращеніи изъ талмудической школы въ Салоникахъ (стр. 8), занялся, какъ кажется, ею и примѣнялъ свои знанія въ области финансовъ при вице-королѣ Неаполя, *донъ Педро де-Толеда*. Въ Неаполѣ онъ пріобрѣлъ значительное состояніе, оцѣнивавшееся больше, чѣмъ въ 200.000 цехиновъ. Богатство онъ употребилъ на то, чтобы съ своей стороны удовлетворить ставшей наслѣдственной въ его семьѣ чертѣ, извѣстнымъ образомъ потребности, заниматься благотворительствомъ. Еврейскій поэтъ, Самуилъ Уске, набрасываетъ восторженное описаніе его характера и сердца, „Самуилъ Абрабанелъ заслуживаетъ, чтобы его называли Трисмегистомъ (т. е. трижды великимъ): онъ великъ и мудръ въ наукѣ, великъ въ благородствѣ и великъ въ богатствѣ. Онъ всегда великодушенъ со своими сокровищами, помощь для несчастныхъ своего народа. Онъ выдаетъ замужъ въ безчисленномъ количествѣ сиротъ, помогаетъ нуждающимся, старается выкупить плѣнныхъ, такъ что онъ соединяетъ въ себѣ всѣ тѣ великія свойства, которыя ведутъ къ пророчеству[2]).

Для увеличенія его счастья небо послало ему спутницу жизни, которая явилась дополненіемъ къ его высокимъ добродѣтелямъ, и имя которой, *Бенвениду Абрабанелу*, современники произносили лишь съ благоговѣйнымъ уваженіемъ. Нѣжно чувствующая, глубоко религіозная и въ то же время умная и мужественная, она представляла также образецъ просвѣщеннаго тона и благороднаго обхожденія, чему въ Италіи

[1]) Кармоли, Біографія Абрабанеловъ Ozar Nechmad II, стр. 60.

[2]) Самуилъ Уске Consolaca dialog II, № 32.

придавалось больше значенія, чѣмъ въ остальныхъ европейскихъ государствахъ. Могущественный испанскій вице-король Неаполя, донъ Педро, разрѣшилъ своей второй дочери, *Леонорѣ*, дружески встрѣчаться съ Бенвенидой, чтобы первая могла поучиться у второй. Когда эта дочь позже стала супругой Козьмы II Медичи и герцогиней тосканской, она все еще поддерживала свои дружескія отношенія съ еврейской донной и дала ей почетное имя матери[1]). Эта благородная пара, Самуилъ Абрабанелъ и Бенвенида, въ которой взаимно соединились нѣжность, свѣтскій умъ, теплая привязанность къ іудаизму и дружескія отношенія съ нееврейскими кругами, была въ одно и то же время гордостью и якоремъ спасенія для итальянскихъ евреевъ и всѣхъ тѣхъ, кому приходилось быть вблизи ея. Хотя Самуилъ Абрабанелъ не былъ такъ талмудически образованъ, какъ это рисовалъ его поэтическій почитатель, онъ все-таки былъ другомъ и покровителемъ еврейской науки. Онъ вмѣстѣ со своей молодой мужественной женой пригласилъ въ Неаполь (1518) на должность равина убѣжавшаго изъ Португаліи, *Давида ибнъ-Яхія,* такъ какъ община была слишкомъ мала, чтобъ на собственныя средства содержать такого. Въ домѣ Самуила Абрабанела образованный Ибнъ-Яхія читалъ рефераты[2]) о Талмудѣ и вѣроятно также о еврейской грамматикѣ. Такъ онъ образовалъ маленькій центръ для еврейской науки въ южной Италіи. Однако Самуилъ отвелъ мѣсто и губительной кабалѣ; это доказываетъ, что онъ не обладалъ яснымъ умомъ своего отца. Въ его домѣ кабалистъ *Борухъ изъ Беневента,* вѣроятно испанскій бѣглецъ, читалъ рефераты о кабалѣ и Зогарѣ, и,по предложенію дурацки влюбленнаго въ кабалистическую мистику кардинала Эгидіо изъ Витербо, способствовалъ тому, чтобы она сдѣлалась доступной христіанскимъ ученымъ. Въ кружкѣ бывали и христіанскіе люди науки. Ученикъ Рейхлина, *Іоганнъ Албертъ Видманштадтъ*, человѣкъ большой учености и свободныхъ взглядовъ, который первый въ Европѣ обратилъ вниманіе на пользу сирійскаго языка, въ этомъ кружкѣ пополнилъ свои знанія еврейской литературы.

Главная школа для изученія Талмуда или равинской литературы въ Италіи была тогда въ Падуѣ; но руководителями ея были не итальянскіе, но переселившіеся нѣмецкіе евреи. *Іуда Менцъ* вплоть до своей глубокой старости, когда ему было уже больше ста лѣтъ, представлялъ собою притягательную силу для жаждущихъ знаній юношей изъ Италіи, Германіи и даже Турціи, какъ будто бы они хотѣли изъ его устъ услышать мудрость уходящей эпохи. Быть ученикомъ Іуды Менца считалось особенной честью и отличіемъ. Послѣ его смерти во главѣ его шко-

[1]) Эмануилъ Авоавъ Nomologia, стр. 304. [2]) Schalschelet стр. 52.

лы въ Падуѣ стоялъ его сынъ, *Авраамъ Менцъ* (1504 до 1526), авторитетъ котораго однако не былъ нераздѣльнымъ[1]). Зато туземные евреи ни въ одной области не оставили звучнаго имени.

Въ отличіе отъ нѣмецкихъ евреевъ, не умѣвшихъ даже правильно говорить на языкѣ своей страны, въ Италіи было не мало евреевъ, знавшихъ латинскій языкъ[2]). Это была эпоха ренесанса, когда ученые придавали значеніе изящному латинскому стилю. Особенно усвоили себѣ этотъ, тогда міровой, языкъ еврейскіе врачи, получившіе свое образованіе въ Падуанскомъ университетѣ. Исторія науки называетъ изъ этой эпохи имя *Авраама де-Балмесъ* (род. 1450, ум. 1503) изъ Леки, лейбъ-медика и друга кардинала *Доменико Гримани*, бывшаго въ дружбѣ съ еврейскимъ философомъ, Иліей Делмедиго. Этотъ кардиналъ былъ также влюбленъ какъ въ кабалу, такъ и въ философію, и для него *де-Балмесъ* перевелъ съ еврейскаго на латинскій много сочиненій изъ арабской философіи. Но еврейской литературѣ онъ болѣе ничего не далъ, кромѣ разработки еврейской грамматики, которую богатый содержатель типографіи, *Даніилъ Бомбергъ*, перевелъ на латинскій языкъ и опубликовалъ (1523) послѣ смерти *Балмеса*. Его болѣе молодой современникъ, *Кало Калонимосъ* изъ Неаполя, врачъ въ Венеціи, создалъ еще меньше. Онъ перевелъ на латинскій языкъ лишь отдѣльныя сочиненія арабскаго философа, *Аверроеса*, и немногое добавилъ къ грамматикѣ Валмеса. *Іуда де-Бланисъ* или *Лаудадеусъ* въ Перуджіи (ум. послѣ 1553[3]) (еврейскіе врачи любили тогда, подобно христіанскимъ ученымъ, давать своимъ именамъ латинскую форму) помимо медицины относился съ уваженіемъ также и къ кабалѣ и находился въ дружбѣ съ мистикомъ Барухомъ изъ Беневента. *Овадія* или *Сервадеусъ де-Сфорно* (Сфурно, род. 1470, ум. 1553) былъ врачемъ въ Римѣ и Болоньѣ; помимо медицины онъ занимался также Библіей и философіей и нѣкоторыя свои сочиненія съ латинскимъ переводомъ онъ посвятилъ королю Генриху II французскому. Однако, по скольку его сочиненія доступны критикѣ, они представляются очень посредственными. Всѣ эти еврейскіе врачи и ученые были далеко ниже испанскаго коллеги, *Якова Мантина*, который, будучи заброшенъ изъ Тортозы въ Италію, много сдѣлалъ тамъ въ качествѣ врача и философа и оставилъ послѣ себя очень популярное имя. Мантинъ (род. 1490, ум. 1549[4]) очень хорошо зналъ языки; кромѣ языка своей родины и сво-

[1]) Kerem Chemed III стр. 91.

[2]) Себастіанъ Мюнстеръ въ посвященіи къ его Grammatica Chaldaica.

[3]) Давидъ де Помисъ въ ук. м.

[4]) Деренбуръ въ Revue des Etudes г. VII, 283.

его народа онъ зналъ также латинскій, итальянскій и арабскій. Онъ былъ одновременно ученымъ врачемъ и философомъ и переводилъ съ еврейскаго или арабскаго на латинскій медицинскія и метафизическія сочиненія. Онъ познакомилъ читающій по-латыни міръ со свѣтлымъ введеніемъ Маймонида къ сборнику нравоучительныхъ изреченій отцовъ синагоги (Pirke Abot), которое выясняетъ нравственный идеалъ іудаизма. Какъ лейбъ-медикъ, онъ пользовался большимъ уваженіемъ папы Павла III и посланника императора Карла V, *Діего Мендозо* въ Венеціи. Но его ученость омрачалась его злымъ сердцемъ. Зависть и честолюбіе довели его до дурныхъ поступковъ, доносовъ и преслѣдованія невинныхъ.

Въ Италіи жилъ тогда человѣкъ, который, хотя не проявилъ себя блестящими произведеніями, все-таки превосходилъ почти всѣхъ своихъ единовѣрцевъ чѣмъ-то такимъ, что стоитъ выше литературныхъ трудовъ и чѣмъ не каждый обладаетъ, а именно здравымъ смысломъ и прямымъ умомъ, оцѣнивающимъ вещи не по внѣшнему ихъ виду и не съ узкой точки зрѣнія. И этотъ человѣкъ, *Авраамъ Фарисолъ*, не былъ итальянцемъ по рожденію; онъ былъ родомъ (род. 1541, ум. 1525) изъ французской церковной области, изъ Авиньона, и по неизвѣстной причинѣ, можетъ быть изъ-за нужды, переселился въ Ферару. Свое существованіе онъ поддерживалъ перепиской популярныхъ книгъ и, какъ кажется, также службой въ синагогѣ въ качествѣ пѣвчаго. Хотя онъ жилъ въ тѣсномъ кругу, взглядъ его былъ изощренъ, кругозоръ широкъ, сужденіе здраво. Фарисолъ, какъ большинство его ученыхъ современниковъ въ Италіи, занимался толкованіемъ священнаго Писанія, но его значеніе не въ этомъ. Его превосходство покоится на его маловѣріи въ эпоху самой упорной готовности вѣровать. Онъ самъ сказалъ о себѣ: „я принадлежу къ маловѣрующимъ въ чудеса“[1]). Фарисолъ былъ первымъ еврейскимъ писателемъ, который вмѣсто того, чтобъ заниматься звѣзднымъ небомъ, астрономіей и астрологіей (къ чему еврейскіе мыслители средневѣковья имѣли слишкомъ большое влеченіе), сталъ тщательно изучать географію, изслѣдовать землю и то, что на ней живетъ, къ чему его побудили удивительныя открытія южнаго берега Африки и Индіи португальцами и Америки испанцами. Сквозь средневѣковый туманъ и обманчивый миражъ фантастическихъ образовъ Фарисолъ видѣлъ вещи въ ихъ истинномъ видѣ, считалъ необходимымъ указывать на это и высмѣивалъ нищихъ духомъ, въ своемъ ученомъ высокомѣріи презиравшихъ географію, какъ маловажную науку. Въ свое время онъ долженъ былъ еще подробно доказывать, что и Книга книгъ, святая Тора, придаетъ значеніе пространству и границамъ странъ и что, слѣдовательно, такое знаніе не

[1]) Географич. сочин. מגן אברהם, гл. 24.

такъ уже совсѣмъ неважно. Но изъ этого вытекали для него слѣдствія, которыя разрушали заблужденія средневѣковья. Для рая, который вѣра помѣстила на небо и снабдила фантастическими украшеніями, Фарисолъ искалъ мѣста на землѣ. Этимъ онъ указалъ на новую точку зрѣнія для пониманія Библіи; ее нужно объяснять не алегоріями и метафизическими или кабалистическими преувеличеніями, но фактическими отношеніями согласно прямому смыслу словъ.

Фарисолъ имѣлъ доступъ ко дворцу герцога Ферарскаго, *Эрколе* (Геркулеса) д'Эсте I, одного изъ лучшихъ государей Италіи, соперничавшаго съ Медичи въ покровительствѣ наукѣ. Герцогу доставляли наслажденіе бесѣды съ нимъ, и тотъ часто приглашалъ его диспутировать съ двумя учеными монахами, доминиканцемъ и францисканцемъ [1]). Кажется, что частые въ Испаніи религіозные диспуты и духовные турниры повторялись на итальянской почвѣ. Фарисолъ дѣлалъ это съ философскимъ спокойствіемъ, съ необходимой осторожностью и щадилъ чувствительность противниковъ, гдѣ онъ долженъ былъ касаться слабыхъ сторонъ. Онъ разбивалъ догмы христіанства доводами разума и стихами изъ Библіи; наслѣдственный грѣхъ, воплощеніе Христа, Троица, претвореніе гостіи, крещеніе—все это онъ обсуждалъ съ полной серьезностью, не складывая губъ для улыбки. Само собою разумѣется, что онъ далъ надлежащее освѣщеніе тѣмъ стихамъ Писанія, которые обыкновенно приводятся для обоснованія ученія Іисуса или католицизма, и превратилъ въ ничто ихъ доказательную силу. Фарисолу часто также приходилось въ присутствіи герцога Эрколе защищать іудаизмъ отъ нападокъ; но въ этомъ случаѣ его доказательства совсѣмъ не такъ сильны и убѣдительны; они часто кажутся даже слабыми и ничего не говорящими. Между прочимъ, ему указывали также на уродливое пятно ростовщичества, которымъ занимались въ Италіи богатые евреи, чѣмъ они грѣшили, по понятію того времени, одновременно противъ гуманности и Библіи. Фарисолъ оправдывалъ взиманіе процентовъ съ неевреевъ. Онъ доказывалъ: „въ благоустроенномъ, основанномъ на правахъ и обязанностяхъ государствѣ всеобщее братство не можетъ быть проведено такъ, чтобы каждый обязанъ былъ помогать своему ближнему въ нуждѣ безъ отплаты; такъ какъ законъ допускаетъ, чтобъ за оставленіе имуществъ для пользованія вносилась наемная плата, то каждый вправѣ также отдавать въ наемъ свои

---

[1]) Сочиненіе Фарисола ווכוח הדת מגן אברהם въ началѣ: לבקשת אדונינו סי׳ (סיניור) אירקילוס דוכוס פירדה ווגתו ואחיו שהם הרהבוני וצווני לבא לפני יקר תפארתם פעמים רבות לדבר ולהתוכח עם שני החכמים המפורסמים לחם בזמן ובמקום הלז את לודויקוס מואלינצא מכת הדרשנים דומיניגינ, ואת אמלפיטא מכת הקטניב הוכרחתי בצווים וברשותם . . . לדבר בפניהם פעמים רבות בשובה ונחת.

деньги, т. е. получать проценты; къ тому же каждый, желающій сдѣлать у еврея заемъ, заранѣе обязывается уплатить опредѣленную прибавочную сумму; слѣдовательно, все это покоится на свободномъ согласіи. Поэтому папы разрѣшили ростовщичество евреямъ, а евреи должны платить за это высокіе налоги, что приноситъ пользу также и государству; да и проценты сами по себѣ не такъ губительны; наоборотъ, они часто приносятъ нуждающемуся въ деньгахъ пользу, давая ему возможность заниматься дѣлами, чтобъ защитить себя отъ еще большей потери; еврейскій законъ запрещаетъ взиманіе процентовъ только у евреевъ, какъ у братьевъ въ истинномъ смыслѣ слова; христіане же, по смыслу закона, не считаются братьями и совсѣмъ даже не хотѣли бы быть таковыми, такъ какъ достаточно ясно обходились съ евреями очень не по-братски. Это оправданіе Фарисола во всякомъ случаѣ удовлетворяетъ лишь на половину; лучше звучитъ конецъ его разсужденія: Кто держится вдали отъ клеветы, занимается лишь достойными, не гадкими дѣлами и не забываетъ быть милостивымъ ко всѣмъ безъ различія нуждающимся, тотъ можетъ ждать Божьей благодати [1]).

По предложенію герцога Ферарскаго, Фарисолъ письменно изложилъ на еврейскомъ языкѣ содержаніе своихъ бесѣдъ съ монахами и затѣмъ воспроизвелъ это на итальянскомъ языкѣ, чтобы его противники могли приготовиться къ возраженію [2]). Однако этотъ полемическій и апологетическій трудъ имѣетъ значительно меньшую цѣнность, чѣмъ его географическое сочиненіе, которое онъ написалъ въ преклонномъ возрастѣ на краю могилы. Въ немъ сказываются ясный умъ Фарисола, его здравый образъ мыслей и обширныя познанія.

Въ Италіи евреи имѣли тогда, по крайней мѣрѣ, еще свободу и способность поспорить съ христіанами. Но если они переходили черезъ Альпы въ Германію, то ихъ окружала климатически и политически суровая атмосфера; врядъ ли сефарды-бѣглецы останавливались въ негостепріимной странѣ [3]). Нѣмецкое населеніе было тогда не менѣе враждебно евреямъ, чѣмъ испанское. Хотя ему нечего было, какъ въ Испаніи, завидовать имъ въ высокихъ должностяхъ и во вліяніи нѣкоторыхъ еврейскихъ сановниковъ при дворахъ, однако оно не желало дать имъ возможность даже вести свою ужасную жизнь въ еврейскихъ кварталахъ, гдѣ они жили до невозможности скученно. Изъ нѣкоторыхъ мѣстностей Германіи они уже были прогнаны, изъ Кельнской области, изъ Майнцской, изъ Аугсбурга; во всей Швабіи тогда не было ни одного еврея. Изъ другихъ мѣстностей они были изгнаны почти одновременно съ изгнаніемъ евреевъ

[1]) Magen Abraham гл. 73. [2]) Т. же предисловіе.
[3]) Zurita, Anales de Aragon т. III, стр. 9.

изъ Пиренейскаго полуострова. Императоръ Фридрихъ III до послѣдней минуты своей жизни вступался, правда, за преслѣдуемыхъ всѣмъ міромъ. У него былъ еврейскій лейбъ-медикъ (безусловно рѣдкость въ Германіи), ученый *Яковъ* бенъ-Іехіелъ *Лоансъ*, къ которому онъ былъ очень расположенъ и котораго онъ возвелъ въ рыцарское достоинство. Послѣдній ухаживалъ за престарѣлымъ императоромъ въ его дворцѣ въ Линцѣ вплоть до его смерти. На смертномъ одрѣ Фридрихъ, какъ передаютъ, горячо рекомендовалъ своему сыну защищать евреевъ и не слушать клеветническихъ доносовъ на нихъ, въ неосновательности которыхъ онъ вполнѣ убѣдился [1]). Его поражало неизмѣнное существованіе еврейства, несмотря на тысячи всякихъ преслѣдованій со времени господства христіанства, и то, что это чудесное сохраненіе было предсказано въ Пятикнижіи Моисея [2]): „И даже (u—aph), когда они будутъ въ землѣ враговъ своихъ, Я не презрю ихъ, а вспомню для нихъ завѣтъ съ предками". Императоръ Фридрихъ шутливо говорилъ обыкновенно объ этомъ: „Евреи имѣютъ въ своей книгѣ Aff (u—aph), его они по справедливости должны были бы писать золотыми буквами". Яковъ Лоансъ, кажется, пользовался благорасположеніемъ также императора *Максимиліана*, которому выпало править Германіей въ самомъ тяжеломъ положеніи. Это расположеніе императоръ перенесъ на родственника Якова Лоанса.

Этотъ родственникъ представлялъ собою необыкновенное явленіе, сильную личность, какой нѣмецкое еврейство до того времени еще не обладало. Это былъ *Іосифъ Лоансъ* или, какъ его часто называли, *Іоселинъ* (Іоселманъ) изъ *Росгейма* (род. 1478, ум. 1554). Въ эпоху, когда новыя участившіяся мученія разразились надъ еврейскими общинами въ Германіи, онъ былъ геніемъ-хранителемъ и имѣлъ возможность заставить умолкнуть самыя опасныя обвиненія противъ нихъ и, если не отвратить, то, по крайней мѣрѣ, смягчить преслѣдованія.

Юношескія воспоминанія Іоселина были наполнены мученическими ужасами. Его семейство, происходившее отъ изгнанныхъ въ началѣ XV вѣка изъ Франціи изъ города Луанса (Лоонса) во Франшконте, поселилось въ Эндигенѣ, въ сѣверной Швейцаріи. За нѣсколько лѣтъ до его рожденія многіе евреи маленькихъ общинъ были обвинены въ убійствѣ нѣкоторыхъ христіанъ, въ собираніи крови убитыхъ дѣтей и отсылкѣ ея во Франкфуртъ, Пфорцгеймъ и другія мѣста; три родственника его отца были сожжены, а его отецъ спасся бѣгствомъ. Въ Эльзасѣ, гдѣ его родители поселились послѣ этого, за два года до его рожденія, они вынуждены были искать убѣжища въ крѣпости, когда дикія шайки швей-

[1]) Іосифъ Когенъ, Emek ha-Bacha стр. 92.
[2]) Кн. Левитъ XXVI, 44. см. Antonius Margaritha.

царцевъ на службѣ у герцога Рене́ лотарингскаго противъ Карла Смѣлаго бургундскаго устроили страшный погромъ среди евреевъ Эльзаса и Лотарингіи, чтобы принудить ихъ креститься, при чемъ 74 человѣка, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, нашли мученическую смерть. Въ Мюлгаузенѣ терпѣли пребываніе только одного еврея, по имени *Бамеса*; остальные же должны были въ суровую зиму искать убѣжища въ пещерахъ. Когда уже болѣе восьмидесяти этихъ несчастныхъ бѣглецовъ были приговорены къ мученической смерти, въ послѣднюю минуту явилась помощь, такъ какъ Вамесъ изъ Мюлгаузена вручилъ предводителю швейцарцевъ въ качествѣ выкупа вырученныя имъ отъ продажи всѣхъ своихъ пожитковъ 800 золотыхъ, за каковую сумму извергъ соглашался ихъ пощадить. Таковы были колыбельныя пѣсни, которыя юный Іоселинъ слышалъ отъ своихъ родителей, поселившихся въ Росгеймѣ у Колмара.

Этого Іоселина, который былъ названъ по имени послѣдняго мѣстожительства своихъ родителей *Росгеймомъ* (Рошгеймомъ), императоръ Максимиліанъ, по совѣту своего лейбъ-медика Якова Лоанса, назначилъ главнымъ равиномъ (высшимъ раби) еврейскихъ общинъ Германіи. Онъ долженъ былъ, навѣрное, заботиться о внесеніи императору еврейской подати и предавать неплатящихъ равинскому проклятію, которое тогда у евреевъ имѣло то же значеніе, что и католическое. Для этого онъ долженъ былъ дать тяжкую присягу [1]) и онъ получалъ также право предавать проклятію [2]). Его должностной титулъ былъ *попечитель* и *руководитель* еврейства (Parnes-Manhig), даже и на офиціальномъ языкѣ „правитель евреевъ". Но, такъ какъ Іоселинъ, хотя изучалъ Талмудъ, все-таки не обладалъ высшей степенью равинскихъ познаній, дававшихъ въ Германіи право на санъ равина и еще къ тому же главнаго равина, и кромѣ того евреи считали его только императорскимъ чиновникомъ, то общины сначала не признали его таковымъ. Лишь когда онѣ увидѣли, какъ мужественно и неутомимо онъ вступался за нихъ, онѣ признали его своимъ представителемъ и защитникомъ (штадланомъ) и обращались къ нему, когда имъ оказывали несправедливость или угрожало преслѣдованіе. Нѣмецкіе евреи до того времени еще не имѣли такого вѣрнаго, преданнаго и умнаго заступника. Онъ могъ похвастать, что дѣлалъ длинныя путешествія въ интересахъ общинъ и что онъ защищалъ ихъ передъ королями и императорами, въ собраніяхъ совѣта и въ императорскихъ палатахъ [3]). Въ дѣйствительности онъ многаго добился у государей и магистратовъ. Всякій разъ,когда онъ только могъ добиться аудіенціи у императора Максимиліана и его преемника, онъ былъ благосклонно выслушиваемъ. Хотя Іоселинъ не могъ располагать большими денежными суммами, онъ былъ всеобщимъ

[1]) Revue XIII, 64. [2]) Т. же 76. [3]) Т. же 257.

любимцемъ. Нерѣдко дикія шайки грабили его домъ тогда, когда государи дружески съ нимъ бесѣдовали.

Внутренняя религіозность, непоколебимая вѣра въ Бога, воодушевлявшая его такъ же сильно, какъ псалмопѣвцевъ, и пламенное рвеніе во веденіи дѣлъ затравливаемыхъ должны были придать его чертамъ столь одухотворенный видъ и возбудить къ нему такую горячую симпатію, что суровые властители дружественно его принимали и выслушивали. По справедливости единоплеменники прославляли и благословляли его, какъ своего великаго защитника. Безъ этого своего генія-хранителя евреи, должно быть, не могли бы утвердиться въ Германіи. Изгнаніе евреевъ изъ Испаніи дѣйствовало заражающе. Съ того времени государи и города проектировали высылку ихъ также изъ нѣмецкихъ областей. Но для того, чтобъ оправдать эту жестокость, для чего нельзя было, какъ на Пиренейскомъ полуостровѣ, воспользоваться предлогомъ, будто ихъ присутствіе вредитъ ново-христіанамъ и что послѣдніе совращаются ими къ отпаденію отъ церкви, еще болѣе часто стали распространять лживую сказку объ убійствѣ евреями христіанскихъ дѣтей и объ оскверненіи ими просвиры. Чтобъ вовлечь въ обвиненіе побольше евреевъ, постоянно прибавлялось, что часть дѣтской крови была послана въ такія мѣста, гдѣ жило много и притомъ богатыхъ евреевъ[1]).

Доминиканцы, добившіеся въ Испаніи высылки евреевъ, со свойственной имъ хитростью и настойчивостью проводили тотъ же планъ для Германіи. Они представляли евреевъ, какъ страшное привидѣніе, жаждущее крови христіанскихъ дѣтей. А императоръ Максимиліанъ, котораго отецъ просилъ защищать евреевъ отъ клеветническихъ обвиненій, не имѣлъ стойкаго характера и былъ, наоборотъ, доступенъ всякимъ вліяніямъ и внушеніямъ и не всегда слѣдовалъ совѣту своего отца. Его отношеніе къ евреямъ было поэтому постоянно колеблющимся; то онъ оказывалъ имъ защиту или, по крайней мѣрѣ, обѣщалъ имъ ее, то онъ поднималъ руку, если не для кроваваго преслѣдованія, то для ихъ высылки и униженія. Лживымъ обвиненіямъ противъ нихъ въ оскверненіи просвиры и убійствѣ дѣтей по временамъ внималъ также императоръ Максимиліанъ. По этому въ его время въ Германіи и принадлежавшихъ къ ней странахъ происходили не только изгнанія евреевъ, но и преслѣдованія и мученія. Они такъ ожидали ежедневно смерти подъ пыткой, мученической смерти, что формулировали спеціально для такихъ случаевъ покаяніе въ грѣхахъ, чтобъ невинно обвиненные, если отъ нихъ потребуютъ отпаденія, смертью запечатлѣли свое покаяніе и радостно отдали бы себя за единаго

[1]) Revue XVI, 237.

Бога. Если же гдѣ либо, съ согласія императора или при его пассивномъ отношеніи, евреи изгонялись, то послѣдній безъ колебаній приказывалъ отбирать въ свою пользу ихъ оставленныя недвижимыя имущества и продавать ихъ.

Уже въ первые годы своего правленія онъ изгналъ евреевъ изъ *Штиріи, Каринтіи и Крайны.* Земскіе чины и прелаты этихъ мѣстностей стали жаловаться, что евреи ругали таинства, что они ужасно мучили и убивали молодыхъ христіанъ, выцѣживали у нихъ кровь и пользовались ею для своего проклятаго дѣла, что они при помощи фальшивыхъ писемъ и печатей обманывали христіанъ и превращали ихъ въ нищихъ. Затѣмъ они предложили императору 40000 золотыхъ въ возмѣщеніе потерь отъ прекращенія поступленій еврейскаго налога, если онъ согласится на изгнаніе евреевъ. Хотя Максимиліанъ былъ умнѣе и образованнѣе своего отца, онъ все-таки принялъ всѣ эти обвиненія за истину или показалъ видъ, что вѣритъ имъ, и поэтому издалъ декретъ (4-го марта 1496 [1]), согласно которому евреи до января слѣдующаго года подъ страхомъ тяжкихъ наказаній должны были покинуть эти области. Онъ чрезвычайно затруднилъ тамъ для евреевъ также временное пребываніе или проѣздъ. Между тѣмъ у Максимиліана было все-таки еще столько человѣчности, что онъ указалъ высланнымъ новыя мѣста для жительства въ *Мархекѣ и Эйзенштадтѣ* и приказалъ бюргерамъ этихъ городовъ давать имъ квартиры за дешевую наемную плату, пока они не отстроютъ себѣ жилища. Не задолго до срока высылки онъ разрѣшилъ имъ также вслѣдствіе суровой зимы и другихъ затрудненій оставаться въ странѣ нѣсколько дольше. Но въ концѣ концовъ они все таки должны были выселиться. Ихъ дома, синагоги и кладбища, которыхъ горожане не хотѣли купить, надѣясь получить ихъ даромъ, были императоромъ отчуждены и подарены.

Нюрнбергскую еврейскую общину императоръ прогналъ не прямо, но далъ на это разрѣшеніе горожанамъ за презрѣнный металлъ; а христіанскій міръ упрекалъ еще евреевъ въ несправедливомъ пріобрѣтеніи денегъ, въ то время, какъ послѣдніе, собственно, вѣдь, только богатые, во всякомъ случаѣ совершали такую несправедливость лишь въ малыхъ размѣрахъ. Причины изгнанія въ это время евреевъ изъ Нюрнберга неясны [2]). Въ теченіе долгаго времени между ними и почтеннымъ совѣтомъ существовали пререканія изъ-за введенія новаго устава

[1]) Евреи въ Австріи Вертгеймера I, стр. 107. Maskir г. 1860, стр. 91.

[2]) Источники объ этомъ: Вюрфелъ, Евреи въ имперскомъ городѣ Нюрнбергѣ, стр. 33, 83; Вагензейлъ, de civitate Norimbergensi стр. 69; Шудтъ, еврейскія достопримѣчательности I, стр. 365.

или преобразованія общины съ ограничительными противъ нихъ пунктами, незаконность которыхъ они доказывали. Сейчасъ послѣ полученія власти Максимиліаномъ горожане обратились къ нему съ просьбой разрѣшить имъ изгнать евреевъ „за ихъ распущенное поведеніе". Это „распущенное поведеніе" они формулировали въ обвиненіяхъ, будто евреи, принявъ чужихъ единовѣрцевъ, увеличили свое число сверхъ нормы, что они взимали непомѣрные проценты и совершали подлоги съ долговыми требованіями, вслѣдствіе чего вызвали обнищаніе ремесленниковъ и, наконецъ, будто они укрывали у себя всякій сбродъ. Чтобъ возбудить противъ нихъ ненависть, богатый бюргеръ, *Антоній Кобергеръ*, велѣлъ на свой счетъ отпечатать злобное юдофобское сочиненіе испанскаго францисканца, Альфонсо де-Спина, которое должно было укрѣпить понимающихъ по-латыни, т. е. образованные классы, въ ихъ заблужденіи, будто евреи богохульствуютъ, оскверняютъ просвиры и убиваютъ дѣтей. Послѣ долгихъ просьбъ императоръ Максимиліанъ удовлетворилъ, наконецъ, прошеніе совѣта „за вѣрность императорскому дому, издавна проявляемую городомъ Нюрнбергомъ", отмѣнилъ еврейскія привилегіи, разрѣшилъ совѣту назначить срокъ для изгнанія, но настаивалъ, чтобъ дома, земли, синагоги и даже кладбище поступили въ пользу императорской казны. Къ тому же онъ еще предоставилъ городу Нюрнбергу право никогда болѣе не принимать евреевъ (5-го іюля 1498). Сначала совѣтъ далъ для подготовленія къ отъѣзду всего четыре мѣсяца, а въ совѣтѣ тогда засѣдалъ уже образованный, много говорившій о гуманности и добродѣтели патрицій, *Вилибальдъ Пиркгеймеръ*, тоже столпъ кружка гуманистовъ. Послѣ мольбы несчастныхъ отсрочка была продлена еще на три мѣсяца; но евреи, созванные судьями въ синагогу, должны были поклясться, что къ этому сроку они навѣрное выселятся. Наконецъ (10 марта 1499), и безъ того пришедшая въ большой упадокъ и ослабленная, община Нюрнберга оставила городъ, въ которомъ она вторично поселилась по окончаніи черной смерти. Совѣтъ былъ еще достаточно гуманенъ и послалъ нѣсколько сильныхъ человѣкъ сопровождать уходившихъ, чтобъ защитить ихъ отъ обидъ. Недвижимости высланныхъ евреевъ перешли въ собственность императора, который отдалъ ихъ городу за 8000 гульденовъ. Изгнанные сначала хотѣли поселиться въ *Виндгеймъ*, и они имѣли заступницу въ лицѣ маркграфини *Анны Бранденбургской*, которая хотѣла выхлопотать для нихъ эту небольшую милость. Однако совѣтъ отказалъ имъ даже въ такомъ незначительномъ облегченіи. Тогда большинство высланныхъ нюрнбергскихъ евреевъ отправилось во Франкфуртъ на Майнѣ и было тамъ принято на сносныхъ условіяхъ. Передавали, что двое франкфуртскихъ судей прямо пригласили ихъ поселиться въ ихъ средѣ, такъ какъ городъ

ожидалъ отъ этого значительныхъ выгодъ. Зато одинъ священникъ намылилъ голову этимъ членамъ совѣта, потому что они дали пріютъ несчастнымъ [1]).

Въ то же самое время были высланы также евреи изъ другихъ нѣмецкихъ городовъ, *Ульма*, *Нердлингена*, *Колмара и Магдебурга*[2]).

Регенсбургской еврейской общинѣ, старѣйшей въ Германіи, было еще хуже, и она уже слышала предупрежденіе быть готовой къ изгнанію. Съ того времени, какъ граждане этого имперскаго города въ спорѣ съ евреями изъ-за лживаго обвиненія въ употребленіи крови понесли обиду и денежныя потери отъ императора Фридриха, прежняя уживчивость евреевъ и христіанъ тамъ изчезла и уступила мѣсто озлобленію и ненависти. Злоба противъ императора за то, что онъ защитилъ евреевъ отъ клеветническихъ обвиненій, подала главарямъ города несчастную мысль уйти изъ-подъ верховной власти императора и стать подъ непосредственную власть жаждавшаго завоеваній *Альберта, герцога баваро-мюнхенскаго*. Но это отреченіе отъ императора повело къ непріятнымъ осложненіямъ, стоило городу Регенсбургу его независимости и повлекло для него значительныя потери и обѣдненіе. Императоръ Максимиліанъ навязалъ имъ даже имперскаго начальника, который обращался съ совѣтомъ и гражданами, какъ съ крѣпостными, и держалъ ихъ въ повиновеніи. Вмѣсто того, чтобы приписать эти слѣдовавшія одно за другимъ несчастія своему собственному безразсудству, граждане считали евреевъ виновниками своего паденія и изливали на нихъ свое негодованіе. Попы, озлобленные неудачей своего замысла противъ евреевъ, ежедневно возстановляли народную массу противъ послѣднихъ и прямо проповѣдовали: „евреи должны быть изгнаны"[3]). Вслѣдствіе этого мельники не хотѣли продавать имъ муку, а пекари—хлѣбъ; духовенство угрожало ремесленникамъ лишеніемъ причастія, если они дадутъ евреямъ съѣстные припасы. Совѣтъ также бездушно помышлялъ объ установленіи для нихъ ограниченій. Въ нѣкоторые дни евреямъ совсѣмъ запрещалось дѣлать на рынкѣ свои закупки съѣстныхъ припасовъ, въ другіе дни можно было ихъ дѣлать лишь ранѣе опредѣленнаго часа и лишь послѣ христіанъ. Христіанамъ было запрещено „подъ страхомъ серьезнаго совѣтскаго наказанія" производить закупки для евреевъ и указывалось, что каждому слѣдуетъ подумать о чести Божьей и о собственномъ благополучіи и бездушно относиться къ евреямъ[4]). Терзаемые жаловались своему ближайшему покровителю, герцогу

[1]) Шудтъ въ ук. м. II стр. 160.
[2]) Гюдеманъ, исторія евреевъ въ Магдебургѣ 1866.
[3]) Gemeiner, Регенсбургская хроника IV стр. 27.
[4]) Т. же стр. 33, 56.

баваро-ландсгутскому, что ни одной минуты въ теченіе дня они не обезпечены отъ оскорбленій, если кто-либо изъ нихъ встрѣчается съ христіаниномъ[1]). Но герцогъ не могъ или не хотѣлъ имъ помочь. Одну минуту они думали, что могутъ надѣяться на лучшіе дни, когда они вслѣдствіе смерти герцога Георга ландсгутскаго перешли изъ-подъ этого мнимаго покровительства подъ охрану императора, именно эрцгерцога австрійскаго, и стали ему платить налоги (съ 1504). Но изъ-за того, что они оперлись на ненавистное иноземное владычество, горожане стали лишь еще болѣе коситься на нихъ, а духовенство лишь еще болѣе осуждать ихъ[2]). Совѣтъ уже серьезно занимался вопросомъ объ обращеніи къ императору Максимиліану съ просьбой дать свое согласіе на изгнаніе евреевъ изъ Регенсбурга и на оставленіи въ крайнемъ случаѣ лишь около двадцати четырехъ семействъ[3]). Имъ разрѣшено было лишь еще нѣсколько лѣтъ вести тамъ несчастную жизнь. Императоръ Максимиліанъ въ своихъ приказахъ относительно евреевъ довольно часто проявлялъ непостоянство и произволъ. Горожанамъ эльзасскаго города Оберная, которые по грубости своей до крайности угнетали еврейскихъ жителей своего города и проѣзжихъ, онъ немилостиво приказалъ принять обратно высланныхъ евреевъ и не причинять имъ непріятностей. Не прошло и десяти лѣтъ (1507), какъ онъ разрѣшилъ магистрату Оберная снова изгнать вновь поселившихся и запретить евреямъ вообще касаться этой имперской области[4]). Въ общемъ въ Германіи было всего лишь три большія общины, именно въ Регенсбургѣ, *Франкфуртѣ на Майнѣ и Вормсѣ*, и въ послѣднихъ двухъ часто угрожали изгнаніемъ.

Въ Прагѣ жило очень много евреевъ[5]); но этотъ городъ тогда не причислялся къ собственно Германіи, но являлся главнымъ городомъ особой коронной земли, которой, такъ сказать, правилъ *Владиславъ*, одновременно король венгерскій. Хотя этотъ король былъ сыномъ дружественнаго евреямъ польскаго короля, Казиміра IV, однако онъ нисколько не былъ благопріятно настроенъ къ евреямъ. Въ Венгріи онъ спокойно смотрѣлъ, какъ евреевъ вольнаго города Тирнау сначала пытали, а затѣмъ изгнали за то, будто они употребляли кровь христіанскихъ дѣтей для разныхъ цѣлей, напр., для остановки кровотеченія или „для любовныхъ напитковъ“; это было первое подобное обвиненіе противъ нихъ въ Венгріи. Богемскимъ евреямъ подъ властью Владислава было не лучше; еврейскій кварталъ въ Прагѣ часто подвергался разграбленію толпъ черни. Высылка евреевъ была искреннимъ желаніемъ гражданъ. Все-таки евреи имѣли

[1]) Т. же стр. 63.
[2]) Т. же стр. 164.
[3]) Т. же стр. 85, 117,
[4]) Revue XVI, 102, XIII, 67.
[5]) Epistolae obscurorum virorum (письма обскурантовъ) II, № 16.

также своихъ покровителей, именно среди дворянства. Когда на одномъ ландтагѣ обсуждался вопросъ о высылкѣ или оставленіи евреевъ, прошло рѣшеніе (7 августа 1501): они должны быть во вѣки терпимы богемской короной; еслибъ кто нибудь изъ нихъ нарушилъ законъ, то долженъ быть наказанъ одинъ только виновный, и его преступленіе не должно быть вымещено на всемъ еврействѣ въ цѣломъ. Король Владиславъ утвердилъ это постановленіе ландтага, чтобъ его слишкомъ скоро нарушить, такъ какъ пражскіе граждане были противъ него и пустили въ ходъ всѣ мыслимыя средства для уничтоженія его. Они такъ сильно вооружили короля противъ евреевъ, что онъ согласился на высылку послѣднихъ и угрожалъ ссылкой тѣмъ христіанамъ, которые осмѣлились бы ходатайствовать за нихъ. Тѣмъ не менѣе они остались въ странѣ [1]; неизвѣстно, благодаря какому благопріятному стеченію обстоятельствъ. Однако неувѣренность въ будущемъ побудила нѣкоторое число еврейскихъ семействъ переѣхать въ Польшу, гдѣ часть ихъ поселилась въ Краковѣ [2]; ежедневно ожидая высылки, они пріучили себя устраиваться на огнедышащемъ вулканѣ. Потомокъ семейства итальянскаго типографа *Сонцина*, *Герсонъ Когенъ*, устроилъ (1503[3]) въ Прагѣ еврейскую типографію, первую въ Германіи, почти черезъ сорокъ лѣтъ послѣ появленія еврейскихъ печатень.

Много учености тогда, видно, не было въ Пражской общинѣ, такъ какъ Герсонова типографія за долгое время не выпустила ни одного ученаго произведенія, хотя бы талмудически-равинскаго, а удовлетворяла только синагогальному спросу, тогда какъ итальянскія и турецкія типографіи распространяли важныя сочиненія изъ старыхъ временъ и современныя. Изъ этой эпохи называютъ только одинъ единственный равинскій авторитетъ, и этотъ, *Яковъ Полякъ* (род. 1470, ум. 1530[4]), положившій начало новому способу толкованія Талмуда, былъ иностранцемъ. Послѣ своего тезки на Востокѣ, *Якова Берава*, онъ былъ самымъ основательнымъ и остроумнымъ талмудистомъ этой эпохи. Замѣчательно то обстоятельство, что поразительное искусство толковать Талмудъ, которое лишь въ Польшѣ должно было достичь своего высшаго развитія, исходило отъ рожденнаго въ Польшѣ еврея. Ученикъ *Якова Марголиса* (Марголита) изъ Нюрнберга, Яковъ Полякъ въ баварскихъ талмудическихъ школахъ познакомился съ той хитрой игрой вопросовъ и отвѣтовъ на талмудическія темы, которая по имени городовъ, гдѣ она была въ упо-

[1]) Германъ, Исторія евреевъ въ Богеміи стр. 40, 53. Maskir г. 1861 стр. 149.

[2]) Czacki о евреяхъ стр 44.

[3]) Цунцъ, Zur Geschichte, стр. 261, 270; Эршъ и Груберъ sect. II, т. 28, статья: еврейская типографія, стр. 52.

[4]) Р. Брюль, Jahrbücher VIII, 31.

требленіи, получила названіе *нюрнбергской, регенсбургской* и *аугсбургской*[1]). Но онъ не шутилъ этой игрой. Хотя этотъ методъ талмудическаго толкованія получилъ особое имя, *пилпулъ*, однако невозможно дать о немъ какое нибудь ясное представленіе. Это—расточительное употребленіе остроумія на мелкія дѣла, возведеніе гигантскаго строенія на песчинкахъ, искусство комбинировать, умѣющее привести самыя отдаленныя вещи въ близкую зависимость, мелочность, возбуждающая одновременно и удивленіе и смѣхъ. Та пумбадитская софистика, которая была высмѣяна талмудистами самими, которая умѣла продѣть веревку чрезъ игольное ушко, была еще значительно превзойдена методомъ пилпула Якова Поляка. Хотя это искусство диспутировать, сходное съ схоластикой средне-вѣковыхъ университетовъ, и порицалось нѣкоторыми знатоками Талмуда, однако оно проложило себѣ путь, потому что оно соотвѣтствовало человѣческой склонности къ новинкамъ и было удобно для употребленія. Но къ чести Якова Поляка должно быть сказано, что онъ не виноватъ въ томъ злоупотребленіи, которое позже совершалось этимъ. Онъ былъ настолько остороженъ, что не опубликовалъ и не увѣковѣчилъ письменно или печатно достигнутыхъ этимъ методомъ выводовъ. Онъ не изготовилъ даже копіи съ своихъ отзывовъ, потому что онъ съ одной стороны считалъ это высокомѣріемъ, съ другой же онъ боялся, что потомки могли бы слѣпо слѣдовать его рѣшеніямъ и придерживаться ихъ буквы[2]).

Какъ молодой равинъ, Яковъ Полякъ позволилъ себѣ что-то, чѣмъ и нажилъ себѣ ожесточенныхъ противниковъ и навлекъ на себя даже проклятіе. Онъ взялъ жену изъ богатаго семейства, и его теща имѣла доступъ къ богемскому двору. Эта овдовѣвшая теща выдала свою вторую дочь до ея совершеннолѣтія (раньше наступленія двѣнадцати лѣтъ) замужъ за знатока Талмуда, *Давида Цеднера*; однако объ этомъ бракѣ она скоро столь сильно пожалѣла, что захотѣла добиться расторженія его. Но такъ какъ мужъ не соглашался на разводъ, то теща, наученная Яковомъ Полякомъ, захотѣла, чтобъ бракъ считался расторженнымъ про-

[1]) Исаія Горвицъ, שני לוחות הברית (של״ה) къ מס׳ שבועות стр. 181: ויהיה גם כן הדוד דהיינו לחרץ בדרכים אמתיים . כל אוישבורענגר (אושבורגר) וכל נירן בערגר וכל רעגיר שפורגול (רעגנשפורגר) וכן בתוספות לקשר כל ואם תאמר או תימא שהוא בדא ואת - דברים כאלה ה״ם בכלל תורת אמת והם ג״כ חדוד.

[2]) Израиль б. Шахна въ респ. Моисея Исерлеса № 26: וכן קבלתי הלכה מאדוני אבי מה׳ שלום המכונה שכנו . . . אשר העמיד תלמידים הרבה מסוף העולם ועד סופו . , . וחי נפשי דזמנין סגיאין בקשתי עם הרבה לומדים ממנו שיעשה פסק , ותשובתו היתה מחמת רוב חסידותו וענותנותו . . . ואמר יודע אני דשוב לא יפסקו כי אם כאשר אכתוב . . . ואין רצוני שיסמכו העולם עלי . . . . ומהאי טעמא לא עשה נמי רבו הגאון מהר׳ יעקב פולק שום ספר גם שום תשובה ששלחו מרחוק לא העתיקו בביתם אלו הגאונים מהאי טעמא אף כי היה נחשב בעיניהם כיוהרא.

стымъ заявленіемъ ставшей совершеннолѣтней молодухи: „я его не хочу“. Это слишкомъ легкое при такихъ обстоятельствахъ расторженіе брака, по талмудическимъ законамъ во всякомъ случаѣ наполовину допустимое, было однако за пятьдесятъ лѣтъ до того отмѣнено *Менахемомъ* изъ *Мерзебурга*. Тѣмъ не менѣе Яковъ Полякъ, желая услужить своей тещѣ или чтобъ поддержать талмудическую точку зрѣнія, пошелъ на то, чтобъ прямо объявить бракъ своей молодой свояченицы расторженнымъ. Противъ этого энергично стали возражать почти всѣ равины Германіи, именно его учитель, *Яковъ Марголесъ*, не задолго до своей смерти и *Пинехасъ* изъ *Праги*, и наложили на него анаѳему[1]), пока онъ не откажется отъ незаконнаго шага и не отведетъ свою свояченицу въ домъ ея супруга или не устроитъ расторженіе ея брака путемъ законнаго развода. Это дѣло вызвало столько разговоровъ, что былъ запрошенъ объ этомъ также равинскій авторитетъ изъ Падуи, *Іуда Менцъ*. Когда и онъ высказался противъ образа дѣйствій Якова Поляка, послѣдній сталъ искать себѣ союзниковъ-равиновъ, но нашелъ лишь одного, котораго семейное несчастье принудило высказаться за него противъ своего убѣжденія. Ученикъ *Іосифа Колона*, *Меиръ Пфеферкорнъ* (въ Прагѣ?), жена и дѣти котораго томились въ темницѣ, могъ надѣяться лишь на тещу Якова Поляка, что она, благодаря своему богатству и вліянію, будетъ ходатайствовать объ ихъ освобожденіи и добьется этого. Но послѣдняя была достаточно невеликодушна, чтобъ обѣщать свое заступничество лишь подъ условіемъ, что Меиръ Пфеферкорнъ одобритъ равинскимъ отзывомъ расторженіе брака ея дочери безъ развода. Несчастный мужъ и отецъ долженъ былъ согласиться на это, и такимъ образомъ, несмотря на протестъ всѣхъ равиновъ, Яковъ Полякъ могъ выполнить свое намѣреніе. Какимъ образомъ онъ избѣгъ отлученія, осталось неизвѣстнымъ. Этотъ случай ему нисколько не повредилъ, такъ какъ вокругъ него все-таки толпилось множество учениковъ, и его школа стала руководящей; его искусство талмудическаго толкованія на столько вошло въ моду, что почти всѣ равинскія школы признали его, и того, кто не въ состояніи былъ этимъ способомъ толковать Талмудъ, считали отсталымъ или недалекимъ. Одинъ изъ учениковъ Поляка и точный его портретъ перенесъ его методъ въ Польшу и основалъ для нея тамъ настоящее отечество.

Помимо Италіи и Турціи убѣжищемъ для преслѣдуемыхъ и изгнанныхъ, именно изъ Германіи, была въ то время Польша, къ которой принадлежала связанная личной уніей Литва. Здѣсь евреямъ было значительно лучше, чѣмъ въ сосѣднихъ странахъ по ту сторону Вислы и Карпатъ,

[1]) Respp. Іуды Менца № 13; Соломонъ Лурія ים של שלמה къ трактату Jebamot XIII, № 7.

хотя монахъ Капистрано и разстроилъ на нѣкоторое время хорошія отношенія между королевствомъ и евреями.

Короли и дворянство извѣстнымъ образомъ нуждались въ нихъ и обычно, если не вмѣшивались другіе интересы, предоставляли имъ права, такъ какъ своими капиталами и торговлей тѣ приводили въ движеніе почвенныя богатства страны и могли доставать столь необходимыя для бѣдной деньгами страны наличныя деньги. Откупъ пошлинъ и винокуренные заводы были большей частью въ рукахъ евреевъ. Само собою разумѣется, что они владѣли землями и занимались не только торговлей, но и ремеслами. На 500 христіанскихъ крупныхъ торговцевъ въ Польшѣ было 3200 еврейскихъ, но въ три раза больше ремесленниковъ, среди которыхъ были золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, кузнецы и ткачи. Медицина была представлена еврейскими врачами. Жаждавшимъ знанія евреямъ былъ, правда, закрытъ доступъ въ устроенный въ Краковѣ Казиміромъ Великимъ университетъ, который при его преемникахъ принялъ церковный характеръ. Но желавшіе учиться еврейскіе юноши не страшились далекаго путешествія въ Италію для изученія медицины въ свободномъ университетѣ Падуи. Чрезвычайно благопріятный для евреевъ статутъ Казиміра IV Ягело былъ все еще въ силѣ, потому что, хотя послѣдній подъ давленіемъ фанатическаго монаха, Капистрано, и отмѣнилъ его, однако нѣсколькими годами позже ради пользы, получавшейся польской короной отъ евреевъ, снова ввелъ его. Такимъ образомъ евреи въ общемъ признавались въ государствѣ гражданами, не обязаны были носить позорящіе знаки и могли даже носить оружіе. Послѣ смерти этого политичнаго короля два противника начали, правда, противъ нихъ борьбу, съ одной стороны духовенство, усматривавшее въ благопріятномъ положеніи евреевъ въ польскомъ государствѣ ущербъ христіанству, а съ другой стороны нѣмецкое купечество, издавна поселившееся въ городахъ, привезшее съ собой изъ Германіи свой сословный характеръ и изъ конкурренціи ненавидѣвшее еврейскихъ купцовъ и ремесленниковъ. Обоимъ вмѣстѣ удалось настолько возстановить противъ евреевъ преемниковъ Казиміра, его сыновей *Іоганна Альберта* и *Александра* (1492 до 1505), что они уничтожили привилегіи евреевъ, заперли ихъ въ еврейскіе кварталы (въ предмѣстье Казиміежъ около Кракова) или въ иныхъ мѣстахъ ихъ совершенно изгоняли изъ городовъ[1]). Но уже ихъ ближайшій преемникъ, *Сигизмундъ I* (1506 до 1548), былъ благосклоненъ къ евреямъ и часто защищалъ ихъ отъ преслѣдованій и исключеній. Однако этимъ продолжительнымъ покровительствомъ они пользовались лишь до тѣхъ поръ, пока правили государствомъ епископъ *Томицкій* и канцлеръ *Шидло-*

[1]) У Чацкаго и въ друг. источникахъ.

вецкій, умѣвшіе предусмотрительно оцѣнить значеніе евреевъ для бѣдной деньгами страны и отвращавшіе несправедливости противъ нихъ особенно въ то время, когда королева *Бона*, вторая жена Сигизмунда, не могла оказывать своего вреднаго вліянія на государственныя дѣла. Эта королева изъ дома Сфорцы въ Миланѣ, племянница Фердинанда Католика испанскаго, не была, правда, похожа на свою кузину, португальскую королеву, которая не могла видѣть ни одного еврея и была виною жестокостей короля Маноела противъ португальскихъ евреевъ (IX т. 303). Королева Бона все-таки питала нѣчто вродѣ любви, къ двумъ еврейскимъ женщинамъ, матери и женѣ равина *Моисея Фишеля*, и ради нея король освободилъ его и обѣихъ женщинъ отъ еврейскаго налога[1]). Тѣмъ не менѣе ея вмѣшательство въ дѣла правленія было пагубно для польскаго еврейства, особенно когда лютеровская реформація превратила ее въ жаждавшую гоненій католичку. Но самую энергичную поддержку польскіе евреи находили у польскаго дворянства, которое изъ національной и политической антипатіи ненавидѣло нѣмецкіе города и поэтому покровительствовало евреямъ для собственной пользы, чтобы имѣть орудіе противъ заносчивыхъ нѣмцевъ. И такъ какъ дворяне были въ то же время намѣстниками, воеводами и высшими чиновниками, то ограничительные противъ евреевъ законы часто оставались мертвой буквой, къ досадѣ духовенства и нѣмецкихъ цеховиковъ. Поэтому Польша оставалась желаннымъ убѣжищемъ для гдѣ бы то ни было преслѣдовавшихся евреевъ. Если какой-нибудь крещеный еврей или также урожденный христіанинъ хотѣли свободно исповѣдовать іудаизмъ, то они могли это дѣлать въ Польшѣ такъ же хорошо, какъ въ Турціи. Еще болѣе благопріятно, чѣмъ въ Великой и Малой Польшѣ, было положеніе евреевъ въ Литвѣ и принадлежавшихъ ей областяхъ, объединенныхъ съ Польшей лишь личностью короля.

Равины были важными для короны посредниками; они имѣли право собирать съ общинъ подушную подать и сдавать ее въ государственную казну. Поэтому равины большихъ городовъ избирались или утверждались королемъ, считались офиціальной властью для завѣдыванія дѣлами общинъ и являлись представителями послѣднихъ передъ королемъ. Сигизмундъ I сейчасъ же послѣ своего вступленія на престолъ назначилъ *Михаила Брестскаго* главнымъ равиномъ Литвы; послѣдній жилъ въ Острогѣ[2]). Равины сохраняли свою гражданскую судебную власть; но по временамъ имъ предоставлялась и уголовная съ правомъ отлученія недостойныхъ сочленовъ и даже присужденія къ смерт-

[1]) У Цунца, עיר הצדק стр. 17.

[2]) Чацкій въ указ. м. 86.

ной казни. Михаилъ Брестскій использовалъ это право, когда два еврея приняли участіе въ возстаніи маршала *Глинскаго*. Онъ отлучилъ ихъ отъ синагоги, какъ измѣнниковъ Богу и королю, и при помощи трубныхъ звуковъ объявилъ объ этомъ въ Литвѣ [1]). Но онъ хотѣлъ распространить свою власть даже на жившихъ въ Литвѣ караимовъ, переѣхавшихъ почти на сто лѣтъ раньше изъ Крыма или южной Россіи, поселившихся главнымъ образомъ въ Трокахъ и Луцкѣ [2]) и приглашенныхъ герцогомъ Витольдомъ, предоставившимъ имъ, какъ говорятъ, привилегіи. Эти привилегіи, какъ передаютъ, были утверждены Казимиромъ IV. Поэтому возникли раздоры между равинистами и караимами; послѣдніе утверждали, что они исповѣдуютъ другой іудаизмъ и, слѣдовательно, не подчинены судебной власти равиновъ. Въ дѣйствительности это было со стороны Михаила стѣсненіемъ ихъ свободы совѣсти. Канцлеръ *Гастголдъ* высказался поэтому также въ ихъ пользу, а именно, что привилегіи равинистовъ не должны касаться караимовъ.

Въ Польшѣ, странѣ, которая должна была стать на многіе вѣка главнымъ мѣстомъ талмудической науки и питомникомъ талмудическихъ ученыхъ и равиновъ и въ теченіе долгаго времени имѣла нѣкоторымъ образомъ талмудическую атмосферу, въ началѣ XVI столѣтія совсѣмъ еще не было крупныхъ равиновъ. Лишь переселившіеся туда въ большомъ числѣ нѣмецкіе знатоки Талмуда сдѣлали тамъ эту науку родной. Цѣлыя толпы еврейскихъ семействъ изъ области Рейна и Майна, изъ Баваріи, Швабіи, Богеміи и Австріи поселились на берегахъ Вислы и Днѣпра, и послѣ потери своего имущества они принесли съ собой самое дорогое, что они защищали своей жизнью и что не могло быть у нихъ отнято, свое религіозное убѣжденіе, нравы отцовъ и свои талмудическія познанія. Нѣмецкая равинская школа, которая на родинѣ была совершенно лишена струи воздуха, разложила свой шатеръ въ Польшѣ, Литвѣ и Волыни, распространилась во всѣ стороны и, оплодотворившись славянскими элементами, незамѣтно превратилась въ своеобразную, польскую школу.

Но евреи-бѣглецы изъ Германіи перенесли вь Польшу не только нѣмецкое знаніе Талмуда, но также нѣмецкій языкъ въ его тогдашнемъ состояніи; они привили его туземнымъ евреямъ и постепенно вытѣснили изъ ихъ устъ польскій или украинскій языки. Подобно тому, какъ испанскіе евреи превратили часть европейской или азіатской Турціи въ новую Испанію, такъ нѣмецкіе евреи преобразили Польшу, Литву и принадлежавшія имъ области въ новую Германію. Евреи Литвы и вообще восточной Польши, правда, пользовались языкомъ страны, литовскимъ или укра-

[1]) Штеренбергъ, Исторія евреевъ въ Польшѣ стр. 112.

[2]) Нисенъ въ דור מרדכי, стр. 6; Чацкій т. же 262.

инскимъ[1]), но зато ихъ по-нѣмецки говорившіе единоплеменники смотрѣли на нихъ, какъ на полу-варваровъ. Поэтому въ теченіе многихъ вѣковъ евреи дѣлились на *говорившихъ по-испански* и *по-нѣмецки*, въ сравненіи съ которыми евреи Италіи, какъ малочисленная группа, не были замѣтны, такъ - какъ и здѣсь они должны были понимать испанскій или нѣмецкій языкъ. Поселившіеся въ Польшѣ евреи постепенно оставили и преодолѣли нѣмецкіе нравы, нѣмецкую безпомощность и прямодушіе, только не языкъ. Они уважали его, какъ кумиръ, какъ святое воспоминаніе и, хотя пользовались при сношеніяхъ съ поляками языкомъ страны, въ тѣсномъ семейномъ кругу, въ школѣ и въ молитвѣ сохраняли нѣмецкій. Послѣ еврейскаго онъ являлся для нихъ, какъ бы святымъ языкомъ. Это былъ счастливый для евреевъ случай, что ко времени, когда надъ ихъ головами въ Германіи собрались новыя тучи, они нашли на границѣ страну, оказавшую имъ гостепріимство и защиту. Въ Германіи тогда разразилась буря, первое дуновеніе которой началось въ тѣсномъ еврейскомъ кругу и постепенно привлекло на евреевъ вниманіе всего христіанскаго міра—большее, чѣмъ имъ было желательно. Обширное, міровое историческое событіе, которое должно было преобразить Европу, покоилось, такъ сказать, въ еврейскихъ ясляхъ.

[1]) Срав. Respp. גבורת אנשים второй отдѣлъ Меира Каца (отца Сабатая Когена, Schach) отъ 17 стол., респ. № 1: כי זה המנהג נתפשט שבני בריתנו היושבים בקרבנו (בליטא) רובם מדברים בלשון רוסיא . . . אם יתן השם תמלא הארץ דעה וידברו כלם שפה אחת לשון אשכנז.

ГЛАВА III.

Споръ Рейхлина и Пфеферкорна или Талмудъ въ роли шиболета*) между гуманистами и мракобѣсами.

Проблески лучшаго времени; Пфеферкорнъ и кельнскіе доминиканцы. Гохстратенъ, Ортуинъ Граціусъ и Арнольдъ изъ Тонгерна. Викторъ изъ Карбена и его вынужденныя нападки на Талмудъ. Клеветническія сочиненія Пфеферкорна или доминиканцевъ въ борьбѣ противъ евреевъ и Талмуда. Герцогиня-аббатиса Кунигунда, помощница доминиканцевъ въ борьбѣ противъ Талмуда. Первый мандатъ императора Максимиліана противъ послѣдняго. Конфискація его экземпляровъ во Франкфуртѣ. Вмѣшательство архіепископа майнцскаго. Еврейскіе враги обратили вниманіе на Рейхлина. Рейхлинъ и его еврейскія и кабалистическія занятія. Евреи разстроили конфискацію. Происки доминиканцевъ. Порученіе императора собрать отзывы университетовъ, Рейхлина, Виктора изъ Карбена и Гохстратена о еврейской письменности.

(1506—1510).

Кто тогда могъ бы предчувствовать, что какъ разъ отъ этого неуклюжаго, повсюду считавшагося глупымъ, нѣмецкаго народа, изъ страны рыцарей-разбойниковъ, постоянныхъ раздоровъ изъ-за самыхъ ничтожныхъ вещей, политической разбросанности, гдѣ каждый былъ въ одно и то же время деспотомъ и рабомъ, безжалостно гнетя все низшее и гнусно ползая передъ высшими, кто тогда могъ бы догадаться, что именно отъ этого народа и изъ этой страны изойдетъ движеніе, которое потрясетъ европейскіе порядки до ихъ глубинъ, создастъ новую комбинацію политическихъ отношеній, нанесетъ смертельный ударъ средневѣковью и наложитъ свою печать на начало новаго періода исторіи? Преобразованія церкви и политическаго строя, о которомъ тогда мечтали просвѣтленные умы, менѣе всего можно было бы ожидать отъ Германіи. Чтобъ изъ этой страны величайшей безпомощности, гдѣ самъ императоръ, называвшійся господиномъ міра, безуспѣшно приказывалъ и угрожалъ и гдѣ имѣли значеніе лишь маленькіе тираны, но и то лишь на часъ, изошло усиліе, которое омолодило бы европейскіе народы—это, несомнѣнно, казалось жившимъ тогда очевидной невозможностью. И все-таки въ этомъ народѣ дремали тихія силы, которыя нужно было только разбудить, чтобъ осуществить возрожденіе. Среди нѣмцевъ господствовали еще старая простота жизни и строгость нравовъ, безъ сомнѣнія, педантичная и со смѣшной внѣшностью, въ то время, какъ въ задававшихъ тонъ романскихъ странахъ, въ Италіи, Франціи и Испаніи, уже наступили пресыщеніе, утонченность и нравственное разложеніе. Именно потому, что у нѣмцевъ дольше

---

*) боевого лозунга (см. Кн. судей, XII, 6).

всего сохранялась искони-германская неуклюжесть, портившему нравы высшему духовенству не совсѣмъ удалось отравить ихъ ядомъ своей развращенности. Низшее духовенство, по сравненію съ таковымъ же остальныхъ европейскихъ странъ, было здѣсь цѣломудреннѣе и стыдливѣй. Врожденная склонность къ семейной жизни, которую нѣмцы раздѣляютъ съ евреями, защитила ихъ также отъ той распущенности, въ которой романскіе народы тогда уже погрязали. И именно потому, что нѣмецкая нація не была столь понятлива, а была безпомощна въ мышленіи, она сохранила также свою вѣру и любовь къ истинѣ и справедливости и не дала имъ, подобно остальнымъ народамъ, исчезнуть подъ вліяніемъ умничанья. Въ Римѣ и Италіи въ образованныхъ кругахъ и болѣе всего при папскомъ дворѣ осмѣивали христіанство и его вѣроученія и держались только за вытекавшую изъ этого политическую власть. Въ Германіи же, гдѣ, за исключеніемъ кабаковъ, мало смѣялись, серьезно смотрѣли на христіанство, представляя себѣ его идеаломъ, который нѣкогда былъ живымъ и снова станетъ живымъ.

Но эти нравственные задатки въ нѣмецкомъ народѣ были такъ глубоко спрятаны и зарыты, что необходимы были благопріятныя обстоятельства, чтобъ дать имъ обнаружиться и выступить въ качествѣ историческихъ силъ. Большую роль въ пробужденіи дремавшихъ силъ, хотя это отрицается нѣмцами самими, косвенно сыгралъ Талмудъ. Можно смѣло утверждать, что споръ за и противъ Талмуда разбудилъ сознаніе нѣмцевъ и создалъ *общественное мнѣніе*, безъ котораго реформація умерла бы, какъ столь многія другія попытки, въ часъ ея рожденія или даже совсѣмъ не родилась бы. Маленькій стукъ вызвалъ потрясающее паденіе лавины.

Незамѣтной песчинкой, вызвавшей этотъ обвалъ, явился невѣжественный, глубоко низкій человѣкъ, накипь еврейскаго общества, не заслуживавшій, чтобъ о немъ упоминалось въ исторіи, котораго, однако, Провидѣніе избрало, какъ навознаго жука, для невольнаго совершенія полезнаго дѣла.

Іосифъ Пфеферкорнъ[1]) изъ Моравіи былъ по своей професіи мясникомъ и, конечно, невѣждой. Во всякомъ случаѣ онъ умѣлъ читать по-еврейски, но не лучше, чѣмъ каждый еврей того времени, не принадлежавшій къ ученому сословію. Со лживостью, въ которой онъ достигъ совершенства, онъ утверждалъ, что позже пріобрѣлъ талмудическія познанія отъ своего дяди, *Меира Пфеферкорна*; но этимъ онъ могъ вводить въ заблужденіе лишь не знавшихъ еврейскаго языка христіанъ. Его

[1]) Frankel-Graetz Monatsschrift, г. 1875, стр. 340.

нравственная низость была еще больше его невѣжества. Пфеферкорнъ совершилъ кражу со взломомъ, былъ пойманъ, присужденъ за это графомъ *фонъ-Гутенштейномъ* къ тюремному заключенію и лишь послѣ настойчивыхъ просьбъ его родственниковъ и уплаты штрафныхъ денегъ освобожденъ отъ этого. Этотъ позоръ, какъ кажется, онъ хотѣлъ смыть водой крещенія, а церковь была не очень разборчива, и приняла даже такого негодяя, когда онъ на тридцать шестомъ году жизни съ женой и дѣтьми заявилъ о своей готовности перейти въ христіанство. Какъ христіанинъ, онъ принялъ имя *Іоанна* (1505 г.). Крещеніе онъ принялъ, кажется, въ *Кельнѣ*; во всякомъ случаѣ тамъ лелѣяли его и ухаживали за нимъ невѣжественные, высокомѣрные и фанатическіе доминиканцы. Узнали ли они въ немъ пригодное орудіе, или имъ понравилась его миловидная, живая, не очень недоступная женка[1])—какъ бы то ни было, кельнскіе доминиканцы проявили къ нему очень большую благосклонность и выхлопотали для него у бургомистра должность больничнаго смотрителя и солемѣра. Онъ выдумалъ христіанамъ сказку, будто онъ потомокъ колѣна Нафтали. Кельнъ былъ тогда совинымъ гнѣздомъ боявшихся свѣта хвастуновъ, которые думали, что сумѣютъ заслонить наступленіе свѣтлаго времени черными тучами враждебной наукѣ слѣпой вѣры. Во главѣ его стоялъ *Гохстратенъ* (Гоогстратенъ), инквизиціонный судья или палачъ еретиковъ, насильникъ и безпощадный человѣкъ, который прямо жаждалъ горѣлаго запаха обугленныхъ еретиковъ, приказывалъ изгонять гуманистически образованныхъ людей изъ Кельна и въ Испаніи былъ бы способнымъ Торквемадой. На него былъ похожъ *Арнолдъ изъ Тонгерна* (Тунгернъ), профессоръ теологіи доминиканцевъ, совершившій разъ въ своемъ родномъ городѣ преступленіе и поэтому желавшій, чтобъ забыли о его происхожденіи. Третьимъ союзникомъ былъ *Ортуинъ де Граесъ* изъ Девентера, носившій латинское имя *Ортуинусъ Граціусъ*[2]), сынъ священника, желавшій въ этомъ подражать своему отцу. Онъ лишь немного вкусилъ отъ прекрасныхъ наукъ; тѣмъ не менѣе былъ безмѣрно прославленъ своими друзьями и единомышленниками, какъ поэтъ и знатокъ изящныхъ искусствъ.

Ортуинъ де-Граесъ питалъ такую жгучую ненависть къ евреямъ, которая не могла возникнуть на почвѣ одного лишь религіознаго рвенія. Онъ буквально отдался тому, чтобы при помощи юдофобскихъ сочиненій возбудить противъ нихъ ненависть христіанъ. Однако, будучи слишкомъ невѣжественымъ для того, чтобъ составить юдофобскую книгу или даже только брошюру, Ортуинъ Граціусъ привлекалъ крещеныхъ евреевъ, которые долж-

[1]) Пфеферкорнъ, Defensio contra famosas epistolas obscurorum virorum № 2.
[2]) Гуманисты дали ему прозвище Ortu-Wino.

ны были снабжать его матеріаломъ. Еврей, перешедшій подъ вліяніемъ какого-то гоненія или изъ другихъ мотивовъ въ христіанство на пятидесятомъ году своей жизни и принявшій имя *Виктора*[1]) *изъ Карбена* (род. 1442, ум. 1515), былъ имъ названъ равиномъ (онъ лишь немного зналъ еврейскій яз. и равинство), чтобъ придать больше значенія его переходу въ христіанство и борьбѣ противъ іудаизма. Тогдашній архіепископъ и курфюрстъ кельнскій, *Германъ*, ландграфъ гесенскій, желая испытать его вѣрность христіанству, пригласилъ ученыхъ евреевъ рейнской области въ Попельсдорфъ (окола Бона) на религіозный диспутъ съ нимъ, который велся въ присутствіи многихъ придворныхъ, духовенства и рыцарей. Неизвѣстно въ достаточной степени, добровольно ли или вынужденно Викторъ изъ Карбена (съ болью высказавшій, что при крещеніи онъ оставилъ жену, трехъ дѣтей, братьевъ и дорогихъ друзей[2]) упрекнулъ при этомъ евреевъ, что они полны злобы противъ христіанъ и поносятъ все христіанское. Когда архіепископъ Германъ свелъ бесѣду на то, какъ евреи думаютъ о Христѣ и его матери, этотъ, такъ называемый, крещеный равинъ обвинилъ первыхъ въ постыднѣйшихъ поношеніяхъ послѣднихъ, и послѣдствіемъ этого было изгнаніе всѣхъ евреевъ изъ нижне-рейнской мѣстности[3]).

У этого Виктора изъ Карбена Ортуинъ Граціусъ доставалъ себѣ матеріалъ для жалобъ на евреевъ, ихъ Талмудъ, ихъ ошибки и мерзости и сдѣлалъ изъ этого книгу. Въ этомъ сочиненіи, „О жизни и нравахъ евреевъ“ (написано въ 1504 г. по-латыни и переведено на нѣмецкій), первое обвиненіе гласитъ: „они даже за всѣ сокровища міра не согласились бы отказаться отъ іудаизма; если самому бѣдному изъ нихъ предложили бы тысячу золотыхъ за отреченіе отъ своей вѣры или даже только за то, чтобъ онъ что-нибудь приподнялъ съ земли*) предъ изображеніемъ распятія, то онъ отказался бы отъ нихъ и предпочиталъ бы оставаться въ нуждѣ; даже самый невѣжественный среди евреевъ скорѣе тысячу разъ всходилъ бы на костеръ, чѣмъ призналъ бы Іисуса“. Итакъ этотъ, прославленный жаднымъ къ деньгамъ, народъ ни за какія сокровища не хотѣлъ отказаться отъ своихъ убѣжденій; этотъ, считавшійся трусливымъ, народъ переносилъ за нихъ ужаснѣйшія мученія; за это Викторъ Карбенъ или Ортуинъ клеймилъ его худшимъ и испорченнѣйшимъ. Странные разговоры евреевъ и агадическіе разсказы въ Талмудѣ особенно высмѣивались въ этомъ сочиненіи. Не отсутствуетъ въ немъ также обвиненіе, будто евреи въ своихъ молитвахъ проклинаютъ крещеныхъ и отпавшихъ отъ нихъ евреевъ; но совершенно вымышлено въ немъ утвержденіе, буд-

[1]) Срав. о немъ Вольфа, Biblioth. hebr. I, стр. 354, III, стр. 238, IV, стр. 268 и слѣд. и 216.

[2]) De vita et moribus Judaeorum гл. I.

[3]) Т. же гл. 24.

*) какъ будто поклонился. *Ред.*

то евреи постоянно стараются убивать такихъ при помощи обмана и насилія, о чемъ разсказываются ужаснѣйшія сказки. Естественно, что во всей порочности евреевъ виноватъ Талмудъ, который они уважаютъ больше, чѣмъ десять заповѣдей.

Викторъ изъ Карбена былъ, видно, все таки не достаточно способенъ или уже слишкомъ старъ, чтобъ помочь выполнить широко задуманный планъ, благодаря которому доминиканскому ордену, какъ инквизиціонному суду надъ людьми и книгами, достались бы выгодныя дѣла. Но имъ нуженъ былъ для этого еврей, такъ какъ ихъ собственная фирма незадолго до этого потеряла всякое уваженіе. Доминиканцы и францисканцы издавна были смертельными врагами. Что одни хвалили, то другіе поносили. Если первые слѣдовали схоластикѣ Ѳомы Аквинскаго и называли себя *ѳомистами*, то другіе придерживались схолатической теологіи другого авторитета и были *скотистами* и *окамистами*. Францисканцы защищали догматъ о томъ, что не только Іисусъ, но также его мать родились непорочнымъ путемъ отъ дѣвственной матери. По этому доминиканцы возставали противъ непорочнаго зачатія Маріи. Въ началѣ XVI столѣтія споръ достигъ высокой степени язвительности. Доминиканцы хотѣли доказать свой взглядъ чудомъ. Въ *Бернѣ* они раздобыли себѣ для этой цѣли подмастерье портного и присоединили его къ своему ордену; этотъ подмастерье вначалѣ согласился заявлять, будто онъ по ночамъ разговаривалъ съ Маріей и отъ нея самой узналъ истину ея порочнаго рожденія. Къ концу онъ выдалъ обманъ доминиканцевъ, и вслѣдствіе этого пріоръ, субъ-пріоръ и два высокопоставленыхъ лица изъ этого ордена были сожжены, какъ еретики. Францисканцы не упустили случая распространить объ этомъ позорѣ своихъ противниковъ при помощи популярныхъ сочиненій на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, чтобъ сдѣлать ненавистнымъ враждебный имъ орденъ. Поэтому-то доминиканцы не осмѣливались подъ собственнымъ именемъ возбуждать умы противъ евреевъ, но подстрекнули къ этому крещенаго Пфеферкорна.

Пфеферкорнъ былъ въ высшей степени послушенъ и способенъ. Онъ далъ свое имя одному новому юдофобскому сочиненію, которое снова было написано сначала по латыни Ортуиномъ Граціусомъ. Онъ показалъ евреямъ „Зеркало для увѣщеванія“ къ переходу въ христіанство. Это первое юдофобское сочиненіе подъ именемъ Пфеферкорна еще ласково обращается съ евреями, еще немного гладитъ ихъ по головкѣ и даже старается объявить частыя противъ нихъ обвиненія въ похищеніи и убійствѣ христіанскихъ дѣтей неправильными и клеветническими. Оно еще обращается къ христіанамъ съ просьбой не высылать евреевъ, такъ какъ до сихъ поръ ихъ постоянно гнали изъ одного мѣста въ другое, не подвер-

гать ихъ также слишкомъ сильному гнету, потому что они вѣдь извѣстнымъ образомъ также люди. Но эта любезность была лишь маской или вытянутымъ щупальцемъ *для отысканія надежной почвы*. „Увѣщевательное зеркало“ рисуетъ надежду евреевъ на мессіанское избавленіе тщетной, ссылается на позорный исходъ послѣдняго мессіанскаго движенія, вызваннаго Лемлейномъ[1]), повлекшій за собою значительно больше, чѣмъ прежде, обращеній евреевъ въ христіанство, и утверждаетъ: этотъ признакъ въ связи съ другими указываетъ на то, что подготовляется новый порядокъ вещей, эпоха одного пастыря и одного стада или конецъ міра. Это сочиненіе являлось только простой стычкой передъ главной битвой.

Кельнскіе доминиканцы имѣли въ виду настаивать на конфискаціи талмудическихъ сочиненій, какъ это было въ эпоху Людовика Святого французскаго. На это издалека мѣтила первая брошюра Пфеферкорна. Она разсчитывала именно возбудить подозрѣніе противъ Талмуда. Въ перемежку съ нѣжными призывами и злобными ругательствами она упрекнула евреевъ въ томъ, что они не признаютъ Іисуса Мессіей и Богомъ, не почитаютъ и не молятся Маріи. Приведши три причины упорнаго невѣрія евреевъ: что они занимаются ростовщичествомъ, что ихъ насильно не заставляютъ посѣщать церкви и что они привержены къ Талмуду, брошюра утверждала, что, если бъ эти три препятствія были устранены, евреи массами тянулись бы къ церкви. Поэтому брошюра увѣщевала государей и народы воспрепятствовать ростовщичеству евреевъ, принудить ихъ къ посѣщенію церкви и выслушиванію проповѣдей[2]) и сжечь Талмудъ. Она признавала, что было бы несправедливо нарушить право собственности евреевъ на ихъ сочиненія; но, такъ какъ христіане все-таки не боятся причинять евреямъ всякого рода насилія, угнетать ихъ всяческими налогами и вымогательствами и не изъ злобы или алчности, а для пользы евреевъ, дабы они бросили свое невѣріе, то въ сравненіи съ этимъ конфискація ихъ талмудическихъ сочиненій—невинная вещь. Исключительно только на это мѣтило вышедшее подъ именемъ Пфеферкорна сочиненіе. Въ Германіи тогда было широко распространено мнѣніе, что кельнскія ночныя совы съ Пфеферкорномъ хотѣли сдѣлать въ этомъ случаѣ выгодное дѣло. Еслибъ они могли повліять на государей и общественное мнѣніе, чтобъ былъ наложенъ арестъ на экземпляры Талмуда, чѣмъ тогда распоряжались бы доминиканцы, какъ законные инквизиціонные судьи, то нѣмецкіе евреи, которые не могли обойтись безъ Талмуда, явились бы къ нимъ съ полными руками, чтобъ пріостановить

[1]) См. дальше.

[2]) Speculum hortationis кн. II гл. 4.

конфискацію[1]). Поэтому въ слѣдующемъ году они снова выступили подъ вывѣской Пфеферкорна съ сочиненіемъ подъ названіемъ *„Еврейская исповѣдь“* (1508) слѣдующаго ненавистническаго содержанія: сначала высмѣиваются религіозные обычаи евреевъ, какъ послѣдніе исповѣдуются передъ пѣтухами, курами и рыбами и потомъ поѣдаютъ своихъ исповѣдниковъ, а затѣмъ христіане предостерегаются отъ близкихъ знакомствъ съ ними, „какъ еще болѣе опасными существами, чѣмъ самъ чертъ;“ евреи обзываются кровопійцами, питающимися потомъ и кровью христіанъ; поэтому государи обязаны ихъ прогнать; изгнаны же они вѣдь изъ многихъ странъ, Франціи, Испаніи, Даніи и недавно также изъ Нюрнберга, Ульма и Нердлинга; какой ущербъ и какой вредъ получился отъ этого христіанамъ? „По справедливости вы должны ради своего душевнаго спасенія послѣдовать ихъ примѣру“; правительство должно, по крайней мѣрѣ, запретить имъ вести денежныя дѣла и принудить ихъ къ работѣ и посѣщенію церкви. Рефреномъ ядовитой книжки объ „еврейской исповѣди“ является, что еврейская письменность виновата въ закоснѣлости евреевъ, такъ какъ она поноситъ христіанскую церковь. Странно, что Пфеферкорнъ счелъ нужнымъ осуждать въ своей книжкѣ своихъ товарищей, крещеныхъ евреевъ. „Встрѣчаются нѣкоторые дурные евреи, которые бѣгутъ въ страну и крестятся не потому, что они стали христіанами, а для того, чтобъ заработать деньги, жить въ радости и наслажденіи и имѣть возможность лучше использовать свою милость; къ концу крещеные снова приходятъ къ евреямъ и говорятъ: „мы не хотимъ болѣе быть христіанами; хотя нѣкоторые изъ этихъ крещеныхъ остаются среди христіанъ, они все-таки тайно сочувствуютъ евреямъ“. Хотѣлъ ли Пфеферкорнъ этимъ навлечь подозрѣніе на возможный протестъ противъ его гнусностей со стороны другихъ крещеныхъ евреевъ? Во всякомъ случаѣ онъ самъ далъ поводъ сильно сомнѣваться въ искренности его вѣрованія.

Немного позже (въ февралѣ 1509) подъ именемъ Пфеферкорна появилась снова на нѣмецкомъ языкѣ брошюра о еврейской пасхѣ, обращавшаяся къ народу и прямо подстрекавшая къ насилію надъ евреями. Въ противорѣчіи съ первымъ сочиненіемъ, обвиняя евреевъ въ томъ, что они считаютъ заслугой не только обманывать христіанъ, но и лишать ихъ жизни, она говоритъ: поэтому изгнаніе паршивыхъ собакъ является христіанской обязанностью; если бъ государи не согласились на это, то пусть народъ примется за это дѣло, попроситъ сначала государей силой отобрать у евреевъ всѣ книги за исключеніемъ Библіи и всѣ заклады,

[1]) Epistolae obscurorum virorum (II, № 7); epistolae clarorum virorum II, 11.

сверхъ того оторвать отъ нихъ дѣтей и ихъ воспитать по христіански, а взрослыхъ, какъ неисправимыхъ мошенниковъ, разорить; не грѣхъ причинять евреямъ самое худшее, такъ какъ они не свободные люди, а крѣпостные, и жизнь и имущество ихъ являются собственностью государей; если бъ послѣдніе добровольно не удовлетворили просьбы народа, то пусть послѣдній соберется толпами, даже устроитъ бунтъ и неотступно требуетъ выполненія христіанскаго долга нанесенія вреда евреямъ; массы должны объявить себя рыцарями Христа и выполнить его завѣтъ; кто причиняетъ евреямъ страданіе, тотъ является частью Христа, кто же покровительствуетъ имъ, тотъ еще хуже ихъ и на томъ свѣтѣ будетъ наказанъ вѣчными мученіями и адскимъ огнемъ.

Но Пфеферкорнъ, Ортуинъ Граціусъ и кельнскіе жидоѣды всетаки явились слишкомъ поздно. Пора бунтовъ для избіеній евреевъ уже прошла, хотя тогда евреевъ ненавидѣли и презирали не менѣе, чѣмъ въ эпоху крестовыхъ походовъ и черной смерти. Государи были еще менѣе склонны изгнать евреевъ, такъ какъ вмѣстѣ съ ними отпала бы правильно поступающая статья дохода. Не очень ревностно тогда стремились также къ обращенію евреевъ; многіе христіане, наоборотъ, издѣваясь и вышучивая, указывали на крещеныхъ евреевъ. У христіанъ тогда существовало сравненіе: крещеный еврей походитъ на бѣлое чистое полотно. Пока оно свѣжо, глазъ наслаждается имъ; послѣ нѣсколькихъ дней употребленія его откладываютъ въ сторону и бросаютъ въ грязь; такъ и за крещенымъ евреемъ христіане ухаживаютъ сейчасъ послѣ крещенія; проходитъ нѣкоторое время, на него перестаютъ обращать вниманіе, его избѣгаютъ, исключаютъ и затѣмъ надъ нимъ даже насмѣхаются[1]).

Нѣмецкіе евреи, боявшіеся новыхъ опасностей для нихъ отъ усердія Пфеферкорна, противодѣйствовали ему, сколько могли. Еврейскіе врачи, пользовавшіеся популярностью при монаршихъ дворахъ, повидимому, воспользовались своимъ вліяніемъ на своихъ покровителей, чтобъ представить обвиненія Пфеферкорна вымышленными и сдѣлать ихъ недѣйствительными. Даже христіане выражали свое недовольство происками этого крещенаго еврея и громко высказывали: Пфеферкорнъ никуда негодный человѣкъ и лицемѣръ, которому не слѣдуетъ совершенно довѣрять; онъ хочетъ лишь ввести въ заблужденіе простыхъ людей и думаетъ только о наполненіи своего кошелька; когда онъ достигнетъ своей цѣли, онъ внезапно исчезнетъ и затѣмъ или вернется къ іудаизму, или будетъ искать свой барышъ на другой аренѣ подъ другимъ именемъ при помощи новаго крещенія[2]).

---

[1]) Викторъ изъ Карбена, de vita et moribus Judaeorum гл. 4 и 24.

[2]) Пфеферкорнъ, Hostis Judaeorum.

Поэтому онъ счелъ для себя необходимымъ (мартъ 1509) вскорѣ выпустить въ свѣтъ новую брошюру, которую онъ назвалъ прямо „*Врагъ евреевъ*". Этотъ злобный памфлетъ онъ посвятилъ юдофобу *Филиппу, кельнскому* князю, котораго онъ заклиналъ защитить его отъ евреевъ, посягавшихъ на его жизнь. Пфеферкорнъ повторилъ въ немъ всѣ свои прежнія обвиненія противъ евреевъ и наглядно объяснялъ, какъ сильно они истощили христіанъ процентами съ процентовъ. Очернивъ въ немъ еврейскихъ врачей, будто они только шарлатаны и подвергаютъ опасности жизнь своихъ христіанскихъ паціентовъ, онъ говоритъ: поэтому является необходимостью изгнаніе евреевъ, какъ это сдѣлалъ императоръ Максимиліанъ съ евреями въ Австріи, Штиріи и Каринтіи[1]); по крайней мѣрѣ ихъ нужно заставить бросить ростовщичество и заняться работой, но не благородными и почетными ремеслами, а позорными и грязными, чтобъ они чистили улицы, дымовыя трубы, вывозили нечистоты, убирали трупы[2]); въ особенности же должны быть у нихъ отняты экземпляры Талмуда и вообще всѣ связанныя съ религіей книги, кромѣ Библіи, и для этого должны производиться обыски; ихъ слѣдуетъ даже путемъ пытокъ принудить выдать эти книги. Въ составленіи этой книги принималъ также участіе магистръ прекрасныхъ наукъ, Ортуинъ Граціусъ. Онъ перевелъ ее на латинскій языкъ и предпослалъ ей эпиграмму въ плохихъ стихахъ объ упрямствѣ, неуступчивости и порочности еврейскаго рода.

Но эти злобныя брошюры на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ были все еще лишь средствомъ и подготовленіями къ плану, который долженъ былъ осуществить надежду кельнскихъ доминиканцевъ имѣть возможность разложить костры для религіозныхъ сочиненій евреевъ или получить отъ этого источникъ дохода. Они разсчитывали на императора Максимиліана, его они хотѣли усиленно просить, на него, который не легко соглашался на насиліе, они думали произвести давленіе, чтобъ онъ выдалъ на ихъ произволъ евреевъ вмѣстѣ съ ихъ книгами и деньгами. Они пользовались для этого, какъ помощницей, изувѣрной набожностью несчастной государыни.

Красивая сестра Максимиліана, *Кунигунда,* любимая дочь императора Фридриха III, руки которой добивались могущественные короли, доставила въ юности много горя своему престарѣлому отцу. Безъ вѣдома своего отца она вышла замужъ за его явнаго врага, баварскаго герцога, *Альбрехта мюнхенскаго,* возроставшему могуществу котораго онъ необыкновенно завидовалъ и который лишь недавно отнялъ у него и присоединилъ къ себѣ важный городъ Регенсбургъ. Сверхъ того Куни-

[1]) См. выше. [2]) Hostis Judaeorum на послѣдней стр.

гунда сама содѣйствовала увеличенію Баваріи тѣмъ, что она ему принесла въ качествѣ приданаго Тироль и переднюю Австрію. Въ теченіе долгаго времени глубоко оскорбленный отецъ не хотѣлъ даже слышать упоминанія ея имени. Дошло совсѣмъ до войны между Фридрихомъ и враждебнымъ ему его зятемъ, Альбрехтомъ баваро-мюнхенскимъ, которая была задержана въ своемъ гибельномъ для Германіи ходѣ лишь благоразуміемъ Максимиліана. Максимиліанъ добился также, наконецъ, примиренія между отцомъ и дочерью. Когда герцогъ Альбрехтъ въ зрѣломъ возрастѣ умеръ (1508), овдовѣвшая Кунигунда, можетъ быть, изъ раскаянія въ ошибкѣ своей юности, скоро послѣ похоронъ своего мужа перешла изъ своихъ герцогскихъ покоевъ въ францисканскій монастырь въ Мюнхенѣ. Она стала аббатисой кларисъ и бичевала свое тѣло. На помраченныя чувства этой государыни спекулировали кельнскіе доминиканцы. Они снабдили Пфеферкорна рекомендательнымъ письмомъ къ Кунигундѣ. Онъ долженъ былъ своимъ ядовитымъ языкомъ описать ей постыдное поведеніе евреевъ, ихъ поношенія Іисуса, Маріи, апостоловъ и вообще церкви; онъ долженъ былъ ей также внушить, что еврейскія книги, всѣ безъ исключенія, содержатъ всѣ эти мерзости и заслуживаютъ уничтоженія. Кельнскіе доминиканцы правильно разсчитали, что обвиненіе, возбужденное урожденнымъ евреемъ противъ своихъ единовѣрцевъ, будетъ имѣть большее значеніе, чѣмъ если бъ оно было возбуждено христіаниномъ. Какъ легко уговорить женщину и еще къ тому же изувѣрно-вѣрующую, живущую въ удушливой атмосферѣ монастырскихъ стѣнъ! Кунигунда тѣмъ болѣе повѣрила клеветѣ на евреевъ и ихъ письменность, что она исходила изъ устъ бывшаго еврея, который долженъ знать ихъ привычки и злодѣйства, особенно же его увѣренію, что послѣ уничтоженія еврейскихъ книгъ всѣ евреи постепенно перейдутъ въ христіанство.

Пфеферкорнъ легко получилъ отъ изувѣрной царственной монахини все, что онъ хотѣлъ. Она дала ему настоятельное письмо къ своему брату-императору, въ которомъ она заклинала послѣдняго прекратить еврейскія поношенія христіанства и издать приказъ объ отнятіи у нихъ всѣхъ книгъ, за исключеніемъ Библіи, и о сожженіи послѣднихъ, такъ какъ иначе грѣхи богохульства, ежедневно совершаемые евреями, упадутъ на его коронованную главу. Снабженный этимъ письмомъ, Пфеферкорнъ тотчасъ же направился въ Италію въ лагерь императора, находившагося тогда передъ Падуей въ походѣ противъ венеціанцевъ.

Фанатическому письму Кунигунды и устной клеветѣ Пфеферкорна удалось вынудить у Максимиліана, который, будучи по горло занятъ тогда войной и дипломатическими осложненіями, не имѣлъ времени въ достаточной степени обдумать это дѣло, мандатъ (отъ 19 августа 1509), въ которомъ онъ

предоставляетъ крещеному злодѣю полную власть надъ евреями. Онъ долженъ былъ имѣть право повсюду въ государствѣ просматривать еврейскія книги и уничтожать всѣ тѣ, содержаніе которыхъ направлено противъ Библіи и христіанской вѣры. Однако священники и члены магистрата должны были присутствовать при этомъ. Евреямъ этотъ мандатъ строго предписывалъ подъ страхомъ тяжкихъ тѣлесныхъ и денежныхъ наказаній не оказывать никакого сопротивленія и показывать свои книги для просмотра.

Торжествуя, спѣшилъ Пфеферкорнъ назадъ въ Германію съ письменнымъ полномочіемъ императора въ рукахъ, дѣлавшимъ его господиномъ надъ евреями, чтобъ устроить охоту на еврейскія книги или еврейскіе кошельки. Свое, обѣщавшее стать прибыльнымъ, дѣло онъ началъ съ самой значительной тогда нѣмецкой общины, Франкфурта, гдѣ было много знатоковъ Талмуда, слѣдовательно много экземпляровъ его, а также состоятельныхъ евреевъ. Тамъ лежали для продажи также тюки еврейскихъ сочиненій чужихъ типографій, накопившіеся во время ярмарки. По предложенію Пфеферкорна, магистратъ собралъ всѣхъ евреевъ въ синагогѣ и объявилъ имъ приказъ императора выдать свои книги.

Въ присутствіи трехъ священниковъ изъ монастыря Варѳоломея и двухъ членовъ магистрата были сейчасъ же конфискованы всѣ молитвенники, находившіеся въ синагогѣ. Это было какъ разъ наканунѣ праздника кущей (пятница 28 сент. 1509). По собственной власти, но съ указаніемъ, что онъ и на это былъ уполномоченъ императоромъ, Пфеферкорнъ запретилъ посѣщеніе синагоги на время праздника; онъ имѣлъ въ виду производить тогда обыски домовъ, такъ какъ ему важно было захватить экземпляры Талмуда, которые каждый знатокъ держалъ у себя дома. Однако присутствовавшіе священники не были такъ безпощадны, чтобъ превратить праздникъ евреевъ въ печаль, и отложили этотъ розыскъ книгъ у отдѣльныхъ лицъ на слѣдующій понедѣльникъ. Какъ вели себя евреи? То, что они осмѣлились протестовать противъ этого насильственнаго вмѣшательства, говоритъ за наступленіе новой эпохи. Они ужъ болѣе не сносили терпѣливо, какъ прежде въ Германіи, ограбленія, расхищенія и даже смерть. Они сослались на свои права, подтвержденныя также императорами и папами, обезпечивавшія имъ религіозную свободу, что заключаетъ въ себѣ и обладаніе молитвенниками и учебниками. Они требовали отсрочки конфискаціи книгъ, чтобъ аппелировать императору и въ верховный судъ. Правленіе франкфуртской общины тотчасъ же послало депутата въ Ашафенбургъ къ курфюрсту и архіепископу майнцскому, *Уріелу фонъ-Гемингенъ*, чтобъ побудить его, которому было подчинено нѣмецкое еврейство и къ округу котораго принадлежалъ Франкфуртъ, запретить духовенству соучастіе въ несправедливомъ дѣлѣ. Когда

Пфеферкорнъ въ понедѣльникъ (1-го октября) началъ обыскъ, евреи такъ энергично протестовали противъ этого, что онъ былъ отложенъ, пока совѣтъ не приметъ рѣшеніе по этому поводу, долженъ ли быть удовлетворенъ ихъ протестъ или нѣтъ. Рѣшеніе глубокомудраго магистрата было неблагопріятно; но въ тотъ моментъ, когда было приступлено къ конфискаціи, прибыло посланіе отъ архіепископа, запрещавшее священникамъ помогать Пфеферкорну. Этимъ было разстроено покушеніе, такъ какъ члены магистрата также отказались отъ этого дѣла, разъ они узнали о сочувствіи евреямъ и со стороны высшаго духовнаго сановника. Однако евреи не успокоились на этомъ. Хотя они не знали, что за спиной Пфеферкорна стояли могущественные доминиканцы, однако они догадывались, что еврейскіе враги пользовались этимъ отъявленнымъ злодѣемъ, чтобъ вызвать гоненія на нихъ. Они немедленно отправили одного делегата къ императору для защиты своего дѣла, а другого въ ближнія и дальнія нѣмецкія общины для устройства въ слѣдующемъ мѣсяцѣ съѣзда, на которомъ были бы совмѣстно обсуждены мѣры предотвращенія опасности и собраны деньги.

На моментъ казалось, что это, столь мучительное для евреевъ, дѣло принимало благопріятный для нихъ оборотъ. Совѣтъ Франкфурта держался сносно; онъ наложилъ во всякомъ случаѣ арестъ на книжные тюки еврейскихъ книгопродавцевъ и запретилъ ихъ продавать. Благопріятнѣе всего для нихъ было поведеніе архіепископа майнцскаго. Изъ чувства ли справедливости (онъ былъ справедливый человѣкъ), изъ дружественнаго ли отношенія къ евреямъ, или изъ отвращенія къ доминиканскому вынюхиванію еретиковъ (онъ былъ причастенъ къ гуманистическимъ стремленіямъ и былъ врагомъ слѣпой вѣры и религіознаго усердія), или, наконецъ, изъ ревности, что императоръ вторгнулся въ его права и передалъ такому негодяю право духовнаго суда въ его округѣ—какъ бы то ни было, Уріелъ фонъ Гемингенъ прямо сталъ на сторону евреевъ. Онъ тотчасъ же послалъ письмо къ императору (5 окт.), въ которомъ слегка упрекалъ его, что онъ предоставилъ въ этомъ дѣлѣ полную власть такому невѣжественному человѣку, какъ Пфеферкорнъ, заявлялъ, что, по скольку онъ знаетъ евреевъ его округа, нѣтъ подобныхъ ругательныхъ и враждебныхъ христіанамъ книгъ, и намекалъ, что, если императоръ настаиваетъ на разслѣдованіи и конфискаціи еврейскихъ книгъ, онъ долженъ довѣрить это спеціалисту. Онъ такъ ревностно вступился за евреевъ, что тотчасъ же сообщилъ своему повѣренному при императорскомъ дворѣ, *фонъ-Гутену*, [5] о своемъ письмѣ къ императору и убѣдительно просилъ его помочь евреямъ, чтобъ ихъ просьба могла быть удовлетворена императоромъ. Чтобъ не выдать своего пристрастія, архіепископъ пригласилъ Пфеферкорна въ

Ашафенбургъ и объяснилъ ему, что привезенный имъ отъ императора мандатъ содержитъ формальную ошибку, вслѣдствіе чего недѣйствителенъ, такъ.какъ евреи могутъ оспаривать его законность.

Въ этой бесѣдѣ впервые всплыло имя Рейхлина; неизвѣстно, было ли указано на него сначала Пфеферкорномъ или архіепископомъ. При этомъ именно обсуждалось обращеніе къ императору съ просьбой назначить судьями надъ еврейскими книгами Пфеферкорна и еще Рейхлина (а также Виктора изъ Карбена). Дѣятельный выкрестъ опоясалъ тотчасъ свои чресла, чтобъ начать второе путешествіе къ императору. Безъ сомнѣнія онъ сначала извѣстилъ объ этомъ своихъ покровителей, кельнскихъ доминиканцевъ, и получилъ отъ нихъ новыя рекомендательныя письма къ императору. Съ ихъ согласія Пфеферкорнъ долженъ былъ предложить императору лучшаго среди христіанъ знатока еврейскаго языка въ качествѣ второго судьи въ этомъ дѣлѣ. Въ слишкомъ умномъ своемъ разсчетѣ эти хитрецы сдѣлали ошибку, которая сдѣлала спорнымъ уже достигнутый ими успѣхъ. Пфеферкорнъ или кельнскіе доминиканцы считали необходимымъ обезпечить себя поддержкой человѣка, который, благодаря своей учености, характеру и уважаемому положенію, могъ сдѣлать эту мѣру болѣе дѣйствительной. *Рейхлинъ*, гордость Германіи, долженъ былъ стать ихъ союзникомъ, чтобъ заранѣе обезоружить своихъ противниковъ. Въ разсчеты входило также намѣреніе такъ или иначе скомпрометировать этого человѣка, на котораго мракобѣсы косо смотрѣли и который, къ ихъ досадѣ, первый въ Германіи и вообще въ Европѣ возбудилъ среди христіанъ интересъ къ изученію еврейскаго языка, какъ греческаго[1]). Однако именно вслѣдствіе этихъ тонкихъ хитростей Пфеферкорнъ и его руководители не только совершенно разстроили свое дѣло, но вызвали бурю, которая меньше, чѣмъ въ десять лѣтъ, глубоко потрясла все зданіе католической церкви. По справедливости позже говорили, что полу-еврейскій христіанинъ нанесъ больше вреда христіанству, чѣмъ это могли сдѣлать всѣ скверныя еврейскія книги[2]). Іоганнъ Рейхлинъ представляетъ собою личность, которая содѣйствовала переходу отъ средневѣковья къ новому времени и поэтому имѣетъ очень извѣстное имя въ исторіи XVI столѣтія, но и въ еврейской исторіи ему приличествуетъ блестящая страница.

Іоганнъ Рейхлинъ изъ Пфорцгейма (род. 1455, ум. 1522) или какъ его называли почитавшіе его любители гуманистическихъ наукъ по плохой эллинизаціи его нѣмецкаго имени, *Капніо*, вмѣстѣ со своимъ болѣе молодымъ современникомъ, *Эразмомъ ротердамскимъ*, сняли съ Германіи позоръ варварства и своимъ примѣромъ и поощреніемъ до-

[1]) Рейхлинъ къ Жаку Лефевру, сборникъ писемъ 2.

[2]) Эразмъ къ Рейхлину въ epistolae clarorum virorum II стр. 2.

казали также болѣе широкимъ кругамъ, что нѣмцы въ знаніи старо-латинскаго и греческаго языковъ, въ красивомъ изложеніи и вообще въ гуманистическомъ образованіи могутъ соперничать съ единственными въ то время представителями этого знанія, итальянцами, и даже превзойти ихъ. Кромѣ поразительнаго знанія классической литературы и элегантнаго стиля, Рейхлинъ обладалъ еще кристальнымъ характеромъ, благороднымъ образомъ мыслей, испытанной во всякихъ искушеніяхъ честностью, удивительной любовью къ правдѣ и мягкимъ сердцемъ, дѣлавшимъ его жертвоспособнымъ другомъ и сочувствующимъ помощникомъ въ нуждѣ. Съ этой стороны Рейхлинъ въ свое время имѣлъ мало себѣ подобныхъ и, еслибъ онъ соединилъ въ себѣ вмѣстѣ съ этимъ также безстрашіе Гутена и большую ясность мышленія, онъ былъ бы болѣе подходящимъ реформаторомъ церкви и общества, чѣмъ самъ Лютеръ. Болѣе разносторонній, чѣмъ Эразмъ, его младшій товарищъ въ дѣлѣ насажденія и распространенія въ Германіи гуманистическаго и эстетическаго образованія, Рейхлинъ занялся также изученіемъ еврейскаго языка, чтобъ знать этотъ благословенный Богомъ языкъ, подобно отцу церкви Іерониму, который былъ для него образцомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Германіи и Франціи онъ не имѣлъ случая основательно изучить святой языкъ. Нѣмецкіе евреи сами знали его слишкомъ мало для того, чтобъ научить ему жаждущаго знать христіанина. Учитель Рейхлина, *Весель* въ Базелѣ, внушившій ему любовь къ этому языку и давшій ему первоначальныя свѣдѣнія, не могъ повести его дальше. Любовь Рейхлина къ еврейскому языку превратилась въ экставъ, когда онъ при своемъ второмъ путешествіи въ Римъ (въ началѣ 1490) познакомился во Флоренціи съ ученымъ юношей, итальянскимъ вундеркиндомъ, *Пико де-Мирандола*, и узналъ отъ него, какія глубокія, удивительныя тайны скрыты въ еврейскихъ источникахъ кабалы. Съ этого времени Рейхлинъ испытывалъ настоящую жажду по еврейской литературѣ; но онъ не могъ ее утолить. Онъ не могъ достать себѣ даже печатную еврейскую Библію[1]). При своемъ возвращеніи въ Германію, Рейхлинъ, который тогда уже былъ совѣтникомъ герцога вюртембергскаго обратился къ равину *Якову Марголесу* въ Регенсбургѣ съ просьбой достать ему нѣкоторыя извѣстныя кабалистическія сочиненія. Послѣдній отвѣтилъ ему, что онъ не можетъ ему этимъ служить, такъ какъ такихъ книгъ нельзя сыскать въ Регенсбургѣ, и въ вѣжливой формѣ совѣтывалъ ему вообще не заниматься кабалой, потому что она темна, глубока и приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы[2]).

[1]) Письмо Стрелера къ Рейхлину въ epistolae clar. virr. I, № 45.
[2]) Epist. cl. virr.

Лишь въ зрѣломъ возрастѣ Рейхлину удалось получить болѣе глубокія знанія еврейскаго языка. Во время своего пребыванія въ Линцѣ, при дворѣ престарѣлаго императора, Фридриха III, котораго онъ посѣтилъ вмѣстѣ со своимъ государемъ, герцогомъ *Эбергардомъ*, онъ познакомился съ лейбъ-медикомъ императора и еврейскимъ рыцаремъ, *Яковомъ Лоансомъ*, и этотъ еврейскій ученый сталъ его учителемъ еврейскаго языка и литературы. Каждый часъ, который Рейхлинъ могъ урвать отъ дѣлъ при дворѣ, онъ посвящалъ этому занятію и такъ основательно вникнулъ въ него, что скоро могъ стать самостоятельнымъ. Его способность къ изученію языковъ помогла ему преодолѣть всѣ трудности. По предложенію Лоанса, престарѣлый императоръ незадолго до своей смерти подарилъ любознательному, хорошо знавшему языки человѣку, которому онъ радовался, дорогую еврейскую Библію, оцѣнивавшуюся больше, чѣмъ въ 300 дукатовъ. Съ того времени существовала сердечная связь между еврейскимъ учителемъ, Лоансомъ, и христіанскимъ ученикомъ. Рейхлинъ называлъ его „своимъ другомъ"[1]. При дворѣ императора Рейхлинъ имѣлъ случай встрѣчаться также съ другими образованными евреями[2].

Свои, пріобрѣтенныя съ такимъ рвеніемъ, еврейскія знанія Рейхлинъ хотѣлъ сейчасъ же примѣнить. Онъ написалъ небольшой трудъ, *о чудесномъ словѣ*[3], представляющій вдохновенный панигирикъ еврейскому языку, его простотѣ, глубинѣ и божественности. „Языкъ евреевъ простъ, естественъ, святъ, сжатъ и точенъ; на немъ Богъ говоритъ съ людьми и люди говорятъ съ ангелами непосредственно и безъ переводчика, лицомъ къ лицу, не чрезъ журчаніе кастальскаго источника или чрезъ тифонскую пещеру или додонскій лѣсъ или дельфійскій треножникъ, но какъ говорятъ другъ съ другомъ"[4]. Еврей, влюбленный въ свои древности, не могъ бы говорить о нихъ болѣе восторженно. Этотъ трудъ, посвященный Рейхлиномъ епископу *вормскому*, *Далбергу*, представляетъ діалогъ между эпикурейскимъ философомъ, еврейскимъ мудрецомъ *(Барухіасомъ)* и христіаниномъ *(Капніо)*, собравшимися въ Пфорцгеймѣ, родинѣ Рейхлина. Предлагается задача доказать, что мудрость всѣхъ народовъ, символы языческой религіи, формы ихъ культа являются ничѣмъ инымъ, какъ признаніемъ или искаженіемъ еврейской истины, которая скрытно и глубоко заключена въ словахъ, буквахъ, даже въ начертаніяхъ еврейскихъ буквъ[5]. Рейхлинъ въ красивой латинской формѣ и съ классической ученостью собственно прославилъ этимъ больше языкъ кабалистовъ, чтобъ горячо рекомендовать его христіанской публикѣ. Дѣтское толкованіе кабалистами

[1]) Epistolae clar. virr. I № 9. [2]) Рейхлинъ у von der Hardt II стр. 21.
[3]) Capnion sive de verbo mirifico, Тюбингенъ 1494.
[4]) Т. же II стр. 124. [5]) Т. же стр. 134.

именъ и буквъ въ Священномъ писаніи поразило Капніо, и онъ примѣнилъ его къ догмамъ христіанства[1]. Рейхлинъ также былъ сильно увлеченъ числовымъ толкованіемъ буквъ Божьяго имени (тетраграмматонъ), какъ кабалисты[2] *десятью сефирами* тайнаго ученія[3], и искалъ для всѣхъ этихъ игръ доказательства изъ классической литературы. Эту мистическую дѣтскую игру онъ перенесъ на христіанство, видѣлъ въ первыхъ словахъ кн. Бытія намекъ на христіанскую Троицу, Отца, Сына и Святого Духа[4]). Въ буквахъ имени Іисуса на еврейскомъ языкѣ, которое онъ ошибочно составилъ себѣ, Рейхлинъ усматривалъ верхъ всѣхъ сущностей и всѣхъ тайнъ[5]).

Впрочемъ Рейхлинъ могъ чувствовать, что въ его еврейскихъ знаніяхъ были еще нѣкоторые пробѣлы, и онъ не постѣснялся, будучи посланникомъ въ Римѣ курфюрста пфальцскаго для защиты его интересовъ при дворѣ папы Александра VI (1498 до 1500), продолжать свое изученіе еврейской литературы.

Овадія Сфорно[6]) изъ Цезены, жившій въ то время въ Римѣ (позже врачъ въ Болоньѣ), былъ вторымъ учителемъ Рейхлина въ еврейскомъ языкѣ. Сфорно зналъ также латинскій языкъ и при помощи этого тогда міровово, языка онъ могъ объясняться съ Рейхлиномъ. Онъ обладалъ еще нѣкоторыми математическими и философскими знаніями и позже написалъ коментаріи къ большинству библейскихъ книгъ. Онъ не былъ, правда, тонкимъ знатокомъ еврейской литературы, смотрѣлъ на нее болѣе чрезъ очки агады и кабалы; но для Рейхлина онъ зналъ достаточно. Такъ нѣмецкій гуманистъ, бывшій уже знаменитымъ человѣкомъ, латинскими рѣчами котораго восхищались итальянцы, сидѣлъ у ногъ еврея, чтобъ съ его помощью усовершенствоваться въ еврейскомъ языкѣ[7]). Вообще, гдѣ Рейхлину представлялся случай получить указанія отъ еврея, онъ не пренебрегалъ этимъ[8]); такимъ въ высокой степени важнымъ дѣломъ являлся для него еврейскій языкъ. Однако не всѣ евреи, въ частности не нѣмецкіе, могли согласиться обучать христіанина еврейскому языку; они ссылались на неправильно понятое мѣсто Талмуда, что запрещено сообщать нееврею слова Торы[9]).

Такъ какъ въ Германіи, или можно даже сказать, во всей Европѣ онъ былъ единственнымъ христіаниномъ, изучившимъ святой языкъ, а стремленіе къ знанію послѣдняго, какъ и греческаго, было всеобще, то его много-

---

[1]) Т. же I, гл. 3 конецъ. [2]) Т. же гл. 21. [3]) Т. же гл. 18.
[4]) Т. же III, гл. 4. [5]) Т. же гл. 12. [6]) См. выше.
[7]) Рейхлинъ, предисловіе къ 1-й книгѣ Rudimenta. Меланхтонъ, vita Reichlini стр. 304. [8]) Предисл. къ соч. de accentibus et orthographia.
[9]) Послѣсловіе къ Rudimenta.

численные друзья уговорили его составить еврейскую грамматику, которая дала бы возможность жаждущимъ учиться самостоятельно изучить ее. Первая, составленная христіаниномъ, еврейская грамматика, которую Рейхлинъ назвалъ „памятникомъ, болѣе прочнымъ, чѣмъ металлическій“ (закончена въ мартѣ 1506[1]), была, правда, довольно скудна. Она давала исключительно самое необходимое для произношенія и этимологіи и одновременно съ этимъ словарь, несовершенство котораго, какъ составленнаго начинающимъ, не должно поражать. Но эта грамматика имѣла большое значеніе; она вызвала изученіе еврейскаго языка у большого круга гуманистовъ, которые съ того времени съ жаромъ набросились на это, и эти занятія при лютеровской реформаціи дали новый бродильный матеріалъ. Рядъ учениковъ Рейхлина, *Себастьянъ Мюнстеръ*, *Видманштадтъ*, пошли по его слѣдамъ и возвысили еврейскій языкъ до равноправія съ греческимъ. Правда, толчокъ былъ данъ также и съ другой стороны. Почти въ то же самое время въ Падуѣ кружку учениковъ преподавалъ еврейскій языкъ, *Илія Левита*[2]), первый нѣмецкій еврей, который занялся этой, презиравшейся его еврейскими земляками, по крайней мѣрѣ незнакомой имъ, областью. Когда онъ изъ-за военнаго смятенія переселился изъ этого города въ Римъ, тогдашній генералъ ордена августинцевъ, *Эгидіо* (Эгидіусъ) *де-Витербо*, взялъ его къ себѣ въ домъ, удовлетворялъ всѣ его нужды и бралъ у него уроки еврейскаго языка. Но оба эти ревнители еврейскаго языка среди христіанъ, Рейхлинъ и Эгидіо де-Витербо, хотѣли, чтобъ его изучали не ради него самого и также не для повышенія знанія Библіи и разумнаго толкованія Писанія, но исключительно для того, чтобъ этимъ путемъ имѣть возможность безъ головокруженія смотрѣть въ бездну кабалистическаго тайнаго ученія. По порученію Эгидіо, перевелъ Зогаръ (или части его) на латинскій языкъ кабалистъ *Борухъ изъ Беневента.* Такъ кабала, постоянный врагъ грамматическаго пониманія, вопреки своей волѣ проложила ему путь. Папа Сикстъ IV настоятельно рекомендовалъ, чтобъ кабалистическія сочиненія путемъ перевода на латинскій языкъ дѣлать доступными христіанамъ.

Рейхлинъ, спустившійся въ еврейскую улицу, чтобъ поднять зарытый тамъ кладъ, сначала былъ все-таки не менѣе своихъ современниковъ полонъ грубыхъ предразсудковъ противъ еврейскаго племени. Забывая о его прежнемъ блескѣ и не понимая его превосходнаго, хотя и покрытаго отталкивающей скорлупой, ядра, Рейхлинъ считалъ его не только варварскимъ и лишеннымъ всякой склонности къ искусству, но и низкимъ и

[1]) Въ концѣ Rudimenta linguae Hebraeae говоритъ Рейхлинъ: exegi monumentum aere perennius.

[2]) См. ниже.

порочнымъ[1]). Онъ торжественнѣйше заявлялъ, что очень далекъ отъ того, чтобы благоволять къ евреямъ. Подобно отцу церкви Іерониму, его образцу, онъ обнаружилъ, что основательно ненавидѣлъ еврейскую націю[2]). Одновременно со своей еврейской грамматикой онъ составилъ для одного рыцаря, желавшаго устроить религіозный диспутъ со своими евреями, посланіе (missive[3]), въ которомъ онъ выводилъ все несчастье евреевъ изъ ихъ ослѣпленнаго невѣрія вмѣсто того, чтобъ искать его въ жестокомъ отношеніи христіанъ къ нимъ. Рейхлинъ обвинялъ ихъ не менѣе, чѣмъ Пфеферкорнъ въ поношеніи Іисуса, Маріи, апостоловъ и вообще христіанъ. При этомъ онъ ссылался на анти-христіанскія сочиненія (Nizachon Липмана[4]) и на еврейскую молитву противъ еретиковъ[5]). Позже Рейхлинъ сожалѣлъ, что написалъ это юдофобское сочиненіе; его сердце не раздѣляло предубѣжденія его головы. Гдѣ онъ ни встрѣчался съ отдѣльными евреями, онъ любилъ или, по крайней мѣрѣ, уважалъ ихъ; онъ могъ находить, что они были лучше, чѣмъ то представленіе, которое христіане составили себѣ о евреяхъ. Его чувство справедливости не могло рѣшиться ни допустить, чтобъ евреямъ была оказана просто несправедливость, ни тѣмъ болѣе способствовать этому.

Когда Пфеферкорнъ и кельнскіе доминиканцы связались съ Рейхлиномъ, онъ уже былъ на высотѣ своей славы, высоко цѣнимый за свою честность высшими и низшими, возведенный императоромъ Фридрихомъ въ дворяне, назначенный императоромъ Максимиліаномъ совѣтникомъ и судьей Швабскаго союза, а также лично глубокоуважаемый, почитаемый, любимый и почти боготворимый кружкомъ гуманистовъ, извѣстнымъ образомъ, орденомъ свободныхъ умовъ внутри и внѣ Германіи. Хотя до того времени Рейхлинъ не провинился рѣшительно ни въ чемъ еретическомъ, былъ въ лучшихъ отношеніяхъ съ доминиканскимъ орденомъ и безъ вознагражденія былъ ихъ повѣреннымъ въ свѣтскихъ дѣлахъ, однако мракобѣсы инстинктивно видѣли въ немъ своего тайнаго врага. Распространеніе наукъ, занятіе классической литературой, забота объ элегантномъ латинскомъ стилѣ, вызванной въ Германіи впервые Рейхлиномъ воодушевленіе и интересъ къ греческому языку, въ глазахъ завзятыхъ католиковъ языку схизматиковъ, и теперь введеніе даже еврейскаго языка, предпочитаніе *„еврейской правды“*, еврейскаго текста, испорченной, церковью считающейся канонической и ненарушимой латинской вулгатѣ,—все это считалось мракобѣсами такими грѣхами, которые обезпечивали ему мѣсто въ

[1]) Предисл. соч. Рейхлина de arte Cabbalistica.
[2]) Письма къ Колину, epistolae clarorum virorum II.
[3]) Посланіе рыцарю, Пфорцгеймъ 1505. [4]) См. Греца т. IX.
[5]) На формулу: welaminim или welameschumadim: ולמינים или ולמשומדים.

черной книгѣ, хотя нельзя было сейчасъ же выступить противъ нихъ съ инквизиціоннымъ судомъ.

Данное Пфеферкорну, тайному агенту кельнскихъ доминиканцевъ, порученіе привлечь Рейхлина къ разслѣдованію нечестивыхъ еврейскихъ книгъ, было, какъ уже указано, хитро задуманной западней. Поэтому во время своей второй поѣздки въ императорскій лагерь Пфеферкорнъ посѣтилъ Рейхлина въ его квартирѣ, показалъ ему императорскій мандатъ и старался сдѣлать его союзникомъ своихъ злобныхъ плановъ противъ евреевъ. Рейхлинъ наполовину отклонилъ это требованіе, хвалилъ, правда, стремленіе уничтожить еврейскіе пасквили противъ христіанства, но считалъ, что въ мандатѣ императора есть формальная ошибка, изъ-за чего рѣшительныя дѣйствія противъ еврейскихъ сочиненій являются незаконными и поэтому власти неохотно будутъ помогать этому. Рейхлинъ, говорятъ, далъ ему тогда также понять, что онъ принялъ бы въ этомъ участіе, если бы онъ былъ приглашенъ. Вслѣдствіе этого Пфеферкорнъ отправился къ императору, чтобъ выхлопотать у него второй, правильно составленный и неоспоримый, мандатъ. Но евреи также не бездѣйствовали, чтобъ добиться у императора отмѣны мандата и возвращенія отнятыхъ у нихъ книгъ.

Между тѣмъ франкфуртская община сдѣлала своимъ повѣреннымъ энергичнаго человѣка изъ своей среды, *Іонатана Леви Ціона*. Регенсбургская община также отправила къ императорскому двору своего повѣреннаго. *Исаакъ Тріестъ*, любимый приближенными императора, пустилъ въ ходъ всѣ старанія, чтобъ вмѣстѣ съ упомянутыми повѣренными разстроить замыслы Пфеферкорна. Этихъ еврейскихъ повѣренныхъ поддерживали видные христіане, сначала представитель архіепископа, затѣмъ маркграфъ баденскій и наконецъ „маршалъ“ *Голдекеръ*. Сначала еврейскіе повѣренные ссылались на выданныя императорами и папами привилегіи, по которымъ евреямъ разрѣшается религіозная свобода, а императору не разрѣшается вторгаться въ ихъ внутреннія дѣла, въ ихъ обладаніе религіозной письменностью. Эти привилегіи подверглись разсмотрѣнію одного лица изъ свиты императора и были найдены обязательными. Еврейскіе повѣренные также не забыли представить императору засвидѣтельствованное письмо о томъ, что ихъ обвинитель порочный человѣкъ, воръ и грабитель. Они уже думали, что они у цѣли своихъ желаній. Императоръ въ аудіенціи выслушалъ ихъ просьбу и обѣщалъ скорый отвѣтъ. Милостивый пріемъ пробудилъ въ нихъ душѣ надежду, что ихъ заклятый врагъ, Пфеферкорнъ, будетъ посрамленъ, отнятыя у нихъ книги будутъ имъ возвращены, и все это опасное дѣло будетъ закончено. Ихъ покровитель,

Уріелъ фонъ-Гемингенъ, долженъ былъ быть назначенъ комисаромъ въ этомъ дѣлѣ. Развѣ это не было благопріятнымъ предзнаменованіемъ?

Однако они не знали непостояннаго характера Максимиліана. Какъ только снова пришелъ къ нему Пфеферкорнъ съ собственноручнымъ письмомъ отъ его сестры, въ которомъ фанатичка-монахиня заклинала его не вредить христіанству отнятіемъ мандата, стрѣлка вѣсовъ наклонилась на враждебную евреямъ сторону. Кромѣ того императору было досадно, что столь низко стоявшіе евреи осмѣлились, вопреки его мандату, отказаться отъ выдачи книгъ въ своихъ домахъ.

Послѣ этого онъ издалъ второй мандатъ (10 ноября 1509). Въ немъ Максимиліанъ упрекаетъ евреевъ, что они дерзнули оказать противодѣйствіе, приказываетъ продолжать конфискацію, назначаетъ комисаромъ архіепископа Уріела, но совѣтуетъ ему привлечь къ этому ученыхъ изъ высшихъ школъ Кельна, Майнца, Эрфурта и Гейдельберга, а также ученыхъ людей, какъ Рейхлина, Виктора изъ Карбена, и даже вполнѣ невѣжественнаго въ еврейскомъ языкѣ инквизиціоннаго судью, *Гохстратена;* эти люди должны были просмотрѣть конфискованныя Пфеферкорномъ книги, невинныя оставить евреямъ, зато относительно найденныхъ подозрительными приглашать свѣдущихъ евреевъ для диспута о нихъ. Такъ думалъ Максимиліанъ отдать справедливость обѣимъ сторонамъ.

Съ этимъ мандатомъ въ карманѣ Пфеферкорнъ поспѣшилъ назадъ на арену своей дѣятельности въ область Рейна. На основаніи этого архіепископъ Уріелъ назначилъ регента майнцскаго университета, *Германа Геса*, своимъ делегатомъ для руководства конфискаціей книгъ у евреевъ. Вмѣстѣ съ нимъ Пфеферкорнъ снова отправился во Франкфуртъ, и охота на еврейскія книги началась сызнова. Такъ было отнято у франкфуртскихъ евреевъ 1500 рукописныхъ сочиненій (вмѣстѣ съ конфискованными уже раньше) и сложены въ ратушѣ. И въ другихъ городахъ, *Вормсѣ*, *Лорхѣ*, *Бингенѣ*, *Ланштейнѣ*, *Майнцѣ* (собственно Винзау подъ Майнцемъ) и *Дейцѣ*, Пфеферкорнъ съ большимъ рвеніемъ дѣлалъ свое дѣло. Позже онъ утверждалъ: евреи предлагали ему значительныя суммы денегъ за отказъ отъ своего обвиненія, онъ же не поддался искушеніямъ сатаны.

Еще хуже, чѣмъ непостоянное поведеніе императора, была индифферентность наибольшихъ общинъ Германіи къ устройству съѣзда и совѣщанія общинныхъ представителей для разрушенія злобныхъ замысловъ Пфеферкорна или вѣрнѣе доминиканцевъ. Маленькія общины во всякомъ случаѣ внесли свои доли на расходы по этому столь опасному дѣлу; но болѣе крупныя и богатыя, *Ротенбургъ* на Тауберѣ, *Вейсенбургъ* и *Фиртъ*, на которыя франкфуртцы болѣе всего разсчитывали, проявили

полное равнодушіе. Такъ какъ первый срокъ для собранія не былъ соблюденъ, то представители франкфуртской общины назначили новый; но и съѣздъ въ этотъ день разстроили эти три общины[1]).

Когда же вслѣдствіе второго мандата императора еврейскія книги были снова конфискованы не только во Франкфуртѣ, но и въ другихъ общинахъ, общины поднялись для совмѣстныхъ дѣйствій. Совѣтъ Франкфурта былъ переубѣжденъ въ ихъ пользу, поднялъ на имперскомъ съѣздѣ въ Вормсѣ вопросъ объ этомъ дѣлѣ, послалъ императору врученную ему жалобу евреевъ и сопроводилъ ее просьбой, чтобъ императоръ лишилъ Пфеферкорна полномочія, такъ какъ послѣдній дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, „замалчивая правду и утверждая неправду". Совѣтъ указывалъ также на еврейскія привилегіи и разъяснялъ, что еврейская литература полезна также для христіанъ и что папа Климентъ постановилъ, чтобъ въ высшихъ школахъ и университетахъ читались о ней лекціи[2]).

Къ тому же явилось еще другое обстоятельство. На франкфуртскую весеннюю ярмарку еврейскіе книгопродавцы обычно привозили для продажи свои тюки съ книгами. Такъ какъ Пфеферкорнъ угрожалъ конфисковать и ихъ, то совѣтъ Франкфурта отказывался поддержать это требованіе, не желая допустить нарушеніе права ярмарки на свободную торговлю. Кромѣ того еврейскіе книгопродавцы имѣли охранные листы отъ государей и господъ своей родины, защищавшіе не только ихъ личность, но также ихъ имущество, листы, данные во всякомъ случаѣ въ личныхъ интересахъ, чтобъ не понести ущерба въ своихъ доходахъ изъ-за убытковъ своихъ евреевъ. И архіепископъ Уріелъ дулся и склонялся болѣе на сторону евреевъ. Онъ не созвалъ указанныхъ императоромъ ученыхъ для просмотра еврейскихъ книгъ, а дѣлалъ лишь то, чего онъ не могъ не исполнить. Къ императору поступили, кажется, также жалобы со стороны нѣкоторыхъ государей, которымъ евреи раскрыли глаза на важное значеніе этой необыкновенной конфискаціи[3]). Общественное мнѣніе было особенно возстановлено противъ Пфеферкорна.

Но послѣдній вмѣстѣ съ доминиканцами также не сидѣли сложа руки, а дѣлали усилія для привлеченія на свою сторону императора и общественнаго мнѣнія, и было удивительно, что враги гласности открыли ротъ этому, до того времени нѣмому, судьѣ и помогли ему стать силою. Съ этой цѣлью снова подъ именемъ Пфеферкорна вышелъ въ свѣтъ[4]) на нѣмецкомъ языкѣ новый пасквиль на евреевъ: *„Во славу и честь императора Максиміліана"*. Это сочиненіе пускало въ глаза импе-

[1]) Ср. Monatsschrift, г. 1875, стр. 342, 375.

[2]) Т. же стр. 215.

[3]) Т. же стр. 400.

[4]) въ мартѣ 1510 г.

ратора цѣлыя облака лести и съ сожалѣніемъ замѣчало, что въ христіанскихъ кругахъ изъ легкомыслія и непониманія обращаютъ слишкомъ мало вниманія на обвиненія противъ евреевъ. Въ немъ повторяется, что Талмудъ, еврейское ростовщичество и ихъ легкіе барыши виновны въ ихъ упорномъ сопротивленіи обращенію въ христіанство. Пфеферкорнъ не скрываетъ въ немъ, какъ герцогиня Кунигунда поддержала его враждебныя евреямъ дѣйствія и какъ она побудила императора издать мандатъ о конфискаціи еврейскихъ сочиненій. Въ этомъ пасквилѣ онъ перечисляетъ небиблейскія еврейскія сочиненія, переполненныя, по его утвержденію, поношеніями противъ христіанства (чѣмъ онъ, однако, проявилъ лишь свое невѣжество) и клеймитъ евреевъ еретиками за то, что у нихъ нѣкоторые обычаи и суевѣрные пріемы, находящіеся въ противорѣчіи со священнымъ Писаніемъ. Злобный клеветникъ упрекалъ евреевъ даже за то, что они выдавали своихъ дочерей замужъ охотнѣе за знающихъ Талмудъ, чѣмъ за невѣждъ, и считалъ нецѣломудріемъ со стороны набожныхъ, что они изъ религіозныхъ соображеній воздержны въ бракѣ. Вѣра евреевъ въ Мессію, ихъ разукрашиваніе рая, ихъ обычаи при погребеніи, ихъ невинныя саги (напр., о древнемъ надгробномъ памятникѣ вормской общины) — все это не высмѣивается въ этомъ пасквилѣ, какъ глупость, а клеймится, какъ преступленіе.

Пасквиль Пфеферкорна „во славу императора Максимиліана“ предлагаетъ свѣтлѣйшимъ государямъ, милостивымъ господамъ и всѣмъ сословіямъ христіанскаго міра обратить свое вниманіе на помѣщенныя въ еврейскихъ сочиненіяхъ поношенія Всемогущаго и достославной Богоматери и софистически опровергаетъ всѣ возраженія противъ сооруженія костровъ для Талмуда. Главное возраженіе, что эта мѣра была бы безполезна, такъ какъ евреи могли бы скрыть нѣкоторые экземпляры или вновь снять копіи съ запрещенныхъ или получить ихъ изъ заграницы, Пфеферкорнъ думалъ устранить слѣдующимъ пріемомъ, выдающимъ всю коварную злобу его или доминиканцевъ: отъ евреевъ слѣдуетъ потребовать торжественной присяги и именно послѣ того, какъ ихъ заставятъ цѣлый день поститься, когда передъ ними поставятъ горячее, вкусное мясо, вареную рыбу, стаканы съ виномъ, масло, медъ и молоко и заставятъ съ обнаженной головой и произнесеніемъ освященнаго имени Бога клясться, что они выдадутъ всѣ книги, ни одной ни спрячутъ, ни скопируютъ, ни привезутъ изъ заграницы; кто же послѣ этого будетъ обличенъ въ обладаніи экземпляромъ Талмуда, тотъ, какъ клятвопреступникъ, долженъ будетъ быть лишенъ всего своего имущества и отлученъ отъ синагоги остальными евреями. Такъ сами евреи при помощи физическихъ и душевныхъ мукъ должны были быть использованы въ качествѣ орудія злодѣянія.

Въ томъ же пасквилѣ онъ слѣдующимъ образомъ старается заставить умолкнуть тѣ голоса, которые раздавались въ защиту евреевъ, и заранѣе навлечь на нихъ подозрѣніе: если противъ его клеветы высказались бы крещеные евреи, то пусть не считаютъ ихъ искренними христіанами; это лишь такіе, которые крестились только изъ плотскаго побужденія, въ душѣ продолжаютъ быть евреями и не желаютъ, будучи нечестивы и безбожны, чтобъ обнаружилось еврейское коварство; такихъ крещеныхъ евреевъ которые могли бы уличить его сочиненіе во лжи, христіане должны избѣгать какъ чертей; христіане, которые благопріятно отозвались бы о евреяхъ, подкуплены еврейскими деньгами или въ душѣ отпали отъ христіанства; но ничего не стоютъ также голоса безукоризненныхъ, благочестивыхъ христіанъ въ пользу евреевъ, такъ какъ это лишь такіе, которые даже самое благородное стремленіе заподазриваютъ и истолковываютъ въ худшую сторону (т. е. такіе христіане, которые узнали его низкія намѣренія).

Къ концу Пфеферкорнъ угрожаетъ: онъ опубликуетъ, если евреи будутъ продолжать упорствовать, еще новыя сочиненія, по сравненію съ которыми вышедшіе до того времени доносы будутъ похожи лишь на предисловіе; онъ используетъ противъ евреевъ весь колчанъ своихъ отравленныхъ стрѣлъ; онъ опубликуетъ забытое издѣліе на еврейскомъ языкѣ о рожденіи Іисуса[1]) и съ помощью крещеныхъ евреевъ, *Виктора изъ Карбена*, *Фишеля изъ Кракова* и другихъ, откроетъ враждебное отношеніе евреевъ къ христіанамъ и ихъ всеобщую вредность. Это, по-нѣмецки написанное, сочиненіе было переведено фризомъ *Андреемъ Рудеромъ* на латинскій языкъ, чтобъ возбудить противъ евреевъ весь христіанскій міръ, по-нѣмецки и по-латыни читающую публику.

Пфеферкорнъ не удовлетворился еще этимъ, но обратился съ особымъ посланіемъ къ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ, въ которомъ онъ такъ изложилъ положеніе дѣла: императоръ, который вправѣ лишить евреевъ всего, милостиво удовлетворился тѣмъ, что приказалъ ему конфисковать только ихъ богохульныя сочиненія, и онъ уже исполнилъ приказаніе во многихъ общинахъ; однако евреи хотѣли при помощи денегъ привлечь его на свою сторону и заставить отказаться отъ этого дѣла; но такъ какъ онъ устоялъ противъ искушенія, то они преслѣдуютъ его личность, честь и репутацію и не сами, а чрезъ подкупленныхъ ими христіанъ, дабы уничтожить это дѣло, что естественно послужило бы къ большому вреду для христіанства; „этимъ письмомъ“ онъ хочетъ побудить всѣхъ христіанскихъ вѣрующихъ людей совершенно не вѣрить еврейской сказкѣ, будто императоръ ихъ другъ; каждый христіанинъ обязанъ помочь, чтобъ враждебная

[1]) תולדות ישו, исторія рожденія Іисуса.

христіанамъ еврейская письменность была искоренена и уничтожена. Къ концу посланія повторяются мнимыя поносительныя слова, которыми евреи якобы пользовались по отношенію къ основателямъ и таинствамъ христіанства. Такъ кельнскіе доминиканцы, которые постоянно были за спиной Пфеферкорна, снова пытались произвести моральное давленіе на Максимиліана при помощи общественнаго мнѣнія.

Послѣднее, должно быть, между тѣмъ столь сильно высказывалось противъ мракобѣсовъ, что Максимиліанъ чувствовалъ себя вынужденнымъ сдѣлать необычный для императора шагъ, извѣстнымъ образомъ отмѣнить свои прежніе приказы и приказать совѣту Франкфурта возвратить евреямъ ихъ сочиненія (23 мая 1510) „до выполненія нашего намѣренія и просмотра книгъ". Радость евреевъ была велика, какъ можно себѣ представить. Избѣгли они вѣдь большой опасности, такъ какъ дѣло шло не только объ ихъ литературѣ, которая была столь дорога ихъ сердцу, но объ ихъ положеніи въ германо-римской имперіи. Какъ легко могли произойти изъ этого другія невыгоды для нихъ? У доминиканцевъ не было бы недостатка въ подстрекательствѣ къ созданію новыхъ униженій и гоненій на нихъ.

Но они слишкомъ рано праздновали побѣду. Доминиканцы и ихъ союзникъ и орудіе, Пфеферкорнъ, не такъ легко отказывались отъ достигнутыхъ уже успѣховъ. Печальный случай въ области Бранденбурга далъ новую пищу ихъ злобнымъ стремленіямъ и опорный пунктъ для ихъ доносовъ. Какой-то померанецъ укралъ въ церкви дароносицу съ позолоченнымъ ковчегомъ. Спрошенный о просвирѣ, онъ заявилъ, что продалъ ее евреямъ Шпандау, Бранденбурга и Штендала. Вору, естественно, вполнѣ повѣрили, и епископъ бранденбургскій съ пламеннымъ фанатизмомъ сталъ преслѣдовать бранденбургскихъ евреевъ. Вслѣдствіе этого курфюрстъ бранденбургскій, *Іоахимъ I*, главный гонитель еретиковъ, приказалъ привести обвиненныхъ въ преступленіи въ Берлинъ. Къ обвиненію въ оскверненіи просвиры скоро присоединилось другое обвиненіе, именно въ убійствѣ дѣтей, какъ прежде въ Бреславлѣ при Капистрано и въ иныхъ мѣстахъ. Іоахимъ велѣлъ пытать обвиненныхъ и затѣмъ на одномъ помостѣ сжечь тридцать восемь человѣкъ. Стойко и съ хвалебной пѣснью на устахъ пошли эти бранденбургскіе мученики на огненную смерть (19 іюля 1510), кромѣ двухъ, которые изъ страха передъ смертью крестились, за что были лишь обезглавлены. Таково первое извѣстіе о евреяхъ Берлина и Бранденбурга. Черезъ двадцать семь лѣтъ выяснилась невинновность мучениковъ. Но въ тотъ моментъ враги евреевъ использовали этотъ случай и опубликовали, какъ будто обвиненіе было правдивымъ, сочиненіе объ этомъ[1]), снабженное отвратительными политипажами, наглядно представляв-

[1]) Объ этомъ сообщаютъ Пфеферкорнъ въ „Зерцалѣ" и д-ръ Экъ въ „Juden-

ними мученія евреевъ. Этотъ случай возбудилъ въ Германіи общее вниманіе, и кельнскіе доминиканцы воспользовались имъ, чтобъ побудить императора издать новый мандатъ для конфискаціи еврейской письменности, такъ какъ одинъ только Талмудъ виновенъ во враждебности евреевъ къ христіанамъ. Прямымъ путемъ они не могли добиться у него этого, потому что онъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ лживости обвиненія; но они снова выдвинули ту же посредницу, изувѣрную герцогиню-аббатису, Кунигунду, которой по поводу этого случая ярче была расписана ужасная порочность евреевъ; она должна была опять повліять на императора. Доминиканцы сумѣли внушить ей, какой ущербъ будетъ нанесенъ и уже нанесенъ христіанству, если оскверняющіе просвиры и убивающіе дѣтей евреи могли хвастать, что ихъ книги возвращены имъ обратно по приказу императора и что императоръ извѣстнымъ образомъ одобряетъ заключающіяся въ нихъ ругательства по адресу христіанской религіи. На основаніи этого она стала буквально штурмовать своего брата и при встрѣчѣ съ нимъ въ Мюнхенѣ пала на колѣни, со слезами на глазахъ заклиная его снова взяться за дѣло о еврейскихъ книгахъ. Пфеферкорнъ своими доносами также надоѣдалъ императору во время его пребыванія въ Баваріи. Максимиліанъ былъ въ затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны онъ не могъ отказать своей любимой сестрѣ въ ея столь искреннемъ желаніи, но съ другой стороны онъ не очень былъ восхищенъ лживыми выдумками Пфеферкорна противъ евреевъ. Онъ нашелъ, однако, средство оказаться справедливымъ для обѣихъ сторонъ. Онъ издалъ новый мандатъ, четвертый въ этомъ дѣлѣ (6 іюля 1510), на имя архіепископа *Уріела* о возобновленіи этого дѣла, но въ другомъ видѣ. Онъ хотѣлъ сначала удостовѣриться, хорошо ли, похвально ли и дѣйствительно ли полезно для христіанства сжечь талмудическія книги, какъ это столь упорно утверждалъ Пфеферкорнъ. Вопросъ не долженъ былъ приниматься доказаннымъ, но сначала долженъ былъ быть основательно изученъ. На обязанности архіепископа майнцскаго лежало собрать отзывы объ этомъ отъ перечисленныхъ нѣмецкихъ университетовъ и отъ поименованныхъ лицъ, *Рейхлина*, *Виктора изъ Карбена* и *Гохстратена*, которымъ императоръ велѣлъ отправить спеціальныя предложенія въ офиціальной формѣ. Заключеніе или заключенія о цѣнности еврейской литературы должны были быть ему переданы Пфеферкорномъ, какъ зачинщикомъ дѣла[2]).

büchlein;" Цунцъ (синагогальная поэзія, стр. 54) приводитъ еврейскій источникъ; Іосифъ Іоселинъ сообщаетъ въ своемъ дневникѣ: ובאותו שנה (שנת ה' ע"ר) תקפה הצרה במדינת מארק ושרפו ל"ח נפשות כשרים דורשי ה' בעיר פערלין.

[1]) Рейхлинъ, Зерцало глазъ, начало; Пфеферкорнъ, Defensio contra famosas.

Евреи имѣли основаніе со страхомъ ожидать исхода отзывовъ. Отъ этого зависѣли ихъ горе и радость.

ГЛАВА IV.

Споръ изъ-за Талмуда, шиболетъ гуманистовъ и мракобѣсовъ.

(продолженіе).

Отзывъ Рейхлина въ пользу еврейской литературы и евреевъ. Отзывы другихъ; Гохстратенъ за постоянный инквизиціонный судъ для евреевъ. Майнцскій университетъ противъ Библіи. Злоупотребленіе отзывомъ Рейхлина со стороны доминиканцевъ. Ручное зерцало; первый памфлетъ противъ Рейхлина; его глазное зерцало въ пользу евреевъ создаетъ общественное мнѣніе. Радость евреевъ и ликованіе круга гуманистовъ по этому поводу. Безчувственность и близорукость Эразма, Пиркгеймера и Мутіана.

Это былъ счастливый случай для евреевъ, что къ честному, любившему правду и фанатически восхищенному еврейской и кабалистической литературой *Рейхлину* обратились за мнѣніемъ о допустимости или негодности еврейской литературы. Предложившіе его кельнскіе доминиканцы сами этимъ разстроили свое предпріятіе и въ дальнѣйшемъ сдѣлали его врагомъ своихъ злобныхъ стремленій.

Какъ только къ Рейхлину прибыло предложеніе отъ императора, онъ тотчасъ принялся за составленіе отвѣта на вопросъ: „Хорошо ли, похвально ли и полезно ли христіанской вѣрѣ сжечь еврейскія сочиненія (подъ чѣмъ подразумѣвался именно Талмудъ)?“ Онъ закончилъ свой отзывъ меньше, чѣмъ въ два мѣсяца (отъ 12 августа до 6 октября 1510). Его приговоръ былъ необыкновенно благопріятенъ для обвиненныхъ книгъ, и онъ не пожалѣлъ при этомъ сильныхъ ударовъ для безсовѣстныхъ подстрекателей. Возлюбленная его сердца еврейская литература, имѣла быть обвиненной, и онъ не будетъ защищать ее всѣми своими силами? Отзывъ Рейхлина, правда, очень педантиченъ и написанъ въ тяжеловѣсномъ стилѣ тогдашнихъ юридическихъ заключеній, но составленъ не безъ искусства. Исходя изъ правильной точки зрѣнія, что при отвѣтѣ на этотъ вопросъ нельзя разсматривать еврейскія книги всѣ вмѣстѣ, какъ *однородную литературу*, а, наоборотъ, въ ней (за исключеніемъ Библіи) нужно различать шесть различныхъ отдѣловъ, онъ говоритъ: въ первомъ отдѣлѣ, отдѣлѣ поэзіи, басенъ (Merlin), сатиры, существуютъ пасквили на христіанство, изъ которыхъ ему все-таки извѣстны лишь два, именно антихристіанское сочиненіе Липмана и „Исторія рожденія Іешуи Назарея“, запрещенныя, однако, по увѣренію евреевъ, для чтенія даже среди нихъ и

уничтоженныя; противъ такихъ пасквилей, если таковые еще нашлись бы, должно и нужно выступать со всей строгостью и прямо сжигать ихъ; зато отдѣлъ толковательныхъ книгъ или библейскихъ коментаріевъ, именно *р. Соломона* (Раши), *Ибнъ-Эзры, Кимхидовъ,* Моисея *Герунди*[1]) и *Леви б.-Герсонъ*, очень далекихъ отъ того, чтобъ быть вредными христіанству, является скорѣе необходимымъ для христіанской теологіи; все лучшее, что было написано учеными христіанами о толкованіи Ветхаго завѣта, взято у евреевъ, какъ источника, откуда текутъ истинная правда и пониманіе Св. писанія; если исключимъ изъ обширныхъ сочиненій лучшаго христіанскаго толкователя, *Николая де-Лира*, тѣ мѣста, которыя онъ заимствовалъ у Раши, то все, что онъ прибавилъ изъ собственной головы, можно собрать на немногихъ страницахъ; также стыдно, что многіе доктора христіанской теологіи изъ-за незнанія еврейскаго и греческаго языковъ невѣрно толкуютъ Писаніе; нѣкоторые христіанскіе теологи могутъ, правда, сказать: „мы хотимъ довольствоваться нашими коментаріями, не нужны намъ евреи“; такимъ можно было бы отвѣтить: „кто долженъ довольствоваться, у того не очень много есть, подобно тому, который хотѣлъ бы довольствоваться зимой тонкими брюками“; отдѣла проповѣдей, пѣснопѣній, молитвенниковъ и подобныхъ книгъ нельзя отнять у евреевъ согласно императорскому и духовному праву, которое желаетъ оставить неприкосновеннымъ ихъ синагоги, церемоніи, обряды, привычки, нравы и благочестіе; отдѣлъ еврейскихъ сочиненій о философіи, естественныхъ наукахъ и свободныхъ искусствахъ ни въ чемъ не отличается отъ подобныхъ, которыя написаны на греческомъ, латинскомъ или нѣмецкомъ языкахъ; если ихъ содержаніе вредно, то пусть ихъ устранятъ. Что же касается самого Талмуда, противъ котораго направлено главное обвиненіе, то Рейхлинъ, сознавшись, что онъ ничего, ровно ничего не понимаетъ въ немъ, заявляетъ: и многіе другіе ученые христіане не больше его понимали въ Талмудѣ, о которомъ судили лишь по тѣмъ обвиненіямъ, которыя противники его, *Раймундъ Мартинъ*, *Павелъ Бургосскій*, *Альфонсъ де-Спина*, *Петръ Шварцъ* и, въ новѣйшее время, *Пфеферкорнъ*, выставили противъ него; впрочемъ, имѣются и такіе, которые не понимаютъ въ Талмудѣ ни слова и все же осуждаютъ его; вѣдь, напримѣръ, никто не станетъ писать противъ математики, ничего не понимая въ ней; пускаться въ рукопашную вмѣсто того, чтобы опровергать нападенія евреевъ на христіанство, такого рода аргументъ достоинъ лишь *поклонника Бахуса*; поэтому онъ такого мнѣнія, что Талмудъ *не долженъ быть преданъ сожженію*, если бы даже вѣрно было, что въ немъ, между прочимъ, содержатся оскорбительныя выраженія объ

[1]) Моисея б.-Нахманъ—רמבן.

основателяхъ христіанства; „если бы Талмудъ заслуживалъ такого осужденія, какъ это утверждаютъ, то предки наши, относившіеся въ теченіе многихъ столѣтій къ христіанству гораздо серьезнѣе, чѣмъ мы въ наше время, давно уже сожгли бы его; крещеные евреи, Петръ Шварцъ и Пфеферкорнъ, единственные, которые настаиваютъ на этомъ сожженіи, руководствуются, быть можетъ, личными соображеніями".

Изъ утомительно длинныхъ разъясненій Рейхлина видно, что онъ неукоснительно старается удалить отъ Талмуда зажженный факелъ. Но приводимые имъ для этого доводы не особенно основательны и, такъ какъ они, кромѣ того, излагаются съ юридической точки зрѣнія, то они отличаются большою замысловатостью и крючкотворствомъ. Его мнѣніе дѣлаетъ честь его сердцу, но не его головѣ и юридическимъ познаніямъ. Кого, напр., могутъ убѣдить слѣдующіе доводы: если Талмудъ плохъ, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ его сохранять, чтобы онъ могъ служить христіанскимъ теологамъ въ качествѣ мишени, куда будутъ направляться ихъ удары при упражненіяхъ въ диспутахъ; если мы сожжемъ Талмудъ, то евреи будутъ хвастать, что христіане боялись за свою религію подобно тому, какъ если бы герцогъ, желая сражаться съ рыцаремъ, предварительно утащилъ у противника ножъ; евреи тогда только и уцѣпятся за Талмудъ, ибо все запрещенное сладко; христіанамъ, быть можетъ, понадобится во время соборовъ Талмудъ въ качествѣ документа, и тогда не будетъ ни одного экземпляра; если христіане не въ состояніи будутъ диспутировать съ евреями, а диспуты могутъ происходить только на почвѣ Талмуда, то у нихъ самихъ возникнутъ несогласія и расколъ, „ибо человѣческая мысль не можетъ отвлечься отъ разсужденія о томъ, что уже послужило началомъ спора между доминиканцами и францисканцами въ вопросахъ о зачатіи Маріи, о томъ, былъ ли апостолъ Павелъ женатъ и былъ ли отецъ церкви, Августинъ, монахомъ?". Въ числѣ послѣднихъ доводовъ слѣдующій наиболѣе сносный, а именно, что сожженіе Талмуда въ Германіи не достигнетъ цѣли, такъ какъ евреи имѣютъ высшія школы въ Константинополѣ и вообще на Востокѣ, а также въ Италіи, гдѣ имъ разрѣшено свободное преподаваніе. Затѣмъ Рейхлинъ приводитъ еще и юридическія тонкости замысловатаго характера: каноническіе законы запрещаютъ отбирать у евреевъ деньги и цѣнности, и тотъ, кто это дѣлаетъ, подвергается отлученію; отлученію же предается тотъ, кто совершилъ смертный грѣхъ; слѣдовательно, захватъ книгъ у евреевъ есть грѣхъ и потому неугоденъ Богу; этотъ законъ распространяется и на королей и монарховъ, и королевское законодательство подтвердило его; засимъ церковные статуты запретили насильно отбирать у евреевъ дѣтей ихъ; „подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть и книги, ибо многимъ книги столь же

дороги, какъ и дѣти, какъ это говорится о поэтахъ, что они свои произведенія считаютъ своими родными дѣтьми".

Защита отдѣла кабалистическихъ сочиненій и огражденіе ихъ отъ угрожавшаго имъ сожженія было для Рейхлина дѣломъ весьма легкимъ. Ему стоило только сослаться на событія, происходившія въ папскомъ дворѣ около двухъ десятилѣтій тому назадъ. Графъ Пико де-Мирандола, ученый чудакъ, положилъ начало благоговѣйному почитанію кабалы и выставилъ положеніе, что она представляетъ прочнѣйшій фундаментъ основныхъ ученій христіанства. Папа Сикстъ IV велѣлъ перевести на латинскій языкъ нѣкоторыя кабалистическія сочиненія. Когда впослѣдствіи епископъ Петръ *Гависія* выступилъ противъ Пико де-Мирандола, утверждая, что кабала вредна, то папа Александръ VI передалъ спорный вопросъ на разсмотрѣніе коллегіи кардиналовъ и подтвердилъ апостольской грамотой ортодоксальность Пико и пользу кабалы (1493). Рейхлинъ заключилъ свое мнѣніе слѣдующимъ выводомъ: никоимъ образомъ не слѣдуетъ отобрать у евреевъ ихъ книги и сжечь ихъ; должно, наоборотъ, учредить при каждомъ нѣмецкомъ университетѣ двѣ професорскія должности для преподаванія въ теченіе десяти лѣтъ еврейскаго языка, какъ и раввинскихъ знаній; тогда евреи могутъ быть обращены въ христіанство кроткимъ путемъ убѣжденій.

Рейхлинъ не удовольствовался изложеніемъ своего сужденія о еврейской письменности; онъ старался также опровергнуть и доводы, приведенные противъ нея юдофобами, въ особенности Пфеферкорномъ. Если правда, говоритъ онъ, что еврейскія сочиненія не признаютъ основателя христіанства и отрицаютъ его ученіе, то они, эти сочиненія, вѣдь, не преступнѣе самихъ евреевъ, которые разъ навсегда отвергаютъ и основателя церкви и христіанство, и тѣмъ не менѣе христіанскій міръ терпѣлъ ихъ въ теченіе 14 столѣтій. При этомъ Рейхлинъ замѣчаетъ, что и христіане, вѣдь, ежегодно въ страстную пятницу публично поносятъ въ церкви евреевъ именемъ вѣроломныхъ (perfidi Judaei).

Въ особенности клеймилъ онъ косвеннымъ образомъ обвинителя Пфеферкорна, правда, не называя его, но съ достаточно яснымъ намекомъ. При этомъ онъ выразился, что не зналъ въ свою жизнь ни одного еврея, который понималъ бы Талмудъ, и прибавилъ съ умышленною ядовитостью, что онъ знакомъ не только съ Петромъ Шварцемъ, но и съ Пфеферкорномъ. Онъ изобразилъ низкія побужденія, которыя обыкновенно заставляютъ креститься евреевъ: „Я не говорю о тѣхъ, которые переходятъ къ намъ, гонимые завистью, ненавистью, страхомъ наказанія, бѣдностью, мстительностью, честолюбіемъ, любовью къ земной жизни, невинной наивностью, и становятся христіанами только на словахъ и по имени. Такихъ

я знаю много, и изъ нихъ ничего хорошаго не вышло; эти господа вѣрять въ то и въ другое одинаково и, если имъ у насъ плохо, они убѣгаютъ въ Турцію и снова принимаютъ іудейство[1])". Въ томъ же сужденіи о еврейскихъ книгахъ, но въ другомъ мѣстѣ, Рейхлинъ огорашиваетъ Пфеферкорна своими наиболѣе тяжеловѣсными ударами. „Если бы неучъ пришелъ и сказалъ: „Могущественный государь! Ваше Величество должны запретить и сжечь книги по алхиміи, такъ какъ въ нихъ содержатся поносительныя, позорныя и глупыя вещи во вредъ нашей религіи"; развѣ его императорское величество можетъ дать такому зубру или ослу другой отвѣтъ, чѣмъ, напр.: „тебя, неразумнаго, слѣдуетъ не выслушивать, а высмѣивать?" Неужели же теперь и только потому, что такая же слабоумная башка не можетъ постичь глубины искусно составленныхъ книгъ, представляя себѣ вещи противно ихъ природѣ, вы хотите совѣтовать, чтобы такія книги сожгли?[2])"

Участіе Рейхлина къ евреямъ или его досада на Пфеферкорна довела его до того, что онъ, рѣзко противорѣча своему собственному отзыву въ *Посланіи къ дворянину*, выставилъ обвиненіе евреевъ, предпринятое Пфеферкорномъ (которое послѣдній почерпнулъ изъ формулы проклятія еврейской молитвы), въ такомъ смѣшномъ видѣ, какъ будто это обвиненіе и другія жалобы ни на чемъ не были основаны и какъ будто самъ Рейхлинъ ранѣе не поднималъ ихъ. „Недавно напечатана книжка", говоритъ Рейхлинъ: „направленная противъ евреевъ, и въ ней указывается молитва изъ еврейскаго молитвенника, которую они употребляютъ противъ насъ... Молитва эта ставится имъ въ тяжкую вину, какъ доказательство, что они злобно проклинаютъ святыхъ апостоловъ и ихъ послѣдователей... существующую церковь и римское государство. Вслѣдствіе этого евреи легко могутъ навлечь на себя со стороны невѣжественнаго люда такую ненависть, что ихъ жизнь находится въ опасности. При истинномъ же освѣщеніи оказывается, что тамъ нѣтъ ни слова, которое намекало бы на крещеныхъ, на апостоловъ или вообще на христіанъ и на римское государство".

Съ того момента, какъ христіанство стало мучить и преслѣдовать евреевъ, они, навѣрно, еще никогда не имѣли такого благожелательнаго ходатая, какъ Рейхлинъ, который при томъ еще защищалъ ихъ въ офиціальной запискѣ, назначенной для государственнаго канцлера и государя. Особенно важны были для евреевъ два пункта, подчеркнутыхъ Рейхлиномъ. Первый пунктъ состоялъ въ томъ, что *евреи—граждане германо-римскаго государства и пользуются правами и защитой, какъ таковые.* Это былъ, такъ сказать, первый звукъ освободитель-

[1]) Глазное зерцало, стр. 32. [2]) Т. же стр. 28.

наго слова, заключившагося о полномъ уравненіи, которому требовалось свыше трехъ столѣтій, чтобы получить полную формулу и признаніе. Этимъ самымъ уничтожалась страшная средневѣковая сказка о томъ, что, по взятіи Іерусалима Веспасіаномъ и Титомъ, подъ власть ихъ преемниковъ, римскихъ и германскихъ императоровъ, подпали жизнь и имущество евреевъ; что императоры получили полное право убивать ихъ, и если они дарили имъ жизнь, одну только жизнь, то они дѣлали это изъ одного милосердія; что, однимъ словомъ, евреи въ глазахъ государей не имѣютъ никакихъ правъ. По Рейхлину и евреи обладаютъ правомъ, которое должно приниматься въ уваженіе императоромъ и государствомъ, духовенствомъ и міряннами; это былъ первый слабый дрожащій лучъ свѣта послѣ столь долгой мрачной ночи. Второй пунктъ, который Рейхлинъ подчеркивалъ уже съ большей откровенностью, былъ не менѣе важенъ: евреи не должны считаться еретиками и раздѣлять ихъ судьбу; такъ какъ они стоятъ внѣ церкви и не обращаются насильственно въ христіанство, то понятія ересь и невѣріе, эти ужасающія и гибельныя слова средневѣковья, вовсе не примѣнимы къ нимъ. Если первый пунктъ отвелъ отъ евреевъ руку свѣтскаго произвола, то второй пунктъ предоставилъ имъ, до извѣстной степени, убѣжище, до котораго длиннорукая въ то время духовная власть не могла добраться. Въ своей досадѣ на безстыдство Пфеферкорна самъ Рейхлинъ не измѣрилъ всей важности своихъ сужденій: они, до извѣстной степени, вырвались у него невольно; однако враги его не преминули превратить ихъ въ оружіе противъ него же.

Польза, принесенная его сужденіемъ евреямъ, особенно выясняется изъ приговора, произнесеннаго приглашенными на совѣтъ факультетами, которымъ Талмудъ естественно казался книгой за семью печатями. Кельнскіе доминиканцы, всѣ въ совокупности и каждый отдѣльно, теологическій факультетъ, инквизиторъ Гохстратенъ и посѣдѣлый выкрестъ, Викторъ изъ Карбена, всѣ, говорившіе какъ бы изъ одной прописи, вовсе не вдавались въ доказательства о томъ, что въ Талмудѣ имѣется что-либо вредное и враждебное христіанству; они дѣлали это предпосылкой и быстро закончили совѣщаніе, рѣшивъ отобрать у евреевъ и сжечь талмудическія сочиненія, а съ ними и всѣ прочія, которыя написаны въ томъ же духѣ. Они пошли еще дальше, и Гохстратенъ, въ особенности, смѣло высказался: евреи должны быть преданы суду; слѣдуетъ поручить свѣдущимъ людямъ выбрать изъ Талмуда и другихъ еврейскихъ сочиненій еретическія мѣста (т. е. такія выраженія, которыя не соотвѣтствуютъ Писанію, противорѣчатъ ему или уничтожаютъ его) и сгруппировать ихъ; затѣмъ евреи подвергнутся допросу, признаютъ ли они вредъ сочиненій, которыя учатъ по-

добнымъ вещамъ, или нѣтъ; если они признаютъ вредъ, то они ничего не могутъ имѣть противъ того, что поносительныя и еретическія произведенія будутъ преданы сожженію; если же они станутъ упорно утверждать, что мѣста эти составляютъ часть ихъ религіи, то императоръ долженъ передать ихъ для наказанія инквизиціи, какъ открытыхъ еретиковъ. Пріятная перспектива для евреевъ и многообѣщающій барышъ для корыстолюбивыхъ доминиканцевъ въ Кельнѣ! Тогда Пфеферкорнъ или Викторъ изъ Карбена получили бы порученіе выбрать изъ Талмуда мѣста, отзывающіяся не очень лестно о первоначальномъ христіанствѣ или не гармонирующія съ Библіей. Затѣмъ Гохстратенъ усѣлся бы въ судейскомъ креслѣ въ качествѣ инквизитора, позвалъ бы въ судилище рейнскихъ евреевъ, допросилъ бы ихъ, объявилъ бы ихъ, конечно, за упорство достойными наказанія, какъ еретиковъ, и повелъ бы ихъ на костеръ или, по крайней мѣрѣ, повыжалъ бы изъ нихъ денегъ. Эта выдумка дѣлаетъ честь ея остроумному изобрѣтателю. Майнцскій факультетъ произнесъ такое же сужденіе, но пошелъ еще дальше: не только всѣ талмудическія и равинскія книги полны заблужденіями и ересью (какъ это утверждаютъ ученые, ибо мужи факультета сами не читали ихъ), но и библейскія писанія, благодаря имъ, испорчены и искажены, въ особенности въ пунктахъ, касающихся религіи; поэтому слѣдуетъ и эти послѣднія отобрать у евреевъ, изслѣдовать и, если ожиданіе оправдается, сжечь. Это было очень хитро придумано: еврейскій текстъ не совпадаетъ съ текстомъ примѣняющейся въ церкви латинской вулгаты, написанной кропателями. Ограниченные отцы церкви вѣчно жаловались на то, что евреи подмѣнили многія мѣста въ Библіи и выбросили изъ нея все, что свидѣтельствуетъ о Іисусѣ. Развѣ это неудачная мысль, свести безпорочную мать съ выродившейся дочерью и доказать первой, что до тѣхъ поръ, пока она не раздѣлитъ со второй ея пороки, ей нѣтъ мѣста въ жизни? Да, это была недурная доминиканская выдумка, сбросить съ плечъ долой неудобный еврейскій текстъ, „еврейскую истину“, тотъ самый текстъ, который гордо покачивалъ головою, глядя на дѣтскія крючкотворства церковныхъ толкованій. Торквемада, всемогущій инквизиторъ въ Испаніи, сжегъ тысячи еврейскихъ книгъ и, между ними, Священное Писаніе, такъ какъ по содержанію своему оно не совпадало съ вулгатой, а потому представляла ересь. Почему бы Германіи не подражать было такому благочестивому и богоугодному дѣянію? Если бы мнѣніе майнцскихъ и кельнскихъ теологовъ осуществилось, то книга пламеннаго Синая, слова пророковъ, пѣсни псалмовъ, памятники благодатной эпохи—все это пошло бы въ огонь и было бы подмѣнено ублюдкомъ (испорченной латинской вулгатой). Майнцскіе и кельнскіе доминиканцы, повидимому, предчувствовали,

что простыя слова первоначальной Библіи грозятъ гибелью ихъ безчинствамъ. Эрфуртскій теологическій факультетъ отвѣчалъ въ томъ же смыслѣ. Только гейдельбергскій теологическій факультетъ былъ настолько благоразуменъ, что совѣтовалъ императору собрать комисію изъ ученыхъ всѣхъ университетовъ, чтобы сообща рѣшить вопросъ, отнестись ли снисходительно къ Талмуду или истребить его. Большинство заключеній оказалось и въ другомъ отношеніи однимъ лишь эхомъ той ненависти, которую проявилъ Пфеферкорнъ: къ заключеніямъ прибавлялась просьба къ императору о воспрещеніи евреямъ заниматься денежными операціями съ отдачей въ ростъ. Кельнскіе и майнцскіе теологи такъ тѣсно связались съ Пфеферкорномъ, что они умоляли императора защитить его отъ мнимыхъ преслѣдованій евреевъ и рекомендовали его, какъ превосходнаго христіанина и усерднаго служителя церкви. Къ счастью, кельнцы, допустивъ мошенничество, сами разстроили свой хитро задуманный планъ.

Рейхлинъ, изложивъ свое благопріятное сужденіе о еврейской литературѣ, запечаталъ документъ и переслалъ его черезъ присяжнаго посла майнцскому курфюрсту-архіепископу, *Уріелу*. Рейхлинъ полагалъ, что документъ составляетъ служебную тайну и потому будетъ распечатанъ и прочтенъ только архіепископомъ и императоромъ. Но Пфеферкорнъ, считавшій себя близкимъ къ осуществленію своей цѣли, мести евреямъ, получилъ документъ распечатаннымъ еще раньше, чѣмъ онъ дошелъ до императора. Какимъ образомъ это произошло, осталось неизвѣстнымъ. Рейхлинъ прямо называетъ кельнцевъ „взламывателями печатей“[1]). Пфеферкорнъ же, который, впрочемъ, заслуживаетъ мало вѣры, разсказываетъ объ этомъ происшествіи слѣдующее: курфюрстъ, въ силу своего права, распечаталъ всѣ присланныя сужденія и затѣмъ передалъ ихъ ему, Пфеферкорну, какъ агенту (sollicitator) по назначенію императора; о сужденіи Рейхлина, благопріятномъ евреямъ, курфюрстъ сказалъ съ насмѣшливой улыбкой, что дѣло походитъ на то, какъ будто за спиною Рейхлина стоялъ еврей и диктовалъ ему; когда онъ, Пфеферкорнъ, хотѣлъ достать документъ Рейхлина изъ канцеляріи, онъ нашелъ его валяющимся на письменной конторкѣ, причемъ писарь издѣвался надъ „сужденіемъ“; затѣмъ, когда Пфеферкорнъ представилъ императору всѣ присланные совѣты относительно Талмуда, императоръ, слишкомъ занятый, чтобы лично составить приговоръ, поручилъ професору теологіи, *Іерониму Балдунгу*, юристу *Ангелусу фрейбургскому* и императорскому духовнику, пріору картезіанскаго монастыря, *Георгу Рейшу*, представить ему предложенія о томъ, какъ слѣдуетъ поступить съ еврейскими книгами. Лица эти, по зрѣ-

[1]) Глазное зерцало стр. 18 и Defensio contra calumniatores Colonienses стр. 92 внизу.

ломъ обсужденіи, совѣтовали императору оставить евреямъ всю Библію цѣликомъ, остальныя же книги отобрать при посредствѣ епископовъ и помощи свѣтской власти, затѣмъ составить списокъ отобраннымъ сочиненіямъ, выдѣлить изъ нихъ тѣ, которыя трактуютъ о философіи, медицинѣ и поэзіи, и вернуть ихъ по принадлежности; талмудическія же и равинскія книги и, вообще, всѣ тѣ, которыя содержатъ извращенныя толкованія Священнаго Писанія и являются поэтому еретическими и богохульными произведеніями, раздать частями въ библіотеки въ назиданіе христіанамъ и въ свидѣтельство объ истинной вѣрѣ, причемъ, однако, слѣдуетъ эти книги приковать цѣпями, чтобы онѣ снова не попали въ руки евреевъ; всѣ остальныя должно сжечь; о сужденіи Рейхлина картезіанскій монахъ, Георгъ, выразился, что оно писано золотыми чернилами (т. е. за деньги, полученныя отъ евреевъ); самъ императоръ склоненъ былъ передать вопросъ объ уничтоженіи талмудическихъ книгъ или снисхожденіи къ нимъ на рѣшеніе ближайшаго имперскаго сейма. Рейхлинъ же, заслуживающій полнаго довѣрія, сообщаетъ, наоборотъ, что присланное имъ сужденіе такъ убѣдило императора въ лживости обвиненій, что онъ приказалъ вернуть всѣ еврейскія книги, которыя еще не были возвращены[1]).

Однако злоба Пфеферкорна и кельнскихъ доминиканцевъ испортила игру, въ которой они уже считали себя побѣдителями. Они едва ли не заслуживаютъ благодарности за то, что они предали гласности дѣло, покрытое вначалѣ служебной тайной, вызвали этимъ другой судъ и превратили опасность для евреевъ въ опасность для церкви. Дѣло въ томъ, что сужденіе Рейхлина вывело ихъ изъ себя, ибо императоръ и его совѣтники придавали его голосу большой вѣсъ. Поэтому они, не откладывая дѣла, рѣшились выпустить въ свѣтъ грозное опроверженіе его защиты, проявленной къ евреямъ и еврейскимъ книгамъ, напечатавъ его на нѣмецкомъ языкѣ, чтобы превратить вопросъ въ народное дѣло и такъ возбудить страсти толпы, чтобы самъ императоръ не былъ въ состояніи слушаться Рейхлина. Уже одно заглавіе ихъ книги способно было поднять травлю на евреевъ: „*Ручное зерцало* противъ евреевъ и ихъ книгъ, которыя поносятъ христіанское правленіе и должны быть истреблены за богохульство, ересь и суевѣріе“. Что за дерзость нужно было имѣть, чтобы сдѣлать публичное нападеніе на документъ, составленный для императора! Во время весенней ярмарки во Франкфуртѣ (1511) Пфеферкорнъ и его жена разносили „Ручное зерцало“ на продажу, а затѣмъ шли изъ города въ городъ, изъ дома въ домъ, предлагая его покупателямъ.

Въ составленіи „Ручного зерцала“ кельнскіе доминиканцы приняли еще

[1]) Срав. евр. письмо Рейхлина къ Боне де Латъ и Oratio continens historiam Capnionis Симона.

большее участіе, чѣмъ въ прежнихъ ядовитыхъ произведеніяхъ Пфефер-корна. Онъ и самъ признался, что при составленіи его онъ совѣтовался со своими друзьями. Книга поэтому заключаетъ большую эрудицію и мень-ше нелѣпостей. Уже въ самомъ введеніи обнаруживается сотрудничество или соучастіе одного изъ нихъ, напыщеннаго *Арнольда тонгернскаго.* Ручное зерцало будто бы представляетъ собою давно готовый отвѣтъ на вопросъ Арнольда, почему достохвальное дѣло относительно еврейскихъ книгъ за-глохло. Затѣмъ слѣдуетъ отвѣтъ, что виною тому препятствія не только со стороны злобныхъ евреевъ, но и со стороны многихъ христіанъ. Пфефер-корнъ принимаетъ здѣсь личину оскорбленнаго и униженнаго, выставляетъ себя невинно преслѣдуемой жертвой, такъ какъ Рейхлинъ не только задѣлъ его честь, но и заклеймилъ его передъ императоромъ, какъ клеветника, достойнаго осужденія. Слабыя стороны сужденія Рейхлина сейчасъ же бро-сились въ глаза его противникамъ; противъ нихъ-то они прежде всего и направили свои удары, крѣпко уцѣпившись за нихъ, чтобы свалить гиганта, столь превосходящаго ихъ. Въ своемъ сужденіи Рейхлинъ утвер-ждалъ, что формула проклятія въ вышеуказанной молитвѣ совершенно безобиднаго характера и вовсе не направлена противъ христіанъ и рим-скаго государства. Противъ этого мнѣнія въ „Ручномъ зерцалѣ“ выступаютъ свидѣтельства крещеныхъ евреевъ, Павла Бургосскаго, Геронимо де-Санта-Фе, а также Альфонса де-Спина и отца церкви Іеронима. Мимоходомъ отмѣчается: Рейхлинъ мало знакомъ съ еврейскимъ языкомъ, знаніемъ котораго онъ гордится; онъ понимаетъ только переведенныя по-латыни или по-нѣмецки слова, которыя онъ, однако, читаетъ, спотыкаясь, „подобно ослу, который взбирается по лѣстницѣ“; его еврейская грамматика вовсе не составлена имъ: ему помогали евреи; если онъ неучъ въ этомъ отно-шеніи, то какъ же онъ осмѣливается давать свое сужденіе и писать князьямъ и высокимъ господамъ, что евреи должны считаться не врагами, а гражданами римскаго государства?

Самымъ слабымъ мѣстомъ Рейхлина является написанное имъ за пять лѣтъ до того „Посланіе къ дворянину относительно евреевъ,“ въ которомъ онъ со столь же грубымъ предубѣжденіемъ и съ такими же многочисленными ложными умозаключеніями, какъ Пфеферкорнъ и кельнскіе доминиканцы, хотя и съ меньшей ядовитостью, выставилъ псевдо-истину, что, такъ какъ евреи нѣкогда казнили Іисуса, то они совершили богохульство, и этого богохульства противъ основателя христіанства, Маріи, апостоловъ и всего христіанскаго міра они даже не могутъ отмыть отъ себя. Рейхлинъ и въ свою очередь ссылался на полемическія сочиненія евреевъ и на вышеука-занную формулу проклятія. И вотъ авторъ „Ручного зерцала“ съ дьявольскимъ смѣхомъ раскрываетъ теперь рѣзкія противорѣчія между мнѣніемъ Рейхлина о

евреяхъ въ вышеупомянутомъ посланіи (Missive) и сужденіемъ, посланнымъ императору. „Если Рейхлинъ намѣренъ отстаивать свое мнѣніе, оправдывающее и обѣляющее евреевъ, то онъ долженъ отказаться отъ своихъ прежнихъ утвержденій; если же онъ еще твердо убѣжденъ, что евреи повинны въ поношеніи и богохульствѣ, то онъ лгалъ императору и князьямъ!" Это была безпощадная логика, и Рейхлину пришлось горько каяться въ прегрѣшеніяхъ, ранѣе совершенныхъ имъ. Все остальное содержаніе „Ручного зерцала" представляетъ безпорядочно собранныя гнусности и злобную клевету на евреевъ. Какъ доказательство ихъ богохульства, описывается жестокость, съ которою незадолго до того маркграфъ Іоахимъ I приказалъ сжечь въ Берлинѣ тридцать восемь евреевъ. Извлеченія изъ двухъ полемическихъ сочиненій приведены, какъ документы, доказывающіе ненависть еврейскихъ авторовъ къ христіанамъ. Если бы Пфеферкорну были извѣстны подавляющія возраженія испанскихъ евреевъ противъ первоначальной исторіи и догмъ христіанства, то онъ могъ бы значительно обогатить списокъ приведенныхъ имъ грѣховъ. Однако окончательное утвержденіе о томъ, что евреи, въ противность допущенію Рейхлина, еретики въ самомъ предосудительномъ значеніи этого слова и что всѣ ихъ книги полны ересью и должны быть сожжены, пришлось укрѣпить поверхностными извлеченіями изъ Талмуда, и то не изъ оригинала, а изъ переписокъ.

Было еще и другое обвиненіе, имѣвшее цѣлью заклеймить Рейхлина въ глазахъ всѣхъ христіанъ и возбудить ужасъ: „евреи прославляютъ Рейхлина, и потому онъ уже предался имъ; таковы уже еврейскія штуки, которыми они заманиваютъ христіанъ въ свои сѣти". И авторъ „Ручного зерцала" приводитъ ужасныя исторіи о томъ, какъ евреи побудили нѣкоторыхъ христіанъ отпасть отъ христіанства, исторіи, совершенно лживыя или на половину сочиненныя: христіанскій врачъ, *Томасъ*, человѣкъ весьма краснорѣчивый, имѣвшій частыя сношенія съ евреями, отвергнулъ Іисуса, тайно вступилъ въ іудейство, жилъ съ ними во время постовъ и—о ужасъ!—раздалъ лѣкарства почти 600 христіанамъ; этотъ докторъ Томасъ, по наущенію евреевъ, уговорилъ христіанъ отпасть отъ своей вѣры, между прочимъ даже одного священника въ Асмансгаузенѣ (Рейнская область), а послѣдній совратилъ въ іудейство двухъ христіанскихъ мальчиковъ. Пфеферкорнъ утверждаетъ: онъ самъ видѣлъ этихъ отпавшихъ христіанъ, доктора, священника и мальчиковъ, въ Прагѣ, откуда они были вынуждены уѣхать въ Турцію или Польшу; точно также евреи поступили недавно съ христіанскимъ курьеромъ изъ Дейтца; и до того его совратили, что онъ сталъ при молитвѣ надѣвать филактеріи; схваченный на мѣстѣ преступленія, онъ былъ осужденъ инквизиторомъ (Яковомъ Гохстратеномъ?) на пожизненное тюремное заключеніе на хлѣбъ и воду.

Пфеферкорнъ сообщаетъ при этомъ не безынтересный романъ о нѣкоемъ монахѣ въ Эрфуртѣ, ненавистникѣ евреевъ, которые хитростью побудили его перейти въ христіанство: этотъ молодой босоногій монахъ часто гремѣлъ противъ нихъ съ каѳедры, бичевалъ ихъ за поносительныя рѣчи, за ростовщичество, за ихъ легкія занятія и натравлялъ на нихъ народъ; напрасно евреи старались закрыть ему ротъ подарками; напрасно они заклинали городской совѣтъ придти имъ на помощь противъ фанатика-монаха; видя отчаянное положеніе евреевъ, старый равинъ вызвался помочь имъ, если они предоставятъ ему въ распоряженіе 1000 гульденовъ; деньги эти онъ употребилъ на то, чтобы ежедневно подносить нищимъ монахамъ подаянія хлѣба и другихъ пищевыхъ веществъ подъ предлогомъ покаянія въ грѣхѣ ростовщичества, въ которомъ онъ до сихъ поръ пребывалъ, и изъ желанія раздать достойнымъ христіанамъ свое неблаговидно пріобрѣтенное имущество; необыкновенная жажда покаянія сблизила равина съ монахами и даже съ яростнымъ проповѣдникомъ; послѣдній уже мечталъ о томъ, чтобы привести равина въ лоно церкви, такъ какъ еврей обнаруживалъ нѣкоторую склонность къ тому; населеніе Эрфурта съ удивленіемъ взирало на то, что босоногій монахъ и равинъ гуляютъ вмѣстѣ; первый не боялся входить въ домъ еврея, а второй не страшился монастыря.

У равина была красивая дочь, и отецъ, выдавая ее за сироту и пріемыша, рѣшительно потребовалъ, чтобъ монахъ обратилъ ее въ христіанство; однако при попыткахъ обращенія красивой еврейки, монахомъ овладѣли мірскія мысли, вселившія безпокойство въ его сердце; когда равинъ увидѣлъ монаха въ этомъ состояніи, первый со слезами на глазахъ разсказалъ послѣднему глубоко скрываемую имъ тайну, что монахъ—его собственный сынъ, родившійся отъ согрѣшенія его, равина, съ матерью монаха въ юности; въ доказательство равинъ сообщилъ изумленному проповѣднику о родимомъ пятнѣ на его тѣлѣ, прибавивъ, что онъ раздавалъ милостыню въ монастырѣ только потому, чтобы приблизиться къ нему, своему сыну; монахъ вѣритъ этому и хочетъ успокоить свою душу, взволнованную такимъ страннымъ открытіемъ, обративъ въ христіанство мнимаго отца; но послѣдній возразилъ ему: „въ Писаніи сказано: сынъ да повинуется отцу и матери и да слѣдуетъ за ними, а не наоборотъ“; въ надеждѣ получить руку красивой еврейки монахъ, который не въ состояніи покинуть равина и его дочь, рѣшается, наконецъ, оставить Эрфуртъ и мѣсто своихъ капуцинскихъ проповѣдей противъ евреевъ, сбросить монашескую рясу, бѣжать въ Польшу, въ Рубишовъ, принять тамъ іудейство и жениться на еврейкѣ; впослѣдствіи монахъ, какъ говорятъ, раскаялся въ своемъ отступничествѣ, и евреи подвергли его истязаніямъ и убили. Мораль этого романа приводится Пфеферкорномъ въ „Ручномъ зерцалѣ“ въ слѣдующемъ видѣ: „Такимъ обра-

зомъ, какъ только свяжешься съ евреями, чтобы убѣдить ихъ перейти въ христіанство, они втягиваютъ христіанъ въ свои заблужденія и въ свои суевѣрія".

Въ заключеніи авторъ „Ручного зерцала" производитъ вылазку противъ честности Рейхлина. Онъ это, правда, не дѣлаетъ прямо, но ясно намекаетъ, что евреи дали ему денегъ, чтобы раздавить Пфеферкорна. Итакъ, Рейхлинъ, безъ сомнѣнія, самый неподкупный человѣкъ своего времени, обвиненъ своими продажными противниками въ томъ, что онъ подкупленъ евреями! Пфеферкорнъ и его сотрудники, кромѣ того, натравили на него и весь францисканскій орденъ, говоря, что онъ оскорбилъ одного изъ его членовъ. Главнымъ же образомъ нападки имѣли цѣлью обвинить Рейхлина въ тяжкомъ преступленіи, что онъ допускалъ за евреями извѣстныя права гражданства и не хотѣлъ считать ихъ еретиками. Къ истинѣ авторы „Ручного зерцала" относились не очень строго: они взваливали на него такія вещи, которыхъ онъ въ своемъ сужденіи и не затронулъ, напр., будто онъ защищаетъ еврейскихъ ростовщиковъ.

Этотъ пасквиль, распространенный во множествѣ экземпляровъ и направленный противъ столь высокопоставленнаго и весьма уважаемаго человѣка, предсѣдателя швабскаго союзнаго суда и ученаго, который одинъ стоилъ цѣлаго университета, естественно, надѣлалъ много шума; со времени открытія книгопечатанія это былъ первый грозный памфлетъ противъ сановника, и при томъ еще на нѣмецкомъ языкѣ, доступномъ для каждаго. Друзья Рейхлина, а ихъ было не мало, справедливо возмущались безстыдствомъ крещенаго еврея, выставлявшаго себя правовѣрнѣе прирожденнаго почетнаго христіанина и осмѣливавшагося осыпать его оскорбленіями. Когда Пфеферкорнъ появился въ императорскій дворецъ съ новымъ грузомъ обвиненій, придворные, пробстъ *Цобель* и образованный патрицій, *Пейтингеръ*, жестоко напали на него за его поношенія[1]). Кельнскіе доминиканцы поддались чувству своей ядовитой ненависти болѣе, чѣмъ требовало благоразуміе. Противъ подобныхъ нападокъ Рейхлинъ долженъ былъ предпринять что-нибудь; честь его была глубоко задѣта. Прежде всего онъ поспѣшилъ къ императору Максимиліану и подалъ жалобу на злобнаго клеветника, Пфеферкорна, подъ именемъ котораго „Ручное зерцало" вышло въ свѣтъ. Словами и жестами императоръ выразилъ свою досаду на пасквиль и успокоилъ взволнованнаго Рейхлина, обнадеживъ его, что передастъ это дѣло на разсмотрѣніе епископу аугсбургскому. Однако, будучи обремененъ дѣлами и запутавшись въъ ссорахъ съ итальянцами, императоръ, какъ всѣ великіе міра сего во всѣ времена, позабылъ о Рейхлинѣ,

[1]) Пфеферкорнъ, Defensio contra famosas ep.

о нанесенной ему обидѣ и объ обѣщанномъ ему удовлетвореніи. Приближалась осенняя ярмарка во Франкфуртѣ, гдѣ Пфеферкорнъ намѣренъ былъ продать остатокъ экземпляровъ, а въ пользу Рейхлина еще ничего не сдѣлано было[1]).

Такимъ образомъ Рейхлинъ вынужденъ былъ выступить за Талмудъ, какъ за личное дѣло, обратиться къ общественному мнѣнію, какъ къ судьѣ, и этимъ самымъ вызвать вокругъ дѣла большой шумъ. Онъ приготовился написать сочиненіе для самозащиты и обвиненія „Ручного зерцала" ко времени открытія франкфрутской ярмарки. Но предварительно онъ постарался ослабить нѣкоторыя положенія своего „сужденія", частью слишкомъ благопріятныя для евреевъ, частью не доказуемыя юридически, и опровергнуть возраженія „Ручного зерцала" противъ нихъ. Онъ написалъ 52 пункта въ видѣ письма къ архіепископу майнцскому, Уріелу, какъ приложеніе къ его сужденію (18 авг. 1511 г.).

Вскорѣ послѣ того (въ концѣ августа или въ началѣ сентября) появилось его возраженіе, получившее всемірную извѣстность. Оно носило заглавіе „*Глазное зерцало* " и было быстро отпечатано (заглавная страница украшалась изображеніемъ очковъ). Въ этомъ произведеніи онъ хотѣлъ обрисовать передъ нѣмецкой публикой низость Пфеферкорна и его сотрудниковъ рѣзкими штрихами; но этимъ самымъ онъ, не желая того, раскрылъ слабыя стороны тогдашняго христіанства. Это было произведеніе, которое, безъ преувеличенія, равнялось подвигу. Оно раньше всего было направлено противъ Пфеферкорна, но также и противъ кельнскихъ доминиканцевъ въ качествѣ открытыхъ покровителей, защитниковъ и поощрителей его оскорбленій.

„Глазное зерцало" Рейхлина обращается ко всѣмъ тѣмъ, которые, „къ какому бы сословію, состоянію или рангу ни принадлежали, любятъ правду и ненавидятъ въ корнѣ ложь, коварныя нападенія изъ-за угла, какія Пфеферкорнъ позволилъ себѣ въ пасквилѣ противъ него". Простыми и чистосердечными словами описываетъ онъ весь ходъ дѣла, какимъ образомъ крещеный еврей употреблялъ всѣ усилія, чтобы изобразить Талмудъ абсолютно опаснымъ произведеніемъ и предать его огню, и какъ онъ хотѣлъ воспользоваться и имъ, Рейхлиномъ, для этой цѣли. Онъ сообщаетъ о бумагахъ, присланныхъ ему императоромъ и майнцскимъ архіепископомъ, а также о своемъ „сужденія". Онъ говоритъ о томъ, какимъ безчестнымъ путемъ Пфеферкорнъ добылъ его документъ и воспользовался имъ для пасквиля, заключающаго не менѣе 34 лживыхъ мѣстъ. „Глазное зерцало" написано въ тонѣ, съ полной силой отражающемъ справедливое негодо-

[1]) Предисловіе „Глазного зерцала въ Defensio Reuchlini contra calumniatores Colonienses.

ваніе честнаго человѣка, которому негодяй подставилъ ногу. Прежде, чѣмъ раскрыть низости Пфеферкорна, онъ заявляетъ: онъ не откажется воспользоваться принадлежащимъ ему правомъ требовать удовлетворенія другимъ путемъ, ибо пасквиль Пфеферкорна заслуживаетъ уголовное наказаніе, котораго ему не избѣжать; Пфеферкорнъ призывалъ подданныхъ государства къ мятежу и волненію противъ начальства, чтобы принудить послѣднее преслѣдовать евреевъ; это преступленіе, наказуемое смертью черезъ палача; пусть же потребуетъ его къ себѣ уголовный судъ или же (что, повидимому, хотѣлось Рейхлину) „пусть онъ предстанетъ передъ твердымъ, честнымъ, мудрымъ, законнымъ и справедливымъ засѣдателемъ священнаго и тайнаго вестфальскаго судилища". Уголовные судьи должны были сдѣлаться, въ нѣкоторомъ родѣ, защитниками Талмуда.

Болѣе всего Рейхлина возмущало обвиненіе его въ защитѣ Талмуда за деньги. Со справедливымъ возмущеніемъ онъ, поэтому, заявляетъ: въ теченіе всей моей жизни я не получалъ либо отъ евреевъ, либо ради нихъ ни копейки, ни золота, ни серебра, ни креста, ни медали; „и кто, покушаясь на мою честь, писалъ или говорилъ иначе, тотъ лжетъ, какъ негодный, безчестный злодѣй, хотя бы онъ и носилъ благочестивую личину *картезіанскаго монаха*". Это былъ чувствительный уколъ по адресу императорскаго духовника, обвинившаго его въ томъ, что онъ писалъ золотыми чернилами (см. выше). Не менѣе возмутился Рейхлинъ за пренебреженіе къ его еврейскимъ познаніямъ, въ особенности за обвиненіе, что онъ не самъ составилъ свою грамматику. Его защита евреевъ также отличается достоинствомъ. Негодяй Пфеферкорнъ упрекнулъ Рейхлина и въ томъ, что онъ изучалъ еврейскій языкъ у евреевъ и, слѣдовательно, сносился съ ними, что запрещается каноническими законами. На это Рейхлинъ отвѣчаетъ; „Крещеный еврей пишетъ, что божественный законъ запрещаетъ сноситься съ евреями; это неправда; каждый христіанинъ можетъ стоять съ ними на судѣ, можетъ у нихъ покупать, можетъ имъ дарить и давать что-либо; бываютъ случаи, что христіанинъ и еврей вступаютъ сообща во владѣніе имуществомъ; съ ними можно разговаривать и можно учиться у нихъ, какъ это дѣлали св. Іеронимъ и Николай де-Лира; и, наконецъ, христіанинъ обязанъ любить еврея, какъ своего ближняго; все это основано на законахъ". Въ „Глазномъ зерцалѣ" имѣются въ разныхъ мѣстахъ и колкія остроты. Пфеферкорнъ объявилъ, что еврей устроенъ по образцу дьявола. Рейхлинъ отвѣчаетъ: истинная философія другого мнѣнія объ этомъ; если же это правда, то нечего удивляться, почему Пфеферкорнъ понасобиралъ столько лжи, ибо онъ причастенъ дьявольской природѣ и питался дьявольскимъ молокомъ. Рейхлинъ безъ обиняковъ бросилъ ему въ лицо обвиненіе: онъ, Пфеферкорнъ, очень мало

понимаетъ по-еврейски, и въ своемъ юдофобскомъ пасквилѣ онъ не привелъ ничего, что не было бы ранѣе написано по-латыни, за исключеніемъ указанія, что евреи исповѣдуются передъ курами и рыбами; это и есть то сокровище науки, которое онъ подарилъ христіанской церкви[1]).

Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ Рейхлинъ былъ неправъ относительно Пфеферкорна. Онъ утверждалъ: Пфеферкорнъ издалъ свое „Ручное зерцало“ съ исключительною цѣлью заработка; такъ какъ онъ убѣдился, что его еврейскія книжицы всѣмъ надоѣли, и онъ, извергъ, уже не могъ больше писать о евреяхъ и зарабатывать этимъ деньги, какъ раньше, то онъ задумалъ завязать ссоры съ христіанами, чтобы имѣть новый „матеріалъ для пріобрѣтенія денегъ: ибо онъ на мой счетъ заработалъ больше гульденовъ, чѣмъ Іуда на Спасителѣ—серебренниковъ“. Но нѣтъ! Не деньги только и не легкомысліе побудили Пфеферкорна клеветать на евреевъ и Рейхлина, а ненависть и чувство мщенія къ первымъ и самозащита отъ второго. Ибо, какъ ни увѣряетъ Рейхлинъ въ своемъ „Глазномъ зерцалѣ“, что онъ въ посланномъ императору сужденіи не задѣлъ Пфеферкорна, это просто самообманъ. Пфеферкорнъ, во всякомъ случаѣ, былъ вызванъ и подвергся нападенію; но, такъ какъ онъ въ этомъ спорѣ употребилъ въ дѣло грубые кулаки и забросалъ грязью столь высокопоставленнаго и высокообразованнаго человѣка, послѣдній имѣлъ право раздавить его своими тяжкими ударами.

Можно себѣ представить, какую сенсацію произвело „Глазное зерцало“ Рейхлина на нѣмецкомъ языкѣ, когда оно появилось ко времени открытія франкфуртской ярмарки, гдѣ собирались тогда тысячи людей, въ эпоху, когда гласность еще не существовала и каждый готовъ былъ съ полнымъ вниманіемъ выслушать скандальную исторію. Фактъ, что такой прославленный мужъ, какъ Рейхлинъ, принадлежавшій къ высшей чиновной аристократіи, пригвоздилъ къ позорному столбу юдофоба, какъ клеветника, лжеца и негодяя, былъ такою новостью и неожиданностью, что читатели терли себѣ глаза и спрашивали, не спали ли они до этого момента. Евреи хватались за книжку Рейхлина еще съ большей жадностью, такъ какъ впервые столь благородный мужъ выступилъ за нихъ съ вѣскимъ словомъ и заклеймилъ именемъ клеветы столь часто повторявшееся обвиненіе. Они ..иковали, что, наконецъ, нашли защитника, и благодарили Бога, что онъ не оставилъ ихъ въ нуждѣ. Кто станетъ осуждать ихъ за то, что они дѣятельно распространяли произведеніе Рейхлина[2])?

[1]) „Глазное зерцало“ стр. 47 и 53; 32-ая ложь.

[2]) Сборникъ писемъ Рейхлина II, № 12; дневникъ Іосифа Іоселина (№ 5,: גם קמו אויבים ופריצים בעמינו לבטל תורה שבכתב (שבעל פה ?) והראה לנו הש״י גם בתו״ך גם שע״י חכמי אומות (האחד בחכמי אומות ?) קם כנגדו להחזיר תורה ליושנה. ק״ק

Но больше всѣхъ позаботились объ этомъ распространеніи мракобѣсы изъ кельнской шайки. Какъ только *Петръ Мейеръ*, одинъ изъ самыхъ невѣжественныхъ и безстыдныхъ проповѣдниковъ (во Франкфуртѣ), получилъ экземпляръ и за обильнымъ завтракомъ вмѣстѣ съ Пфеферкорномъ прочелъ нѣсколько мѣстъ, онъ закричалъ; „Къ чорту это! Къ чорту это!" Онъ считалъ себя комисаромъ майнцскаго архіепископа и запретилъ книгопродавцамъ продавать „Глазное зерцало"[1]). Но почти весь майнцскій капитулъ, почти всѣ каноники были больше гуманисты, чѣмъ христіане, и потому почитатели Рейхлина. Они и другіе друзья Рейхлина повліяли въ его пользу на архіепископа Уріела, такъ что послѣдній отмѣнилъ запрещеніе, какъ мѣру, которая вовсе не была дѣломъ его рукъ. Происшествіе это вызвало шумъ, и „Глазное зерцало" еще больше требовалось, раскупалось и читалось. Со всѣхъ сторонъ, изъ ученыхъ и неученыхъ кружковъ, Рейхлинъ получалъ поздравленія и выраженія радости по поводу того, что онъ такъ сильно и мужественно отдѣлалъ безстыднаго Пфеферкорна и скрывающихся за нимъ пособниковъ.

Только тѣ сотоварищи Рейхлина, которые создали себѣ по образцамъ языческой литературы искусственный Олимпъ, съ высоты котораго они, презрительно пожимая плечами, смотрѣли внизъ на грязную дѣятельность церковниковъ, на самое христіанство и въ меньшей мѣрѣ на Талмудъ, эти слабодушные сверхъ-умницы, *Эразмъ Ротердамскій*, каноникъ *Мутіанъ Готскій*, богатый и ученый патрицій, *Пиркгеймеръ* въ Нюрнбергѣ, только они самодовольно порицали выступленіе Рейхлина противъ полу-еврея Пфеферкорна въ защиту презрѣннаго Талмуда. Чувственные эгоисты, они сибаритствовали, наслаждаясь возродившимся образованіемъ, но не въ состояніи были съ его помощью повліять на преобразованіе испорченныхъ церковныхъ и общественныхъ отношеній. На своихъ тайныхъ собраніяхъ и пирахъ они осмѣивали христіанство съ его Богочеловѣкомъ и церковь съ ея намѣстникомъ и попами, какъ фантазію и обманъ. Но передъ непосвященными они не произносили ни одного слова порицанія. Эразмъ, самый выдающійся гуманистъ своего времени, но шаткій, какъ трость, сказалъ Пиркгеймеру: негодяй (Пфеферкорнъ) вовсе не можетъ быть побѣжденъ, потому что онъ весь состоитъ лишь изъ клеветы и ябеды и имѣетъ множество единомышленниковъ, которые вдохнуть въ него новыя силы, какъ только онъ ослабнетъ; бранью меньше всего можно его одолѣть; образованные люди, вступая съ нимъ въ борьбу, не только запачкають себя, но и окажутся безсильными, такъ

פראנקוארט מסרו את נפשם ומאודם ברוב הוצאות מזה על זה. ה׳ רְאֵה בעניינו והצילנו ממחשבת הכין.

[1]) Рейхлинъ, Defensio contra calumniatores, стр. 57.

какъ онъ, побѣжденный или побѣдитель, принесетъ имъ одинъ лишь позоръ. Пиркгеймеръ, придававшій значеніе только наружному блеску, преходящимъ вещамъ и пустой славѣ, сердился на Рейхлина за то, что онъ своимъ сочиненіемъ увѣковѣчилъ имя Пфеферкорна, которое должно было исчезнуть изъ памяти человѣчества. Но самое отвратительное мнѣніе высказалъ высокообразованный и въ то же время изнѣженный каноникъ, Мутіанъ. Онъ упрекалъ Рейхлина въ томъ, что онъ выболталъ передъ толпою тайны ученаго кружка и вслѣдствіе этого поколебалъ престижъ императора, государства, папы, церкви, въ особенности же славу духовной и ученой касты. „Поэтому, ученый Капніонъ, оставь намъ нашу вѣру, (или невѣріе) и не благоволи къ евреямъ съ одной стороны, чтобы вредить христіанамъ съ другой".

[1]) Сборникъ писемъ Рейхлина I № 87.

[2]) У Давида Штрауса, Гутенъ I, стр. 209.

ГЛАВА V.

Борьба за Талмудъ, шиболетъ гуманистовъ и обскурантовъ.

(продолженіе)

Пфеферкорнъ проповѣдуетъ противъ евреевъ и Рейхлина во Франкфуртѣ. Интриги доминиканцевъ противъ „Глазного зерцала" и его автора. Средства, предпринятыя доминиканцами противъ Рейхлина. Выступленіе противъ нихъ Рейхлина, сперва робкое, затѣмъ отважное. Борьба разгорается; полемическія произведенія; императоръ Максимиліанъ принимаетъ участіе, выступая противъ Рейхлина и еврейскихъ книгъ; запретъ на „Глазное зерцало". Участіе публики въ пользу Рейхлина и Талмуда. Новый пасквиль доминиканскаго кружка противъ Рейхлина и евреевъ (Зажигательное зерцало). Книга Рейхлина противъ кельнскихъ клеветниковъ для императора. Колеблющееся поведеніе императора Максимиліана въ этомъ дѣлѣ. Гохстратенъ въ качествѣ инквизитора требуетъ Рейхлина, какъ покровителя евреевъ, къ инквизиціонному суду. Майнцскій процесъ. Неожиданное выступленіе архіепископа Уріела. Предварительная побѣда Рейхлина и еврейской литературы. Докладъ папѣ о процесѣ; призывъ къ посредничеству Боне де-Латъ. Судъ въ Шпейерѣ и приговоръ надъ Гохстратеномъ. Его махинаціи. Заговоръ всего доминиканскаго ордена противъ Рейхлина и евреевъ. Союзъ гуманистовъ въ пользу того и другихъ для противодѣйствія. Молодая Германія подъ предводительствомъ Ульриха фонъ-Гутенъ. Разсвѣтъ, наступившій благодаря борьбѣ между рейхлинистами и доминиканцами. Доминиканцы поносятъ своихъ противниковъ кличкой „талмудисты". Интриги въ Римѣ и Парижѣ. Приговоръ парижскаго факультета противъ Рейхлина. Набатъ. Рапъ или Пфеферкорнъ изъ Гале. Письма обскурантовъ и евреи. Засѣданіе во Франкфуртѣ, враждебное евреямъ.

(1511—1516)

Съ появленіемъ и распространеніемъ „Глазного зерцала" Рейхлина и его защитой Талмуда открылась борьба, становившаяся съ каждымъ днемъ все серьезнѣе, принимавшая все большій объемъ и далеко вышедшая изъ рамокъ первоначальнаго предмета. Ибо обскуранты, еще вполнѣ обладавшіе своимъ могуществомъ и средствами устрашенія, не отнеслись къ вызову безразлично. Дѣло Пфеферкорна было ихъ собственнымъ дѣломъ, и имъ же въ сущности принадлежала инициатива. А вдругъ тутъ нашелся человѣкъ, осмѣлившійся выступить противъ ихъ плановъ: онъ не только не одобрялъ осужденія Талмуда, но и призналъ его въ нѣкоторомъ смыслѣ необходимымъ для христіанства, не только не одобрялъ преслѣдованій, но и рекомендовалъ любить евреевъ. Какая наглость! Какой позоръ для христіанства въ глазахъ мракобѣсовъ! Они пришли въ такую священную ярость, что надѣлали массу глупостей и тѣмъ нанесли непоправимый вредъ своему же дѣлу.

Тотъ самый проповѣдникъ, Петръ Мейеръ во Франкфуртѣ на Майнѣ, которому не удалось добиться воспрещенія продажи „Глазного зерцала", совершилъ еще одинъ промахъ. Во время богослуженія онъ съ каѳедры возвѣстилъ о томъ, что въ ближайшій канунъ Богородицы Пфеферкорнъ произнесетъ проповѣдь противъ сочиненія Рейхлина, и увѣщевалъ вѣрующихъ придти въ большемъ числѣ послушать Пфеферкорна. Трудно было придумать болѣе нелѣпый планъ. Пфеферкорнъ со своей безобразной, отталкивающей фигурой, съ карикатурными еврейскими чертами лица и съ необыкновенно гнусной физіономіей долженъ былъ предъ христіанской публикой произнести проповѣдь на еврейско-нѣмецкомъ жаргонѣ! Каждое его слово, каждое движеніе должно было вызывать смѣхъ среди слушателей и нарушать благоговѣйное настроеніе. Кромѣ того, по католическому уставу, міронину, да къ тому еще женатому было строжайше запрещено исполнять обязанности священника. Не задолго до того былъ сожженъ, на основаніи судебнаго приговора, простодушный пастухъ за самовольное произнесеніе проповѣди [1]). Чтобы соблюсти форму, Пфеферкорнъ произнесъ свою проповѣдь въ назначенный день (7 сентября 1511 года) не въ церкви, а у входа въ нее предъ огромной собравшейся толпой.

Это было, вѣроятно, весьма забавное зрѣлище: безобразный еврей осѣнялъ вѣрующихъ христіанъ крестнымъ знаменіемъ и на еврейскомъ жаргонѣ поучалъ ихъ христіанской вѣрѣ. Пфеферкорнъ стремился, главнымъ образомъ, вызвать въ слушателяхъ чувства отвращенія и ненависти къ евреямъ и ихъ покровителямъ.

Но это была лишь незначительная схватка. Главное сраженіе подготовлялось въ Кельнѣ. Доминиканскіе монахи, до сихъ поръ сражавшіеся съ опущеннымъ забраломъ, захотѣли теперь выступить открыто. Они поручили одному изъ своихъ соратниковъ, *Арнольду изъ Тонгерна*, подвергнуть разбору. „Глазное зерцало" Рейхлина, чтобы отыскать тамъ еретическіе взгляды, и онъ отыскалъ ихъ въ огромномъ количествѣ. Доминиканскій монахъ, духовникъ *Ульрихъ фонъ Штейнгеймъ*, донесъ объ этомъ фактѣ Рейхлину съ дѣланнымъ и напускнымъ простосердечіемъ и съ выраженіемъ якобы величайшаго уваженія къ нему (23 октября 1511 г.), причемъ присовокупилъ: кельнцы еще не пришли къ соглашенію относительно мѣръ, которыя слѣдуетъ предпринять противъ Рейхлина; одни совѣтовали только сжечь еретическую книгу, другіе, болѣе строгіе, требовали преданія автора суду, какъ еретика, а третьи предлагали иныя мѣры [2]). Это письмо, которое должно было запугать Рейхлина, оказало свое дѣйствіе: Рейхлина обуялъ чрезвычайный страхъ. Его

[1]) Рейхлинъ, Defensio contra calumniatores, стр. 57.

[2]) Сборникъ писемъ Рейхлина II № 10.

нельзя упрекать за это въ малодушіи или трусости. Въ то время было совсѣмъ не безопасно связываться съ доминиканскими монахами, чья власть превышала власть императора и папы. Папа Александръ VI, который не отступалъ ни передъ какимъ злодѣяніемъ и имѣлъ въ своемъ распоряженіи ядъ, кинжалъ и прочія смертоносныя орудія, трепеталъ предъ орденомъ доминиканскихъ монаховъ. Онъ говорилъ, что скорѣе отважится повздорить съ могущественнѣйшимъ монархомъ, чѣмъ съ однимъ изъ тѣхъ нищенствующихъ монаховъ, которые, прикрываясь смиренностью, въ дѣйствительности, тиранизировали весь христіанскій міръ [1]). „Если имъ что-нибудь приходится не по душѣ", говоритъ столь же остроумный, сколь и мужественный Ульрихъ фонъ Гутенъ о мракобѣсахъ того времени, „то они морщатъ лобъ, навостряютъ глаза, задираютъ носъ и кричатъ: „въ огонь! въ огонь!" Расшевелить это болото такъ же опасно, какъ ухватиться за шиповникъ. Въ ихъ присутствіи нужно остерегаться произнести неосторожное слово; это ужасная шайка, привыкшая все осуждать и ничего не выслушивать" [2]). Нельзя миролюбивому Рейхлину, тогда уже 50-тилѣтнему старику, жаждавшему покоя, ставить въ упрекъ, что онъ хотѣлъ избѣжать разрыва съ доминиканскими монахами, которымъ снова захотѣлось костровъ.

Уже черезъ нѣсколько дней послѣ полученія письма отъ духовника Ульриха (1 ноября), онъ обратился къ цензору своего сочиненія, Арнольду изъ Тонгерна, съ посланіемъ, въ коемъ онъ смягчилъ свои утвержденія въ „Глазномъ зерцалѣ", заявляя въ свое оправданіе: онъ разсматривалъ Талмудъ въ качествѣ не богослова, а судьи, и не могъ знать, что кельнскій университетъ другого мнѣнія объ этомъ сочиненіи; онъ высказалъ свое сужденіе, не имѣя никакихъ побочныхъ замысловъ и не желая кого-либо задѣть; пусть не гнѣваются на него за то, что онъ, свѣтскій человѣкъ, позволилъ себѣ высказать сужденіе по богословскому вопросу, и пусть смотрятъ на это, какъ на медицинскій совѣтъ священника, который иногда позволяетъ себѣ тоже высказать мнѣніе о ходѣ болѣзни. Онъ умолялъ доказать ему его заблужденія и не проклинать безъ предупрежденія. „Пусть пѣтухъ прокричитъ мнѣ прежде, чѣмъ грянетъ громъ и молнія". Одновременно онъ написалъ болѣе мужественное письмо своему бывшему пріятелю, *доминиканскому профессору, Конраду Колину,* съ просьбой защитить его предъ богословскимъ факультетомъ въ Кельнѣ и отвратить собиравшуюся грозу. Въ этомъ письмѣ Рейхлинъ осмѣлился задѣть главу мракобѣсовъ, *Якова Гохстратена.* Онъ сообщаетъ Колину, притворившись, будто не вѣритъ этому, что многіе считали Гохстратена однимъ изъ авторовъ пфеферкорн-

[1]) Посланіе Эразма къ Пиркгеймеру въ его Opera, стр. 268

[2]) Гутенъ, предислов. къ Nemo.

скаго памфлета и издѣвались надъ нимъ въ виду неблагодарности доминиканскихъ монаховъ, которымъ онъ оказалъ много услугъ[1]).

Несомнѣнно, не безъ злобнаго намѣренія кельнцы заставили Рейхлина почти два мѣсяца ждать ихъ отвѣта; они надѣялись, что Рейхлинъ, мучимый неопредѣленностью своего положенія, будетъ приведенъ въ отчаяніе и падетъ ницъ предъ ними. Лишь въ началѣ января (1512 года) ему были доставлены два письма, одно офиціальное отъ богословскаго факультета, а другое частное и притворно-сердечное отъ Колина; оба письма должны были служить дополненіемъ другъ къ другу. Факультетъ упрекалъ его въ томъ, что онъ своимъ вмѣшательствомъ повредилъ похвальному начинанію императора, приказавшаго сжечь еврейскія книги, что онъ навлекъ на себя подозрѣнія своимъ покровительствомъ еврейскому невѣрію, что онъ вызвалъ у евреевъ, которые читали и распространяли его «Глазное зерцало», чувство злорадства и доставилъ имъ случай продолжать свои поношенія Христа, Пресвятой Дѣвы и апостоловъ, что онъ искаженіемъ словъ Писанія возбудилъ неудовольствіе массъ и внушилъ подозрѣнія къ искренности собственной его вѣры. Безъ заступничества Тонгерна и Колина факультетъ былъ бы вынужденъ подвергнуть его строгой цензурѣ. Но теперь онъ захотѣлъ оказать Рейхлину снисхожденіе и предоставить ему самому очистить путь отъ тѣхъ камней, которые онъ же набросалъ, и либо болѣе обосновать свою недостаточную защиту (на латинскомъ языкѣ), либо, какъ послушный сынъ церкви, отречься отъ своего благопріятнаго отзыва о Талмудѣ[2]). Колинъ добавлялъ къ этому съ лицемѣрной сердечностью, что факультетъ оказалъ ему снисхожденіе именно благодаря его, Колина, заступничеству. При этомъ онъ высказалъ ту формулу, на которой покоится все грандіозное зданіе католической церкви: мірской человѣкъ, даже если онъ такъ проницателенъ и правовѣренъ, какъ Рейхлинъ, не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого сужденія о богословскихъ вопросахъ[3]). Колинъ указываетъ и на грозящую ему опасность: факультетъ не можетъ надолго откладывать свой приговоръ, ибо духовенство и міряне съ напряженіемъ ждутъ его; у Рейхлина много враговъ, съ нетерпѣніемъ ожидающихъ его осужденія; его судьба поэтому всецѣло лежитъ въ рукахъ кельнцевъ; если послѣдніе его оправдаютъ, то никто уже не сможетъ осудить его; посему пусть онъ поспѣшитъ отречься отъ своего отзыва и отъ своего сочиненія въ пользу Талмуда и противъ Пфеферкорна. Но ни единымъ словомъ Колинъ не попытался оправдать своего учителя, Гохстратена, котораго Рейхлинъ

[1]) Сборникъ писемъ Рейхлина № 11, 12.
[2]) Т. же № 13.
[3]) Т. же № 14. Non mirum, si Jurista theologicas non attigit subtilitates.

обвинялъ въ томъ, что онъ принялъ участіе въ составленіи памфлета противъ него.

Рейхлинъ тотчасъ же (27 января 1512 года[1]) отвѣтилъ факультету и Колину, благодарилъ обоихъ за оказанное ему снисхожденіе, призналъ, что онъ какъ міряниннъ, да къ тому еще вступившій дважды въ бракъ, конечно, полный профанъ въ богословскихъ вопросахъ, и очистилъ себя отъ подозрѣнія въ покровительствѣ евреямъ заявленіемъ, что онъ, вмѣстѣ со святымъ Іеронимомъ, глубоко ненавидитъ еврейское племя. Но въ самомъ главномъ онъ остался непреклоннымъ, заявляя: онъ ни отчего отречься не можетъ, ибо не чувствуетъ за собой никакой ереси, тѣмъ болѣе, что онъ уже раньше, безъ всякаго принужденія, разъяснилъ въ приложенномъ латинскомъ оправданіи и объясненіи всѣ плохо понятыя выраженія; все, что онъ можетъ сдѣлать, это опубликовать упомянутое объясненіе на нѣмецкомъ языкѣ, чего онъ не сдѣлалъ раньше за недостаткомъ времени; новое объясненіе было бы факультетомъ признано такимъ же недостаточнымъ, какъ и первое. Поэтому онъ просилъ своихъ доминиканскихъ покровителей точно указать ему оскорбительныя и звучащія ересью выраженія въ его «Глазномъ зерцалѣ», чтобы быть въ состояніи либо вполнѣ оправдаться, либо отречься отъ сказаннаго.

Наконецъ, чтобъ положить конецъ этой перепискѣ, кельнскіе мракобѣсы заявили (24 февраля): пусть Рейхлинъ позаботится о томъ, чтобы еще оставшіеся экземпляры его «Глазного зерцала» болѣе не продавались на франкфуртской ярмаркѣ и чтобы вообще содержаніе его сочиненія было опровергнуто; только такимъ образомъ онъ можетъ возстановить свою репутацію и доказать, что онъ истинный католикъ, врагъ невѣрующихъ евреевъ и ихъ кощунственныхъ сочиненій; въ противномъ случаѣ кельнскій судъ будетъ вынужденъ привлечь его къ отвѣтственности и осудить; это произойдетъ не изъ вражды къ нему, а только изъ чувства христіанской любви. Кельнцы сумѣли задѣть его слабую струнку, заявляя: если при его жизни дѣло и будетъ замято, то послѣ его смерти найдутся судьи, которые «схватятъ за бороду мертвого льва» и заклеймятъ его, какъ еретика. Колинъ еще разъ не преминулъ увѣрять: Рейхлинъ обязанъ этимъ снисходительнымъ отношеніемъ факультета исключительно его дружбѣ; въ противномъ случаѣ, факультетъ уже давно бы приказалъ всѣмъ нѣмецкимъ епископамъ отыскать «Глазное зерцало» и сжечь, а самого Рейхлина привлекъ бы къ суду инквизиціи; поэтому пусть Рейхлинъ поспѣшитъ исполнить требованіе факультета прежде, чѣмъ послѣдній проявитъ большую строгость; ибо скоро даже онъ, Колинъ, не будетъ въ состояніи помочь ему. Между прочимъ Колинъ намекнулъ ему: изъ его сочиненія можно вывести за-

[1]) Т. же № 15, 16.

ключеніе, что Іисусъ былъ законно и правомѣрно осужденъ евреями; какое богохульство! Онъ глубоко скорбѣлъ бы, если бы Рейхлинъ такъ позорно (проклятый, какъ еретикъ) закончилъ свою славную жизнь. Колинъ указалъ ему также, въ какую форму слѣдуетъ облечь отреченіе, именно: онъ долженъ указать, что онъ, какъ юристъ, ничего не смыслитъ въ богословскихъ вопросахъ и поэтому вполнѣ естественно ошибался[1]).

Когда кельнцы сняли съ себя маску привѣтливости и обнаружили свою безобразную сущность священнослужителей, отдающихъ на закланіе людей, тогда и Рейхлинъ сбросилъ съ себя маску смиренности и показалъ себя мужественной личностью, которая не намѣрена поступиться своею честью. Онъ отвѣтилъ (3 марта) факультету: онъ не можетъ исполнить его желанія, конфисковать оставшіеся еще экземпляры «Глазного зерцала», ибо послѣдніе принадлежатъ не ему, а книгопродавцу; что ему остается еще сказать, чтобы удовлетворить ихъ (кельнцевъ), онъ не зналъ бы и въ томъ случаѣ, если бы былъ и вдвое проницательнѣе Даніила; во всякомъ случаѣ онъ отпечатаетъ свое латинское объясненіе и на нѣмецкомъ языкѣ для тѣхъ слабоумныхъ, которые могли бы неправильно истолковать его отзывъ о Талмудѣ. То, однако, чего онъ не хотѣлъ говорить факультету, онъ сказалъ своему лицемѣрному другу, Колину, именно: если послѣдній совѣтовалъ факультету повременить съ сожженіемъ его «Глазного зерцала», то пусть факультетъ благодаритъ его за это, ибо этимъ своимъ совѣтомъ онъ оказалъ услугу лишь факультету: благодаря совѣту опытныхъ и могущественныхъ лицъ, онъ чувствуетъ себя въ полной безопасности и увѣренъ, что большая опасность, чѣмъ ему, угрожаетъ имуществу и репутаціи его противниковъ; это онъ хочетъ ему передать, какъ секретъ; да, онъ не лишенъ поддержки могущественнѣйшихъ лицъ; его противникамъ слѣдуетъ также не забывать, что споръ легко разгорается, но съ трудомъ улаживается; какое движеніе возникнетъ среди феодаловъ и въ народѣ, когда онъ краснорѣчиво изложитъ начало, конецъ и весь ходъ этого дѣла? «Что скажетъ міръ, когда я разскажу, что вы кормите, поддерживаете и превозносите до небесъ перебѣжчика, безсовѣстнаго клеветника, крещенаго и женатаго еврея, который, вопреки церковному уставу, произносилъ во Франкфуртѣ предъ вѣрующей паствой проповѣди противъ меня и котораго подозрѣваютъ въ намѣреніи снова перебѣжать къ своимъ соплеменникамъ? И все это дѣло онъ раздулъ, дабы выжать у евреевъ большія деньги. Тебя смущаютъ нѣкоторыя невинныя слова, употребленныя мною, и ты думаешь, что они оскорбляютъ благочестивое ухо, но тебя нисколько не смущаетъ это позорное поведеніе? За спинами моихъ могущественныхъ

[1]) Т. же № 17, 18.

покровителей стоятъ поэты и историки, коихъ теперь легіонъ и которые почитаютъ меня, какъ своего учителя; они покроютъ вѣчнымъ позоромъ злобность моихъ противниковъ и вашего факультета и воспоютъ меня, какъ невинно преслѣдуемаго» [1]).

Это было объявленіемъ войны между главой гуманистовъ и главными представителями закоснѣлаго католицизма, враждебнаго наукѣ и боящагося свѣта. Соглашеніе уже было невозможно. Ибо обѣ стороны говорили на разныхъ языкахъ и не понимали другъ друга. Правда, Рейхлинъ все еще щадилъ своихъ противниковъ; онъ опубликовалъ (22 марта 1512 года) 42 параграфа на нѣмецкомъ языкѣ, которые онъ раньше приложилъ къ своему «Глазному зерцалу», чтобы смягчить свои рѣзкія утвержденія. Его «ясное объясненіе на нѣмецкомъ языкѣ» должно было убѣдить публику, что онъ не повиненъ ни въ какой ереси и вовсе не покровительствовалъ евреямъ. Если Рейхлинъ думалъ успокоить этимъ кельнцевъ, то онъ горько ошибался. Кельнцы жаждали войны, ожесточенной и безпощадной войны, которая должна была кончиться пораненіемъ или уничтоженіемъ противника. Они отвѣтили ему опубликованіемъ обвинительнаго сочиненія: «О чрезмѣрномъ расположеніи къ евреямъ со стороны Рейхлина» (въ лѣто того же года [2]). Это было самымъ грубымъ повтореніемъ всѣхъ прежнихъ утвержденій, сдѣланныхъ Пфеферкорномъ и кельнцами, утомительнымъ повтореніемъ всѣхъ мнимыхъ или обоснованныхъ обвиненій противъ Рейхлина и евреевъ или, точнѣе, копіей самообвиненія Рейхлина. Главныя обвиненія сводились къ тому, что Рейхлинъ, будучи юристомъ, осмѣлился вмѣшаться въ богословскія тонкости, въ которыхъ онъ, какъ небогословъ, ничего не можетъ смыслить, и что онъ съ очевиднымъ пристрастіемъ подчеркнулъ въ евреяхъ и ихъ писаніяхъ только одно хорошее, дурное же онъ едва отмѣтилъ или даже оправдывалъ. Все обвинительное сочиненіе стремилось доказать, что Рейхлинъ пребываетъ въ заблужденіи, граничащемъ съ ересью, и что Талмудъ долженъ быть сожженъ. Это первое произведеніе кельнцевъ, по формѣ безталанное, а по содержанію противорѣчащее истинѣ почти во всемъ, за исключеніемъ того утвержденія, что Рейхлинъ раньше самъ высказалъ тѣ же обвиненія противъ евреевъ и ихъ писаній, было составлено Арнольдомъ изъ Тонгерна, а Ортуинъ Грацій, официальный поэтъ кельнцевъ, прибавилъ сюда еще и прескверные стихи, въ коихъ онъ проклиналъ Рейхлина, призывая на него всѣ муки ада. Тутъ же было высказано благочестивое пожеланіе: «да погибнетъ этотъ дерзкій еретикъ».

[1]) Т. же № 19, 20.

[2]) У Majus, vita Reuchlini стр. 315 ,345.

Арнольдъ изъ Тонгерна посвятилъ это позорное сочиненіе императору Максимиліану и во вступительномъ посланіи къ послѣднему изложилъ слѣдующіе мотивы, побудившіе его къ составленію этого сочиненія: многіе христіане были огорчены этимъ очевиднымъ пристрастіемъ Рейхлина къ евреямъ, тѣмъ болѣе, что его сочиненія, составленныя на нѣмецкомъ языкѣ, читались буквально всѣми; кромѣ того евреи радовались имъ и хвастались, что Рейхлинъ посланъ Богомъ, чтобы помѣшать императору преслѣдовать ихъ писанія. Это сочиненіе, несмотря на то, что представляло собою сплошную ложь, произвело тѣмъ не менѣе на императора сильное впечатлѣніе, и онъ сдѣлался противникомъ Рейхлина, на сторонѣ коего онъ стоялъ со времени опубликованія «Ручного зерцала». Возможно, что снова та же женская рука подлила масла въ огонь, а, можетъ быть, императоръ хотѣлъ остановить все возраставшее и распространявшееся возбужденіе. Находясь въ Кельнѣ, Максимиліанъ издалъ (7 октября 1512 года[1]) приказъ всѣмъ сословіямъ имперіи и особенно бургомистру и совѣту города Франкфурта не допускать продажи сочиненій Рейхлина въ пользу евреевъ (т. е. «Глазного зерцала» и 42 параграфовъ «яснаго объясненія»), а конфисковать и уничтожить, подъ угрозой немилости и наказанія. Въ видѣ мотива приведено то обстоятельство, что рейхлиновская защита евреевъ еще болѣе укрѣпляетъ ихъ упрямство и огорчаетъ и оскорбляетъ простосердечныхъ христіанъ. Къ послѣднимъ императору слѣдовало бы причислить самого себя. Ибо эта защита никого не оскорбила, за исключеніемъ императора и мракобѣсовъ. Тѣ, которымъ была ясна вся важность спора, быть можетъ, и радовались выступленію Рейхлина противъ безстыдства Пфеферкорна и кельнцевъ, но никто и не помышлялъ о покровительствѣ евреямъ. Курфюрстъ и архіепископъ Кельна, *Филиппъ*, который находился въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ доминиканцами своей столицы, поспѣшилъ обнародовать приказъ императора (27 ноября 1512 года). Онъ предписалъ всему духовенству своего епископства прочесть съ каѳедръ приказъ императора и вывѣсить на дверяхъ церквей. Строптивымъ, которые не пожелали бы выдать сочиненіе Рейхлина противъ Пфеферкорна, грозили отлученіе и другія непріятности.

Но этотъ строгій приказъ императора и курфюрста не произвелъ ожидаемаго эфекта. Въ самомъ Кельнѣ у Рейхлина было больше друзей, чѣмъ у доминиканцевъ, которыхъ ненавидѣли за ихъ вызывающее высокомѣріе и за страсть къ гоненіямъ со стороны ихъ главы, Гохстратена. Въ Кельнѣ же выступилъ въ защиту Рейхлина и Талмуда образованный пробстъ, *Германъ фонъ Нюнаръ*, который считалъ Гохстра-

[1]) Сообщ. въ „Зажигательномъ зерцалѣ" Пфеферкорна.

тена самымъ злобнымъ человѣкомъ и единственнымъ нарушителемъ спокойствія въ Германіи. Онъ позже писалъ императору: «Гохстратенъ чума для Германіи, и, если ты его обезвредишь, все будетъ въ порядкѣ. Спроси всѣхъ ученыхъ въ Германіи, и ты узнаешь, что онъ оскорбилъ каждаго изъ нихъ и со всѣми находится во враждебныхъ отношеніяхъ.» На сторонѣ Рейхлина и противъ доминиканцевъ была почти вся кельнская знать, за исключеніемъ одного человѣка, который, по слухамъ, шепотомъ передававшимся изъ уха въ ухо, находился въ интимныхъ сношеніяхъ съ красивой женой Пфеферкорна[1]). Горячій поклонникъ Рейхлина, хотя необразованный, богатый человѣкъ, *Францъ Штрусъ,* несмотря на императорскій приказъ и на угрозу архіепископа, носилъ всегда при себѣ «Глазное зерцало» и такъ часто читалъ его, что зналъ наизусть всю книгу. Онъ всегда вступалъ безстрашно въ споръ съ доминиканцами, имѣя на всякое возраженіе готовый отвѣтъ, такъ что они его избѣгали. Враги евреевъ добились того, что Талмудъ нашелъ защитниковъ въ средѣ именитыхъ людей.

Чѣмъ болѣе кельнцы утрачивали свое вліяніе на общественное мнѣніе, тѣмъ болѣе они напрягали всѣ свои силы, чтобы повліять на него. Пфеферкорнъ (или одинъ изъ его присныхъ) снова выпустилъ сочиненіе, въ коемъ Рейхлинъ изображается уже не, какъ прежде, знатнымъ сановникомъ, а отвергнутымъ еретикомъ, который способенъ лишь лгать и интриговать и подкупленъ евреями. Его отзывъ и его «Глазное зерцало» называются тамъ клеветническими сочиненіями. Уже заглавіе характеризуетъ безконечную гнусность автора: «Зажигательное зерцало или искорененіе и уничтоженіе необоснованной клеветнической книженки, «Глазного зерцала», которую Рейхлинъ обнародовалъ противъ меня, Пфеферкорна». Еще больше ядовитыхъ стрѣлъ было выпущено въ евреевъ, чѣмъ въ Рейхлина. Ядовитый тонъ вступительнаго стихотворенія выдержанъ во всемъ пamфлетѣ. Рейхлинъ, которому пришлось раздѣлить съ евреями всю ненависть Пфеферкорна, осыпанъ слѣдующими безстыдными поношеніями: какъ онъ осмѣлился классифицировать и характеризовать различныя еврейскія сочиненія, не будучи въ состояніи разобрать равинское писаніе безъ пунктуаціи; да, вѣдь, онъ не въ состояніи былъ бы понять и собственный еврейскій словарь, если бы послѣдній не былъ снабженъ латинскимъ переводомъ; онъ пріобрѣлъ всю свою еврейскую ученость по совѣту и съ помощью евреевъ. Конечно, евреямъ достается еще больше. Пфеферкорнъ тутъ приводитъ новое измышленіе, будто самъ Маймонидъ, этотъ еврейскій мудрецъ идеальной нравственности и гуманности, далъ въ своемъ религіозномъ кодексѣ

[1]) Сборникъ писемъ Рейхлина II № 40. и 42.

предписанія о томъ, какъ слѣдуетъ убивать христіанъ. Пфефферкорнъ былъ настолько наглъ, что вызывался доказать это всякому желающему и, если бы это его утвержденіе оказалось ложью, готовъ былъ подвергнуться всякому наказанію и даже сожженію. Этотъ гнусный клеветникъ, подъ охраной всемогущихъ доминиканцевъ, былъ увѣренъ, что никто не будетъ настаивать на исполненіи его обѣщанія. Онъ отвергаетъ обвиненіе Рейхлина, будто онъ стремился, наперекоръ властямъ, подстрекать народъ къ насилію надъ евреями. Но тутъ же онъ подзадоривалъ христіанъ къ жесточайшимъ гоненіямъ противъ евреевъ.

Онъ утверждалъ: евреевъ не слѣдуетъ убивать, но у нихъ нужно отнять все ихъ имущество и отдать тѣмъ, кому оно по праву принадлежитъ, или же больницамъ, церквамъ и монастырямъ; со старыми евреями слѣдуетъ обходиться, какъ съ паршивыми псами; дѣтей слѣдуетъ насильно отрывать отъ родителей и обращать въ христіанство; этого не нужно откладывать со дня на день, это должно быть сдѣлано безотлагательно; такъ поступать съ ними не грѣшно, ибо они, какъ проданное имущество, принадлежатъ властямъ: у евреевъ имѣется еще въ римской имперіи три общины, въ *Регенсбургѣ*, *Вормсѣ* и *Франкфуртѣ*; если бы князья, феодалы и города поступили съ этими общинами, какъ и съ прочими, то евреи скоро исчезли бы въ Германіи: а это было бы «согласно священному вѣроученію, божественно и похвально». Что это было за христіанство, если жаждавшій мщенія и крови злодѣй могъ пользоваться имъ въ цѣляхъ проповѣдованія самыхъ жестокихъ и безчеловѣчныхъ преслѣдованій противъ свидѣтелей его прежнихъ гнусностей?

Но роль Пфефферкорна была сыграна. Послѣ того, какъ кельнскіе доминиканцы повели открытую войну противъ Рейхлина, опубликовали обвинительный актъ и добились запрещенія его сочиненія, все его справедливое и пламенное негодованіе обратилось на нихъ. Онъ составилъ подробное защитительное произведеніе на латинскомъ языкѣ (закончено 1 марта 1513 года), направленное противъ кельнскихъ «клеветниковъ» и посвященное императору Максимиліану: это сочиненіе, написанное съ сокрушительной силой, было особенно разсчитано на не-нѣмецкую ученую публику, но имѣло нѣмецкій заголовокъ: «Кто говоритъ или пишетъ, что я, Рейхлинъ, въ своемъ отзывѣ о еврейскихъ книгахъ, дѣйствовалъ не какъ честный, благочестивый и порядочный христіанинъ, тотъ лжетъ, какъ легкомысленный, безчестный и злобный клеветникъ». Въ этомъ сочиненіи для «разоблаченія клеветниковъ» онъ только мимоходомъ касается Пфефферкорна и, описывая, какъ послѣдній интриговалъ даже противъ самого императора, сообщаетъ, что Пфефферкорнъ по-

хитилъ документъ, предназначавшійся для императора, и опубликовалъ его для компрометаціи; уже за это одно онъ заслуживалъ висѣлицы. Но Рейхлинъ скоро переходитъ отъ молота къ кузнецу, отъ учениковъ къ учителямъ, къ виновникамъ всей этой гнусной травли. Рейхлинъ безпощадно уничтожаетъ *Арнольда изъ Тонгерна, Ортуина Грація,* называя ихъ полнымъ именемъ, и главнаго вожака, *Гохстратена,* имя коего прикрыто фиговымъ листомъ. Онъ говоритъ: всѣ эти лица, столь горячо нападавшія на еврейскія книги, руководились своекорыстными денежными мотивами и за то, что онъ помѣшалъ ихъ планамъ и прямо изъ-подъ рукъ унесъ ихъ добычу, они все свое негодованіе направили противъ него и осыпали его поношеніями и заподазриваніями; они ни въ коемъ случаѣ не заслуживаютъ почетнаго имени теологовъ, они *теологисты (лже-теологи);* почему именно кельнцы такъ много занимаются вопросомъ о еврейскихъ книгахъ? Почему не другіе богословскіе факультеты Германіи? Этотъ вопросъ вообще касается не факультета, а епископовъ; кто поставилъ васъ, кельнскихъ клеветниковъ и теологистовъ, васъ, козловъ и свиней, пастырями надо мной: кто назначилъ васъ судьями надо мной и моимъ отзывомъ, надо мной, который живетъ отъ васъ на разстояніи пяти епископствъ, живетъ другимъ воздухомъ, пользуется другимъ огнемъ? Ваше высокомѣріе такъ велико, что вы, тая сатану въ груди, возноситесь въ небесную высь, уподобляясь Всевышнему; дозволь имъ, о императоръ! отобрать и оставить у себя всѣ еврейскія деньги, и я снова обрѣту свой покой; правда, евреи уже задолго до Рождества Христова, во времена Помпея, поселились въ Римской имперіи; Цезарь, Августъ и Тиберій разрѣшили имъ жить согласно ихъ ритуалу и соблюдать унаслѣдованные ими законы: христіанскіе императоры, Граціанъ, Валентиніанъ и Ѳеодосій, даровали имъ гражданское полноправіе, а императоръ Гонорій обѣщалъ имъ ту же защиту и ту же безопасность, которыми пользовались остальные жители Римской имперіи; но все же прошу тебя, первый германо-римскій императоръ, дозволь кельнцамъ привлечь евреевъ къ суду инквизиціи, задавить ихъ и ограбить; и пусть кельнцы знаютъ, что именно моему заступничеству они обязаны тѣмъ, что ихъ мѣшки наполнятся еврейскими деньгами, которыми даже языческій завоеватель, Помпей, при вступленіи въ іерусалимскій храмъ не захотѣлъ осквернить своихъ рукъ: если ты внемлешь моей просьбѣ, то они снова возстановятъ мою опозоренную честь; ибо тогда мои выраженія не будутъ звучать скандаломъ и ересью; покуда же ты не сдѣлаешь этого, они безпрестанно будутъ лаять и обвинять меня—повѣрь мнѣ въ этомъ—въ томъ, что я навлекъ на себя подозрѣніе въ покровительствѣ евреямъ и что я недостаточно почтитель-

но отношусь къ богословскимъ писателямъ, т. е. къ кельнскимъ лже-богословамъ».

Своихъ противниковъ, выдвинувшихся на передній планъ. Рейхлинъ буквально уничтожаетъ своими могучими ударами. «Кельнскіе доминиканцы выбрали своимъ вожакомъ Арнольда *фонъ* Тонгернъ, который охотнѣе называетъ себя «фонъ Тонгернъ», чѣмъ *изъ* Тонгерна, ибо онъ былъ изгнанъ изъ своего родного города за какое-то преступленіе; и даже его сотоварищи называютъ его свѣтскимъ священникомъ, дабы его позоръ не палъ на весь орденъ; этого знаменосца сопровождаютъ съ обѣихъ сторонъ полуеврей *Пфеферкорнъ* и полуязычникъ *Ортуинъ Грацій*, который выдаетъ себя за поэта, строчитъ стихи въ языческомъ стилѣ и при этомъ не умѣетъ даже грамотно писать; этотъ наемный корректоръ типографіи лучше поучился бы грамотѣ, чѣмъ кропать дѣтскіе стихи». Онъ назвалъ Ортуина Грація потому полуязычникомъ, что этотъ, въ своемъ вступительномъ стихотвореніи, назвалъ непорочную Дѣву Марію *матерью Юпитера*. Согласно ученію католической церкви, однако, Юпитеръ, какъ и всѣ языческіе боги, являются злыми демонами. Ортуинъ такимъ образомъ допустилъ богохульство и высказалъ ересь. Это былъ тяжелый ударъ для судей надъ еретиками. Два участника обвинительнаго сочиненія Арнольда изъ Тонгерна—въ томъ числѣ и аристократическій *поэтъ, Германъ фонъ Буше*—поддались уговорамъ Арнольда и помѣстили свои эпиграммы. Этихъ «двухъ трубачей» Рейхлинъ пощадилъ, наскоро раздѣлавшись съ ними, не называя именъ [1]).

Въ своей защитѣ Рейхлинъ мужественно призналъ правильность главнаго упрека доминиканцевъ, ихъ конька, относительно покровительства евреямъ, говоря: да, онъ покровительствовалъ евреямъ, какъ это сдѣлали Іисусъ, апостолы, отцы церкви, папы и императоры, какъ заступаются за евреевъ судьи, которые, ведя ихъ процесы, защищаютъ ихъ отъ несправедливостей; онъ ихъ тоже защищалъ, дабы они не пострадали отъ несправедливости и насилія; «я знаю, что моимъ противникамъ не понравился мой взглядъ на евреевъ, какъ на нашихъ согражданъ; такъ пусть же они еще болѣе вознегодуютъ и прогнѣваются, а я скажу, что евреи—наши братья, да, братья Арнольда, братья кельнскихъ лже-богослововъ, не потому, что они дѣти одного и того же Творца, а потому, что они происходятъ отъ одного и того же праотца; того же взгляда были и нѣкоторые отцы церкви».

Точно ударами молота Рейхлинъ сокрушаетъ затѣмъ Арнольда за его искаженіе библейскихъ текстовъ. Библейскій стихъ: «Ворожеи не

[1]) Defensio стр. 71.

оставляй въ живыхъ» Арнольдъ передалъ въ такой формѣ: «преступника не оставляй въ живыхъ на землѣ»[1]) и вывелъ отсюда гнусное заключеніе: «такъ какъ евреи провинились во многихъ преступленіяхъ, ереси, кощунствѣ и поношеніи Христа, церкви и Священнаго писанія, то мы не должны допускать, чтобы въ какомъ либо уголкѣ земли они остались въ живыхъ». «Это, слова непристойныя богослову, это недостойный священникъ, жаждущій человѣческой крови», восклицаетъ Рейхлинъ.

Пфеферкорнъ и Арнольдъ изъ Тонгерна указывали на то, что, въ одномъ изъ своихъ прежнихъ посланій, Рейхлинъ самъ отозвался враждебно о евреяхъ. Это противорѣчіе Рейхлинъ пытается устранить логическими софизмами, но въ концѣ концовъ сознается, что онъ тогда совершилъ несправедливость. Вообще, со времени открытаго объявленія войны противъ доминиканцевъ, онъ энергично защищалъ евреевъ. Указанію враговъ еврейства, что евреи молятся о паденіи римско-германской имперіи, Рейхлинъ противопоставляетъ слова одного талмудиста: «Молитесь о благѣ имперіи». Затѣмъ онъ продолжаетъ: «Почему клеветникъ приводитъ, въ качествѣ свидѣтелей, крещеныхъ евреевъ, своихъ же соучастниковъ? Могу ли я вѣрить *имъ*, которые противъ меня сплели очевидную ложь? Если они такъ поступаютъ со мной, христіаниномъ, то какъ же они поступаютъ съ евреями?» Въ заключеніе онъ ставитъ своему клеветнику памятникъ съ надписью: «Арнольдъ изъ Тонгерна, клеветникъ и поддѣлыватель». Рейхлинъ лично передалъ свое защитительное сочиненіе императору (въ іюнѣ 1513 г.), который принялъ его весьма милостиво[2]).

Это защитительное сочиненіе Рейхлина, которое скоро было напечатано и распространено, было первымъ сильнымъ и мѣткимъ ударомъ великана въ одну изъ головъ ядовитой гидры, и этотъ ударъ эхомъ отозвался во всей христіанской Европѣ. Такъ раздразнить, истоптать и изранить могущественныхъ доминиканцевъ, этихъ змѣй, предъ которыми трепетали императоры и папы, въ одной изъ ихъ самыхъ опасныхъ пещеръ—это было актомъ героизма, который вызвалъ одобреніе и преклоненіе въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ: среди гуманистовъ и міряиъ, среди высшаго и низшаго духовенства, которое неохотно терпѣло отъ деспотизма монаховъ-проповѣдниковъ, среди другихъ орденовъ, которые были оттѣснены доминиканцами на задній планъ,

---

[1]) Исх. XXII, 17 מכשפה לא תחיה перевелъ фонъ Тонгернъ по Вулгатѣ: Maleficum non patiaris vivere super terram.

[2]) Сборникъ писемъ Рейхлина II, предпослѣднее лат. письмо Якова Шпигела, императорскаго секретаря, Якову Фаберу (Lefevre).

наконецъ, среди придворныхъ круговъ, планы коихъ часто разстраивались вслѣдствіе нестерпимаго вмѣшательства доминиканцевъ. Это цицероновское краснорѣчіе, это глубоко прочувствованное и стихійно прорвавшееся негодованіе, эта иронія—словомъ, все, даже кажущіяся намъ излишнимъ баластомъ ученыя ссылки на классическую, библейскую и церковную литературы и каламбуры въ духѣ того времени, все въ этомъ сочиненіи произвело тѣмъ болѣе глубокое впечатлѣніе, что Рейхлинъ не былъ забіякой, а былъ всѣмъ извѣстенъ, какъ спокойный, кроткій и миролюбивый человѣкъ. Гуманисты были въ восторгѣ отъ мужественнаго выступленія Рейхлина противъ мракобѣсовъ. И только малодушные среди нихъ упрекали Рейхлина за его рѣзкость и грубость. Рейхлинъ возразилъ имъ весьма правильно, что скорѣе можно съ философскимъ спокойствіемъ встрѣтить смерть, чѣмъ перенести оскорбленіе чести.

Война между Рейхлинымъ и доминиканцами возгорѣлась тогда лишь съ пущей силой. Императоръ Максимиліанъ, къ коему обѣ партіи обратились со своими писаніями, не былъ въ состояніи разрѣшить споръ. Въ этомъ дѣлѣ онъ проявилъ чрезвычайную слабость духа и несамостоятельность. Смотря по тому, кто нашептывалъ ему на ухо: его ли духовникъ или одинъ изъ его тайныхъ секретарей-гуманистовъ, онъ то писалъ Рейхлину, что защититъ его отъ высокомѣрныхъ нападокъ со стороны кельнскихъ доминиканцевъ, то издалъ указъ объ изъятіи изъ обращенія «защиты» Рейхлина. Наконецъ, онъ приказалъ молчать обѣимъ сторонамъ (іюнь 1513 г.): но спорящихъ уже нельзя было болѣе умиротворить. Доминиканцы не могли принять нанесенные имъ удары съ христіанскимъ смиреніемъ; дѣло шло обо всемъ ихъ вліяніи или существованіи. Они все готовились къ великой мести: но все больше запутывались въ своихъ же сѣтяхъ, вызывая къ себѣ и всему католичеству всеобщее презрѣніе.

До того времени главный виновникъ всей этой кутерьмы, ядовитый и злобный преслѣдователь еретиковъ, Яковъ Гохстратенъ, держался на заднемъ планѣ и постепенно посылалъ въ огонь свои креатуры, сперва Пфеферкорна, затѣмъ Ортуина Грація и Арнольда изъ Тонгерна. Теперь онъ самъ выступилъ на первый планъ, столь безстыдно и нагло, какъ будто все духовенство и остальное человѣчество должно было подчиниться ему и, по первому движенію его бровей, пасть ницъ предъ нимъ, какъ будто онъ имѣлъ право топтать ногами законы и традиціи. Чтобы насильно спасти ослабѣвшее вліяніе ордена, всѣ доминиканцы должны были сплотиться и всѣ усилія направить къ тому, чтобы добиться осужденія Рейхлина и Талмуда.

Необдуманность всего поведенія императора въ этомъ дѣлѣ сказалась и въ его указѣ, приказавшемъ молчать обѣимъ спорящимъ сторонамъ, ибо въ указѣ были названы Рейхлинъ съ одной стороны, Пфеферкорнъ и Арнольдъ изъ Тонгерна съ другой. Этимъ дана была сотоварищамъ послѣднихъ возможность открыто затрагивать и даже обвинять Рейхлина подъ другимъ именемъ. Рейхлинъ справедливо опасался, что кельнскіе доминиканцы, пользуясь этой неопредѣленностью, не оставятъ его въ покоѣ. Поэтому онъ умолялъ воспитателя и совѣтника при дворѣ курфюрста Фридриха Саксонскаго побудить послѣдняго повліять на императора въ смыслѣ приказанія прекратить споръ всѣмъ безъ исключенія. Это его желаніе не исполнилось, и наступило то, чего онъ опасался. Его стали еще болѣе преслѣдовать.

Внезапно Гохстратенъ, получивъ якобы соотвѣтственное уполномочіе отъ начальника ордена, обнародовалъ (15 сентября 1513 года), въ качествѣ инквизитора, посланіе къ Рейхлину, въ коемъ предлагалъ ему въ теченіе шести дней явиться въ Майнцъ въ 8 часовъ утра, чтобы предстать предъ судомъ по обвиненію въ покровительствѣ евреямъ и склонности къ ереси. Онъ не имѣлъ никакой инквизиціонной силы надъ Рейхлинымъ, такъ какъ послѣдній принадлежалъ къ епископству Констанца. Его приглашеніе кромѣ того не соблюло требуемыхъ формальностей и къ тому же было составлено въ оскорбительномъ тонѣ, на «ты», какъ будто Рейхлинъ былъ уже уличеннымъ и преданнымъ проклятію еретикомъ, относительно коего не обязательно соблюдать приличія. Рейхлинъ могъ бы игнорировать это приглашеніе, ибо оно было во всѣхъ отношеніяхъ противозаконно. Тѣмъ не менѣе онъ, не имѣя возможности, въ виду преклонныхъ лѣтъ и слабости, самому явиться въ Майнцъ, прислалъ туда своего довѣреннаго, чтобы протестовать противъ насильственнаго акта. Въ назначенный день (20 сентября) въ Майнцъ прибылъ Гохстратенъ съ толпой доминиканцевъ, выбралъ, по собственному произволу, изъ числа своихъ единомышленниковъ судейскую комисію, открылъ засѣданіе и выступилъ противъ Рейхлина, соединяя въ своемъ лицѣ и обвинителя, и судью. Онъ раньше уже составилъ грозный обвинительный актъ противъ Рейхлиновскаго «Глазного зерцала» и Талмуда[1]). Онъ также, изъ осторожности, старался привлечь союзниковъ, чтобы въ этомъ серьезномъ спорѣ не оказаться одинокимъ. Незадолго до этого онъ обратился въ четыре университета съ посланіями, прося высказаться о «Глазномъ зерцалѣ» Рейхлина, конечно, въ его духѣ, и всѣ оправдали его надежды. Левенскій богословскій факультетъ заявилъ[2]): «изъ любезности къ Гохстратену, факультетъ подвергнулъ разбору «Глазное зерца-

[1]) Введеніе къ Acta Judiciorum.

[2]) 28 Іюля 1513 г.

ло» и нашелъ, что оно полно заблужденій и подозрительныхъ утвержденій, а также содержитъ одобреніе упорному невѣрію евреевъ; поэтому слѣдуетъ не только изъять это сочиненіе изъ употребленія, но и сжечь его».

Каково было мнѣніе кельнскаго факультета, угадать не трудно, такъ какъ деканомъ его былъ Гохстратенъ, который такимъ образомъ выставилъ себѣ самому свидѣтельство. Кельнскій факультетъ сказалъ[1]) то, чего не осмѣлился произнести левенскій, а именно, что сочиненіе Рейхлина содержитъ не только заблужденія, но и *ересь* и потому должно быть сожжено и выброшено изъ памяти людей. Обширная мотивировка составлена въ отвратительномъ церковно-умилительномъ тонѣ. Эрфуртскій факультетъ сослался на свое, уже прежде высказанное, мнѣніе[2]), что Талмудъ и еврейскія письмена должны быть уничтожены; но онъ также честно призналъ: онъ не нашелъ въ сочиненіи Рейхлина ничего еретическаго и противукатолическаго; противъ собственнаго желанія Рейхлинъ совершилъ нѣсколько ошибокъ, благопріятныхъ для евреевъ; во всякомъ случаѣ, книга заслуживаетъ быть уничтоженной, но безъ печальныхъ послѣдствій для автора, доказавшаго свою правовѣрность. Гуманистически настроенный Мутіанъ, тогда глава факультета, правда, предостерегалъ своихъ коллегъ, увѣщевая ихъ не соглашаться съ кельнцами, и считалъ позоромъ осужденіе Рейхлина; но его голосу не вняли. Странно, что факультетъ Майнца долго медлилъ своимъ отвѣтомъ[3]). Имѣя въ рукахъ эти три благопріятные для его плана отзыва, Гохстратенъ выступилъ въ Майнцѣ, не сомнѣваясь въ своей неопровержимости, увѣренный въ своей побѣдѣ.

Приведенные имъ пункты обвиненія, конечно, были тѣ же, что были выдвинуты противъ «Глазного зерцала» Пфеферкорномъ и Арнольдомъ изъ Тонгерна. Тотъ же основной мотивъ: Рейхлинъ чрезмѣрно покровительствуетъ евреямъ, считаетъ ихъ, «этихъ безстыдныхъ собакъ», наполовину членами церкви, равноправными людьми; отъ его сочиненія сильно несетъ ересью. Поэтому Гохстратенъ предложилъ комисіи вынести приговоръ о томъ, что «Глазное зерцало» Рейхлина напичкано ошибками и еретическими взглядами, чрезмѣрно покровительствуетъ невѣрующимъ евреямъ, оскорбительно для церкви и потому должно быть проклято, изъято изъ обращенія и предано пламени. Интересна разница между испанской и германской инквизиціей. Торквемада, Деца или Ксименесъ де Цисиеросъ не тратили бы столько словъ понапрасну, а вмѣстѣ съ книгой обрекли бы на сожженіе и автора ея. Сердце Гохстратена

[1]) 16 Августа того же года. [3]) Отъ 3 сент.
[2]) См. ниже.

вовсе не было слишкомъ мягко для подобнаго приговора; но онъ не дерзнулъ сдѣлать это, ибо зналъ, что этимъ возстановитъ противъ себя всю Германію, всѣ духовныя и свѣтскія власти.

Довѣренный Рейхлина торжественно и энергично протестовалъ противъ этого обвиненія и доказалъ его полную несправедливость. Главнымъ образомъ онъ подчеркнулъ, что Гохстратенъ, одушевленный личной къ Рейхлину враждой, провозгласилъ себя судьей и обвинителемъ, не имѣя ни малѣйшаго права на это. Конечно, Гохстратенъ, какъ и выбранная имъ же комисія судей, не обратилъ вниманія на протестъ представителя Рейхлина. Когда же предложеніе о передачѣ дѣла двумъ третейскимъ судьямъ было также отвергнуто, представителю Рейхлина оставалось лишь апелировать къ папскому престолу и оставить залу суда. Тѣмъ не менѣе процесъ противъ «Глазного зерцала» былъ продолженъ въ отсутствіи обвиняемаго и его представителя; только Гохстратенъ устыдился и отказался отъ роли судьи. Но его дѣло отъ этого нисколько не пострадало. На основаніи какими-то путями добытаго или же подложнаго полномочія императора, Гохстратенъ назначилъ, съ согласія обманутаго архіепископа Майнца, слѣдственную комисію, въ составъ коей вошли исключительно ѳомисты и противники рейхлиновскаго направленія; эта комисія ускорила судопроизводство, чтобы скорѣе добиться осужденія. Но, чтобы не вооружать противъ себя общественнаго мнѣнія осужденіемъ обвиняемаго безъ выслушанія его, они прибили къ церковнымъ дверямъ (26 сентября) извѣщеніе, въ коемъ приглашали не непосредственно Рейхлина, а «того, кто интересуется этимъ дѣломъ», явиться на слѣдующій день въ судъ въ 3 часа пополудни. На слѣдующій день комисія имѣла засѣданіе, на коемъ Гохстратенъ еще разъ прочиталъ всѣ обвиненія, возведенныя противъ Рейхлина и Талмуда. Судьи инквизиціи для виду допросили свидѣтелей, конечно, исключительно доминиканцевъ, которые также единодушно признали, что «Глазное зерцало» должно быть сожжено. На слѣдующій день уже долженъ былъ быть обнародованъ окончательный приговоръ, въ церквахъ уже было объявлено, что всякій, кто имѣетъ эту книгу, долженъ, подъ угрозой отлученія отъ церкви, передать ее инквизиціи. Этимъ самымъ были бы осуждены на сожженіе Талмудъ и всѣ еврейскія письмена, не исключая и Библіи на древне-еврейскомъ языкѣ. Кельнскіе доминиканцы уже потирали отъ удовольствія руки, увѣренные, что достигли своей цѣли. Но ихъ радостнымъ надеждамъ все же не суждено было сбыться.

Чувство справедливости широкихъ слоевъ было ужъ слишкомъ возмущено этимъ, несправедливо начатымъ и неправильно веденнымъ, процесомъ. Еще не зараженная гнилью богословія, не испорченная схола-

стикой, свободная отъ посторонних соображеній, учащаяся молодежь майнцскаго университета громко выражала свое негодованіе по поводу этого безстыднаго преслѣдованія инквизиціи, увлекая за собой и докторовъ юридическихъ наукъ, а это, въ свою очередь, вызвало вмѣшательство многихъ серьезныхъ и вліятельныхъ лицъ. Нѣкоторыя высокопоставленныя особы архіепископскаго капитула, особенно деканъ *Лоренцъ фонъ Трухзесъ*, съ цѣлью посредничества, обратились къ инквизитору съ ходатайствомъ отсрочить приговоръ, въ виду того, что ни Рейхлинъ, ни его представитель не были допрошены. Хотя Гохстратенъ былъ весьма далекъ отъ желанія уладить дѣло мирнымъ путемъ, онъ все же согласился отсрочить объявленіе приговора на 14 дней, предполагая, что Рейхлинъ постѣсняется лично явиться. Капитулъ же обратился къ Рейхлину съ настоятельной просьбой непремѣнно явиться на заключительное засѣданіе суда. Велико было всеобщее напряженіе, съ коимъ ожидали дальнѣйшаго хода этого процеса.

Къ изумленію доминиканцевъ, уже постарѣвшій, достопочтенный Рейхлинъ появился въ Майнцѣ въ сопровожденіи двухъ видныхъ совѣтниковъ вюртембергскаго герцога. Капитулъ приложилъ всѣ усилія, чтобы привести обѣ стороны къ соглашенію. Но Гохстратенъ, который уже представлялъ себѣ пылающій костеръ, не шелъ ни на какія уступки и затянулъ переговоры до 12 октября, т. е. до конца срока объявленія приговора, если бы стороны не пришли къ соглашенію. Инквизиторъ приказалъ уже всѣмъ священникамъ Майнца потребовать съ каѳедры, чтобы всѣ, христіане и евреи, выдали, подъ угрозой чувствительныхъ наказаній, всѣ экземпляры «Глазного зерцала» для сожженія. Для приданія торжественности акту сожженія было обѣщано 300 дней отпущенія грѣховъ всякому, кто въ назначенный день придетъ на церковную площадь, чтобы присутствовать при ауто-да-фе. 12 октября площадь предъ церковью въ Майнцѣ была переполнена зрителями, любопытными, участниками и нуждавшимися въ отпущеніи. Надувшись, какъ павлины, шествовали отцы и братья доминиканскаго ордена и приглашенные богословы кельнскаго, левенскаго и эрфуртскаго университетовъ, направляясь къ спеціально сооруженной трибунѣ, «и земля трепетала подъ ихъ ногами». Гохстратенъ, до того обвинитель, занялъ снова мѣсто среди судей. Послѣдніе уже готовились произнести формулу проклятія и развести огонь, какъ внезапно на площади появился гонецъ архіепископа Уріела, который быстрыми шагами направился къ судьямъ и передалъ имъ посланіе, парализовавшее ихъ уста.

Капитулъ и особенно деканъ фонъ Трухзесъ сообщили архіепископу о злобномъ упрямствѣ доминиканцевъ и о томъ, что, вслѣдствіе этого,

всѣ попытки привести стороны къ соглашенію не увѣнчались успѣхомъ, и побудили его приказать отсрочить еще разъ объявленіе приговора. Уріелъ фонъ Гемингенъ, какъ и большинство епископовъ того времени, придерживался больше свѣтскихъ, чѣмъ церковныхъ взглядовъ, и не питалъ къ евреямъ каноническаго фанатизма. Онъ снова разрѣшилъ евреямъ, коихъ его предшественники съ позоромъ изгнали, селиться во всемъ епископствѣ Майнца, за исключеніемъ города Майнца. Незадолго до того (іюль 1513 года), онъ назначилъ надъ ними равина, по имени *Бейфуса*, который былъ въ то же время и врачемъ и жилъ въ *Визенау*, вблизи Майнца. Этому Бейфусу онъ предоставилъ власть надъ общинами и право наблюдать за исполненіемъ равинскихъ законовъ, наказывать ослушниковъ и вообще дѣлать все, что дозволено еврейскому верховному равину [1]). Хотя Уріелъ по вопросу, переданному его комисіи объ еврейскихъ книгахъ, и не высказался въ пользу послѣднихъ, но онъ ничего не имѣлъ и противъ нихъ. Высокомѣріе доминиканцевъ и ихъ несправедливое отношеніе къ Рейхлину возмутили и его. Поэтому онъ обратился съ посланіемъ къ выбраннымъ изъ его округа комисарамъ: отсрочить приговоръ еще на одинъ мѣсяцъ, дабы продолжать переговоры; если же они не сдѣлаютъ этого, то онъ лишитъ ихъ званія судей инквизиціи, и всѣ ихъ рѣшенія этимъ самымъ уничтожатся и потеряютъ всякую силу. Со смущенными лицами доминиканцы выслушали нотаріуса, который громкимъ голосомъ прочелъ это посланіе, разрушившее всѣ ихъ махинаціи. Одинъ только Гохстратенъ осмѣлился сдѣлать нѣсколько дерзкихъ замѣчаній о якобы нарушенномъ правѣ. Остальные его сотоварищи пристыженно и украдкой разбрелись, преслѣдуемые насмѣшками уличныхъ мальчишекъ и восклицаніями взрослыхъ: «на кострѣ слѣдовало бы сжечь всю эту братію, которая хотѣла опозорить честнаго человѣка». Ядовитый Гохстратенъ сдѣлалъ еще одну отчаянную попытку. Онъ сталъ настаивать на томъ, чтобъ богословскій факультетъ Майнца высказалъ, наконецъ, свое мнѣніе, и добился того, что факультетъ объявилъ: сочиненіе Рейхлина содержитъ заблужденія и еретическіе взгляды, а также стремленіе покровительствовать евреямъ (13 октября). Тогда Гохстратенъ, который прежде съ презрѣніемъ отвергнулъ подобное же предложеніе Рейхлина, апелировалъ къ папѣ, но, по зрѣломъ обсужденіи, отказался отъ этого шага. Такимъ образомъ, столь тяжко обвиненный Рейхлинъ, защитникъ евреевъ и ихъ писаній, вышелъ побѣдителемъ изъ этой суровой борьбы.

Вскорѣ послѣ этого *Германъ фонъ Буше*, мисіонеръ гуманизма (какъ его мѣтко назвалъ *Давидъ Фридрихъ Штраусъ*) и *Ульрихъ*

[1]) Gudenus Codex diplomaticus IV, стр. 580.

фонъ Гутенъ, рыцарь права и истины, воспѣли побѣду Рейхлина въ восторженномъ панегирикѣ «Тріумфъ Рейхлина».

«Ликуй, поскольку ты познала самое себя, ликуй, Германія!» (таковъ рефренъ). Германія откроетъ глаза и приготовитъ побѣдителю злобныхъ доминиканцевъ при его возвращеніи на родину блестящую тріумфальную встрѣчу. Таково поэтическое изображеніе ея: Сыны и дщери Германіи устраиваютъ своему великому, своему безсмертному Рейхлину возвышенный пріемъ, съ душистыми цвѣтами и съ звуками опьяняющей музыки; ведутъ закованнымъ, какъ побѣжденнаго, опаснаго врага, Гохстратена, «этого отвратительнаго инквизитора, лозунгомъ коего всегда было: «въ огонь писателей и ихъ книги»; писалъ ли ты истину или ложь, справедливо или несправедливо, онъ всегда готовилъ для тебя огонь; онъ проглатываетъ огонь, онъ питается имъ, его дыханіе—пламя: вмѣстѣ съ нимъ ведутъ въ цѣпяхъ его сотоварищей, Ортуина Грація, Арнольда изъ Тонгерна и Пфеферкорна. Этого злодѣя особенно безпощадно растерзали молодые поэты.

„Зовите ко мнѣ двухъ палачей для новыхъ тріумфовъ!
„Несите, палачи, ваши орудія, не забудьте креста.
„Дайте веревки и крюкъ бичевой вы обвейте.
„А теперь во всеоружіи къ дѣлу, палачи!
„Повалите его лицомъ мерзкимъ къ землѣ,
„Колѣнями вверхъ, чтобъ неба не видѣлъ,
„Чтобъ взоръ его пристальный васъ не коснулся.
„Пусть онъ ртомъ землю кусаетъ, пыль гложетъ.
„Трепещете вы, палачи? Такъ ротъ вы ему разомкните
„Вырвите злобный языкъ, что о многомъ повиненъ,
„Чтобъ онъ не злословилъ въ тріумфѣ моемъ.
„Отсѣките ему носъ и уши, крюкъ вашъ вонзите
„Крѣпко въ ноги, въ приподнятыя колѣни,
„Волочите его, чтобъ грудь и лицо по полу теребились,
„Челюсть сверните ему и губы ему разсѣките.
„Руки за спину веревкой связали ли вы?
„Кончики пальцевъ ему обрубите, палачи.
„Страшно, ужасно“, возмущенно Тонгернъ восклицаетъ.
„Страшны, ужасны такія мученья? Но страшнѣй
„Были вами, безумцы, свершенныя[1]).

Само собою понятно, что евреи радовались такому исходу процеса[2]). Вѣдь, въ сущности, дѣло шло именно о нихъ. Ибо, если бы «Глазное зерцало» Рейхлина было осуждено, за евреевъ не могъ бы заступиться ни одинъ доброжелательный христіанинъ, не подвергая себя преслѣдованіямъ за покровительство евреямъ и не будучи заподозрѣнъ въ

[1]) Въ сочиненіяхъ Гутена.

[2]) Пфеферкорнъ Defensio contra famosas.

ереси; кромѣ того, этимъ самымъ всѣ еврейскія книги были бы объявлены еретическими. Если правда, что, какъ утверждали доминиканцы, равины всей Германіи съѣхались въ *Вормсъ*, гдѣ былъ созванъ синодъ, и нашли, что пораженіе, нанесенное свирѣпымъ доминиканцамъ Рейхлиномъ, предвѣщаетъ гибель римской (папской) имперіи, то они обнаружили истинно пророческую проницательность. Доминиканцы распространяли также слухи о томъ, что Рейхлинъ тайно сносился съ равинами. Къ тому же времени Іоселинъ выхлопоталъ у императора Максимиліана привилегію, коей объявлялось, что евреи Германіи находятся подъ охраной императора. Эта привилегія должна была защитить евреевъ въ особенности отъ злобныхъ происковъ Пфеферкорна и доминиканцевъ (1513). Однако Рейхлинъ былъ еще очень далекъ отъ того, чтобы тріумфировать надъ своими врагами, которые въ то же время были и врагами евреевъ. Эти враги, хотя на мгновеніе и смирились, были, однако, далеко не побѣждены. Рейхлинъ слишкомъ хорошо зналъ ихъ хитрость и злобность, чтобы бездѣятельно предаваться радостямъ побѣды. Онъ хорошо зналъ, что они теперь съ удвоенной яростью станутъ травить его. Поэтому онъ и поспѣшилъ апелировать къ папскому престолу, дабы заставить умолкнуть своихъ ожесточенныхъ враговъ. Однако Рейхлинъ справедливо опасался, что, при ненадежности и продажности папской куріи, его дѣло можетъ принять печальный для него оборотъ, если слѣдствіе будетъ произведено внѣ его судебнаго округа и подъ вліяніемъ кельнскихъ доминиканцевъ. Поэтому онъ обратился къ лейбъ-медику папы *Льва X*, еврею *Боне де Латъ*, съ еврейскимъ письмомъ, въ коемъ просилъ его замолвить предъ папой словечко въ его пользу.

Левъ, отпрыскъ славной флорентинской фамиліи Медичи, о которомъ отецъ его отозвался, какъ объ умнѣйшемъ изъ своихъ сыновей, вступилъ на папскій престолъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ до того. Это былъ аристократъ, который болѣе интересовался политикой, чѣмъ религіей, походилъ болѣе на римскаго язычника, чѣмъ на католика, презрительно смотрѣлъ, съ высоты своего олимпійскаго величія, на всѣ богословскіе споры и распри, какъ на дѣтскія забавы, и былъ озабоченъ лишь тѣмъ, какъ можно было бы искуснѣе пролавировать между двумя боровшимися другъ съ другомъ государствами или, вѣрнѣе, домами Габсбурговъ и Валуа, безъ ущерба для свѣтскихъ интересовъ папскаго престола. Съ откровенностью, которая насъ теперь поражаетъ, папа Левъ X выразился однажды: «Какъ много пользы принесла намъ басня о Христѣ, общеизвѣстно»[1]). И вотъ ему былъ предложенъ для рѣшенія

[1]) Quantum nobis nostrisque illa de Christo fabula profuerit, satis est omnibus saeculis notum (Mornaeus historia papatus, стр. 820).

вопросъ, содержится ли въ «Глазномъ зерцалѣ» Рейхлина ересь и чрезмѣрное покровительство евреямъ. Левъ, который занималъ папскій престолъ какъ разъ въ то время, когда богословскіе вопросы угрожали пожаромъ всей Европѣ, понималъ, однако, въ нихъ меньше, чѣмъ его поваръ. Все зависѣло отъ того. въ какомъ свѣтѣ ему будетъ представленъ этотъ споръ между Рейхлинымъ и доминиканцами. Поэтому Рейхлинъ и просилъ лейбъ-медика, *Боне де Латъ*, въ виду того, что послѣдній всегда вращается въ папскихъ покояхъ, и ему препоручено «тѣло его святѣйшества», настроить Льва X въ пользу того, чтобы слѣдствіе по его дѣлу было произведено не въ Кельнѣ или по близости; ибо въ этомъ случаѣ его дѣло было бы потеряно. Рейхлинъ сообщилъ ему о ходѣ дѣла, разсказалъ, какъ Пфеферкорнъ и кельнскіе доминиканцы устроили заговоръ противъ Талмуда и евреевъ и какъ лишь его чрезвычайныя усилія до сихъ поръ спасли Талмудъ отъ сожженія. Если бы въ руки доминиканцевъ попалось это письмо, то они могли бы неопровержимо доказать расположеніе Рейхлина къ евреямъ; ибо въ этомъ письмѣ было много такого, что Рейхлинъ публично отрицалъ.

Понятно, что Боне де Латъ воспользовался всѣмъ своимъ вліяніемъ на папу, чтобы расположить его въ пользу Рейхлина. Вѣроятно, его усердію и слѣдуетъ приписать то, что Левъ тотчасъ же (уже 21 ноября 1513 года) поручилъ епископамъ Шпейера и Вормса сообща или въ отдѣльности разслѣдовать споръ между Рейхлинымъ и Гохстратеномъ лично или съ помощью назначенныхъ судей и, независимо отъ всякого иного трибунала, вынести приговоръ, которому осужденная сторона обязана безпрекословно подчиниться[1]). Епископъ Вормса, *Далбергъ*, который находился съ Рейхлинымъ въ дружескихъ отношеніяхъ, не хотѣлъ принять это порученіе. И молодой епископъ Шпейера, *Георгъ*, пфальцграфъ и герцогъ Баваріи, назначилъ двухъ судей, *Томаса изъ Трухзеса* и *фонъ-Шvalбаха*, которые и пригласили обѣ стороны явиться въ теченіе мѣсяца (20 декабря) въ Шпейеръ. Рейхлинъ, сопровождаемый своимъ представителемъ и другими друзьями, явился въ назначенный день. Напротивъ, Гохстратенъ, разсчитывая на силу доминиканцевъ, не явился и не прислалъ своего представителя съ формальными полномочіями. Онъ такимъ образомъ открыто выразилъ свое презрѣніе къ суду, епископу и даже къ самому папѣ. Однако судьи не повели процеса съ надлежащей энергіей, быть можетъ, опасаясь мести со стороны доминиканцевъ. Такимъ образомъ процесъ длился цѣлыхъ четверть года (отъ января до апрѣля 1514 года). Кельнскіе доминиканцы осмѣлились даже, на основаніи майнцскаго приговора (хотя послѣдній не былъ опубликованъ и

[1]) Подробно въ Acta Judiciorum y v. der Hardt, стр. 98—116.

былъ уничтоженъ главнымъ комисаромъ), публично сжечь въ Кельнѣ «Глазное зерцало» Рейхлина (10 февраля), точно для издѣвательства надъ шпейерскимъ трибуналомъ, установленнымъ самимъ папой. Эта банда чувствовала, повидимому, непреодолимую потребность въ кострахъ и огнѣ. Гохстратенъ позже оправдывался тѣмъ, что приказъ исходилъ будто не отъ него, а отъ другого инквизитора[1]). Кельнскіе доминиканцы въ своей наглости пошли еще дальше. Они поручили наглому Пфеферкорну вывѣсить въ залѣ суда въ Шпейерѣ, на глазахъ судей, кельнскій приговоръ о «Глазномъ зерцалѣ», и Рейхлину и его представителю лишь съ большимъ трудомъ удалось добиться того, чтобы судъ сдѣлалъ выговоръ этому нахалу. Вообще Рейхлину стоило большихъ усилій побудить судей вынести, наконецъ, приговоръ и тѣмъ закончить этотъ, столь растянувшійся, процесъ. И лишь послѣ того, какъ онъ опубликовалъ два нѣмецкихъ сочиненія о самомъ спорѣ и о ходѣ процеса, епископъ Шпейера, наконецъ, смилостивился и вынесъ приговоръ, весьма благопріятный для Рейхлина: «Глазное зерцало» не содержитъ ни заблужденій, ни ереси, даже не «отдаетъ ересью» и не покровительствуетъ чрезмѣрно евреямъ; слѣдовательно, Гохстратенъ оклеветалъ автора, и потому ему слѣдуетъ воспретить впредь касаться этого вопроса; это сочиненіе можетъ быть читаемо всякимъ и печатаемо; Гохстратенъ же присужденъ къ уплатѣ въ установленный закономъ срокъ судебныхъ издержекъ (111 рейнскихъ золотыхъ гульденовъ); въ противномъ случаѣ онъ подвергается сначала легкому, а, при дальнѣйшемъ непослушаніи, тяжкому отлученію.

Кельнскіе доминиканцы скрежетали зубами, бѣсились и проклинали этотъ, столь позорный для нихъ, исходъ процеса, но и не помышляли о томъ, чтобы подчиниться приговору папскаго представителя. Монахи-проповѣдники, несмотря на это, публично сожгли «Глазное зерцало» въ Нюрнбергѣ[2]). При тогдашней разорванности Германіи было вообще весьма трудно привести въ исполненіе приговоръ судьи; доминиканцы тѣмъ меньше придавали значенія приговору шпейерскаго суда, что этотъ приговоръ былъ для нихъ весьма неблагопріятенъ. Они осмѣивали постановленіе епископа Шпейера, говоря, что оно исходитъ отъ глупаго мальчишки. Наглый Пфеферкорнъ сорвалъ приговоръ, вывѣшенный въ Кельнѣ[3]). Гохстратенъ внѣсудебнымъ порядкомъ (extrajudicialiter), т. е. даже не заявивъ объ этомъ епископу Шпейера, являвшемуся представителемъ папы, апелировалъ къ послѣднему, несмотря на то, что раньше онъ отвергнулъ такую апеляцію. Свои надежды все же выиграть процесъ про-

[1]) Въ дѣйствительности тогда исполнялъ должность инквизитора д-ръ Каль.
[2]) Сборникъ писемъ Рейхлина II. № 42.
[3]) У Фридлендера Beiträge 29.

тивъ Рейхлина и добиться признанія «Глазного зерцала» ересью онъ основывалъ на продажности лицъ, близкихъ къ папскому престолу. «Въ Римѣ можно все имѣть за деньги», говорилъ онъ открыто, «Рейхлинъ бѣденъ, а доминиканцы богаты, поэтому право будетъ попрано деньгами»[1]). Гохстратенъ могъ также разсчитывать на своихъ единомышленниковъ среди кардиналовъ, которые, столь же ревностно ратуя противъ всякой свободной науки, какъ и онъ, были бы въ состояніи такъ долго оттягивать процесъ, что у Рейхлина не хватило бы состоянія для покрытія всѣхъ расходовъ по тяжбѣ. Кромѣ того доминиканцы разсчитывали на то, что имъ удастся добиться отъ нѣкоторыхъ университетовъ, особенно отъ задававшаго тонъ парижскаго факультета, осужденія «Глазного зерцала» и тѣмъ оказать давленіе на папскую курію. Всѣ доминиканцы, ѳомисты и мракобѣсы въ Германіи и внѣ ея дѣйствовали сообща, чтобы нанести пораженіе Рейхлину.

Но эти усилія доминиканцевъ вызвали только то, что всѣ друзья свободной науки, всѣ враги схоластики, одурачиванья народа и церковнаго богословія, однимъ словомъ *гуманисты*, воспрянули духомъ и соединились для общей борьбы. Въ западной Европѣ образовался чуть ли не *орденъ гуманистовъ*, *партія рейхлинистовъ* (exercitus Reuchlinistarum), всѣ члены коей, точно по молчаливому соглашенію, помогали другъ другу и Рейхлину. «Одинъ поддерживалъ другого и говорилъ товарищу: не унывай; всѣ мы, борющіеся подъ знаменемъ Паллады, преданы Рейхлину не менѣе, чѣмъ солдаты императору»[2]). Это былъ прямо таки союзъ, всѣ члены коего вербовали новыхъ приверженцевъ для поддержки Рейхлина. Даже въ маленькомъ городкѣ, Элсѣ, въ Силезіи былъ одинъ гуманистъ, который съ гордостью называлъ себя рейхлинистомъ. Такимъ образомъ свирѣпая вражда къ евреямъ и Талмуду вызвала въ христіанскомъ мірѣ появленіе двухъ весьма ожесточенно боровшихся другъ съ другомъ партій: *рейхлинистовъ* и *арнольдистовъ*. Это была борьба средневѣковаго тумана съ начинавшимся разсвѣтомъ лучшаго времени.

Тогдашняя молодая Германія всего энергичнѣе ратовала въ пользу Рейхлина и противъ мракобѣсовъ; наряду съ *Германомъ фонъ Буше*, выступили *Кротъ Рубіанъ* (Іоганнъ Іегеръ) и пламенный *Ульрихъ фонъ Гутенъ*, самая сильная и мужественная личность того времени. Стремленіе къ дѣятельности, обуревавшее Ульриха, только лишь благодаря этой страстной борьбѣ Рейхлина съ доминиканцами, и получило настоящее свое направленіе. До сихъ поръ онъ занимался фехто-

[1]) Т. же № 9, стр. 46.

[2]) Сборникъ писемъ Рейхлина II, № 44.

ваніемъ въ пустомъ пространствѣ и могъ проявлять свое рыцарское мужество и свой пламенный темпераментъ лишь по отношенію къ фантастическимъ своимъ противникамъ. И только теперь двадцатишестилѣтнему юношѣ открылись глаза, и онъ увидѣлъ истиннаго врага. Направить всю силу своего рыцарскаго меча и еще болѣе остраго лезвія своего духа противъ этого врага казалось ему достойной и благородной задачей жизни. Уничтожить доминиканцевъ, поповъ и мракобѣсовъ, воздвигнуть царство духа, свободной науки, избавить Германію отъ кошмара церковнаго суевѣрія и варварства, поднять ее изъ трясины и сдѣлать судьей Европы, къ чему она была призвана, благодаря своимъ мощнымъ сынамъ, своему презиравшему смерть рыцарскому сословію—такова цѣль, для осуществленія коей онъ будетъ бороться. Какъ только это стало ясно Ульриху, онъ съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ сталъ добиваться своей цѣли и прежде всего выступилъ въ защиту Рейхлина, знаменосца гуманизма, чтобы доставить ему побѣду надъ его смертельными врагами.

Но и люди зрѣлаго возраста, почтенные и уважаемые, все чаще стали выступать въ пользу Рейхлина. Такъ герцогъ *вюртембергскій, Ульрихъ*, и весь его дворъ, *графъ фонъ Гелфенштейнъ* въ Аугсбургѣ, *графъ фонъ Нюнаръ*, патриціи *Велзеръ*, *Пиркгеймеръ* и *Пейтингеръ* въ Регенсбургѣ, Нюрнбергѣ и Аугсбургѣ со всей своей свитой, многіе пробсты, каноники и члены капитула, даже кардиналы и высшія духовныя лица въ Италіи, особенно *Эгидіо изъ Витербо*, генералъ ордена августинцевъ въ Римѣ, покровитель и ученикъ еврейскаго филолога, Иліи Левиты, влюбленный въ еврейскую литературу. Эгидіо писалъ Рейхлину[1]): «Откровеніе Божіе, данное людямъ въ огнѣ, впервые было спасено отъ огня, когда Авраамъ убѣжалъ изъ раскаленной печи, а теперь оно вторично спасено Рейхлинымъ: ибо спасены книги, отъ которыхъ законъ только и получаетъ свѣтъ и при гибели коихъ снова воцарилась бы тьма. Борясь за твое дѣло, мы защищаемъ не тебя, а законъ, не Талмудъ, а церковь». Любопытно, что весь орденъ францисканцевъ, изъ ненависти къ доминиканцамъ, сталъ на сторону Рейхлина[2]).

Почти въ каждомъ городѣ были рейхлинисты и антирейхлинисты, споры коихъ нерѣдко переходили въ драку[3]). Лозунгомъ однихъ было: *спасеніе Глазного зерцала и сохраненіе Талмуда*, а другихъ: *проклятіе и сожженіе того и другого*. Невольно рейхлинисты стали друзьями евреевъ и всячески старались ихъ защищать. Наоборотъ, приверженцы доминиканцевъ сдѣлались еще болѣе ожесточенными врагами

[1]) Сборникъ писемъ Рейхлина II въ концѣ.

[2]) Epistolae obscurorum virorum. [3]) Т. же.

евреевъ и жадно ухватывались за всякую, хотя бы ужъ давнымъ давно забытую, книгу, чтобы найти тамъ доказательства коварства евреевъ. Въ особенности, книга испанца Альфонса де Спина, «Твердыня вѣры» (Fortalitium Fidei), направленная противъ евреевъ и напечатанная много лѣтъ тому назадъ въ Нюрнбергѣ, оказалась прямо таки кладомъ для враговъ еврейства. Послѣдніе называли всѣхъ друзей Рейхлина «іудействующими» и «талмудистами» [1]).

Всѣ эти распри надѣлали много шума въ Европѣ. Вспыхнувъ въ Германіи, они скоро перешли въ два отдаленныхъ центра, Римъ и Парижъ. Гохстратенъ и доминиканцы всю свою энергію направили на то, чтобъ побудить самый вліятельный университетъ въ Парижѣ и папскую курію въ Римѣ отвергнуть приговоръ шпейерскаго суда и осудить сочиненіе Рейхлина на сожженіе. Они и тутъ, и тамъ имѣли сильныхъ и вліятельныхъ союзниковъ, которые самоотверженно дѣйствовали въ пользу партіи. Главнымъ образомъ они разсчитывали на фанатичнаго кардинала въ Римѣ, *Бернардина де Санта Кроце*, который, можетъ быть, честнѣе, но не менѣе страстно ненавидѣлъ науку и ея жрецовъ и желалъ ихъ уничтоженія. Къ нему-то тотчасъ же и обратились деканъ и весь богословскій факультетъ въ Кельнѣ, налгали ему, будто «Глазное зерцало» покупается и распространяется вовсе не христіанами, а исключительно евреями, и убѣждали его заступиться за нихъ предъ папой [2]).

Въ виду этого, Рейхлинъ, въ свою очередь, принужденъ былъ принять свои мѣры, чтобы апеляція не возымѣла дѣйствія, благодаря интригамъ его враговъ, хотя, въ сущности, его процесъ былъ уже формально выигранъ послѣ приговора папскаго суда въ Шпейерѣ. Онъ обратился къ своимъ друзьямъ въ Римѣ, къ папскому статсъ-секретарю, *Квестенбергу*, къ покровительствовавшему наукамъ кардиналу, *Адріану*, къ австрійскому министру-кардиналу, *фонъ-Гурку*, къ генералу августинцевъ, Эгидіо изъ Витербо, къ регенсбургскому пробсту, *Велзеру*, и къ другимъ съ просьбой защищать его передъ папой [3]). Уже раньше онъ, по совѣту своихъ друзей, опубликовалъ письма, полученныя имъ отъ выдающихся мужей Германіи и Италіи, и его отвѣты имъ, дабы изъ его обширныхъ связей и его изящнаго латинскаго стиля, весьма цѣнившагося въ Италіи, Римъ и папа увидѣли, съ какими людьми связались доминиканцы. Среди этихъ *„писемъ знаменитыхъ людей“* [4]) были

[1]) Ср. письмо французскаго врача, Guillaume Cope, къ Рейхлину, сб. писемъ II, № 38.

[2]) У Фридлендера, Beiträge, № 27, 28. [3]) Т. же № 2, 4, 5.

[4]) Epistolae illustrium sive clarorum virorum, появил. въ Мартѣ или Апрѣлѣ 1514 года.

не только латинскія, но и греческія и еврейскія: послѣднія были отъ Рейхлина къ своему учителю, еврейскому лейбъ-медику, Лоансу, и отъ равина Якова Марголеса къ Рейхлину. Тамъ же было помѣщено и посланіе императора Фридриха, оказавшаго Рейхлину высокія почести, а также письмо, изъ коего явствовало, что отецъ папы Льва X, Лоренцо Медичи изъ Флоренціи, былъ весьма расположенъ къ Рейхлину.

Самое важное для Рейхлина было воспрепятствовать тому, чтобы слѣдственная комисія въ Римѣ составилась изъ враждебныхъ ему доминиканцевъ и ѳомистовъ[1]). И его друзьямъ, дѣйствительно, удалось убѣдить въ этомъ папу. Левъ X назначилъ слѣдственнымъ судьей кардинала и патріарха, *Доменико Гримани*. Было извѣстно, что этотъ философски образованный сановникъ церкви, другъ Иліи Делмедиго и Авраама де Балмесъ[2]), былъ «покровителемъ евреевъ», въ качествѣ патрона францисканскаго ордена ненавидѣлъ доминиканцевъ и стоялъ на сторонѣ Рейхлина[3]). Несомнѣнно, что видные евреи въ Римѣ также дѣйствовали въ пользу Рейхлина; но они, какъ и нѣмецкіе евреи, имѣли столько такта, что держались въ тѣни, чтобы своимъ выступленіемъ не скомпрометировать всего дѣла. Тогда кардиналъ Гримани пригласилъ (іюнь 1514 г). обѣ стороны на судъ, но съ явнымъ пристрастіемъ къ Рейлину, которому, въ виду его преклоннаго возраста, позволено было прислать своего представителя, тогда какъ Гохстратену предложено было явиться лично. Снабженный рекомендаціями и набитымъ деньгами кошелькомъ, инквизиторъ явился въ Римъ съ непоколебимой вѣрой въ свою побѣду. Развѣ въ Римѣ нельзя за деньги всего добиться? Стихи фонъ-Гутена, въ коихъ онъ изображаетъ тогдашній папскій престолъ, нисколько не преувеличены:

Смѣло вы, люди, къ работѣ, живите грабежомъ,
Убивайте, расхищайте священное достояніе, ногами попирайте право.
Пусть ваша рѣчь богохульна, ваши дѣянія преступны,
Утопайте въ наслажденіяхъ, отрицайте Бога въ небесахъ.
Привезите деньги въ Римъ, и вы порядочные люди:
Въ Римѣ можно купить и продать добродѣтели и блаженство.
И право на будущія злодѣянія продается въ Римѣ.
Поэтому, безумные будутъ добры, разумные же плохи"[4]).

Рейхлинъ не могъ предложить денегъ: онъ былъ бѣденъ. Онъ не обладалъ магической силой надъ сокровищами ханжескихъ женщинъ и

---

[1]) У Фридлендера т. же № 2, стр. 23; № 4, стр. 27. [2]) Ср. выше.

[3]) Письмо Рейхлина къ нему т. же № 14, стр. 56.

[4]) Гутенъ къ Кроту Рубіану, de statu Romano epigrammata, перев. Давида Штрауса, Гутенъ I, стр. 120.

надъ исповѣдниками, этими искусными кладоискателями. Но общественное сознаніе не было еще настолько развито, чтобы друзья Рейхлина собрали деньги, необходимыя для покрытія судебныхъ расходовъ; Рейхлину приходилось самому нести ихъ. Но за то у Рейхлина не было недостатка въ рекомендательныхъ письмахъ отъ своихъ друзей и покровителей. Императоръ Максимиліанъ, виновникъ всей этой кутерьмы (ибо сначала онъ весьма милостиво отнесся къ подлому Пфеферкорну и своей истерически-набожной сестрѣ и лишь потомъ раскаялся въ этомъ), часто защищалъ Рейхлина предъ папой. Императоръ писалъ: «онъ сознаетъ, что кельнцы противузаконно и интригами хотѣли растянуть споръ для того, чтобы погубить невиннаго, превосходнаго, ученаго и стоящаго вполнѣ на почвѣ христіанскаго вѣроученія Рейхлина; все, что послѣдній писалъ (въ защиту еврейскихъ писаній), произошло по его, императора, порученію съ самыми лучшими и благочестивыми намѣреніями». Могущественный имперскій министръ, кардиналъ фонъ Гуркъ, также выступилъ предъ папой въ защиту Рейхлина; тоже сдѣлали нѣсколько князей, *вюртембургскій* герцогъ, *Ульрихъ*, саксонскій курфюрстъ, *Фридрихъ Мудрый*, который нѣсколько лѣтъ спустя защитилъ Лютера и реформацію отъ тѣхъ же доминиканцевъ, маркграфъ баденскій, который въ началѣ заступился за евреевъ, магистръ ордена нѣмецкихъ рыцарей, епископы Страсбурга, Констанца, Вормса, и Шпейера, еще 15 аббатовъ и 53 швабскихъ города[1]). Изъ этого папа могъ усмотрѣть, насколько общественное мнѣніе было противъ доминиканцевъ. И дѣйствительно, въ началѣ споръ, какъ казалось, принялъ благопріятный оборотъ для Рейхлина, несмотря на шумное выступленіе и расточительность Гохстратена. Всѣ усилія его и его единомышленниковъ провести въ комисію вторымъ судьей кардинала Бернардино де Санта Кроце ни къ чему не привели, благодаря стараніямъ рейхлинистовъ. Папа назначилъ вторымъ судьей другого покровителя Рейхлина, кардинала *Піетро Анконитани де Ст. Евзебіо*. Оба члена комисіи выпустили распоряженіе о томъ, что никакой другой судья или корпорація не имѣютъ право обсуждать и рѣшать этотъ споръ, покуда римскій судъ не опубликуетъ своего постановленія.

Но доминиканцы объявили войну общественному мнѣнію, комисіи и папѣ. Кардинала Гримани они старались скомпрометировать всяческими заподазриваніями и ругали его глупцомъ. О папѣ они отзывались какъ о школьникѣ, котораго можно высѣчь, и угрожали: если онъ не вынесетъ рѣшенія въ ихъ пользу, то они откажутъ ему въ послушаніи, отпадутъ отъ него и не остановятся предъ расколомъ церкви; если Рейх-

[1]) Письмо Рейхлина къ папѣ у Фридлендера № 13, конецъ.

линъ выйдетъ снова побѣдителемъ, то они соединятся съ гуситами въ Богеміи противъ папы. Эта банда была настолько ослѣплена жаждой мести, что, только изъ желанія настоять на своемъ, она подкапывалась подъ самый католицизмъ. Не пощадили они и самого императора и стали всячески поносить его, когда узнали о его заступничествѣ за Рейхлина[1]).

Всѣ свои надежды доминиканцы возлагали на отзывъ парижскаго университета, матери всѣхъ европейскихъ высшихъ школъ; если этотъ знаменитый богословскій факультетъ проклянетъ сочиненіе Рейхлина и Талмудъ, тогда самъ папа не осмѣлится противорѣчить. Поэтому они и привели всѣ рычаги въ движеніе, чтобы добиться отъ Парижа благопріятнаго для нихъ отзыва. Особенно усердствовалъ духовникъ французскаго короля, Людовика XII, *Вилгелмъ Гакине Пти*, склонявшій короля произвести давленіе на богословскій факультетъ въ пользу доминиканцевъ. Политика, которая перессорила Францію и германскаго императора, тоже сыграла свою роль въ этомъ спорѣ. Такъ какъ германскій императоръ былъ за Рейхлина, то французскій король сталъ на сторону доминиканцевъ. На этомъ примѣрѣ видно, какъ пострадалъ авторитетъ папы даже въ средѣ правовѣрныхъ. Парижскій богословскій факультетъ не имѣлъ права касаться этого спора послѣ того, какъ папская комисія запретила всякому иному трибуналу выносить какія-либо постановленія по этому вопросу. Тѣмъ не менѣе парижскій богословскій факультетъ продолжалъ самостоятельное изслѣдованіе вопроса, содержитъ ли сочиненіе Рейхлина въ пользу евреевъ и Талмуда ересь или нѣтъ. Но вынести какое-либо рѣшеніе было совсѣмъ не легко, ибо Рейхлинъ и въ Парижѣ насчитывалъ много преданныхъ друзей, въ ихъ числѣ королевскаго лейбъ-медика, *Копа*, и греческаго гуманиста, *Якова Лефебра д'Этапль*, весьма уважаемаго члена университетской коллегіи. Поэтому совѣщанія сильно затянулись (отъ мая до начала августа 1514 г.).

Совѣщанія длились въ теченіе 47 засѣданій. Между совѣщавшимися были и такіе, которые отчасти высказались въ пользу Рейхлина, отчасти указывали на незаконность этого совѣщанія; но фанатики подняли такой шумъ, что тѣ не могли договорить. Многіе французскіе богословы хотѣли послѣдовать примѣру Людовика Святого, который, по настояніямъ крещенаго еврея, Николая Донина[2]), и по порученію папы Григорія IX, приказалъ, три столѣтія тому назадъ, сжечь Талмудъ. И въ этомъ именно смыслѣ парижскій богословскій факультетъ вынесъ свое рѣшеніе: «Глазное зерцало» Рейхлина, какъ содержащее ересь и ревностно защищающее тал-

[1]) Письмо императора Максимиліана къ папѣ, сборникъ писемъ т. же отъ 23 октября 1515 г.

[2]) Срав. т. VIII.

мудическія писанія, заслуживаетъ быть осужденнымъ на сожженіе, а автора слѣдуетъ заставить отречься отъ своего сочиненія (2 августа 1514 г.). Факультетъ не постѣснялся присовокупить, что осужденіе состоялось по настоянію французскаго короля. Людовикъ XII сказалъ своему лейбъ-медику Копу, который замолвилъ словечко въ пользу Рейхлина, что онъ также «іудействующій»[1]). Передаютъ, будто король написалъ еще отдѣльно папѣ, прося его обратить серьезнѣйшее вниманіе на «Глазное зерцало»[2]).

Велико было ликованіе доминиканцевъ и особенно кельнцевъ по поводу этого постановленія. Они полагали, что побѣда за ними, и что они смогутъ теперь принудить папу подчиниться постановленію парижскаго университета. Они не замедлили, въ новомъ памфлетѣ, ознакомить публику съ этой, тяжело доставшейся имъ, побѣдой. Подъ именемъ Пфеферкорна, одинъ доминиканецъ, какъ говорятъ, *Вигандъ Виртъ*, составилъ новое клеветническое сочиненіе подъ названіемъ „*Набатъ*[3])" противъ коварныхъ евреевъ, поносителей трупа Христа и его членовъ и противъ стараго грѣшника, Іоганна Рейхлина, склоняющагося на сторону лживыхъ евреевъ и ихъ ученія; Глазное зерцало было по справедливости осуждено въ Кельнѣ къ уничтоженію и сожженію, что подтвердилъ высочайшій университетъ въ Парижѣ». Но этимъ самымъ былъ нарушенъ приказъ императора, наложившаго молчаніе на обѣ стороны, и имперскій фискалъ привлекъ поэтому къ отвѣтственности Пфеферкорна, такъ какъ упомянутый памфлетъ былъ выпущенъ подъ его именемъ. Конечно, кельнскимъ доминиканцамъ это было вдвойнѣ непріятно, какъ потому, что имъ, которые считали себя въ правѣ говорить обо всемъ, о чемъ имъ заблагоразсудится, было запрещено поносить Рейхлина, такъ и потому, что Пфеферкорнъ долженъ былъ быть наказанъ вмѣсто другого. Повидимому, и тутъ помогла сестра императора, Кунигунда; она снова дала Пфеферкорну рекомендательное письмо къ императору[4]). Опираясь на эту ханжу-княжну, доминиканцы стали еще менѣе считаться съ приказомъ императора. Они опубликовали (декабрь 1514 г.) всѣ документы, благопріятные для нихъ и осуждавшіе «Глазное зерцало», въ томъ числѣ отзывы четырехъ университетовъ: Левена, Кельна, Эрфурта и Майнца.

Но случай снова сыгралъ съ ними плохую шутку, опозоривъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія ихъ ставленника, Пфеферкорна. Крещеный еврей, по имени *Пфафъ Рапъ*, по сообщенію же другихъ, тоже

[1]) Сборникъ писемъ II.
[2]) Пфеферкорнъ, Mitleidig Klag, листъ G.
[3]) Напечат. въ 1514 г.
[4]) Пфеферкорнъ, Defensio contra famosas 3.

носившій имя Пфеферкорна, былъ, за нѣсколько дней до опубликованія отзыва парижскаго университета о «Глазномъ зерцалѣ», приговоренъ къ смерти епископомъ *Альбертомъ* изъ Магдебурга и курфюрстомъ Майнца, вѣроятно, по обвиненію въ обворованіи церкви въ Гале; приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, и осужденный былъ, съ помощью раскаленныхъ клещей, растерзанъ на части. Повидимому, судьей въ этомъ дѣлѣ былъ Ульрихъ фонъ-Гутенъ. Послѣдній или другіе рейхлинисты поспѣшили использовать этотъ случай противъ доминиканцевъ и бросить тѣнь на виновника спора между Рейхлинымъ и доминиканцами, на Іоанна Пфеферкорна. Гутенъ, намѣренно сгущая краски, описалъ преступленія этого крещенаго злодѣя изъ Гале въ латинскихъ стихахъ. При этомъ случаѣ онъ проявилъ вражду къ евреямъ, утверждая, что Германія не способна произвести такого злодѣя, что этого можно ожидать лишь отъ Іудеи. Онъ предупреждаетъ, что не слѣдуетъ допускать евреевъ къ принятію христіанства; ибо, только отдѣлившись и отмежевавшись отъ нихъ,христіане могутъ уберечься отъ ихъ вліянія [1]). Другіе рейхлинисты такъ описали этотъ случай въ нѣмецкой и латинской прозѣ, тоже преувеличивая преступленія этого негодяя: послѣдній, не будучи священникомъ, исполнялъ обязанности пропозѣдника и отправлялъ богослуженіе, сочувствовалъ евреямъ, осквернилъ столько-то и столько-то гостій, зарѣзалъ множество христіанскихъ дѣтей, своимъ врачебнымъ уходомъ погубилъ многихъ взрослыхъ христіанъ и, будучи подкупленъ евреями, намѣревался отравить цѣлыя провинціи, покушаясь также на убійство архіепископа Альберта и его брата, курфюрста бранденбургскаго, Іоахима. Всѣ эти преступленія были выдуманы лишь съ цѣлью опозорить Пфеферкорна и его союзниковъ, будто онъ самъ былъ или могъ быть этимъ преступникомъ. По поводу картины, изображающей свят. Христофора въ Берлинѣ, Рапъ или Пфеферкорнъ произнесъ будто кощунственныя слова: «Чего сталъ ты тутъ, длинноногій плутъ, съ . . . . . младенцемъ на плечахъ? Отвратительная картина изображала, какъ у Рапа вырывали раскаленными щипцами членъ за членомъ. Памфлеты противъ Пфеферкорна въ Гале должны были предостеречь публику и отъ враждебнаго къ евреямъ кельнскаго Пфеферкорна, ибо послѣдній обманываетъ христіанъ и втайнѣ на сторонѣ евреевъ.

Между тѣмъ процесъ Рейхлина-Гохстратена все тянулся, благодаря интригамъ и золоту доминиканцевъ. Рейхлину едва удалось найти адвоката, ибо юристы побаивались связываться съ злобными монахами. При присылкѣ актовъ первой и второй инстанціи (майнцскаго и шпейерскаго

[1]) Гутенъ, Exclamatio in sceleratissimum Joannem Pfeferkorn, въ его opera poetica.

судовъ), Рейхлинъ обѣщалъ доставить грамоты, коими были дарованы евреямъ привилегіи, чтобы доказать, что не онъ выхлопоталъ евреямъ эти облегченія. Но тѣ доказательства, которыя ему удалось собрать, мало согласовались съ его утвержденіемъ, сдѣланнымъ въ благородномъ порывѣ, о томъ, будто евреи уже издавна признаны согражданами германско-римской имперіи. Онъ могъ только доставить пожелтѣвшій пергаментъ, изъ коего явствовало, что они получили отъ папскаго престола нѣкоторыя привилегіи, что ихъ религія и священныя писанія были признаны неприкосновенными и что они были рабами императора[1]). Послѣднее не нуждалось въ рейхлиновскихъ доказательствахъ, ибо нѣмецкіе евреи были рабами императора въ слишкомъ сильной степени. Именно изъ того обстоятельства, что евреи находились въ рабскомъ отношеніи къ императору, враги евреевъ заключали: всякій императоръ имѣетъ полное право поступать съ ними по своему произволу, изгонять ихъ и даже истреблять, а тѣмъ болѣе уничтожать ихъ книги; это не составляетъ правонарушенія. Само собою разумѣется, что Гохстратенъ энергично оспаривалъ слабыя доказательства Рейхлина касательно еврейскихъ привилегій.

Процесъ, и безъ того чрезвычайно растягиваемый въ Римѣ, еще болѣе затянулся, благодаря стараніямъ доминиканцевъ. Гохстратенъ приложилъ къ своему обвинительному сочиненію переводъ «Глазного зерцала», который во многихъ мѣстахъ оказался просто подлогомъ, ибо Гохстратенъ вложилъ въ уста автора еретическіе взгляды. Комисія, правда, поручила проживавшему въ Римѣ нѣмцу, *Мартину фонъ Гренингенъ*, изготовить другой, дословный переводъ «Глазного зерцала»; но тогда доминиканцы, въ свою очередь, стали жаловаться на переводъ. Вслѣдствіе такихъ препятствій, процесъ не подвигался съ мѣста и стоилъ Рейхлину уже въ первой стадіи болѣе 400 золотыхъ гульденовъ[2]). Доминиканцы и разсчитывали разорить своего противника и покровителя евреевъ, который вырвалъ изъ ихъ рукъ добычу, и помѣшать ему бороться за свое право. Такимъ образомъ постепенно угасала надежда на тріумфъ Рейхлина въ Римѣ. Поэтому друзья Рейхлина позаботились о томъ, чтобы создать новое судилище и, минуя плохо освѣдомленнаго или запуганнаго папу, апелировать къ общественному мнѣнію.

Въ то время всеобщаго напряженія умовъ, когда тѣсные кружки и широкіе слои народа, духовныя лица, высшія и низшія, князья и образованные граждане внимательно прислушивались къ вѣстямъ изъ Рима о возможномъ исходѣ рейхлинскаго процеса, одинъ изъ молодыхъ гуманистовъ (вѣроятно *Кротъ Рубіанъ* въ Лейпцигѣ) сочинилъ

[1]) У Фридлендера, Beiträge № 8, стр. 44.
[2]) Т. же № 11, стр. 49.

цѣлый рядъ писемъ, которымъ, по настроенію, остроумію и ѣдкому сарказму, не было ничего равнаго во всей литературѣ. «Письма мракобѣсовъ» (epistolae obscurorum virorum, составлены въ теченіе 1515 г.), направленныя, большей частью, по адресу коварнаго Ортуина Грація, написаны языкомъ грубыхъ, невѣжественныхъ монаховъ. Они раскрываютъ ихъ низкіе помыслы, высокомѣріе, поразительное невѣжество, развратность, коварство и грубость, ихъ жалкій латинскій стиль и еще болѣе жалкую мораль, ихъ софистическую болтовню и отвратительныя сплетни; словомъ, они такъ ясно обрисовали всѣ нестерпимые недостатки доминиканскихъ монаховъ, что это стало ясно даже и полуобразованнымъ людямъ. Всѣ враги Рейхлина, Гохстратенъ, Арнольдъ изъ Тонгерна, Ортуинъ Грацій, Пфеферкорнъ и всѣ ихъ ставленники, Петръ Майеръ, Вигандъ, парижскій университетъ—всѣ должны были пройти сквозь строй; словно отъ ударовъ бичами и скорпіонами на нихъ не осталось здороваго мѣста. Эти художественныя сатиры, съ чисто аристофановскимъ сарказмомъ, произвели тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что доминиканцы, ѳомисты и доктора богословія сами обрисовывали себя въ истинномъ свѣтѣ, сами обнаруживали свою отвратительную физіономію, сами напрашивались къ позорному столбу. Но это издѣвательство надъ доминиканцами невольно разоблачило также и отрицательныя стороны папства, всей іерархической тираніи и церкви вообще. Ибо доминиканцы со своимъ невѣжествомъ, высокомѣріемъ, развратомъ и наглостью были лишь продуктомъ и естественнымъ результатомъ всего католическаго строя и католическихъ учрежденій. Такимъ образомъ сатирическія «письма мракобѣсовъ» подѣйствовали, какъ ѣдкая кислота, въ конецъ разъѣвшая и безъ того гнилое тѣло католической церкви.

Евреи и Талмудъ послужили первымъ поводомъ къ травлѣ Рейхлина; конечно, имъ было отведено мѣсто въ письмахъ мракобѣсовъ. Столь презрѣнные евреи выступаютъ на сцену по слѣдующему поводу. Во второмъ письмѣ нѣкій магистръ, *Іоаннъ Пелифексъ,* сообщаетъ такъ называемому исповѣднику, Ортуину Грацію, прискорбный фактъ: недавно, ко времени франкфуртской ярмарки, онъ вмѣстѣ съ однимъ молодымъ богословомъ прошелъ мимо двухъ лицъ, которыя выглядѣли весьма прилично; такъ какъ они носили черные сюртуки и рясы съ капюшономъ, то онъ принялъ ихъ за лицъ духовнаго званія, отвѣсилъ имъ глубокій поклонъ и снялъ свою шапку: къ его ужасу, спутникъ обратилъ его вниманіе, что это были евреи, причемъ даже утверждалъ, что онъ совершилъ этимъ смертный грѣхъ; поклонъ еврею чуть ли не равносиленъ идолопоклонству, и, слѣдовательно, онъ нарушилъ первую заповѣдь: ибо, если христіанинъ оказываетъ почести еврею, онъ этимъ самымъ дѣй-

ствуетъ противъ христіанства и навлекаетъ на себя подозрѣніе въ томъ. не еврей ли онъ самъ; евреи могутъ въ этомъ случаѣ хвастаться своимъ превосходствомъ надъ христіанами, они укрѣпляются въ своемъ невѣріи, презираютъ христіанское вѣроученіе и не желаютъ примкнуть къ церкви (это все тѣ же обвиненія, выставленныя доминиканцами противъ Рейхлина за его покровительство евреямъ); молодой богословъ разсказываетъ по этому поводу: онъ однажды въ церкви опустился на колѣни передъ изображеніемъ еврея съ молоткомъ въ рукѣ, принявъ его за Св. Петра, но, приблизившись къ изображенію, онъ замѣтилъ свое заблужденіе и глубоко раскаялся въ немъ: на исповѣди у доминиканцевъ исповѣдникъ разъяснилъ ему, что онъ, хотя невольно, совершилъ *смертный грѣхъ*, и потому исповѣдникъ не могъ бы отпустить ему грѣхи, если бы случайно не имѣлъ на то разрѣшенія епископа; если бы этотъ грѣхъ совершенъ былъ сознательно, то отпустить его могъ бы только папа: и потому молодой богословъ посовѣтовалъ магистру Пелифексу исповѣдаться предъ викаріемъ и разсказать ему о поклонѣ, который онъ отвѣсилъ двумъ евреямъ, такъ какъ онъ долженъ былъ внимательнѣе присмотрѣться къ евреямъ и тогда онъ по желтому значку на платьѣ могъ бы легко отличить ихъ отъ лицъ духовнаго званія. Пелифексъ и обращается къ Ортуину Грацію съ важнымъ вопросомъ, совершилъ ли онъ смертный или обыкновенный грѣхъ, и кто можетъ отпустить ему этотъ грѣхъ, просто ли исповѣдникъ, епископъ или самъ папа. Онъ проситъ также Ортуина написать ему, правильно ли поступаютъ франкфуртскіе граждане, разрѣшая евреямъ носить тѣ же облаченія, что носятъ доктора священнаго богословія, чего бы императоръ не допустилъ еврею, собачьему сыну, врагу Христа . . . . (это былъ стиль доминиканцевъ). Ничто не могло такъ сильно заклеймить всю ничтожность и безсмысленность схоластовъ-богослововъ, какъ сдѣлало это письмо.

Ученикъ Ортуина, *Шируглій,* со скорбью въ душѣ разсказываетъ: жители Майнца далеко не такъ благочестивы, какъ кельнцы; одинъ житель Майнца осмѣлился утверждать, что трирскій сюртукъ вовсе не одѣяніе Христа, а самое обыкновенное и простое платье, что волоса Пресвятой Богородицы не существуютъ болѣе и что онъ презираетъ отпущеніе грѣховъ со стороны доминиканцевъ, ибо послѣдніе надуватели и обманываютъ женщинъ и крестьянъ; въ отвѣтъ на это я воскликнулъ: «въ огонь, въ огонь этого еретика; пусть это услышитъ Гохстратенъ, инквизиторъ»; онъ разсмѣялся и сказалъ: Гохстратенъ—отвратительное животное, Рейхлинъ—честный человѣкъ, а богословы, напротивъ, дьяволы; парижскій университетъ, проклявшій книгу Рейхли-

на, просто подкупленъ доминиканцами; парижская высшая богословская школа является не матерью всѣхъ прочихъ школъ, а матерью глупости; далѣе онъ утверждалъ, что Талмудъ вовсе не проклятъ церковью; Петръ Майеръ изъ Франкфурта возразилъ на это: «вѣдь въ «Твердынѣ вѣры» испанца Альфонса де Спина Талмудъ названъ отвратительной книгой»; но житель Майнца отвѣтилъ: «Твердыня вѣры»—грязный памфлетъ, и тотъ, кто черпаетъ оттуда свои доказательства, глупецъ[1]). Въ такомъ тонѣ письмо продолжаетъ разсказывать о дѣяніяхъ доминиканцевъ. Професоръ богословія увѣщеваетъ Ортуина: пусть онъ не дастъ своимъ ученикамъ плохого примѣра преступными сношеніями съ женщинами; этотъ грѣхъ онъ, впрочемъ, искупаетъ своими писаніями противъ Рейхлина; разсказываютъ, что Пфеферкорнъ, котораго Ортуинъ защищаетъ, негодяй, который не изъ убѣжденій принялъ христіанство, а лишь потому, что евреи хотѣли повѣсить его за его жульничества и доносы; говорятъ также, что онъ плохой христіанинъ и не долго будетъ пребывать въ христіанствѣ, подобно его же однофамильцу, сожженному въ Гале; поэтому пусть Ортуинъ остережется его[2]).

Эйтелнарабіанусъ фонъ Песенекъ сообщаетъ Ортуину: я, дискутируя недавно съ двумя евреями въ Вормсѣ, доказалъ имъ всю илюзорность ихъ надеждъ на пришествіе Мессіи и сослался при этомъ на Пфеферкорна; евреи со смѣхомъ отвѣтили: «вашъ Пфеферкорнъ въ Кельнѣ просто жуликъ; въ еврейскомъ языкѣ онъ ничего не смыслитъ; онъ сталъ христіаниномъ лишь для того, чтобы скрыть свои пороки; до своего перехода въ христіанство, онъ въ Моравіи оглушилъ ударомъ женщину, сидѣвшую за кассой, укралъ болѣе 200 гульденовъ и убѣжалъ; въ другомъ мѣстѣ для него уже была приготовлена висѣлица за воровство; однако ему какимъ-то неизвѣстнымъ образомъ удалось избѣжать казни; мы сами видѣли эту висѣлицу; кромѣ того мы можемъ вамъ назвать нѣсколькихъ христіанъ и дворянъ, которые тоже знаютъ объ этомъ; поэтому вамъ не слѣдовало приводить, въ качествѣ авторитета, этого вора и мошенника»; я возразилъ: «вы, скверные евреи, лжете изо всѣхъ силъ и, если бы вамъ не были дарованы привилегіи, я бы васъ выдралъ за волосы и бросилъ въ грязь; Пфеферкорнъ хорошій христіанинъ, ибо, вмѣстѣ съ женой, онъ часто исповѣдывается у доминиканцевъ; онъ охотно слушаетъ обѣдню и, когда священникъ поднимаетъ гостію, онъ никогда не смотритъ внизъ, развѣ если ему нужно сплюнуть; вы думаете, что богословы и бургомистръ Кельна, по глупости своей, назначили Пфеферкорна смотрителемъ госпиталя и солемѣромъ; они бы этого никогда не сдѣлали, если бы

[1]) Epistolae Obscurorum I, № 22. [2]) Т. же № 23.

Пфеферкорнъ не былъ хорошимъ христіаниномъ; вы говорите, что онъ, только изъ-за своей красивой жены, столь любезенъ сердцу богослововъ и бургомистра; но это неправда, ибо бургомистры сами имѣютъ красивыхъ женъ, а богословы не интересуются женщинами; кромѣ того, мы еще не слыхали ничего о подобномъ прелюбодѣяніи». Затѣмъ слѣдуетъ непереводимое, циничное замѣчаніе о женѣ Пфеферкорна во вкусѣ доминиканцевъ и того времени[1]). Въ томъ же родѣ и слѣдующее письмо, въ коемъ *Федерфузій* задаетъ Ортуину Грацію слѣдующій богословскій вопросъ: какой видъ будетъ имѣть тѣло крещенаго еврея при возстаніи изъ мертвыхъ? Далѣе слѣдуютъ грязныя объясненія, достойныя доминиканскихъ схоластовъ.

Звонкій смѣхъ раздался по всей западной Европѣ, при чтеніи «писемъ мракобѣсовъ». Всякій, кто въ Германіи, Италіи, Франціи и Англіи понималъ по-латыни, смѣялся или хихикалъ надъ формой и содержаніемъ этихъ самообличеній доминиканцевъ и схоластовъ. Эти грубыя пошлости, толстокожее невѣжество, чванливое своей мнимой мудростью тупоуміе, грязные слова и обороты—все это составляло слишкомъ рѣзкій контрастъ съ внѣшней ученостью и благочестивостью доминиканцевъ, и потому эти письма возбудили смѣхъ и въ самыхъ серьезныхъ кругахъ. Разсказывали, что Эразмъ, который страдалъ нарывомъ въ горлѣ, освободился отъ своихъ страданій, благодаря судорожному смѣху, при чтеніи писемъ. Веселая комедія, разыгранная простаками, доставила много приверженцевъ Рейхлину, и доминиканцы были осуждены общественнымъ мнѣніемъ, независимо отъ папскаго приговора. Строили всевозможныя догадки о томъ, кто могъ бы быть авторомъ этихъ писемъ. Одни полагали, что самъ Рейхлинъ, другіе, что Эразмъ, Гутенъ или кто-либо иной изъ круга гуманистовъ. Гутенъ правильно отвѣтилъ на вопросъ объ авторѣ: «самъ Богъ»[2]). Дѣйствительно, постепенно становилось все яснѣй, что пустяшный въ началѣ споръ о сожженіи Талмуда пріобрѣлъ значеніе всемірно-историческаго событія, въ которомъ индивидуальная воля растворяется, отдавая себя на служеніе общимъ стремленіямъ. Въ Римѣ болѣе проницательные рейхлинисты видѣли въ этомъ руку Провидѣнія.

Письма мракобѣсовъ разошлись такъ быстро, что въ непродолжительномъ времени понадобилось новое изданіе, въ коемъ были помѣщены еще новыя письма въ томъ же жанрѣ[3]). Въ одномъ изъ этихъ писемъ Яковъ Гохстратенъ жалуется: «я жалѣю о томъ, что началъ все это дѣло; всѣ высмѣиваютъ и дразнятъ меня; здѣсь (въ Римѣ) Рейх-

[1]) Epist. obscurorum № 36.

[2]) Est Deusmet, удачная насмѣшка надъ тогдашнею латынью монаховъ.

[3]) Epistolae obscurorum virorum I Appendix № 7.

лина знаютъ лучше, чѣмъ въ Германіи; многіе кардиналы, епископы, прелаты и приближенные папы любятъ его; если бы я не началъ этого дѣла, я бы спокойно жилъ въ Кельнѣ, хорошо ѣлъ бы и пилъ; теперь же у меня не всегда имѣется даже черствый хлѣбъ; я боюсь также, что дѣла въ Германіи въ моемъ отсутствіи идутъ плохо; каждый, кому вздумается, пишетъ книги о богословіи». Въ этомъ раздражительномъ и плоскомъ тонѣ выдержано все письмо. Это вызвало новый смѣхъ. Реакціонеры были такъ глупы, что сначала думали: письма мракобѣсовъ написаны въ ихъ пользу. Когда же они по звонкому смѣху своихъ противниковъ догадались, что письма написаны для ихъ осмѣянія, они, хотя пришли въ ярость, были совершенно безсильны противъ такого неожиданнаго для нихъ нападенія. Пфеферкорнъ и его заправилы хотѣли ослабить впечатлѣніе и выпустили сочиненіе на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ подъ заглавіемъ «Защита отъ клеветническихъ писемъ мракобѣсовъ»; но этимъ они только подлили масла въ огонь и вызвали еще большій смѣхъ со стороны рейхлинистовъ.

И только нѣмецкіе евреи не могли предаваться смѣху. Доминиканцы тѣмъ временемъ старались другими путями добиться своей главной цѣли или, по крайней мѣрѣ, отомстить евреямъ. То обстоятельство, что нѣкоторые просвѣщенные христіане, вниманіе коихъ было обращено на іудаизмъ, почувствовали особую склонность къ послѣднему и свои новопріобрѣтенныя убѣжденія излагали въ книгахъ[1]), мало смущало доминиканцевъ. Ибо христіанское общество въ его подавляющемъ большинствѣ было предубѣждено противъ еврейскаго вѣроученія и его приверженцевъ. Эразмъ справедливо замѣтилъ однажды: «если ненависть къ евреямъ составляетъ христіанскій долгъ, то мы всѣ очень хорошіе христіане»[2]). Поэтому врагамъ евреевъ было очень легко вредить имъ. Пфеферкорнъ не разъ указывалъ на то, что въ Германіи имѣются еще только три большихъ еврейскихъ общины, въ Регенсбургѣ, Франкфуртѣ и Вормсѣ, и что, съ уничтоженіемъ ихъ, въ германской имперіи исчезло бы еврейство.

Если, можетъ быть, многіе изъ числа гуманистовъ и освободились отъ ужасной вѣры въ то, что евреи стремятся употреблять кровь христіанскихъ младенцевъ и осквернять гостіи, то это обвиненіе въ общемъ встрѣчало довѣріе въ широкихъ слояхъ народа, чѣмъ, конечно, воспользовались жаждавшіе мести доминиканцы. Въ то время, когда въ Римѣ происходилъ процесъ Рейхлина, подобное обвиненіе было возведено противъ общины элзасскаго городка (Мителберга), причемъ многія лица подверглись строгому заключенію, въ ихъ числѣ и Іоселинъ изъ Рос-

[1]) Письмо Эразма къ Капито отъ фев. 1516 г.

[2]) Письмо Эразма къ Гохстратену 1519 г.

гейма, защитникъ еврейства (1514 г.). Послѣдняго лишили возможности обратиться за защитой къ императору Максимиліану. Лишь семь недѣль спустя обнаружилась несправедливость обвиненія, и заключенные были освобождены. Въ слѣдующемъ году епископъ Страсбурга съ знатью изъ Андлау и совѣтомъ Оберная, которые издавна были заклятыми врагами евреевъ, сообща замышляли изгнать еврейскія общины изъ Элзаса. Къ счастью, неутомимому Іоселину удалось отвести ударъ послѣ того, какъ онъ нѣсколько разъ былъ у императора и жаловался ему на замышлявшійся насильственный актъ[1]).

Чтобы добиться изгнанія евреевъ изъ Франкфурта и Вормса, враги евреевъ придумали цѣлесообразное средство. Молодой *маркграфъ бранденбургскій, Альбертъ,* до того епископъ магдебургскій, который позже въ эпоху реформаціи пріобрѣлъ столь печальную извѣстность, былъ избранъ архіепископомъ Майнца (мартъ 1514 г.). Это былъ аристократъ, который занимался высшей политикой, а управленіе епископствомъ предоставилъ капитулу. Альбертъ обладалъ лоскомъ образованія и охотно выдавалъ себя за друга рейхлинистовъ, но это было только внѣшностью. Евреями онъ не интересовался, хотя и разрѣшилъ имъ вновь пребываніе въ Майнцѣ[2]). Большинство членовъ капитула въ Майнцѣ не отличалось даже и внѣшнимъ лоскомъ образованія, интересовалось болѣе собаками, соколами, чѣмъ книгами, болѣе деньгами и роскошною жизнью, чѣмъ классической ученостью[3]). Нѣкоторые изъ нихъ находились въ дружескихъ отношеніяхъ съ Гохстратеномъ и кельнскими доминиканцами и способствовали тому, что «Глазное зерцало» Рейхлина было проклято (выше стр. 111). Эти-то враги евреевъ, вѣроятно, по внушенію кельнцевъ, и побудили архіепископа Альберта разослать духовнымъ и свѣтскимъ владыкамъ и нѣкоторымъ городамъ, особенно Франкфурту и Вормсу, приглашеніе собраться во Франкфуртѣ для совѣщаній о томъ, какъ изгнать евреевъ и болѣе не допускать ихъ. Слѣдуя этому приглашенію, во Франкфуртъ съѣхались (7 января 1516 г.[4]) представители архіепископства *Майнца* и аббатства *Фульды,* пфальцграфа *Людовика,* ландграфини *гесенской, Анны*, бургграфа *фонъ Фридберга,* городовъ *Вормса, Франкфурта, Вецлара, Ганау, Гелнгаузена,* князей *Насау,* кромѣ того *Михаилъ фонъ Вертгеймъ* лично и еще другіе мелкіе феодалы. На слѣдующій день они собрались для совѣщанія по еврейскому вопросу.

[1]) Дневникъ Іоселина Revue № 6—7.

[2]) Слѣдуетъ изъ документа у Шааба, diplomatische Geschichte der Juden von Mainz стр. 167.

[3]) Давидъ Штраусъ, Гутенъ I стр. 109.

[4]) У Шааба въ ук. м. стр. 104 и слѣд.

Программа сводилась къ тому, чтобы всѣ владѣтельные дома объединились и обязались отказаться отъ всѣхъ правъ на евреевъ, изгнать своихъ еврейскихъ подданныхъ и никогда впредь не допускать ихъ вновь ни подъ какими именами и ни на какой срокъ. Это общее рѣшеніе они должны были представить на усмотрѣніе императора, прося объ утвержденіи.

При совѣщаніи о судьбахъ евреевъ западной Германіи, представители курфюрства Майнца, Пфальца, гесенской ландграфини и другихъ владѣтельныхъ домовъ голосовали безусловно за изгнаніе евреевъ. Франкфуртъ, Вормсъ и еще другіе голосовали только условно, а именно, если будетъ достигнуто полное единеніе. Депутатъ Вормса замѣтилъ, что совѣтъ этого города уже раньше обсуждалъ вопросъ объ изгнаніи евреевъ, но послѣднее, по многимъ причинамъ, все откладывалось. Только представитель аббатства Фульды, графъ фонъ Вертгеймъ и еще нѣсколько другихъ высказались противъ изгнанія, конечно, изъ эгоистическихъ соображеній. Представители Фульды заявили: изгнаніе евреевъ принесло бы большой вредъ аббатству, ибо изгнанники поселились бы въ Нижнемъ Гесенѣ, Генебергѣ и Тюнгенѣ, и подданные Фульды были бы стѣснены еще болѣе, чѣмъ теперь, когда евреи живутъ въ странѣ; кромѣ того аббатство еще только недавно выдало поселившимся тамъ евреямъ защитительную грамоту на нѣсколько лѣтъ и не хочетъ нарушать своего обѣщанія; пусть, поэтому, курфюрство Майнцъ войдетъ въ соглашеніе со своими сосѣдями, чтобы и эти прогнали евреевъ. Въ томъ же смыслѣ высказался и графъ Михаилъ фонъ Вертгеймъ, полагавшій, что изгнанные изъ его области евреи найдутъ убѣжище въ Вюрцбургѣ, Тюнгенѣ и Розенбургѣ, гдѣ живетъ и безъ того много евреевъ, что, конечно, будетъ весьма вредно для его подданныхъ. Ни одинъ участникъ совѣщанія не защитилъ евреевъ просто изъ чувства гуманности, не почувствовалъ состраданія къ евреямъ, которыхъ изгнаніе сдѣлало бы несчастными; настолько черствы и бездушны стали сердца вѣрующихъ подъ вліяніемъ тогдашней церкви. На этомъ совѣщаніи во Франкфуртѣ было рѣшено, однако, какъ водилось на нѣмецкихъ совѣщаніяхъ того времени, созвать новое совѣщаніе для принятія уже окончательныхъ рѣшеній (8-го марта).

Евреи трепетали при видѣ надвигающейся грозы, которая должна была неминуемо разразиться надъ ихъ головами; ибо германскіе князья и феодалы вообще, хотя не отличались единодушіемъ и стремительностью, въ одномъ пунктѣ, касавшемся преслѣдованія евреевъ, были чрезвычайно подвижны и единодушны. Поэтому имъ ничего не оставалось другого, какъ послать депутацію къ императору Максимиліану и

умолять его о милостивой защитѣ противъ рѣшеній враждебно настроенныхъ противъ нихъ имперскихъ сословій. Вѣроятно и въ этомъ дѣлѣ Іоселинъ изъ Росгейма дѣйствовалъ въ пользу своихъ единовѣрцевъ. Къ счастью, императоръ сообразилъ, что евреи, хотя находились подъ властью крупныхъ и мелкихъ феодаловъ, въ сущности были его рабами и, слѣдовательно, изгнаніе феодалами было бы равносильно нарушенію его суверенныхъ правъ. Поэтому Максимиліанъ поспѣшилъ обратиться со строгимъ посланіемъ къ курфюрсту Альберту, капитулу Майнца, всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ феодаламъ, а также къ городамъ и безъ обиняковъ выразилъ имъ свое порицаніе за ихъ совѣщаніе и воспретилъ имъ собраться еще разъ въ установленное время. Второе совѣщаніе въ самомъ дѣлѣ не состоялось. Евреи были на время спасены. Но архіепископъ Майнца или, въ его отсутствіе, капитулъ не отказались отъ своихъ плановъ. Предприняты были шаги, чтобы побудить императора согласиться, наконецъ, на изгнаніе евреевъ, ибо его указъ вѣдь былъ основанъ на «неправильныхъ, необоснованныхъ и назойливыхъ просьбахъ евреевъ». Враги евреевъ и друзья кельнскихъ доминиканцевъ все еще надѣялись настроить императора враждебно противъ евреевъ. Но ихъ надеждамъ не суждено было сбыться. Евреи пока не были изгнаны. Курфюрстъ Альбертъ принялъ даже въ свое подданство вновь прибывшихъ евреевъ, конечно, не изъ симпатіи къ нимъ, а изъ личнаго интереса, даровалъ имъ обычныя привилегіи, именно давать деньги въ ростъ подъ условіемъ подлежанія его суду, правда, только на время и за ежегодный взносъ налога въ 12 гульденовъ съ головы. Но архіепископъ при этомъ былъ такъ безсердеченъ, что въ грамотѣ категорически оговорилъ, что, если близкіе родственники изъ другого округа посѣтятъ его еврейскихъ подданныхъ (напр., родители дѣтей или наоборотъ), то гости, подъ угрозой штрафа, не должны оставаться въ странѣ болѣе двухъ ночей. Какой долженъ былъ свершиться переворотъ для того, чтобы это бездушное поколѣніе съ окаменѣвшими сердцами сдѣлалось доступнымъ голосу человѣчности и состраданія?

ГЛАВА VI.

Рейхлиновскій споръ и лютеровская реформація.

Споръ осложняется; приговоръ синодальной комисіи. Двусмысленное рѣшеніе папы Льва. Борьба становится все болѣе страстной. Продолженіе „писемъ мракобѣсовъ". Жалобы доминиканцевъ на презрѣніе, встрѣчаемое ими въ народѣ. Увлеченіе христіанскихъ ученыхъ кабалой. Павелъ Риціо; кабалисты-мистификаторы. Сочиненіе Рейхлина о кабалистической теоріи, посвященное папѣ Льву. Кабалистическія банальности Галатина. Смѣсь кабалы и христіанства. Выступленіе Лютера и рейхлиновское движеніе. Смута, вызванная смертью Максимиліана. Рейхлинъ и Лютеръ, вопросъ о Талмудѣ и реформація. Доминиканцы отрекаются отъ Гохстратена, а папа желаетъ видѣть Талмудъ отпечатаннымъ. Первое изданіе вавилонскаго и іерусалимскаго Талмуда въ Бомбергѣ. Успѣхъ реформаціи. Послѣднее сочиненіе Пфефферкорна противъ Рейхлина и евреевъ. Мученія регенсбургскихъ евреевъ. Фанатическій проповѣдникъ, Губмайеръ. Позорное изгнаніе евреевъ изъ Регенсбурга. Завершеніе реформаціи. Лютеръ вначалѣ защищаетъ евреевъ. Ревностное изученіе Библіи и еврейской грамматики. Илія Левита, учитель христіанскихъ ученыхъ. Еврейская литература во Франціи; More Nebuchim Юстиніани. Переводы Библіи: Biblia Rabbinica.

(1516—1525)

Началомъ коренного переворота, который долженъ былъ оздоровить окаменѣлый и развращенный міръ, и былъ споръ Рейхлина съ доминиканцами о Талмудѣ. Въ Римѣ рейхлиновскій процесъ, хотя медленно, все же подвигался замѣтно впередъ, не смотря на борьбу, мины и контрмины обѣихъ партій. Гохстратенъ, понимая, что комисія изъ двухъ кардиналовъ, Гримани и Анконитани, вынесетъ постановленіе въ пользу Рейхлина, сталъ настойчиво и энергично требовать постановленія собора, ибо тутъ дѣло идетъ не о правонарушеніи, а о вѣрѣ. Папа Левъ, который не хотѣлъ ссориться ни съ той, ни съ другой партіей, долженъ былъ, вопреки своимъ собственнымъ неоднократнымъ постановленіямъ, отчасти удовлетворить это требованіе. Съ одной стороны императоръ Максимиліанъ вмѣстѣ со многими нѣмецкими князьями настаивали на томъ, чтобы Рейхлинъ былъ оправданъ, а доминиканцамъ было бы приказано молчать; кромѣ того Максимиліанъ приказалъ возбудить процесъ противъ Пфеферкорна[1]), этого негодяя, котораго онъ, по необдуманности своей, такъ долго поддерживалъ. Съ другой стороны король Франціи и юный Карлъ (тогда еще бургундскій герцогъ), будущій германскій императоръ, король Испаніи и Америки, чуть ли не угрожали папѣ репресіями въ случаѣ, если онъ не отнесется къ рейхлиновскому спору съ большей серь-

---

[1]) Пфеферкорнъ, defensio contra famosas.

езностью и не вынесетъ окончательнаго осужденія «Глазному зерцалу»[1]). Левъ нашелъ весьма цѣлесообразнымъ освободить себя отъ этой, начинавшей становиться опасной обузы, сваливъ ее на чужія плечи. Онъ поручилъ вынести рѣшеніе особой комисіи, составленной изъ членовъ засѣдавшаго тогда Латеранскаго собора. Такимъ образомъ вопросъ о Талмудѣ былъ поставленъ на обсужденіе вселенскаго синода и сдѣлался жгучимъ всеевропейскимъ вопросомъ.

Рейхлинъ, который вначалѣ былъ полонъ надеждъ на скорое окончаніе его процеса въ Римѣ, преисполнился, послѣ двухъ лѣтъ томительнаго ожиданія, малодушнаго отчаянія. Онъ опасался, что рвеніе его друзей остынетъ, что его состояніе будетъ истощено этимъ длительнымъ процесомъ, что онъ, въ виду приближающейся старости, не долго еще проживетъ, и тогда послѣ его смерти официальная католическая церковь все же заклеймитъ его, какъ еретика. Его друзья должны были неоднократно ободрять его. Всѣхъ энергичнѣе оказался и тутъ юношески пламенный *Ульрихъ фонъ Гутенъ*, находившійся тогда въ Италіи. Онъ одинъ глубже всѣхъ оцѣнилъ все значеніе этого всемірно историческаго процеса. Онъ хотѣлъ повести дѣло такъ, чтобы свергнуть орденъ доминиканцевъ и папство и искоренить всѣ пережитки и остатки средневѣковья.

Наконецъ, былъ вынесенъ приговоръ (2 іюля 1516 г.). Первый, кто высказался въ синодальной комисіи, былъ епископъ *Георгій Бенигнусъ* изъ Назарета; онъ находилъ, что «Глазное зерцало» Рейхлина не содержитъ никакой ереси и что постановленія парижскаго университета и остальныхъ богословскихъ факультетовъ, какъ несправедливыя поношенія, достойны осужденія. Онъ былъ поклонникомъ еврейской и халдейской литературъ[2]) и, конечно, уже по одному этому не могъ высказаться за доминиканцевъ. Точно также гласило и второе мнѣніе, высказанное епископомъ Малфи, который еще добавилъ, что инквизиторъ Гохстратенъ, считающій себя столпомъ церкви, долженъ быть подвергнутъ наказанію за свою строптивость. Въ томъ же смыслѣ высказались всѣ члены комисіи, за исключеніемъ мрачнаго фанатика-кардинала, *Силвестра Пріеріаса*, конечно, доминиканца и тоже увлекавшагося кострами; онъ одинъ высказался въ пользу Гохстратена. Инквизиторъ былъ, конечно, задѣтъ этимъ приговоромъ, но не обезкураженъ. Онъ пытался всяческими обходами настоять на своемъ и даже публично расклеилъ въ разныхъ мѣстахъ Рима свою обвинительную статью противъ Рейхлина, евреевъ и Талмуда. Но рейхлинисты, число коихъ въ

[1]) Т. же.

[2]) Срав. сборникъ писемъ II, письмо Питки къ Рейхлину.

Римѣ, по мѣрѣ того, какъ опустѣли гохстратенскіе мѣшки золота, все возрастало, срывали эти расклеенныя обвиненія и бросали ихъ въ грязь. Тѣмъ не менѣе изобрѣтательный и злобный Гохстратенъ, знакомый съ руководящими личностями при папской куріи, не считалъ своего дѣла потеряннымъ. Еще папа не произнесъ своего слова. Поэтому Гохстратенъ и его друзья убѣдили Льва X издать приказъ о прекращеніи процеса (mandatum de supersedendo).

Этотъ исходъ вполнѣ соотвѣтствовалъ характеру Льва и его отношенію къ обѣимъ страстно возбужденнымъ сторонамъ. Онъ не любилъ волненій; но послѣднія были бы неизбѣжны, если бы онъ рѣшительно высказался въ пользу одной или другой стороны. Онъ не хотѣлъ портить свои отношенія ни съ гуманистами, ни съ мракобѣсами, ни съ германскимъ императоромъ, ни съ королемъ Франціи и регентомъ Испаніи; такимъ образомъ процесъ продолжалъ висѣть въ воздухѣ и могъ каждую минуту въ благопріятное время быть возобновленъ доминиканцами. Гохстратенъ долженъ былъ, правда, съ позоромъ оставить Римъ; но все еще не покидалъ надежды добиться, наконецъ, своей цѣли. Онъ былъ человѣкъ сильной воли, котораго нельзя было сломить униженіями; кромѣ того онъ былъ настолько безсовѣстенъ, что ложь и клевета давались ему чрезвычайно легко.

Если папа Левъ думалъ своимъ властнымъ словомъ подавить окончательно весь споръ, то онъ нѣсколько переоцѣнилъ авторитетъ папства и заблуждался относительно корня всей борьбы. Умы были слишкомъ разгорячены, чтобы ихъ могло успокоить произнесенное съ высоты престола слово. Обѣ партіи желали не мира, а войны, ожесточеннѣйшей войны не на жизнь, а на смерть. Когда Гохстратенъ вернулся изъ Рима, его жизни угрожала опасность. Разъяренные рейхлинисты неоднократно совершали нападенія на него, и, только благодаря энергичнымъ увѣщеваніямъ Рейхлина, съ Гохстратеномъ ничего не приключилось, не считая того, что позже Гутенъ презрительно ударилъ его оборотной стороной шпаги. Обѣ партіи внесли въ споръ еще большее возбужденіе. Партія доминиканцевъ, на половину покинутая папской куріей и заклейменная общественнымъ мнѣніемъ, хотѣла изъ упрямства настоять на своемъ. Проповѣдникамъ въ Германіи, вышедшимъ большей частью изъ ордена доминиканцевъ, былъ данъ лозунгъ: метать съ каѳедръ громы и молніи противъ Рейхлина и рейхлинистовъ. Проповѣдникамъ типа Петра Майера, конечно, не приходилось повторять этихъ инструкцій; другіе же, не обладавшіе большимъ мужествомъ, все же дѣлали вылазки противъ того или другого изъ рейхлинистовъ, которые были въ каждомъ городѣ. Путемъ печати и картинъ доминиканцы стара-

лись облить грязью своихъ противниковъ, подлаживаясь подъ вкусы грубой толпы[1]). Конечно письма мракобѣсовъ, которыя выставили ихъ и ихъ стремленія къ позорному столбу, въ особенности вызывали у доминиканцевъ скрежетъ зубовный, и они охотно стерли бы ихъ съ лица земли. Они поэтому дѣлали величайшія усилія и не жалѣли денегъ, чтобы добиться отъ папы буллы, коей «письма» были бы воспрещены. Левъ X-й не проявилъ большого ума, согласившись издать эту буллу (15 марта 1517[2]) и особенно придавъ запрету такую острую форму: такъ какъ эти письма полны издѣвательствъ и ядовитыхъ насмѣшекъ надъ богословами кельнскаго и парижскаго университетовъ, то всякій, кто ихъ читаетъ, долженъ быть подвергнутъ самому строгому отлученію; всякій долженъ выдать ихъ доминиканцамъ или сжечь. Всѣмъ проповѣдникамъ было приказано объявить объ этомъ народу и прочесть буллу на языкѣ соотвѣтствующей страны. Конечно, проповѣдниковъ нельзя было упрекнуть въ недостаточномъ рвеніи; однако врядъ ли ихъ слова или булла имѣли какое либо вліяніе. Европейцы преисполнились въ то время новаго духа, который нельзя было изгнать буллами. Тѣмъ менѣе могли быть уничтожены письма мракобѣсовъ, такъ какъ сами же священники-монахи другихъ орденовъ зачитывались ими и, радуясь пораженію доминиканцевъ, неохотно разстались бы съ ними.

Гуманисты и рейхлинисты тоже ревностно старались расширить пропасть, раздѣлявшую ихъ отъ доминиканцевъ. Въ письмахъ они старались ободрять другъ друга; опубликованіемъ документовъ, какъ, напр., мнѣнія, высказаннаго епископомъ Бенигномъ противъ Гохстратена, и полемическими летучими листками они стремились еще болѣе возбудить и ожесточить общественное мнѣніе противъ доминиканцевъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Гутенъ со свойственной ему проницательностью познакомился съ порядками, царившими въ Римѣ, онъ всѣ свои усилія направилъ къ сверженію господства духовенства въ Германіи. Упрекая Рейхлина въ малодушіи, Гутенъ говоритъ, по обыкновенію, кратко и рѣзко: «большую часть твоей ноши мы беремъ на себя; я подготовляю пожаръ, который въ свое время охватитъ всю Германію; я вербую товарищей, которые по возрасту и положенію способны вынести борьбу; не мнѣ покинуть дѣло истины; какъ плохо ты знаешь Гутена! Даже если бы ты сегодня покинулъ свой постъ, я бы занялъ его и всѣми силами сталъ бы продолжать войну, а мои спутники не устали бы въ борьбѣ». Гутенъ сдержалъ свое слово. Съ

[1]) Срав. письмо Рейхлина къ кардиналу Анконитани отъ ноября 1518 г. у Фридлендера, Beiträge, № 82 и письмо Гутена къ Нюнару отъ апрѣля того же года въ сочиненіяхъ Гутена.

[2]) Сообщ. въ Lamentationes obscurorum virorum, стр. 3.

того времени, какъ Рейхлинъ, по старости и все возраставшей слабости, сталъ только способнымъ на жалобы, Гутенъ занялъ мѣсто въ первыхъ рядахъ борцовъ и сталъ метать громы и молніи.

Вторая часть писемъ мракобѣсовъ, которыя, вѣроятно, большей частью составлены Гутеномъ (лѣтомъ 1517 г.), вызвала еще большій смѣхъ со стороны рейхлинистовъ и скрежеть зубовный у доминиканцевъ. Нѣкій магистръ жалуется Ортуину Грацію: мнѣ пришлось выслушать дерзости изъ устъ францисканца, большого пріятеля Рейхлина, Томаса Мурнера, сказавшаго между прочимъ: «если кельнцы защищаютъ правое дѣло, почему же они вступили въ союзъ съ крещенымъ евреемъ?; если бы въ Германіи былъ еще болѣе отъявленный негодяй, то они и этого выбрали бы своимъ союзникомъ; каждый сближается съ подобнымъ себѣ »[1]); тогда я не стерпѣлъ и сказалъ: «Іоганъ Пфеферкорнъ честный человѣкъ и происходитъ изъ стариннаго дворянскаго рода Нафтали; онъ не хвастается этимъ изъ скромности»; на это Мурнеръ отвѣтилъ: «о честности Пфеферкорна я что-то не слыхалъ; слышалъ же я, что, если бы евреи не хотѣли его убить за разныя преступленія, онъ не сдѣлался бы христіаниномъ; одинъ еврей сказалъ: «то, что плохо для евреевъ, еще достаточно хорошо для христіанъ»; я защищалъ Пфеферкорна, а въ заключеніе Томасъ Мурнеръ сказалъ: «Пфеферкорнъ достоинъ имѣть такого защитника».

Непогрѣшимости папы и постоянству императора въ спорѣ Пфеферкорна-Рейхлина-Гохстратена посвящено одно изъ писемъ мракобѣсовъ, которое написано въ такомъ презрительно развязномъ тонѣ, что въ немъ чувствуется близкое паденіе папства. «Папа оправдалъ «Глазное зерцало», но онъ его все же можетъ снова осудить; папа не подчиненъ никакимъ законамъ; онъ самъ воплощеніе закона на землѣ; поэтому онъ можетъ все сдѣлать, не считаясь ни съ кѣмъ; если онъ однажды сказалъ «да», то онъ все же можетъ произнести «нѣтъ»[2]).

Въ одномъ письмѣ доминиканскій монахъ сообщаетъ Ортуину о людскихъ толкахъ между прочимъ: Пфеферкорнъ, который затѣялъ всю эту грязную исторію, не лучше своего однофамильца изъ Гале, растерзаннаго на куски раскаленными клещами (см. выше стр. 125); если его подвергнуть допросу, то и онъ сознался бы во многихъ преступленіяхъ; Пфеферкорнъ и кельнскіе богословы подговаривали другъ друга сжечь еврейскія книги, добиваясь лишь того, чтобы евреи пришли къ нимъ съ деньгами и сказали имъ: «раз-

[1]) Epistolae obscuror. virr. II № 3, quia Schlem Schlem, quaerit sibi similem.
[2]) Т. же. № 5.

рѣшите намъ оставить у себя наши книги, вотъ вамъ за это сорокъ золотыхъ гульденовъ»; нѣкоторые евреи охотно дали бы за это сто гульденовъ, иные даже тысячу; и вотъ пришелъ Рейхлинъ и разстроилъ этотъ планъ; потому-то они и возбуждены противъ него и называютъ его еретикомъ; кромѣ того они пишутъ много книгъ на латинскомъ языкѣ, прикрываясь именемъ Пфеферкорна, хотя послѣдній не знаетъ и алфавита; они дѣлаютъ это, ибо знаютъ, что никто не станетъ отвѣчать Пфеферкорну, не желая связываться съ этимъ негодяемъ. Далѣе достается Арнольду изъ Тонгерна, котораго уличили въ подлогѣ, Ортуину, пойманному при прелюбодѣяніи, Виганду Вирту (автору «Набата»), который отрицалъ непорочное зачатіе Маріи и потомъ былъ принужденъ отречься отъ этой ереси. Простодушный мракобѣсъ отвѣчаетъ на все это: «Вамъ не слѣдовало бы говорить объ этомъ народу, если это и правда, ибо такимъ образомъ компрометируется орденъ доминиканцевъ, и люди берутъ съ нихъ плохой примѣръ». Въ заключеніе монахъ жалуется: «Я хотѣлъ бы, о Ортуинъ! чтобы это дѣло ужъ кончилось, ибо оно почти что вредно для насъ; народъ не хочетъ давать намъ больше милостыни. Въ прошлую недѣлю я ходилъ, собирая сыръ, и въ десять дней я собралъ не болѣе 15 кусковъ, ибо всѣ говорили: «пойди къ Іогану Рейхлину и попроси у него сыра»[1]).

Чрезвычайно курьезно письмо, въ которомъ съ одной стороны доказывается, что въ отвѣтѣ Пфеферкорна на первую серію писемъ мракобѣсовъ содержатся ересь и поношенія императора и папы, съ другой же стороны оправдываются всѣ эти проступки. Обвиненіе сводилось къ слѣдующему: Пфеферкорнъ, назвавъ его святѣйшество рабынею Господа на землѣ, этимъ самымъ сказалъ, что папа женщина; это намекъ на то, что однажды на папскомъ престолѣ сидѣла женщина, и указаніе на то, что папа, и, слѣдовательно, церковь погрѣшимы; это же составляетъ ересь. Въ защиту же Пфеферкорна приводилось слѣдующее: послѣдній плохо знаетъ грамматику и не понимаетъ по-латыни; онъ думалъ, поэтому, что слово папа женскаго рода; онъ писалъ, подобно другимъ богословамъ, которые не заботятся о правильности своего языка, такъ какъ послѣднее не относится къ ихъ спеціальности[2]). Въ другомъ письмѣ сообщается: Пфеферкорнъ по дѣламъ вѣры разъѣзжаетъ по всей Германіи; это ему весьма непріятно, ибо онъ въ Кельнѣ оставилъ жену и дѣтей; правда, богословы въ его отсутствіе принимали въ судьбѣ его жены теплое участіе и утѣшали ее; иногда же ее посѣщаютъ и монахи, которые говорятъ ей: «мы жалѣемъ о томъ, что вы такъ одиноки»; а она отвѣчаетъ:

[1]) Т. же № 7. [2]) Epistolae obscuror. virr. II № 28. Sed Theologi non curant Grammaticam, quia non est de sua facultate.

«навѣщайте меня почаще, ибо я почти какъ вдова и нуждаюсь въ утѣшеніи»[1]).

Одинъ доминиканецъ пишетъ Ортуину: онъ еще не совсѣмъ убѣжденъ, останется ли Пфеферкорнъ въ христіанской вѣрѣ; недавно умеръ деканъ церкви св. Андрея, крещеный еврей (Викторъ изъ Карбена?), и передъ своей смертью сказалъ, что «и онъ желаетъ умереть хорошимъ евреемъ»; этотъ примѣръ показываетъ, что еврей не можетъ измѣнить своей природы; другой ренегатъ передъ своей смертью приказалъ поставить на огонь горшокъ, въ который положенъ былъ камень, и все спрашивалъ, размягчился ли камень; когда же ему отвѣтили, что камень не можетъ стать мягкимъ, онъ сказалъ: «такъ и еврей не можетъ стать добрымъ христіаниномъ; евреи крестятся только лишь либо изъ страха, либо изъ выгоды, либо, наконецъ, изъ своего презрѣнія единовѣрцевъ»[2]).

Письма мракобѣсовъ, какъ первая ихъ серія (вѣроятно сочиненная Кротомъ Рубіаномъ), такъ и вторая (составленная Ульрихомъ фонъ Гутенъ), произвели желаемое дѣйствіе. Какъ доминиканцы ни выбивались изъ силъ, распространяя ложь и клевету противъ своихъ противниковъ, обливая грязью Рейхлина и его приверженцевъ и сочиняя «грустныя жалобы мракобѣсовъ, не запрещенныя папой»[3]), въ коихъ они въ плохой прозѣ и еще болѣе плохихъ стихахъ метали громы и молніи противъ своихъ враговъ и призывали на нихъ всѣ проклятія міра, «отрубленныя руки, вырванные языки и сдавленныя глотки»—все было напрасно, ихъ авторитетъ исчезъ. Своимъ сочиненіемъ, «жалобами мракобѣсовъ», они лишь подтвердили ѣдкія насмѣшки противниковъ надъ ихъ плоскими шутками, безвкусіемъ и упрямствомъ. Въ одномъ письмѣ противъ писемъ мракобѣсовъ сказано: «я слышу, что евреи радуются ходу ихъ дѣла; они за столомъ и въ своихъ дьявольскихъ синагогахъ читаютъ извѣстную книгу, ежедневно издѣваются надъ христіанами и сохраняютъ свои кощунственныя книги; поэтому, если ничтожные враги креста изъ прирожденной и вкоренившейся злобы торжествуютъ, то мы должны скорбѣть, желая добиться блаженства; мы уже дожили до того, что евреи, чтобы устроить скандалъ церкви, переводятъ «письма мракобѣсовъ» на нѣмецкій языкъ[4]).

Но тайны уже нельзя было болѣе скрыть; всюду громко говорили о томъ, что въ церкви произошелъ непоправимый расколъ. Не противники доминиканцевъ, а самъ глава доминиканскаго ордена, *Эбергардъ фонъ Клеве*, и весь капитулъ въ офиціальномъ посланіи къ

[1]) Т. же № 37. [2]) Т. же № 47.
[3]) Lamentationes obscurr. virr. non prohibitae ab sede apostolica, 1518.
[4]) Т. же № 44.

папѣ признали, что споръ доставилъ имъ, проповѣдникамъ-монахамъ, всеобщую ненависть и презрѣніе, они стали посмѣшищемъ для всѣхъ, ихъ (конечно, незаслуженно!) выставляютъ врагами братской любви, мира и согласія, ихъ проповѣди встрѣчаются съ презрѣніемъ, всѣ избѣгаютъ ихъ исповѣди, все, что они предпринимаютъ, высмѣивается и истолковывается, какъ высокомѣріе и чванливость[1]). Ученики Доминго, которые обязаны были своимъ расцвѣтомъ усиливавшемуся фанатизму противъ албигойцевъ и тому, что они вначалѣ придерживались болѣе суровыхъ нравовъ, чѣмъ мірское и монашеское духовенство, почти сыграли свою роль, по крайней мѣрѣ, въ Германіи, ибо опустились значительно ниже остального духовенства.

Между тѣмъ споръ Рейхлина съ доминиканцами и особенно съ Гохстратеномъ перешелъ въ другую область и соприкоснулся съ еврействомъ въ другой плоскости. Кабала составляла мрачный фонъ всего этого движенія. Изъ увлеченія этимъ таинственнымъ ученіемъ, которое казалось ключомъ къ болѣе глубокому пониманію философіи и христіанства, Рейхлинъ хотѣлъ пощадить и Талмудъ, такъ какъ послѣдній содержалъ, по его мнѣнію, элементы мистицизма. Юная кабала сдѣлалась защитницей и покровительницей древняго Талмуда. Но Рейхлинъ имѣлъ весьма смутное представленіе объ этой псевдо-наукѣ даже въ то время, когда онъ написалъ свое сочиненіе о «чудодѣйственномъ словѣ» (выше стр. 66). Его любознательность и рвеніе непреодолимо влекли его къ болѣе близкому знакомству съ кабалой. Кромѣ того, въ виду постоянныхъ нападокъ противниковъ Рейхлина на его правовѣріе, честность и ученость, это проникновеніе въ кабалу было для него дѣломъ чести, ибо только въ этомъ случаѣ онъ могъ основательно доказать единомысліе кабалы и христіанства. Но онъ имѣлъ несчастіе попасть въ руки плохихъ учителей еврейскаго языка. Яковъ Лоансъ и Овадія Сфорно, преподававшіе ему еврейскую грамматику, не отличались особыми познаніями въ ней. Когда въ отвѣтъ на клеветническія нападки Пфеферкорна на еврейскія писанія, Рейхлинъ намѣревался восхвалить ихъ и искалъ поэтическое произведеніе, на примѣрѣ коего можно было бы доказать, что и еврейскій языкъ находится подъ покровительствомъ музъ, въ руки ему попалось заурядное стихотвореніе «серебряная чаша» Іосифа Эзови (т. VIII, стр. 74), которымъ онъ такъ увлекся, что перевелъ его даже на латинскій языкъ[2]). Какой восторгъ вызвала бы въ немъ ново-еврейская поэзія, если бы случайно онъ натолкнулся на сладкозвучные и глубокомысленные стихи поэтовъ Геби-

[1]) Посланіе къ папѣ отъ 10 мая 1518 г. у Фридлендера въ ук. м. стр. 113.

[2]) Напечатано впервые въ Тюбингенѣ въ 1567 г.

роля или Іегуды Галеви! То же случилось и съ кабалой. Послѣ долгихъ поисковъ, Рейхлину случайно попался самый мутный источникъ кабалы, безсмысленныя сочиненія кабалиста *Іосифа Гикатилы* изъ Кастиліи, которыя незадолго до того были переведены на латинскій языкъ выкрестомъ *Павломъ Риціо*. Этотъ Риціо, нѣмецкій еврей, сначала професоръ въ Павіи, позже лейбъ-медикъ императора Максимиліана, обладая нѣкоторыми, не очень крупными, еврейскими познаніями, использовалъ ихъ у христіанъ. Большимъ талантомъ онъ не былъ одаренъ и во всякомъ случаѣ не обнаруживаетъ его въ своихъ сочиненіяхъ. Въ разгарѣ спора о Талмудѣ, когда были высказываемы самые противоположныя воззрѣнія на него, императоръ Максимиліанъ, желавшій составить себѣ самостоятельное мнѣніе о цѣнности Талмуда, поручилъ Риціо перевести его на латинскій языкъ. Риціо всю жизнь занимался этимъ переводомъ, и все же не оставилъ законченнаго труда, который далъ бы постороннимъ лицамъ хотя бы смутное представленіе о Талмудѣ. Онъ дѣлалъ выдержки то изъ того или другого талмудическаго трактата, то изъ какой нибудь книги равина, безпрестанно увлекаясь своей любимой мыслью о вытекающемъ оттуда мессіанствѣ Іисуса.

Подъ вліяніемъ графа *Пико де Мирандола*, полагавшаго, что кабала возвѣщаетъ и утверждаетъ христіанство, Риціо занялся ею и перевелъ сочиненіе Іосифа Гикатилы (Врата свѣта) или, вѣрнѣе, сдѣлалъ со свойственной ему небрежностью «выдержки оттуда, посвятивъ ихъ императору Максимиліану. Вообще крещеные евреи буквально набросились въ то время на кабалу, чтобы отыскать тамъ прославленіе христіанства; не находя ихъ тамъ, они сочиняли ихъ. Подобно Паулусу де Гередія (см. т. IX стр. 182), крещеные испанскіе евреи (говорятъ даже, что цѣлый кружокъ изъ 12 лицъ, въ томъ числѣ и *Видаль де Сарагоса де Арагонъ* и нѣкій Давила) написали въ то время цѣлый сборникъ поддѣланныхъ статей въ стилѣ агады или Зогара, въ коихъ излагались христіанскія догмы въ еврейскомъ облаченіи. Между прочимъ, прекрасный стихъ изъ Іешаи: «Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ» былъ этими мистификаторами истолкованъ въ смыслѣ тріединства: «Святъ Отецъ, святъ Сынъ, святъ Святой духъ» [1]). Одинъ христіанинъ, знатокъ еврейской

[1]) Это сообщаетъ Авраамъ Фарисолъ въ его рукоп. מגן אברהם (codex Бресл. семинар. библіотеки № 59 листъ 106): ושמעתי כי יתברו מדעתם על ידי רשעי ישראל חבור מאמר מלשון בבלי או ירושלמי בדמות לשונות הזוהר אשר בו יזכרו המצאת מה אשר בדו מלבם על עניני משיחם . . . והיום בעיר מושבי פירדה מפי חשובים שמעתי וספרדים מבני ציון היקרים אשר הגידו והעידו איך בספרד מעט קט מרשעי בני ישראל בחורים כי"ב במספר וראש אחד להם. ואלה שמות ג׳ מהם :אלטינציאו דיכולצין (?) וידאל די סאראגוצא דאראגון והג׳ אילציקקו די מורשון (?) דוילא . . . (* וחברו קובץ אחד קטן ממדרשות של דופי בדו מלבם דרך לשון הזוהר ובראשית רבה והמדרשות אשר הודיעו בהם גשמות האלהים והתולדה

литературы и кабалы справедливо выразился, что изъ кабалы, какъ изъ троянскаго коня, проникли въ церковь многія странныя ученія[1]).

Какъ только Рейхлинъ узналъ объ этомъ безтолковомъ сочиненіи Іосифа Гикатилы, онъ досталъ его и сталъ готовиться къ тому, чтобы снова использовать кабалу для укрѣпленія христіанскихъ догмъ и для обоснованія своего утвержденія, будто кабала по духу своему соотвѣтствуетъ вполнѣ христіанству и католицизму. Его друзья и почитатели часто просили его утолить ихъ жажду водами, протекающими въ глубокихъ нѣдрахъ кабалы[2]). Съ помощью дѣтски наивныхъ построеній Гикатилы, Рейхлинъ думалъ рѣшить міровую загадку; забавно такое заблужденіе этого, помимо того столь разсудительнаго, человѣка. Рейхлинъ ни за что не согласился бы съ тѣмъ, что кабала совсѣмъ не древняго, а очень недавняго происхожденія, какъ это можно неопровержимо доказать. Онъ и многіе его современники изъ круга гуманистовъ были твердо убѣждены въ томъ, что кабала въ сущности содержитъ переведенную на халдейскій языкъ мудрость Пиѳагора или, наоборотъ, что Пиѳагоръ почерпнулъ свою мудрость изъ іудаизма.

Придя къ убѣжденію, что кабала содержитъ откровеніе и утвержденіе высшей сущности и таинствъ христіанства, Рейхлинъ написалъ сочиненіе *о кабалистической наукѣ*[3]) и посвятилъ его Папѣ Льву X, чтобы еще болѣе подкрѣпить свое утвержденіе, что еврейскія писанія слѣдуетъ не сжигать, а изучать. Это сочиненіе написано въ общепринятой и популярной тогда формѣ бесѣды между грекомъ *Филолаемъ*, магометаниномъ *Мараномъ* и евреемъ *Симономъ*, котораго оба другихъ мудреца посѣтили во Франкфуртѣ, прося его посвятить ихъ въ тайны кабалы. Оба засыпали еврея, т. е. іудаизмъ, восторженными похвалами. По ихъ словамъ, съ тѣхъ поръ, какъ многія сотни тысячъ евреевъ были изгнаны изъ Испаніи и осколки ихъ были разсѣяны по всей землѣ, попавъ въ самыя отдаленныя страны, всѣ евреи превозносятъ Симона, его огромныя познанія, изумительную проницательность ума, философскую ясность и особенно посвященность въ тайны кабалистической мудрости, и потому всѣ глаза отъ страны Сарматовъ до Ледовитаго океана устремлены на него. Симонъ не можетъ устоять предъ

וההתבארות והתחייה ודרושים אחרים רבים מעניני משיחם עם הוראת פסוקים מורים הענין. וכתבו בשם חכמי המדרשות ואמרו שמשם יצאו ומשם העתיקום . . כהנה שמעתי והוגד לי היות הדבר הלז במדרש לא ידעתי מקומו על ביאור קדוש קדוש קדוש ג׳ פעמים אמר כן במדרש: הרי מאן דאמרין ק׳ק׳ק׳ ג״פ הוי אומר קדישא דאבא קדישא דברא קדישא דרוחא קדישא.

[1]) Видманштадтъ у Перлеса, Beiträge 186.

[2]) Сб. писемъ II, № 29.

[3]) Де arte cabbalistica, напеч. въ мартѣ 1517 г.

любезной настойчивостью обоихъ философовъ, Филолая и Марана, излагаетъ имъ основное ученіе кабалы, о томъ, что св. Писаніе и Талмудъ должны быть истолкованы не буквально, а аллегорически и символически. И вотъ еврейскій кабалистъ во Франкфуртѣ или, вѣрнѣе, Рейхлинъ приводитъ цѣлую кучу классическихъ, схоластическихъ, талмудическихъ и кабалистическихъ сентенцій, толкованій языческой миѳологіи, библейскихъ стиховъ и агадическихъ изреченій и приходитъ къ выводу, что кабалистическія упражненія полубезумнаго Авраама Абулафіи и его ученика, Іосифа Гикатилы, съ ихъ перестановкой буквъ и комбинированіемъ чиселъ[1]), имѣютъ полное оправданіе и являются ключомъ къ высшей мудрости. Каковъ былъ результатъ всего этого? Во всякомъ случаѣ намъ теперь кажется смѣшной затрата такой огромной эрудиціи по такому незначительному поводу. Но Рейхлинъ вполнѣ серьезно думалъ, что случайныя указанія Талмуда относительно именъ Бога, состоящихъ изъ 12 и 42 буквъ, мистически подтверждаютъ тріединство Отца, Сына и Святого Духа. Рейхлинъ примѣнилъ кабалистическія упражненія въ духѣ школы Абулафіи къ христіанскимъ символамъ, дереву, кресту и изображенію[2]), найдя, что каждое изъ этихъ словъ на еврейскомъ языкѣ означаютъ 160. Отсюда чудотворная сила креста и крестнаго знаменія, которымъ и побѣдилъ первый христіанскій императоръ, Константинъ. Франкфуртскій кабалистъ, Симонъ, по мѣрѣ приближенія разговора къ концу, говоритъ все больше въ духѣ христіанства, какъ будто кабала примиряетъ іудаизмъ и христіанство, чтобы прекратился продолжительный споръ между ними.

Рейхлинъ, повидимому, разсчитывалъ на одобреніе папы, которому онъ посвятилъ свое сочиненіе, и ожидалъ отъ него похвалы за то, что онъ далъ новую опору поколебавшейся вѣрѣ. Онъ надѣялся также, что Левъ X произнесетъ окончательный приговоръ въ его процесѣ противъ доминиканцевъ, которые, хотя дѣло было пріостановлено, все же продолжали свои происки, и тѣмъ возстановитъ миръ и спокойствіе. При этомъ онъ не преминулъ обратить вниманіе на дерзость, съ какой его противники осмѣливались предписывать законы папскому престолу. Христіански окрашенная кабала должна была защитить его интересы при папскомъ дворѣ. И, дѣйствительно, онъ не былъ одинокъ въ своемъ слѣпомъ увлеченіи кабалой. Не только кардиналы, но и самъ папа многаго ожидали отъ использованія кабалы въ интересахъ христіанства. Поэтому они побудили францисканца *Петра Галатина* въ Римѣ, который имѣлъ нѣкоторыя познанія въ этой наукѣ, написать сочиненіе о ней въ пользу Рейхлина, не зная, что послѣдній самъ работаетъ въ этой области.

[1]) Gematria т. е. Grammatia, Notaricon, Temura.

[2]) De arte cabbalistica, предпослѣдняя стр.; צלם или עץ=160.

Галатинъ, который, какъ францисканецъ, былъ противникомъ доминиканцевъ, состряпалъ обширное сочиненіе «о таинствахъ католической истины»[1]). Это бесѣда между Рейхлинымъ, Гохстратеномъ и авторомъ сочиненія о таинствахъ христіанства, подтверждающихся доказательствами изъ Талмуда и кабалы и очевидныхъ для всѣхъ, конечно, кромѣ ослѣпленныхъ евреевъ. Повидимому, еврейскій филологъ, проживавшій тогда въ Римѣ, Илія Левита, другъ сдѣлавшагося кардиналомъ Эгидіо изъ Витербо, помогъ Галатину, принадлежавшему къ христіанскимъ кабалистическимъ кругамъ, при составленіи его сочиненія. Ибо францисканецъ Галатинъ использовалъ въ своемъ сочиненіи мѣста изъ мистической книги, Зогаръ, которой никакой христіанинъ не могъ понять безъ помощи еврея. Это сочиненіе представляетъ собою тошнотворную смѣсь изъ еврейскихъ и христіанскихъ писаній, перемѣшанныхъ въ одну кучу безъ связи и руководящей мысли, и въ особенности изъ сочиненія де-Гередія и лживыхъ сплетеній крещеныхъ испанскихъ евреевъ. Оно должно было доказать, какъ полезно и важно для христіанскаго міра знакомство христіанскихъ богослововъ съ еврейскими писаніями, изъ коихъ можно почерпнуть столько таинствъ для католической истины. Оно должно было не только основательно опровергнуть невѣріе теперешнихъ евреевъ (древніе евреи, оказывается, были въ глубинѣ сердца христіанами), такъ что послѣдніе не смогутъ и рта раскрыть въ отвѣтъ, но и подтвердить католическую истину. Какъ ничтожна и жалка ни была эта христіанствующая кабала, все же она стала модной, благодаря покровительству Рейхлина. Увлекающіеся гуманисты были вовлечены въ этотъ водоворотъ. И даже чопорный тайный совѣтникъ и патрицій, Пиркгеймеръ въ Нюрнбергѣ, знатокъ и поклонникъ классической литературы, тоже восторгался кабалой и разжевывалъ ея неудобоваримыя формулы. «Не было ли бы похвальнѣй для доминиканцевъ и лже-богослововъ», говорилъ онъ, «если бы они, вмѣсто того, чтобы заострять, подобно мечамъ, свои болтливые языки и своимъ неповоротливымъ умомъ и дерзкимъ языкомъ дѣлать столько глупостей, изслѣдовали ученія, которыя сокрыты еще въ кабалѣ и Талмудѣ, какъ это сдѣлали Рейхлинъ и Павелъ Риціо. Они могли бы говорить тогда о *32-хъ путяхъ* мудрости и таинствахъ именъ Бога, словъ закона и синагоги, великихъ 10 заповѣдей и перестановки буквъ, о томъ, что думали кабалисты о рожденіи Пресвятой Дѣвы, о воплощеніи Христа, о его смерти, воскресеніи и претвореніи его тѣла въ хлѣбъ и вино»[2]). Только Гохстратена не коснулся этотъ кабалистическій водоворотъ. Было ли это его

[1]) De arcanis catholicae veritalis libri VII.

[2]) Письмо Пиркгеймера къ Лоренцу Бегейму отъ 23 августа 1517 г.

убѣжденіемъ или результатомъ его ожесточенной вражды противъ Рейхлина (ибо ненависть дѣлаетъ проницательнымъ)—какъ бы тамъ ни было, но онъ утверждалъ въ своемъ сочиненіи, что кабала является врагомъ христіанства и поучаетъ невѣрію[1]).

Когда интересъ къ рейхлиновскому спору сталъ ослабѣвать, въ Германіи возникло новое движеніе, которое, продолжая начатое Рейхлинымъ дѣло, потрясло самыя основы папства и католической церкви и подготовило обновленіе Европы. Эта, чреватая важными послѣдствіями, реформація, исходившая отъ Лютера, своимъ успѣхомъ обязана рейхлиновскому спору, безъ коего она не могла бы ни возникнуть, ни развиться. Но реформаціонное движеніе, которое въ теченіе короткаго времени пріобрѣло всемірно историческое значеніе, было въ началѣ весьма слабо и нуждалось въ могучей силѣ сопротивленія, чтобы не быть остановленнымъ. *Мартинъ Лютеръ* (род. въ 1483 г., ум. въ 1546 г.) былъ мощной, жесткой, упрямой и страстной натурой и крѣпко держался своихъ убѣжденій и заблужденій. Лютеръ былъ насквозь проникнутъ суровой религіозностью, безпримѣрной въ то время преданностью Богу и требованіямъ вѣры, которая для него была не поверхностнымъ переживаніемъ, а необычайно серьезной, единственной задачей жизни, сравнительно съ коей все ему казалось неважнымъ и незначительнымъ. Лютеръ былъ безспорно самымъ благочестивымъ и вѣрующимъ христіаниномъ того времени, незапятнаной нравственности и истиннаго смиренія. Его пламенная религіозность имѣла несомнѣнное сходство съ рвеніемъ апостола Павла; поэтому апостольскія посланія Павла и производили на Лютера наиболѣе сильное впечатлѣніе. Ученіе Павла о праведности вѣрою, противопоставленное имъ современному ему іудаизму и гласившее, что человѣкъ можетъ достигнуть блаженства не религіозными дѣяніями, не нравственностью и добродѣтелью, но исключительно беззавѣтной вѣрой въ мессіанское избавленіе Іисуса—это ученіе Лютеръ воспринялъ въ себя и долго носилъ въ своей груди. Поэтому всѣ его внутреннія переживанія находились уже тогда, когда онъ объ этомъ и не догадывался, въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи ко всѣмъ церковнымъ установленіямъ о достиженіи блаженства съ помощью таинствъ, отпущенія грѣховъ, совершенія мессъ и папской милости. Эйслебенскій монахъ примѣнилъ къ церковнымъ установленіямъ всѣ односороннія нападки апостола изъ Тарса противъ еврейскаго законоученія. Въ Римѣ онъ лично наблюдалъ гнилыя основы церкви и невѣріе духовенства; но, какъ онъ ни скорбѣлъ по поводу этого, однако эти наблюденія ни на минуту не потрясли его слѣпой, монашеской вѣры въ божественность католической церкви и непогрѣшимость папы. Какъ апо-

[1]) Destructio Cabbalae seu Cabbalistae perfidiae a Reuchlino in lucem editae 1519.

столъ Павелъ вначалѣ былъ строгимъ приверженцемъ закона и съ пламенной страстностью преслѣдовалъ первую христіанскую общину, такъ и Лютеръ вначалѣ былъ падкимъ на преслѣдованія еретиковъ приверженцемъ папства. «Я былъ нѣкогда монахомъ и бѣшеннымъ приверженцемъ папы; я былъ настолько опьяненъ догмами церкви, что готовъ былъ, если бы это только было возможно, убить всѣхъ тѣхъ, которые хотя бы единымъ звукомъ проявили непослушаніе папѣ». И этого упрямаго монаха Провидѣніе избрало для того, чтобы завершить освобожденіе отъ папства и всего средневѣкового хлама. Однако прошло не мало времени, покуда открылись глаза у этого упрямаго и своевольнаго монаха.

Первымъ поводомъ послужила торговля разрѣшительными грамотами. Въ Майнцѣ были избраны въ теченіе короткаго времени три архіепископа, изъ коихъ каждый при вступленіи въ должность обязанъ былъ уплатить папѣ 20.000 золотыхъ гульденовъ за право ношенія епископскаго облаченія. Третій изъ нихъ, курфюрстъ Альбрехтъ, не былъ въ состояніи достать деньги въ своемъ округѣ, ибо жители были совершенно истощены жадностью церкви, а богатыхъ евреевъ не было, такъ какъ ихъ еще раньше изгнали. Такимъ образомъ ему пришлось уплатить эти деньги изъ собственныхъ средствъ или, вѣрнѣе, сдѣлать заемъ у Фугеровъ въ Аугсбургѣ. Чтобы избавить его отъ убытковъ, папа обѣщалъ предоставить ему участіе въ суммахъ, вырученныхъ отъ продажи разрѣшительныхъ грамотъ, которыя были обманнымъ образомъ изданы якобы съ цѣлью окончанія постройки церкви Св. Петра. Главное вниманіе князей церкви было всегда направлено на изысканіе денегъ. Архіепископъ Альбрехтъ разрѣшилъ продажу разрѣшительныхъ грамотъ въ своемъ округѣ, между тѣмъ какъ курфюрстъ саксонскій запретилъ торговлю ими въ своей области. Почему? Чтобы деньги не ушли изъ страны. Францисканцы не хотѣли заниматься торговлей индульгенціями, и поэтому послѣдняя осталась за доминиканскимъ орденомъ, который не брезгалъ ничѣмъ.

Доминиканскій монахъ, *Іоганъ Тецель*, наглѣйшій изъ наглецовъ, котораго въ свое время императоръ Максимиліанъ за какія-то преступленія приказалъ утопить въ Инѣ и который принялъ на себя продажу разрѣшительныхъ грамотъ во всемъ курфюрствѣ Майнца, особенно усердствовалъ, предлагая индульгенціи чуть ли не на площадяхъ. Отъ имени папы, который выше всѣхъ святыхъ, апостоловъ, ангеловъ и даже Маріи, онъ предлагалъ купить отпущеніе грѣховъ, заявляя: Іисусъ отказался отъ своей власти до наступленія Страшнаго суда, передавъ ее своему намѣстнику, и потому папа всемогущъ на небѣ и землѣ; всякій, кто

за деньги купитъ разрѣшительную грамоту, можетъ освободиться отъ своихъ грѣховъ и даже искупить души, горящія въ аду, причемъ для этого не требуется даже раскаянія и смиренія; какъ только раздается звонъ опущенныхъ въ ящикъ денегъ, искупленная душа возносится на небо; даже осквернившій Богоматерь можетъ искупиться, если пріобрѣтетъ разрѣшительную грамоту; вступившій въ бракъ съ кровнымъ родственникомъ можетъ такимъ образомъ освободиться отъ грѣха; можно даже купить отпущеніе будущаго, еще не совершеннаго, грѣха, если дать деньги на постройку храма. Словомъ, это былъ призывъ къ сквернѣйшимъ страстишкамъ людей, которые получили возможность, сдѣлавъ пожертвованіе, совершать грѣхи и преступленія. Проповѣдникамъ было предписано восхвалять съ каѳедры превосходныя свойства разрѣшительныхъ грамотъ. Продавецъ индульгенцій, при входѣ въ городъ съ папской булой на подушкѣ изъ бархата или золотой парчи, былъ встрѣченъ священниками, монахами, городскимъ совѣтомъ, школьниками и всѣмъ населеніемъ съ пѣснями, знаменами, при звонѣ колоколовъ.

Многихъ оскорбляло это наглое, якобы освященное самой религіей, нарушеніе традиціоннаго порядка, это подстрекательство къ совершенію грѣховныхъ дѣяній и преступленій; но никого это не оскорбило такъ глубоко, какъ Мартина Лютера. Правда, его возмущеніе было не нравственнаго порядка, а вытекало изъ его пониманія христіанства; онъ полагалъ, что никакой человѣкъ не безгрѣшенъ передъ Богомъ, даже святой, а тѣмъ болѣе папа, и потому послѣдній не въ состояніи избыткомъ своихъ заслугъ облегчить бремя грѣховъ другимъ людямъ. Когда же его прихожане устремились въ сосѣдніе города къ Тецелю, который изъ-за конкуренціи не могъ пріѣхать въ Витенбергъ, и, купивъ отпущеніе, предались распутной жизни, Лютеръ имѣлъ мужество выступить противъ этой постыдной торговли, сталъ произносить проповѣди въ этомъ духѣ и прибилъ къ вратамъ церкви свои 95 тезисовъ противъ продажи разрѣшительныхъ грамотъ, стараясь доказать всю несообразность и антирелигіозность этой торговли (31 октября 1517 г.). Не прошло и двухъ недѣль, какъ его протестъ противъ Тецеля сталъ извѣстенъ во всей Германіи. Ибо возбужденіе, вызванное споромъ Рейхлина съ Гохстратеномъ о Талмудѣ, уже создало общественное мнѣніе и вызвало такую ненависть къ доминиканцамъ, что не только образованная публика, но и широкіе народные слои были возбуждены противъ суевѣрія и обманщиковъ-поповъ. Рейхлинъ, защищая Талмудъ, сдѣлался, помимо своей воли, Иліей-предтечей для Лютера; безъ Рейхлина протестъ Лютера противъ возмутительной наглости Тецеля былъ бы задушенъ и

затерялся бы. Лютеръ самъ сознавалъ, что Рейхлинъ, защищая Талмудъ и борясь противъ доминиканцевъ, былъ, не вѣдая этого, орудіемъ Божественнаго Провидѣнія[1]). Однако выступленіе Лютера въ началѣ имѣло лишь слабый успѣхъ. Въ то время нѣмцевъ не такъ скоро можно было побудить къ мужественному выступленію въ защиту своихъ убѣжденій, и, если бы доминиканцы не примѣнили къ Лютеру той же системы преслѣдованій, какъ и къ Рейхлину, реформація была бы въ корнѣ уничтожена, именно путемъ замалчиванія. Не только пострадавшій монахъ Тецель и еще другой забіяка, докторъ *Іоганнъ Экъ* въ Инголштадтѣ, который одно время поддакивалъ гуманистамъ, но и кардиналъ *Пріеріасъ*, противникъ Рейхлина, далѣе неутомимый Гохстратенъ, наконецъ, *Фугеры*, которые дали священникамъ взаймы свои капиталы, разсчитывая на выручку отъ продажи индульгенцій, возбуждали папу противъ Лютера. Левъ X, который сначала относился къ новой дрязгѣ монаховъ съ тѣмъ же аристократическимъ равнодушіемъ, какъ и прежде къ Рейхлино-Гохстратенскому процесу, былъ вынужденъ особой булой одобрить ученіе объ отпущеніи грѣховъ во всей его деморализирующей и безнравственной рѣзкости въ духѣ доминиканцевъ. Но это лишь способствовало успѣху реформаціи. Непреклонный Лютеръ, благодаря противорѣчію папы, постепенно пришелъ къ убѣжденію, что папа и папство вовсе не безгрѣшны и что основой вѣры является не папская воля, а Св. писаніе. Прошло еще много времени, пока въ его головѣ созрѣло представленіе, что папа антихристъ, а римская церковь съ ея установленіями и безнравственностью враждебна христіанству. Лютеръ былъ одно время уже близокъ къ тому, чтобы отречься отъ своего дѣла и увѣщевать вѣрующихъ покорно слѣдовать священной римской церкви (январь 1519 г.). Но событія были сильнѣе воли ихъ виновника. Рѣзкость мракобѣсовъ, съ одной стороны, и подвижность гуманистовъ, особенно пламеннаго Гутена, съ другой, одинаково стремились къ рѣшительному разрыву.

Смерть престарѣлаго императора, Максимиліана, который не былъ въ состояніи разобраться въ богословскихъ спорахъ, имъ же вызванныхъ, и избраніе новаго императора, длившееся цѣлыхъ полгода, внесли въ споръ политическіе моменты, и въ результатѣ получился такой хаосъ, въ коемъ трудно было отличить друзей и враговъ свободнаго религіознаго направленія или дикаго мракобѣсія. Гутенъ и гуманисты были за избраніе Карла V, въ странѣ коего, Испаніи, господствовали доминиканцы и не погашались костры, папскій же дворъ былъ противъ него. Рейхлинъ и Лютеръ, Талмудъ и реформація—все перемѣшалось. Дѣло дошло

[1]) Письмо Лютера къ Рейхлину отъ дек. 1518, Сб. писемъ II, № 73.

до того, что курфюрсты, съѣхавшись для избранія императора, высказались рѣшительно въ пользу Рейхлина и противъ кровожадныхъ кельнцевъ. Гутенъ, который никогда не прекращалъ разъ начатаго дѣла и безпощадно сорвалъ пурпурный пластырь съ злокачественнаго нарыва римскаго двора, обнаруживъ всю его отвратительность, такъ расположилъ въ пользу Рейхлина и Лютера бывшаго тогда въ опалѣ рыцаря, *Франца фонъ Зикингенъ*, что послѣдній пригласилъ ихъ обоихъ къ себѣ въ укрѣпленный замокъ, обѣщая охранять ихъ отъ враговъ. Зикингенъ совершилъ то, чего не могли добиться ни папа, ни императоръ. Онъ, въ союзѣ съ Далбергами и другими рыцарями угрожалъ войной начальнику и конвенту доминиканскаго ордена (26 іюля 1519 г.), если Гохстратенъ не уплатитъ, согласно постановленію шпейерскаго суда, 111 золотыхъ гульденовъ и не поручится за то, что откажется отъ всякихъ дальнѣйшихъ преслѣдованій. Умные члены конвента знали, что съ этимъ рыцаремъ шутки плохи и что къ его словамъ нельзя относиться такъ, какъ къ слову императора или папы. Они, правда, прибѣгли сначала къ всевозможнымъ ухищреніямъ и изворотамъ, апелируя къ мягкосердечію Рейхлина; но послѣдній на этотъ разъ былъ непреклоненъ и отослалъ ихъ къ Зикингену, который настаивалъ на своемъ требованіи. Такимъ образомъ доминиканцы были вынуждены уступить. Упрямый Гохстратенъ былъ лишенъ власти пріора и инквизитора, а начальникъ ордена, *Эбергардъ фонъ Клеве*, со всѣмъ конвентомъ ордена долженъ былъ, отрекшись отъ Гохстратена, умолять папу (19 мая 1520 г.), прекратить навсегда и похоронить на всѣ времена процесъ Рейхлина, такъ какъ ученость послѣдняго, его чистый характеръ и искренняя вѣра не подлежатъ никакому сомнѣнію[1]). Вмѣсто того, чтобы проклясть Талмудъ, папа Левъ убѣдилъ нѣкоторыхъ предпринимателей напечатать его. Такимъ образомъ, благодаря непонятному для всѣхъ современниковъ новому движенію, случилось нѣчто неожиданное: Рейхлинъ оправданъ, Талмудъ оправданъ и даже находится подъ покровительствомъ папы. Дѣйствительно, христіанинъ *Даніилъ Бомбергъ*, богатый и благородный типографъ изъ Антверпена, въ томъ же году выпустилъ полное изданіе *Вавилонскаго Талмуда*, въ двѣнадцати томахъ in folio съ коментаріями, которое послужило образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ изданій; до того *Герсонъ Сонцинъ* издалъ лишь отдѣльные трактаты[2]). Левъ снабдилъ это изданіе Талмуда всяческими охранными привилегіями. Нѣсколькими годами

[1]) Это интересное посланіе къ папѣ т. же № 29.

[2]) Волфъ Bibliotheca II, стр. 890, 895. Де Роси, Annales Typographici 1501—1540. Эршъ и Груберъ, Энциклопедія отд. II, т. 28, ст. Еврейская типографія, стр. 35.

раньше Бомбергъ издалъ *Іерусалимскій Талмудъ* (1523—1524[1]), на который не нападали, такъ какъ его не знали. Онъ пользовался при этомъ услугами ученыхъ евреевъ и, какъ говорятъ, затратилъ на еврейскую печатню болѣе 400.000 дукатовъ. Доминиканцы потерпѣли полное пораженіе по всей линіи. Гохстратенъ принужденъ былъ уплатить Рейхлину присужденный съ него штрафъ въ 111 золотыхъ гульденовъ, которые пришлись весьма кстати разорившемуся имперскому совѣтнику, ибо послѣдній продалъ свое поле, плодами коего питался онъ съ семьей, да къ тому же еще надѣлалъ долговъ. Онъ палъ жертвой своей искренности и взгляда, будто Талмудъ содержитъ миститическіе элементы, свидѣтельствующіе объ истинности христіанства. Однако старость Рейхлина была омрачена, и онъ ужъ до конца своихъ дней не зналъ радостей. Несмотря на уваженіе, которое питали къ нему его друзья и князья, онъ все же принужденъ былъ покинуть свой родной городъ и житъ на чужбинѣ. Ярость приверженцевъ папы противъ становившагося все сильнѣе Лютера не пощадила и Рейхлина, хотя послѣдній нисколько не симпатизировалъ Лютеру и даже лишилъ наслѣдства своего двоюроднаго внука и любимца, *Меланхтона*, за его участіе въ реформаціонномъ движеніи.

Августинскій монахъ изъ Витенберга, раздраженный противорѣчіемъ, объявилъ войну церкви въ своемъ сочиненіи: «Обращеніе къ благороднымъ христіанамъ германской націи объ улучшеніи христіанскаго сословія» (іюнь 1520 г.). Онъ привелъ въ этомъ сочиненіи всѣ тѣ нападки на церковь, которыя содержались въ памфлетахъ молодой Германіи и особенно Гутена, но придалъ всѣмъ обвиненіямъ религіозную основу, доказывая, что эти отрицательныя стороны церкви находятся въ вопіющемъ противорѣчіи со словомъ Св. Писанія. Папу онъ пока еще признавалъ, но деградировалъ его, превративъ въ верховнаго епископа. Такъ какъ Лютеръ въ своемъ смѣломъ, реформаторскомъ посланіи верховную власть надъ церковью и духовенствомъ предоставилъ князьямъ, то его слова нашли откликъ среди послѣднихъ и въ народѣ. Между тѣмъ римскіе мракобѣсы, доминиканцы, фанатическій кардиналъ, Сильвестръ Пріеріасъ, а также Фугеры, золотые короли того времени, которые, вслѣдствіе неудачной торговли разрѣшительными грамотами, понесли значительныя денежныя потери—всѣ они вліяли на папу Льва, который былъ въ сущности врагомъ всякаго насилія, и убѣдили его издать противъ Лютера и его приверженцевъ булу (15 іюня), которая была за одно распространена и на гуманиста Вилибалда Пиркгеймера. Одновременно съ этимъ «Глазное зерцало» Рейхлина было осуждено, хотя это противорѣчило прежнему римскому постановленію. Безсовѣстные мракобѣсы, жившіе на счетъ

[1]) Франкель. Введеніе къ Іерусалимскому Талмуду, стр. 139.

закрѣпощавшей и притуплявшей умы церкви, окружали папу и сурово порицали его снисходительность, говоря: если бы онъ въ свое время проявилъ сгрогость по отношенію къ Рейхлину, то Лютеръ не осмѣлился бы на столь дерзкое выступленіе противъ католической церкви. Они заходили такъ далеко, что упрекали папу за то, что онъ не приказалъ просто сжечь Рейхлина, какъ еретика. Но була, проклинавшая сочиненія Лютера и Рейхлина, была холостымъ зарядомъ; она уже никого не воспламеняла, ибо вѣра въ нее уже давно угасла; только въ немногихъ нѣмецкихъ городахъ она въ небольшомъ количествѣ была расклеена; въ большинствѣ городовъ она не была допущена; во многихъ городахъ она была сорвана, а ея провозвѣстникъ, пьяница, докторъ *Экъ изъ Инголштадта*, который, подобно легату *Каетану*, пользовался особенной ненавистью народа, едва избѣгъ смерти. Послѣдствіемъ этой буллы было лишь то, что Лютеръ публично сжегъ ее (10 декабря 1520 г.) и окончательно отрекся отъ папы. Въ этотъ день произошелъ формальный и окончательный разрывъ между католицизмомъ и новой церковью, только еще зарождавшейся и еще не получившей опредѣленнаго имени. Авторитетъ папы настолько ослабъ, что князья, собравшіеся на имперскій сеймъ въ Вормсѣ, пригласили уже проклятаго папой и осужденнаго на сожженіе еретика, витенбергскаго реформатора, къ себѣ, чтобы выслушать его доводы. Во всѣхъ городахъ, которые онъ посѣтилъ на своемъ пути, онъ праздновалъ тріумфы. Не было недостатка ни въ демонстраціяхъ, ни въ адресахъ. Но, къ счастью, молодой императоръ, Карлъ V, который покровительствовалъ доминиканцамъ Испаніи, зажигавшимъ по всей этой странѣ костры, и охотно искоренилъ бы огнемъ и мечомъ всѣ эти новаторства, принужденъ былъ опереться на реформаціонное движеніе, которое онъ могъ политически использовать противъ папы; въ противномъ случаѣ Лютеръ врядъ ли нашелъ бы защитниковъ, кромѣ Гутена и еще нѣсколькихъ рыцарей. Конечно, для реформаціи было весьма благопріятно, что она могла завоевать сердца нѣмцевъ, пользуясь однимъ лишь *словомъ*. Но, если слово тогда могло дѣйствовать какъ оружіе или стѣнобитная машина, то реформація этимъ обязана войнѣ Пфеферкорна и доминиканцевъ противъ Талмуда.

Этотъ злодѣй (Пфеферкорнъ) совершенно исчезъ въ міровомъ пожарѣ, который онъ зажегъ своей лучинкой. Но это не нравилось ему, и онъ новой наглостью захотѣлъ напомнить міру о себѣ. Онъ все еще находился подъ покровительствомъ кельнскихъ доминиканцевъ (пріоръ коихъ Гохстратенъ былъ снова возстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ) и все еще занималъ должность смотрителя госпиталя; у него къ тому времени уже подросъ сынъ, посвятившій себя духовному званію. По на-

ущенію своихъ покровителей или по собственному стремленію снять съ дѣтей наложенное на него и, слѣдовательно, на нихъ позорное клеймо, Пфеферкорнъ, послѣ пятилѣтняго перерыва, выпустилъ въ свѣтъ[1]) новый памфлетъ противъ Рейхлина подъ заглавіемъ: «Слезная жалоба на всѣ жалобы» и посвятилъ его молодому императору, Карлу. Хотя отъ Пфеферкорна можно было ожидать всякой гнусности, все же неслыханное безстыдство памфлета, его содержанія и картинъ, превосходитъ всѣ ожиданія. На приложенной къ памфлету картинѣ изображенъ Рейхлинъ четвертованнымъ и повѣшеннымъ; надпись состоитъ въ отвратительныхъ стихахъ: «Ты висишь рукою и ногою»; «И вотъ заяцъ лежитъ въ грязи (таковъ рефренъ). Далѣе же говорится, что Рейхлинъ заслужилъ за свои богохульства быть четвертованнымъ и повѣшеннымъ на всѣхъ имперскихъ улицахъ[2]). Это, пожалуй, и случилось бы съ Рейхлинымъ, гуманистами и покровительствуемыми ими евреями, если бы доминиканская банда побѣдила. Памфлетъ Пфеферкорна трактуетъ почтеннаго старца, стоящаго у преддверья могилы, какъ отъявленнаго негодяя, какъ мальчишку. Онъ называетъ его «монетчикомъ злобы», «учителемъ лжи», «поносителемъ св. церкви», «поддѣлывателемъ св. Писанія», «обманщикомъ и соблазнителемъ христіанскаго народа», «покровителемъ вѣроломныхъ евреевъ», а также «докторомъ «Деревянная ложка» и «Грязная ложка». Въ Содомѣ и Гоморрѣ, по его словамъ, не было такого злоумышленника, какъ Рейхлинъ. Такимъ образомъ хотѣли возбудить молодого императора противъ Рейхлина и евреевъ. Памфлетъ далѣе указываетъ, какія заблужденія и ересь восторжествовали, благодаря Рейхлину, и что вѣроломные евреи и другіе невѣрующіе только укрѣпились въ своемъ невѣріи. Достаточно привести нѣсколько мѣстъ, чтобы охарактеризовать наглость этого памфлета. «Ты думаешь, что теперь всѣ заняты исключительно Мартиномъ Лютеромъ и потому забудутъ про тебя; Рейхлинъ, я говорю тебѣ и повѣрь мнѣ, что это такъ: тебя не забудутъ». Весь памфлетъ полонъ самыхъ низкихъ поношеній и лжи. Онъ снова повторяетъ всѣ прежнія обвиненія, снова указываетъ на противорѣчивыя мнѣнія Рейхлина о евреяхъ, снова упрекаетъ его въ томъ, что онъ не понимаетъ по-еврейски, что ему помогаетъ ученый еврей[3]), что онъ получилъ отъ евреевъ за защиту ихъ 1000 дукатовъ[4]). И только въ одномъ мѣстѣ памфлетъ обмолвился правдой. «Если бы папа восемь лѣтъ тому назадъ проклялъ твое «Глазное зерцало», то Мартинъ Лютеръ не осмѣлился бы да и не помышлялъ бы выступать публично теперь къ несчастью для христіанской вѣры. Ты искра, вызвавшая пожаръ, и зачинщикъ

[1]) Напечат. 21 марта 1521.
[2]) Mitleidig Klag. л. F.
[3]) Т. же л. F. 4.
[4]) Т. же л. F. 2 b.

всѣхъ этихъ попытокъ повести св. церковь по пути заблужденія и суевѣрія[1]). Пфеферкорнъ хотѣлъ устроить на вормскомъ сеймѣ публичный диспутъ съ Рейхлинымъ, сойдясь съ нимъ лицомъ къ лицу[2]).

Онъ не былъ бы Пфеферкорномъ, если бы при этомъ случаѣ не задѣлъ и евреевъ. Относительно нихъ онъ тоже повторилъ старыя измышленія о томъ, что они въ своихъ писаніяхъ и молитвахъ поносятъ Христа и церковь, что они истязаютъ и убиваютъ молодыхъ христіанъ и оскверняютъ гостіи[3]). По его словамъ, онъ вовсе не несправедливъ къ евреямъ, онъ требуетъ только, чтобы имъ не разрѣшали давать деньги въ ростъ, чтобы у нихъ отобрали ихъ писанія и чтобы ихъ заставили слушать въ церквахъ проповѣди и исполнять тяжелыя работы, напр., чистить улицы, трубы и клозеты, нести камни, мѣсить глину, жечь известь и угли, собирать тряпки и испражненія собакъ[4]); его сокровеннымъ желаніемъ и горячей молитвой было всегда изгнаніе евреевъ изъ трехъ крупнѣйшихъ общинъ, Франкфурта, Вормса и Регенсбурга, и къ своей радости онъ дожилъ до того времени, когда его молитва была услышана по отношенію къ регенсбургской общинѣ.

И дѣйствительно, за два года до того евреи были самымъ позорнымъ образомъ изгнаны изъ Регенсбурга. Этотъ городъ, который уже давно пережилъ свой расцвѣтъ, вслѣдствіе плохого и глупаго управленія, далеко отсталъ отъ Нюрнберга и Аугсбурга; желая тѣмъ не менѣе по прежнему щеголять въ облаченіи большого города и не имѣя средствъ на это, Регенсбургъ обвинялъ въ своемъ паденіи евреевъ, и потому тренія не прекращались. Всѣ ремесленники жаловались на то, что евреи лишаютъ ихъ куска хлѣба. Если справедливы были жалобы христіанскихъ врачей и банщиковъ-лекарей о томъ, что духовенство и міряне, бѣдные и богатые, горожане и иногородніе лечились исключительно у евреевъ[5]), то это можно объяснить только бездарностью жалобщиковъ. Съ своей стороны, евреи тоже жаловались на притѣсненія, преслѣдованія и мученія, которыя имъ приходилось претерпѣвать. Императоръ Максимиліанъ былъ буквально засыпанъ жалобами съ обѣихъ сторонъ, и потому онъ поручилъ своему правительству въ Инсбрукѣ выслушать обѣ партіи и уладить недоразумѣнія. Когда явились обѣ стороны: отъ коренного населенія два, отъ евреевъ три депутата со своимъ дѣлопроизводителемъ, докторомъ *Цазіемъ* въ Инсбрукѣ, первые прямо таки предложили изгнать евреевъ. Императоръ, который, въ качествѣ эрцгерцога австрійскаго, взималъ съ евреевъ двойныя подати, не соглашался на это. Такимъ образомъ дѣло за-

[1]) Т. же л. G. [2]) Т. же конецъ. [3]) Т. же D. 3.
[4]) Т. же G. 2. [5]) Gemeiner, Regensburgische Chronik IV. стр. 271.

тянулось, какъ это бывало обычно въ то время[1]). Между тѣмъ доминиканцы и францисканцы, особенно свирѣпый проповѣдникъ, *Балтазаръ Губмайеръ*, неистовый ученикъ Эка, позже сожженный какъ анабаптистъ, готовили горючія вещества для пожара, который долженъ былъ охватить регенсбургскую еврейскую общину. Духовенство заявило, что добилось отъ папы Льва X булы (какъ говорятъ, съ помощью Фугеровъ въ Аугсбургѣ, уплатившимъ за это 300 дукатовъ) о воспрещеніи евреямъ давать деньги въ ростъ. Епископъ *Иоганнъ*, поэтому, повелѣлъ прибить къ дверямъ церквей приказъ отвергать всѣ жалобы евреевъ на неуплату долговъ, если въ послѣдніе входили и проценты[2]). Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство. Двое еврейскихъ юношей изъ богатой семьи однажды необдуманно выразились о Губмайерѣ и, будучи раздражены издѣвательствами и презрительными насмѣшками двухъ христіанскихъ мальчиковъ, хотѣли бросить камень въ окно дома каноника. Это сочтено было за смертное преступленіе. Юноши были связаны и шесть дней находились въ заключеніи. Новыя жалобы евреевъ на духовенство и совѣтъ, новое безсильное вмѣшательство инсбрукскаго правительства. Допрошенный епископъ отрицалъ произнесеніе имъ проповѣдей, возбуждающихъ противъ евреевъ[3]).

Но евреи отыскали одного христіанина, который точно передалъ имъ содержаніе проповѣдей, произнесенныхъ съ каѳедры и возбуждавшихъ противъ евреевъ, и такимъ образомъ общеизвѣстный фактъ не могъ быть болѣе офиціально отрицаемъ. Тогда евреи возбудили новую жалобу, направивъ ее противъ Балтазара Губмайера. Императоръ Максимиліанъ былъ такъ разгнѣванъ этимъ, что послалъ особаго гонца въ совѣтъ Регенсбурга, выражая свое негодованіе по поводу того, что евреямъ подъ властью Австріи еще хуже живется, чѣмъ раньше, и приказывая выслать изъ города проповѣдника Губмайера[4]). Монахи утверждали, что нѣмецкіе евреи стеклись со всѣхъ мѣстностей въ Аугсбургъ къ императору, чтобы отклонить несчастіе, грозившее старой и уважаемой общинѣ, и подкупили верховнаго главу германо-римской имперіи, давъ ему болѣе 12,000 золотыхъ гульденовъ за защиту ихъ[5]). Это было дѣйствительно смѣло со стороны императора потребовать отъ доминиканцевъ выдачи пресловутой булы, воспрещавшей евреямъ давать деньги въ ростъ. Послѣ этого онъ повелѣлъ прибить къ церковнымъ дверямъ постановленіе о томъ, что всякій должникъ, который, ссылаясь на булу, откажется уплатить свой долгъ, долженъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за неповиновеніе императору. Епископъ былъ настолько труслив, что отрекся передъ императоромъ отъ

[1]) Т. же 289. [2]) Т. же 310. [3]) Т. же 314.
[4]) Т. же 333. [5]) Острофранкусъ, de Ratisbonae metropoli.

всего сказаннаго и сдѣланнаго имъ противъ евреевъ и выдалъ буллу[1]). Губмайеръ получилъ право вернуться въ Регенсбургъ подъ условіемъ не произносить больше проповѣдей противъ евреевъ[2]). Но это еще только болѣе возбудило противъ нихъ духовенство и въ особенности Губмайера; населеніе также всячески мучило и притѣсняло ихъ, чтобы привести въ уныніе. Самыя невинныя происшествія превращались въ тяжкія преступленія. Между прочимъ, ихъ обвиняли въ томъ, что они неподобающе ведутъ себя, расхаживаютъ въ платьѣ съ разрѣзомъ, какое носили ландскнехты, въ красивыхъ баретахъ, въ бархатныхъ камзолахъ, часто разъѣзжаютъ верхомъ на высокихъ коняхъ, съ самострѣлами, копьями и алебардами. Всѣ эти преступленія были часто возводимы на евреевъ съ кафедры[3]), а между тѣмъ въ худшемъ случаѣ могли имѣть мѣсто лишь въ еврейскомъ кварталѣ, ибо всякій еврей, который былъ задержанъ въ христіанской части города безъ особаго значка на своемъ платьѣ, подвергался тяжкому наказанію. Такъ продолжались эти взаимныя жалобы и обвиненія еще нѣсколько времени, покуда смерть императора Максимиліана не повлекла за собой неблагопріятнаго для евреевъ поворота.

Ускоренію катастрофы способствовали еще раздоры внутри прежде единодушной общины, а также измѣна. Въ Регенсбургѣ поселилась иногородняя богатая семья по имени *Вольфъ*, глава коей, Моисей, изъ честолюбія желалъ играть роль, т. е. участвовать въ правленіи общины. Но такъ какъ коренные члены общины обыкновенно не допускали новопоселившихся къ участію въ управленіи общиной, то Моисей, желая отомстить регенсбургскимъ евреямъ, оклеветалъ ихъ предъ имперскимъ капитаномъ, *Корбекомъ*, передавъ ему, будто евреи ставятъ его на одну линію съ заклятымъ врагомъ евреевъ, Гаманомъ. Корбекъ приказалъ арестовать представителей общины; отсюда проистекли безобразныя тренія и взаимные доносы въ общинѣ. Къ доносчикамъ принадлежалъ и сынъ равина Якова Марголеса, перешедшій, будучи презираемъ евреями за свой скверный характеръ, въ католичество, принявъ имя *Антона Маргариты*, и отпечатавшій полную лживыхъ измышленій книгу для того, чтобы опорочить евреевъ и іудаизмъ.

Какъ только императоръ Максимиліанъ сомкнулъ свои глаза (12 января 1519 г.), регенсбургскіе представители, которые въ Инсбрукѣ хлопотали объ изгнаніи евреевъ, поспѣшили на родину съ радостной надеждой, что смерть Максимиліана рѣшитъ споръ въ ихъ пользу. Въ совѣтѣ, на собраніяхъ цеховъ, въ винныхъ и пивныхъ лавкахъ, всюду единодушно признавали необходимымъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и быстро изгнать евреевъ еще до избранія новаго императора. До-

[1]) Gemeiner 337. [2]) Т. же 348. [3]) Т. же 337

Однако регенсбуржцы имѣли еще долго непріятности со стороны баварскихъ герцоговъ и австрійскаго императорскаго дома по поводу этого насильственнаго акта надъ евреями. Гнѣвъ герцоговъ былъ смягченъ лицемѣрной вдовствующей герцогиней и абатиссой, *Кунигундой*[1]), которая столь ревностно поддерживала Пфеферкорна и доминиканцевъ. Но австрійское правительство въ Инсбрукѣ упорно настаивало на полномъ возвращеніи евреевъ въ Регенсбургъ и возмѣщеніи всѣхъ понесенныхъ ими убытковъ, конечно, не изъ желанія защитить евреевъ, а просто заботясь о поступленіяхъ, которыхъ лишился австрійскій императорскій домъ. Іоселинъ изъ Росгейма былъ признанъ императоромъ Карломъ V представителемъ и уполномоченнымъ нѣмецкихъ евреевъ и въ общемъ добился подтвержденія ихъ привиллегій (1520 г.[2]). Онъ же, вѣроятно, и замолвилъ словечко въ пользу евреевъ, изгнанныхъ изъ Регенсбурга. Но споръ не сразу закончился и долго еще стоялъ на очереди; на вормскомъ сеймѣ о немъ же зашла рѣчь въ присутствіи молодого императора, Карла V (1521 г.). Еврейскіе представители прибыли туда съ кошельками, набитыми золотомъ, и питали основательную надежду на то, что, наперекоръ всѣмъ врагамъ евреевъ, регенсбургскіе евреи будутъ снова возвращены[3]); однако ихъ надежды не осуществились. Императоръ, какъ глава австрійскаго императорскаго дома, наконецъ, пришелъ къ соглашенію съ регенсбуржцами, правда, не къ выгодѣ послѣднихъ, такъ какъ они потеряли и послѣдній остатокъ своей свободы, ставъ въ полную зависимость отъ императора. Но за то они имѣли удовлетвореніе въ томъ смыслѣ, что получили привилегію на вѣчныя времена, согласно коей ихъ нельзя было уже никогда заставить пранять къ себѣ евреевъ. Изгнаннымъ евреямъ было обѣщано возмѣщеніе по частямъ убытковъ, связанныхъ съ потерею домовъ, и гарантировано, что могилы ихъ предковъ будутъ пощажены и ихъ кости не будутъ осквернены[4]). Но свыше 4000 надгробныхъ памятниковъ на старомъ еврейскомъ кладбищѣ было уже разрушено въ припадкѣ первой ярости мозолистыми руками крестьянъ и нѣжными ручками фанатизированныхъ дѣвушекъ[5]).

Съ дьявольскимъ злорадствомъ упивался Пфеферкорнъ несчастіемъ регенсбургскихъ евреевъ и съ глубокимъ удовлетвореніемъ перечислялъ всѣ нѣмецкіе города, изъ коихъ изгнаны были его бывшіе единовѣрцы, а именно: *Кельнъ*, *Аугсбургъ*, *Страсбургъ*, *Нюрнбергъ*, *Нерд-*

[1]) Gemeiner т. же, стр. 367.

[2]) Дневникъ Іоселина. Т. же № 9.

[3]) Gemeiner, стр. 380 и слѣд., 408 и слѣд.

[4]) Т. же, стр. 412—415.

[5]) Т. же стр. 366.

лингенъ, *Шпейеръ, Эслингенъ, Рейтлингенъ и Колмаръ.* Въ своемъ послѣднемъ памфлетѣ онъ убѣждаетъ еще бургомистра, совѣтъ и бюргеровъ Франкфурта и Вормса, гдѣ были послѣднія крупныя еврейскія общины Германіи (въ Вормсѣ была школа съ 80 юными талмудистами[1]), послѣдовать хорошему примѣру Регенсбурга и, во имя Христа, отказаться отъ той пользы, которую они извлекаютъ отъ евреевъ. По его мнѣнію, молодой императоръ ничего не будетъ имѣть противъ этого, такъ какъ онъ не расположенъ въ пользу евреевъ; но, конечно, они должны, подобно регенсбуржцамъ, поспѣшить разрушить и срыть синагоги и на ихъ мѣстахъ воздвигнуть капеллы и монастыри; ихъ же имущество можно по праву отобрать у нихъ, совершая этимъ даже богоугодное дѣло.[2])

Однако послѣдній ядовитый памфлетъ Пфеферкорна не возымѣлъ никакого вліянія и не повредилъ ни евреямъ, ни Рейхлину. Франкфуртская и вормская общины не были изгнаны, а Рейхлинъ на склонѣ своихъ лѣтъ былъ еще болѣе уважаемъ. Университетъ Тюбингена настоятельно просилъ его занять университетскую каѳедру. Онъ могъ свободно читать лекціи о еврейскомъ языкѣ, и на эти лекціи стекались многіе слушатели, даже студенты гейделбергскаго университета; раньше же, до спора съ домининиканцами, онъ могъ читать свои лекціи лишь тайно передъ небольшимъ числомъ слушателей. Такъ перемѣнились взгляды людей въ теченіе столь непродолжительнаго времени. Если бы Пфеферкорнъ отличался проницательностью, то онъ долженъ былъ бы чувствовать себя въ положеніи поджигателя, который изъ мести или прирожденной злобы поджегъ полуразвалившійся городъ, на мѣстѣ коего, однако, изъ пепла выросъ новый городъ, болѣе красивый и просторный. Его валаамово проклятіе превратилось въ благословеніе. Имя Пфеферкорна, со времени появленія его послѣдняго сочиненія, подвергнулось полному забвенію. Напротивъ, память Рейхлина съ теченіемъ времени вызывала все большее почитаніе. Правда, онъ умеръ католикомъ (30 іюня 1522 г.), но все-же, выступивъ въ защиту Талмуда, онъ былъ предтечей реформаціи, каковымъ его считали уже въ то время. Талантливая *нѣмая комедія*, которая появилась черезъ (безъ малаго) два года послѣ его смерти на французскомъ или латинскомъ языкѣ (и вскорѣ была переведена на нѣмецкій языкъ), уже вполнѣ рельефно изображаетъ его виновникомъ великаго, все возраставшаго движенія. Въ ней появляется докторъ, на спинѣ коего начертано его имя, *Капніонъ* (Рейхлинъ), бросаетъ на сцену связку кривыхъ и прямыхъ хворостинокъ и удаляется. Другая фигура (Эразмъ) тщетно пытается привести прутья въ порядокъ и выпрямить кривыя хворостины, пожимаетъ плечами при видѣ этого хаоса и исчезаетъ.

[1]) Gemeiner т. же стр. 360. [2]) Пфеферкорнъ, Mitleidig Klag въ концѣ.

Въ комедіи выведенъ и Гутенъ. Затѣмъ появляется Лютеръ въ монашескомъ облаченіи, въ рукахъ его горячая головня, которой онъ и зажигаетъ кривые прутья. Другая фигура въ императорскомъ облаченіи бьетъ мечомъ разгоравшуюся связку прутьевъ и тѣмъ лишь распространяетъ пожаръ. Наконецъ, появляется папа, хочетъ потушить пожаръ, схватываетъ первое попавшееся ведро, въ которомъ, однако, оказывается масло, льетъ его въ огонь и всплескиваетъ руками при видѣ вспыхнувшаго пламени, котораго уже невозможно погасить[1]). Въ этой нѣмой комедіи слѣдовало бы вывести Пфеферкорна и Талмудъ, ибо они доставили горючіе матеріалы для вспыхнувшаго впослѣдствіи пожара.

Обстоятельства къ тому времени сложились такъ, что каждое дуновеніе вѣтра лишь увеличивало пожаръ. Лютеръ проявилъ на сеймѣ въ Вормсѣ стойкость и мужество и своими знаменитыми словами: «я стою здѣсь, я не могу иначе» завершилъ разрывъ съ папствомъ. Императоръ Карлъ, самъ ханжа, при томъ осажденный мракобѣсами и увѣщеваемый князьями, а также королемъ португальскимъ, Маноеломъ, и англійскимъ, Генрихомъ VIII, былъ склоненъ сжечь реформатора, какъ еретика, на кострѣ; но, считаясь съ курфюрстомъ Фридрихомъ саксонскимъ, а также изъ политическихъ соображеній, не желая выпускать папу изъ своихъ рукъ, позволилъ Лютеру безпрепятственно уйти и лишь мѣсяцъ спустя объявилъ его изгнанникомъ. Между тѣмъ Лютеръ къ тому времени уже былъ спрятанъ и въ безопасности на своемъ Патмосѣ, въ *Вартбургѣ*. Въ то время, какъ онъ тутъ въ тиши работалъ надъ нѣмецкимъ переводомъ Библіи, въ Витенбергѣ крайніе реформаторы, *Карлштадтъ* и другіе, свергнули весь церковный строй, измѣнили богослуженіе въ церквахъ, отмѣнили мессы и священническія пышныя облаченія и ввели браки священниковъ, т. е. священники публично объявили своихъ прежнихъ тайныхъ сожительницъ своими женами, на что, быть можетъ, Лютеръ самъ ни подъ какимъ видомъ не согласился бы. Благопріятны для развитія реформаціи были смерть папы Льва X и избраніе Адріана IV, ограниченнаго приверженца Гохстратена; Адріанъ, отличавшійся хорошими личными качествами и суровой нравственностью, не успѣлъ, однако, въ своей попыткѣ ввести въ папскую курію цѣломудріе, суровость и простоту и нажилъ себѣ только ожесточенныхъ враговъ среди кардиналовъ и придворныхъ. Умы были подготовлены къ реформаціи; поэтому она пустила глубокіе корни въ Сѣверной Германіи, Даніи и Швеціи, проникла въ Пруссію, Польшу, во Францію и даже въ Испанію, въ страну мрачной и душной церкви и кровожадныхъ гоненій. Швейцарскій реформаторъ, *Цвингли*, послѣ долгихъ колебаній, также отказался отъ

[1]) Эта комедія напечат. въ 1524 въ Мюнхенѣ и сыграна въ Парижѣ въ корол. залѣ.

папства; такимъ образомъ въ Швейцаріи, гдѣ господствовала большая свобода, чѣмъ въ порабощенной Германіи, было введено новое богослуженіе, освящены браки священниковъ, разрушены изображенія и распятія и упразднены монастыри. Воцарился новый порядокъ вещей, всемогущій Римъ былъ безсиленъ противъ новаго духа; экзальтированные анабаптисты воспламеняли умы и сердца людей и измѣняли всѣ жизненныя отношенія.

Реформація Лютера въ началѣ имѣла лишь слабое вліяніе на положеніе евреевъ. Это вліяніе состояло въ томъ, что, такъ какъ въ каждомъ нѣмецкомъ городѣ бушевала борьба между католиками и новаторами, у населенія не было времени для гоненій евреевъ, и наступилъ въ этомъ небольшой перерывъ. Самъ Лютеръ, голосъ коего уже звучалъ мощнѣе, чѣмъ голосъ князей, сначала вступился за нихъ, назвавъ ложью всевозможныя обвиненія, возводимыя противъ нихъ.

Съ свойственной ему рѣзкостью, онъ въ самомъ началѣ сказалъ: «Эту ненависть (противъ евреевъ) защищаютъ еще нѣкоторые тупые теологи, которые въ своемъ высокомѣріи болтаютъ, что евреи *рабы христіанъ* и подчинены императору. Но я прошу васъ сказать мнѣ, кто перейдетъ въ нашу религію, будь онъ хоть самый кроткій и терпѣливый человѣкъ въ мірѣ, если онъ увидитъ, какъ жестоко, враждебно, не только не по-христіански, но просто звѣрски обходятся съ евреями? Проповѣдники въ Страстную недѣлю только то и дѣлаютъ, что преувеличиваютъ плохое обращеніе евреевъ съ Христомъ и тѣмъ ожесточаютъ противъ нихъ сердца вѣрующихъ»[1]). Въ особомъ сочиненіи, уже одно заглавіе коего («О томъ, что Іисусъ былъ рожденъ евреемъ») могло поставить втупикъ закоснѣлыхъ враговъ еврейства, Лютеръ еще болѣе рѣзко высказался (1523 г.) противъ неискоренимой ненависти къ евреямъ: «Наши глупцы, приверженцы папы, епископы, софисты и монахи, до сихъ поръ такъ относились къ евреямъ, что всякій хорошій христіанинъ долженъ былъ бы захотѣть стать евреемъ. И если бы я былъ евреемъ и видѣлъ этихъ остолоповъ и гонителей поучающими христіанское вѣроученіе, я бы скорѣе сталъ свиньей, чѣмъ христіаниномъ. Ибо они обходились съ евреями, какъ если бы послѣдніе были псами, а не людьми; они только и могли, что браниться. А между тѣмъ евреи—кровные родственники, двоюродные и даже родные братья нашего Спасителя; поэтому, если ужъ можно хвастаться кровью и плотью, то евреи ближе къ Христу, чѣмъ мы. Поэтому я прошу васъ, любезные приверженцы папы, если вы устанете бранить меня еретикомъ, начните ругать меня евреемъ».

«Поэтому мой совѣтъ», продолжаетъ Лютеръ, «обходиться съ ними (евреями) хорошо; совершая надъ ними насилія, ложно обвиняя ихъ въ

[1]) Изложеніе Лютеромъ 22 псалма отъ 1519 г.

томъ, что они нуждаются въ христіанской крови, чтобы освободиться отъ дурного запаха, и въ прочихъ нелѣпостяхъ, запрещая имъ работать и тѣмъ вынуждая ихъ заниматься ростовщичествомъ, мы не можемъ привлечь ихъ въ свою религію. Если хотятъ имъ помогать, то къ нимъ нужно примѣнять законъ не папы, а христіанской любви, ихъ нужно привѣтливо встрѣчать, имъ нужно позволять жить и работать среди насъ, дабы они привыкли и привязались къ жизни у насъ и среди насъ»[1]). Это были слова, которыхъ евреи не слышали больше тысячелѣтія. Нельзя не замѣтить въ этихъ словахъ вліянія Рейхлина, столь благородно заступившагося за евреевъ. Правда, Лютеръ хотѣлъ привѣтливымъ обращеніемъ привлечь евреевъ на сторону христіанства; но эти побочныя соображенія не могутъ быть поставлены въ укоръ Лютеру, который весь жилъ своимъ христіанскимъ идеаломъ. Напротивъ, многіе пылкіе евреи видѣли въ этомъ возстаніи Лютера противъ папства паденіе христіанскаго ученія и тріумфъ іудаизма. Три ученыхъ еврея пришли къ Лютеру, чтобы обратить его въ іудейство[2]). Духу тогдашняго времени (не исключая и католическихъ круговъ) не соотвѣтствовали болѣе убійства или преслѣдованія евреевъ изъ религіозныхъ побужденій. Несмотря на всѣ насмѣшливыя возраженія софистовъ, несомнѣнно, что въ каждую опредѣлившуюся историческую эпоху создается духъ времени, которымъ невольно всѣ проникаются. Чисто человѣческіе элементы во время движенія гуманистовъ и въ началѣ реформаціи (прежде чѣмъ она одичала, вслѣдствіе богословской схоластики и доктринерства), сдѣлались крупной силой и заставили смолкнуть требованія церкви. Этому духу времени должны были платить дань даже самые ярые мракобѣсы. Съ сожалѣніемъ смотрѣлъ одинъ сановникъ церкви (епископъ Садоле изъ Карпентра) на это измѣненіе направленія умовъ, происшедшее на его глазахъ, и выразилъ свое недовольство въ слѣдующихъ словахъ: «Я не утверждаю, что все должно устроиться съ прежней строгостью (дѣло идетъ о преслѣдованіи евреевъ). Я ясно вижу, что это противно духу времени. Наши нравы не переносятъ преобладанія Божественнаго надъ человѣческимъ»[3]). Экзальтированные умы среди евреевъ основывали на этомъ неожиданномъ переворотѣ и особенно на потрясеніяхъ, пережитыхъ папствомъ съ его идолопоклонническими реликвіями и изображеніями, самыя смѣлыя надежды на близкое паденіе Рима и приближеніе месіанскаго времени избавленія[4]).

[1]) Въ собраніи сочиненій Лютера, изд. 1841 г., полемическія статьи, т. III.
[2]) Соч. Лютера о евреяхъ и ихъ лжи, начало.
[3]) Sadoleti epistolae XVI, № 17 отъ іюля 1540.
[4]) См. примѣч. 5. Анаграмма Іосифа изъ Арли.

Но болѣе полезной, чѣмъ для еврейскаго племени, оказалась реформація для еврейскаго ученія. До того времени пренебрегаемое всѣми, оно къ началу реформаціи вошло въ моду. Рейхлинъ выразилъ лишь скромное и благое пожеланіе о томъ, чтобы въ немногіе нѣмецкіе университеты были на время приглашены учителя еврейскаго языка (см. выше стр.80). Благодаря его рвенію (Рейхлинъ опубликовалъ также сочиненіе о еврейскихъ удареніяхъ[1]) и укрѣплявшемуся сознанію, что Библія, безъ знанія еврейскаго языка, останется книгой за семью печатями, князья и университеты буквально гонялись за учителями еврейскаго языка и основывали особыя каѳедры не только въ Германіи и Италіи, но и во Франціи и Польшѣ. Легкая, смѣющаяся классическая муза, которая отвлекала сердца отъ церковныхъ формъ, стала все болѣе оттѣсняться, и ея мѣсто заняла серьезная, еврейская матрона. Юноши и зрѣлые мужи не стѣснялись собираться вокругъ евреевъ, у которыхъ они могли бы научиться еврейскому языку. Благодаря этому, возникли простыя и сердечныя отношенія между еврейскими учителями и христіанскими учениками, конечно, къ ужасу и огорченію чрезмѣрно-благочестивыхъ съ обѣихъ сторонъ, а также многіе предразсудки исчезли. Главнымъ учителемъ христіанъ былъ филологъ нѣмецкаго происхожденія, *Илія Левита* (род. въ Нейштадтѣ близъ Нюрнберга около 1469 г., ум. въ 1549 г.[2]). Этотъ бѣднякъ, котораго не оставляла постоянная забота о насущномъ хлѣбѣ, положилъ начало знанію еврейскаго языка. Разграбленіе Падуи повело его черезъ Венецію въ Римъ, гдѣ его принялъ въ свой домъ (какъ это было уже упомянуто) кардиналъ Эгидіо де Витербо съ цѣлью поучиться у него еврейской грамматикѣ и кабалистикѣ; въ его домѣ Илья Левита прожилъ съ семьей свыше 10 лѣтъ. Не только Эгидіо, но и другіе высокопоставленные христіане были его учениками, напр., *Жоржъ де Селвъ*, епископъ Лавора, французскій посланникъ, который столь-же отличался ученостью, сколь и государственной мудростью[3]), и многіе другіе. Защищаясь отъ упрековъ чрезмѣрно-набожныхъ равиновъ, Левита указалъ на то, что его христіанскіе ученики всѣ безъ исключенія друзья евреевъ и будутъ способствовать ихъ благу, а также на то, что онъ обучаетъ ихъ лишь невинному еврейскому языку, но не посвящаетъ ихъ въ глубину еврейской литературы; это оправданіе не совсѣмъ соотвѣтствовало дѣйствительности. По порученію своего покровителя, Эгидіо, онъ обработалъ части еврейской грамматики на еврейскомъ

[1]) De accentibus et orthographia linguae Hebraicae, Гагенау 1518.

[2]) Свѣдѣнія о немъ: у библіографовъ Бартолочи, Волфа и де Роси, также біографія Левиты *Вундербара*, Orient. Litbl. 1848 № 4-6, *С. Бубера* и *д-ра І. Леви.*

[3]) Frankels Monatsschrift 1863, стр. 97.

языкѣ, которыя были переведены на латинскій языкъ ученикомъ Рейхлина, *Себастіаномъ Мюнстеромъ*. Илія Левита не обладалъ особенно глубокимъ умомъ и потому не сдѣлалъ никакого открытія въ ученіи о строеніи еврейскаго языка; онъ рабски слѣдовалъ системѣ кимхидовъ, такъ какъ не зналъ лучшихъ предшественниковъ. Достоинства его учебниковъ заключались лишь въ томъ, что онъ располагалъ всей сокровищницей библейскихъ словъ, педагогической способностью и талантомъ яснаго изложенія. Онъ, правда, не пошелъ дальше элементарной грамматики, но это вполнѣ удовлетворяло тогдашнія потребности. Только однимъ своимъ замѣчаніемъ Левита сказалъ новое слово. Вопреки твердой вѣрѣ того времени, что знаки гласныхъ весьма стариннаго происхожденія и вмѣстѣ съ Библіей являются частью синайскаго откровенія или, во всякомъ случаѣ, введены уже со времени Эзры, онъ утверждалъ, что эти знаки весьма недавняго происхожденія и даже не были извѣстны въ эпоху Талмуда, ибо они были излишни, когда языкъ жилъ полной жизнью[1]). Можно представить себѣ, какую бурю вызвало это мнѣніе Левиты, которое однимъ ударомъ опрокинуло глубоко вкоренившееся заблужденіе. Ортодоксы стали вопить, что своимъ утвержденіемъ Левита подрываетъ весь іудаизмъ. Поэтому Илія Левита былъ не очень любимъ своими единовѣрцами и вращался болѣе въ кружкахъ христіанскихъ ученыхъ, что, конечно, вызвало новые упреки со стороны ортодоксовъ и непріятныя послѣдствія для его потомковъ.

Во всякомъ случаѣ онъ былъ не единственнымъ учителемъ, преподававшимъ христіанамъ еврейскій языкъ и литературу [2]). Какъ до него Овадія Сфорно давалъ Рейхлину уроки еврейскаго языка, такъ и одновременно съ Левитой этимъ занимались *Яковъ Мантинъ*, а также *Авраамъ де Балмесъ*, врачъ и лингвистъ. Послѣдній подвергъ еврейскій языкъ болѣе философскому разбору, проникъ глубже въ формы и образованія языка, чтобы въ кажущихся произвольностяхъ и случайностяхъ отыскать законъ необходимости. Но сочиненіе Балмеса не встрѣтило такого одобренія, какъ учебники Иліи Левиты, ибо оно было глубже и потому не столь доступно; кромѣ того авторъ часто отвлекался, опровергая систему кимхидовъ.

Въ христіанскомъ мірѣ съ небывалой экзальтаціей увлекались еврейскимъ языкомъ. Книгопечатни настолько были увѣрены въ хорошемъ сбытѣ, что издавали старыя и новыя еврейскія грамматики даже въ такихъ городахъ Италіи и Германіи, въ которыхъ не было еврей-

[1]) Подробно въ предисл. Левиты къ Massoret.

[2]) Илія Левита замѣчаетъ тамъ же: אנשים שהיו לפני . . . למדו גוים יותר סמני מהם שהם חיים עדן . . מהם לומדים ורבנים מהם חכמים ורופאים.

скихъ жителей. Всѣ хотѣли учиться еврейскому языку, хотѣли понимать еврейскую литературу. Нѣсколькими годами раньше знаніе еврейскаго языка было для представителей церкви роскошью или же пагубнымъ зломъ, граничившимъ съ ересью; благодаря же реформаціи, оно стало однимъ изъ необходимыхъ элементовъ богословской учености. Самъ Лютеръ обучался еврейскому языку, чтобы глубже вникнуть въ смыслъ Библіи.

Всего поразительнѣе былъ этотъ идейный переворотъ во Франціи. Руководящій парижскій университетъ большинствомъ голосовъ осудилъ на сожженіе «Глазное зерцало» Рейхлина, защищавшее Талмудъ и еврейскія писанія (см. выше, стр. 124). Не прошло съ тѣхъ поръ и шести лѣтъ, какъ въ Парижѣ была создана каѳедра еврейскаго языка и появилась еврейская книгопечатня. И тотъ самый духовникъ короля Людовика, *Гильомъ Гакине Пти,* который, пользуясь своей приближенностью къ королю, добился проклятія рейхлиновскаго сочиненія (см. выше, стр. 123),—этотъ самый доминиканецъ выступилъ покровителемъ еврейской литературы.

По его предложенію, король Францъ I пригласилъ во Францію знатока еврейской литературы и епископа Корсики, *Августина Юстиніани.* Этотъ молодой король, который обнаружилъ рыцарскій характеръ французскихъ государей и изъ вражды къ австрійскому дому кокетничалъ съ невѣрующими турками, противоположно своему предшественнику, проявилъ (быть можетъ только съ виду) большой интересъ къ подъему знаній вообще и еврейскаго языка въ частности. Вѣроятно, по предложенію де-Селва, почитателя Ильи Левиты, король приказалъ пригласить послѣдняго во Францію, предлагая занять тамъ каѳедру еврейскаго языка[1]). Нужно представить себѣ только, что это означало *въ то время.* Въ собственной Франціи уже болѣе столѣтія нельзя было евреямъ даже временно проживать, и вотъ туда призванъ еврей не для простого проживательства тамъ, а чтобы занять почетную должность и обучать христіанъ еврейскому языку. Какой переворотъ! Однако Илія Левита отклонилъ это любезное приглашеніе; онъ плохо бы себя чувствовалъ во Франціи, будучи единственнымъ евреемъ во всей странѣ; добиваться же допущенія евреевъ онъ не былъ въ состояніи. Вмѣсто него, Юстиніани принялъ на себя задачу распространенія еврейскаго языка во Франціи. Онъ изучилъ еврейскій языкъ, вѣроятно, подъ руководствомъ многосторонняго образованнаго еврейскаго врача, Якова Мантина. Въ университетѣ въ Реймсѣ французскіе студенты стали, подъ его руководствомъ, коверкать еврейскій языкъ. Когда обнаружился недостатокъ въ учебникахъ, Юстиніани приказалъ отпечатать плохую еврейскую грамматику

[1]) Предисл. къ Tischbi Левиты.

Моисея Кимхи[1]). Но всего замѣчательнѣе, что въ томъ самомъ Парижѣ, гдѣ три столѣтія тому назадъ еврейскіе закоснѣлые ортодоксы, съ помощью доминиканцевъ, сожгли религіозно философское сочиненіе Маймонида, «Руководитель заблудшихся», доминиканецъ Юстиніани приказалъ отпечатать (1520 г.) латинскій переводъ сочиненія Маймонида, взваливая вину за сожженіе на евреевъ. При изготовленіи этого напечатаннаго перевода, обработаннаго на основаніи стараго манускрипта, Юстиніани несомнѣнно пользовался помощью Якова Мантина; но епископъ Корсики умолчалъ объ этомъ и выдалъ переводъ за свой собственный трудъ[2]). Обширное сочиненіе Левиты о библейской орѳографіи (Masora), которое было, за счетъ ученика Левиты, епископа изъ Лавора, приготовлено къ печати, должно было, вѣроятно, по его же желанію, быть отпечатано въ Парижѣ, что, однако, по неизвѣстнымъ причинамъ не было сдѣлано. Конечно, христіанскіе учителя еврейскаго языка оставались въ зависимости отъ еврейскихъ учителей и не могли сдѣлать шагу безъ нихъ. Когда *Павелъ Фагій*, священникъ-реформаторъ и ученикъ Рейхлина, хотѣлъ основать въ Изни еврейскую книгопечатню, онъ пригласилъ къ себѣ Илію Левиту. Послѣдній принялъ это приглашеніе, такъ какъ онъ тогда терпѣлъ большую нужду и не находилъ издателя для своихъ словарей, халдейскаго и равинскаго. Эти сочиненія были весьма охотно приняты Павломъ Фагіемъ, такъ какъ они, какъ ему казалось, доставляли ключъ къ пониманію кабалы, къ коей такъ влекло христіанскихъ ученыхъ[3]).

Благодаря рейхлиновскому и лютеровскому движеніямъ, столь долго пренебрегаемое изученіе Библіи расцвѣло. Іудаизмъ и христіанство покоятся на св. Писаніи, тѣмъ не менѣе оно стало чуждо приверженцамъ того и другого исповѣданій. Этотъ прекрасный памятникъ благодатнаго времени былъ окутанъ въ такое множество чуждыхъ ему одѣяній, настолько засоренъ паутиной всевозможныхъ, большей частью безсмысленныхъ толкованій и вообще въ такой степени изуродованъ всякаго рода прибавленіями, что его истинная цѣнность стала тогда неузнаваемой. Отыскивая, съ помощью произвольныхъ толкованій, въ св. Писаніи все, что хотѣлось отыскать, трудно было найти сущность, познать истинный смыслъ Библіи. Христіанскому населенію Библія стала уже давно недоступной, ибо папы изъ инстинктивнаго страха запрещали переводъ ея на народный языкъ. Такимъ образомъ вѣрующіе знали лишь извлеченія изъ нея, только отрывочные тексты, и то не всегда правильные, такъ какъ часто послѣдніе были искажены неправильнымъ толкованіемъ.

[1]) См. объ этомъ Волфа, Bibliotheca II стр. 449 и слѣд.

[2]) Т. же III стр. 680.

[3]) Левита былъ тамъ 1540—1544.

Даже священники были не совсѣмъ тверды въ Библіи, такъ какъ знали ее лишь изъ Вулгаты, ея латинскаго перевода, гдѣ основная мысль библейскихъ истинъ часто совершенно искажается неразумнымъ и ложнымъ толкованіемъ. Поэтому Лютеръ, который въ уединенности Вартбурга перевелъ Библію, Ветхій и Новый завѣтъ, на нѣмецкій языкъ, совершилъ этимъ весьма важное дѣло[1]). Лютеръ принужденъ былъ съ этой цѣлью, какъ уже упомянуто было, подучиться немного еврейскому языку и наводить часто справки у евреевъ. Для современниковъ этотъ переводъ Божественной книги былъ точно новымъ откровеніемъ; они никогда еще не слышали этого чистаго голоса. Когда устранены были валы, такъ долго сдерживавшіе живой духъ Библіи, оттуда повѣяло на людей свѣжимъ, чистымъ воздухомъ. Классическая древность развила вкусъ небольшого круга лицъ; еврейская же старина возродила цѣлое поколѣніе и научила его простымъ и безыскуственнымъ житейскимъ отношеніямъ. Скоро Библія была переведена и на другіе европейскіе языки; сами католики были вынуждены нарушить запретъ папы и дать народу Библію на понятномъ ему языкѣ; по невѣжеству или безчестности они воспользовались переводомъ Лютера. Евреи тоже почувствовали потребность имѣть св. Писаніе на языкѣ тѣхъ странъ, гдѣ они жили. Этому помогъ частью неутомимый Илія Левита, который, во время своего возвращенія изъ Изни въ Венецію, приготовилъ въ Констанцѣ нѣмецкій переводъ Псалмовъ. Бѣжавшій изъ Португаліи маранъ, *Дуарте де Пинелъ*, называвшій себя по-еврейски Авраамомъ Уске, издалъ въ Ферарѣ испанскій переводъ.

Спросъ на еврейскія библіи былъ такъ значителенъ, что Даніилъ Бомбергъ предпринялъ грандіозное изданіе Ветхаго завѣта съ коментаріями Раши, Ибнъ-Эзры, Кимхи, Герсонида и другихъ; къ изданію была приложена и библейская ореографія (масора), правильное изготовленіе коей было поручено знатоку въ этой области, *Якову б.-Хаимъ*; послѣдній въ своемъ предисловіи выступилъ крайнимъ ортодоксомъ, но позже все же перешелъ въ христіанство. Сбытъ равинской Библіи былъ такъ великъ, что одно изданіе слѣдовало за другимъ.

[1]) Лютеровъ переводъ на нѣмецкій языкъ Пятикнижія появился въ печати въ 1523, а первыхъ Пророковъ, кн. Іова, Псалтыря, Притчей Соломона—1524 г.

[2]) Католикъ *Эмзеръ* въ Дрезденѣ изд. плагіатъ перевода Лютера 1527; доминиканецъ *Дитенбергеръ* въ Майнцѣ 1534; д-ръ Экъ перевелъ Библію въ 1537 г.

ГЛАВА VII.

Месіанскія увлеченія, мараны и инквизиція.

Внутренняя жизнь еврейства; синагогальный ритуалъ и проповѣди. Илія Капсали и греческая гафтара. Раздробленіе еврейства на мелкія общины и упадокъ нравовъ. Сухость и прозаичность. Интересъ къ историческимъ изслѣдованіямъ. Запрещеніе философскихъ изслѣдованій. Dialoghi d'amore Леона Медиго. Господство кабалы. Месіанскія вычисленія и надежды. Лемлейнъ и годъ месіанскаго покаянія. Испанскіе мараны и инквизиція; злодѣйства Люцероса. Португальскіе мараны; лиссабонская рѣзня; маранъ Маскаренасъ. Іоао III. Происки противъ марановъ. Шпіонство и смерть Генрико Нунеса (Firme Fe). Приготовленія ко введенію инквизиціи и внезапное прекращеніе ихъ. Авантюристъ Давидъ Реубени въ Римѣ и Португаліи осыпанъ милостями Іоао III. Месіанская экзальтированность марановъ.

(1500—1525)

Поразительно и вмѣстѣ съ тѣмъ легко объяснимо, что бурное движеніе и судорожное потрясеніе, которое въ первую четверть шестнадцатаго вѣка вышибло изъ колеи христіанскій міръ, едва коснулось внутренней жизни еврейства. Въ то время, какъ въ христіанскомъ мірѣ произошло коренное измѣненіе въ мысляхъ, нравахъ, въ духовныхъ стремленіяхъ и даже въ языкѣ, старое, традиціонное было отчасти отвергнуто, отчасти измѣнено и обновлено—словомъ, въ то время, какъ въ христіанскомъ мірѣ наступила новая эра, у евреевъ все осталось по-старому. Объясняется это тѣмъ, что у евреевъ не было средневѣковья, а потому они не нуждались и въ новой эрѣ. У нихъ не было нужды въ возрожденіи, имъ не приходилось отказываться отъ порочнаго образа жизни, исцѣлять язву нравственнаго разложенія, строить плотины противъ высокомѣрія и хищничества своихъ духовныхъ вождей. У нихъ не было такой груды мусора, которую надо было бы устранить. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что внутри еврейства все обстояло благополучно. Вслѣдствіе все возраставшихъ страданій и ложнаго направленія мысли, возвышающія и облагораживающія истины іудаизма были оттѣснены установленіями и ритуалами. Народу недоставало внутренней религіозности, а вожди были лишены ясности ума. Схоластическая казуистика привилась и еврейству. Въ богослуженіяхъ не было приподнятаго настроенія, въ дѣлахъ не было честности. Синагогальный ритуалъ судорожно хватался за все, что осталось отъ прежняго времени, воспринялъ въ себя много непонятныхъ молитвъ и, въ общемъ, получилъ некрасивый характеръ. Въ нѣмецкихъ общинахъ почти что не было проповѣдей, мѣсто коихъ заступали иногда талмудическія поученія, но послѣднія были непонятны народу, особенно женщинамъ, и потому не трогали сердецъ. Правда, ис-

панско-португальскіе проповѣдники пользовались звучнымъ языкомъ своей родины; но ихъ рѣчи были въ такой степени преисполнены схоластическихъ туманностей, что были еще менѣе понятны широкимъ слоямъ народа.

Въ общинахъ на островѣ Кандіи существовалъ издавна обычай въ Судный день пополудни читать изъ книги пророка Іоны на греческомъ языкѣ. Тамошній равинъ, Илія Капсали, принадлежавшій къ образованнымъ людямъ, нашелъ этотъ обычай весьма неумѣстнымъ и хотѣлъ его устранить. Равинъ Падуи, *Меиръ Каценеленбогенъ*, который, будучи запрошенъ объ этомъ, высказался за сохраненіе его, привелъ мотивы, вытекающіе не изъ сущности дѣла, а изъ чисто равинскихъ соображеній[1]). О назиданіи и поученіи народа не было и рѣчи.

Упрямо поддерживаемое раздробленіе общинъ являлось также источникомъ многихъ несчастій. Травля евреевъ забросила многихъ бѣглецовъ изъ Пиренейскаго полуострова и Германіи въ большіе города Италіи и Турціи; эти бѣглецы, однако, вмѣсто того, чтобы вступить въ имѣвшіяся уже общины коренныхъ евреевъ, напротивъ, отдѣлились и изолировали себя отъ нихъ. Поэтому, во многихъ городахъ бывало нерѣдко столько же малыхъ общинъ, сколько было мѣстностей и городовъ, изъ коихъ бѣжали преслѣдуемые евреи. Кастильскія общины отдѣлились отъ арагонскихъ и каталонскихъ общинъ, а апулійскія отъ калабрійскихъ. Лисабонскіе изгнанники не хотѣли объединиться даже съ другими португальскими бѣглецами[2]). Такимъ образомъ, въ Константинополѣ, Адріанополѣ, Салоникахъ, Артѣ (Лартѣ) въ Греціи и многихъ другихъ городахъ образовалась пестрая карта общинъ, изъ которыхъ каждая имѣла для себя особо представителей, синагогальный ритуалъ, равиновъ, школы, организаціи для помощи бѣднымъ; всѣ были преисполнены самомнѣніемъ и завистью другъ къ другу. При такихъ условіяхъ нельзя было ожидать какихъ-либо значительныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ общему благу всего еврейства. Духовные вожди евреевъ, хотя въ общемъ и отличались нравственностью и внутренней религіозностью, нерѣдко пресмыкались предъ богачами своихъ общинъ, сносили ихъ высокомѣріе и неумѣстныя выходки и не рѣшались мужественно выступить противъ нихъ. Такъ, напр., въ Падуѣ жилъ одинъ богатый нѣмецкій еврей, по имени *Герцъ Вертгеймъ*, который былъ настолько тщеславенъ, что хвастался всегда своимъ фамильнымъ гербомъ (оленемъ). Онъ приказалъ изготовить орнаментъ со своимъ гербомъ изъ

---

[1]) Respp. Меира Каценеленбогена изъ Падуи № 78.

[2]) Respp. Тама ибнъ-Яхія (תמם ישרים) № 108 стр. 82; respp. Моисея да Трани I, № 307, II, № 48.

жемчуга и хотѣлъ помѣстить его въ синагогѣ. Престарѣлый равинъ нѣмецкой общины, *Іегуда Менцъ*, находилъ это незаконнымъ и воспротивился этому желанію, порожденному крикливымъ и пустымъ тщеславіемъ. Герцъ Вертгеймъ, бывшій противникомъ этого достопочтеннаго равина, хотѣлъ, однако, осуществить свою волю и, дѣйствительно, нашелъ нѣкоторыхъ равиновъ, которые, подкупленные его богатствомъ, поддерживали его домоганія къ великому огорченію Іегуды Менца[1]). Послѣдствіемъ этого упадка нравовъ были постоянные споры и тренія между равинами[2]).

Еще хуже этого раздробленія еврейства на мельчайшія общины были упадокъ духа, мелочность и пресмыкательство, которыя замѣчались не только у евреевъ, говорившихъ на нѣмецкомъ языкѣ, но и у сефардскихъ переселенцевъ. И только, когда дѣло шло о смерти за унаслѣдованную отъ предковъ вѣру, они всѣ становились великими героями; помимо-же этого, дѣятельность даже вождей была чрезвычайно мелочна. Въ еврейской жизни не было проложено новыхъ путей, несмотря на ежедневные перевороты въ христіанскомъ мірѣ. Тѣ, которые пребывали на высотѣ науки, большей частью ходили по протореннымъ дорожкамъ и еще только болѣе утаптывали ихъ. Умственная дѣятельность была главнымъ образомъ направлена на поясненіе старыхъ писаній и на составленіе коментаріевъ, даже коментаріевъ на коментаріи (суперкоментаріевъ). Талмудисты излагали и коментировали Талмудъ, а ученые съ философскимъ образованіемъ поясняли «Руководителя заблудшихъ» Маймонида. Во всей этой дѣятельности не было никакого подъема духа или порыва. Ни единаго звука истинной поэзіи не раздалось съ устъ тѣхъ, кто воспитался на ней; не прозвучала даже потрясающая, просвѣтленная страданіями пѣсня. Единственное, что свидѣтельствуетъ объ измѣнившемся времени и положеніи, это интересъ къ историческимъ воспоминаніямъ, который, правда, замѣчался только у евреевъ изъ Пиренейскаго полуострова. Послѣдніе хотѣли сохранить въ памяти послѣдующихъ поколѣній безграничныя страданія, которыя они претерпѣли. Новыя страданія заставили ихъ живо вспомнить о всемъ томъ, что евреи пережили, начиная съ сѣдой старины, и они увидѣли, что исторія еврейскаго племени есть не что иное, какъ одно сплошное потрясающее мученичество. Одновременно съ Авраамомъ Закуто (см. выше, стр. 13) работалъ и Исаакъ Абрабанелъ надъ историческимъ трудомъ о жизни евреевъ[3]), начиная съ древнѣйшихъ временъ и до послѣднихъ дней. Его исторія во всякомъ случаѣ составлена тщательнѣе и элегантнѣе хаотической хроники За-

[1]) Респ. Іосифа Каро אבקת רוכל № 65.

[2]) Респ. Меира изъ Падуи № 46.

[3]) Подъ заглавіемъ ימות עולם.

куто. Его сынъ, *Леонъ Медиго*, также посвятилъ свое перо трагическимъ воспоминаніямъ своихъ соплеменниковъ въ Испаніи[1]). Объ историческомъ повѣствованіи Иліи Капсали уже было упомянуто тутъ; онъ также отвелъ большое мѣсто въ своей хроникѣ исторіи изгнанія евреевъ изъ Испаніи и связанныхъ съ этимъ бѣдствій[2]).

Помимо этого въ описываемое время не появилось ничего новаго. Свободное мышленіе и философскія изслѣдованія не пользовались любовью. Исаакъ Абрабанелъ, проникнутый старымъ еврейско-испанскимъ духомъ, нашелъ многое въ философскихъ сочиненіяхъ Маймонида неправильнымъ и противорѣчащимъ іудаизму и порицалъ свободнаго изслѣдователя, Нарбони, и другихъ, которые не удовлетворялись традиціями. Португальскій бѣглецъ, *Іосифъ Явецъ*, всю вину за изгнаніе евреевъ изъ Испаніи и Португаліи сваливалъ на философію, заявляя: она была великой грѣшницей, соблазнившей Израиля, и потому приговоръ суда надъ нимъ былъ столь суровъ[3]). *Іосифъ б.-Давидъ ибнъ-Яхія IV* въ Имолѣ, внукъ португальскаго государственнаго дѣятеля, Іосифа ибнъ-Яхія III, отвергалъ всякую философію, даже изслѣдованія Маймонида, и вернулся къ мысли поэта-мыслителя Іегуды Галеви, что въ еврейскомъ племени живетъ своеобразная, по своей природѣ весьма отличная отъ другихъ, болѣе глубокая и проникновенная душа, которая, путемъ исполненія религіозныхъ предписаній, держится на достойной ея высотѣ и можетъ дойти до пророческаго экстаза[4]). Подобную же неудовлетворенность философскимъ мышленіемъ выражалъ и врачъ Овадія Сфорно, учитель Рейхлина.

Свѣжестью вѣетъ только отъ философскаго сочиненія даровитаго *Леона Абрабанела* или *Медиго*, которое уже однимъ своимъ заглавіемъ: «Бесѣды о любви» (Dialoghi d'amore) показываетъ, что читатель не имѣетъ тутъ дѣла съ банальными размышленіями заурряднаго философа. Этотъ отпрыскъ старой благородной фамиліи болѣе всѣхъ своихъ современниковъ проявилъ всю эластичность еврейскаго ума. Вырванный изъ спокойной беззаботной жизни, заброшенный въ чужую страну, гонимый по всей Италіи своими врагами, съ гнетущей болью въ сердцѣ по поводу заживо умершаго для него, похищеннаго у него первенца, Леонъ Медиго сохранилъ въ себѣ еще такую силу духа, что сумѣлъ приспособиться къ новымъ условіямъ, проникнуть въ самыя глубины итальянскаго языка и литературы, связать и объединить въ стройную систему

[1]) Ибнъ-Верга Schebet Jehuda № 50: גרושי קשטיליה ופורטוגאל וגזרת פראי ויסינטי. ושמדות אחרות ראיתי לדון יהודה אבראבניל בפ' תוכחות ששם כתבם כלם.

[2]) См. выше стр. 30.

[3]) Главное содержаніе его полемическаго соч. אור החיים.

[4]) Его главное соч. אור תורה, оконч. 1537, напечат. въ Болоньѣ 1539.

всѣ разрозненныя мысли отдѣльныхъ философовъ. Не прошло и десяти лѣтъ со времени его бѣгства изъ Испаніи, какъ онъ уже слылъ ученымъ итальянцемъ, соперничалъ во вкусѣ съ образованнѣйшими людьми эпохи Медичей и даже превосходилъ ихъ всесторонностью своихъ знаній. Тѣмъ же перомъ, которымъ онъ написалъ своему сыну, насильно крещенному и воспитывавшемуся въ Португаліи, душу раздирающее посланіе, въ коемъ увѣщевалъ его «всегда помнить объ іудаизмѣ, изучать еврейскій языкъ и литературу и не забывать глубокой скорби отца и неутѣшнаго горя матери, которая по цѣлымъ днямъ плачетъ о немъ и повторяетъ его имя», тѣмъ же перомъ онъ написалъ свои «діалоги о любви», черезъ которые красной нитью проходитъ глубокая любовь *Фило* къ *Софіи*. Это сочиненіе, производящее впечатлѣніе романа, является точно рамкой для философской системы Леона Медиго. Познакомившись уже въ Испаніи съ системами Аристотеля и Маймонида, а въ Италіи съ платоновской или, вѣрнѣе, неоплатоновской метафизикой, онъ слилъ эти системы въ одно стройное цѣлое. На плавномъ, граціозномъ итальянскомъ языкѣ течетъ бесѣда между Фило и Софіей о высшемъ назначеніи человѣка.

Жизненнымъ принципомъ вселенной, по мнѣнію Леона Абрабанела, является глубокая любовь и потребность каждаго существа любить другое. Любовь—это живой духъ, наполняющій весь міръ, это—связующее звено вселенной. Любовью Богъ создалъ міръ. Любовью же онъ управляетъ міромъ и соединяетъ духъ съ тѣломъ. Но эта любовь должна быть взаимной. Душа человѣка должна питать любовь къ своему Творцу, и тогда она достигаетъ своей цѣли. Цѣль же эта—добродѣтель и мудрость. Этимъ достигается высшее блаженство людей, страстное упоеніе Божествомъ. Любовнымъ отношеніемъ людей къ Богу облагораживается вся природа и соединяется съ Божествомъ. Это приблизительно основная мысль «діалоговъ о любви» Леона Медиго, которые звучатъ скорѣе философской идилліей, чѣмъ строгой системой; въ нихъ фантазія господствуетъ надъ мыслью, и въ выраженныхъ тамъ взглядахъ больше поэзіи, чѣмъ истины. Онъ весьма далекъ отъ іудаизма. Хотя туда включены и нѣкоторыя библейскія и даже талмудическія изреченія, но послѣднія совершенно стушевываются передъ цѣлой грудой аристотелевскихъ и платоновскихъ идей, а также толкованій языческой миѳологіи. Леонъ Медиго проявилъ, правда, глубокое уваженіе къ «еврейской истинѣ» и даже пытался защищать библейскую версію о созданіи міра изъ ничего отъ противоположныхъ воззрѣній греческой философіи; однако онъ недостаточно проникся своеобразнымъ ученіемъ іудаизма. Этимъ и объясняется, что его сочиненіе было болѣе оцѣнено христіанами, чѣмъ евреями. Итальянцы гордились тѣмъ, что впервые философскія мысли были выражены на го-

рячо и страстно любимомъ ими итальянскомъ языкѣ. Одинъ итальянскій писатель выразился: «если бы діалоги еврея Леона были написаны такимъ хорошимъ итальянскимъ стилемъ, какого они заслуживаютъ, то намъ не приходилось бы завидовать древнимъ римлянамъ или грекамъ». Римлянинъ *Маріано Ленци* вынесъ эти (по его выраженію) «Божественные діалоги» на свѣтъ Божій и посвятилъ ихъ одной благородной и даровитой римской дамѣ. Сочиненіе Леона Медиго стало любимымъ чтеніемъ образованныхъ людей и въ теченіе двухъ десятилѣтій было пять разъ перепечатано[1]). Двое французскихъ писателей (Дени Силвестръ и Соважъ Дю-Паркъ) перевели діалоги на французскій языкъ, причемъ Соважъ посвятилъ его могущественной королевѣ-матери, Екатеринѣ Медичи. Другой писатель (Карлъ Сараценусъ) перевелъ бесѣды Леона на латинскій языкъ и посвятилъ ихъ Гранвелѣ, министру Филиппа II испанскаго[2]). Скоро послѣ этого еврей Гедалія ибнъ-Яхія перевелъ ихъ на испанскій языкъ, посвятивъ ихъ самому мрачному королю[3]).

Въ то время христіанскій міръ сталъ интересоваться философскими вопросами; напротивъ, евреи и даже преслѣдуемые бѣглецы изъ Пиренейскаго полуострова совершенно потеряли интересъ къ нимъ. Въ умахъ, отвыкнувшихъ отъ строгаго логическаго мышленія, стала гнѣздиться кабала съ ея шумихой звонкихъ, но лишенныхъ содержанія фразъ, наполнивъ собою опустѣвшія головы. Въ XVI вѣкѣ лишь началось господство кабалы. Ея противники, кончая *Сауломъ Когеномъ* изъ Кандіи, достойнымъ ученикомъ Иліи Делмедиго, частью не были уже въ живыхъ, частью же не были расположены объявить войну духу того времени, столь склонному ко всему парадоксальному и сверхъестественному. Сефардскіе бѣглецы, какъ, напр., *Іегуда Хаятъ, Барухъ Беневентъ, Авраамъ Леви, Меиръ б.-Габай, Ибнъ-аби Зимра*, занесли кабалу въ Италію и Турцію и, съ присущей имъ необыкновенной подвижностью, доставили ей ревностныхъ приверженцевъ. Увлеченіе кабалой христіанскихъ ученыхъ, Эгидіо изъ Витербо, Рейхлина, Галатина и другихъ, тоже повліяло на евреевъ. До того времени лишь терпимое внутри еврейства, это тайное ученіе пріобрѣло, благодаря упадку нравовъ, хаосу, преслѣдованіямъ и скитаніямъ, офиціальный характеръ. Это ученіе, такъ думали евреи, содержитъ, вѣроятно, ядро глубокой истины, если знатные христіане такъ страстно интересуются имъ. Вѣрующіе въ кабалу проповѣдники стали, чего раньше никогда не было, развивать это ученіе съ высоты каѳедры[4]). Въ вопросахъ касательно ритуала и всякаго рода установленій совѣтовались также и съ кабалистическими писаніями, ко-

[1]) Первое изд. въ Римѣ 1535. слѣдующія въ Венеціи 1541, 1545, 1549, 1558.
[2]) 1564. [3]) 1568. [4]) Респонсы Леви б.-Хавивъ № 8. и №. 75.

торыя часто имѣли при этомъ рѣшающее значеніе[1]). Нельзя поэтому удивляться тому, что мало-по-малу разные мистическіе элементы перешли изъ Зогара въ молитвенникъ, наложивъ на него печать чего-то таинственнаго[2]). Съ наглымъ высокомѣріемъ кабалисты утверждали, что только они одни владѣють традиціей, унаслѣдованной отъ Моисея, и что Талмудъ и равины должны преклоняться предъ ними[3]). Дѣло дошло до того, что самъ кабалистъ Авраамъ Леви нашелъ въ молитвахъ кабалистовъ богохульство, такъ какъ они обращаются съ мольбой къ ангеламъ или къ міровымъ субстанціямъ (Sefiroth[4]), Они даже осмѣлились измѣнить и исковеркать нѣкоторыя слова въ свиткахъ Торы въ духѣ зогаровскихъ перестановокъ, хотя въ этомъ случаѣ самая педантичная точность и неизмѣнность текста вмѣнена въ обязанность. Тому, кто хотѣлъ возстановить первоначальный текстъ, они внушали естественный страхъ, что это неизбѣжно повлечетъ за собой ослѣпленіе или другое несчастіе[5]). Такимъ образомъ тайное ученіе со всѣми своими фантазіями и нелѣпостями, господствовавшее до того въ умахъ небольшого числа приверженцевъ, нашло всеобщее распространеніе среди еврейства, затуманивъ умы. Сопротивленіе, оказанное равинами этому вмѣшательству мистики въ ритуалъ и религіозную жизнь еврейства, было весьма слабо, ибо они сами были убѣждены въ божественномъ происхожденіи кабалы и потому лишь робко сопротивлялись новшествамъ.

Пустая кабала не замедлила найти восторженный откликъ въ пустыхъ головахъ. Какъ у ессеевъ, такъ и у мистиковъ Зогара центральнымъ пунктомъ ученія были месіанскія упованія. Ускорить наступленіе месіанскаго царства или царства Божія или царства нравственнаго міропорядка[6]), путемъ перестановокъ буквъ и комбинированія чиселъ, заранѣе вычислить и возвѣстить время наступленія этого царства—на это было направлено все ихъ вниманіе. Исаакъ Абрабанелъ, хотя не сочувствуя кабалѣ, все-же изъ благочестивыхъ опасеній поддерживалъ эту месіанскую экзальтированность. Все возраставшія страданія оставшихся въ небольшомъ числѣ испанскихъ и португальскихъ евреевъ повергли многихъ въ отчаяніе, лишивъ ихъ надежды на наступленіе лучшихъ вре-

[1]) Респ. Давида ибнъ-ави Зимра, изд. Ливорно № 8, изд. Вен. I № 170.

[2]) См. Грецъ, т. VIII стр. 354.

[3]) Респ. Тама ибнъ-Яхія и респ. Иліи Мизрахи, см. т. IX, стр. 367.

[4]) Посланіе Авраама Леви къ нагиду Исааку Шалалу Kerem chemed IX, стр. 141 и слѣд.

[5]) Респ. Давида ибнъ-ави-Зимра, изд. Ливорно № 101:
על מה שעשה אחד מן המתקוממים שהגיה כל הספרים על פי מדרש של ר׳ שמעון בן יוחאי . . . ואף על פי שהמגיה המחידני באמרו כי אחד מן החכמים תקן הספר כאשר בתחלת ולא כלה שנתו עד שנעשה סגי נהור לא חששתי לדבריו.

[6]) עולם התקון.

менъ. Не только необразованные, но даже ученые и благочестивые евреи отказались отъ своихъ, имъ столько близкихъ и дорогихъ, месіанскихъ упованій, какъ отъ прекраснаго сновидѣнія, которое не можетъ никогда осуществиться. Они были убѣждены, что еврейское племя рождено для вѣчнаго страданія, оно никогда не сброситъ съ себя ярма, никогда не достигнетъ свободы и самостоятельности.

Это безнадежное отчаяніе его соплеменниковъ, которое, развившись, могло привести къ осуществленію желаній церкви, наполнило скорбью глубоко религіознаго Исаака Абрабанела, и онъ выступилъ противъ этого опаснаго настроенія. Онъ составилъ три сочиненія[1]), приведя изъ Библіи, именно изъ книги Даніила, и изъ агады, по его мнѣнію, самое неопровержимое доказательство того, что Израиль можетъ твердо разсчитывать на блестящую будущность и вѣрить въ скорое пришествіе Месіи. Хорошо знакомый со всей еврейской письменностью и съ христіанской литературой, съ исторіей и географіей, Абрабанелъ могъ болѣе основательно, чѣмъ это дѣлалось до того, опровергнуть противоположныя воззрѣнія, будь то со стороны евреевъ или христіанъ. Теплота, съ которой онъ отнесся къ этому вопросу, исходила не только изъ головы, но и отъ сердца, ибо месіанское упованіе было для него не только твердымъ убѣжденіемъ, но и потребностью сердца. Шестидесятилѣтнему Абрабанелу, сломленному болѣе страданіями, чѣмъ старостью и написавшему свое сочиненіе дрожащей рукой, охотно прощаешь его рѣзкіе выпады противъ писателей, не признававшихъ месіанской вѣры (Галипапа) или отводившихъ ей лишь второстепенное мѣсто въ іудаизмѣ (Албо), ибо эта вѣра была для него единственнымъ оплотомъ, душевной потребностью. Но въ своемъ оправданіи месіанскихъ упованій онъ зашелъ слишкомъ далеко: увлекаясь своей аргументаціей, онъ также не избѣжалъ дѣтскихъ нелѣпостей. По его вычисленіямъ, месіанская эпоха неизбѣжно должна была наступить въ 5263 году отъ сотворенія міра (1503) и завершиться паденіемъ Рима приблизительно черезъ четыре семилѣтія[2]). Но его вычисленія были такъ же произвольны и оказались такими же обманчивыми, какъ и вычисленія его предшественниковъ, *Саадіи*, *Авраама б.-Хія*, *Нахманида* и *Герсонида* (послѣдніе три единодушно считали 1358 г. годомъ пришествія Месіи), и столь же тще-

---

[1]) I, комент. къ кн. Даніила מעיני ישועה, оконч. 1 тевета=6 декаб. 1496 (напечат. въ Ферарѣ 1551); II, о месіанскихъ указ. въ агадѣ ישועות משיחו, оконч. 20 тевета=26 дек. 1497 (Карлсруэ 1826). III, о месіанскихъ указ. въ Пророкахъ и Псалмахъ משמיע ישועה, оконч. 4 адара=26 февр. 1498 (Салоники 1526).

[2]) Въ 1531 и 1532 г. См. Абрабанелъ I, стр. 78, 86, 102, 122; II стр. 6, 12; III стр. 16, 22.

славными, какъ и прорицанія *Авраама Абулафіи, Моисея де Леонъ* (въ Зогарѣ) и другихъ кабалистовъ.

Эти точныя и опредѣленныя месіанскія вычисленія, исходившія отъ спокойнаго и разсудительнаго, высокоуважаемаго Абрабанела, въ связи съ другими кабалистическими фантазіями, повліяли, повидимому, на одного мечтателя, который возвѣстилъ пришествіе Месіи въ самомъ непродолжительномъ времени. Нѣмецкій еврей, *Ашеръ Лемлейнъ* (или Лемлинъ) выступилъ въ Истріи (близъ Венеціи), какъ предтеча Месіи (1502 г.). Онъ возвѣстилъ: если евреи покаются, станутъ бичевать себя, проявятъ полное смиреніе и будутъ совершать добрыя дѣла, то Месія непремѣнно явится черезъ полгода; столпъ огненный и облачный будетъ имъ предшествовать, какъ при выходѣ изъ Египта, и безпрепятственно поведетъ ихъ въ священный городъ; предзнаменованіемъ пришествія явится внезапное обрушеніе всѣхъ христіанскихъ церквей. Вслѣдствіе претерпѣваемыхъ страданій и кабалистическаго угара, умы были воспріимчивы къ этимъ болѣзненнымъ упованіямъ. Ашеръ Лемлейнъ нашелъ многихъ приверженцевъ, которые распространяли его прорицанія, нашедшія откликъ въ Италіи и Германіи. Увеличились посты, молитвы, подаянія. Это время назвали «годомъ покаянія». Всѣ готовились къ наступленію чуда. На грядущее избавленіе и возвращеніе въ Іерусалимъ всѣ разсчитывали такъ твердо, что все остальное было буквально отброшено. Болѣе трезвые и разсудительные люди не рѣшались выступить противъ этой всеобщей экзальтаціи. Даже христіане вѣрили въ месіанскія проповѣди Ашера Лемлейна. Но пророкъ внезапно умеръ или погибъ, и шарлатанству положенъ былъ конецъ. Это разочарованіе особенно сильно подѣйствовало на тѣхъ, которые твердо и неуклонно вѣрили въ Лемлейна. Многіе евреи перешли изъ-за этого въ христіанство. Исаакъ Абрабанелъ, который дожилъ еще до вычисленнаго имъ месіанскаго года и до движенія Лемлейна, былъ, вѣроятно, сильно пристыженъ всѣми этими происшествіями. И поэтому онъ предпочелъ умолчать о своихъ месіанскихъ вычисленіяхъ въ книгахъ, написанныхъ имъ послѣ этого года.

Однако, несмотря на безрезультатность лемлейнскаго движенія, месіанская надежда все еще не погасла въ сердцахъ; она была необходима, ибо давала силы переносить горе. Поэтому кабалисты не переставали заново возбуждать надежды и снова возвѣщать ихъ чудесное осуществленіе. Месіанская вѣра жила даже въ кругахъ марановъ; они ухватились за нее, ибо она была единственнымъ лучомъ надежды на грядущее избавленіе. Приблизительно къ тому же времени одна молодая маранка 15-ти лѣтъ изъ Гереры, въ окрестностяхъ Бадайоца, возвѣстила, что Месія говорилъ съ нею и вознесъ ее на небо, гдѣ она видѣла, что всѣ

мученики, погибшіе на кострахъ, сидѣли на золотыхъ стульяхъ. Эта маранская дѣвушка укрѣпила надежду на скорое пришествіе Месіи, который поведетъ евреевъ въ обѣтованную землю. Многіе мараны изъ города и окрестностей увѣровали въ эту пророчицу Месіи и стали стекаться къ ней; въ числѣ марановъ были и такіе, которые прежде были обвинены въ исповѣданіи іудаизма, но помилованы, благодаря раскаянію. Когда это стало извѣстно, 38 марановъ, которые вѣрой въ Месію обнаружили свое іудейство, были сожжены въ Толедѣ[1]). Спустя три десятилѣтія среди нихъ возникло болѣе значительное месіанское движеніе, которое, благодаря своему развитію и участникамъ, представляетъ большой интересъ. Мараны Испаніи и Португаліи играли въ немъ главную роль.

Эти несчастнѣйшіе изъ несчастныхъ, которые отказались отъ унаслѣдованной ими вѣры и тѣмъ въ сущности отреклись отъ самихъ себя и принуждены были исполнять церковные обряды, въ глубинѣ души имъ ненавистные, и притомъ исполнять съ мучительной тщательностью, были преслѣдуемы инквизиціей и ненавистью христіанскаго населенія, которыя ни на минуту не забывали ихъ еврейскаго происхожденія. Не довѣряя маранамъ, великій инквизиторъ, Торквемада, добился у папы Александра VI воспрещенія посвящать ихъ въ монахи доминиканскаго ордена въ Авилѣ[2]). Ихъ жизнь представляла собой, безъ преувеличенія, кромѣшный адъ. Въ большинствѣ своемъ они, какъ ни старались, не могли полюбить христіанство. Да и какъ имъ было полюбить вѣроисповѣданіе, носители коего ежедневно требовали все новыхъ человѣческихъ жертвъ, находя ихъ подъ самыми ничтожными предлогами, среди лже-христіанъ? Во время второго испанскаго великаго инквизитора, *Децы*, произошли еще большія жестокости, чѣмъ при Торквемадѣ. Онъ и его ставленники, особенно *Діего Родригецъ Люцеро*, благочестивый палачъ въ Кордовѣ, совершили столько позорныхъ преступленій, что современникъ инквизиціи, полный нравственнаго возмущенія, черезъ три десятилѣтія послѣ ея возникновенія, даетъ ей слѣдующую яркую характеристику: «Архіепископъ Севильи (*Деца*), *Люцеро* и *Жуанъ де ла Фуенте* опозорили всѣ эти провинціи. Ихъ люди не уважаютъ ни Бога, ни справедливости; они крадутъ, убиваютъ, безчестятъ женщинъ и дѣвушекъ, позоря этимъ религію. Вредъ и несчастье причиненные гнусными слугами инквизиціи моей странѣ, такъ велики, что должны повергнуть каждаго въ отчаяніе». Люцеро (Лучезарный), названный современникомъ за свои мрачныя злодѣянія *Тенебреро* (мрачный), насчитывалъ свои жертвы тысячами; онъ буквально жаждалъ кро-

[1]) Лоренте, histoire de l'inquisition I, стр. 345, см. т. IX, стр. 389.
[2]) Boletin 1887, 429, Revue d. Et. XVIII, 137.

ви еврейскихъ мучениковъ. «Дайте мнѣ евреевъ для сожженія», восклицалъ онъ всегда. Его фанатизмъ превратился въ свирѣпое канибальство.

Всякій доносъ на марана о томъ, что послѣдній соблюдаетъ еврейскій ритуалъ, являлся для Люцеро уликой, всякая же улика считалась доказанной виной, которая должна быть искуплена на кострѣ. Нѣкоторые изъ схваченныхъ Люцеро мarановъ создали, изъ отчаянія, мести или хитрости, цѣлое дѣло, въ которое были впутаны, въ качествѣ совиновниковъ, многіе старо-христіане высшаго сословія. Мараны признались въ возведенномъ на нихъ преступленіи и заявили: въ Кордовѣ, Гранадѣ и другихъ городахъ южной Испаніи мараны пользовались опредѣленными домами для устройства въ нихъ синагогъ; эти дома посѣщались такими-то и такими-то людьми, въ томъ числѣ монахинями, монахами и молодыми дѣвушками, которые праздновали тамъ еврейскіе праздники и слушали проповѣди. Казалось совершенно невѣроятнымъ и неправдоподобнымъ, чтобы благовоспитанныя христіанскія дѣвушки, которыя рѣдко переступали черезъ порогъ своего дома, ѣздили въ отдаленные города, чтобы, подъ страхомъ смерти, присутствовать на богослуженіи въ тайной и запрещенной синагогѣ. Тѣмъ не менѣе Люцеро приказалъ бросить въ темницу множество старохристіанъ рядомъ съ новохристіанами и разрушить указанные дома. Палачи инквизиціи были заняты по горло. Но это вызвало опасное броженіе въ Кордовѣ; виднѣйшіе мужи жаловались на поведеніе Люцеро и ходатайствовали у великаго инквизитора объ отозваніи его. Деца былъ согласенъ съ Люцеро, и такимъ образомъ недовольные рыцари, сановники, доны, лица духовнаго званія и монахини были обвинены въ покровительствѣ еврейской ереси. Однако ихъ родственникамъ удалось добиться у сдѣлавшагося незадолго до того кастильскимъ королемъ нѣмецкаго принца, *Филиппа I*, зятя и преемника Изабелы, смѣщенія Децы и Люцеро. Зато послѣ смерти Филиппа I-го, въ царствованіе его преемника въ Кастиліи, святоши Фернандо, инквизиторы жестоко отомстили своимъ врагамъ. Но въ Кордовѣ вспыхнула единодушная, настоящая революція, руководимая знатью и направленная противъ инквизиціи, такъ что вторично добившійся престола король былъ принужденъ изгнать Люцеро и на мѣсто его назначить новаго великаго инквизитора въ лицѣ *Ксименеса изъ Циснероса*[1]). Третій великій инквизиторъ отнесся болѣе снисходительно къ старохристіанамъ, но за то усердствовалъ въ дѣлѣ сожженія новохристіанъ еврейскаго и мавританскаго происхожденія. Онъ же грозно возсталъ противъ Карла V, который собирался было за 800,000 золотыхъ кронъ предоставить маранамъ полную свободу исповѣданія еврейской религіи. Совѣтники Фландріи, ко-

[1]) Лоренте, histoire de l'inquisition en Espagne I, стр. 345 и слѣд.

торымъ императоръ предоставилъ рѣшеніе этого вопроса, были склонны разрѣшить его благопріятно для марановъ, но свобода и терпимость были пустыми звуками для уха и сердца Ксименеса. Онъ запретилъ своему державному питомцу проявить терпимость къ евреямъ, какъ Торквемада воспретилъ это прадѣдамъ Карла. Его преемники были не менѣе правовѣрны, т. е. не менѣе безчеловѣчны. При нихъ къ еврейскимъ мученикамъ присоединились и христіанскія жертвы. Реформаціонное движеніе въ Германіи встрѣтило откликъ и въ Испаніи. Благодаря соединенію Германіи и Испаніи подъ скипетромъ императора Карла, ученіе Лютера и Кальвина о негодности папства, католическаго духовенства и богослуженія проникло и черезъ Пиренеи. Императоръ, которому реформація въ Германіи причинила столько хлопотъ, далъ святому судилищу указаніе сурово преслѣдовать всякаго лютеранина въ Испаніи. Свирѣпое чудовище обрадовалось брошенной ему добычѣ и немедленно же подвело лютеранскихъ христіанъ подъ одну категорію съ евреями и магометанами. На кострахъ стали одинаково и одновременно сжигаться мученики этихъ трехъ различныхъ вѣроисповѣданій.

Судьба еврейскихъ марановъ въ Португаліи была нѣсколько иная. Король *Маноелъ*, насильно крестившій готовившихся было къ выселенію евреевъ, далъ имъ, стараясь не доводить ихъ до отчаянія, свое слово, что въ теченіе двадцати лѣтъ имъ не будетъ угрожать опасность въ дѣлахъ вѣры со стороны инквизиціи[1]). Имъ даже было разрѣшено пріобрѣтать и читать еврейскія книги. Ободренные этимъ, португальскіе мараны стали соблюдать обряды іудейства менѣе скрытно, чѣмъ это дѣлали испанскіе мараны. Въ Лисабонѣ, гдѣ жило большинство изъ нихъ, у нихъ была синагога; вынужденные внѣшне исповѣдывать христіанство, они съ тѣмъ большимъ благоговѣніемъ собирались въ ней и съ тѣмъ болѣе сокрушеннымъ сердцемъ молили Бога о прощеніи имъ совершаемаго ими грѣха идолопоклонства. Взрослые обучали несовершеннолѣтнихъ Библіи и Талмуду и внушали имъ преданность іудаизму, чтобы не поддаваться соблазну искренняго перехода въ христіанство. Португальскіе мараны кромѣ того пользовались большей свободой передвиженія и потому многіе, продавъ свою недвижимость, отдѣльно или группами переселялись въ Берберію или Италію, а оттуда въ Турцію. Правда, Маноелъ, чтобы затруднить выселеніе марановъ, издалъ эдиктъ, согласно коему христіанину, подъ угрозой потери имущества, воспрещалось заключать торговую сдѣлку съ новообращенными и покупать у нихъ недвижимость безъ королевскаго согласія, а мараны съ женами, дѣтьми и челядью не должны были

[1]) См. т. IX, стр. 303. О судьбѣ марановъ въ Португаліи см. Herculano, da origem e estabelecimento da Inquisiçao em Portugal I, стр. 29 и слѣд.

выѣзжать изъ Португаліи безъ особаго на то разрѣшенія короля[1]). Но какъ легко можно было обойти этотъ законъ! Хотя нѣкоторые выселявшіеся мараны и были пойманы и наказаны (однажды цѣлая группа марановъ, которая тайкомъ на суднѣ направлялась въ Африку, была бурей загнана къ берегамъ Азорскихъ острововъ, гдѣ они были осуждены на продажу въ неволю[2]), все же многимъ удалось обмануть бдительность пограничной стражи. Испанскіе мараны имѣли всѣ основанія завидовать своимъ португальскимъ товарищамъ по несчастью и потому всячески старались пробраться черезъ границу Испаніи, гдѣ по всей странѣ были зажжены предназначавшіеся для нихъ костры. Конечно, мстительное испанское пра-тельство старалось воспрепятствовать этому и побудило Маноела издать (1503) законъ, согласно коему никакой испанецъ не могъ переселиться въ Португалію безъ представленія удостовѣренія о томъ, что онъ не обвиненъ въ ереси[3]). Фердинандъ испанскій, правда, требовалъ большаго. Ссылаясь на папскую булу, онъ требовалъ выдачи марановъ, бѣжавшихъ изъ Испаніи изъ страха предъ инквизиціей. Но Маноелъ согласился только на то, чтобы въ Португалію прибылъ инквизиторъ для привлеченія къ суду бѣглецовъ, который будетъ судить ихъ на основаніи португальскихъ законовъ[4]). Такимъ образомъ, существованіе португальскихъ марановъ было бы сноснымъ, если бы оно не было отравлено ненавистью народа. Послѣ ихъ крещенія стало ясно, что ихъ ненавидѣли не столько какъ приверженцевъ іудаизма, сколько какъ подвижныхъ, дѣятельныхъ и болѣе способныхъ, чѣмъ христіане, людей. Антипатія старохристіанъ возросла еще, когда новохристіане добились права заниматься всѣми ремеслами, брать въ откупъ церковные доходы, занимать различныя должности, даже высшія духовныя, и вступать въ монашескіе ордена. Сначала ненависть народа проявлялась въ бранныхъ словахъ: «жидъ, проклятый новохристіанинъ» (Judeo Marrano, converso), и Маноелъ долженъ былъ издать особый законъ, коимъ эта брань воспрещалась; но, конечно, онъ не могъ искоренить антипатіи къ евреямъ. Голодъ, явившійся результатомъ неурожая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, да еще прибавившаяся къ этому чума дали ненависти новую пищу; ибо всюду распространялись слухи, что крещеные евреи вывозятъ хлѣбъ заграницу съ цѣлью искусственно поднять цѣны въ странѣ. Особенно пламенную ненависть населеніе питало къ одному марану-выскочкѣ, *Іоао Родриго Маскаренасу*[5]),

[1]) Эдиктъ отъ апрѣля 1499 г.
[2]) Herculano, т. же стр. 134.
[3]) Т. же стр. 141.
[4]) Т. же.
[5]) О немъ разсказываетъ очевидецъ Соломонъ *ибнъ-Верга* (въ Schebet Jehuda № 60 стр. 97): אמרו קצת כי משנאת איש יהודי נקרא מאשקריניאש מוכס היה כל שנאת הנוצרים לפי שהיה מתגאה עליהם ומרבה חקים כנגדם.

главному откупщику всѣхъ налоговъ, и эта ненависть распространилась на всѣхъ марановъ. Повидимому, Маскаренасъ былъ весьма строгъ при взиманіи податей и даже добился у короля изданія закона противъ уклоненія отъ уплаты налоговъ; возможно также, что онъ вообще былъ жестокосердымъ человѣкомъ. Во всякомъ случаѣ населеніе Лисабона считало его воплощеніемъ всѣхъ пороковъ.

Этимъ настроеніемъ воспользовались злобные доминиканцы, чтобы погубить марановъ, любимцевъ короля Маноела. Нѣкоторые новохристіане были въ канунъ Пасхи (8 апрѣля 1505 г.) застигнуты за трапезой, устроенной, согласно еврейскому ритуалу, въ память объ освобожденіи изъ Египта. Конечно, они были обвинены въ ереси и брошены въ темницу, но, повидимому, духовный судъ епископовъ не рѣшался осудить ихъ, такъ какъ въ памяти народа было еще свѣжо воспоминаніе о томъ, какъ они, насильно крещенные, громко и энергично протестовали противъ этого насилія[1]).

Эта снисходительность епископовъ вызвала, конечно, ярость въ средѣ португальскихъ доминиканцевъ. Могущество ихъ испанскихъ собратьевъ не давало имъ покоя. Они, съ своей стороны, не только стали проповѣдовать противъ безбожія марановъ, но даже придумали чудо съ цѣлью еще болѣе фанатизировать народъ. Время было весьма благопріятно для нихъ. Въ Португаліи свирѣпствовала чума и ежедневно пожирала тысячи жертвъ, а продолжительная засуха угрожала новымъ неурожаемъ. Доминиканцы стали распространять слухи, что во всѣхъ этихъ несчастьяхъ виновны исключительно мараны. Они громко провозглашали, что въ ихъ церкви въ зеркалѣ, прикрѣпленномъ къ кресту, появился отблескъ съ изображеніемъ Маріи. Они были опытны въ этого рода дѣлахъ. Множество христіанъ стеклось въ ихъ церковь, чтобы убѣдиться въ этомъ чудѣ. Въ одно воскресеніе послѣ Пасхи (19 апрѣля 1506 г.) церковь была полна молящимися; между ними находились и мараны. Одинъ изъ нихъ будто выразилъ сомнѣніе въ чудѣ, сдѣлавъ либо такое замѣчаніе: «отблескъ съ изображеніемъ Маріи происходитъ отъ лампы, помѣщенной за цвѣтнымъ стекломъ», либо такое: «какія чудеса можетъ сотворить сухое дерево», либо такое, которое звучитъ весьма правдоподобно: «при засухѣ болѣе нужно чудо водою, чѣмъ огнемъ». Послѣ этихъ словъ женщины напали на неосторожнаго марана и стали избивать его, на помощь къ нимъ подоспѣли мужчины и общими силами добили несчастнаго. Его братъ, поспѣшившій къ нему на помощь, былъ также убитъ разъяренной толпой. Судьи и полицейскіе, хотѣвшіе арестовать убійцъ, были преслѣдуемы и вынуждены искать спасенія въ какомъ-то домѣ.

[1]) Отзывъ епископа Кутино у Гейне, стр. 178.

Это происшествіе собрало въ городѣ огромную толпу. Одинъ доминиканецъ въ дикой проповѣди призывалъ народъ, собравшійся у церкви, къ умерщвленію проклятыхъ новохристіанъ, ибо король покровительствуетъ имъ, а двое другихъ доминиканцевъ, *Іоао Мохо* и *Фратре Бернардо*, ходили по улицамъ съ крестомъ въ рукѣ и вопили: «ересь! ересь!» Весь сбродъ безпокойной столицы пришелъ въ возбужденіе, а къ нему присоединились нѣмецкіе, голандскіе, и французскіе матросы, воспользовавшіеся возможностью грабежа. И вотъ 10.000 убійцъ стали рыскать по всему городу, убивая марановъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, всюду, гдѣ ихъ заставали, на улицахъ, въ домахъ и другихъ убѣжищахъ. На площади доминиканской церкви, откуда исходило все движеніе, былъ зажженъ пылающій костеръ, на которомъ были сожжены несчастные мараны. Туда же на веревкахъ приволокли трупы убитыхъ и свалили ихъ въ двѣ большія груды. Такъ продолжалось всю ночь. Отъ воскресенья до понедѣльника погибло отъ 500—600 марановъ.

Но на этомъ рѣзня не окончилась; убійства продолжались еще два дня. Одинъ нѣмецъ, бывшій тогда въ Лисабонѣ, сообщаетъ: «Въ понедѣльникъ мнѣ привелось увидѣть столь ужасныя и жестокія вещи, что я бы имъ не повѣрилъ, если бы не увидѣлъ ихъ воочію. Я видѣлъ, какъ три монаха бѣгали по городу съ крестомъ въ рукѣ и кричали: «Милосердіе! Милосердіе! кто хочетъ поддержать христіанскую вѣру, тотъ да придетъ къ намъ; мы боремся противъ евреевъ и хотимъ перебить ихъ!» Такимъ образомъ крестъ снова сталъ знаменемъ для убійцъ, которые, слѣдуя за офиціальными носителями христіанства, врывались въ дома марановъ, отыскивали ихъ въ христіанскихъ домахъ, вытаскивали ихъ даже изъ церквей и мертвыми или живыми волокли ихъ къ костру. Беременныхъ женщинъ выбрасывали изъ оконъ на разставленныя внизу копья, причемъ нерѣдко выскакивалъ плодъ. Ужасна была охота на ненавистнаго откупщика, *Маскаренаса*, которому удалось днемъ раньше спастись бѣгствомъ изъ осажденнаго уже дома. Когда онъ былъ узнанъ и пойманъ, то всѣ, даже женщины и молодыя дѣвушки, охлаждали на немъ свой фанатическій пылъ. Всякій толкалъ, кололъ и колотилъ его; кто не могъ нанести ему удара, думалъ, что онъ потерялъ право на блаженство. Его домашняя обстановка была разрушена и притащена на доминиканскую площадь, чтобы зажечь тамъ особый костеръ для него. Но для костра не хватало дровъ; и вотъ нѣмецкіе матросы въ своемъ священномъ рвеніи собрали денегъ на покупку горючаго матеріала и чувствовали себя счастливыми, что Маскаренасъ былъ сожженъ на ихъ кострѣ. И въ третій день происходила эта безумная рѣзня, особенно въ окрестностяхъ Лисабона, куда бѣжали мараны. Крестьяне по-

слѣдовали примѣру городской черни. Эта фанатическая рѣзня сопровождалась изнасилованіемъ женщинъ и дѣвушекъ. Одна маранская дѣвушка, на которую напалъ съ гнусной цѣлью монахъ, убила его ударомъ его же ножа. Напрасно губернаторъ отъ имени короля призывалъ народныя массы къ прекращенію убійствъ, грабежей и насилій, тщетно увѣщевалъ онъ монаховъ поставить обратно въ церковь распятія, возбуждавшія страсти. Они считали убійство марановъ и захватъ ихъ имущества благочестивымъ дѣломъ. Однако буря все же постепенно улеглась, особенно послѣ того, какъ стало извѣстнымъ, что Маскаренасъ убитъ, а губернаторъ приказалъ повѣсить въ разныхъ частяхъ города схваченныхъ убійцъ. Впрочемъ, въ городѣ не было уже живыхъ марановъ. Число погибшихъ новохристіанъ опредѣляютъ въ 2—4000 чел. Даже многіе старохристіане были убиты своими врагами, воспользовавшимися удобнымъ случаемъ. Король былъ, конечно, возмущенъ этой рѣзней, тѣмъ болѣе, что послѣдняя была отчасти вызвана его доброжелательнымъ отношеніемъ къ маранамъ. Онъ приказалъ, поэтому, схватить и наказать многихъ вожаковъ - подстрекателей; два монаха, возбуждавшіе толпу противъ марановъ, были сожжены. Граждане потеряли право самоуправленія, такъ какъ они недостаточно энергично выступили противъ сброда убійцъ.

Эта рѣзня рѣшила судьбу марановъ въ Португаліи. Заступничество за нихъ короля еще болѣе ожесточило народъ, который жаждалъ ихъ истребленія. Жизнь марановъ такимъ образомъ всецѣло зависѣла отъ милости короля. Тщетно старался Маноелъ всячески защитить ихъ. Онъ издалъ (мартъ 1507 г.) декретъ, согласно коему новохристіане были уравнены въ правахъ съ остальными христіанами и имѣли право выѣхать изъ Португаліи; другой декретъ (1512 г.) освобождалъ ихъ еще на 16 лѣтъ отъ какой-либо отвѣтственности за ихъ іудействованіе [1]). Однако христіанское населеніе изъ расовой вражды и зависти по прежнему ненавидѣло новообращенныхъ. Возбуждавшія противъ марановъ воззванія расклеивались на городскихъ площадяхъ. Маноелъ, чуть ли не противъ своей воли, былъ вынужденъ снова вернуться къ ограниченіямъ. Онъ снова воспретилъ имъ выселяться изъ Португаліи и уже началъ переговоры съ папой Львомъ X съ цѣлью ввести противъ марановъ инквизицію, несмотря на неоднократное обѣщаніе полной безнаказанности за іудействованіе [2]). Король Маноелъ былъ преслѣдуемъ проклятіемъ, тяготѣвшимъ на немъ за совершенное имъ насиліе надъ евреями, и онъ такъ и не могъ справиться съ его роковыми послѣдствіями.

[1]) У Гейне, стр. 159; Геркулано т. же стр. 153 и слѣд.; Лоренте, Inquisition en Espagne II, стр. 99.

[2]) Документъ отъ 1515 у Геркулано т. же, стр. 162 и слѣд.

Положеніе португальскихъ марановъ нѣсколько измѣнилось при преемникѣ Маноела, Іоао III (1522—1557), томъ глупцѣ, который привелъ свою страну къ гибели. Уже инфантомъ онъ слылъ ярымъ врагомъ новохристіанъ. Правда, сначала онъ соблюдалъ установленія отца касательно равноправія новохристіанъ и полной безнаказанности ихъ въ вопросахъ вѣры (1522, 1524[1]). Но этой благопріятной для нихъ снисходительности мараны были обязаны старымъ совѣтникамъ его отца, которые съ одной стороны помнили еще о насильственномъ крещеніи марановъ, съ другой же стороны понимали, что мараны весьма полезны для развитія величія ихъ (небольшой тогда) державы. Ибо мараны, въ рукахъ коихъ сосредоточивались оптовая торговля и банковскія дѣла и которые проявляли такое большое искусство въ приготовленіи оружія и въ изготовленіи пушекъ, были, несомнѣнно, самымъ полезнымъ классомъ въ то время. Они почти одни владѣли познаніями въ области медицины и естественныхъ наукъ. Въ Португаліи были только еврейскіе, т. е. маранскіе, врачи и аптекаря[2]). По мѣрѣ того, какъ Іоао подпадалъ подъ противоположное вліяніе и постепенно устранялъ старыхъ совѣтниковъ своего отца, враждебное маранамъ фанатическое настроеніе снова стало господствующимъ. Королева Екатерина, испанская инфанта, боготворившая инквизицію, господствовавшую въ ея отечествѣ, и кровожадные доминиканцы, завидуя власти своихъ собратьевъ въ Испаніи, забрасывали короля жалобами на кощунственное отношеніе марановъ къ христіанской вѣрѣ и требовали воспрепятствовать этому путемъ введенія инквизиціи[3]). Вслѣдствіе этого Іоао III поручилъ одному чиновнику, по имени *Іорге Темудо*, слѣдить за маранами въ Лисабонѣ, гдѣ жило большинство ихъ, и доложить ему о результатахъ его наблюденій. Каковы были эти результаты, очевидно само собой, ибо новохристіане во всякомъ случаѣ не отличались правовѣріемъ и благочестивостью въ духѣ католической церкви. Ихъ сердца были закрыты для любви къ христіанству. Темудо, вѣроятно, не ушелъ далеко отъ истины, когда доложилъ королю (іюль 1524 г.), что нѣкоторые мараны соблюдаютъ субботу и праздникъ Пасхи, что, напротивъ, христіанскіе обычаи и церемоніи они исполняютъ весьма неохотно, не бываютъ на обѣднѣ и богослуженіи, не идутъ къ исповѣди, умирая, не причащаются Св. тайнъ, хоронятъ своихъ мертвецовъ въ невоздѣланной землѣ, а не на кладбищахъ, не совершаютъ заупокойныхъ молитвъ по умершимъ родственникамъ и т. д[4]).

[1]) Геркулано стр. 178 и слѣд., 207.
[2]) Т. же I, стр. 186, II стр. 30, 275.
[3]) Документъ у Геркулано, стр. 181 и слѣд., 188, 206 и слѣд.
[4]) Т. же стр. 189 и слѣд.

Но Іоао не довольствовался сообщеніемъ Темудо, а прибѣгнулъ къ шпіонству съ цѣлью выслѣдить марановъ. Для этой цѣли король воспользовался однимъ новохристіаниномъ, переселившимся изъ Испаніи, по имени *Генрихъ Нунесъ*, который позже получилъ отъ церкви почетное имя *Фирме-Фе*. Послѣдній, выйдя изъ школы человѣконенавистника *Люцеро* (см. выше, стр. 179), питалъ дикую вражду къ маранамъ, и его самымъ страстнымъ желаніемъ было видѣть и въ Португаліи зажженные для нихъ костры. И вотъ этому человѣку король далъ офиціальное, хотя и тайное, порученіе пробраться въ семьи новохристіанъ, жить въ ихъ средѣ, какъ братъ и товарищъ по несчастью, наблюдать за ними и сообщать королю собранныя свѣдѣнія. Ослѣпленный фанатической ненавистью противъ своихъ же единоплеменниковъ, Нунесъ и не замѣчалъ, какая постыдная роль подлаго шпіона была предоставлена ему. Онъ охотно принялъ на себя это порученіе, узналъ тайны несчастныхъ марановъ въ Лисабонѣ, Эворѣ и другихъ мѣстахъ и сообщилъ все, что онъ видѣлъ и слышалъ, въ письмахъ къ королю. Братски цѣлуя марановъ, которые открыли ему всю свою душу, онъ предалъ ихъ королю. Онъ не только сообщилъ послѣднему, что у нихъ нѣтъ въ домѣ католическихъ молитвенниковъ, на украшеніяхъ и посудѣ нѣтъ изображеній святыхъ, что они не употребляютъ четокъ и пр. т. п., но онъ даже назвалъ имена іудействующихъ марановъ и давалъ гнусные совѣты для борьбы съ послѣдними. Генрихъ Нунесъ совершилъ еще болѣе ужасную измѣну (хочется оправдать въ этомъ Нунеса и приписать всю вину фанатизировавшему сердца христіанству того времени); онъ донесъ на своего собственнаго брата, который, вмѣсто того, чтобы послѣдовать его совѣту и отправиться въ Испанію для полученія благочестиваго христіанскаго воспитанія, вернулся въ Лиссабонъ, дабы тайно исповѣдывать іудейскую вѣру. Вслѣдствіе этихъ доставленныхъ предателемъ свѣдѣній, Іоао III принялъ рѣшеніе ввести въ своей странѣ инквизицію по образцу испанской и тайно послалъ испытаннаго Нунеса къ Карлу V въ Испанію, вѣроятно, для того, чтобы привлечь его на свою сторону и просить его оказать давленіе на папу, дабы добиться отъ послѣдняго разрѣшенія на введеніе инквизиціи до истеченія установленнаго срока. Но мараны провѣдали объ этомъ и были такъ ожесточены противъ безсовѣстнаго шпіона, что двое изъ нихъ пустились въ догонку за нимъ, чтобы отплатить ему смертью за измѣну. Это были два францисканскихъ монаха или, вѣрнѣе, два марана, которые для виду надѣли на себя монашеское облаченіе, *Діего Вацъ* изъ Оливенсы и *Андре Діасъ* изъ Віаны. Они настигли его недалеко отъ испанской границы и убили его мечомъ и копьемъ. Они на-

[1]) Т. же стр. 195 и слѣд., 199 и слѣд., 205.

шли у него письма, въ которыхъ говорилось о введеніи инквизиціи. Мстители или убійцы, какъ ихъ называли правовѣрные христіане, были, однако, схвачены, несмотря на ихъ монашескія облаченія, подвергнуты пыткѣ съ цѣлью заставить ихъ выдать сообщниковъ и, наконецъ, осуждены на смертную казнь черезъ повѣшеніе. Судъ подвергъ ихъ самому суровому наказанію, и имъ до казни были отрублены руки, а къ эшафоту ихъ привлекли, привязавъ къ хвостамъ лошадей (начало 1525 г.[1]). Предатель же Нунесъ былъ почитаемъ, какъ мученикъ, чуть не причисленъ къ лику святыхъ и получилъ почетное имя *Фирме Фе* (непреклонная вѣра); мѣсто, гдѣ онъ былъ убитъ, стало въ глазахъ ослѣпленной массы святыней, а доминиканцы стали разсказывать о чудесахъ, которыя якобы совершилъ этотъ гнусный предатель.

Слѣдовало бы ожидать, что послѣ этого событія король-фанатикъ съ удвоенной энергіей примется за введеніе въ Португаліи инквизиціоннаго трибунала противъ іудействующихъ марановъ, имена коихъ были ему извѣстны изъ списка Нунеса и которые были, по общему мнѣнію, причастны къ убійству предателя. Въ самомъ дѣлѣ, немедленно же послѣ открытія убійства, король приказалъ произвести строгое слѣдствіе съ цѣлью открыть сообщниковъ обоихъ маранскихъ монаховъ, поручивъ веденіе его ярому врагу новохристіанъ, професору *Петро Маргало*, который рекомендовалъ королю Нунеса, какъ надежнаго человѣка. Онъ имѣлъ тѣмъ большее основаніе сурово отнестись къ маранамъ, что въ то же время кортесы возвели на нихъ цѣлый рядъ обвиненій, которыя, хотя и были несправедливы, все же давали ему поводъ преслѣдовать столь вредный для страны классъ людей. Кортесы, собравшіеся въ Торасъ Новасъ (1525 г.), жаловались, что мараны захватили въ свои руки ренты крупныхъ помѣстій, вели хлѣбныя спекуляціи, которыя повели къ вздорожанію предметовъ первой необходимости, что они одни занимаются врачебной практикой и владѣютъ аптеками, откуда они отпускаютъ старохристіанамъ вредныя лекарства. Кортесы поэтому просили короля воспретить новохристіанамъ владѣть аптеками, а маранскимъ врачамъ писать рецепты на латинскомъ языкѣ, такъ какъ послѣдніе понятны лишь очень немногимъ христіанамъ. Кортесы просили также позаботиться о томъ, чтобы старохристіанскіе юноши стали изучать медицину и чтобы эта монополія была вырвана изъ рукъ новохристіанскихъ врачей. Однако, противъ ожиданія, Донъ Іоао не внялъ этимъ жалобамъ и не издалъ никакихъ ограниченій противъ марановъ. Слѣдствіе по дѣлу о сообщникахъ маранскихъ монаховъ, убившихъ Нунеса, повидимому, тоже намѣренно затягивалось. Источники опредѣленно указываютъ, что король въ то вре-

[1]) Геркулано стр. 200 и слѣд.

мя отказался отъ плана введенія инквизиціи. Чему были обязаны этой милостью португальскіе мараны, которые уже готовились къ грозившей разразиться бурѣ? Случай, смѣлость авантюриста, повидимому, вызвалъ перемѣну настроенія въ душѣ слабаго, нерѣшительнаго короля.

Выступившій изъ густого мрака выходецъ изъ далекаго востока, о которомъ до сихъ поръ не знаютъ, былъ ли это шарлатанъ или безумно-смѣлый фантастъ и хотѣлъ ли онъ сыграть роль Месіи, политика или авантюриста, вызвалъ глубокое движеніе въ еврействѣ, коснувшееся и марановъ на крайнемъ западѣ. *Давидъ*, родившійся, вѣроятно, на *востокѣ* и долгое время жившій въ Аравіи и Нубіи, появился внезапно въ Европѣ въ своеобразной роли, пробудивъ въ еврействѣ несбыточныя надежды. Онъ объявилъ себя отпрыскомъ якобы проживающаго въ Аравіи независимаго староеврейскаго колѣна *Рувима*, выдавалъ себя за принца и брата тамошняго еврейскаго царя Іосифа и велѣлъ называть себя поэтому *Давидомъ Реубени*. Онъ, дѣйствительно, проживалъ въ Аравіи, а именно въ мѣстности *Хайбаръ* на сѣверѣ Геджаса, гдѣ во время Магомета и даже позже жили независимыя еврейскія племена[1]). Возможно, что и въ XVI вѣкѣ евреи, недавно переселившіеся туда, сумѣли сохранить свою независимость отъ господствовавшихъ магометанскихъ племенъ. Но что эти евреи были остатками прежнихъ колѣнъ Рувима и Гада и что они находились подъ властью еврейскаго царя, да къ тому еще отпрыска дома Давидова (какъ разсказывалъ Давидъ Реубени)—это было безспорно пустой выдумкой.

Этотъ человѣкъ съ огромной страстью къ приключеніямъ и странствованіямъ покинулъ Хайбаръ (декабрь 1522 г.), кочевалъ нѣсколько времени по Нубіи, часто подъ видомъ магометанина, отыскалъ, по его словамъ, тамъ, между Бѣлымъ и Голубымъ Ниломъ, остатки прежнихъ колѣнъ Израиля и, наконецъ, прибылъ въ Египетъ. Здѣсь онъ впервые повѣдалъ свою сказку о могущественномъ еврейскомъ государствѣ въ Хайбарѣ; но, повидимому, его словамъ не повѣрили. Въ Палестинѣ, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ (мартъ—іюнь 1523), его авантюристическіе разсказы и планы не имѣли, повидимому, успѣха, и онъ поэтому уѣхалъ черезъ Александрію въ Венецію (февраль 1524 г.). Въ этотъ, тогда міровой, городъ, бывшій посредникомъ между Европой и Азіей, уже раньше проникъ слухъ изъ Палестины о посланникѣ древне-израильскаго колѣна, а его разсказы возбудили всеобщее любопытство. Открытія новыхъ странъ, слѣдовавшія, въ теченіе весьма непродолжитель-

[1]) Срв. Грецъ т. VI, стр. 72. О независимыхъ племенахъ въ Аравіи въ XVI ст. даютъ не совсѣмъ недостовѣрныя свѣдѣнія Исаакъ Акришъ въ קול מבשר въ концѣ и Авраамъ Мегашъ въ כבוד אלהים.

наго времени, одно за другимъ, къ изумленію тогдашняго поколѣнія, которое вдругъ услышало о странахъ, людяхъ, нравахъ и вещахъ, о коихъ не имѣли представленія въ тѣсномъ кругу средневѣковой географіи—эти, ставшія обыденнымъ явленіемъ, чудеса сдѣлали людей того времени весьма легковѣрными. Они готовы были повѣрить всякому чуду. Умы, еще полные средневѣковыхъ представленій, не сомнѣвались въ томъ, что новыя открытія подтвердятъ весьма распространенныя тогда географическія любасенки. Христіане надѣялись на отысканіе царства легендарнаго священника, Іоанна, гдѣ сохранилось еще первобытное христіанство. Португальскіе короли, по инціативѣ коихъ были открыты новыя страны, послали особыхъ соглядатаевъ въ Азію и Африку для отысканія этого царства. Евреи, въ свою очередь, ожидали, что въ одинъ прекрасный день въ какомъ-нибудь уголкѣ Азіи будутъ найдены десять затерявшихся колѣнъ Израиля и даже легендарная рѣка, *Сабатіонъ* или *Самбатіонъ*, которая течетъ шесть дней въ недѣлю, а въ субботу отдыхаетъ, съ живущими тамъ *сынами Моисея*, которые сохранили въ чистотѣ іудаизмъ. И вотъ въ Венецію прибываетъ посланникъ якобы независимыхъ израильскихъ племенъ въ лицѣ Давида Реубени. Какое чудо! Фантазія европейскихъ евреевъ была надежной союзницей этого авантюриста; она проложила путь его смѣлымъ замысламъ. Цѣль его поѣздки, о которой онъ самъ лишь слегка намекалъ, но которую выболталъ его слуга, еще усиливала интересъ. Передавали, что онъ посланъ своимъ братомъ, подъ знаменемъ коего стоятъ 300.000 отборныхъ воиновъ, съ 70 старѣйшинами земли Хайбаръ къ европейскимъ князьямъ и особенно къ папѣ, чтобы получить у нихъ оружія и пушки, вопервыхъ, для борьбы съ магометанскими племенами, которыя препятствовали соединенію еврейскихъ племенъ, живущихъ по обѣ стороны Краснаго моря, и, вовторыхъ, для изгнанія турокъ изъ Св. земли съ помощью опытныхъ еврейскихъ войскъ.

Личность и поведеніе Давида Реубени много способствовали тому, что его слова возбудили довѣріе, ибо въ немъ было что-то своеобразное, таинственное, эксцентричное. Цвѣтъ его лица былъ темнымъ, онъ имѣлъ видъ карлика и былъ чрезвычайно худощавъ; непрерывные же посты превратили его буквально въ скелетъ. Къ тому же онъ былъ храбръ, безстрашенъ, очень рѣзокъ въ обращеніи и весьма далекій отъ всякой интимности. Онъ говорилъ только по древне-еврейски, но на такомъ испорченномъ жаргонѣ (вѣроятно, съ неправильнымъ произношеніемъ и безъ соблюденія правилъ грамматики), что его не понимали ни азіатскіе, ни южно-европейскіе евреи. Онъ утверждалъ: „никогда не изучалъ Талмуда и вообще не знакомъ съ еврейской литературой; онъ—воинъ, убившій въ теченіе одной битвы сорокъ человѣкъ“. Но позже выяс-

нилось, что онъ былъ посвященъ въ тайны кабалистики и лишь притворялся профаномъ.

Прибывъ въ Венецію, онъ не остановился у кого-нибудь изъ евреевъ, а остался въ домѣ капитана судна, на которомъ онъ совершилъ свой переѣздъ; но сопровождавшій его слуга обратилъ на него вниманіе евреевъ, которые не замедлили посѣтить его. Еврейскій художникъ, *Моисей*, и извѣстный богачъ, *Мацліахъ* (Фелице), ревностно поддерживали его, хотя онъ лишь въ общихъ чертахъ намекалъ имъ, что онъ ѣдетъ къ папѣ съ мисіей, направленной ко благу всего еврейства, и просилъ добыть ему судно въ которомъ онъ могъ бы переѣхать въ Римъ. Прибывъ въ Римъ (февраль 1524 г.), онъ верхомъ на бѣломъ конѣ со слугой и переводчикомъ отправился къ папскому двору и добился немедленно же аудіенціи у кардинала *Джуліо* въ присутствіи другихъ кардиналовъ. Онъ былъ принятъ въ аудіенціи также и папой Климентомъ и передалъ ему свои довѣрительныя грамоты.

Климентъ VII (на папскомъ престолѣ 1523—1534 г.) былъ однимъ изъ самыхъ благородныхъ папъ изъ дома флорентинскихъ Медичей. Рожденный отъ незаконной связи, онъ отличался умомъ и мягкостью и и былъ воодушевленъ стремленіемъ сдѣлать Италію независимой отъ варваровъ, т. е. отъ нѣмцевъ. Но его правленіе совпало съ эпохой, когда Европа была выбита изъ обычной колеи. Съ одной стороны лютеровская реформація, подвигавшаяся съ каждымъ днемъ гигантскими шагами впередъ, угрожала сверженіемъ папства, съ другой же стороны объединенная подъ властью Карла V огромная имперія Германіи и Испаніи, къ коимъ присоединились еще Бургундія и часть Америки, ложилась тяжкимъ гнетомъ на Италію, которая была уже близка къ тому, чтобы попасть въ рабскую зависимость отъ императора. Какъ только Климентъ противодѣйстволъ императору, послѣдній тотчасъ же поддерживалъ реформацію и дѣлалъ видъ, будто собирается ограничить папскую власть. Если же Климентъ уступалъ, то свободѣ Италіи угрожала серьезная опасность. Такимъ образомъ, несмотря на свой твердый характеръ, папа Климентъ постоянно колебался и, подобно большинству своихъ современниковъ, увлекался астрологическими вычисленіями, дабы узнать то, чего не могла предвидѣть человѣческая мудрость. Климентъ не былъ фанатикомъ и вообще былъ болѣе свѣтскаго, чѣмъ духовнаго образа мыслей, подобно своему родственнику, Льву X; поэтому же онъ снисходительно относился къ евреямъ и защищалъ ихъ отъ преслѣдованій.

Въ небольшой церковной области въ предѣлахъ Франціи, въ графствѣ Венесенъ, и въ большихъ городахъ, Авиньонѣ и Карпентра, гдѣ поселились и многіе испанскіе бѣглецы, евреи не только были терпимы,

но даже пользовались необыкновенными привилегіями. Имъ дозволено было въ неограниченной мѣрѣ заниматься торговлей и ремеслами. Они были освобождены отъ тяжелой необходимости выслушивать проповѣди мисіонеровъ, несмотря на то, что это было предписано имъ папами и соборами. Они были также освобождены отъ необходимости носить особый еврейскій нарядъ. Предъ судомъ они были уравнены въ правахъ съ прочимъ населеніемъ. Папа Климентъ принялъ этихъ евреевъ подъ свою особую охрану и угрожалъ отлученіемъ всякому, кто нарушитъ эти мирныя отношенія [1]). Депутаты городовъ жаловались на это покровительство евреямъ и требовали для нихъ ограниченій.

Давидъ Реубени, повидимому, передалъ папѣ Клименту VII письма, полученныя имъ отъ португальскихъ капитановъ или купцовъ, которыхъ онъ, быть можетъ, встрѣтилъ въ Аравіи и Нубіи и которые, вѣроятно, удостовѣрили существованіе въ томъ уголкѣ земного шара воинственныхъ еврейскихъ племенъ, да и многаго иного, въ чемъ увѣрилъ ихъ авантюристъ съ импонировавшимъ имъ даромъ воображенія. Эти письма папа переслалъ португальскому двору, и, когда ихъ тамъ нашли въ порядкѣ, Давидъ былъ принятъ съ большими почестями, какъ посланникъ чужой державы. На мулѣ онъ разъѣжалъ по Риму въ сопровожденіи десяти евреевъ и болѣе двухъ сотъ христіанъ. Поднять крестовый походъ противъ Турціи, опираясь на израильскія войска, прогнать изъ Св. земли злѣйшаго врага христіанства и такимъ образомъ снова захватить въ свои руки военныя дѣла—все это было весьма заманчиво для папы, мѣропріятія коего каждую минуту тормозились и разстраивались сложными и запутанными политическими отношеніями. Даже самые разсудительные евреи, не очень то довѣрявшіе словамъ Давида, не могли закрыть глаза предъ тѣмъ поразительнымъ фактомъ, что еврей съ такой предупредительностью и съ такими почестями принятъ при папскомъ дворѣ, и были, въ свою очередь, убѣждены, что въ разсказахъ Давида должно быть зерно правды. Съ тѣхъ поръ римскіе и иногородніе евреи стекались къ нему, который открывалъ имъ столь лучезарное будущее. Синьора *Бенвенида Абрабанелъ*, жена богача Самуила Абрабанела (см. выше стр. 32), послала ему изъ Неаполя значительную сумму денегъ, драгоцѣнное шелковое знамя съ вышитыми на немъ десятью заповѣдями и много богатыхъ облаченій. Онъ же мастерски игралъ свою роль, держа евреевъ на почтительномъ разстояніи отъ себя. И только одному чрезвычайно богатому человѣку, Даніилу изъ Пизы, онъ довѣрилъ свои планы. Даніилъ изъ Пизы былъ приближенъ къ папскому двору и заботился о потребностяхъ и удобствахъ Давида.

[1]) Revue des Etudes Juives VII. 235 II.

Когда Давидъ Реубени получилъ, наконецъ, отъ португальскаго короля офиціальное приглашеніе, онъ покинулъ Римъ, гдѣ пробылъ болѣе года, и на суднѣ съ еврейскимъ знаменемъ поѣхалъ къ королю. Въ Алмеріи, резиденціи короля Іоао III близъ Сантарема, куда Давидъ прибылъ (въ ноябрѣ 1525 г.) съ многочисленной свитой, какъ князь, большими денежными средствами и роскошнымъ знаменемъ, его встрѣтили также съ большими почестями; тамъ былъ обсуждаемъ вопросъ о томъ, какъ могутъ быть доставлены оружіе и пушки изъ Португаліи въ Аравію и Нубію. Появленіе Давида въ Португаліи, несомнѣнно, вызвало перемѣну отношенія къ маранамъ и побудило Іоао[1]) отказаться отъ намѣренія преслѣдовать ихъ. Для столь огромнаго предпріятія онъ нуждался въ ихъ поддержкѣ, капиталахъ и совѣтахъ. Вступая въ союзъ съ еврейскимъ царемъ, онъ не могъ одновременно преслѣдовать полуевреевъ въ своей странѣ. Поэтому внезапно остыло его рвеніе къ вопросу о введеніи инквизиціи въ Португаліи.

Можно себѣ представить, какъ велики были изумленіе и радость португальскихъ марановъ, когда они узнали, что еврей не только былъ допущенъ въ Португалію, но даже имѣетъ доступъ ко двору и ведетъ переговоры съ королемъ. Казалось: для нихъ пробилъ часъ искупленія, котораго они такъ жаждали въ глубинѣ изстрадавшейся души; пришла неожиданная помощь, близко освобожденіе и спасеніе отъ вѣчнаго страха. Они снова свободно вздохнули. Независимо отъ того, выдавалъ ли себя Давидъ Реубени за Месію или нѣтъ, мараны принимали его за таковогo и считали дни до того великаго дня, когда предъ ихъ изумленными глазами возстанетъ въ ослѣпительномъ блескѣ новый Іерусалимъ. Они стекались толпами къ нему, цѣловали его руки и относились къ нему, какъ къ своему царю. Эта радостная вѣсть проникла изъ Португаліи въ Испанію къ еще болѣе несчастнымъ испанскимъ маранамъ, которыхъ охватилъ безумный восторгъ. Душевное состояніе этихъ несчастныхъ уже и безъ того было слишкомъ ненормальнымъ, эксцентричнымъ и неуравновѣшеннымъ. Ежедневно и ежечасно они претерпѣвали душевныя муки, будучи вынуждены исполнять религіозные обряды, которые они въ глубинѣ души ненавидѣли, и тайкомъ соблюдать предписанія іудаизма подъ постояннымъ страхомъ быть уличенными въ этомъ и по малѣйшему подозрѣнію или доносу быть брошенными въ темницу инквизиціи, пытаемыми и сожженными на кострѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что многіе изъ нихъ потеряли душевное равновѣсіе и впадали въ состояніе, граничащее съ безуміемъ.

[1]) Ср. Кайзерлингъ, Исторія евреевъ въ Португаліи, стр. 157

Одинъ маранъ изъ Барселоны, ученикъ раввина Якова Берава (см. выше стр. 12), выдавалъ себя за Бога въ трехъ лицахъ и предсказывалъ: его постигнетъ смерть, но онъ черезъ три дня воскреснетъ, всѣ же, вѣрующіе въ него, обрѣтутъ блаженство[1]). Конечно, инквизиція поспѣшила казнить несчастнаго вмѣсто того, чтобы отправить безумца въ больницу для умалишенныхъ. Надежда на Месію, т. е. избавленіе съ помощью небеснаго чуда, составляла атмосферу, въ которой жили и дышали мараны, въ душѣ оставшіеся преданными вѣрѣ своихъ предковъ. Когда вѣсть о прибытіи къ португальскому двору посланника еврейскаго царства проникла въ Испанію, множество новохристіанъ бѣжало въ Португалію, чтобы быть вблизи мнимаго спасителя[2]). Но Давидъ, пользовавшійся въ Португаліи полной свободой, повидимому, былъ весьма остороженъ, не возбуждалъ у нихъ надеждъ и не убѣждалъ ихъ открыто исповѣдывать іудаизмъ. Онъ прекрасно понималъ, что висѣлъ надъ пропастью и что за всякое неосторожное слово или какой-нибудь необдуманный поступокъ онъ могъ легко поплатиться жизнью. Тѣмъ не менѣе взгляды марановъ были обращены на него; они находились въ необычайномъ возбужденіи и напряженно ожидали грядущихъ чудесныхъ событій, которыя неминуемо должны были наступить.

[1]) Лоренте, Histoire de l'Inquisition en Espagne I, стр. 338.

[2]) См. примѣч. 5.

ГЛАВА VIII.

Кабалистически-месіанское движеніе, вызванное Соломономъ Молхо, и введеніе инквизиціи въ Португаліи.

Экзальтированный Діого Пиресъ или Соломонъ Молхо соединяется съ Давидомъ Реубени. Переселеніе перваго въ Турцію. Его сношеніе съ Іосифомъ Каро и вліяніе, которое онъ имѣлъ на послѣдняго. Магидъ Каро. Молхо всюду вызываетъ месіанскія упованія; возбужденіе среди испанскихъ и португальскихъ марановъ. Возвращеніе Давида въ Италію. Новыя попытки введенія инквизиціи въ Португаліи. Климентъ VII покровительствуетъ маранамъ, убѣжище въ Анконѣ. Молхо въ Анконѣ и Римѣ, его сновидѣнія; Молхо становится любимцемъ папы и нѣкоторыхъ кардиналовъ. Его прорицанія исполнились. Преслѣдованія Молхо Яковомъ Мантиномъ. Судъ надъ нимъ и бѣгство изъ Рима. Климентъ разрѣшаетъ введеніе инквизиціи въ Португалію. Жестокости противъ марановъ. Попытка Климента отмѣнить инквизицію. Смерть Молхо на кострѣ и арестъ Давида. Преклоненіе предъ Молхо продолжается и послѣ его смерти. Попытки устранить инквизицію. Дуарте де Пацъ. Новыя интриги при Павлѣ III. Карлъ V и евреи. Эмануилъ да Коста. Нунціи защищаютъ марановъ.

(1525—1538)

Появленіе Давида Реубени и пробужденныя имъ надежды особенно потрясли и глубоко взволновали одного благороднаго, даровитаго и красиваго юношу. *Діого Пиресъ* (род. въ 1501 г., умеръ мученикомъ въ 1532 г.[1]), который, при благопріятныхъ условіяхъ, со своей пламенной поэтической фантазіей, несомнѣнно, многое бы создалъ въ области поэзіи, сдѣлался орудіемъ нелѣпыхъ выдумокъ мнимаго посланника Хайбара. Родившись новохристіаниномъ, Пиресъ получилъ многостороннее образованіе, понималъ міровой языкъ того времени, латинскій, и говорилъ на немъ, былъ королевскимъ чиновникомъ высшаго суда и чрезвычайно любимъ при дворѣ. Повидимому, онъ уже съ раннихъ лѣтъ былъ посвященъ въ еврейскую и равинскую литературу; даже съ кабалой его ознакомилъ, вѣроятно, одинъ изъ учителей-марановъ. Больше намъ ничего неизвѣстно объ этомъ юношѣ, имени коего скоро суждено было прогремѣть по всей Европѣ и Азіи. Когда Давидъ со своими фантастическими планами появился въ Португаліи, Діого Пиресъ, точно одержимый бѣсомъ, сталъ мучиться дикими сновидѣніями и галюцинаціями, которыя всегда были связаны съ месіанской идеей. Поэтому онъ поспѣшилъ къ Давиду, чтобы узнать у него, согласуется ли мисія послѣдняго съ его сновидѣніями.

---

[1]) Объ идентичности Соломона Молхо и Діого Пиреса ср. примѣч. 5.

Передаютъ, будто Давидъ весьма холодно отнесся къ нему и прямо такъ и заявилъ, что его военная мисія не имѣетъ ничего общаго съ месіанскимъ мистицизмомъ и что онъ, Давидъ, вообще ничего не понимаетъ въ кабалѣ. Діого Пиресъ, однако, объяснялъ эту холодность тѣмъ обстоятельствомъ, что на его тѣлѣ нѣтъ знака принадлежности къ еврейству. Онъ подвергъ себя нужной для этого весьма опасной операціи; сильная потеря крови приковала его къ постели. Давидъ, получивъ отъ Пиреса сообщеніе объ этомъ, былъ сильно возмущенъ, такъ какъ они оба были бы въ большой опасности, если бы королю донесли о томъ, что маранъ совершеніемъ обрѣзанія открыто призналъ себя евреемъ и что онъ сдѣлалъ это подъ вліяніемъ Давида. Послѣ обрѣзанія, вѣроятно, вслѣдствіе физической слабости, у Пиреса, который либо тогда принялъ имя *Соломона Молхо,* либо уже раньше имѣлъ его, появились страшныя сновидѣнія, содержаніе коихъ всегда относилось къ маранамъ и Месіи, ихъ спасителю. Однажды онъ видѣлъ голубей трехъ различныхъ цвѣтовъ, которые были сражены рукою мощныхъ стрѣлковъ: *бѣлыхъ голубей* (евреевъ, оставшихся вѣрными своей религіи), *зеленыхъ* (колеблющихся марановъ, евреевъ въ душѣ) и *черныхъ* (новохристіанъ, которымъ іудаизмъ уже сталъ чуждымъ); посланникъ Бога уничтожилъ стрѣлковъ, и зеленые голуби снова окрасились въ бѣлый цвѣтъ[1]). Также во снѣ къ нему явилось съ неба особое существо, бесѣдовавшее съ нимъ (Maggid) и повелѣвшее ему оставить Португалію и переселиться въ Турцію. Давидъ Реубени также совѣтовалъ ему поспѣшно оставить Португалію, ибо актъ обрѣзанія могъ сдѣлаться опаснымъ для самого Давида и разстроить всѣ его планы. Выѣздъ марановъ изъ Португаліи, повидимому, не былъ обставленъ въ то время трудностями. Намъ неизвѣстно, какимъ путемъ онъ добрался до Турціи.

Этотъ молодой, красивый экзальтированный кабалистъ, вновь вернувшійся въ лоно іудаизма, произвелъ сильное впечатлѣніе въ Турціи. Сначала онъ выдавалъ себя за посланника Давида Реубени, о близкихъ отношеніяхъ коего къ папскому и португальскому дворамъ уже проникли слухи на востокъ и тамъ также воспламенили умы. Въ Салоникахъ онъ попалъ въ кабалистическій кружокъ *Іосифа Тайтасака* (см. выше, стр. 28), гдѣ напряженно слѣдили за всѣми его сновидѣніями и галлюцинаціями. Въ Адріанополѣ Пиресъ-Молхо обратилъ въ кабалиста здравомыслящаго, еще мальчикомъ переселившагося сюда изъ Испаніи, *Іосифа Каро,* который до того лишь заботился объ увеличеніи своей талмудической учености[2]). Экзальтація заразительна. Каро, въ свою очередь, впалъ въ состо-

[1]) Въ первомъ подробномъ письмѣ Молхо, примѣч. 5.

[2]) Ср. то же примѣчаніе.

яніе кабалистическаго экстаза и, подобно Молхо, имѣлъ своего суфлера во снѣ Maggid), который сообщалъ ему нелѣпыя, мистическія толкованія св. Писанія и открывалъ ему будущее. Подражая Молхо, онъ, подобно тому, былъ непоколебимо убѣжденъ, что будетъ сожженъ на кострѣ, какъ «угодная Богу жертва». Молхо заразилъ своихъ приверженцевъ страстнымъ стремленіемъ къ мученичеству, Онъ одно время провелъ и въ Палестинѣ, именно въ Сафетѣ, который, какъ уже было упомянуто, являлся какъ бы гнѣздомъ кабалистовъ. Привлекательная личность Молхо, его чистый энтузіазмъ, его романтизмъ, его прошлое, его изумительная освѣдомленность въ кабалѣ, хотя онъ родился христіаниномъ—все это доставило ему толпы приверженцевъ, которые благоговѣйно и съ глубокой вѣрой слушали его мистическія бредни. Онъ часто произносилъ проповѣди, и его краснорѣчіе било ключомъ. Сѣдовласые старцы обращались къ этому юношѣ, прося его либо разъяснить какое-нибудь темное мѣсто въ св. Писаніи, либо открыть имъ будущее. По настоянію своихъ друзей, онъ опубликовалъ небольшія выдержки изъ его кабалистическихъ проповѣдей[1]), содержаніе коихъ сводилось къ тому, что очень скоро, въ концѣ 5300 года отъ сотворенія міра (1540 г.), наступитъ месіанская эпоха. Разграбленіе и опустошеніе Рима (5 мая 1527 г.) укрѣпило кабалистовъ въ ихъ месіанскихъ упованіяхъ. Наполненный добычей со всего міра, Римъ, этотъ многогрѣшный католическій *Вавилонъ*, былъ приступомъ взятъ нѣмецкими, большей частью лютеровскими, ландскнехтами, которые по приказу католическаго императора, Карла V, хозяйничали въ Римѣ, какъ въ непріятельскомъ городѣ. Грубые солдаты поносили папу и католическую церковь и восторженно превозносили Лютера въ столицѣ католицизма, между тѣмъ какъ Климентъ VII былъ осажденъ въ крѣпости Св. ангела. Паденіе Рима должно было, по месіански-апокалиптическимъ предсказаніямъ, явиться провозвѣстникомъ пришествія Месіи. И вотъ Римъ палъ. Въ Азіи, Турціи, Венгріи, Польшѣ, Германіи сердца евреевъ преисполнились месіанскихъ чаяній и надеждъ, связанныхъ съ именемъ Соломона Молхо, который долженъ былъ ихъ осуществить[2]).

Въ Испаніи и Португаліи мараны еще болѣе судорожно ухватились за надежды на месіанское избавленіе и на Давида Реубени, котораго они, по его желанію или наперекоръ его волѣ, считали предтечей Месіи. Иллюзіи ослѣпляли ихъ, такъ что они отваживались на смѣлыя предпріятія, которыя неизбѣжно должны были принести имъ смерть. Нѣсколько испанскихъ марановъ, осужденныхъ на сожженіе, нашли себѣ какимъ-то чудомъ убѣжище въ Португаліи (въ Кампо-Майоръ). Группа молодыхъ

[1]) ספר המפואר или דרשות, напеч. въ Салоникахъ 1529.

[2]) См. примѣчаніе 5.

людей изъ ихъ числа съ оружіемъ въ рукахъ напала на Бадайоцъ, откуда они бѣжали, съ цѣлью освободить многихъ маранскихъ женщинъ, томившихся въ темницѣ инквизиціи; своимъ внезапнымъ набѣгомъ они нагнали страхъ на жителей города и въ самомъ дѣлѣ освободили несчастныхъ узницъ. Это событіе надѣлало много шума въ обѣихъ странахъ и повлекло за собой печальныя послѣдствія для новохристіанъ. Инквизиторъ Бадайоца, *Селая*, въ посланіи жаловался на смѣлость марановъ и указывалъ, какъ на причину ея, на еврея, пришедшаго изъ чуждыхъ странъ, который пробудилъ въ евреяхъ надежды и сдѣлалъ ихъ настолько смѣлыми, что они изъ Испаніи собрались на португальской границѣ и осмѣлились напасть на Бадайоцъ[1]). Онъ требовалъ выдачи всѣхъ новохристіанъ, бѣжавшихъ въ Кампо-Майоръ, и одновременно увѣщевалъ португальскаго короля не позволять маранамъ своей страны безнаказанно исповѣдовать іудаизмъ. Съ своеобразной, чисто-доминиканской логикой Селая доказывалъ королю неосновательность его колебаній слѣдующимъ образомъ: говорятъ, что португальскіе новохристіане были насильно подвергнуты крещенію, и потому послѣднее нисколько не связываетъ ихъ; но нельзя назвать ихъ крещеніе насиліемъ, когда имъ оказано этимъ неизмѣримое благодѣяніе; это не было насиліемъ еще потому, что, если евреи питали такое сильное отвращеніе къ христіанству, никто не мѣшалъ имъ мужественно встрѣтить смерть, подобно макавеямъ. Одновременно Селая замѣтилъ португальскому королю: пользующійся благосклонностью короля еврей съ востока (Давидъ Реубени) и его приверженцы—еретики, ложно истолковывающіе Ветхій завѣтъ; единственная правовѣрная секта среди евреевъ это караимы, которые придерживаются буквы Библіи; португальскіе мараны такъ или иначе должны быть сожжены, какъ христіане-ренегаты или какъ евреи-еретики[2]). По поводу насильственнаго освобожденія маранскихъ женщинъ изъ Бадайоца, королю Іоао III жаловались также испанская королева и даже самъ императоръ Карлъ[3]).

Эти событія въ связи съ другими обвиненіями противъ нѣкоторыхъ марановъ въ Гоувеѣ, которые будто осквернили изображеніе Маріи, а также бурныя требованія гражданъ сурово наказать виновныхъ снова побудили короля вернуться къ своему прежнему плану введенія инквизиціоннаго суда. Давидъ Реубени находился въ милости у португальскаго короля лишь въ теченіе очень непродолжительнаго времени. Встрѣченный сначала съ чрезвычайной любезностью и часто получая аудіенцію у Іоао III (причемъ переговоры велись при посредствѣ арабскаго и португальскаго переводчика), онъ добился того, что ему было обѣщано поставить въ его распоряженіе восемь

[1]) Т. же.
[2]) Т. же 200.
[3]) У Геркулано въ ук. м., I, стр. 210.

кораблей и 4000 штукъ огнестрѣльнаго оружія, дабы дать возможность его брату, мнимому королю Хайбара, изгнать арабовъ и турокъ; но постепенно король отрезвился. *Мигуелъ де-Силва*, который былъ португальскимъ посланникомъ при папскомъ дворѣ во время пребыванія Давида въ Римѣ и уже тогда считалъ мнимаго еврейскаго принца изъ Хайбара авантюристомъ, былъ отозванъ въ Португалію и дѣлалъ всяческія усилія лишить Давида благосклонности короля, стараясь противодѣйствовать вліянію другихъ королевскихъ совѣтниковъ, которые были введены въ заблужденіе смѣлымъ выступленіемъ Давида. Помимо этого, открытое и демонстративное прославленіе Давида маранами вызвало недовѣріе къ нему. Мигуелъ де-Силва, которому было поручено добиться введенія инквизиціи въ Португаліи, могъ указать на то, что самъ король своимъ покровительствомъ мнимаго еврейскаго принца только укрѣпляетъ марановъ въ ихъ невѣріи и въ ихъ приверженности къ іудаизму. Къ этому прибавилось еще обрѣзаніе и бѣгство королевскаго чиновника, Діого Пиреса. Этотъ случай вызвалъ сильное раздраженіе при португальскомъ дворѣ, а королю донесли, что Давидъ побуждалъ Діого къ совершенію обряда обрѣзанія.

И вотъ внезапно Давиду было приказано оставить Португалію, гдѣ онъ пробылъ и былъ осыпаемъ почестями въ теченіе почти года. Ему былъ данъ срокъ въ два мѣсяца для отъѣзда. Однако онъ, не желая разставаться съ этой страной и, вѣроятно, надѣясь на перемѣну въ настроеніи короля, оставался въ Португаліи еще болѣе четырехъ мѣсяцевъ и чуть ли не силой былъ посаженъ на судно. Послѣднее было бурей отнесено къ испанскимъ берегамъ, и Давидъ со всей своей свитой попалъ въ плѣнъ Испаніи и долженъ былъ быть привлеченъ къ суду инквизиціи. Однако императоръ Карлъ даровалъ ему свободу, и Давидъ отправился въ Авиньонъ, въ папскую область[1]). Какъ только король Іоао порвалъ съ Давидомъ, исчезло основаніе щадить марановъ. Королева, доминиканцы и нѣкоторые гранды настаивали предъ колебавшимся королемъ на введеніи инквизиціи. Наконецъ, епископъ Цеуты, *Генрихъ*, бывшій францисканскій монахъ и фанатическій священникъ, положилъ конецъ колебаніямъ. Въ его приходѣ, Оливенсѣ, пять новохристіанъ были заподозрѣны въ соблюденіи обрядовъ іудаизма [2]), и онъ живо раздѣлался съ ними. Не заботясь о томъ, разрѣшилъ ли папа инквизицію и издалъ-ли король законъ о введеніи ея или нѣтъ, онъ воздвигъ костеръ и, безъ всякаго допроса и слѣдствія, приказалъ сжечь осужденныхъ (около 1530 г.). Народъ съ восторгомъ отнесся къ этой расправѣ и отпраздновалъ убійство новохристіанъ боемъ

[1]) Примѣч. 5.

[2]) Итальянское сообщеніе въ примѣч. 6 и Геркулано въ ук. м., стр. 221.

подъ угрозой смертной казни запрещено перевозить марановъ, а всѣмъ христіанамъ было воспрещено покупать недвижимую собственность у ново-христіанъ; послѣдніе не были вправѣ посылать за-границу свое имущество или же подписывать векселя [1]). Тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ готовились тайно къ побѣгу изъ «страны, которой коснулась ядовитая змѣя (инквизиція); но прежде, чѣмъ они успѣли вступить на судно, они были схвачены вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, брошены въ темницы, а позже сожжены[2]). Другіе же, не успѣвъ еще достигнуть судна, на которомъ они находились бы внѣ опасности, погибли въ морской пучинѣ. Многіе были найдены въ самыхъ потаенныхъ мѣстахъ и погибли на кострахъ. Тѣ, кому удалось вырваться изъ когтей кровожаднаго звѣря въ образѣ инквизиціи, не нашли въ чужихъ странахъ облегченія, и были схвачены въ плѣнъ во Фландріи, задержаны во Франціи и плохо приняты въ Англіи. Во время этихъ мытарствъ многіе потеряли имущество и жизнь. Тѣ, которые очутились въ Германіи, погибли въ Альпахъ отъ крайней нужды, оставляя беременныхъ женъ, которыя на холодныхъ и покинутыхъ дорогахъ рожали дѣтей и претерпѣвали неимовѣрныя бѣдствія».

Точно этихъ ужасовъ было все еще недостаточно, въ Италіи возсталъ противъ нихъ жестокій гонитель. *Джіовани дела Фоя* подстерегалъ бѣглецовъ въ области Милана и перехватывалъ такимъ образомъ цѣлые обозы плѣнниковъ. Такъ какъ умерщвленіе бѣглецовъ не находилось въ его власти, то онъ грабилъ ихъ до послѣдней нитки и подвергалъ слабыхъ женщинъ и немощныхъ старцевъ разнообразнымъ пыткамъ съ цѣлью вывѣдать у нихъ, что они везутъ съ собою и какіе бѣглецы еще слѣдуютъ за ними, дабы и этихъ подстеречь и ограбить. Отнявъ у нихъ все, онъ ихъ бросалъ на произволъ судьбы. Спасаясь отъ преслѣдованія ядовитой змѣи, эти несчастные попадали въ когти еще болѣе кровожадныхъ звѣрей[3]). Тѣмъ не менѣе мараны не отказались отъ побѣга; только они готовились къ нему съ большею осторожностью. Имъ не оставалось никакого иного исхода; ихъ призывъ къ справедливости, человѣчности и исполненію данныхъ привилегій былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Бѣжавшіе въ Римъ мараны горько жаловались папѣ Клименту на безчеловѣчныя преслѣдованія инквизиціи и указывали на то, что изданная имъ булла была хитростью добыта королемъ, который, изложивъ положеніе дѣлъ въ ложномъ освѣщеніи, ввелъ въ заблужденіе папскую

[1]) Геркулано т. же I, стр. 251.
[2]) Т. же стр. 259.
[3]) Уске tribuiaçao III, № 31.

И вотъ спицы этого вертѣвшагося колеса задѣла слабая рука кабалистическаго фантаста, *Діого Пиреса* или *Соломона Молхо*. Съ востока онъ отправился въ Италію, чтобы выполнить свою меcіанскую мисію, которую онъ въ себѣ чувствовалъ или которую ему навязали. Въ міровой столицѣ христіанства онъ хотѣлъ безбоязненно повѣдать властелинамъ о грядущемъ избавленіи. Въ Анконѣ, куда онъ прибылъ со свитой (къ концу 1529 г.[1]), нѣкоторые злоумышленники, по его словамъ, преслѣдовали его; на самомъ же дѣлѣ, это были, вѣроятно, разсудительные люди, которые, получивъ свѣдѣнія о его дѣятельности на востокѣ и узнавъ о его страстномъ стремленіи къ мученичеству, опасались печальныхъ послѣдствій для еврейства вообще и для марановъ въ Испаніи, Португаліи и Испаніи въ особенности и потому донесли епископу Анконы, что Молхо, будучи новохристіаниномъ, перешелъ обратно въ іудейство. Епископъ призвалъ его къ себѣ; но Молхо безбоязненно заявилъ, что онъ предпочелъ іудаизмъ, такъ какъ послѣдній содержитъ истину. Епископъ отпустилъ его, отнесшись къ нему, какъ къ одному изъ марановъ, которымъ папа и кардиналы даровали свободу исповѣданія; однако запретилъ ему проповѣдовать противъ христіанства. Молхо оставался тамъ еще нѣкоторое время, его проповѣди привлекали всегда много слушателей, въ томъ числѣ знатныхъ христіанъ и даже лицъ духовнаго званія. Онъ участвовалъ также въ диспутѣ съ однимъ прелатомъ, что, повидимому, поставило его въ опасное положеніе; тогда онъ отправился въ Пезаро вмѣстѣ съ герцогомъ Урбино, *Франческо Марія дела Ровере I*, который ожидалъ выгодъ для своего маленькаго государства отъ поселенія въ немъ марановъ. Однако Молхо и тамъ не успокоился; онъ горѣлъ отъ нетерпѣнія и всей душой стремился въ Римъ, чтобы подготовить пришествіе Месіи. Но Молхо не имѣлъ яснаго представленія о томъ, что ему предпринять. Онъ ожидалъ высшаго откровенія, которое, какъ онъ вѣрилъ, научитъ его дѣйствовать. Слѣдуя какому-то сновидѣнію, онъ, оставивъ свою свиту въ Пезаро, одинъ верхомъ на конѣ отправился въ Римъ. При видѣ вѣчнаго города, который Молхо, подобно Лютеру, считалъ мѣстопребываніемъ Антихриста, онъ впалъ въ экстазъ и горячо молилъ Бога объ отпущеніи грѣховъ и о спасеніи Израиля. И вотъ онъ услышалъ голосъ, прервавшій его молитву библейскими словами: «Эдомъ (Римъ) станетъ наслѣдникомъ Израиля, но его нога пошатнется, Израиль же одержитъ побѣду». Въ такомъ настроеніи онъ вступилъ въ стѣны Рима, отправился въ христіанскій ночлежный пріютъ, сказалъ, что хочетъ неузнаннымъ пробраться къ своей возлюбленной, и просилъ хозяина помочь ему переодѣться. Оставивъ своего коня и свое платье въ пріютѣ, онъ

[1]) О всемъ нижеслѣдующемъ см. примѣч. 6.

надѣлъ изорванное платье, зачернилъ свое лицо, обмоталъ ноги грязнымъ тряпьемъ и смѣшался съ толпой нищихъ у моста черезъ рѣку Тибръ противъ папскаго дворца. Это была месіанская обстановка, ибо, по преданію, Месія будетъ пребывать среди нищихъ и прокаженныхъ въ Римѣ и оттуда начнетъ свое тріумфальное шествіе. Цѣлыхъ тридцать дней жилъ этотъ фантастъ среди нищихъ, не ѣлъ мяса, не пилъ вина и истощалъ себя, ожидая пророческаго откровенія.

Упадокъ физическихъ силъ и экзальтированность духа не замедлили сказаться; Молхо впалъ въ глубокій сонъ, и во снѣ ему показалось видѣніе, которое тѣмъ замѣчательно, что оно отчасти въ точности исполнилось. Онъ видѣлъ во снѣ старца, который, по его словамъ, уже неоднократно являлся къ нему, и этотъ старецъ перенесъ его въ Св. землю. Тамъ онъ увидѣлъ двѣ горы и два существа въ бѣлоснѣжныхъ одѣяніяхъ; въ рукѣ одного изъ нихъ находился свитокъ, на коемъ была начертана судьба Рима; однако ему было запрещено говорить объ этомъ. Затѣмъ онъ во снѣ былъ снова перенесенъ къ мосту черезъ рѣку Тибръ, видѣлъ тамъ двухъ птицъ разной величины и разнаго цвѣта, изъ коихъ одна (по толкованію старца) должна означать, что Римъ и одну сѣверную страну постигнетъ опустошительное наводненіе, а его родина, Португалія, будетъ объята страхомъ отъ землетрясенія. Меньшая птица означаетъ, что наводненіе не будетъ всеобщимъ. Послѣ наводненія на небѣ появятся двѣ кометы съ золотыми хвостами, которыя нѣсколько дней будутъ видимы въ Римѣ и изъ коихъ одна означаетъ Божій гнѣвъ на грѣшный Вавилонъ, другая же—Божью милость по отношенію къ Израилю. Далѣе старецъ повѣдалъ Молхо: его единовѣрцы будутъ преслѣдовать его; черезъ семь мѣсяцевъ, когда Молхо исполнится тридцать лѣтъ, онъ будетъ облаченъ въ одѣяніе изъ висона за то, что добровольно обрекъ себя на смерть; тогда онъ вернется въ Римъ, но покинетъ его до наступленія потопа; тогда месіанскій король преисполнится святого духа, духа мудрости и проницательности, мертвые возстанутъ изъ праха, и Богъ окружитъ ореоломъ славы свой многострадальный народъ.

Истощенный продолжительнымъ самобичеваніемъ и изнурительными сновидѣніями, Молхо утромъ едва дотащился до своего пріюта, отдохнулъ, сбросилъ свои рубища и отправился въ городъ, чтобы встрѣтить евреевъ (февраль 1530 г.). Такъ какъ онъ въ Римѣ былъ совершенно неизвѣстенъ, то, чтобы избѣгнуть доносовъ со стороны его противниковъ, онъ выдалъ себя за посланника Соломона Молхо, который якобы пребываетъ въ Пезаро. Однако онъ все же былъ узнанъ, и трибуналу инквизиціи донесли на него, какъ на бунтовщика-марана. Но онъ уже раньше успѣлъ завязать сношенія съ папой и нѣкоторыми кардиналами и извѣстилъ ихъ

объ угрожавшемъ наводненіи. Климентъ VII, которому въ теченіе послѣднихъ лѣтъ пришлось испить чашу горя до дна и испытать такое униженіе, какъ немногимъ изъ его предшественниковъ, который принужденъ былъ короновать своего смертнаго врага, Карла V, въ Болоньѣ и провозгласить его королемъ Италіи и римскимъ императоромъ (22 до 24 февраля 1530 г.) и котораго заговоры и союзы съ Франціей и Англіей потерпѣли фіаско, весьма охотно прислушивался къ разнымъ сновидѣніямъ. Можетъ быть, между папой и Молхо существовали еще и иныя, намъ неизвѣстныя, отношенія, послѣдствіемъ коихъ была неожиданная расположенность папы къ Молхо [1]). Послѣдній былъ вхожъ къ папѣ и нѣкоторымъ кардиналамъ, дружелюбно относившимся къ евреямъ, именно къ Эгидіо изъ Витербо, восторженному поклоннику еврейскаго языка, покровителю Иліи Левиты, стороннику Рейхлина и гуманистовъ, а также къ кардиналу *Геронимо де Гинучи*, позже избранному въ папы. Кардиналъ *Лоренцо Пучи*, великій пенитенціарій *) папской куріи, который также выступилъ въ защиту Рейхлина и противъ доминиканцевъ, былъ тоже расположенъ къ Молхо. Такимъ образомъ, въ то время, какъ папская полиція подстерегала Молхо у воротъ Рима, онъ поспѣшилъ къ папѣ и получилъ отъ него пропускное свидѣтельство (Breve), избавлявшее его отъ всякихъ непріятностей.

Снабженный этимъ свидѣтельствомъ, Молхо тайкомъ возвратился въ Римъ (въ маѣ?), въ одну субботу внезапно выступилъ въ главной синагогѣ и, къ изумленію присутствовавшихъ, произнесъ проповѣдь на текстъ изъ пророковъ. Число его приверженцевъ настолько возросло, что онъ до осени безпрепятственно каждую субботу произносилъ проповѣди въ синагогахъ; онъ приводилъ въ восторгъ своихъ слушателей, но не могъ обезоружить противниковъ. Пиресъ-Молхо былъ еврейскимъ Савонаролой. О своихъ сновидѣніяхъ онъ говорилъ въ тонѣ непоколебимой увѣренности и даже извѣстилъ португальскаго короля черезъ посредство посланника Браса Нето объ угрожавшемъ Лисабону землетрясеніи, дабы король могъ принять мѣры предосторожности. Молхо самъ былъ въ такой степени увѣренъ въ наступленіи наводненія, что, въ виду этого, онъ отправился въ Венецію, гдѣ отпечаталъ свои новыя кабалистическія толкованія. Тутъ онъ встрѣтился еще разъ съ Давидомъ Реубени, который вернулся изъ Авиньона въ Италію. Оба съ изумленіемъ смотрѣли другъ на друга, ожидая чудесъ одинъ отъ другого. Каждый изъ нихъ хотѣлъ воспользоваться другимъ, чтобы сыграть свою важную роль. Они оба были въ смущеніи. Молхо замѣтилъ теперь шарлатанское хвастовство сво-

[1]) См. примѣч. 5.

*) Раздающій, именемъ папы, отпущеніе грѣховъ. *Ред.*

быковъ. Далекій отъ того, чтобы скрыть свое дѣяніе, Генрихъ, напротивъ, хвастался имъ и увѣщевалъ короля расправиться, наконецъ, съ назойливыми и еретическими маранами. Тогда Іоао рѣшилъ ходатайствовать предъ папой Климентомъ объ учрежденіи въ Португаліи слѣдственныхъ комисій.

Однако нѣкоторые старые священники осмѣлились поднять свой голосъ противъ замышлявшагося новаго насилія надъ маранами; особенно выдѣлились *Фернандо Кутино*, епископъ Алгарвіи, и *Діого Пинейро*, епископъ Фунхала; ихъ имена заслуживаютъ быть переданными потомству. Они были свидѣтелями того, съ какой безчеловѣчной жестокостью евреи были насильственно крещены въ царствованіе Маноела (Кутино былъ уже восьмидесятилѣтнимъ старцемъ), и они не могли признать ихъ настоящими христіанами и потому ни обвиняли ихъ въ ереси, ни назначали ихъ судьями или священниками. Когда новохристіане были обвиняемы въ ереси и привлекаемы къ суду названныхъ епископовъ, послѣдніе освобождали ихъ и открыто высказывали свои убѣжденія передъ королемъ и его совѣтниками.

Кутино, который издѣвался надъ излишнимъ рвеніемъ молодого духовенства, не преминулъ напомнить королю слѣдующее: папа Климентъ VII незадолго до того разрѣшилъ нѣкоторымъ маранамъ открыто исповѣдывать іудаизмъ въ самомъ Римѣ; папа Климентъ, возмущенный несправедливымъ отношеніемъ къ новохристіанамъ, предоставилъ имъ, съ согласія колегіи кардиналовъ, убѣжище въ Анконѣ и разрѣшилъ имъ безпрепятственно исповѣдывать іудаизмъ[1]); имъ разрѣшено было также проживать во Флоренціи и Венеціи; сама папская консисторія постановила считать португальскихъ марановъ евреями. Кутино въ своемъ отзывѣ выразился: вмѣсто того, чтобы обвинять новохристіанъ въ оскверненіи христіанскихъ святынь, слѣдовало бы наказать свидѣтелей за ихъ ложныя показанія; снисходительностью и мягкостью можно скорѣе привлечь сердца марановъ къ христіанскому вѣроученію[2]). Наконецъ, Іоао рѣшилъ предложить папѣ этотъ вопросъ для разрѣшенія; если бы папа разрѣшилъ учредить въ Португаліи инквизицію, то этимъ самымъ онъ освободилъ бы короля отъ слова, даннаго имъ маранамъ. Португальскій посланникъ при римскомъ дворѣ, *Брасъ Нето*, получилъ порученіе добиться отъ папы изданія соотвѣтствующей булы. Однако то, что въ Испаніи такъ легко было достигнуто однимъ росчеркомъ пера, стоило португальскому королю многихъ усилій и борьбы и все же не доставило ему особенныхъ радостей.

---

[1]) Геркулано т. же, стр. 227; Эмануилъ Абоавъ Nomologia стр. 294; итальянское сообщеніе примѣч. 6.

[2]) Геркулано стр. 224.

пило также наводненіе въ одной сѣверной странѣ, что также было предсказано Молхо. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ Фландрію постигла судьба Рима. Появилась и блестящая комета съ огненными лучами, такъ что казалось, будто небо разверзлось. Въ Лисабонѣ произошло землетрясеніе, которое, повторившись три раза, уничтожило много домовъ и похоронило подъ развалинами множество людей (26 января 1531 г,). Въ Сантаремѣ мараны едва не стали жертвой возбужденнаго фанатизма. Невѣжественное и фанатизированное населеніе считало землетрясеніе небесной карой за терпимость по отношенію къ новохристіанамъ и хотѣла разрушить ихъ дома. Однако поэту *Гилу Виценте* удалось серьезными и шутливыми рѣчами отвлечь ихъ отъ этого намѣренія[1]).

Когда наводненіе прекратилось, Молхо снова появился въ Римѣ. Тутъ онъ былъ почитаемъ, какъ пророкъ. Папа, которому онъ уже раньше предсказалъ наступившія бѣдствія, относился къ нему съ большой любовью и осыпалъ его почестями. Португальскій посланникъ, *Брасъ Нето*, сказалъ ему: если бы португальскій король зналъ, что Молхо такъ угоденъ Богу и умѣетъ прорицать будущее, онъ бы ему разрѣшилъ жить въ его государствѣ. Какъ разъ въ это время упомянутый посланникъ получилъ порученіе отъ своего короля тайно добиться отъ папы изданія булы, разрѣшающей введеніе инквизиціи въ Португаліи. Моментъ былъ выбранъ весьма неблагопріятный. Это дѣло было представлено на усмотрѣніе великаго пенитенціарія, кардинала *Лоренцо Пучи*. Но послѣдній, какъ и папа Климентъ, находясь подъ вліяніемъ Молхо, былъ съ самаго начала противъ этого [2]). Пучи даже прямо заявилъ португальскому посланнику: португальскій король, подобно королямъ Испаніи, болѣе интересуется богатствами марановъ, чѣмъ чистотой вѣры; пусть онъ лучше разрѣшитъ имъ жить безпрепятственно, согласно ихъ законамъ, и накажетъ лишь тѣхъ, которые, добровольно перейдя въ католичество, позже снова возвратились въ іудейство[3]). Брасъ Нето не могъ въ то время добиться чего-нибудь. Онъ прямо таки боялся вліянія Молхо на папу и принужденъ былъ держать свои ходатайства въ строжайшей тайнѣ, дабы мараны не провѣдали объ этомъ и не послали Молхо значительныхъ суммъ денегъ на подкупъ приближенныхъ папы съ цѣлью еще болѣе настроить папу противъ введенія инквизиціи въ Португаліи[4]).

Между тѣмъ собственные единовѣрцы Молхо, въ особенности его врагъ, Яковъ Мантинъ, упорно преслѣдовали его. Мантинъ, жаждавшій ме-

---

[1]) Геркулано въ ук. м. I, стр. 223.

[2]) Срв. прим. 5.

[3]) Содержаніе письма посланника Браса Нето къ Іоао III отъ 11 іюня 1531 г. у Геркулано т. же, стр. 233.

[4]) Примѣчаніе 5.

сти, отправился даже изъ Венеціи въ Римъ съ единственной цѣлью погубить Молхо, котораго онъ безъ всякаго основанія такъ глубоко ненавидѣлъ. Онъ сталъ упрекать португальскаго посланника въ томъ, что онъ терпитъ въ Римѣ бывшаго португальскаго христіанина, проповѣдующаго противъ христіанства. Такъ какъ посланникъ не обратилъ вниманія на его слова, то Мантинъ обратился съ тѣмъ же обвиненіемъ къ инквизиціи, доставилъ свидѣтелей изъ Португаліи, удостовѣрившихъ, что Соломонъ Молхо проживалъ раньше въ Португаліи и былъ христіаниномъ, и добился таки привлеченія обвиняемаго къ суду конгрегаціи. Тогда Молхо предъявилъ инквизиціонному суду свидѣтельство, полученное имъ отъ папы, и, полагаясь на это, былъ убѣжденъ въ своей неприкосновенности; но судьи вырвали у него изъ рукъ это свидѣтельство, отправились къ папѣ и стали его упрекать въ защитѣ поносителя христіанства. Климентъ возразилъ, что онъ нуждается въ услугахъ Молхо для одной тайной цѣли и потому желаетъ, чтобы его оставили въ покоѣ. Когда инквизиція хотѣла уже отказаться отъ осужденія, Мантинъ возвелъ на него новыя обвиненія. Ему удалось достать письмо, которое Молхо нѣсколько лѣтъ тому назадъ написалъ Іосифу Тайтасаку о своей прежней жизни и о своемъ переходѣ въ іудейство; Мантинъ перевелъ это письмо на латинскій языкъ и предложилъ его трибуналу. Такъ какъ это письмо несомнѣнно содержало поношенія противъ Эдома, т. е. противъ Рима и христіанства, то инквизиція должна была осудить виновнаго, да и Климентъ уже не могъ болѣе помѣшать инквизиціи. Тогда конгрегація, совершивъ судъ надъ Молхо, приговорила его къ сожженію. Съ этой цѣлью былъ зажженъ костеръ, привлекшій огромную толпу. Къ костру былъ приведенъ осужденный въ рубахѣ кающагося, который, безъ дальнѣйшихъ церемоній, былъ брошенъ въ огонь, причемъ судья заявилъ папѣ, что преступникъ сожженъ. Велико было изумленіе судьи и свидѣтелей сожженія, когда они застали Соломона Молхо живымъ въ покояхъ папы.

Дѣло въ томъ, что Климентъ, чтобы спасти своего любимца, подмѣнилъ его другимъ лицомъ, которое и было сожжено на кострѣ, между тѣмъ какъ Соломонъ Молхо былъ спрятанъ въ папскихъ покояхъ. Самъ папа сообщилъ объ этомъ судьѣ и повелѣлъ ему молчать, дабы не возбуждать еще болѣе христіанъ и евреевъ[1]). Соломонъ Молхо былъ спасенъ, но ему нельзя было дольше оставаться въ Римѣ; онъ самъ понималъ это и потому просилъ папу отпустить его. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ преданныхъ слугъ папы Соломонъ Молхо ночью покинулъ Римъ (февраль или мартъ 1531 г.). Куда онъ отправился, неизвѣстно; быть можетъ, въ Болонью, гдѣ онъ часто произносилъ публичныя проповѣди [2]). О всѣхъ этихъ

[1]) Посланіе Молхо у Іосифа Когена стр. 94. [2]) Іосифъ Когенъ стр. 91.

происшествіяхъ Молхо самъ сообщилъ въ посланіи къ своимъ друзьямъ въ Св. землѣ, прибавивъ къ этому еще удостовѣренія представителей римской общины и свидѣтельства лицъ, которымъ онъ передалъ посланіе. Такимъ образомъ истинность этихъ происшествій не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ этомъ посланіи онъ говоритъ: онъ испыталъ еще много другихъ непріятностей и пакостей со стороны евреевъ, но онъ хочетъ пощадить ихъ и не перечислить ихъ именъ и дѣяній; онъ ожидаетъ времени, когда Богъ сотворитъ на немъ чудеса, ибо теперь время милости и любви.

Послѣ удаленія Молхо изъ Рима и особенно послѣ смерти кардинала Лоренцо Пучи (августъ 1531 г.), который болѣе другихъ покровительствовалъ Молхо и маранамъ, настроеніе измѣнилось не въ пользу марановъ. Новый португальскій посланникъ, Луизъ Альфонсо, добился, наконецъ, отъ папы, на котораго оказали давленіе императоръ Карлъ и великій пенитенціарій, Антоніо Пучи, преемникъ своего дяди, давно просимой булы о введеніи инквизиціи (издана 17 дек. 1531 г.), несмотря на противодѣйствія кардиналовъ *Эгидіо* изъ *Витербо* и *Геронимо де Гинучи*. Этотъ мягкосердечный папа, точно стыдясь преслѣдовать своихъ бывшихъ любимцевъ, присоединилъ къ нимъ и приверженцевъ Лютера[1]). Но онъ позаботился о томъ, чтобы власть надъ маранами досталась не неистовымъ доминиканцамъ. Верховнымъ инквизиторомъ Португаліи былъ назначенъ мягкосердечный духовникъ короля, францисканецъ *Діого де Силва*. Однако въ *Лисабонѣ, Эворѣ* и *Коимбрѣ* были учреждены кровавые трибуналы, которые были устроены по образцу испанскихъ, введенныхъ Торквемадой и улучшенныхъ его преемниками, т. е. сдѣланныхъ еще болѣе ужасными. Португальскіе мараны, лишенные покровительства короля и грандовъ, находились въ болѣе ужасномъ положеніи, чѣмъ испанскіе; народъ питалъ къ нимъ такую ненависть, что даже честные христіане изъ фанатизма выслѣживали марановъ для того, чтобы донести на нихъ инквизиціи, между тѣмъ какъ въ Испаніи для этой цѣли приходилось нанимать особыхъ шпіоновъ [2]).

Какъ только инквизиція принялась за свою достойную проклятія работу, многіе мараны стали готовиться къ выселенію. Но какъ труденъ былъ побѣгъ! Они были въ томъ же положеніи, въ какомъ находились ихъ предки при исходѣ изъ Египта: позади нихъ врагъ, а впереди необъятное море со всѣми опасностями и ужасами. 13 іюня 1532 г. былъ изданъ законъ, по которому имъ было строжайше воспрещено переселяться въ Африку и даже въ португальскія владѣнія. Морскимъ капитанамъ было

---

[1]) Була у Геркулано т. же стр. 240.

[2]) Т. же II, стр. 40 и слѣд.

его прежде боготворимаго учителя. Онъ не вѣрилъ болѣе въ то, что Давидъ не свѣдущъ въ еврейской литературѣ, и былъ убѣжденъ, что тотъ притворяется невѣждой только лишь съ цѣлью ввести людей въ заблужденіе, ибо, въ качествѣ принца Аравіи, онъ не могъ обладать талмудической и кабалистической ученостью. Молхо отрекся даже отъ своихъ прежнихъ указаній на то, что онъ посланникъ Давида Реубени. «Я хочу возвѣстить правду предъ Творцомъ неба и земли: мое обрѣзаніе и отъѣздъ изъ родины послѣдовали не по совѣту существа изъ крови и плоти (Давида), а по особому повелѣнію Бога». Несмотря на это, Молхо все еще подчинялся его авторитету. Было ясно, что Молхо былъ обманутымъ фантастомъ. Давидъ же былъ авантюристомъ и шарлатаномъ. Послѣ того, какъ его попытки заинтересовать въ своихъ химерическихъ планахъ португальскаго короля и Карла V не удались, онъ отправился въ Венецію, чтобы привлечь на свою сторону заправилъ республики, все еще поддерживавшей сношенія съ востокомъ. Удивительно, что онъ и тутъ нашелъ откликъ. Онъ проживалъ во дворцѣ одного графа, а венеціанскій сенатъ послалъ къ нему знатока востока, чтобы разспросить его о планахъ и средствахъ завоеванія послѣдняго (1530[1]).

Однако оба они, Давидъ и Молхо, подверглись преслѣдованіямъ со стороны трезвыхъ и разсудительныхъ евреевъ, которые опасались, что тѣ навлекутъ бѣдствія на еврейство. Къ тому же Молхо повздорилъ съ ученымъ, но недобросовѣстнымъ врачемъ, *Яковомъ Мантиномъ* (см. выше, стр. 34). Послѣдній поспорилъ съ другимъ врачемъ и талмудистомъ, *Иліей Менахемомъ Халфономъ*[2]). Молхо хотѣлъ помирить ихъ между собою; но Мантинъ не соглашался на миръ. Онъ перенесъ свою ненависть къ противнику на самого Молхо и пожаловался на него венеціанскимъ властямъ, обвиняя его въ колдовствѣ. Какіе-то евреи въ Венеціи даже пытались отравить Молхо, который отъ этого тяжко заболѣлъ.

Между тѣмъ предсказанное имъ наводненіе въ Римѣ, дѣйствительно, наступило, превративъ весь городъ въ бущующее море и причинивъ огромныя бѣдствія (8 октября 1530 г.[3]). Замѣчательно, что изъ еврейскаго населенія отъ наводненія погибла одна лишь старая женщина. Насту-

---

[1]) Примѣч. 5.

[2]) Кромѣ посланія Молхо упоминаетъ о немъ Исерлесъ въ Кевр. № 56.

[3]) Кромѣ Муратори, Annali d'Italia X стр. 240 (срв. Monatsschrift Франкеля 1856 г. стр. 205, 241, 250), сообщаетъ о наводненіи въ Римѣ португальскій хроникеръ-современникъ въ Coronyca dos Reis de Portugal in Collecao de libros ineditos V стр. 355, гдѣ также сообщается о землетрясеніи въ Португаліи и появленіи кометы, что Молхо предсказывалъ. По этому сообщенію, время наводненія въ Римѣ—суббота 8 октября 1530, а землетрясенія—26 января 1531 г.

консисторію. Они особенно жаловались на то, что, несмотря на обѣщанное имъ равенство предъ закономъ, имъ воспрещено выселеніе изъ Португаліи. Климентъ VII, который и безъ того раскаивался въ изданіи этой булы, совершившемся подъ внѣшнимъ давленіемъ, внялъ этимъ жалобамъ. Можетъ быть, онъ чувствовалъ, что костры инквизиціи, на которыхъ сжигались и неподлежащіе ея суду, ложатся позорнымъ клеймомъ на католическую церковь и даютъ приверженцамъ Лютера лишній поводъ продолжать враждебныя нападки на нее, обвинять ее въ кровожадности и возбуждать ненависть противъ нея. Кромѣ того онъ прекрасно понималъ, что инквизиція была введена въ Португаліи по проискамъ Испаніи и его злѣйшаго врага, императора Карла, который этимъ хотѣлъ еще болѣе упрочить зависимость Португаліи отъ него. Климентъ поэтому носился съ планомъ отозванія булы. Въ то время Соломонъ Молхо и Давидъ Реубени, котораго заставили выѣхать изъ Венеціи, снова возобновили свою таинственную дѣятельность, и взбрело имъ на умъ отправиться къ императору въ Регенсбургъ, гдѣ тогда засѣдалъ имперскій сеймъ. Какую цѣль преслѣдовали этимъ фантазеръ и авантюристъ? Защитить ли интересы марановъ или, вѣрнѣе, побудить императора покорить турокъ съ помощью испанскихъ и португальскихъ марановъ, а также войскъ мнимаго еврейскаго короля въ Аравіи? Съ развѣвающимся знаменемъ [1]), на которомъ было начертано слово Macḣbi (начальныя буквы стиха*): «Кто какъ Ты, Господи, между богами?»), они изъ Болоньи отправились въ Регенсбургъ, мѣстопребываніе императора. Тутъ они встрѣтились съ Іоселиномъ изъ Росгейма, неустанная дѣятельность коего, всегда направленная на предотвращеніе грозившихъ его единовѣрцамъ бѣдствій, вынудила его посѣтить императора Карла или австрійскаго короля, Фердинанда. Хотя Молхо и Іоселинъ и принадлежали къ одной и той же націи, пламенно любили своихъ единовѣрцевъ и соплеменниковъ и готовы были претерпѣть мученичество во имя іудаизма, однако они сильно отличались другъ отъ друга. Пиреса-Молхо по внѣшности нельзя было принять за еврея; онъ былъ одѣтъ на западно-европейскій манеръ, могъ изъясняться на тогдашнемъ міровомъ языкѣ и, въ качествѣ исполнителя фантастической мисіи, высоко и гордо держалъ свою голову. Напротивъ, Іоселинъ носилъ еврейскую одежду съ позорнымъ еврейскимъ знакомъ, владѣлъ лишь нѣмецкимъ языкомъ, да и то эльзасскимъ діалектомъ и, когда хотѣлъ чего-нибудь добиться, выступалъ смиренно и приниженно. Молхо, полный грандіозныхъ плановъ, стремился къ достиженію великой цѣли, къ подготовленію месіанскаго избавленія Израиля,

[1]) Revue d. Et. r. XVI, 32. *) Кн. Исх. XV, 11. *Ред.*

а Іоселинъ, трезвый и считавшійся всегда съ опредѣленнымъ положеніемъ вещей, стремился лишь къ достиженію осуществимаго.

Съ помощью своего трезваго взгляда на вещи и смиреннаго выступленія, Іоселинъ боролся съ враждой городовъ и власть имущихъ противъ евреевъ. Во время дикой крестьянской войны, когда крѣпостные и не принадлежавшіе къ цехамъ работники, будучи притѣсняемы помѣщиками и патриціями почти въ такой же степени, какъ евреи, и основываясь на возвѣщенной Лютеромъ евангельской свободѣ, сдѣлали попытку въ Элзасѣ, южной Германіи, Франконіи и Тюрингіи сбросить съ себя ярмо своихъ притѣснителей, евреи попали межъ двухъ огней. Съ одной стороны, феодалы и феодальные города обвиняли ихъ въ томъ, что они своими деньгами поддерживали и возбуждали возставшихъ крестьянъ[1]), съ другой же стороны крестьяне нападали на нихъ, какъ на сторонниковъ феодаловъ и богачей. Врядъ ли они оказывали помощь рыцарямъ, ибо послѣдніе были ихъ заклятыми врагами. Одна нѣмецкая пословица того времени гласитъ: «богатый еврей и бѣдный рыцарь—плохіе друзья»[2]). Несомнѣнно, что всѣ были противъ нихъ. *Балтазаръ Губмайеръ*, тотъ самый фанатическій проповѣдникъ, который ратовалъ за изгнаніе евреевъ изъ Регенсбурга (см. выше стр. 156), былъ совѣтникомъ крестьянскихъ дружинъ Шварцвалда и, вѣроятно, является авторомъ двѣнадцати требованій (статей), предъявленныхъ крестьянами. Послѣ своего отпаденія отъ католицизма онъ не сталъ мягче или человѣчнѣе, а напротивъ, сдѣлавшись приверженцемъ анабаптизма, онъ сталъ еще большимъ фанатикомъ. По всей вѣроятности, онъ подстрекалъ крестьянъ противъ евреевъ. Крестьянская дружина рейнскаго округа поставила требованіе воспретить евреямъ проживательство и дѣятельность въ этой мѣстности[3]).
Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они стали уже совершать физическія насилія надъ евреями, которые были бы уничтожены разсвирѣпѣвшими побѣдителями и побѣжденными, если бы не заступничество за нихъ Іоселина. Онъ не побоялся войти въ львиную пещеру. Онъ отправился къ вождямъ крестьянскаго движенія въ Элзасѣ, *Гансу фонъ деръ-Матенъ, Эразму Герберу, Георгу* изъ *Росгейма* и другимъ, находившимся тогда у монастыря Алторфа вблизи Росгейма, и, только благодаря своей обаятельности, а также деньгамъ, добился обѣщанія оставить въ покоѣ евреевъ въ Элзасѣ. Онъ добился отъ нихъ также посланія къ другимъ крестьянскимъ дружинамъ съ увѣщеваніемъ не причинять евреямъ стра-

[1]) Письмо Мутіана къ Фридриху, курфюрсту саксонскому, у Тенцела въ его Supplementum historiae Gothanae II, 75.

[2]) Д-ръ Экъ, Verlesung eines Judenbüchleins въ началѣ.

[3]) Шаабъ, Geschichte der Juden von Mainz 123 по Шунку отъ 1525 г.

даній и кромѣ того получилъ охрану для еврейскихъ путешественниковъ. Элзасскіе вожди съ помощью герольдовъ объявили, что ни одна рука не должна подняться на еврея [1]). Своимъ неутомимымъ рвеніемъ Іосселинъ спасъ свой родной городъ, Росгеймъ, отъ разрушенія и ограбленія. Отъ вожаковъ движенія онъ узналъ, что крестьяне на слѣдующій день намѣреваются напасть на Росгеймъ. Возвратившись въ городъ поздней ночью, Іоселинъ разбудилъ бургомистровъ и настоялъ на томъ, чтобы послѣдніе поспѣшили къ крестьянской дружинѣ и смягчили ихъ изъявленіемъ покорности и уплатой денегъ; но одинъ изъ нихъ дрожалъ отъ испуга, а другой соглашался отправиться къ дружинѣ только въ сопровожденіи Іоселина. Просьбы и деньги подѣйствовали на вожаковъ крестьянъ, и они пощадили городъ. На обратномъ пути бургомистръ благодарилъ Іоселина за оказанную услугу и сказалъ: «Ты и твои дѣти насладятся плодами твоего благодѣянія». Однако отцы города отплатили ему зломъ за добро [2]).

Два ложныхъ обвиненія угрожали гибелью евреямъ въ Германіи и прилежащихъ странахъ. Султанъ Сулейманъ Великій воспользовался вызванной реформаціей разрозненностью христіанскаго міра для новыхъ завоеваній. Турки уже наводнили Венгрію, взяли Офенъ и достигли уже стѣнъ Вѣны. Тогда былъ распространенъ клеветническій слухъ, будто евреи повинны въ пораженіяхъ христіанскихъ войскъ, такъ какъ они состояли шпіонами у турокъ. Съ другой стороны крестьянская война опустошала западную, южную и среднюю Германію. Города и села терпѣли бѣдствія. Чтобы хотя нѣсколько оправиться, они нуждались въ наличныхъ деньгахъ, которыя они и потребовали у еврейскихъ богачей подъ проценты. Когда же, вслѣдствіе неумѣлаго хозяйничанія, они не были въ состояніи исполнить принятыя на себя обязательства, христіанскіе должники стали вопить о ростовщичествѣ евреевъ. Императоръ Карлъ и его братъ, король Фердинандъ, приняли рѣшеніе изгнать евреевъ за это изъ всей Германіи, Богеміи и Венгріи; но неутомимому Іоселину удалось убѣдить монарховъ въ несправедливости обвиненія. Онъ появился на аугсбургскомъ сеймѣ, гдѣ должно было произойти примиреніе расколовшихся частей христіанства, и предъ многолюднымъ собраніемъ защищалъ евреевъ. Когда братья-монархи, Карлъ и Фердинандъ, выслушали его защиту, они, къ радости Іоселина, воспретили изгнаніе евреевъ [3]).

Іоселинъ изъ Росгейма кромѣ того получилъ въ Регенсбургѣ подтвержденіе привилегій, дарованныхъ евреямъ императоромъ Сигизмундомъ; эти привилегіи гарантировали имъ полную неприкосновенность и свободу

[1]) Илія Шейдъ въ Revue d. Et. j. XIII 251, дневникъ Іоселина т. же XVI №11

[2]) Т. же въ ук. м.

[3]) Дневникъ Іоселина въ ук. м. № 14-15 отъ 1538 г.

передвиженія, а также разрѣшали еврейскимъ торговцамъ безпрепятственно посѣщать ярмарку во Франкфуртѣ на Майнѣ. Помимо того императоръ Карлъ урегулировалъ вопросъ о займѣ и о процентахъ, дабы предотвратить новыя жалобы о ростовщичествѣ[1]). Іоселинъ слѣдовалъ за императоромъ до Фландріи и Брабанта, гдѣ не жили евреи и гдѣ онъ лишь съ трудомъ могъ найти себѣ пищу; тамъ онъ имѣлъ у императора еще одну тайную аудіенцію, которая дала ему возможность опровергнуть новыя клеветническія обвиненія противъ его единоплеменниковъ. Въ теченіе тѣхъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которые онъ провелъ въ Нидерландахъ, онъ составилъ книгу для религіознаго чтенія[2]).

Въ 1532 году въ Регенсбургѣ состоялся новый имперскій сеймъ съ цѣлью разстроить шмалкалденскій союзъ протестантовъ. Еще разъ посѣтивъ императора, чтобы противодѣйствовать новымъ гнуснымъ замысламъ враговъ еврейства, Іоселинъ встрѣтился въ Регенсбургѣ съ Соломономъ Молхо. Трезвый защитникъ еврейства и кабалистически-месіанскій энтузіастъ не могли понять другъ друга. Іоселинъ писалъ маранскому апостолу и настоятельно просилъ его не раздражать императора своими фантазіями, ибо это можетъ имѣть весьма печальныя послѣдствія какъ для него самого, такъ и для всего еврейства. Но, такъ какъ Молхо не внялъ увѣщеваніямъ, Іоселинъ поспѣшно уѣхалъ, дабы не быть заподозрѣннымъ въ соучастіи[3]). Кончилось тѣмъ, что императоръ приказалъ заковать въ кандалы Молхо и Давида Реубени и везти ихъ съ нимъ въ Мантую; знамя ихъ осталось въ Регенсбургѣ. Въ Мантуѣ императоръ созвалъ духовный судъ, который и присудилъ Молхо, какъ отщепенца и еретика, къ сожженію. Въ то время, какъ императоръ старался разнообразить свое пребываніе въ Мантуѣ тріумфальными шествіями, празднествами, охотами, представленіями комедіантовъ и всякаго рода развлеченіями, въ городѣ былъ зажженъ костеръ, на которомъ долженъ былъ быть сожженъ маранъ изъ Лисабона, Діого Пиресъ или Соломонъ Молхо. Съ зажатымъ ртомъ его повели къ костру. Ибо его краснорѣчіе было такое увлекательное, что императоръ и трибуналъ инквизиціи боялись впечатлѣнія, которое его рѣчи произвели бы на толпу, и они осудили его на молчаніе. Когда прислужники палачей уже собрались бросить его въ пылающій костеръ, прискакалъ гонецъ императора, освободилъ его ротъ отъ кляпа и спросилъ его отъ имени императора, раскаивается ли онъ въ своемъ преступленіи и хочетъ ли вернуться въ лоно христіанской

[1]) Т. же и Revue II 273 отъ 1531 г.

[2]) Дневникъ т. же № 16 отъ 1531 г.; заглавіе книги для религіознаго чтенія דרך הקדש.

[3]) Дневникъ № 17 отъ 1532 г.

церкви; въ этомъ случаѣ ему было обѣщано помилованіе. Молхо, который буквально жаждалъ мученической смерти, отвѣтилъ гонцу, какъ и слѣдовало ожидать: «онъ хочетъ вознестись на небо, какъ угодная Богу жертва; онъ раскаивается лишь въ томъ, что въ дѣтствѣ своемъ былъ христіаниномъ; пусть съ нимъ сдѣлаютъ все, что угодно; онъ увѣренъ, что его душа вознесется къ Богу». Тогда онъ былъ брошенъ въ огонь и умеръ съ непоколебимой вѣрой въ свое великое призваніе (ноябрь—декабрь 1532 г.[1]).

Молхо палъ жертвой своей экзальтированности, изъ-за которой онъ жилъ въ вѣчной борьбѣ съ дѣйствительностью. Щедрые дары, которыми его надѣлила природа, именно красота, пламенная фантазія, сообразительность, способность къ вдохновенію, сдѣлали бы счастливой менѣе экзальтированную натуру, ему же принесли гибель, ибо онъ, захваченный водоворотомъ кабалы, думалъ съ ея помощью доставить избавленіе Израилю. Давиду Реубени не досталось даже терноваго вѣнца мученика. Карлъ приказалъ отвезти его въ Испанію и бросить въ темницу инквизиціи, гдѣ онъ еще жилъ три года спустя. Передаютъ, будто онъ былъ отравленъ въ тюрьмѣ. Какъ еврей, онъ не находился во власти инквизиціи. Но изъ испанскихъ марановъ, съ которыми онъ находился въ сношеніяхъ и имена коихъ онъ, вѣроятно, открылъ инквизиціи подъ пыткой, нѣкоторые были сожжены[2]). Преклоненіе предъ Молхо было, однако, такъ велико, что оно продолжалось и послѣ его смерти и создало вокругъ него разныя легенды. Въ Италіи и Турціи многіе вѣрили, что онъ, какъ и въ прошлый разъ, какимъ-то чудомъ спасся отъ сожженія. Нѣкоторые утверждали, что видѣли его черезъ восемь дней послѣ совершеннаго надъ нимъ ауто-да-фе. Другіе увѣряли, что онъ посѣтилъ свою невѣсту въ Сафетѣ. Іосифъ Каро, имени коего скоро суждено было прогремѣть повсюду, жаждалъ той же мученической смерти, отъ которой погибъ и Молхо[3]). Даже разсудительный, мало склонный вѣрить въ чудеса историкъ, *Іосифъ Когенъ* изъ Генуи, былъ сбитъ съ толку и не могъ разобраться во всѣхъ этихъ слухахъ[4]). Итальянскій кабалистъ, *Іосифъ* изъ *Арли*[5]), не оставлялъ надежды на скорое наступленіе возвѣщенной Молхо месіанской эры и появленіе мстителя за мученическую смерть Молхо. Съ помощью перестановки буквъ (Notaricon) въ двухъ стихахъ изъ Исаіи онъ выводилъ грядущее паденіе христіанской религіи изъ различныхъ предна-

[1]) Срв. Frankel, Monatsschrift 1856 стр. 260.
[2]) Іосифъ Когенъ Emek ha-Bacha стр. 100.
[3]) См. примѣч. 5.
[4]) Въ его хроникѣ изд. амстерд., стр. 96.
[5]) Примѣч. 5.

менованій, именно: выступленія Лютера, появленія многочисленныхъ новыхъ христіанскихъ сектъ, ограбленія Рима и вражды между папой и императоромъ. «Наше избавленіе наступитъ, когда христіанство исчезнетъ съ лица земли, вытѣсненное новыми вѣроисповѣданіями; *Мартинъ* измѣнитъ отношенія между народами и князьями, ибо его власть будетъ велика; Римъ будетъ преданъ разграбленію, идолы (иконы) будутъ навсегда разрушены; когда Лютеръ выступитъ, Германія объединится; онъ станетъ презирать Климента, его царство, его священниковъ и боговъ, и онъ жестоко отомститъ имъ; прекратится тупоумная наглость, небо обнаружитъ всю его глупость послѣ четырехъ лѣтъ его разрушительныхъ дѣйствій, когда онъ наполнитъ городъ Болонью воинами, своими руками надѣвая корону по желанію и волѣ императора, испанца; наступятъ военныя бѣдствія, необычайныя несчастія, перевороты, измѣненіе всего порядка вещей; тогда сожженіе Молхо будетъ отмщено; Израиль подавленъ и изгнанъ; пять кораблей, присланныхъ десятью колѣнами, возвратятъ ему утраченное величіе, спасутъ его святой образъ; образъ Соломона (Молхо) предстанетъ предъ врагомъ; эти таинства предназначены для Израиля, Богъ возвѣстилъ спасеніе, избавленіе Израиля». Во всѣхъ этихъ бредняхъ скрывался кой-какой смыслъ.

Кабалистъ изъ Арли былъ возбужденъ противъ папы Климента и совершенно несправедливо, ибо онъ былъ неповиненъ въ смерти Молхо; напротивъ, сожженіе послѣдняго было шахматнымъ шагомъ со стороны императора, который намѣренно казнилъ одного изъ обоихъ любимцевъ папы, а другого заточилъ въ темницу. Климентъ, повидимому, не остался въ долгу. Онъ старался о томъ, чтобы отозвать или, по крайней мѣрѣ, смягчить ту ужасную по своимъ послѣдствіямъ булу, которую онъ издалъ послѣ многолѣтняго сопротивленія. Мараны знали это и дѣлали всяческія усилія, чтобы привлечь на свою сторону папскую курію. Когда они потеряли своего энергичнаго защитника, Соломона Молхо, они отправили въ Римъ новаго посланника для защиты ихъ интересовъ передъ папой. Этотъ новый представитель марановъ, *Дуарте де-Пацъ*, былъ по своей натурѣ совершенно противоположенъ Молхо: трезвый умъ, далекій отъ всякой экзальтированности, хитрый, разсчетливый, краснорѣчивый и смѣлый, посвященный во всѣ тонкости дипломатическаго искусства, глубокій знатокъ людей, умѣвшій пользоваться человѣческими слабостями. Дуарте де Пацъ, въ теченіе восьми лѣтъ защищавшій въ Римѣ интересы португальскихъ новохристіанъ, былъ самъ маранскаго происхожденія; благодаря заслугамъ, которыя онъ оказалъ въ Африкѣ португальскому двору и за которыя онъ поплатился однимъ глазомъ, онъ занималъ видное положеніе при королѣ Іоао III и пользовался его полнымъ довѣріемъ. Король

избралъ его для тайной мисіи и въ день его отъѣзда возвелъ его въ степень рыцаря христіанскаго братства (эта степень была извѣстна также подъ именемъ *комендатора);* но онъ отправился не въ предназначенное для него мѣсто, а въ Римъ, чтобы дѣйствовать въ пользу марановъ. Дуарте де Пацъ, однако, такъ запуталъ сѣти своихъ интригъ, что теперь невозможно съ точностью установить, обманывалъ ли онъ короля или марановъ. Такъ какъ при папскомъ дворѣ для праваго и неправаго дѣла одинаково необходимы были деньги, то недостатка въ нихъ у Дуарте не было. Несмотря на противодѣйствіе Антоніо Пучи, кардинала де Санти-кватро, который, въ противоположность къ своему дядѣ, выступилъ въ пользу португальскаго двора и противъ марановъ, Дуарте де Пацъ все же добился извѣстнаго успѣха. Климентъ считалъ вопіющей несправедливостью требовать католическаго правовѣрія отъ людей, которыхъ съ помощью грубой силы подвергли насильственному крещенію, и особенно лишать ихъ права выѣзжать изъ Португаліи. Вслѣдствіе этого папа издалъ эдиктъ (17 октября 1532 г.), которымъ онъ впредь до дальнѣйшихъ распоряженій пріостановилъ дѣйствія инквизиціи [1]). Дуарте де Пацъ хлопоталъ еще и о всеобщемъ помилованіи всѣхъ марановъ, обвиненныхъ и заточенныхъ въ темницы (7 апрѣля 1533 г.). Странно, что португальскій дворъ, хотя Антоніо Пучи обратилъ его вниманіе на предстоящее облегченіе участи марановъ, въ теченіе долгаго времени ничего не предпринялъ противъ этого. Правда, въ Римъ былъ назначенъ, кромѣ Браса Нето, чрезвычайный посланникъ, *Мартино де Португалъ,* архіепископъ *Фунхала,* быть можетъ, чтобы слѣдить за дѣйствіями перваго; но онъ медлилъ вступленіемъ въ должность. Повидимому, при дворѣ Іоао III велись интриги въ пользу марановъ, чего нельзя всецѣло объяснить огромными суммами денегъ, которыя мараны затрачивали, чтобы парализовать инквизицію. Партія, дѣйствовавшая въ пользу инквизиціи, была на сторонѣ Испаніи и уже заранѣе стремилась къ тому, чтобы, въ виду бездѣтности короля, соединить португальскую корону съ испанской. Напротивъ, національная партія, которая хотѣла сохранить независимость Португаліи, повидимому, была настроена противъ инквизиціи. Отсюда мины и контръ-мины, которыя пускались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Герцогъ браганцскій, *донъ Яиме,* находился въ тайной перепискѣ съ отцомъ Дуарте де Пацъ, бывшимъ мараномъ, но родившимся еще въ іудействѣ, вѣроятно, по вопросу объ инквизиціи [2]). Дѣло дошло до того, что самъ назначенный папой великій инквизиторъ, *Діого де*

---

[1]) Геркулано т. же I. стр. 276 и слѣд.

[2]) Т. же стр. 283 примѣч. 3.

Силва, заявилъ, что онъ не хочетъ принять на себя этой великой отвѣтственности и отказывается отъ этого поста[1]).

Повидимому, хитрый Дуарте де Пацъ затѣялъ смѣлую игру, съ цѣлью вывѣдать у короля его тайныя мѣропріятія противъ марановъ. Съ португальскимъ посланникомъ онъ сумѣлъ стать на дружескую ногу и даже отважился завязать тайныя сношенія съ самимъ королемъ[2]). Извиняясь предъ королемъ за то, что онъ не исполнилъ королевскаго порученія и отправился въ Римъ, онъ оправдывалъ свое поведеніе въ Римѣ тѣмъ, что онъ имѣлъ при этомъ въ виду интересы короля. Мелкими донесеніями о томъ, что тогда происходило при папскомъ дворѣ, а также разоблаченіями всего того, что говорилось и писалось въ Лисабонѣ за спиной короля, онъ сумѣлъ привлечь къ себѣ довѣріе послѣдняго, который и послалъ ему ключъ къ его шифру. Онъ кромѣ того намекнулъ королю, что у него имѣются шесть шпіоновъ, которые ему доносятъ о дѣйствіяхъ и замыслахъ марановъ въ Италіи и Турціи. Наконецъ, онъ выдалъ королю тѣхъ марановъ, которые тайкомъ замышляли бѣгство изъ Португаліи. Все это, повидимому, было подстроено съ вѣдома и согласія самихъ же марановъ. И въ самомъ дѣлѣ Дуарте де Пацъ удалось ввести въ заблужденіе португальскій дворъ, который разсчитывалъ на его шпіонскую дѣятельность. Самъ король сердечно рекомендовалъ его своему ходатаю въ Римѣ, кардиналу Пучи, а съ посланникомъ Мартино де Португалъ онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Въ то время, какъ онъ велъ переписку съ португальскимъ королемъ якобы изъ вражды къ маранамъ, онъ добился отъ папы Климента изданія второго чрезвычайно важнаго эдикта въ ихъ пользу (7 апрѣля 1533 г.[3]), причемъ изъ совѣщаній по этому поводу португальскій посланникъ былъ съ умысломъ устраненъ. Въ этомъ эдиктѣ папа заявилъ: «объясненія, приведенныя маранами въ оправданіе своей слабой привержености къ церкви, справедливы; такъ какъ ихъ подвергли насильственному крещенію, то они не могутъ считаться членами церкви, и осуждать ихъ за ересь и отпаденіе отъ церкви значитъ издѣваться надъ справедливостью; совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ сыновьями и дочерьми марановъ; они являются уже членами церкви, какъ добровольно вступившіе въ нее; однако, въ виду того, что они воспитаны родителями въ духѣ іудаизма, было бы жестоко наказывать ихъ за исполненіе іудейскаго ритуала по всей строгости существующихъ каноническихъ законовъ; снисходительностью должно ихъ удержать въ лонѣ христіанства». Этимъ эдиктомъ Климентъ VII упразднилъ дѣятельность португальской инквизиціи, привлекъ всѣ обвиненія

[1]) Т. же 275, 277, 279 и слѣд.

[2]) У Геркулано т. же II, стр. 5 и слѣд.

[3]) Т. же стр. 281 и слѣд.

противъ марановъ къ своему трибуналу и даровалъ всѣмъ обвиненнымъ отпущеніе или амнистію за прошлое отпаденіе отъ церкви. Мараны, томившіеся въ темницѣ, должны были быть освобождены, изгнанные —возвращены, а тѣмъ, у которыхъ было конфисковано имущество, послѣднее должно было быть возвращено. Правда, послѣ опубликованія этихъ постановленій, мараны должны были тайно исповѣдоваться въ своихъ прегрѣшеніяхъ предъ папскимъ нунціемъ или предъ инымъ избраннымъ послѣднимъ духовнымъ лицомъ; если бы нѣкоторые изъ марановъ, послѣ исповѣди и отпущенія, были снова обвинены въ іудействованіи, но сумѣли бы доказать, что они принадлежатъ къ числу насильственно крещеныхъ, то ихъ нельзя было разсматривать и наказывать, какъ отступниковъ (Relapsi). Съ лживостью, которая была присуща тогдашнимъ папамъ и отъ которой не могли освободиться даже самые лучшіе изъ нихъ, Климентъ увѣрялъ, что издалъ этотъ эдиктъ по собственной инниціативѣ, а не подъ вліяніемъ марановъ, хотя весь міръ зналъ, что все произошло какъ разъ наоборотъ, и подсчитывалъ суммы денегъ, которыя курія получила за этотъ эдиктъ[1]). Климентъ объявилъ всѣхъ лицъ, свѣтскихъ и духовныхъ, которые будутъ противодѣйствовать исполненію этого эдикта, отлученными отъ церкви и предписалъ своему дѣлопроизводителю, *Марко дела Ровере*, немедленно же провозгласить эдиктъ по всей Португаліи. Тѣмъ не менѣе послѣдній остался мертвой буквой. Португальскій дворъ, будучи возмущенъ этимъ, явившимся результатомъ подкупа, эдиктомъ въ пользу марановъ, нисколько не спѣшилъ съ исполненіемъ его и добился, хотя папа еще разъ подтвердилъ свой эдиктъ (19 октября), отсрочки его исполненія (18 декабря) до того времени, когда король выскажетъ свои доводы въ пользу сохраненія инквизиціи[2]) (какъ будто вопросъ не былъ выясненъ). Португальскій дворъ не довольствовался этимъ, а дѣлалъ всѣ усилія, чтобы добиться полнаго отозванія эдикта. Въ Римъ былъ посланъ чрезвычайный посолъ, *Генрихъ де Менезесъ* (февраль 1534 г.), который, на ряду съ постояннымъ посланникомъ, обвинялъ папу въ слишкомъ мягкомъ толкованіи христіанства, указывая ему на примѣръ его предшественниковъ, которые одобрили насильственное крещеніе евреевъ, совершенное готскимъ королемъ, Сизебутомъ, и нашли его соотвѣтствующимъ духу христіанства. Нужно отдать справедливость папѣ Клименту VII; онъ весьма стойко отстаивалъ гуманное отношеніе къ маранамъ противъ кровожаднаго духа тогдашняго христіанства, хотя имъ руководили и иныя, не столь чистыя, побужденія, именно: его ненависть противъ Карла V, старавшагося о сохраненіи инквизиціи въ Португаліи, и корыстолюбіе. Ему было тяжело

[1]) Меморіалъ у Геркулано т. же II, стр. 20 [2]) Геркулано стр. 21.

отдать марановъ на растерзаніе кровопійцъ въ Португаліи. Хотя вопросъ былъ уже всесторонне обсужденъ, Климентъ поручилъ его обсужденіе новой комисіи, въ которую онъ назначилъ двухъ нейтральныхъ кардиналовъ, *Де Цезиса* и *Кампеджіо*. Конечно, великій пенитенціарій, Антоніо Пучи, кардиналъ де Сантикватро, хотя и сторонникъ португальскаго двора, долженъ былъ войти въ эту комисію. Тѣмъ не менѣе послѣдняя офиціально засвидѣтельствовала вопіющую безчеловѣчность, съ которой инквизиція относилась къ новохристіанамъ. Подъ вліяніемъ этого доклада, Климентъ VII уже почти на смертномъ одрѣ (26 іюля 1534 г.) (онъ чувствовалъ уже тогда приближеніе смерти) предписалъ нунцію при португальскомъ дворѣ энергично добиваться освобожденія и оправданія заключенныхъ марановъ[1]). Были ли послѣдніе, число коихъ достигало 1200, дѣйствительно освобождены? Повидимому, смерть Климента (25 сентября 1534 г.) разбила его добрыя намѣренія и надежды несчастныхъ марановъ.

При его преемникѣ, *Павлѣ III* Фарнезе (1534—1549), возобновились интриги въ связи съ вопросомъ объ инквизиціи, которыя въ началѣ были неблагопріятны для марановъ[2]). Новый папа принадлежалъ къ старой школѣ церковныхъ сановниковъ со свѣтскимъ направленіемъ, дипломатическимъ умомъ, чуждымъ всякаго ханжества. Онъ вообще былъ весьма разсчетливымъ человѣкомъ и считался болѣе съ земными, чѣмъ съ небесными силами. Церковная реакція, подготовлявшаяся въ теченіе его понтификата театинами и іезуитами и надолго уничтожившая всѣ плоды образованности и цивилизаціи, была дѣломъ не его рукъ; онъ внутренне не симпатизировалъ ей и терпѣлъ ее или пользовался ею лишь изъ политическихъ соображеній. Къ евреямъ Павелъ III относился особенно доброжелательно, если сообщеніе ограниченнаго епископа (Садоле изъ Карпентра) хотя бы отчасти обосновано: «Никакой папа не даровалъ христіанамъ столько привилегій, не оказалъ столько послабленій и такихъ милостей, какъ папа Павелъ III евреямъ»[3]). Лейбъ-медикомъ папы состоялъ еврей *Яковъ Мантинъ*, который посвятилъ ему нѣкоторыя свои сочиненія[4]). Онъ воспретилъ постановку мистерій въ Колизеѣ, такъ какъ чернь, фанатизированная яркимъ изображеніемъ страданій Христа, якобы причиненныхъ евреями, преслѣдовала на улицахъ евреевъ и бросала въ нихъ камни[5]). Онъ разрѣшилъ испанскимъ и португальскимъ маранамъ, искавшимъ у него защиты отъ ин-

---

[1]) Т. же стр. 21—66. [2]) См. Эмануила Абоава, Nomologia стр. 292.

[3]) Sadolet Epistolae L. XII № 5.

[4]) Де Помисъ de medico hebraeo стр. 70.

[5]) Alessandro d'Ancona, studii nelle sacre rappresentazioni, Флоренція 1877; Revue d. Et. j. IX, 81 примѣч. 3.

квизиціи, поселиться въ Анконѣ и другихъ городахъ римской области и воспретилъ преслѣдовать ихъ за отпаденіе отъ церкви и ересь[1]). И этому папѣ суждено было дать свою санкцію на введеніе въ Португаліи инквизиціи съ кострами!

Какъ только Павелъ III вступилъ на папскій престолъ, король Португаліи и еще болѣе его братъ, который былъ кардиналомъ и приверженцемъ церкви, нашли весьма важнымъ добиться отозванія булъ и эдикта Климента, тормозившихъ дѣятельность инквизиціи. Но и представитель марановъ, Дуарте де Пацъ, которому въ помощь былъ присланъ *Діого Родригесъ Пинто*, не былъ бездѣятельнымъ. Въ деньгахъ недостатка не было. Дуарте де Пацъ, несмотря на свою якобы предательскую переписку съ королемъ, предложилъ кардиналу Сантикватро, защищавшему интересы Португаліи, годовую пенсію въ 800 крузадъ, если онъ будетъ содѣйствовать маранамъ. Папа, со свойственной дипломатамъ осторожностью, сначала рѣшилъ не опубликовывать эдикта Климента (3 ноября 1534 г.[2]). Когда же онъ узналъ, что эдиктъ уже вступилъ въ силу, онъ поручилъ новое изслѣдованіе этого вопроса двумъ кардиналамъ, *Гинучи* и *Симонетъ*, изъ коихъ первый былъ рѣшительнымъ покровителемъ марановъ и опубликовалъ даже одно сочиненіе въ защиту ихъ[3]). Быть можетъ, доминиканцы правы, утверждая, что онъ продался маранамъ. Но его колега, Симонета, славившійся своей неподкупностью, тоже высказался въ пользу марановъ. Вслѣдствіе этого Павелъ III увѣщевалъ португальскій дворъ подчиниться булѣ Климента VII, при этомъ дѣлая замѣчаніе, что, хотя дарованная королемъ маранамъ привилегія не привлекать къ отвѣтственности за іудействованіе и противорѣчила каноническимъ законамъ, все же королевское слово должно быть сдержано. Онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ заключенія марановъ въ недоступныя темницы и конфискаціи ихъ имущества. Но, подобно всѣмъ другимъ католическимъ монархамъ того времени, которые оказывали послушаніе папскому престолу только лишь въ томъ случаѣ, когда это совпадало съ ихъ собственными интересами, и Іоао III мало внялъ увѣщеваніямъ папы. Одинъ посланникъ совѣтовалъ ему даже, съ цѣлью добиться введенія инквизиціи, отречься, подобно Англіи, отъ римской церкви[4]). Въ Римѣ и Португаліи завязались чрезвычайно сложныя интриги. Въ Португаліи съ одной стороны дворъ, а съ другой вождь марановъ, *Томе Сарао*, и *Мануель Мендесъ*

[1]) Привилегія герцога савойскаго Revue d. Et. j. V. 223.
[2]) Геркулано, origem da Inquisiçao II стр. 69 и слѣд.
[3]) Т. же II, стр. 86. [4]) У Геркулано стр. 97.

интриговали у папскаго легата, а въ Римѣ *Дуарте де Пацъ* и *Пинто* противъ или у португальскаго посланника и кардинала Сантикватро.

Чтобы положить конецъ всѣмъ этимъ интригамъ, Павелъ III, который неохотно отказывался отъ разъ принятаго рѣшенія, издалъ булу (2 октября 1535 г.), даровавшую маранамъ отпущеніе грѣховъ и освобождавшую ихъ отъ всякаго рода наказаній и каръ со стороны церковныхъ или свѣтскихъ властей за отступничество и ересь, поскольку они въ будущемъ не повторятъ своего прегрѣшенія. Такимъ образомъ, во второй разъ была упразднена въ Португаліи инквизиція, которая, по крайней мѣрѣ, для виду нуждалась въ папской санкціи. Нунцій Дела Ровере тоже весьма рѣшительно дѣйствовалъ въ Португаліи, опубликовалъ булу и добился того, что враждебно относившійся къ маранамъ инфантъ *донъ Альфонсо* самъ открылъ темницы и освободилъ тѣхъ изъ марановъ, на освобожденіи коихъ особенно настаивали въ Римѣ, всего 1800 человѣкъ (декабрь 1535 г.[1]).

Португальскій дворъ, въ началѣ точно оглушенный неожиданнымъ ударомъ, позже привелъ всѣ рычаги въ движеніе, чтобы снова вернуть себѣ неограниченную власть надъ маранами и ихъ имуществомъ. Онъ не остановился и предъ предательскимъ убійствомъ для достиженія своей цѣли. Дуарте де Пацъ казался португальскому двору единственнымъ препятствіемъ для введенія инквизиціи. Онъ, дѣйствительно, добился весьма многаго и привлекъ на свою сторону не только кардиналовъ и приближенныхъ папы, но и одного изъ двухъ португальскихъ представителей, дона Мартино, архіепископа Фунхала, и даже испанскаго посланника, графа *де Эйфуентеса,* министра Карла V [2]). Однажды наемные убійцы напали на улицѣ на Дуарте де Пацъ и нанесли ему 14 ранъ; онъ притворился мертвымъ (январь 1536 г. [3]). Всѣ въ Римѣ были убѣждены, что убійцы были посланы португальскимъ дворомъ. Уже раньше посланникъ донъ Мартино писалъ королю Іоао, прося его принять мѣры, чтобы устранить этого интригана [4]). Однако Іоао отрицалъ свое участіе въ покушеніи на убійство Дуарте въ слѣдующемъ выраженіи, ярко освѣщающемъ необычайную безнравственность тогдашнихъ монарховъ: «еслибы это нападеніе было совершено по его приказанію, то жертвѣ не удалось бы спастись». Папа былъ крайне возмущенъ этимъ гнуснымъ нападеніемъ и предоставилъ Дуарте самый заботливый врачебный уходъ, и Дуарте выздоровѣлъ. Тѣмъ не менѣе папа принужденъ былъ уступить португальскому двору въ вопросѣ объ инквизиціи. Ибо дворъ, наконецъ, отыскалъ вѣрный путь для дости-

[1]) Т. же стр. 141 и слѣд.

[2]) Геркулано т. же стр. 87.

[3]) Т. же 151.

[4]) У Геркулано стр. 152 въ прим.

женія своей цѣли; онъ обратился къ побѣдоносному Карлу V съ просьбой поддержать его домогательства. Въ то время императоръ велъ у Туниса тяжелую войну съ магометаниномъ Барбаросой, который, поддерживаемый Турціей, безпокоилъ весь христіанскій міръ. Послѣ долгихъ усилій Тунисъ былъ взятъ многочисленнымъ христіанскимъ войскомъ, подъ личнымъ предводительствомъ Карла, и Барбароса былъ побѣжденъ. Само собою понятно, что хуже всего приходилось въ Тунисѣ евреямъ, ибо они терпѣли со стороны обѣихъ воюющихъ сторонъ. Одинъ изъ пострадавшихъ, *Авраамъ изъ Туниса*, попавшій въ плѣнъ, писалъ по этому поводу: «однихъ поглотила земля, другіе погибли отъ меча, а третьи умерли отъ голода и жажды». Оставшіеся въ живыхъ были отвезены въ Европу, въ качествѣ плѣнниковъ, причемъ общины Неаполя и Генуи проявили братскія чувства и не жалѣли денегъ для выкупа провозимыхъ мимо нихъ плѣнниковъ [1]). Императоръ Карлъ устроилъ тріумфальное шествіе по всей Италіи. Благодаря ему, крестъ, наконецъ, одержалъ побѣду надъ полумѣсяцемъ. Какъ уже было упомянуто, Карлъ не былъ другомъ евреевъ. Онъ строго предписалъ имъ ношеніе еврейскаго значка, желтаго кружка на сюртукѣ или совсѣмъ открыто на шляпѣ, воспретилъ ростовщичество подъ угрозой изгнанія [2]), но утвердилъ, по неоднократнымъ мольбамъ Іоселина, тѣ скудныя привилегіи, которыя сводились къ запрещенію убивать, грабить и насильственно крестить ихъ, а также къ разрѣшенію свободнаго передвиженія. Всякій, совершившій насиліе надъ евреями, долженъ былъ уплатить штрафъ въ 15 марокъ серебра, изъ которыхъ половина поступала въ казну, половина въ пользу евреевъ. Правда, его декреты такъ мало подѣйствовали, что ему пришлось въ теченіе непродолжительнаго времени издать нѣсколько декретовъ подрядъ. Но уже одно доброе намѣреніе является заслугою. Однако Карлъ заботился не столько о справедливости, сколько о томъ, что, въ случаѣ уничтоженія евреевъ, онъ потеряетъ доходы, приносимые ими. Кромѣ того, нѣмецкіе евреи были безвредны, и ихъ существованіе нисколько не мѣшало его планамъ; поэтому его прирожденная вражда къ евреямъ не давала себя слишкомъ сильно чувствовать. Зато, какъ внукъ Фердинанда и Изабеллы, онъ глубоко ненавидѣлъ марановъ и отъ души радовался кострамъ инквизиціи, на коихъ они сжигались.

И вотъ, когда императоръ, въ своемъ тріумфальномъ шествіи по Италіи, прибылъ въ Римъ (5 до 18 апрѣля 1535 г.), онъ потребовалъ у папы Павла III въ вознагражденіе за свои побѣды (тогда былъ обы-

[1]) Іосифъ Когенъ, Emek ha-Bacha стр. 101.

[2]) При роспускѣ сейма въ 1530, 1548, 1551.

чай, согласно коему тріумфаторъ имѣлъ право просить у верховнаго главы христіанства исполненія своего сокровеннаго желанія) введенія инквизиціи въ Португаліи[1]). Папа все еще не соглашался исполнить эту просьбу. Онъ все еще настаивалъ на томъ, что португальскіе мараны были подвергнуты насильственному крещенію и потому не пріобщились таинствъ христіанства.

Однако, къ несчастью марановъ, ихъ средства были истощены и они не могли удовлетворить аппетиты папскаго двора. Ихъ представитель, Дуарте де Пацъ, обѣщалъ за подавленіе инквизиціи неслыханныя суммы, кромѣ того злоупотребилъ предоставленными въ его распоряженіе деньгами въ цѣляхъ личнаго обогащенія. Такимъ образомъ, новохристіане были вынуждены объявить папскому нунцію, Дела Ровере, настаивавшему на уплатѣ денегъ, что они не въ состояніи исполнить чрезмѣрныя обѣщанія Дуарте де Пацъ. Къ тому же объ этихъ сношеніяхъ нунція съ маранами было донесено королевскому двору; это обстоятельство заставило марановъ дѣйствовать съ тѣмъ большей осторожностью, что братъ короля, донъ Альфонсо, угрожалъ натравить на нихъ чернь, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Правда, во Фландріи нунцій получилъ отъ марана *Діого Мендеса* (позже сдѣлавшагося ангеломъ-хранителемъ марановъ) и его овдовѣвшей невѣстки, *доны Мендесіи*, значительную сумму денегъ[2]); но Римъ не удовлетворился этимъ, такъ какъ разсчитывалъ на много больше. Такимъ образомъ, при папскомъ дворѣ мало-по-малу охладѣлъ интересъ къ маранамъ. Когда же императоръ все энергичнѣе настаивалъ на разрѣшеніи инквизиціи въ Португаліи, Павелъ III санкціонировалъ, наконецъ, учрежденіе инквизиціоннаго трибунала въ португальскихъ владѣніяхъ (23 мая 1536 г.). Такъ какъ доброжелательно относившійся къ евреямъ папа лишь съ тяжелымъ сердцемъ и подъ давленіемъ императора далъ свою санкцію на учрежденіе инквизиціи, то онъ установилъ нѣкоторыя ограниченія. Въ первые три года должно было соблюдаться обычное судопроизводство въ свѣтскихъ судахъ, именно публичная очная ставка отдѣльныхъ свидѣтелей; конфискація-же имущества осужденныхъ марановъ должна была послѣдовать лишь черезъ десять лѣтъ[3]). Лично папа рекомендовалъ еще, черезъ посредство португальскаго посланника, снисходительно относиться къ новохристіанамъ, назначить верховнымъ инквизиторомъ не мрачнаго епископа Ламего, но болѣе мягкаго епископа Цеуты, *Діого де Силва*, и, наконецъ, разрѣшить семьѣ Дуарте де Пацъ безпрепятственно покинуть Португалію. Радость

[1]) Геркулано въ ук. м. II, стр. 153 и слѣд.; ср. прим. 6.

[2]) См. примѣч. 6 въ концѣ.

[3]) Геркулано въ ук. м. II стр. 163 и слѣд.

Донъ Іоао по поводу осуществленія его завѣтной мечты была такъ велика, что онъ согласился на всѣ эти условія[1]). Но эта уступка была сдѣлана лишь для виду; на самомъ же дѣлѣ къ португальскимъ маранамъ должна была быть примѣнена та же строгость, какъ и къ испанскимъ. Изданное инквизиціей увѣщеваніе объ обязанности каждаго христіанина подъ угрозой отлученія отъ церкви или еще болѣе суровой кары доносить о всякомъ еретическомъ поступкѣ или выраженіи новохристіанъ[2]), ничѣмъ не отличалось отъ подобнаго же увѣщеванія, изданнаго первымъ кровожаднымъ великимъ инквизиторомъ Испаніи, Торквемадой. Въ ноябрѣ того же года кровавая инквизиція начала свою позорную для человѣчества дѣятельность послѣ того, какъ истекъ тридцатидневный, такъ называемый, льготный срокъ. Старанія марановъ, при содѣйствіи инфанта дона Луи[3]), добиться назначенія еще годоваго срока для образумленія не повели ни къ чему. Португальская инквизиція дѣйствовала почти что болѣе жестоко, чѣмъ испанская, потому что ея введеніе стоило долгихъ и напряженныхъ усилій, которыя вызвали ожесточеніе и раздраженность; къ этому присоединилось еще и то, что португальскіе мараны проявляли большую стойкость, чѣмъ испанскіе, и что чернь была настроена въ пользу инквизиціи и противъ новохристіанъ. Іоао III даже предписалъ имъ ношеніе особаго значка для того, чтобы ихъ можно было отличить отъ старохристіанъ.

Однако мараны не склонили безропотно свои головы, а, напротивъ, проявили большую энергію, добиваясь отозванія булы. При папскомъ дворѣ снова начались самыя запутанныя интриги; Дуарте де Пацъ снова проявилъ свое дипломатическое искусство. Мараны стали жаловаться на жестокое отношеніе къ нимъ со стороны инквизиціи, которую они обвиняли въ несоблюденіи папскихъ инструкцій. Особенно горько жаловались они на то, что имъ все еще воспрещено выселиться изъ Португаліи и продавать свою недвижимость.

Въ петиціи къ папѣ они даже дерзнули прибѣгнуть почти къ угрозамъ: «Если Ваше Святѣйшество отвергнетъ мольбы и слезы еврейскаго племени и, сверхъ нашего ожиданія, откажется помочь нашему горю, какъ это подобаетъ намѣстнику Христа, то мы выражаемъ предъ Богомъ нашъ протестъ; съ громкими рыданіями и стонами мы будемъ протестовать предъ всей вселенной; мы повѣдаемъ міру, что, не находя мѣста, гдѣ христіанская община захотѣла бы насъ принять въ свою среду, находясь подъ постоянными посягательствами на нашу жизнь, честь, на нашихъ дѣтей, кровь отъ крови нашей, на

[1]) Т. же 169. [2]) Т. же 171 и слѣд.
[3]) Т. же II, стр. 177 и слѣд.

нашу святыню, мы попытаемся стоять вдали отъ іудаизма; но, если тираны не прекратятъ своихъ гоненій, мы сдѣлаемъ то, о чемъ никто изъ насъ въ противномъ случаѣ не помышлялъ бы, т. е. мы вернемся къ религіи Моисея и отречемся отъ христіанства, которое намъ хотятъ насильственно навязать; мы торжественно заявляемъ, что мы жертвы насилія, и требуемъ вытекающихъ отсюда правъ, которыя Ваше Святѣйшество признало за нами; покинувъ отечество, мы будемъ искать убѣжища у менѣе жестокихъ народовъ»[1]).

Возвратившійся изъ Португаліи нунцій, *Дела Ровере*, который изъ долголѣтняго опыта зналъ положеніе вещей сумѣлъ убѣдить папу, что разрѣшеніе инквизиціи было ошибкой, и, такъ какъ Павелъ III сдѣлалъ это лишь подъ временнымъ давленіемъ, то онъ скоро раскаялся въ томъ, что далъ свою санкцію. Онъ зашелъ такъ далеко, что передалъ имъ же изданную булу на разсмотрѣніе комисіи съ цѣлью установить закономѣрность ея, и въ эту комисію были снова избраны расположенные въ пользу марановъ кардиналы, *Гинучи* и *Якобачіо*. Эти два кардинала сумѣли такъ возстановить противъ инквизиціи честнаго, но ограниченнаго кардинала, Симонету, что послѣдній просилъ папу, исправить имъ-же совершенную ошибку и отречься отъ имъ же составленной булы. Въ Португалію былъ посланъ новый нунцій, *Геронимо Риценати Каподиферо*, который былъ какъ бы уполномоченъ разстраивать всѣ планы инквизиціи, направленные противъ марановъ, всячески защищать послѣднихъ и особенно облегчать имъ выселеніе изъ Португаліи. Въ данной ему папой инструкціи чувствуется непріязнь по отношенію къ королю, а также къ партіи фанатиковъ и инквизиторовъ. Папа прислалъ нунцію новый эдиктъ (отъ августа 1537 года), въ коемъ онъ всѣмъ предоставлялъ право и даже вмѣнялъ въ долгъ оказывать помощь и содѣйствіе обвиненнымъ маранамъ, т. е. совершать какъ разъ то, что въ Португаліи считалось преступленіемъ и ересью. Каподиферо воспользовался предоставленной ему властью въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; онъ сталъ спасителемъ всѣхъ несчастныхъ (конечно, за деньги), оправдывалъ тѣхъ, кого осудилъ трибуналъ, и помогалъ имъ бѣжать изъ страны. Къ папскому двору стала поступать масса жалобъ, въ томъ числѣ и жалобы короля на скандальное покровительство нунція еретикамъ. Королю, въ самомъ дѣлѣ, все это не могло не казаться страннымъ. Онъ добился, наконецъ, булы, трибунала, великаго инквизитора съ колегіей и всей организаціей для истребленія людей во славу Бога, и все же результаты были равны почти нулю. Ибо Каподиферо парализовалъ всю дѣятельность инквизиціи, а великій инквизиторъ, де-Силва, который

[1]) Геркулано т. же II. 181 и слѣд.

былъ избранъ именно за свой мягкій характеръ, не очень то усердствовалъ въ смыслѣ сожженія людей, желая угодить папскому нунцію.

Между тѣмъ слѣпой случай сыгралъ на-руку королю и партіи фанатиковъ. Однажды (въ февралѣ 1539 года) къ дверямъ собора и другихъ церквей въ Лисабонѣ были приклеены записки, содержаніе коихъ сводилось къ тому, что Месія еще не пришелъ, что Іисусъ не былъ Месіей и что христіанство—ложь. Конечно, вся Португалія была возмущена этимъ кощунствомъ, и было снаряжено строжайшее слѣдствіе для отысканія виновника. Король обѣщалъ за открытіе его вознагражденіе въ 10,000 крузадъ (дукатовъ). Но и Канодиферо обѣщалъ вознагражденіе въ 5,000 крузадъ, такъ какъ онъ вмѣстѣ со многими другими былъ того мнѣнія, что все это было совершено врагами марановъ съ цѣлью еще болѣе фанатизировать короля и поставить нунція въ затруднительное положеніе. Чтобы снять съ себя всякое подозрѣніе, новохристіане расклеили на тѣхъ же мѣстахъ записки слѣдующаго содержанія: «Я, авторъ, не испанецъ и не португалецъ, я англичанинъ, и, хотя бы вы увеличили вознагражденіе до 20000 дукатовъ, вы все же не узнаете моего имени». И все же виновникъ былъ найденъ въ лицѣ марана *Эмануила да Коста*[1]). Онъ былъ привлеченъ къ суду инквизиціи, признался во всемъ, былъ затѣмъ гражданскимъ судомъ подвергнутъ пыткѣ, съ цѣлью принудить его выдать соучастниковъ, и, наконецъ, послѣ того, какъ ему были отсѣчены обѣ руки, онъ былъ сожженъ на кострѣ. Мараны предчувствовали приближеніе плохихъ временъ, и многіе изъ нихъ бѣжали[2]). И дѣйствительно, король воспользовался случаемъ, чтобы придать инквизиціи болѣе суровый и кровавый характеръ и тѣмъ разстроить планы нунція. Прежній инквизиторъ, Діого де Силва, который и въ этомъ случаѣ проявилъ бездѣятельность, былъ устраненъ, и на его мѣсто былъ назначенъ (іюнь 1539 г.) двадцатисемилѣтній братъ короля, *донъ Генрихъ,* рѣшительный и фанатическій врагъ марановъ. Конечно, дворъ опасался гнѣва папской куріи за это нарушеніе категорическихъ инструкцій папы и послалъ поэтому въ Римъ стойкаго и энергичнаго посла, *Педро Маскаренаса,* который зналъ слабую сторону кардиналовъ и папскихъ приближенныхъ и потому превзошелъ подкупами марановъ[3]). Самые ярые фанатики были немедленно-же назначены инквизиторами, къ величайшему раздраженію нунція и папы. *Іоао Соаресъ,* о которомъ самъ папа выразился однажды: «это монахъ, не очень много знающій, но весьма смѣлый и чрезвычайно честолюбивый, его убѣжденія самыя

[1]) См. прим. 6.

[2]) Геркулано т. же II, стр. 207 прим.

[3]) Т. же стр. 211.

дурныя, онъ открытый врагъ апостольскаго престола, даже хвастается этой враждой»[1]), и еще другой закоснѣлый врагъ марановъ, докторъ *Мело*, получили неограниченную власть надъ жизнью новохристіанъ.

Португальскій дворъ нашелъ въ себѣ, наконецъ, мужество энергично выступить вмѣсто того, чтобы ограничиваться протестами и промедленіями. Положеніе марановъ ухудшалось съ каждымъ днемъ. Правда, папа въ своихъ переговорахъ съ португальскимъ посломъ оставался непреклоннымъ относительно трехъ пунктовъ. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы инфантъ донъ Генрихъ не оставался великимъ инквизиторомъ, чтобы обвиненнымъ въ ереси маранамъ сообщали имена свидѣтелей, т. е. обвинителей, и, наконецъ, чтобы имъ было разрѣшено послѣ осужденія апелировать къ высшей инстанціи, къ папской куріи[2]). Павелъ III приказалъ даже составить новую булу (12 октября 1539 года), въ дополненіе къ булѣ, изданной тремя годами раньше, весьма благопріятную новохристіанамъ для парализованія дѣятельности инквизиціи [3]). Но и она осталась мертвой буквой. Гонецъ, который долженъ былъ скорѣйшимъ образомъ доставить булу въ руки новохристіанъ и, конечно, былъ самъ изъ марановъ, настолько замедлилъ свой отъѣздъ, что нунцій успѣлъ уже оставить Лисабонъ и Португалію. Можно даже подозрѣвать, что онъ съ умысломъ покинулъ свой постъ раньше, чѣмъ слѣдовало бы, чтобы не быть вынужденнымъ возвѣстить дополнительную булу отъ октября 1539 года. Ибо и Каподиферо, подобно своему предшественнику, Дела Ровере, въ концѣ-концовъ охладѣлъ къ маранамъ, ибо послѣдніе не хотѣли или не могли удовлетворить его чрезмѣрныя денежныя требованія[4]). Тѣмъ не менѣе оба упомянутыхъ нунція привезли съ собой изъ Португаліи 30.000 дукатовъ. взятыхъ изъ еврейскихъ или маранскихъ кармановъ[5]). Возможно также, что Каподиферо получилъ отъ самого папы указаніе не опубликовывать офиціально этой булы; быть можетъ, папа хотѣлъ этой булой лишь обмануть марановъ. Ибо, несмотря на всѣ свои раздоры съ португальскимъ дворомъ, умный Павелъ III, хотя и вполнѣ искренно сочувствовалъ маранамъ, все же не хотѣлъ обострять свои отношенія и порвать съ королемъ, а потому щадилъ его чувствительность.

Такимъ образомъ, донъ Генрихъ, злѣйшій врагъ марановъ, остался фактическимъ, хотя и не утвержденнымъ папой, великимъ инквизиторомъ Португаліи; этотъ фактъ завершилъ собой эпоху снисходительнаго отношенія къ маранамъ. Все чаще и чаще стали воздвигаться костры для упорствовавшихъ еретиковъ: ежегодно сжигались отъ 10—40 ере-

[1]) Т. же стр. 220. [2]) Т. же стр. 252. [3]) Т. же стр. 254.
[4]) Т. же стр. 269. [5]) Т. же стр. 322.

тиковъ; ихъ жалобамъ, обращеннымъ къ папѣ, не давали хода[1]). Темницы переполнились обвиненными и заподозрѣнными маранами[2]).

Потрясающе описаніе ужасовъ португальской инквизиціи, сдѣланное поэтомъ того времени, *Самуиломъ Уске,* который юношей самъ пережилъ ихъ. «Появленіе инквизиціи похитило у евреевъ душевное спокойствіе, преисполнило ихъ скорби и смятенія, вытащило ихъ изъ уютныхъ домовъ и бросило ихъ въ мрачныя темницы, гдѣ они претерпѣвали мучительныя страданія; она (инквизиція) бросаетъ на нихъ петлю и тащитъ къ костру, постановляетъ убивать дѣтей, сжигать супруговъ, истреблять братьевъ, увеличиваетъ число сиротъ и вдовъ, разоряетъ богатыхъ и могущественныхъ, превращаетъ благородныхъ людей въ уличныхъ грабителей, загоняетъ скромныхъ и цѣломудренныхъ женщинъ въ позорные дома, ибо обрекла ихъ на нищету и одиночество; она сожгла множество марановъ и не въ одиночку, а по тридцати, по пятидесяти человѣкъ сразу; но мало того, что она сожгла и истребила этихъ несчастныхъ, она довела христіанскій народъ до того, что онъ хвастается этимъ и не только радуется зрѣлищу сожженія моихъ соплеменниковъ (сыновъ Іакова), но самъ же зажигаетъ и поддерживаетъ костры съ помощью принесенныхъ издалека дровъ; насильно крещенные мараны бродятъ чуть живые отъ страха передъ этимъ дикимъ звѣремъ (инквизиціей) и, идя по улицамъ, озираются, не протягиваетъ-ли онъ своихъ когтей; они ходятъ съ трепещущими сердцами, дрожатъ, какъ листья на деревѣ, и преисполнены ужаса при мысли о возможности попасть въ его лапы; всякое движеніе этого звѣря приводитъ ихъ въ смятеніе и потрясаетъ до глубины души; ибо въ этомъ несчастіи они всѣ образуютъ одинъ страдающій организмъ; со страхомъ они ѣдятъ за столомъ; время, приносящее покой всѣмъ существамъ, еще болѣе безпокоитъ и пугаетъ ихъ; радость и празднества свадебъ и рожденій превращаются для нихъ въ печаль и безпокойство; каждое мгновеніе приноситъ тысячу несчастій; ибо недостаточно внѣшне исполнять христіанскіе обряды; огонь пожираетъ ихъ тѣла; безчисленны виды ихъ мученій»[3]).

Преувеличено ли это описаніе? Не превратила ли фантазія впечатлительнаго поэта незначительныя страданія въ потрясающее мученичество? Колегія кардиналовъ, которой было поручено офиціальное разслѣдованіе дѣятельности португальской инквизиціи, на основаніи документовъ, подтвердила полностью вышеприведенное описаніе. «Если новохристіанина обвиняютъ въ ереси (иногда на основаніи ложныхъ показаній),

[1]) Т. же стр. 303. прим.
[2]) Т. же стр. 325.
[3]) Самуилъ Уске Consolaçao III, № 30.

то инквизиторы бросаютъ его въ темную дыру, откуда ему не видны ни небо, ни земля, и не разрѣшаютъ ему свидѣться съ родными и близкими, которые могли бы ему помочь; они обвиняютъ его на основаніи сбивчивыхъ показаній, не указываютъ ему ни мѣста, ни времени совершенія инкриминируемаго преступленія; затѣмъ ему назначаютъ адвоката, который, вмѣсто того, чтобы защищать обвиняемаго, лишь ускоряетъ его гибель; если несчастный настаиваетъ на томъ, что онъ истинно-вѣрующій христіанинъ, и рѣшительно отрицаетъ приписываемыя ему прегрѣшенія, то они осуждаютъ его на сожженіе и конфискуютъ его имущество; если онъ сознается въ томъ, что совершилъ то или иное прегрѣшеніе, но безъ злого умысла, то они также раздѣлываются съ нимъ, какъ и раньше, подъ предлогомъ, что обвиняемый упорно отрицаетъ свои злые помыслы; если же онъ открыто сознается въ своей виновности, то они осуждаютъ его на пожизненное заключеніе въ темницу; и это они называютъ милосердіемъ и христіанской кротостью; даже и того, кому удается съ несомнѣнной очевидностью доказать свою невинность, присуждаютъ къ денежному штрафу, дабы народъ не говорилъ, что обвиняемаго привлекли къ суду безъ основанія; съ помощью всевозможныхъ орудій пытки у задержанныхъ обвиняемыхъ вырываются признанія въ совершеніи приписываемыхъ имъ преступленій; многіе изъ нихъ умираютъ въ темницахъ, а выпущенные на свободу со всѣми своими родственниками обезчещены клеймомъ вѣчнаго позора»[1]).

Чѣмъ кровожаднѣе и свирѣпѣе была инквизиція, тѣмъ болѣе горячо уповали португальскіе мараны на послѣдній лучъ надежды, оставшійся еще у нихъ, именно на папу и ихъ остальныхъ покровителей. Они стремились, если ужъ нельзя было совсѣмъ устранить этотъ кровавый трибуналъ, по крайней мѣрѣ, хоть нѣсколько ограничить его ужасную дѣятельность. Они отыскали себѣ новаго представителя, который казался имъ болѣе честнымъ и энергичнымъ человѣкомъ, чѣмъ Дуарте де Пацъ. Послѣднему они не могли болѣе поручить защиту своихъ интересовъ; онъ оказался слишкомъ корыстолюбивымъ и безчестнымъ; кромѣ того своими чрезмѣрными обѣщаніями и слишкомъ ужъ дерзкой хитростью онъ въ концѣ концовъ принесъ имъ больше непріятностей, чѣмъ пользы. Съ присущей ему страстностью, онъ, горя жаждой мести за нанесенную ему обиду, представилъ португальскому двору и папѣ всевозможныя обвиненія противъ марановъ; онъ притворился вѣрующимъ и смиреннымъ, чтобы придать большую силу своимъ предательскимъ разоблаченіямъ. Но его яростныя вылазки не имѣли никакого успѣха. Раздраженный неудачей своей мести, онъ, чтобы огорчить португальскаго короля,

[1]) Геркулано т. же II, стр. 40 и слѣд.

открыто призналъ себя сначала евреемъ, а позже даже, какъ говорятъ, туркомъ [1]). Его преемникъ, *Діого Антоніо,* тоже оказался не подходящимъ, и потому португальскіе мараны выбрали (1540 г.) третьяго представителя, *Діого Фернандеса Нето,* который дѣйствовалъ болѣе удачно. Въ его распоряженіе были, конечно, предоставлены большія суммы денегъ, которыя проходили черезъ руки марана *Діого Мендеса* и его благородной невѣстки, *доны Граціи Мендесіи* во Фландріи[2]). Нето получилъ сильную поддержку въ лицѣ кардинала Паризіо, который уже раньше опубликовалъ сочиненіе въ защиту марановъ; тамъ онъ доказывалъ, что «мараны, насильственно крещенные, не могутъ быть разсматриваемы полновѣсными членами церкви»[3]). Высокомѣріе инфанта Генриха доставило имъ двухъ новыхъ союзниковъ, которые пользовались большимъ вліяніемъ при дворѣ Павла III и были проникнуты ненавистью къ португальскому двору. *Мигуелъ де Силва,* епископъ Визе, родомъ изъ старой аристократической фамиліи, былъ возведенъ въ санъ кардинала; этого не могъ ему простить завистливый португальскій дворъ и сталъ его такъ преслѣдовать, что онъ принужденъ былъ бѣжать въ Римъ, но и тамъ онъ не былъ въ безопасности; ожесточенный противъ португальскаго двора, онъ сталъ ревностнымъ защитникомъ марановъ. То же сдѣлалъ и популярный врачъ, *Айресъ Васъ,* который, будучи преслѣдуемъ инквизиціей за занятія астрологіей, лишь съ трудомъ спасся бѣгствомъ въ Римъ и тамъ сталъ любимцемъ папы [4]), который вмѣстѣ съ еще нѣсколькими кардиналами вѣрилъ въ истинность этой псевдонауки[5]). Оба они дѣйствовали противъ португальскаго двора. Мараны прежде всего добивались того, чтобы въ Португалію былъ снова посланъ папскій нунцій, который, подобно Каподиферо, являлся бы представителемъ папы въ Лисабонѣ, парализовалъ бы жестокость инквизиціи и содѣйствовалъ бы выселенію марановъ. Однако португальскій дворъ стойко отказывался допустить нунція, ибо, согласно обычаю, ко двору посылался нунцій лишь въ исключительныхъ случаяхъ и на непродолжительное время, а не въ качествѣ постояннаго посланника. Король жаловался, что нунцій захватитъ въ свои руки всю духовную власть и лишитъ всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ вліянія и авторитета. Кромѣ того, послѣдніе два нунція прямо таки покровительствовали маранамъ. Тѣмъ болѣе настаивали мараны на томъ, чтобы папа послалъ къ португальскому двору своего представителя. Они предложили за это папѣ 8.000—10.000 дукатовъ и кромѣ того обязались платить нунцію по 250 дукатовъ въ

[1]) Т. же стр. 263 - 68. [2]) Т. же стр. 321.
[3]) Т. же Эмануилъ Абоабъ, Nomologia, стр. 262.
[4]) Геркулано, т. же II стр. 340. [5]) Т. же стр. 221.

мѣсяцъ[1]). Всѣ эти огромныя суммы, полученныя папой, кардиналами и ихъ ставленниками, прошли черезъ руки Діого Мендеса и его невѣстки во Фландріи, которые, какъ ангелы-хранители, заботились о своихъ соплеменникахъ[2]). Послѣ долгихъ и страстныхъ, но безрезультатныхъ переговоровъ, въ теченіе которыхъ португальскій посланникъ, *Христовамъ де Суза,* бросилъ въ лицо папѣ рѣзкое обвиненіе въ продажности куріи, въ Португалію былъ посланъ нунцій, въ лицѣ епископа *Луисъ Липомано*. Но Іоао III отдалъ приказъ не впускать его въ страну. Онъ принужденъ былъ нѣсколько времени кочевать вдоль португальской границы, пока дѣло чуть не окончилось разрывомъ между папой и португальскимъ дворомъ[3]).

Дѣло въ томъ, что борьба между португальскимъ дворомъ и папской куріей вновь или, вѣрнѣе, пуще разгорѣлась изъ-за великаго инквизитора, принца Генриха, который, несмотря на неутвержденіе папы, проявлялъ не только фанатизмъ, но и дикое упорство. Это была борьба не на жизнь, а на смерть; но не для обѣихъ борющихся сторонъ, а лишь для тѣхъ несчастныхъ, которые, несмотря на все свое самоотреченіе, не могли полюбить христіанство и примириться съ нимъ и все же не имѣли мужества принести себя въ жертву во имя іудаизма, которые не хотѣли поступиться своими убѣжденіями, но въ то же время цѣпко держались за свои богатства и за свое положеніе.

Какъ могли они проникнуться любовью къ религіи, священнослужители коей, свѣтское духовенство и монахи, открыто вели самый гнусный образъ жизни. Португальскіе монастыри были въ то время позорищемъ страны. Монахини въ стѣнахъ монастырей рожали сыновей и дочерей и сохраняли ихъ у себя до возмужалости. Дочери становились, въ свою очередь, монахинями, а сыновья—священниками. Монахиня, рожденная отъ абатиссы, была возведена капитуломъ въ тотъ же санъ и обзавелась любовникомъ[4]). Португальскій король зналъ объ этой распущенности, но ничего не могъ подѣлать противъ этого, ибо духовенство было могущественнѣе короля[5]). Мараны знали о всѣхъ этихъ позорныхъ дѣяніяхъ служителей христіанства, и отъ нихъ требовали приверженности и любви къ этому вѣроисповѣданію! Чѣмъ свирѣпѣе преслѣдовала ихъ инквизиція, тѣмъ дороже становилась для нихъ религія ихъ предковъ. Чтобы возбудить папу или хотя бы его приближенныхъ противъ марановъ, инфантъ и великій инквизиторъ, Генрихъ, приказалъ составить и послать въ Римъ перечень грѣховъ, совершенныхъ новохристіанами (10 февраля 1542 г.). Въ этомъ посланіи сказано: сапожникъ изъ Сенбала, *Людовикъ Діацъ,* объявилъ себя месіей и совратилъ въ свою вѣру мно-

[1]) Т. же стр. 321. [2]) Т. же. [3]) Т. же III, 13.
[4]) Т. же стр. 40. [5]) Т. же.

гихъ марановъ, въ томъ числѣ и лейбъ-медика дона Алфонса, брата инфанта-инквизитора; въ Лисабонѣ была открыта тайная синагога, въ которую собрались мараны для молитвъ; синагога была, конечно, разрушена, а молившіеся тамъ сожжены на кострѣ; одинъ лисабонскій врачъ не побоялся обходить дома марановъ, проповѣдуя имъ іудаизмъ и совершая обрядъ обрѣзанія надъ ихъ мальчиками; въ Коимбрѣ одинъ маранъ содержалъ особую школу для обученія дѣтей еврейскому языку; наглость марановъ дошла до того, что они обратили въ іудейство даже одного урожденнаго христіанина[1]). Этотъ перечень грѣховъ долженъ былъ послужить оправданіемъ для состоявшагося незадолго до того массоваго осужденія марановъ.

Два несчастныхъ обстоятельства помѣшали папѣ и друзьямъ марановъ энергично выступить въ ихъ пользу: гнусный подлогъ и все возраставшій фанатизмъ при дворѣ папы Павла III (1542). Судья представилъ королю двѣ пачки писемъ, которыя якобы прибыли изъ Фландріи и были адресованы двумъ маранамъ. Они были зашифрованы, и только имена «мужа изъ Визе» (Мигуела де Силва, покровительствовавшаго маранамъ и жестоко преслѣдуемаго королемъ) и представителя марановъ въ Римѣ, Фернандеса Нето, можно было ясно разобрать. Въ этихъ шифрованныхъ письмахъ мараны въ Римѣ и Фландріи разсказали будто о своихъ тайныхъ происках противъ инквизиціи. Португальскій дворъ раздулъ эту исторію съ письмами и представилъ ихъ для дешифрированія императору Карлу и папѣ, въ подтвержденіе того, что тайныя интриги марановъ и ихъ покровителей отнынѣ разоблачены. Однако это былъ грубый подлогъ[2]). Къ этому присоединилось еще и то, что папа уступилъ еще разъ фанатикамъ, издавъ булу объ учрежденіи въ Римѣ инквизиціи противъ протестантовъ и еретиковъ. Между сторонниками реформаціи и противниками католической церкви были и унитаріи, которые считали тріединство идолопоклонствомъ и потому отвергали его, за что ихъ и причисляли къ іудействующимъ. Инквизиція въ Римѣ была также направлена противъ унитаріевъ. Почему бы не преслѣдовать и марановъ, т. е. іудействующихъ ренегатовъ, которые являются не меньшими еретиками, чѣмъ другіе?[3]) Партія фанатиковъ въ Римѣ, конечно, не преминула воспользоваться этимъ вполнѣ логичнымъ заключеніемъ. Мараны составили обширную докладную записку (1544[4]) для того, чтобы обезоружить своихъ противниковъ въ Римѣ и другихъ мѣстахъ и разъ навсегда основательно опровергнуть лживые доносы и измышленія португальскаго двора. Въ этой запискѣ они изложили и подтвердили документами печальную повѣсть о всемъ, пережитомъ ими со

[1]) Т. же 12 [2]) Т. же 56. [3]) Т. же 85, 92.
[4]) См. ниже.

времени царствованія королей Іоао II и Маноела, которые всяческими гоненіями принудили ихъ перейти въ христіанство, и до послѣднихъ дней. Эта записка останется вѣчнымъ позоромъ для церкви того времени.

Въ ней въ потрясающихъ словахъ изображены муки, претерпѣваемыя ежедневно и ежечасно маранами, которые всѣ, не только томившіеся въ темницахъ, но и оставшіеся на свободѣ, жили всегда въ смертельномъ страхѣ при видѣ предназначенныхъ для нихъ костровъ. Ибо португальское населеніе, болѣе грубое, чѣмъ испанское, сочувствовало инквизиціи, злорадствовало по поводу пытокъ, которымъ подвергались новохристіане, и своими доносами доставляло инквизиціи одну жертву за другой. Нѣкоторыя подробности записки заслуживаютъ вниманія.

Какъ только инквизиція (противъ воли папскаго престола) начала свою достойную проклятія работу, въ Ламего къ позорному столбу были прикрѣплены изображенія всѣхъ марановъ того города съ надписью: «собаки и проклятое отродье», Одновременно въ городѣ было распространено посланіе слѣдующаго содержанія: «Возблагодаримъ Бога за оказанную намъ милость, ибо мы еще въ наши дни увидимъ, какъ свершится месть надъ этими собаками, еретиками и безбожниками; мы всѣ должны прославлять Бога за это благодѣяніе; берегите дрова, дабы не было въ нихъ недостатка»[1]). Въ Порто нѣкоторые монахи заранѣе написали на дверяхъ новохристіанъ, какая судьба ждетъ каждаго изъ нихъ[2]).

Такимъ образомъ населеніе всячески содѣйствовало инквизиціи. Послѣдняя большей частью выбирала для своихъ цѣлей людей изъ отбросовъ общества. Одинъ обвиненный въ убійствѣ негодяй, по имени *Франциско Гилъ*, получилъ порученіе отыскивать виновныхъ въ ереси марановъ. Его методъ былъ чрезвычайно простъ. Прибывъ въ какой-нибудь городъ, онъ устраивалъ церковный праздникъ въ память какого-нибудь святого. Всѣ мараны являлись обыкновенно въ церковь, чтобы своимъ отсутствіемъ не дать повода къ обвиненію ихъ въ ереси. Когда церковь была полна молящихся, Гилъ закрывалъ ея дверь и подъ угрозой отлученія требовалъ отъ старохристіанъ отдѣлиться отъ новохристіанъ и сообщить, что они знаютъ о еретическихъ наклонностяхъ послѣднихъ. Уличенныхъ такимъ образомъ марановъ онъ въ цѣпяхъ отводилъ въ предназначенную для нихъ темницу, по дорогѣ же истязалъ и ограбилъ ихъ[3]). Застѣнки, въ которые онъ ихъ помѣщалъ, были тѣсныя, грязныя, темныя конуры[4]).

Инквизиторы, избранные великимъ инквизиторомъ, инфантомъ, были дикіе фанатики, грубые и жестокіе люди, которые стремились не

[1]) Т. же 123. [2]) Т. же 124. [3]) Т. же 128 и 266.
[4]) Т. же 135.

къ исправленію грѣшниковъ, а къ ихъ истребленію. Инквизиторъ *Маноелъ де Алмадоръ,* котораго называли «бичемъ священниковъ» [1]), заранѣе указывалъ мѣсто, гдѣ долженъ былъ быть воздвигнутъ костеръ и заранѣе опредѣлялъ съ дьявольскими подробностями, за кѣмъ очередь быть сожженнымъ[2]). Свидѣтелями являлись субъекты изъ отбросовъ общества, которые заранѣе радовались зрѣлищу зажженныхъ костровъ, или же прислуга марановъ, отъ которой требовали показаній, компрометирующихъ ея хозяевъ[3]).

Въ городѣ Порто было 9 постоянныхъ свидѣтелей, которые всегда должны были показывать противъ марановъ; въ ихъ числѣ была одна публичная женщина, которая дошла до того, что отдавалась рабамъ[4]). Выбранные изъ среды доминиканцевъ[5]) инквизиторы точно хотѣли отомстить евреямъ христіанскаго исповѣданія за пораженіе, которое потерпѣлъ ихъ орденъ въ спорѣ съ Рейхлинымъ (см. выше 141), и прибѣгли еще къ болѣе возмутительнымъ пріемамъ. Въ инквизиціонной тюрьмѣ въ Коимбрѣ томились *Симонъ Алваресъ* съ женой и шестилѣтней дочерью. Родители должны были быть осуждены и сожжены; но противъ нихъ нельзя было найти никакихъ уликъ. Что же сдѣлала инквизиція? Она призвала къ себѣ несчастную дѣвочку, поставила ее предъ жаровнею и угрожала ей обжечь ручки, если она не скажетъ, что видѣла, какъ ея родители осквернили распятіе. Ребенокъ исполнилъ это требованіе, и родители были осуждены на сожженіе [6]). Въ другой разъ должна была быть осуждена маранская чета, за которой добровольно послѣдовала въ тюрьму ихъ христіанская служанка. Отъ послѣдней потребовали, чтобы она донесла на своихъ господъ. Такъ какъ она давала лишь благопріятныя для нихъ показанія, то ее бросили въ темницу и частью наказаніями, частью лестью добивались отъ нея ложныхъ показаній. Такъ какъ и это не помогло, то инквизиторъ приказалъ такъ долго бить ее по головѣ и по бокамъ, пока она не облилась кровью. Когда же несчастная отъ невыносимыхъ болей что-то пробормотала, инквизиторъ выдалъ это за свидѣтельство, уличающее обвиняемыхъ [7]). Этотъ звѣрь былъ епископомъ и назывался *Бернардо де Санта-Круцъ.* Когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ призывалъ къ себѣ заключенныхъ маранскихъ женъ и дѣвушекъ, позволялъ себѣ по отношенію къ нимъ двусмысленныя шутки и приставалъ къ нимъ съ гнусными намѣреніями[8]).

Само собою разумѣется, что эти дьяволы, доминиканскіе инквизиторы, примѣняли пытку, чтобы выпытать отъ несчастныхъ узниковъ но-

[1]) Т. же 134. [2]) Т. же 137. [3]) Т. же 267.
[4]) Т. же 165. [5]) Т. же 158. [6]) Т. же 145.
[7]) Т. же. [8]) Т. же 149.

выя имена. Ни преклонный возрастъ женщинъ, ни красота и молодость цвѣтущихъ дѣвъ не избавляли отъ пытки. Подвергая пыткѣ женщинъ, тѣла коихъ были на половину обнажены, эти негодяи изъ жестокости произносили грязныя слова, заставлявшія краснѣть несчастныхъ жертвъ[1]).

Епископъ Порто, *Балтазаръ Лимпо,* не позволялъ себѣ этихъ непристойностей. Онъ слылъ человѣкомъ строгой нравственности, и его чрезвычайная грубость казалась прямотой. На соборахъ, членомъ коихъ онъ былъ, онъ сурово клеймилъ порочность римскаго двора и духовенство. Но мараны, которые попадались ему въ руки, еще болѣе страдали отъ его раздражительности и вспыльчивости. Между нимъ и маранами произошелъ споръ по поводу постройки церкви на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояла синагога. Этотъ споръ привелъ его въ такое раздраженіе, что онъ изъ чувства мести не пощадилъ ни одного изъ обвиненныхъ по подозрѣнію марановъ. Несмотря на свою строгую нравственность, онъ не былъ разборчивъ въ выборѣ своихъ помощниковъ. Обвинителемъ его инквизиціоннаго суда былъ безнравственный негодяй, котораго онъ выбралъ только за его грубость и наглость. Привратникомъ его инквизиціонной тюрьмы былъ субъектъ, который одновременно соблазнилъ маранскую женщину и ея дочь[2]).

Въ столицѣ Португаліи, Лисабонѣ, гдѣ жило множество марановъ, инквизиція отличалась безчеловѣчностью, отъ которой волосы дыбомъ становятся. Здѣсь не хватало тюремъ для содержанія всѣхъ тѣхъ, противъ которыхъ производилось слѣдствіе. Инквизиція слѣдила за тѣмъ, чтобы ни одинъ солнечный лучъ не проникъ къ заключеннымъ и чтобы ни одинъ звукъ не вышелъ изъ стѣнъ темницъ, дабы ея жестокость не дошла до лисабонскаго двора. Великій инквизиторъ Лисабона, *Іоао де Мело,* въ своей жестокости и ненависти къ маранамъ былъ подобенъ Люцеро въ Испаніи (см. выше стр. 179). Его каменное сердце не знало пощады. Этотъ звѣрь самъ описалъ королю первую процесію осужденныхъ къ сожженію марановъ въ Лисабонѣ съ такимъ душевнымъ спокойствіемъ и чувствомъ удовлетворенности, которыя можно объяснить лишь дикимъ фанатизмомъ, господствовавшимъ тогда на Пиренейскомъ полуостровѣ. Де-Мело писалъ королю: «Около сотни осужденныхъ составили пышную процесію; во главѣ процесіи находился королевскій судья въ сопровожденіи духовенства отъ двухъ церковныхъ приходовъ; прибывъ на мѣсто казни, запѣли гимнъ: veni creator spiritus; одинъ монахъ взошелъ на каѳедру; проповѣдь его была коротка, ибо намъ предстояло еще много работы; были прочтены приговоры; сначала были названы тѣ, которыхъ осудили на ссылку и временное задержаніе, затѣмъ тѣ, которые были приговорены

[1]) Т. же 184. [2]) Т. же 161—171.

къ вѣчной темницѣ, и, наконецъ, тѣ, которые были обречены на сожженіе; послѣднихъ было двадцать человѣкъ; семь женщинъ и двѣнадцать мужщинъ были привязаны къ столбу и заживо сожжены; только одна женщина, чистосердечно раскаявшаяся въ своемъ прегрѣшеніи, была помилована».

Безчеловѣчный инквизиторъ, Де Мело, присовокупилъ еще: въ день казни небо, которое нѣсколько дней было пасмурнымъ, просвѣтлѣло, какъ бы милостиво улыбаясь кровавой расправѣ; въ темницахъ томятся еще многіе подобные грѣшники, которые скоро будутъ также сожжены. Король былъ достоинъ своихъ приспѣшниковъ, и радовался гибели грѣшниковъ[1]).

Одно только произвело глубокое впечатлѣніе на озвѣрѣвшаго Мело: осужденные мараны при видѣ костровъ не испустили ни одного крика и не проронили ни одной слезы; они простились другъ съ другомъ, родители съ дѣтьми, жены съ мужьями, братья съ братьями, какъ если бы имъ предстояло скоро снова свидѣться; отцы въ послѣднюю минуту благословляли своихъ дѣтей, а супруги обмѣнивались прощальнымъ поцѣлуемъ[2]).

Іоао де Мело отъ времени до времени нападалъ со своими палачами на отходившіе изъ гавани корабли. Горе маранамъ, которые были настигнуты и уличены въ желаніи бѣжать! Ихъ немедленно же бросали въ темницы, даже если ихъ нельзя было ни въ чемъ обвинить[3]).

Папа переслалъ эту докладную записку марановъ, въ коей были заклеймены всѣ жестокости инквизиціи, своему нунцію въ Лисабонѣ для передачи ея королю и инфанту-инквизитору. Она должна была содѣйствовать тому, чтобы, по крайней мѣрѣ, нѣсколько облегчить судьбу марановъ. Но ни король, ни инфантъ не удостоили записки прочтенія, а передали ее инквизиторамъ, которые либо отрицали приведенные въ ней факты, либо оправдывали ихъ тѣмъ, что только такимъ путемъ можно сохранить чистоту христіанской вѣры[4]). Такимъ образомъ и это средство не возымѣло никакого дѣйствія.

Папа обвинялъ инквизицію въ безчеловѣчности, а португальскій дворъ жаловался на покровительство, оказываемое маранамъ папской куріей; но эти взаимныя обвиненія не приводили ни къ какому результату. Папскій нунцій въ Лисабонѣ, Липомано, недостаточно энергично защищалъ новохристіанъ и оставался спокойнымъ свидѣтелемъ того, какъ ихъ обвиняли, бросали въ тюрьмы, осуждали, сжигали и лишали имущества.

Папскій престолъ неоднократно пытался парализовать безчеловѣчную дѣятельность инквизиціи назначеніемъ новаго нунція въ Лисабонѣ

[1]) Т. же 158. [2]) Т. же 190. [3]) Т. же 197.
[4]) Т. же 235;

для ознакомленія на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ. Но и назначенный на этотъ разъ нунцій не добился никакихъ результатовъ. Сначала португальскій дворъ воспретилъ ему въѣздъ въ страну; когда же онъ, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, былъ, наконецъ, допущенъ ко двору (сентябрь 1545 г.), онъ нашелъ короля чрезвычайно упрямымъ и несклонnымъ ни на какія уступки. Когда папа и мараны увидѣли, что однажды введенная инквизиція не прекращала своей ужасной дѣятельности, они стали добиваться того, чтобы новохристіанамъ было, по крайней мѣрѣ, разрѣшено выселяться изъ Португаліи и чтобы всѣмъ осужденнымъ и заключеннымъ въ тюрьмы маранамъ была дарована амнистія (Perdao) при условіи, что они признаютъ свою прежнюю приверженность къ іудаизму и будутъ обѣщать въ будущемъ оставаться правовѣрными христіанами. Но какъ разъ въ этомъ король и доминиканцы не желали уступать.

Павелъ III былъ парализованъ. Хотя онъ и испытывалъ искреннее отвращеніе къ жестокостямъ португальской инквизиціи, да кромѣ того онъ нуждался въ получаемыхъ отъ марановъ значительныхъ суммахъ для своей политики въ Италіи и для своей войны съ протестантами, онъ все же не могъ слишкомъ рѣзко выступить противъ португальскаго двора. Онъ самъ находился въ зависимости отъ католическихъ фанатиковъ. *Лойола* и *Карафа* были господами въ Римѣ, папа былъ лишь ихъ слугой. Къ тому же въ скоромъ времени предстоялъ тридентскій соборъ, на которомъ должны были быть установлены догматы христіанской вѣры, съ цѣлью принизить и обезсилить протестантовъ. Папа нуждался въ фанатическихъ членахъ собора, которые могли бы оказать давленіе на нерѣшительныхъ. Такихъ фанатиковъ могли доставить лишь Португалія и Испанія. Въ Португаліи іезуиты встрѣтили радушнѣйшій пріемъ. Такимъ образомъ папа былъ вынужденъ быть осторожнымъ по отношенію къ португальскому двору и прибѣгать къ просьбамъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы приказывать.

Съ другой стороны и король не могъ осуществить своихъ желаній. Пока папа не утвердилъ инквизиціи, онъ могъ ее совершенно упразднить и распорядиться о передачѣ всѣхъ дѣлъ по обвиненію въ іудействованіи папской куріи. Іоао III зналъ, что нѣкоторые кардиналы громко выражали свое негодованіе по поводу жестокостей инквизиціоннаго трибунала. Они открыто говорили: «чего хотятъ инквизиторы, жаждутъ ли они человѣческой крови?» [1]). Онъ опасался также, чтобы папа не предложилъ вопроса объ инквизиціи на обсужденіе собора, который могъ бы проклясть португальскій трибуналъ. Поэтому онъ принялъ рѣшеніе, ко-

[1]) Т. же 263.

торое досталось ему, вѣроятно, не легко, если принять во вниманіе его высокомѣріе. Онъ призвалъ четырехъ видныхъ марановъ[1]) и поручилъ имъ выработать докладъ и высказаться о средствахъ для успокоенія возбужденныхъ страстей. Эти четыре марана смѣло заявили, что, покуда не будетъ дарована всеобщая амнистія, покуда анонимные доносы, показанія отбросовъ общества и признанія, вырванныя пыткой, будутъ признаваться уликами противъ обвиняемыхъ, покуда не будетъ ограничена жестокость и безчеловѣчность инквизиціи, до тѣхъ поръ не наступитъ успокоенія и не прекратится массовое бѣгство изъ страны. Они указали еще, что съ новохристіанами въ Испаніи обходятся снисходительнѣе, ибо тамъ запрещено поносить и оскорблять ихъ. Однако отупѣвшій отъ дикаго фанатизма король предпочелъ обречь свою страну на нищету и безлюдіе, чѣмъ проявить снисходительность по отношенію къ маранамъ.

Онъ послалъ на соборъ своего достойнаго представителя, епископа *Балтазара Лимпо*, того неотесаннаго и вспыльчиваго палача (см. выше, стр. 234), который позволилъ себѣ говорить съ папой въ тонѣ, показавшемъ Павлу III, что онъ уже не господинъ въ своемъ домѣ. Лимпо бурно потребовалъ отъ Павла III признать, наконецъ, португальскую инквизицію, которая стремится искоренить новохристіанскихъ ренегатовъ, и упрекалъ его въ покровительствѣ имъ. Онъ совершенно правильно указалъ: мараны, въ качествѣ христіанъ и съ христіанскими именами, тайно выселяются изъ Португаліи и забираютъ съ собой своихъ дѣтей, которыхъ они же сами крестили; прибывъ въ Италію, они выдаютъ себя за евреевъ, живутъ по еврейскимъ законамъ и совершаютъ надъ дѣтьми обрядъ обрѣзанія; все это происходитъ на глазахъ у папы и собора, въ стѣнахъ Рима и Болоньи; это происходитъ потому, что Его святѣйшество даровалъ еретикамъ привилегіи и воспретилъ преслѣдовать ихъ даже въ Анконѣ за ересь; при такихъ обстоятельствахъ невозможно, чтобы король разрѣшилъ свободно выселяться изъ Португаліи; быть можетъ, Его святѣйшество настаиваетъ на этомъ, дабы покидающіе Португалію мараны поселились въ качествѣ евреевъ въ его провинціяхъ, и курія такимъ образомъ извлекла бы выгоды отъ нихъ; вмѣсто того, чтобы препятствовать введенію инквизиціи въ Португаліи, Его святѣйшество должно было бы почитать своимъ долгомъ ввести ее въ своей собственной области»[2]). На такую рѣчь папа могъ бы отвѣтить лишь въ томъ случаѣ, если бы у него совѣсть была чиста и если бы христіанство въ самомъ дѣлѣ проповѣдывало кротость и гуманность. Но такъ какъ ему былъ необходимъ этотъ безумный фанатизмъ для того, чтобы энергично бороться съ протестантизмомъ, и такъ какъ онъ самъ, когда

[1]) Т. же 265. [2]) Т. же 313.

вспыхнула шмалкалденская война, издалъ кровавую булу, въ коей содержался отъ имени намѣстника Христа призывъ: «смерть протестантамъ», то онъ не нашелъ отвѣта на рѣчь Лимпо; онъ запутался въ своихъ же сѣтяхъ. Одно еще только хотѣлъ отстоять Павелъ III, а именно свободу выселенія марановъ изъ Португаліи; при этомъ условіи онъ хотѣлъ во всемъ уступить португальскому двору. Новохристіане, желавшіе покинуть Португалію, должны были лишь обѣщать не переселяться къ невѣрующимъ въ Африку или въ Турцію. Но и на это епископъ Лимпо мѣтко возразилъ: «безразлично, будутъ ли эти еретики находиться подъ владычествомъ невѣрующихъ или же проживать въ Италіи; они могутъ совершить обрядъ обрѣзанія въ Анконѣ, Ферарѣ или Венеціи, а оттуда переселиться въ Турцію; они, вѣдь, имѣютъ папскія привилегіи, такъ что никто не вправѣ освѣдомиться у нихъ, евреи ли они; особыхъ значковъ они не носятъ и потому могутъ ходить куда имъ заблагоразсудится, исполнять еврейскіе обряды, посѣщать синагоги; многіе мараны уже и теперь дѣлаютъ все это, хотя они въ юности были крещены въ Португаліи, а позже присуждены къ смерти и сожжены in effigie; если имъ предоставить свободу выселенія, то имъ достаточно ступить ногой въ страну невѣрующихъ, чтобы имѣть возможность открыто исповѣдывать іудаизмъ; никогда король не допуститъ подобнаго положенія вещей: ни одинъ богословъ, ни одинъ христіанинъ не дастъ ему подобнаго совѣта; вмѣсто того, чтобы давать убѣжище іудействующимъ новохристіанамъ, Его святѣйшество поступилъ бы справедливѣй, если бы увеличилъ число инквизиціонныхъ трибуналовъ въ своихъ государствахъ и преслѣдовалъ бы не только лютеровскихъ, но и еврейскихъ еретиковъ, которые ищутъ защиты и убѣжища въ Италіи»[1]).

Еще одно обстоятельство принуждало Павла III къ уступчивости. Послѣ побѣды Карла V надъ протестантами въ шмалкалденской войнѣ (апрѣль 1547 г.), императоръ хотѣлъ подчинить себѣ папскую курію и ввести новый церковный уставъ, который удовлетворилъ бы и протестантовъ. Испанскіе члены собора въ Тріентѣ получили отъ своего короля соотвѣтствующія инструкціи. Но это было равносильно объявленію войны папѣ. Въ виду этого онъ перенесъ соборъ въ Болонью. Порвавъ такимъ образомъ съ могущественнымъ императоромъ, онъ, чтобы не оставаться въ одиночествѣ, принужденъ былъ привлечь на свою сторону Португалію, какъ и другія католическія государства. Чтобы примириться съ Португаліей, онъ послалъ туда особаго комисара, снабдивъ его булами и эдиктами. Покровительствовавшіе маранамъ кардиналы, въ томъ числѣ и внуки папы, *Фарнезе* и *Сантафіоре*, были подкуплены порту-

[1]) Т. же 316.

гальскимъ дворомъ[1]), назначившимъ имъ годовые оклады, и, въ свою очередь, одобрили рѣшенія папы. Во всякомъ случаѣ, они были сравнительно довольно кротки, если принять во вниманіе господствовавшій тогда дикій фанатизмъ, который явился реакціей противъ прежней вялости. Было рѣшено: обвиненные въ ереси или въ такъ называемомъ отпаденіи новохристіане въ Португаліи не будутъ осуждены; напротивъ, имъ дано будетъ полное прощеніе, и они лишь впредь будутъ отвѣтственны; но и въ этомъ случаѣ въ первыя десять лѣтъ нельзя будетъ конфисковать имущества марановъ, которое будетъ переходить къ ихъ наслѣдникамъ; кромѣ того осужденныхъ марановъ въ теченіе года нельзя будетъ предавать свѣтской власти, т. е. сожженію[2]). Относительно ограниченія права марановъ выселяться Павелъ III все же уступилъ. Это было самымъ важнымъ для короля.

Вслѣдствіе дарованнаго маранамъ папой отпущенія открылись тюрьмы инквизиціи въ Лисабонѣ, Эворѣ и другихъ городахъ, и 1800 новохристіанъ были выпущены на свободу (іюль 1547 г.[3]). Вслѣдъ затѣмъ всѣ мараны были созваны и должны были клятвенно отречься отъ іудаизма, но не въ присутствіи одного только нотаріуса, какъ настаивалъ папа, а на огромной площади предъ церковью при большомъ стеченіи народа[4]). Лишь съ этого момента они стали вполнѣ христіанами и могли быть наказаны при совершеніи какого-нибудь еретическаго прегрѣшенія. Но папа въ особомъ посланіи увѣщевалъ короля, чтобы трибуналы и въ будущемъ не относились слишкомъ строго къ нимъ, ибо они соблюдаютъ еврейскій ритуалъ только по привычкѣ. Такимъ образомъ папа Павелъ III до конца своей жизни защищалъ марановъ. Тѣмъ не менѣе они пали жертвой неумолимой судьбы. Было вопіющей несправедливостью требовать отъ нихъ искренней приверженности къ католицизму и осуждать ихъ при уличеніи въ соблюденіи еврейскихъ обрядовъ, ибо они всѣмъ своимъ существомъ протестовали противъ навязаннаго имъ христіанства. Съ другой стороны и государство не могло допустить, чтобы цѣлый классъ населенія, формально принадлежавшій къ церкви, свободно пользовался правомъ въ извѣстномъ смыслѣ издѣваться надъ нею. Справедливость во всякомъ случаѣ требовала бы предоставить маранамъ выборъ между выселеніемъ изъ Португаліи или искреннимъ присоединеніемъ къ церкви. Но этого не могъ допустить португальскій дворъ, ибо выселеніе марановъ было бы равносильно разоренію государства. Мараны еврейскаго происхожденія были въ то время самымъ полезнымъ классомъ город-

[1]) Геркулано III. 228, 291. [2]) Т. же 323.
[3]) Эмануилъ Абоабъ, Nomologia, стр. 293.
[4]) Геркулано т. же 324, 336.

скаго населенія. Благодаря своимъ капиталамъ и обширнымъ торговымъ связямъ, они увеличивали государственные доходы, оживляли циркуляцію денегъ и подвергали обработкѣ сырой матеріалъ, получавшійся изъ индійскихъ и африканскихъ колоній; безъ нихъ богатства страны остались бы мертвымъ капиталомъ и потеряли бы всю свою цѣнность. Мараны были также почти единственными ремесленниками и способствовали развитію индустріи[1]). Государство не могло обойтись безъ нихъ, и потому король хотѣлъ съ помощью ужасовъ инквизиціи сдѣлать ихъ хорошими христіанами и тѣмъ упрочить и обезпечить за страной извлекаемую изъ нихъ пользу. Но всѣ усилія были напрасны. Ежегодно сжигались на кострахъ несчастныя жертвы, и все же оставшіеся въ живыхъ не дѣлались отъ этого болѣе вѣрующими. Португальскому двору инквизиція не принесла столькихъ радостей, какъ испанскому. Ибо въ Португаліи новохристіанъ все еще не считали настоящими христіанами, къ которымъ могло бы быть примѣнено наказаніе, установленное каноническими законами за ересь. Послѣ смерти Павла III (ноябрь 1549 г.) подана была просьба Юлію III о дарованіи амнистіи маранамъ. Даже послѣдующіе папы, которые поддерживали и раздували реакціонный фанатизмъ, считались съ инквизиціей въ Португаліи скорѣе какъ съ совершившимся фактомъ, чѣмъ какъ съ законнымъ учрежденіемъ. Спустя полстолѣтія папа (Климентъ VIII) заклеймилъ злодѣянія инквизиціи и снова возвѣстилъ всеобщую амнистію въ пользу осужденныхъ марановъ[2]).

Испанскіе мараны, даже тѣ, которые своимъ религіознымъ рвеніемъ сумѣли обезоружить подозрительность инквизиціи, также не были свободны отъ нападокъ; особенно скверно приходилось тѣмъ изъ нихъ, которые, благодаря своимъ природнымъ качествамъ, прилежанію, настойчивости, любознательности, уму и энергіи, достигли высшаго образованія, свѣтскаго и духовнаго. Наиболѣе осторожные среди нихъ стремились къ занятію высшихъ церковныхъ должностей или вступали въ монашескіе ордена, чтобы такимъ способомъ избавиться отъ преслѣдованій инквизиціи. Но именно этимъ они вызывали противъ себя зависть и ненависть старохристіанъ. Въ главномъ соборѣ въ Толедѣ большинство архипастырей и канониковъ были еврейскаго происхожденія и получали богатые дары. Это приводило въ ярость архіепископа Толеды, *Жуана Мартинеца Силицео* (Гуіяро), котораго они къ тому же раздразнили враждебными отзывами и оскорбительными пасквилями. Онъ сталъ безуспѣшно ходатайствовать предъ папой Павломъ III объ объявленіи марановъ недостойными занимать церковныя должности. Для этой цѣли онъ опубликовалъ сочиненіе объ «испы-

[1]) Геркулано т. же II стр. 30, 275, III стр. 95.

[2]) 23 авг. 1604 г Bullarium ed. Cocquelines т. V, ч. III, constit. № 342.

танiи чистоты» еврейской крови, въ которомъ онъ доказывалъ, что только старохристiане могутъ занимать церковныя должности, и изображалъ новохристiанъ врагами Христа, которыхъ инквизицiя съ полнымъ правомъ изъ года въ годъ сжигаетъ на кострахъ. Чтобы имѣть возможность отличать старохристiанъ отъ христiанъ еврейскаго происхожденiя или, вѣрнѣе, чтобы заклеймить послѣднихъ, онъ издалъ генеалогическое изслѣдованiе, составленное тайнымъ секретаремъ инквизицiи и названное *„зеленой книгой Арагонiи“*[1]). Въ этомъ изслѣдованiи были перечислены болѣе сотни фамилiй еврейскаго происхожденiя, которыя во время кровавой рѣзни 1391 г. или массоваго крещенiя 1412—1414 г. были обращены въ христiанство и позже смѣшались и породнились со старохристiанами. Этотъ тайный канцеляристъ инквизицiи не умолчалъ и о цѣли установленiя этой генеалогiи марановъ; онъ такъ и говоритъ: «цѣль его изслѣдованiя предостеречь старохристiанъ отъ сношенiй съ наглыми, коварными, невѣрующими и испорченными маранами; они происходятъ отъ виноградника, безпрерывно растущаго и приносящаго плоды, которые тѣмъ горше, чѣмъ болѣе его вычищаешь, орошаешь и обрѣзываешь». Между заклейменными фамилiями перечислены Санта-Марiя, родственники Соломона изъ Бургоса[2]), Санта-Фе, потомки Iошуи Лорки[3]), и Де-ла Кабалерiя[4]), которые питали такую смертельную ненависть къ своимъ единоплеменникамъ.

Архiепископъ Силицео имѣлъ такимъ образомъ возможность отдѣлить чистыхъ отъ нечистыхъ и заклеймить послѣднихъ. Но такъ какъ всѣ его старанiя закрыть маранамъ доступъ къ церковнымъ должностямъ остались безуспѣшными, то онъ совершилъ гнусный подлогъ, который долженъ былъ съ очевидностью доказать, что всѣ мараны не только были лицемѣрными христiанами, но и стремились къ тому, чтобы опозорить церковь и погубить христiанство. Силицео самъ смастерилъ или же приказалъ изготовить слѣдующую переписку, происходившую между виднымъ евреемъ изъ Испанiи и константинопольскимъ равиномъ, когда евреямъ въ Испанiи предстоялъ выборъ между оставленiемъ страны и крещенiемъ. Упомянутый еврей обратился къ равину Константинополя съ запросомъ: «Испанскiй король хочетъ обратить насъ въ христiанство, лишить насъ жизни и имущества, разрушить синагоги и подвергнуть насъ еще инымъ мученiямъ; что намъ дѣлать?» Отвѣтъ изъ Константинополя отъ имени всѣхъ видныхъ равиновъ гласилъ: «Король хочетъ обратить васъ въ христiанство; сдѣлайте это, ибо вы не можете сопротивляться; но сохраните въ душѣ преданность iудаизму; онъ отнимаетъ у васъ имущество; сдѣ-

[1]) Грецъ т. IX
[2]) Т. же стр. 68.
[3]) Т. же стр. 93.
[4]) Т. же стр. 122.

лайте вашихъ сыновей купцами, и вы (хитростью) отнимете у христіанъ ихъ имущество; сдѣлайте вашихъ сыновей врачами и аптекарями, и они будутъ отравлять христіанъ; сдѣлайте вашихъ сыновей священниками, канониками и богословами, дабы они разрушали религію и церковь; сдѣлайте вашихъ сыновей адвокатами и нотаріусами, дабы они могли отомстить христіанамъ; послѣдуйте нашему совѣту, и вы убѣдитесь на опытѣ, что вы вмѣсто прежняго состоянія приниженности займете видное и высокое положеніе». Силицео совершилъ при этомъ подлогѣ, еще мошенничество. Онъ назвалъ имя того виднаго еврея, который якобы обратился за совѣтомъ въ Константинополь, именно *Хаморо*. Силицео при этомъ имѣлъ въ виду очевидную для того времени гнусную цѣль. *Моисей Хаморо* вмѣстѣ съ женой перешелъ въ христіанство, принявъ фамилію *Климентъ*. Его сынъ, *Филипъ Климентъ,* былъ назначенъ королемъ Фернандо главнымъ нотаріусомъ королевскаго кабинета. Его сынъ, *Мигуель Веласкезъ Климентъ,* занималъ этотъ же постъ. Подлогъ Силицео долженъ былъ доказать, что родоначальникъ этой уважаемой при дворѣ фамиліи съ отвращеніемъ принялъ христіанство и что его потомки стремятся погубить церковь. Силицео утверждалъ, что нашелъ эту переписку въ архивѣ Толеды. Онъ поспѣшилъ представить ее папѣ Павлу III, чтобы убѣдить, наконецъ, послѣдняго, какъ опасны новохристіане для церкви и какъ важно не допускать ихъ къ занятію церковныхъ должностей. Папа, либо будучи обманутъ перепиской, либо желая избавиться отъ назойливыхъ приставаній архіепископа, издалъ незадолго до своей смерти эдиктъ о томъ, что никакой маранъ не вправѣ занимать должность въ соборѣ Толеды[1]). Съ тѣхъ поръ всякій, добивавшійся назначенія на какую-либо должность въ этой церкви, долженъ былъ, какъ для полученія права на званіе члена инквизиціи, представить точную генеалогію, изъ которой явствовало бы, что онъ происходитъ отъ старохристіанъ. Такимъ образомъ и въ Испаніи марановъ всячески принижали и всегда напоминали имъ объ ихъ происхожденіи. При такихъ условіяхъ они не могли стать преданными церкви христіанами.

---

[1]) Объ этой подложной перепискѣ и ея происхожденіи см. Revue des Etude juives т. XIX стр. 106 и слѣд.

ГЛАВА IX.

Стремленіе къ объединенію евреевъ на Востокѣ и ихъ страданія на Западѣ.

Потребность въ единомъ синедріонѣ; месіанская окраска. Яковъ Беравъ и возстановленіе рукоположенія равиновъ. Опозиція Леви бенъ-Хавивъ и его интриги. Ожесточеніе и взаимныя обвиненія. Іосифъ Каро, его юность, талмудическая ученость, сношенія съ Соломономъ Молхо и видѣнія. Его упованія на скорое наступленіе месіанскаго царства и возстановленіе рукоположенія. Изданіе имъ новаго религіознаго кодекса. Склонность многихъ христіанъ къ іудаизму въ эпоху реформаціи. Полу-евреи, іудействующіе, Михаилъ Серве противъ тріединства, антитринитаріи, ненависть къ евреямъ среди католиковъ и протестантовъ. Изгнаніе евреевъ изъ Неаполя. Самуилъ Абрабанелъ и Бенвенида Абрабанела. Изгнаніе евреевъ изъ Праги и возвращеніе. Обвиненія противъ евреевъ въ Баваріи. „Еврейская книжечка". Докторъ Экъ и его сочиненіе, направленное противъ евреевъ. Лютеръ на старости лѣтъ совершаетъ враждебныя вылазки противъ евреевъ. Преслѣдованія въ Генуѣ. Три еврейскихъ историческихъ труда. Іосифъ Когенъ, Ибнъ-Верга (отецъ, сынъ и внукъ) и Уске (три брата). Книгопечатня Авраама Уске, фераро-испанская Библія. Поэзія Соломона Уске, „Утѣшенія" Самуила Уске.

(1538—1553).

Каждый новый воздвигнутый костеръ въ Испаніи и Португаліи гналъ отдѣльныхъ марановъ или даже цѣлыя группы ихъ далеко на востокъ, въ Турцію, гдѣ они освобождались отъ власти креста; ибо и въ Италіи они уже не чувствовали себя въ безопасности послѣ того, какъ даже доброжелательно относившіеся къ нимъ папы вынуждены были противъ своихъ убѣжденій согласиться на учрежденіе инквизиціи. Такимъ образомъ въ Турціи образовался мало-по-малу еврейскій мірокъ, въ который не вмѣшивалось даже деспотическое правительство султана, хотя, конечно, отдѣльные евреи страдали отъ произвола. Здѣсь, какъ и въ Палестинѣ, гдѣ, благодаря своей многочисленности и благосостоянію, они возгордились[1]), они стали увлекаться мечтами о достиженіи извѣстной самостоятельности, о религіозно-національномъ объединеніи и о месіанскомъ царствѣ. Выступленіе Соломона Молхо, мученически погибшаго въ Мантуѣ, не прошло безслѣдно, произведя неизгладимое впечатлѣніе. Въ Сафетѣ, гдѣ онъ проживалъ въ теченіе долгаго времени, завязавъ сношенія съ разными кругами и пробудивъ несбыточныя надежды, въ этой, самой большой, общинѣ Палестины и послѣ его смерти не переставали уповать и надѣяться на скорое исполненіе его месіанскихъ

[1]) Исаакъ бенъ-Эмануилъ де Латесъ,Resp. изд. Вѣны стр. 64 отъ 1543 г.: חלא בא השמועה מארץ הצבי כי פקד ה׳ את עמו ואת ארצו ושם הולכים בני ישראל מגדולה לגדולה בעושר וכבוד ברוב הסחורות.

пророчествъ. 5300 годъ отъ сотворенія міра (1540), завершившій цѣлое столѣтіе, казался годомъ особенно благопріятнымъ для пришествія месіи. Но месіанское царство, такъ думали тогда, не можетъ наступить внезапно; напротивъ, евреи должны подготовиться къ нему. Маймонидъ, этотъ выдающійся авторитетъ, находилъ, что учрежденіе общепризнаннаго еврейскаго *судилища* или *синедріона* будетъ и должно предшествовать наступленію месіанской эпохи. Поэтому возникла потребность имѣть такихъ авторитетныхъ и рукоположенныхъ судей, членовъ синедріона, какіе существовали и были общепризнаны до разрушенія храма въ Іерусалимѣ, и вообще снова ввести рукоположеніе членовъ синедріона (Semicha). Со стороны турецкаго правительства нельзя было ожидать препятствій. Раввины пользовались здѣсь и безъ того уже правомъ не только самостоятельнаго гражданскаго, но и уголовнаго суда. Но эти выбранные общинами равины, которые въ то же время были и судьями, не имѣли внутренней власти, основанной на ученіи Талмуда. Они встрѣчали повиновеніе, но иногда наталкивались и на противорѣчіе. Ихъ авторитетъ покоился на традиціи, а не на установленіяхъ талмудическаго іудаизма. Единство въ изданіи и истолкованіи законовъ было немыслимо до тѣхъ поръ, пока каждый равинъ былъ независимъ въ предѣлахъ своей общины и не долженъ былъ подчиняться высшему авторитету. Поэтому возникла потребность создать нѣчто въ родѣ религіознаго высокаго совѣта[1]). Гдѣ же было создать его, какъ не въ Палестинѣ? Только священныя воспоминанія этой страны были въ состояніи доставить колегіи равиновъ авторитетъ и власть синедріона. Ибо ученіе, которое хотѣло встрѣтить всеобщее признаніе, могло исходить только изъ Сіона, а слово Божіе только изъ Іерусалима.

Многіе говорили о желательности и необходимости введенія рукоположенія равиновъ-судей съ высшимъ авторитетомъ; но только одинъ обладалъ достаточной энергіей, чтобы серьезно приняться за осуществленіе этой мысли. Это былъ талантливый, но своенравный и потому смѣлый Яковъ Беравъ (см. выше, стр. 12). Послѣ долгихъ странствованій и переѣздовъ изъ Египта въ Іерусалимъ, а оттуда въ Дамаскъ, Беравъ на старости лѣтъ поселился въ Сафетѣ (около 1534 г.). Онъ былъ человѣкомъ состоятельнымъ[2]) и, благодаря своему богатству и уму, поль-

---

[1]) Даже главный противникъ возстановленія Semicha, *Леви б.-Хавивъ*, признавалъ это необходимымъ; см. ויכוח הסמיכה въ его Resp. (ед. источникъ объ этомъ) стр. 320: וכה שהעיד (ר"י בירב) שכל החכמים שראה היו מתאוים לעשותה (הסמיכה), גם אני כאחד מהם הייתי מתאוה לכך בראשונה. וגם שמעתי שחכם אחד ספרדי זקן ונשוא פנים שנפטר בכאן היה גם כן מתאוה להמצא בעתה.

[2]) Леви б.-Хавивъ, Resp. № 93, ויכוח הסמיכה стр. 391: ואם היות שהתלה לאל עושר וכבוד אתו וזקנה וגם חכמה יותר מן הכל לדעתו.

зовался особымъ почетомъ. Онъ задался планомъ создать оплотъ для расплывчатыхъ месіанскихъ упованій. Несомнѣнно, что Беравъ руководствовался при этомъ благородными побужденіями; но отчасти тутъ играло роль и честолюбивое стремленіе сдѣлаться президентомъ синедріона въ Палестинѣ[1]) и такимъ образомъ быть признаннымъ въ качествѣ высшаго авторитета на всемъ Востокѣ, а, можетъ быть, и еврействомъ всего міра. Но первый шагъ былъ труденъ. Только рукоположенные могутъ по закону, въ свою очередь, рукополагать, а такихъ уже давно не было. Къ счастью, отыскалось слѣдующее изреченіе Маймонида: палестинскіе мудрецы вправѣ рукоположить одного изъ ихъ среды, который, въ свою очередь, можетъ переносить посвященіе и на другихъ. Въ то время не было въ Палестинѣ другой сколько-нибудь значительной общины, помимо сафетской, которая, благодаря многочисленнымъ иммигрантамъ, насчитывала болѣе 1000 еврейскихъ фамилій. Сафетъ или, вѣрнѣе, талмудисты въ этомъ городѣ могли такимъ образомъ, если бы только захотѣли, возстановить синедріонъ, даже въ случаѣ несогласія другихъ общинъ, ибо евреи Сафета составляли большинство. Равины Сафета, люди безъ имени и авторитета, были слишкомъ проникнуты уваженіемъ къ таланту, талмудическимъ познаніямъ и богатству Берава, чтобы сопротивляться или воспрепятствовать его замысламъ. Ему стоило лишь подать знакъ, и немедленно же собрались двадцать пять мужей, которые возвели его въ санъ рукоположеннаго равина-судьи. Этимъ актомъ было возстановлено рукоположеніе (1538 г.), и созданъ зародышъ новаго синедріона. Теперь все зависѣло отъ Якова Берава, который, пользуясь своимъ правомъ, могъ посвящать въ равины-судьи кого ему заблагоразсудится. Въ одной лекціи Беравъ доказывалъ законность этого шага на основаніи талмудическихъ принциповъ и опровергнулъ всѣ аргументы, которые можно было бы привести противъ него[2]). Послѣ этого и другіе палестинскіе талмудисты изъ другихъ общинъ выразили свое согласіе на это нововведеніе[3]). Беравъ и его приверженцы думали, что такимъ образомъ сдѣланъ первый шагъ для ускоренія пришествія месіи[4]). Въ самомъ дѣлѣ, возобновленное рукоположеніе могло, если не привести къ месіанскому царству, все же объединить еврейство. Возстановленный синедріонъ въ Св. землѣ скоро пріобрѣлъ бы могущественное вліяніе въ Европѣ и привлекалъ бы въ Палестину все новыхъ переселенцевъ. Мученичество

[1]) Т. же стр. 283: ועשו מעשה (בצפת) על פיו למנות ראש ישיבה בפרסום ובהסתר ובהמשך . . הזמן גם נשיא.

[2]) Т. же стр. 299. [3]) Т. же стр. 288.

[4]) Т. же стр. 306: שהוא (בירב) כתב למעלה ולמטה כמה טעמים שסמיכתו תהיה סבה לביאת המשיח מהרה.

евреевъ въ Италіи и Германіи, истребительная война противъ марановъ въ Испаніи и Португаліи, господствовавшая въ то время страсть ко всему эксцентрическому и сверхъестественному, мощное томленіе по месіи— все это моменты, которые были бы въ состояніи привлечь на Востокъ образованныхъ и богатыхъ евреевъ Запада. Съ помощью привезенныхъ капиталовъ и авторитета синедріона, въ Палестинѣ могло бы организоваться еврейское общежитіе съ государственной окраской. Беравъ былъ бы весьма подходящей личностью для энергичнаго проведенія въ жизнь этого плана.

Однако на первыхъ же шагахъ возникли трудности. Можно было предвидѣть, что іерусалимская община и ея представители будутъ считать себя оскорбленными тѣмъ, что ихъ игнорировали въ такомъ важномъ и чреватомъ послѣдствіями дѣлѣ и объявятъ все это нововведеніе противузаконнымъ. Первый голосъ въ этомъ дѣлѣ, столь важномъ для Св. земли и всего Израиля, должно было по праву принадлежать Св. городу. Яковъ Беравъ понялъ это и поспѣшилъ, пользуясь своимъ правомъ, рукоположить въ санъ равина-судьи тогдашняго главу іерусалимской колегіи равиновъ. Во главѣ ея стоялъ тогда *Леви бенъ-Яковъ Хавивъ*, родившійся въ Цаморѣ и бывшій приблизительно въ томъ же возрастѣ, что и Беравъ. Во время принудительныхъ крещеній въ царствованіе короля Маноела онъ юношей былъ крещенъ, получилъ христіанское имя и съ отчаяніемъ въ душѣ осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ и исполнялъ остальныя церемоніи католическаго ритуала. Конечно, онъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы бѣжать изъ Португаліи, сбросить съ себя маску христіанства и искать убѣжища въ Турціи. Нѣкоторое время онъ прожилъ со своимъ отцомъ, *Яковомъ бенъ-Хавивъ*, въ Салоникахъ, гдѣ онъ и закончилъ агадическій трудъ отца, а потомъ отправился въ Іерусалимъ (около 1525 г.). Здѣсь, послѣ смерти *Исаака Шалала*[1]), онъ, благодаря своимъ обширнымъ талмудическимъ познаніямъ, которыя, правда, шли болѣе вширь, чѣмъ вглубь, сдѣлался равиномъ и самымъ виднымъ членомъ общины. Онъ много сдѣлалъ для ея физическаго и духовнаго подъема и особенно энергично боролся съ разрозненностью, которая угрожала ей отъ недисциплинированности переселенцевъ изъ чужихъ странъ[2]). Онъ обладалъ также нѣкоторыми познаніями въ области математики, астрономіи и календарныхъ вычисленій. Отношенія между нимъ и Яковомъ Беравомъ, съ которымъ онъ прожилъ нѣкоторое время въ Іерусалимѣ, были, однако, нѣсколько натянуты, чему виной былъ, вѣроятно, Беравъ, который по природѣ своей былъ высокомѣренъ, дерзокъ и неуживчивъ, на что горько жаловались многіе его современники[3]).

[1]) См. выше стр. 15 и прим. 1. [2]) ויכוח הסמיכה стр. 291.

[3]) Т. же стр. 319: שאומר תמיד (ר״י בירב) בפיו גם בכתב בשבחי עצמו . . כי הוא

Въ нѣкоторыхъ отзывахъ по религіознымъ спорнымъ вопросамъ Леви бенъ-Хавивъ нѣсколько разъ сталкивался съ Беравомъ; но онъ былъ всегда любезенъ, скроменъ и избѣгалъ всего, что могло оскорбить его. Въ послѣдніе годы между ними установились даже довольно сносныя отношенія; но Леви бенъ-Хавивъ не могъ забыть, съ какимъ высокомѣріемъ относился къ нему Беравъ.

И вотъ къ нему, какъ къ первому равину Іерусалима, поступило приглашеніе признать и одобрить избраніе Якова Берава первымъ законно рукоположеннымъ равиномъ-судьей, членомъ синедріона. Этимъ самымъ Іерусалимъ подчинялся Сафету, а Леви бенъ-Хавивъ—Бераву. Это, несомнѣнно, было обидно и по существу, и формально, ибо Беравъ даже не потрудился раньше заручиться согласіемъ іерусалимской колегіи, а просто декретировалъ это нововведеніе и, на основаніи предоставленныхъ ему правъ, посвятилъ въ судьи Леви бенъ-Хавивъ[1]). При этомъ онъ намекнулъ, что несогласіе Іерусалима его нисколько не смутитъ, ибо іерусалимцы составляютъ меньшинство, а евреи Сафета—большинство. Въ тотъ моментъ, когда долженъ былъ быть сдѣланъ важный шагъ къ объединенію всего еврейства, Леви бенъ-Хавивъ, голосъ коего во всякомъ случаѣ имѣлъ большое значеніе, не оказался на высотѣ своего положенія. Онъ поддался своему уязвленному самолюбію и скоро забылъ, что онъ и самъ раньше желалъ возобновить рукоположеніе равиновъ. Какъ только ему было доставлено извѣщеніе о выборахъ въ Сафетѣ, онъ тотчасъ же объявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ совершившагося избранія, не преминувъ замѣтить, что его слѣдовало бы объ этомъ раньше запросить [2]). Однако его противорѣчіе, повидимому, не произвело никакого впечатлѣнія въ Іерусалимѣ, ибо на его сторонѣ стоялъ лишь единственный равинъ, *Моисей де Кастро,* всѣ же остальные равины не возражали. Въ талмудическихъ и равинскихъ установленіяхъ не было недостатка въ аргументахъ противъ возобновленія рукоположенія и синедріона. Тамъ царитъ такой хаосъ всевозможныхъ мнѣній, что оттуда можно почерпнуть доводы въ пользу и противъ всего. Да, наконецъ, злая воля или уязвленное самолюбіе не знаетъ недостатка въ доводахъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы заподозрить или принизить какое-нибудь нежелательное мѣропріятіе. Беравъ и его податливые избиратели дали, впрочемъ, и поводъ къ этимъ заподозриваніямъ. Равинскій іудаизмъ въ такой

גדול לירד לעומקה של הלכה מתוך פלפולה יותר מכל רבני הדור . . . שבכל גליות ישראל שבמזרח למערב; т. же стр. 318: ולהיות דרכו לחרחר ריב עם הכל; Resp. № 105: והוא הוסיף לבזותי כמנהג על הכל.

[1]) Содержаніе этого посвященія сообщено въ ויכוח הסמיכה, стр. 310.

[2]) Т. же стр. 285.

степени практиченъ, что не оставляетъ мѣста романтическимъ увлеченіямъ и расплывчатымъ фантазіямъ. Евреямъ Сафета не слѣдовало бы указывать, какъ на причину возобновленія рукоположенія, на возможность такимъ путемъ ускорить пришествіе месіи; какъ ни велики были месіанскія упованія въ сердцахъ самихъ равиновъ, имъ все же должно было это казаться смѣшной авантюрой. Другихъ аргументовъ въ то время не было. Календарь праздниковъ, составленіемъ коего занимались прежде рукоположенные равины, былъ уже тысячу лѣтъ назадъ установленъ, и теперь этого порядка измѣнить нельзя было. Другіе случаи, для которыхъ Талмудъ требовалъ рукоположенныхъ судей, какъ, напр., воровство и растленіе, происходили слишкомъ рѣдко, чтобы выводить отсюда необходимость рукоположенія. Поэтому евреи Сафета придумали мотивъ, который, несмотря на все свое своеобразіе, производилъ впечатлѣніе практичности и современности. Въ Палестину прибыли многіе мараны изъ Португаліи и Испаніи, которые въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени выдавали себя за христіанъ и тѣмъ совершили, по ученію Талмуда, смертный грѣхъ. Они тяжко раскаялись въ своемъ прегрѣшеніи и страстно стремились къ покаянію и жаждали отпущенія грѣховъ; сбросивъ съ себя маску христіанства, они все еще не освободились отъ католическаго взгляда на покаяніе, какъ на внѣшнюю формальность; однако отпущеніе грѣховъ могло послѣдовать (и это подчеркнулъ Беравъ) лишь послѣ того, какъ они будутъ подвергнуты предписанному закономъ бичеванію (39 ударовъ). Но это наказаніе можетъ установить лишь колегія рукоположенныхъ равиновъ-судей. Отсюда вытекаетъ необходимость рукоположенія[1]).

Леви бенъ-Хавивъ, который перенесъ свою антипатію отъ личности Берава на задуманное имъ нововведеніе, было не трудно доказать несостоятельность вышеприведеннаго мотива. Но онъ не удовлетворился этимъ, прибѣгнувъ къ софистическимъ выкладкамъ. Онъ утверждалъ, хотя Беравъ рѣшительно отрицалъ это, что послѣдній намѣренъ послѣ того, какъ онъ будетъ признанъ законно рукоположеннымъ, воспользоваться своей властью для измѣненія общепринятаго календаря и замѣны его новымъ, т. е. стариннымъ, дѣйствовавшимъ еще въ эпоху Талмуда. Онъ утверждалъ это, чтобы показать, какъ опасно это нововведеніе для всего еврейства и къ какому хаосу оно можетъ привести. Эта оппозиція со стороны Леви бенъ-Хавивъ и его колеги, Моисея де Кастро, въ Іерусалимѣ, явившаяся нѣсколько неожиданной для Берава, который считалъ ихъ менѣе мужественными и болѣе способными къ самоотреченію, крайне ожесточила его. Она была тѣмъ болѣе опасна, что могла разстроить весь планъ. Ибо какъ онъ могъ настаивать на томъ, чтобы этотъ планъ былъ

[1]) Т. же стр. 277.

признанъ азіатскимъ, европейскимъ и африканскимъ еврействомъ и положенъ въ основу реорганизаціи, когда главная община Палестины, община Св. града, Іерусалима, отвергнула его? Къ тому же его дальнѣйшее пребываніе въ Сафетѣ было сопряжено съ опасностью для жизни вслѣдствіе доноса на него, сдѣланнаго у турецкихъ властей, которыя уже давно искали удобнаго случая, чтобы отобрать у него его имущество. Беравъ былъ вынужденъ на время покинуть Палестину. Чтобы, однако, не отказаться отъ уже разъ введеннаго рукоположенія, онъ посвятилъ въ равины-судьи четырехъ талмудистовъ, подобно тому, какъ въ эпоху Адріана это сдѣлалъ Іегуда бенъ-Баба*). Но этихъ четырехъ онъ выбралъ изъ среды не старыхъ, а молодыхъ равиновъ. Въ ихъ числѣ былъ *Іосифъ Каро,* страстный приверженецъ Соломона Молхо и его кабалистическаго месіанства и горячій сторонникъ рукоположенія[1]); кромѣ того Беравъ рукоположилъ и своего лучшаго ученика, *Моисея де Трани*[2]). Это предпочтеніе, отданное молодымъ, податливымъ, хотя и даровитымъ, ученымъ, вызвало въ Іерусалимѣ еще большее раздраженіе[3]). Оба главныхъ равина въ Палестинѣ обмѣнялись посланіями, разсчитанными на публику, причемъ пришли въ такое ожесточеніе и писали другъ другу въ такомъ оскорбительномъ тонѣ, который не можетъ быть оправданъ даже ихъ возбужденностью. Отвѣчая на упрекъ Леви-бенъ-Хавивъ, полагавшаго, что рукоположенный равинъ долженъ быть не только ученымъ, но и святымъ, Яковъ Беравъ сдѣлалъ злой намекъ на крещеніе Леви бенъ-Хавивъ: «Я никогда не мѣнялъ своего имени; я всегда въ нуждѣ и отчаяніи шелъ праведными путями». Онъ упрекалъ кромѣ того Леви бенъ-Хавивъ, что тотъ до сихъ поръ не можетъ отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ христіанскихъ догмъ. Это попало въ самое сердце противника. Признавшись, что во время принудительныхъ крещеній въ Португаліи его заставили перемѣнить свое имя и сдѣлаться христіаниномъ, и онъ не былъ въ состояніи умереть за религію своихъ предковъ, онъ, въ свое оправданіе, отвѣтилъ: «я былъ тогда молодъ, мнѣ не было и двадцати лѣтъ; я оставался христіаниномъ только въ теченіе одного года; надѣюсь, что потоки слезъ, которыя я пролилъ и до сихъ поръ проливаю изъ-за этого, погасятъ мой великій грѣхъ передъ Богомъ». Съ того времени гнѣвъ Бенъ-Хавива не зналъ болѣе никакихъ границъ. Онъ осыпалъ Берава грубѣйшими оскорбленіями и объявилъ, что не хочетъ никогда болѣе встрѣтиться съ нимъ. Вслѣдствіе этой чрезмѣрной рѣзкости главнаго равина Іерусалима и скоро затѣмъ послѣдовавшей смерти Берава (весной 1541 г.) учрежденіе рукопо-

[1]) Ср. прим. 5. *) Грецъ т. V, 133. *Ред.*

[2]) Остальные два, вѣроятно, были *Моисей Кардуеро* и *Іосифъ Сагисъ.*

[3]) ויכוח הסמיכה стр. 298.

ложенія распалось. Только Іосифъ Каро, одинъ изъ рукоположенныхъ Бевомъ, не отказывался отъ него.

Іосифъ Каро (род. 1488 г., умеръ 1575) имѣлъ глубокое вліяніе на развитіе равинскаго іудаизма. Уже ребенкомъ изгнанный вмѣстѣ съ родителями изъ Испаніи, онъ рано испыталъ горе и страданія и, послѣ долгихъ скитаній, очутился въ Никополисѣ, въ европейской Турціи. Обученный отцомъ Талмуду, онъ особенно заинтересовался одной частью его, находившейся въ полномъ запущеніи. Онъ настолько углубился въ изученіе Мишны, что зналъ ее наизусть. Впослѣдствіи Каро изъ Никополиса переѣхалъ въ Адріанополь, былъ тамъ весьма почитаемъ за свои изумительныя талмудическія познанія и имѣлъ учениковъ. Будучи въ тридцатыхъ годахъ, онъ предпринялъ грандіозный трудъ, посвященный комментированію религіознаго и ритуальнаго кодекса *Якова Ашери,* его обоснованію и исправленію; этому труду онъ посвятилъ двадцать лѣтъ своей жизни (1522 до 1542), а на его просмотръ и исправленіе ему понадобилась еще 12 лѣтъ (1542—1554). Появленіе Соломона Молхо произвело переворотъ въ этихъ сухихъ занятіяхъ, оставлявшихъ праздной его фантазію. Молодой португальскій фантазеръ произвелъ такое подавляющее впечатлѣніе на Каро, что онъ увлекся затемняющей умъ кабалой и преисполнился месіанской экзальтированности. Съ того времени его умственная дѣятельность была посвящена не только сухой равинской учености, но и фантастической кабалѣ. Во время пребыванія Молхо въ Палестинѣ онъ находился съ нимъ въ перепискѣ и носился съ планомъ также переселиться туда. Подобно Молхо, онъ готовился принять мученическую смерть и хотѣлъ быть сожженнымъ, какъ угодная Богу жертва; онъ также имѣлъ фантастическія видѣнія, которыя онъ считалъ откровеніемъ высшаго существа. Но это высшее существо (Maggid) было не ангеломъ или фантастическимъ голосомъ, а, какъ это ни смѣшно, олицетворенной Мишной, которая снисходила къ нему ночью и нашептывала слова откровенія за то, что онъ посвятилъ себя служенію ей. Такія видѣнія, которыя въ большинствѣ случаевъ Каро записывалъ, являлись ему не въ теченіе короткаго времени, а до самаго конца его жизни, т. е. почти сорокъ лѣтъ. Позже они были частью опубликованы[1]) и производятъ грустное впечатлѣніе, ибо показываютъ, какое опустошеніе въ головахъ вызывала кабала. Высшее существо, Мишна, предписало Каро самое тяжкое самобичеваніе, воспретило ему ѣсть мясо и пить вино (за исключеніемъ субботы и праздниковъ), а также употреблять много воды. Когда онъ совершалъ какой-нибудь проступокъ, слишкомъ предавался сну, опаздывалъ къ молитвѣ

[1]) Подъ заглавіемъ מגיד מישרים. Тамъ часто повторяется фраза: אני אני המשנה המדבר בפיך . . . האם המיסרת את בנה.

или пренебрегалъ занятіемъ Мишной, къ нему являлась матушка-Мишна и нѣжно упрекала его. Изумительно, чего она ему только не открыла. Когда онъ потерялъ двухъ дѣтей, а одинъ сынъ его онѣмѣлъ, она возвѣстила ему: его жена родитъ ему сына, который будетъ праведникомъ, но онъ затѣмъ потеряетъ ее и, овдовѣвъ, женится послѣдовательно еще два раза, причемъ его жены принесутъ ему богатства[1]). Въ самомъ дѣлѣ, Каро былъ женатъ три раза, и одна изъ его женъ, нѣмка, была богата. Эти видѣнія не были надувательствомъ, они были порождены возбужденностью того времени и богатой фантазіей, которая на знойномъ и роскошномъ Востокѣ встрѣчается чаще, чѣмъ на холодномъ и трезвомъ сѣверѣ.

Іосифъ Каро былъ преисполненъ вѣры въ то, что ему предстоитъ сыграть роль въ Палестинѣ и принять мученическую смерть для ускоренія пришествія месіи. Въ виду этого онъ покинулъ Адріанополь и нѣкоторое время пробылъ въ кишѣвшихъ кабалистами Салоникахъ, въ кружкѣ Іосифа Тайтасака. Впослѣдствіи онъ переселился въ Сафетъ, гнѣздо кабалистовъ, вмѣстѣ со своимъ единомышленникомъ, Соломономъ Алкабецомъ, безталаннымъ писателемъ, пѣсня коего (Lecho Dodi), привѣтствующая невѣсту-Субботу, прославилась больше, чѣмъ ея авторъ. Іосифъ Каро былъ счастливъ, когда въ Сафетѣ исполнились нѣкоторыя изъ его фантастическихъ видѣній; Беравъ рукоположилъ его въ санъ члена будущаго синедріона (см. выше стр. 249). Послѣ смерти Берава, Каро мечталъ лишь объ одномъ, о своемъ великомъ призваніи, именно о слѣдующемъ: онъ снова возстановитъ рукоположеніе, будетъ признанъ авторитетомъ мудрецами Палестины и иныхъ странъ, станетъ княземъ и вождемъ евреевъ въ Палестинѣ и даже во всей Турціи и создастъ цѣлую школу, ученики коей будутъ пользоваться всеобщимъ признаніемъ; всѣ будутъ почитать его, какъ *Святой образъ* (Diokna Kadischa), и онъ сотворитъ чудеса; онъ, подобно Молхо, умретъ мученикомъ для прославленія Бога, но скоро воскреснетъ и перейдетъ въ царство месіи[2]).

Іосифъ Каро надѣялся достигнуть всего этого изданіемъ труда, который долженъ былъ объединить еврейство и вмѣстѣ съ тѣмъ вызвать всеобщее преклоненіе предъ его личностью. Онъ надѣялся, что, когда онъ закончитъ, отпечатаетъ и распространитъ свои обширныя коментаріи къ религіозному кодексу Якова Ашери и выработаетъ на основаніи его свой собственный обширный сводъ религіозныхъ установленій, онъ будетъ при-

[1]) Т. же. вступленіе, стр. 1, 7, 13; 31, 34.

[2]) Главное высказано въ Maggid стр. 38: כי ארוממך להיות שר ונגיד על כל גלות ישראל שבמלכות ערביסתאן ויען כי מסרת נפשך על חזרת הסמיכה ליושנה תזכה להיות מוסמך מכל חכמי ישראל ומחכמי חוצה לארץ ועל ידך תחזור הסמיכה ליושנה, אזכך לגמור חבורך ואחר כן תיתוקד על קדושת שמי ותזכה לתחית המתים.

знанъ первымъ во Израилѣ, княземъ и законодателемъ. Его ангелъ-хранитель открылъ ему: онъ будетъ имѣть многихъ учениковъ и отпечатаетъ свои сочиненія, которыя будутъ распространены во всемъ еврействѣ; если онъ исполнитъ предписанія своего ангела-хранителя, то даже высшіе міры провозгласятъ: «вотъ мужъ, которому благоволитъ царь царей, глава Палестины и великій писатель Св. земли»; онъ сможетъ опубликовать свои коментаріи, свои толкованія и рѣшенія (кодексъ) безъ единой ошибки [1]).

Такимъ образомъ набожность, экзальтированность и отчасти честолюбіе побудили Каро составить послѣдній религіозный кодексъ для всего еврейства, который долженъ былъ положить конецъ всѣмъ колебаніямъ неопредѣленности и хаосу всевозможныхъ мнѣній. Вызванная Соломономъ Молхо кабалистически-месіанская экзальтація и возобновленное Беравомъ рукоположеніе не оставляли Каро въ покоѣ, побуждая его осуществить возвѣщенную его предшественниками месіанскую эпоху изданіемъ обширнаго труда, который долженъ былъ установить сначала единство религіозной жизни. Однако прошло еще нѣсколько десятилѣтій прежде, чѣмъ еврейство удостоилось этой милости. Это былъ грандіозный трудъ, который требовалъ массу времени. Недостатокъ таланта Іосифъ Каро возмѣстилъ поразительнымъ, неустаннымъ прилежаніемъ. Только религіозная самоотверженность и восторженность, въ связи съ мечтательностью, могли создать такой монументальный трудъ. Изъ всѣхъ его фантастическихъ плановъ осуществился пока только одинъ; послѣ смерти Якова Берава онъ сдѣлался первымъ равиномъ въ Сафетѣ и мало-по-малу былъ признанъ авторитетомъ. Но это признаніе было не всеобщимъ, ибо въ лицѣ лучшаго ученика Берава, *Моисея де Трани*, у него былъ серьезный соперникъ.

Въ то время, какъ на востокѣ евреи пользовались сравнительнымъ покоемъ и независимостью и вслѣдствіе этого могли строить месіанскіе воздушные замки и стремиться къ установленію идеальнаго порядка, правда, пользуясь для этого негодными средствами, на западѣ они были подавлены все возобновлявшимися и усиливавшимися преслѣдованіями. Старыя обвиненія ихъ въ убійствѣ дѣтей, во враждебномъ отношеніи къ христіанству, на время умолкнувшія съ началомъ реформаціоннаго движенія, снова ожили съ прежней силой. Фанатическое движеніе въ католическомъ мірѣ, стремившееся защитить церковь отъ все усиливавшагося лютеранства, повліяло и на судьбу евреевъ, принеся имъ въ католическихъ странахъ горе и преслѣдованія. Къ старымъ обвиненіямъ присоединилось новое, которое возстановило противъ евреевъ и лютеранъ. Лютеровская

[1]) Т же стр. 9, 32 и др.

и кальвинская реформація, проникшая даже въ Англію и Польшу, открыла многимъ глаза на сущность религіи и христіанства и, пріучивъ ихъ къ самостоятельному мышленію, повела къ признанію ложнымъ, ошибочнымъ и безнравственнымъ даже многое изъ того, что сами реформаторы разсматривали какъ существенные элементы христіанства. Переведенная на главные европейскіе языки, Библія дала мыслящимъ людямъ возможность имѣть самостоятельное сужденіе о религіи, отличавшееся отъ взгляда догматиковъ въ Римѣ, Витенбергѣ или Женевѣ. При чтеніи Библіи Ветхій завѣтъ предшествовалъ Новому, и при переходѣ отъ одного къ другому многіе чувствовали, что ученіе пророковъ объ единомъ Богѣ находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ученіемъ отцовъ церкви о тріединствѣ, о которомъ даже апостолы еще ничего не знали. Кромѣ того реформація стремилась не только къ религіозной свободѣ, но и къ политическому освобожденію отъ желѣзнаго ярма князей, для которыхъ народъ только существовалъ для платежа налоговъ и для исполненія крѣпостническихъ повинностей. Многимъ бросилось въ глаза, что библейскія писанія іудаизма всегда стоятъ за народныя права и проклинаютъ деспотизмъ царей, между тѣмъ, какъ христіанское евангеліе вообще не признаетъ народа, а имѣетъ дѣло только съ вѣрующими, которымъ оно рекомендуетъ терпѣливо нести ярмо угнетателей и тирановъ. Эта разница между Ветхимъ и Новымъ завѣтами, изъ которыхъ первый, кромѣ богобоязненной и праведной жизни, проповѣдуетъ и активныя добродѣтели, а послѣдній, кромѣ слѣпой вѣры, прославляетъ еще только пассивную добродѣтель, эта противоположность не могла ускользнуть отъ вниманія мыслящихъ людей, углубившихся въ изученіе Библіи. Среди множества религіозныхъ сектъ, которыя вызваны были реформаціей въ первыя десятилѣтія ея существованія, возникли и такія, которыя склонились болѣе къ іудаизму и были называемы господствующими партіями *полуевреями* и *іудействующими* (Judaizantes, semijudaei). Послѣдніе не признавали тріединства и настаивали на единствѣ Бога. *Михаилъ Серве* (собственно Мигуелъ Сервето) изъ Арагоніи, быть можетъ, подъ вліяніемъ испанскихъ марановъ, опубликовалъ сочиненіе о «невѣрности тріединства», которое надѣлало много шуму и доставило ему преданныхъ учениковъ. За это Кальвинъ сжегъ его на кострѣ въ Женевѣ. Реформаторы, повидимому, не освободились отъ фанатической нетерпимости католической церкви. Тѣмъ не менѣе возникла секта *унитаріевъ (антитринитаріевъ)*, которые утверждали единство Бога и отвергали Божественность Христа. Въ Англіи, гдѣ католицизмъ былъ свергнутъ лишь изъ-за каприза и любовной страсти тирана Генриха VIII, стала образовываться религіозно-политическая партія, ко-

торая хотѣла осуществить государственный строй Ветхаго завѣта, примѣнивъ его къ англійскимъ условіямъ. Она была полна ветхозавѣтныхъ представленій и не хотѣла и слышать о богомольцахъ и богомолкахъ Новаго завѣта. Многіе праздновали (правда, при закрытыхъ окнахъ) субботу, какъ день, назначенный Богомъ для отдыха[1]). Нѣкоторые эксцентричные христіане питали, какъ во времена Людовика Святого во Франціи, особую любовь къ евреямъ, какъ къ потомкамъ патріарховъ, сынамъ избраннаго Богомъ народа и соплеменникамъ великихъ пророковъ, уже по одному этому внушавшимъ имъ высокое уваженіе. Среди безчисленнаго множества летучихъ листковъ появился въ то время и діалогъ между евреемъ и христіаниномъ, гдѣ доказывалась невозможность вывести христіанскія догмы изъ Ветхаго завѣта; этотъ діалогъ былъ составленъ, по всей вѣроятности, христіаниномъ[2]). Все это способствовало тому, что и въ кругахъ реформаторовъ возникла непріязнь къ евреямъ. Приверженцы новой церкви лицемѣрно преувеличивали свою ненависть къ евреямъ, дабы защитить себя отъ обвиненія въ томъ, будто они подкапываются подъ христіанство и хотятъ замѣнить его іудействомъ. Такимъ образомъ евреи имѣли враговъ и тутъ, и тамъ, и скоро должны были покинуть надежду на то, что католицизмъ будетъ свергнутъ, а лютеранство будетъ доброжелательно относиться къ нимъ. Можно составить хронику гоненій евреевъ также за время реформаціоннаго движенія и отмѣчать за каждымъ годомъ ограниченія, мученія и выселенія. Но времена все же улучшились. Внезапныя нападенія, рѣзни, массовыя убіенія прежнихъ временъ смѣнились спокойными законными выселеніями, хотя повергавшими евреевъ въ нужду всегда на основаніи ложныхъ обвиненій.

Многообразныя страданія евреевъ пробудили въ Лютерѣ въ началѣ его реформаціонной дѣятельности сочувствіе къ нимъ, которое было, однако, непродолжительнымъ и скоро превратилось въ свирѣпую ненависть. Въ своихъ проповѣдяхъ, сочиненіяхъ и застольныхъ рѣчахъ онъ клеймилъ ихъ ослѣпленными, испорченными и отбросами человѣчества. Его ожесточеніе было вызвано тѣмъ, что, вопреки его ожиданіямъ, не послѣдовало массоваго перехода евреевъ въ христіанство, несмотря на проповѣдуемое имъ Евангеліе въ чистомъ видѣ. Ожидаемая и предвкушаемая побѣда не состоялась. Въ такомъ настроеніи Лютеръ сталъ прислушиваться къ нашептываніямъ гнусныхъ еврейскихъ выкрестовъ, которые возводили противъ своихъ былыхъ единовѣрцевъ старыя и новыя обвиненія[3]). Самымъ ядовитымъ изъ этихъ изолгавшихся и большей

[1]) Источники у Шудта, Jüdische Denkwürdigkeiten I, стр. 538.

[2]) Лютеръ, о евреяхъ и ихъ лжи.

[3]) Письма Іоселина въ страсбургскій магистратъ, перевед. на фр. яз. въ Revue d. Ét. XIII. 83, 84.

частью жаждавшихъ отомщенія злодѣевъ былъ *Антонъ Маргарита*[1]), сынъ равина *Якова Марголеса* изъ Регенсбурга, перешедшій къ протестантамъ послѣ того, какъ императоръ Карлъ отвергнулъ его обвиненія, направленныя противъ прежнихъ собратьевъ, и даже наказалъ его. Онъ отпечаталъ сочиненіе подъ названіемъ: «Все еврейское вѣроученіе», гдѣ онъ насмѣшливо перечислилъ всѣ религіозные обычаи евреевъ, возведя противъ нихъ цѣлый рядъ обвиненій, именно: они поносятъ Христа и христіанство, совращаютъ христіанъ въ іудаизмъ (въ Венгріи онъ будто самъ видѣлъ такихъ прозелитовъ), занимаются ростовщичествомъ и предаются праздности. Этому грубо-клеветническому сочиненію повѣрилъ Лютеръ и еще болѣе ожесточился противъ евреевъ. Болѣе мягкій *Мартинъ Буцеръ* въ Страсбургѣ также былъ настроенъ противъ нихъ. Онъ сохранилъ еще въ себѣ старую доминиканскую желчь противъ евреевъ. Въ летучихъ листкахъ, которые распространялись въ то время въ огромномъ числѣ, эти проповѣдники съ большимъ успѣхомъ натравливали на несчастныхъ нѣмецкихъ евреевъ чернь, которая, опираясь на авторитетъ реформаторовъ, считала себя вправѣ со спокойной совѣстью истязать и мучить ихъ. Но и нѣкоторые князья, присоединившіеся къ религіозной реформаціи и приписывавшіе Лютеру папскую непогрѣшимость, тоже принялись преслѣдовать евреевъ, именно *Іоганнъ Фридрихъ*, курфюрстъ саксонскій, упрямый *Филиппъ гесенскій* и *Іоахимъ II* бранденбургскій, которые были столпами новаго вѣроученія. Воспользовавшись тѣмъ, что нѣкоторые еврейскіе бродяги совершили какой-то проступокъ, за который и были наказаны, курфюрстъ саксонскій приказалъ изгнать навсегда евреевъ изъ своей страны. Послѣдніе бросились съ мольбами о заступничествѣ къ испытанному защитнику ихъ, *Іоселину* изъ Росгейма, который, какъ всегда, былъ готовъ оказать имъ посильную помощь. Онъ досталъ отъ страсбургскаго магистрата рекомендательное письмо къ курфюрсту, который былъ однимъ изъ важныхъ членовъ шмалкалденскаго союза, направленнаго противъ императора и католиковъ.

Проповѣдникъ Волфгангъ *Капито* далъ ему весьма теплое письмо къ Лютеру съ настойчивой просьбой повлiять на саксонскаго курфюрста[2]). Однако всѣ старанія Іоселина не увѣнчались успѣхомъ. Доступъ къ Іоганну Фридриху оказался для него не такимъ легкимъ, какъ къ императору Карлу, а Лютеръ не захотѣлъ выступить въ защиту евреевъ. Онъ даже не хотѣлъ допустить къ себѣ Іоселина и, послѣ долгихъ настояній послѣдняго, написалъ ему письмо, въ которомъ выразилъ всю свою непріязнь

[1]) См. прим. 4.

[2]) Revue т. же 78·

по отношенію къ евреямъ, которая рѣзко отличалась отъ прежняго сочувствія и состраданія. Лютеръ замѣтилъ при этомъ: онъ раньше горячо заступался за евреевъ; но, такъ какъ они злоупотребили его услугами, то онъ потерялъ охоту защищать ихъ; ибо это лишь укрѣпляетъ ихъ въ ихъ заблужденіяхъ, и они становятся еще болѣе упрямыми, чѣмъ были прежде[1]), пребываютъ въ своемъ ослѣпленіи и все еще отворачиваются отъ церкви.

Однако Іоселинъ неустанно дѣйствовалъ съ цѣлью отвратить преслѣдованія противъ евреевъ въ протестантскихъ странахъ. Онъ былъ допущенъ на собраніе князей шмалкалденскаго союза во Франкфуртѣ на Майнѣ, чтобы опровергнуть обвиненія, возведенныя противъ евреевъ Лютеромъ и Буцеромъ на основаніи плохо понятыхъ мѣстъ св. Писанія. Такъ какъ онъ зналъ еврейскій текстъ Библіи болѣе основательно, чѣмъ вожди реформаціи, то эта защита была для него весьма легкимъ дѣломъ. Она была такъ убѣдительна, что нѣкоторые князья отказались отъ своей прежней нетерпимости къ евреямъ, въ ихъ числѣ бранденбургскій Іоахимъ II, которому лишь тогда стало ясно, что его предокъ, Іоахимъ I, введенный въ заблужденіе обманами духовенства, тридцать лѣтъ тому назадъ приказалъ сжечь ни въ чемъ неповинныхъ евреевъ въ Берлинѣ[2]). Этотъ маркграфъ настолько освободился отъ своихъ предразсудковъ противъ евреевъ, что даже имѣлъ еврея лейбъ-медика, *Липолда,* и пользовался услугами еврейскаго агента, берлинскаго богача, *Михеля,* который питалъ пристрастіе къ чрезмѣрной роскоши и обыкновенно являлся на имперскіе сеймы верхомъ на конѣ въ сопровожденіи многочисленной свиты[3]). Но курфюрстъ саксонскій, какъ и Филиппъ гесенскій остались врагами евреевъ. Они приказали изгнать или безнаказанно преслѣдовать евреевъ своихъ странъ[4]). Евреи были снова изгнаны изъ протестантскаго города, Магдебурга, и другихъ мѣстностей[5]). Таково было положеніе нѣмецкихъ евреевъ въ очагѣ реформаціи, которая пробудила надежды на освобожденіе всѣхъ угнетенныхъ, на евангельское избавленіе. Правда, въ католическихъ странахъ евреямъ жилось не лучше; но тутъ со страданіями, по крайней мѣрѣ, не было связано горькое чувство разочарованія.

Въ Неаполитанскомъ королевствѣ, находившемся подъ испанскимъ владычествомъ, ультра-католическая партія уже давно подготовляла вве-

---

[1]) Т. же 83 и дневникъ Іоселина № 22. [2]) Дневникъ т. же.

[3]) О Липолдѣ или Липолтѣ см. ниже. О богатомъ Михелѣ см. Франкеля Monatsschrift г. 1861, 293.

[4]) Дневникъ Іоселина въ ук. м.

[5]) Лютеръ о евреяхъ; см. ниже.

деніе инквизиціи противъ жившихъ тамъ марановъ. Когда Карлъ V возвратился изъ своего побѣдоноснаго похода въ Африкѣ, эта партія просила его изгнать вообще евреевъ изъ Неаполя[1]), такъ какъ мараны отъ сношеній съ ними лишь укрѣпляются въ своемъ невѣріи. Императору не было никакого интереса защитить неаполитанскихъ евреевъ. Но благородная супруга *Самуила Абрабанела*, дона *Бенвенида* (см. выше, стр. 32), которая была весьма уважаема даже испанцами, такъ горячо умоляла императора отмѣнить свой указъ объ изгнаніи евреевъ, и ея молодая подруга, дочь вице-короля, такъ сердечно поддержала ея просьбу, что Карлъ V не могъ имъ отказать. Возможно, что и богатство Абрабанела сыграло при этомъ извѣстную роль. Нѣсколькими годами позже Карлъ все же издалъ указъ о томъ, что неаполитанскіе евреи должны покинуть страну (1533).

Подобно тому, какъ Іоселинъ неустанно защищалъ нѣмецкихъ евреевъ, такъ Самуилъ Абрабанелъ дѣлалъ все, что было только возможно, чтобы отвратить угрожавшую неаполитанскимъ евреямъ катастрофу. Съ помощью крупной суммы денегъ ему, дѣйствительно, удалось отсрочить на десять лѣтъ изгнаніе евреевъ и кромѣ того добиться нѣкоторыхъ условій, весьма благопріятныхъ для ихъ дѣловыхъ и религіозныхъ интересовъ; напримѣръ, ихъ нельзя было принуждать выслушивать христіанскія проповѣди, носить еврейскіе значки и нарушать святость субботы и праздниковъ. Этотъ договоръ, который вице-король Педро де Толедо, покровитель евреевъ, заключилъ отъ имени короля съ Самуиломъ Абрабанеломъ и другими видными евреями (1535—1536), былъ лѣтъ пять спустя нарушенъ императоромъ. Онъ издалъ неотмѣнный указъ объ изгнаніи евреевъ.

Напрасно неаполитанскіе евреи послали къ Карлу своего представителя, по имени *Соломонъ Ромъ*, который полагалъ, что пользуется нѣкоторымъ вліяніемъ на императора. Императоръ не хотѣлъ выслушать его и даже угрожалъ ему своей немилостью, если тотъ осмѣлится вновь безпокоить его своею просьбою. Всякій еврей, появлявшійся въ Неаполѣ, подвергался суровой карѣ (1540—1541). Многіе евреи отправились въ Турцію, другіе въ Анкону, гдѣ они находились подъ охраной папы, или въ Ферару, которая находилась подъ властью герцога Эрколе II, слывшаго другомъ евреевъ. Тѣ, которымъ пришлось ѣхать моремъ, претерпѣли много невзгодъ и были частью захвачены и отвезены въ Марсель. Жившіе тамъ мараны всячески поддерживали ихъ; король Генрихъ II также проявилъ по отношенію къ нимъ много гуман-

[1]) Главные источники о выселеніи изъ неаполитанскаго государства: *Самуилъ Уске*, Consolaçao III, № 32; *Іосифъ Когенъ*, Emek ha-Bacha стр. 102; Г. ибнъ-Яхія. Schsalchelet въ концѣ; Zurita, Annales de Aragon., т. VII; Cappacio, hist. Neapol. XVII, 87

[illegible]. Такъ какъ онъ не хотѣлъ [illegible] [illegible] ихъ въ своей [illegible], [illegible] ихъ за [illegible] [illegible] отправилъ въ Турцію. [illegible] Авра-[illegible] также покинулъ Богемію; хотя ему было [illegible] [illegible] [illegible] оставаться тамъ, однако онъ хотѣлъ раздѣлить участь своихъ несчастныхъ единовѣрцевъ. Онъ переселился въ Фюртъ, гдѣ жили нѣкоторые изъ его родственниковъ, и прожилъ тамъ еще пять мѣсяцевъ. Его благородная жена, высоко почитаемая [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] короля, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], жила еще нѣсколько лѣтъ послѣ смерти мужа[2].

[illegible] послѣ богемскіе евреи испытали [illegible] [illegible], но въ [illegible], такъ сказать, [illegible] [illegible]. Въ то время въ городахъ, особенно въ Прагѣ, часто возникали пожары. Евреевъ [illegible] и [illegible], обвиняли въ томъ, что они нанимали поджигателей, причемъ даже назывались опредѣленныя имена. Заподозрѣнные евреи были схвачены, обвинены, подъ пыткой признали свою виновность и были казнены. Кромѣ того евреевъ обвиняли въ томъ, что они донесли султану о тайныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ противъ турокъ. Поэтому богемскія сословія вынесли рѣшеніе изгнать всѣхъ евреевъ изъ Богеміи, а король *Фердинандъ*, братъ Карла V, далъ на это свое согласіе. Такимъ образомъ они, захвативъ свои пожитки, должны были снова взяться за страннический посохъ (адаръ 1542 г.): изъ многочисленнаго еврейскаго населенія Праги только десять лицъ или семействъ получили право и дальше проживать въ городѣ. Многіе изъ нихъ переселились въ Польшу и Турцію, толерантнѣйшія страны въ то время. Еще въ теченіе того же года выяснилась невинновность казненныхъ и, слѣдовательно, и изгнанныхъ евреевъ. Нѣкоторые вліятельные люди стали поэтому ходатайствовать о возвращеніи ихъ; они все же были необходимѣе, чѣмъ это думали зависть, церковный фанатизмъ и рассовая ненависть. Неутомимый Іоселинъ, который находился въ милости и у богемскаго короля, ходатайствовалъ о возвращеніи изгнанниковъ, хотя нѣсколькими годами раньше онъ, будучи приглашенъ въ Прагу для улаженія дрязгъ, возникшихъ въ этой общинѣ, подвергся злобнымъ преслѣдованіямъ со стороны нѣкоторыхъ евреевъ[3]). Благодаря этому, тѣ евреи, которые поселились вблизи богемской границы, получили право вновь вернуться на родину. Но они должны были за это платить годовую подать въ 18000 серебряныхъ грошей и носить желтый значекъ для отличія ихъ отъ христіанъ[4]).

[1]) Самуилъ Уске т. же. [2]) Она умерла 1552 г. [3]) Дневникъ Іоселина № 20.

[4]) Источники: *фонъ Германъ*, Исторія евреевъ въ Богеміи, стр. 41, *Іосифъ Когенъ* въ ук. м. стр. 103.

Въ то самое время противъ евреевъ выступили двѣ высокопоставленныя и вліятельныя личности, одна со стороны католиковъ, другая со стороны протестантовъ, и дѣйствовали такъ энергично, что слѣдуетъ удивляться, какъ евреи не были истреблены тогда до послѣдняго человѣка. Поводомъ къ одной травлѣ послужило слѣдующее происшествіе. Въ Баваріи, въ герцогствѣ Нейбургъ, незадолго до наступленія Пасхи исчезъ четырехлѣтній крестьянскій мальчикъ изъ Цапенфелда; подозрѣніе пало на евреевъ. Послѣ Пасхи трупъ мальчика былъ отрытъ собакой, и враги евреевъ не преминули распространить слухъ о томъ, что на его тѣлѣ были открыты слѣды истязаній. Тогда епископъ Эйхштета приказалъ схватить и привести къ нему нѣсколькихъ евреевъ, чтобы произвести надъ ними судъ и расправу, и кромѣ того обратился къ сосѣднимъ князьямъ съ просьбой бросить въ темницу и тамошнихъ евреевъ. Слѣдствіе не подтвердило виновности евреевъ. Благодаря ревностной защитѣ Іоселина, герцогъ нейбургъ-зулцбахскій, *Ото-Генрихъ,* и графы *Папенгейма*, вступились за евреевъ и воспротивились замысламъ эйхштетскаго епископа. Послѣдній, въ свою очередь, привелъ въ движеніе всѣ рычаги, чтобы, по крайней мѣрѣ, добиться изгнанія евреевъ. Рифмоплетъ *Тирмайеръ фонъ Эбертсгафенъ* издалъ въ стихотворной формѣ и на нѣмецкомъ языкѣ памфлетъ противъ покровителя евреевъ, герцога Ото-Генриха, который стремился доказать всему міру невинность евреевъ. Вѣроятно, этотъ же герцогъ побудилъ одного смѣлаго писателя мужественно выступить въ защиту евреевъ отъ предубѣжденности христіанъ. Въ сочиненіи «еврейская книжечка»[1]), авторомъ коей былъ лютеранскій священникъ (быть можетъ, *Озіандеръ*), впервые доказана вся лживость злобнаго обвиненія евреевъ въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей. Авторъ, который, по его словамъ, имѣлъ много сношеній съ евреями и основательно зналъ ихъ языкъ, законы и нравы, во всеуслышаніе заявилъ: эти вѣчныя обвиненія евреевъ въ убійствѣ дѣтей составляютъ вопіющую несправедливость; поводомъ къ нимъ служатъ лишь богатства и чистая вѣра евреевъ; съ одной стороны, эти сказки придумываются корыстолюбивыми и жестокими князьями, обѣднѣвшими феодалами или задолжалыми бюргерами; съ другой стороны, монахи и духовенство изобрѣтаютъ и распространяютъ эти измышленія, дабы причислить новыхъ мучениковъ къ лику святыхъ и создать новыя мѣста для паломничества; начиная съ того времени, какъ евреи стали жить среди христіанъ, и до

[1]) Это сочиненіе, повидимому, пропало и извѣстно только въ отрывкахъ изъ „опроверженія еврейской книжечки, въ которой одинъ христіанинъ поноситъ все христіанство, утверждая, что обвиненія евреевъ въ употребленіи крови несправедливы“, написаннаго Экомъ, оконч. въ сент. 1541, напеч. въ Инголштатѣ въ томъ же году.

послѣднихъ трехъ званій ничего не было сказано о томъ, что евреи убиваютъ христіанскихъ дѣтей. Лишь съ того времени, какъ монахи и попы стали пользоваться малолѣтствомъ и тупостью властителей съ корыстными цѣлями, появились и эти сказки. Попы никого не ненавидѣли такъ, какъ евреевъ. Въ послѣдніе не признаются изображенія человѣческаго духа и понимаютъ его. [illegible] лучше [illegible]. Поэтому-то евреевъ такъ преслѣдуютъ, обвиняютъ и грабятъ; даже ихъ священныя книги были попы сжечь; поэтому имѣется все основаніе думать, что они выдумали и убійство ребенка изъ Нейбурга[1]. Запытанные до третьей степени обвиняли христіанъ также въ убійствѣ дѣтей и употребленіи крови; признанія самихъ евреевъ, на которыя ссылаются для обвиненія [illegible], сдѣланы подъ вліяніемъ пытки, и не могутъ служить доказательствомъ.

Фанатическіе католики, а особенно епископъ Эйхштета съ негодованіемъ отнеслись къ этому сочиненію; авторъ вмѣсто того, что-бы уличить и преслѣдовать евреевъ, напротивъ, превозносилъ ихъ, и постарались загладить произведенное имъ впечатлѣніе. Докторъ *Іоганнъ Экъ*, пріобрѣвшій печальную извѣстность въ исторіи реформаціи и находившійся подъ покровительствомъ эйхштетскаго епископа получилъ порученіе издать сочиненіе, въ которомъ онъ долженъ былъ обосновать обвиненіе евреевъ въ употребленіи христіанской крови и всячески поносить Этотъ юристъ-богословъ, широковѣщій какъ ласкамъ, съ зычнымъ голосомъ демагога и страстью къ софистическимъ спорамъ, этотъ безсовѣстный крикунъ, своимъ тщеславіемъ, карьеризмомъ и пьянствомъ лишь скомпрометировавшій католическую церковь, которую онъ взялся защищать отъ нападковъ лютеранъ, и въ концѣ концовъ былъ одинаково презираемъ и ненавидимъ какъ католиками, такъ и протестантами, охотно принялъ на себя порученіе дать евреямъ нѣсколько пинковъ. Экъ всегда былъ готовъ помочь, когда дѣло шло объ устройствѣ скандала, о доносѣ, разжиганіи страстей или о софистической защитѣ старыхъ предразсудковъ и заблужденій. Онъ написалъ (1541 г.) сочиненіе въ опроверженіе «еврейской книжечки» и старался показать, «сколько зла и мерзости принесли евреи нѣмецкимъ землямъ и другимъ государствамъ». Старыя обвиненія крещеныхъ евреевъ, начиная съ Павла де Бургосъ и кончая Пфеферкорномъ, снова были освѣжены; показанія какой-то старухи о кровожадности евреевъ, признанія евреевъ, сдѣланныя подъ пыткой, измышленная исторія о ребенкѣ Симонѣ изъ Тріента—все это использовалъ Экъ, присовокупивъ еще разсказъ о томъ, что онъ якобы самъ пережилъ. Его наглость была такъ велика, что онъ сталъ доказывать кровожадность евреевъ на основаніи Ветхаго завѣта. Онъ вмѣнялъ

[1]) Экъ, Judenbüchleins Verlegung, л. № 4.

въ вину евреямъ не только, что Симонъ и Леви отомстили сихемцамъ и что Іосифъ былъ проданъ своими братьями, но даже и то, что Моисей приказалъ истребить хананеевъ и Давидъ приказалъ убить Урію[1]). Въ своемъ стремленіи оклеветать евреевъ онъ напалъ даже на тѣхъ героевъ Ветхаго завѣта, которыхъ чтитъ сама церковь. Пользуясь софизмами и своей мнимой ученостью, онъ категорически утверждалъ, что евреи убиваютъ христіанскихъ дѣтей и употребляютъ ихъ кровь для рукоположенія равиновъ, для ускоренія родовъ и для исцѣленія болѣзней, а также что они оскверняютъ чудотворныя гостіи. Въ своемъ возмущеніи онъ восклицалъ: «Мы, христіане, совершаемъ большую ошибку, что предоставляемъ такую свободу евреямъ, защищаемъ и охраняемъ ихъ» [2]). Онъ высказалъ благочестивое пожеланіе, чтобы всѣ каноническія ограниченія были снова строго примѣнены къ евреямъ и чтобы они были принуждены выслушивать христіанскія проповѣди и прекратить свои денежныя операціи.

Весьма поучительно, что *Лютеръ,* который такъ мужественно выступилъ противъ старыхъ предразсудковъ и создалъ новое вѣроученіе, по вопросу о евреяхъ вполнѣ соглашался съ докторомъ Экомъ, который съ той же наглостью выступилъ раньше съ подобными же измышленіями противъ него самаго. Оба страстныхъ противника были единодушны въ своей ненависти къ евреямъ. Лютеръ, въ послѣдніе годы своей жизни, былъ очень ожесточенъ. Своимъ упрямствомъ и самолюбіемъ онъ многое испортилъ въ своемъ же кругу, вызвалъ раздоры среди единомышленниковъ и породилъ въ собственномъ лагерѣ расколъ, который повредилъ реформаціи на нѣсколько вѣковъ. Его грубая натура все болѣе получала перевѣсъ надъ его религіозной мягкостью и смиренностью. Его слабая голова не могла совладать съ рѣзкими противорѣчіями, имъ же порожденными, а то, чего онъ не могъ примирить своимъ разсудкомъ, должно было быть устранено ударомъ кулака. Онъ не зналъ, какъ ему привести въ согласованіе евангельскую свободу и деспотизмъ тогдашнихъ большихъ и малыхъ князей, которыхъ онъ признавалъ имѣющими власть отъ Бога и потому право требовать рабской покорности къ себѣ. И вотъ онъ сталъ ободрять феодаловъ, совѣтуя имъ «колоть, колотить, душить» крестьянъ, возставшихъ во имя освобожденія отъ тысячелѣтняго рабства. Не могъ онъ также разобраться въ Евангеліяхъ и основныхъ книгахъ христіанства. Противоположность между отвергавшими законъ положеніями Павла и высоко уважавшими его положеніями іудео-христіанъ въ Евангеліи оставалась для Лютера загадкой. Поэтому онъ бродилъ въ потемкахъ. То онъ объявляетъ совершенно упраздненными законы Ветхаго

[1]) Экъ въ ук. м., л. С 1; Е 2. [2]) Т. же л. С 2.

завѣта и даже десять заповѣдей: «не кради, не прелюбодѣйствуй, не убивай», то онъ, ссылаясь на Ветхій завѣтъ, разрѣшаетъ гесенскому ландграфу имѣть двухъ женъ, хотя и тайно. Онъ совершенно не могъ понять іудаизмъ и его высоконравственные и облагораживающіе людей законы и приходилъ въ ярость, когда его товарищи (Карлштадтъ, Мюнцеръ) ссылались на нихъ, напр., на законъ о юбилейномъ годѣ для освобожденія рабовъ и крѣпостныхъ. И вотъ ему попалось сочиненіе, вѣроятно, христіанскаго автора, который въ формѣ діалога опровергаетъ христіанство, опираясь на принципы іудаизма (см. выше, стр. 259). Этого онъ стерпѣть не могъ. Іудаизмъ осмѣливался мѣряться съ христіанствомъ! И Лютеръ немедленно же взялся за перо и написалъ страстное и желчное сочиненіе «о евреяхъ и ихъ лжи» (1542 г.[1]), которое значительно превзошло клеветническія измышленія Пфеферкорна и доктора Эка. Факты, на которыхъ онъ основывался въ своихъ обвиненіяхъ, онъ почерпнулъ не изъ жизни, а изъ сочиненія озлобленнаго ренегата, Антона Маргариты, подъ вліяніе коего онъ всецѣло подпалъ.

Лютеръ во вступленіи замѣчаетъ: онъ, собственно, рѣшилъ ничего не писать больше о евреяхъ или противъ нихъ; но, такъ какъ онъ узналъ, что «эти несчастные, безбожные люди» осмѣливаются завлекать въ свои сѣти христіанъ, то онъ хочетъ предостеречь послѣднихъ, дабы ихъ не одурачивали евреи; спорить съ евреями онъ не намѣренъ, такъ какъ они неисправимы. Лютеровскія доказательства истинности христіанства и отрицаемаго евреями месіанства Христа составлены вполнѣ въ духѣ монаховъ. Онъ доказывалъ: изъ того, что христіане въ теченіе болѣе тысячелѣтія лишали евреевъ всѣхъ человѣческихъ правъ, обходились съ ними, какъ съ вредными звѣрями, угнетали ихъ, терзали и истребляли, словомъ, изъ того, что они, вслѣдствіе ненависти христіанъ, находятся въ такомъ несчастномъ положеніи, слѣдуетъ, что ихъ ученіе отвергнуто и что Христосъ дѣйствительно явился міру. Старая средневѣковая логика! Его издѣвательство надъ тѣмъ, что евреи гордятся своимъ происхожденіемъ, своей древней культурой, своей мисіей и своей преданностью своей религіи, можно объяснить его богословской точкой зрѣнія; что онъ назвалъ ихъ упрямыми и проклятыми, лжецами и кровопійцами, ядовитымъ отродьемъ, мстительными и коварными змѣями за то, что они не хотѣли признавать христіанскаго истолковыванія св. Писанія, можно приписать грубости его натуры; что онъ называлъ ихъ сынами дьявола, тоже не должно удивлять насъ, ибо онъ всюду видѣлъ козни дьявола, только не въ тѣсномъ кругу тѣхъ немногихъ приверженцевъ, которые слѣпо поклонялись ему. Но то, что Лютеръ сказалъ въ

[1]) Впервые изд. въ Витенбергѣ 1543.

своемъ гнѣвѣ противъ евреевъ, превосходитъ всякую мѣру и не можетъ быть оправдано своеобразностью ярко выраженной личности. Онъ говорилъ: «напрасно евреи жалуются на то, что они находятся у насъ въ суровомъ плѣну; мы, христіане, почти 300 лѣтъ были мучимы и преслѣдуемы евреями и мы можемъ обвинять ихъ въ томъ, что они захватили насъ въ плѣнъ; къ тому же мы и по сей день не знаемъ, какой дьяволъ привелъ ихъ въ нашу страну (онъ забылъ, что въ нѣкоторыхъ областяхъ, нынѣ принадлежащихъ Германіи, евреи поселились ранѣе германцевъ); мы за ними въ Іерусалимъ не ѣздили; къ тому же никто ихъ у насъ не удерживаетъ; всѣ дороги имъ открыты, пусть они покинутъ нашу страну, мы даже готовы осыпать ихъ подарками, если они освободятъ насъ отъ себя, ибо они для насъ непосильное бремя, чума и несчастье». Подобно Пфеферкорну и Эку, Лютеръ съ злорадствомъ сообщалъ, что евреи насильно были изгнаны «изъ Франціи, а недавно и изъ Испаніи милымъ императоромъ, Карломъ (какое невѣжество!), въ этомъ году изъ всего богемскаго королевства, хотя въ Прагѣ было одно изъ ихъ лучшихъ гнѣздъ, также изъ Регенсбурга, Магдебурга и еще другихъ мѣстностей[1])».

Не понимая всего величія мученичества евреевъ, жившихъ среди ненавидѣвшихъ ихъ враговъ, не зная ихъ исторіи, Лютеръ повторилъ лишь клеветническія измышленія францисканца Николая де-Лира, изъ честолюбія перешедшаго въ христіанство равина-епископа, Соломона Павла изъ Бургоса, и перешедшаго отъ іудаизма къ католической церкви, а оттуда къ протестантизму Маргариты[2]). Онъ повторилъ клевету этихъ озлобленныхъ враговъ іудаизма, будто Талмудъ и равины поучаютъ, что убивать гоевъ, т. е. язычниковъ и христіанъ, нарушать данную имъ присягу, обкрадывать и грабить ихъ не составляетъ грѣха[3]), и евреи думаютъ только объ одномъ, какъ бы ослабить христіанскую церковь. Совершенно непостижимо, какъ это Лютеръ, который при началѣ реформаціи такъ энергично выступилъ въ защиту евреевъ, могъ повторить всѣ прежнія клеветническія измышленія объ отравленіи колодцевъ, убійствѣ христіанскихъ дѣтей и употребленіи крови[4]). Вмѣстѣ со своимъ противникомъ, Экомъ, и онъ утверждалъ: смѣлость евреевъ объясняется тѣмъ, что имъ слишкомъ хорошо живется въ Германіи.

Какъ же поступить съ этимъ проклятымъ и невыносимымъ народомъ?, спрашиваетъ Лютеръ, и даетъ отвѣтъ, поражающій своимъ фанатизмомъ и безсердечностью. Витенбергскій реформаторъ совѣтуетъ: преж-

[1]) Лютеръ, о евреяхъ л. D. 4. [3]) Т. же, л. V. [4]) Т. же л. G. 2.

[2]) Лютеръ повторилъ за Маргаритою обвиненіе (т. же л. С.), что евреи привѣтствуютъ христіанина словами: „Sched Willkommen“ (чертъ желанный). Также Лютера застольныя рѣчи П, 2927, изд. Ирмишеромъ. Лютеръ не пользовался сочиненіями Пфеферкорна, какъ я писалъ въ прежнихъ изданіяхъ.

не всегда необходимо разрушить еврейскія синагоги «во славу нашего Господа и христіанства»; лучше разрушить ихъ дома и загнать ихъ въ чердаки и конюшни, какъ цыганъ, насильно отобрать у нихъ всѣ молитвенники, экземпляры Талмуда и даже св. Писаніе Ветхаго завѣта (т. е. сдѣлать имъ разъ то, чего требовали и враги Лютера, доминиканцы), кромѣ того, подъ угрозой смерти запретить имъ молиться и произносить имя Бога; ихъ раввинамъ воспретить обученіе закону; запретить евреямъ вообще передвиженіе и закрыть для нихъ дороги, дабы они оставались дома; не только запретить имъ заниматься ростовщичествомъ, но и отобрать у нихъ всѣ ихъ наличные капиталы; изъ конфискованныхъ такимъ образомъ денегъ создать фондъ для поддержки тѣхъ евреевъ, которые перейдутъ въ христіанство; отъ здоровыхъ евреевъ и евреекъ требовать барщины, научить ихъ обращаться съ молотиломъ, топоромъ, заступомъ, прялкой и веретеномъ, дабы они зарабатывали себѣ хлѣбъ въ потѣ лица своего, а не проводили время въ лѣнтяйничествѣ, празднествахъ и торжествахъ [1], не [illegible] [2]. Лютеръ убѣждалъ императора и князей удалить изъ своей страны евреевъ и прогнать ихъ назадъ въ родину [3]. Предполагая, однако, что князья не совершатъ этой глупости, онъ убѣждалъ священниковъ и народныхъ учителей возбуждать въ обществахъ слѣпую ненависть противъ евреевъ [4]. Если бы онъ имѣлъ власть надъ евреями, говорилъ онъ, то онъ собралъ бы ихъ ученыхъ и лучшихъ людей и, подъ угрозой вырѣзать имъ языки, потребовалъ бы отъ нихъ доказательства, что христіанство вѣритъ не въ одного Бога, а въ трехъ боговъ [5]. [illegible] Лютеръ прямо такъ выступалъ противъ евреевъ, говоря, что слыхалъ, что одинъ богатый еврей разъѣзжаетъ по всей Германіи съ [illegible], именно богатый Михель (см. выше, стр. 256); если князья не запретятъ ему и его [illegible] разъѣзжать по [illegible], то пусть соберутся противъ нихъ рыцари. Но христіане могутъ изъ его сочиненія узнать, что это за ядовитый народъ—евреи [6].

Еще незадолго до своей смерти Лютеръ въ проповѣди увѣщевалъ своихъ слушателей изгнать евреевъ: «Но кромѣ всего этого въ нашей странѣ живутъ еще и евреи, которые причиняютъ намъ большой вредъ. Хотя я серьезно думаю, что у евреевъ испорченная и негодная кровь, мы все же серьезно предложимъ имъ перейти въ христіанство, въ противномъ случаѣ мы не должны ихъ больше терпѣть. Евреи ежедневно поносятъ и позорятъ нашего Господа. Поэтому не терпите ихъ больше, а прогоните ихъ. Если бы они могли насъ всѣхъ умертвить, они бы охотно сдѣлали это; часто

[1] Лютеръ о евреяхъ л. К 2. [2] Тамъ же л. К 3. [3] Тамъ же л. J 3, [illegible].
[4] Тамъ же. [5] Тамъ же л. К. [6] Тамъ же л. К 4.

они это и дѣлаютъ, особенно тѣ изъ нихъ, которые выдаютъ себя за врачей. Они знаютъ искусство дать кому-нибудь ядъ, отъ котораго неминуемо послѣдуетъ смерть черезъ часъ, но иногда и черезъ десять или двадцать лѣтъ. Я хотѣлъ вамъ сказать, чтобы вы не терпѣли въ вашей странѣ евреевъ, которые не захотятъ перейти въ христіанство»[1]).

Такимъ образомъ, евреи имѣли въ лицѣ реформатора и обновителя Германіи еще болѣе ужаснаго врага, чѣмъ Пфеферконъ, Маргарита, Гохстратенъ и Экъ, во всякомъ случаѣ болѣе опаснаго, чѣмъ папы до середины XVI столѣтія. Къ словамъ тѣхъ негодяевъ, которые были извѣстны какъ софисты и лжецы, прислушивались лишь немногіе, между тѣмъ какъ безсердечныя слова Лютера о евреяхъ были чуть ли не святыней для христіанъ новаго исповѣданія. Подобно тому, какъ отецъ церкви, Іеронимъ, заразилъ католическій міръ своей необузданной ненавистью къ евреямъ, такъ и Лютеръ на долгое время отравилъ протестантскій міръ своею враждою къ евреямъ. Мало того, протестанты стали чуть ли не болѣе католиковъ ненавидѣть евреевъ. Заправилы католицизма требовали отъ нихъ лишь подчиненія каноническимъ законамъ, но при этомъ условіи разрѣшали имъ пребываніе въ католическихъ странахъ. Лютеръ же требовалъ ихъ полнаго изгнанія. Папы часто увѣщевали щадить синагоги, творецъ реформаціи, напротивъ, требовалъ ихъ оскверненія и разрушенія. Онъ поставилъ евреевъ на одну линію съ цыганами. Это объясняется тѣмъ, что папы находились на высотѣ жизни и проживали въ міровомъ городѣ, гдѣ переплетались нити событій съ четырехъ частей свѣта; поэтому они не замѣчали мелочей и не обращали вниманія на горсточку евреевъ. Напротивъ, Лютеръ жилъ въ захолустномъ городкѣ и жилъ замкнутой жизнью въ весьма тѣсномъ кругу; поэтому онъ охотно вѣрилъ всякой сплетнѣ о евреяхъ, судилъ о нихъ съ точки зрѣнія мелкаго горожанина и ставилъ имъ въ вину всякую заработанную ими копейку. На него падаетъ такимъ образомъ вина, что протестантскіе князья мучили евреевъ и изгоняли изъ своихъ областей. Въ католическихъ странахъ ихъ единственными врагами были доминиканцы.

Когда по поводу найденнаго трупа одного христіанина евреи въ сотый разъ были обвинены въ убійствѣ и одинъ мужчина, три женщины и одна дѣвушка были брошены въ темницу и подвергнуты пыткѣ, не признавая себя, однако виновными, императоръ Карлъ, правда, передалъ неутомимому Іоселину грамоту, охраняющую евреевъ и оправдывающую ихъ отъ обвиненія въ убійствѣ христіанина (1544 г.[2]). Но послѣ побѣды

[1]) Проповѣди Лютера отъ 1546 г. въ собраніи сочиненій Лютера, изд. Ирмишеромъ, IV, т. 63, стр. 187 и слѣд.

[2]) Іоселинъ, дневникъ № 27.

Карла надъ французскимъ королемъ, князья, присутствовавшіе на вормскомъ имперскомъ сеймѣ, предложили императору изгнать евреевъ изъ германскихъ земель. Одно высокопоставленное лицо, вѣроятно, кардиналъ *Александръ Фарнезе,* внукъ папы Павла III, защищавшаго португальскихъ марановъ, такъ горячо выступило въ защиту евреевъ, что большая часть князей отказалась отъ своихъ намѣреній. И только нѣкоторые протестантскіе князья и города изгнали ихъ, какъ, напр., Эслингенъ, Ландау и другіе (1545 г.).

Ненависть преслѣдовала евреевъ до самой Турціи. Если не доминиканцы или протестанты, то ихъ преслѣдовали православные христіане. Въ малоазійскихъ и греческихъ городахъ жили вмѣстѣ турки и греки. Послѣдніе, не освободившись отъ своего высокомѣрія, но не будучи въ состояніи дать почувствовать его господствовавшимъ туркамъ, преслѣдовали евреевъ своей тихой ненавистью и всячески старались навлечь на нихъ преслѣдованія со стороны властей. Однажды они устроили такъ, что въ городѣ *Амазіи* въ М.-Азіи исчезъ какой-то бѣдный грекъ, который имѣлъ сношенія съ евреями и находился у нихъ на содержаніи; греки обвинили нѣкоторыхъ евреевъ въ убійствѣ его. Турецкіе кади схватили обвиненныхъ, подвергли пыткѣ и вынудили у нихъ признаніе въ виновности. Они были повѣшены, а одинъ видный еврейскій врачъ, *Яковъ аби-Аюбъ,* былъ за это же сожженъ (около 1545 г.). Нѣсколько дней спустя одинъ еврей узналъ якобы убитаго грека, разузналъ отъ него подробности его исчезновенія и привелъ его къ кади. Послѣдній, справедливо разгнѣванный гнусностью греческихъ доносчиковъ, приказалъ казнить ихъ. Въ той же области, въ городѣ *Токатѣ,* тоже возникло подобное же обвиненіе противъ евреевъ, но и его лживость вскорѣ обнаружилась. Еврейскій лейбъ-медикъ султана *Сулеймана, Моисей Гамонъ* (см. выше, стр. 23), воспользовался этими печальными происшествіями, чтобы добиться отъ султана изданія эдикта, согласно коему обвиненіе евреевъ въ Турціи въ убійствѣ христіанъ, употребленіи ихъ крови на Пасху или въ иномъ подобномъ же преступленіи должны были предъявляться не предъ обыкновенными судьями, а передъ самимъ султаномъ[1]). Въ христіанскомъ же мірѣ и особенно въ Германіи эти лживыя обвиненія раздавались все чаще, вызывая довѣріе въ народѣ и находя предубѣжденныхъ судей. Широкія и серьезно-задуманныя привилегіи, дарованныя незадолго до того (1545[2]) императоромъ Карломъ по ходатайству Іоселина, принесли мало пользы. То здѣсь, то тамъ, въ Эльзасѣ, Баваріи

[1]) Источники того времени: Іосифъ ибнъ-Верга, Schebet Jehuda III; Іосифъ Когенъ Emek ha-Bacha 105

[2]) Дневникъ Іоселина № 28.

и Вюртембергѣ евреи были изгоняемы, истязаемы, ограбляемы на улицахъ и даже убиваемы[1]). Въ самомъ Росгеймѣ, мѣстожительствѣ Іоселина, который въ опасныя времена оказалъ своему городу большія услуги, даже оттуда были, въ отсутствіе Іоселина, изгнаны его сынъ и зять вмѣстѣ съ семьями[2]).

Нетерпимость христіанъ и толерантность мусульманъ ярко освѣщаются одной перепиской. Какъ только послѣдній папа изъ круга гуманистовъ, благосклонно относившійся къ евреямъ Павелъ III, сомкнулъ глаза, власть, вслѣдствіе раскола въ церкви, перешла къ строго-церковной партіи іезуитовъ и театиновъ, которые и слышать не хотѣли о толерантности. Всѣ органы папства настаивали на безпощадномъ проведеніи суровыхъ каноническихъ законовъ. Евреи въ небольшой церковной области, Венесенъ, въ предѣлахъ Франціи, скоро почувствовали эту перемѣну. До того поддерживаемые толерантными папами и особенно Павломъ III, они и со стороны папскихъ чиновниковъ встрѣчали всегда симпатію и поддержку[3]). Евреи въ большихъ городахъ, Авиньонѣ, Карпентра, обладали богатствами, всякаго рода драгоцѣнностями, а также владѣли землею. Банкиры получили привилегію взимать высокіе проценты, вслѣдствіе чего, правда, должники легко разорялись. Папская курія извлекала большіе доходы изъ дѣловыхъ операцій евреевъ въ Венесенѣ. Два брата-богача въ Карпентра, *Самуилъ и Бондіанъ Крескасы,* пользовались особымъ вліяніемъ у папскихъ чиновниковъ, были, быть можетъ, ихъ казначеями и многое позволяли себѣ по отношенію къ евреямъ и христіанамъ[4]).

Это покровительство прекратилось съ тѣхъ поръ, какъ папскимъ престоломъ завладѣла строго-церковная партія. Отнынѣ каноническія постановленія объ удаленіи евреевъ изъ общества и иныхъ притѣсненіяхъ должны были быть проведены со всей строгостью. Общины со страхомъ видѣли приближеніе плохихъ временъ и опасались массоваго изгнанія. Поэтому они стали задумываться о добровольномъ переселеніи въ толерантную Турцію. Желая навести точныя справки о томъ, какъ живется евреямъ въ Турціи, они послали двухъ своихъ представителей въ Салоники, гдѣ жили ихъ прежніе земляки (1550).

Представители салоникской общины дали посламъ утѣшительныя свѣдѣнія и, подобно Исааку Царфати двѣсти лѣтъ тому назадъ, восторженное изображеніе въ свѣтлыхъ краскахъ положенія евреевъ въ Турціи, именно: бѣглецы найдутъ тамъ покой и свободу, бла-

1) Revue d. Et. II, 273, V 95. 2) Т. же XIII, 252.

3) Sadoleti episcopi Carpentracensis epistolae XII, 17; XIII, 3.

4) Resp. Исаака де Латесъ стр. 3: כי האחים האלה (שמואל ובונדיאן קרישקאש) בעלי זרוע נשיאי עדה עשירים קרובים למלכות אשר כל הממשלה על פיהם.

госостояніе и пріятныя условія жизни, ибо народъ и правительство питаютъ симпатію къ евреямъ. особенно къ тѣмъ, которые бѣжали изъ христіанскихъ странъ; богачи получатъ возможность увеличить свое состояніе, а бѣдняки смогутъ заниматься ремеслами; пусть они только не поддаются самообману и не медлятъ выселеніемъ, ибо въ противномъ случаѣ ихъ можетъ постигнуть судьба испанскихъ и португальскихъ евреевъ, которые въ самый послѣдній моментъ были всякаго рода притѣсненіями вынуждены съ виду перейти въ христіанство; ибо всѣ эти мучительства и преслѣдованія все равно закончатся изгнаніемъ[1]). Султану Сулейману не приходилось бы, подобно Карлу V, каждый разъ давать евреямъ охранительныя грамоты; они находили бы достаточную охрану въ духѣ терпимости, господствовавшемъ въ Турціи.

Одно время генуэзская республика не разрѣшала евреямъ пребыванія въ ней дольше трехъ дней. Однако городокъ Нови возлѣ Генуи допускалъ на жительство бѣглецовъ изъ Испаніи и Прованса, которые часто бывали въ Генуѣ, гдѣ на нихъ смотрѣли сквозь пальцы. Эта маленькая община была вовлечена въ борьбу патриціевъ между собою, изъ коихъ одни изгоняли, другіе допускали [2]). Эта община состояла большей частью изъ людей дѣловыхъ, интелигентныхъ, капиталистовъ, врачей. Но и тутъ доминиканцы продолжали свою травлю и въ своихъ проповѣдяхъ возбуждали противъ нихъ зависть и вражду особенно въ кругахъ христіанскихъ врачей. Вопреки волѣ дожа *Доріи*, евреи были по проискамъ доминиканцевъ изгнаны изъ Генуи (апрѣль 1550 г.), причемъ при звукѣ трубъ было возвѣщено, что въ будущемъ ни одинъ еврей не долженъ быть терпимъ въ Генуѣ[3]). Это изгнаніе имѣетъ лишь потому нѣкоторое значеніе, что при этомъ пострадалъ одинъ весьма способный еврейскій историкъ, жизнь коего отражаетъ въ себѣ страданія всего еврейскаго племени.

---

[1]) Интересный отвѣтъ салоникской общины общинѣ Прованса сообщ. Исидоромъ Лебомъ изъ рукописи въ Revue d. Et. XV, 270, помѣщ. подъ заглавіемъ: שלומי אמוני . . . אחינו גלות ירושלים אשר בכל גליות (ч. גלילות) פרווינצה . . . и датированъ ר"ח אלול שנת ש"י למורא. Лебъ удивляется тому, что евреи Прованса искали тогда убѣжища, ибо они были изгнаны оттуда еще полвѣка тому назадъ. Отсюда онъ предполагаетъ, что либо указъ Людовика XII объ изгнаніи не былъ строго проведенъ, либо евреи были затѣмъ снова приняты. Лебъ прибавляетъ, впрочемъ, что никакихъ данныхъ, подтверждающихъ его предположеніе, не имѣется. По всей вѣроятности, кореспонденція исходила отъ общинъ въ Венесенѣ, Авиньонѣ и Карпентра, испытывавшихъ гнетъ строгаго церковнаго управленія и боявшихся изгнанія. Они, дѣйствительно, были потомъ изгнаны въ 1569—70. Ср. ниже.

[2]) Іосифъ Когенъ, т. же 93-94, 96, 108.

[3]) Т. же 108, также въ его хроникѣ, стр. 135.

Многообразныя движенія въ жизни народовъ, а также измѣнчивая судьба еврейской націи, въ особенности послѣднія событія ея жизни, какъ жестокое изгнаніе евреевъ изъ Испаніи и Португаліи и безчеловѣчныя преслѣдованія марановъ, вселили въ нѣкоторыхъ проницательныхъ евреяхъ убѣжденіе, что въ исторіи не царитъ слѣпой случай, а властвуетъ твердая рука Высшаго существа, которое ведетъ человѣчество къ предначертанной цѣли черезъ море крови и потоки слезъ. Со времени крестовыхъ походовъ не было столѣтія, болѣе богатаго смѣной драматическихъ событій, чѣмъ 16-й вѣкъ, ибо въ эту эпоху не только были открыты новыя страны, но и родился новый духъ, который, несмотря на оковы традиціи, стремился къ новому творчеству. Это обиліе событій привело нѣкоторыхъ мыслителей-евреевъ, по большей части сефардскаго происхожденія, къ убѣжденію, что въ дикомъ, съ виду хаотическомъ и безпорядочномъ теченіи всеобщей и еврейской исторіи нужно видѣть руку Провидѣнія. Они разсматривали историческое повѣствованіе, какъ источникъ утѣшенія для той части человѣчества, которая была раздавлена, истоптана и истерзана бѣшенымъ натискомъ нахлынувшихъ событій. Кто нуждался въ утѣшеніи больше, чѣмъ евреи, этотъ народъ мучениковъ, который, повидимому, предназначенъ для страданій и всегда ѣлъ хлѣбъ, глотая слезы? Почти въ одно и то же время три мыслителя-еврея поставили себѣ задачей оріентироваться въ исторіи и преподнести еврейскому читающему міру его завѣтныя скрижали. Это были врачъ *Іосифъ Когенъ*, талмудистъ *Іосифъ ибнъ-Верга* и поэтъ *Самуилъ Уске*. Всѣ трое исходили изъ одной и той же основной мысли. Ихъ осѣнилъ духъ пророковъ, которые въ размышленіяхъ объ историческихъ событіяхъ видѣли лучшее средство для возвышенныхъ поученій, и они этимъ показали, что евреи даже въ своемъ паденіи не походятъ на сбродъ цыгановъ, которые не имѣютъ и не знаютъ исторіи, и что они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоятъ даже выше тѣхъ, кто пользовался скипетромъ и мечомъ, колесомъ и булавою для порабощенія человѣчества.

Самымъ выдающимся историкомъ изъ нихъ былъ *Іосифъ* бенъ Іошуа *Когенъ* (род. въ Авиньонѣ 1496 г., ум. 1575 г.[1]). Его предки были родомъ изъ Испаніи. Во время великаго изгнанія его отецъ Іошуа переселился изъ Гуете въ Авиньонъ, а оттуда въ Нови (въ генуэзской республикѣ), пробылъ нѣкоторое время въ Генуѣ, но и оттуда былъ изгнанъ. Іосифъ Когенъ былъ обученъ врачебному искусству и занимался

[1]) Даты приведены въ его двухъ историческихъ произведеніяхъ: *турецкой* и *французской* (вѣрнѣе міровой) *хроникахъ* דברי הימים למלכי צרפת ועותמן и въ мартирологѣ עמק הבכא.

имъ теоретически и практически. Повидимому, онъ былъ лейбъ-медикомъ дожа *Андрея Доріи*. Его сердце было полно любви къ своимъ единоплеменникамъ, и онъ неустанно стремился всячески облегчать судьбу тѣхъ изъ нихъ, надъ которыми стряслось несчастье. Однажды онъ старался освободить изъ темницы одного еврея съ сыномъ, которые были брошены туда безсердечнымъ *Джіанетино Доріей,* племянникомъ и преемникомъ дожа. Но Іосифу Когену удалось освободить лишь отца; сынъ же спасся бѣгствомъ въ ту неспокойную ночь, когда *Фіески* осуществилъ свой заговоръ[1]). Во время морскихъ войнъ дожа Доріи съ Греціей и греческими островами, а также императора Карла съ Тунисомъ, съ еврейскими плѣнниками обходились такъ же жестоко, какъ съ галерными невольниками. Тогда Іосифъ Когенъ тепло вступился за нихъ и побудилъ еврейскія общины собрать деньги для выкупа несчастныхъ изъ плѣна[2]). Послѣ изгнанія евреевъ изъ Генуи (1550 г.), жители небольшого городка, Волтаджіо, просили его поселиться у нихъ въ качествѣ врача; онъ согласился и прожилъ тамъ восемнадцать лѣтъ. Однако болѣе врачебнаго искусства его влекла исторія, и онъ сталъ отыскивать хроники, желая написать міровую исторію въ формѣ лѣтописей. Онъ началъ свое повѣствованіе со времени паденія римской имперіи и образованія новыхъ государствъ и изобразилъ ходъ міровыхъ событій, какъ борьбу между Азіей и Европой, между Полумѣсяцемъ и Крестомъ, между исламомъ и христіанствомъ, причемъ представителемъ перваго является могущественная Турція, а представителемъ христіанства— Франція, которая выдвинула перваго христіанскаго могущественнаго монарха, Карла Великаго. На исторіи этихъ двухъ народностей Іосифъ Когенъ прослѣдилъ ходъ міровой исторіи. Онъ включилъ въ хронику о короляхъ Франціи и Отоманской имперіи» (какъ гласило заглавіе его историческаго труда) всѣ событія и войны, имѣвшія мѣсто въ христіанскомъ и магометанскомъ мірахъ. Онъ самъ питалъ симпатію къ французской партіи въ Италіи и потому во главѣ христіанства поставилъ не германско-испанскій императорскій домъ, а Францію. Іосифъ Когенъ не сумѣлъ художественно обработать историческій матеріалъ и привести его во внутреннюю связь. Только послѣдовательность во времени соединяетъ разрозненныя и безпорядочныя событія и факты. Но недостатокъ художественной обработки былъ возмѣщенъ его правдивостью и необычайной точностью. Конечно, въ исторіи отдаленнаго времени, гдѣ онъ довѣрился руководительству часто плохихъ источниковъ, онъ совершилъ множество ошибокъ; но въ исторіи своего собственнаго времени, гдѣ онъ либо самъ пережилъ описываемыя событія, либо добросовѣстно установилъ ихъ на основаніи

[1]) Хроника стр. 129. [2]) Ср. Леба въ ук. м. стр. 46.

свидѣтельскихъ показаній, онъ является безпартійнымъ и вполнѣ надежнымъ источникомъ. Его позаимствованный въ лучшихъ историческихъ книгахъ Библіи стиль чрезвычайно оживляетъ повѣствованіе. Библейская форма и драматическій стиль сообщаютъ его труду особую прелесть и подымаютъ его высоко надъ уровнемъ сухой хроники. Въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ онъ описываетъ крупныя гоненія евреевъ; для этого онъ сумѣлъ достать рѣдкіе источники, которыхъ еще никто до того не использовалъ. Его главной задачей было показать, что историческими событіями руководитъ справедливая воля Провидѣнія, что насиліе и коварство всегда получали справедливое наказаніе и были низвергнуты съ достигнутой высоты въ пропасть. Онъ переживалъ муки исторіи и потому не писалъ хладнокровно; напротивъ, часто онъ пишетъ съ чрезмѣрной горечью и не жалѣетъ проклятій по адресу кровожадныхъ гонителей невинныхъ мучениковъ. При составленіи этой хроники Іосифъ Когенъ задался планомъ описать приведенныя въ нихъ преслѣдованія противъ евреевъ въ хронологическомъ порядкѣ; но онъ осуществилъ свой планъ лишь позже, такъ какъ, повидимому, у него не было всѣхъ необходимыхъ источниковъ.

Въ то же самое время появился другой историческій трудъ, надъ которымъ работали представители трехъ поколѣній, дѣдъ, сынъ и внукъ. Кабалистъ и астрономъ, *Іегуда ибнъ-Верга,* родомъ изъ видной семьи Ибнъ-Верга, находившейся въ родственныхъ отношеніяхъ съ фамиліей Абрабанеловъ, описалъ въ одномъ сочиненіи нѣкоторыя преслѣдованія противъ евреевъ, имѣвшія мѣсто въ различныя времена и различныхъ странахъ; свѣдѣнія онъ почерпнулъ изъ многихъ источниковъ, въ особенности же изъ подобнаго же сочиненія свѣдущаго и даровитаго Профіата Дурана[1]). *Соломонъ ибнъ-Верга,* который, самъ переживъ изгнаніе евреевъ изъ Испаніи и Португаліи, одно время былъ вынужденъ съ виду принять христіанство и затѣмъ, въ качествѣ марана, переселился въ Турцію, прибавилъ къ замѣчаніямъ своего родственника нѣкоторыя подробности. Онъ зналъ также по-латыни и потому почерпнулъ новые факты изъ латинскихъ источниковъ. Его сынъ, *Іосифъ ибнъ-Верга,* который принадлежалъ къ колегіи равиновъ въ Адріанополѣ, дополнилъ, въ свою очередь, это сочиненіе нѣкоторыми фактами изъ прежняго и своего времени и опубликовалъ весь этотъ трудъ подъ заглавіемъ: „*Бичъ Іегуды* (Schebet Jehuda)“. Іосифъ ибнъ-Верга также зналъ латинскій языкъ и многое почерпнулъ изъ латинскихъ источниковъ. Этотъ мартирологъ Ибнъ-Верги не вылитъ изъ одного куска, а представляетъ скорѣе груду историческихъ фактовъ безъ плана и порядка и даже безъ хролоногической послѣдовательности. Выдуманныя

[1]) См. Грецъ т. IX, прим. 1.

бесѣды ученыхъ евреевъ съ португальскими и испанскими королями приведены тамъ въ качествѣ фактическихъ событій. Но стиль, лишенный библейской окраски, которая такъ характерна для историческихъ трудовъ Ильи Капсали и Іосифа Когена, блестящъ и изященъ, и только части, переведенныя съ латинскаго языка, неуклюжи и тяжелы. Соломонъ ибнъ-Верга (въ концѣ перваго сборника), доискиваясь причинъ того, что столь несказанныя страданія выпали на долю еврейскаго племени и въ особенности испанскихъ евреевъ, полагаетъ: это, во-первыхъ, превосходство еврейскаго народа, ибо «кого Богъ болѣе любитъ, того онъ строже и наказываетъ»; во вторыхъ; наказаніе за грѣхъ поклоненія золотому тельцу въ пустынѣ; особенно содѣйствовали возникновенію преслѣдованій евреевъ различіе ихъ отъ христіанъ въ ѣдѣ и питьѣ, месть христіанъ за распятіе Христа, преступленія испанскихъ евреевъ противъ испанскихъ женщинъ, зависть къ богатству евреевъ и ложныя показанія ихъ подъ присягой. Ибнъ-Верга не скрывалъ недостатковъ своихъ единоплеменниковъ, а, напротивъ, сильно преувеличивалъ ихъ. Іосифъ ибнъ-Верга присовокупилъ еще трогательную молитву, въ которой говорится: безчисленны муки, которыя претерпѣлъ и еще по сіе время претерпѣваетъ Израиль, такъ что послѣдующія заставляютъ забывать предшествовавшія; всѣ народы земли едины въ своей ненависти къ этому племени, всѣ творенія, небесныя и земныя, находятся въ заговорѣ противъ него; еще прежде, чѣмъ еврейское дитя начинаетъ лепетать, оно уже преслѣдуемо ненавистью и злобой; «насъ презираютъ, какъ жалкихъ червей; да приведетъ Богъ въ исполненіе обѣтованія, данныя избранному народу».

Самой крупной и оригинальной личностью изъ трехъ историковъ того времени былъ *Самуилъ Уске*, о жизни коего, къ сожалѣнію, неизвѣстно ровно ничего; мы не знаемъ даже, въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ онъ находился съ двумя другими Уске, которые во всякомъ случаѣ принадлежали къ одной и той же фамиліи, были бѣглыми маранами и обладали литературнымъ образованіемъ.

Авраамъ Уске, при своемъ вынужденномъ переходѣ въ христіанство получившій имя *Дуарте Пинелъ*[1]), обработалъ подъ этимъ именемъ латинскую грамматику, которая и была отпечатана еще въ Португаліи. Намъ неизвѣстно, какъ ему удалось уйти изъ этой страны и когтей инквизиціи и переселиться въ Ферару. Въ этомъ городѣ, гдѣ португальскіе мараны, находясь подъ охраной герцога *Эрколе д'Эсте*, могли свободно исповѣдовать іудаизмъ[2]), онъ подъ еврейскимъ именемъ *Авраама Уске* устроилъ прекрасную книгопечатню для бывшихъ марановъ изъ Испаніи и другихъ странъ, которые, родившись уже маранами, мало-по-

[1]) Ср. о трехъ Уске прим 7. [2]) См. ниже.

малу разучились еврейскому языку. Онъ самъ или его родственникъ, Самуилъ Уске, или же кто-либо другой перевелъ на испанскій языкъ разнаго рода еврейскія молитвы, которыя и были изданы въ книгопечатнѣ Уске[1]). Вернувшіеся къ іудаизму мараны жаждали поученій изъ своихъ религіозныхъ источниковъ, а евреи Италіи заботились объ утоленіи этой жажды. Даже сухой религіозный кодексъ Якова Ашери (т. VIII, стр. 206) былъ переведенъ на испанскій языкъ; краткое же извлеченіе изъ него подъ заглавіемъ: «пища для души» (mesa de la alma) дошло даже до Фландріи[2]).

Авраамъ Уске или Дуарте Пинелъ предпринялъ еще одинъ грандіозный трудъ, предназначенный для марановъ. Онъ поручилъ свѣдущимъ людямъ[3]) дословно перевести св. Писаніе Ветхаго завѣта съ еврейскаго на хорошій испанскій языкъ и издалъ этотъ переводъ (1550 до 1553). Всѣ расходы по изданію принялъ на себя одинъ зажиточный маранъ, по имени *Іомъ-Товъ Атіасъ* или *Геронимо де-Варгасъ*. Издатели посвятили этотъ замѣчательный и цѣнный трудъ частью герцогу *Эрколе* изъ благодарности за его терпимость къ маранамъ и частью одной знатной маранкѣ (Граціи Мендесіи), которая была въ то время ангеломъ хранителемъ своихъ несчастныхъ соплеменниковъ. Авраамъ Уске издалъ въ своей книгопечатнѣ не только испанскія и португальскія, но и еврейскія книги разнаго содержанія, ритуальныя, религіозно-философскія и кабалистическія.

Второй *Уске*, по имени *Соломонъ*, прежде называвшійся *Дуарте Гомецъ*[4]), былъ одновременно поэтомъ и купцомъ въ Венеціи и Анконѣ, куда онъ переселился изъ Португаліи. Онъ перевелъ различныя произведенія Петрарки испанскими стихами, звучностью и красотой коихъ восторгались его современники. Вмѣстѣ съ другимъ еврейскимъ поэтомъ, *Лазаремъ Граціаномъ*, онъ написалъ на испанскомъ языкѣ драму, въ коей обработалъ прекрасный эпосъ объ еврейской царицѣ, Эсѳири, и спасеніи ею своего народа. При всемъ томъ Гомецъ-Соломонъ Уске былъ весьма искуснымъ дѣльцемъ и весьма успѣшно выполнялъ самыя трудныя порученія.

Самымъ значительнымъ изъ трехъ Уске былъ *Самуилъ*, христіанское имя коего намъ неизвѣстно, но который, несомнѣнно, также бѣжалъ изъ Португаліи, спасаясь отъ преслѣдованій свирѣпой инквизиціи; онъ также поселился вмѣстѣ со своими родными въ Ферарѣ. И онъ былъ

[1]) См. Де-Роси, de typographia Hebraeo-Ferrarensi, стр. 62 и слѣд.

[2]) Еврейскій каталогъ въ Bodlejana стр. 1686 и слѣд.

[3]) По словамъ Іосифа Атіаса, участвовали въ ферарскомъ переводѣ Библіи 100 свѣдущихъ людей.

[4]) См. примѣч. 7.

поэтомъ, но его муза не занималась подражаніемъ и обработкой чужого матеріала, а творила самостоятельно и оригинально. Блестящая и вмѣстѣ съ тѣмъ трагическая исторія еврейскаго народа мощно влекла его къ себѣ; но она не лежала въ его памяти въ видѣ груды мертвыхъ фактовъ, а пребывала въ его сердцѣ, какъ источникъ жизни, изъ коего онъ черпалъ утѣшеніе и вдохновеніе. Библейская исторія съ ея героями, царями и пророками, время послѣ изгнанія со смѣной героическаго возстанія и жестокаго пораженія, эпоха послѣ разрушенія римлянами еврейскаго государства— всѣ эти событія трехъ эпохъ неудержимо влекли къ себѣ Уске. Онъ старался лично ознакомиться съ историческими источниками и пользовался такими трудами, которые до того были совершенно незнакомы евреямъ. Для исторіи эпохи послѣ изгнанія онъ не почерпнулъ свѣдѣнія изъ сомнительной чистоты источника, Іосипона*), какъ его предшественники, а прочелъ Іосифа Флавія, который, будучи въ то время любимцемъ литературнаго міра, былъ изданъ уже въ греческомъ оригиналѣ и латинскомъ переводѣ. Самуилъ Уске понималъ по-латыни и былъ знатокомъ не только своего родного португальскаго, но и испанскаго языковъ. Пользуясь латинскими источниками, полнымъ клеветническихъ измышленій сочиненіемъ Альфонса де-Спина, испанскими, французскими и англійскими хрониками и, конечно, еврейскими сочиненіями, онъ собралъ огромный матеріалъ объ исторіи евреевъ вплоть до изгнанія ихъ изъ Испаніи и Португаліи. Его муза вдохнула жизнь въ этотъ мертвый матеріалъ и создала изъ него потрясающее повѣствованіе, полное жалобъ и утѣшенія, на португальскомъ языкѣ, не въ стихахъ, но въ такой торжественной прозѣ, что оно производитъ на читателя неизгладимое впечатлѣніе. Это повѣствованіе состоитъ изъ діалога трехъ пастырей: *Икабо, Нумео и Зикарео*, изъ коихъ первый кровавыми слезами оплакиваетъ трагическую судьбу Израиля съ первыхъ же дней его выступленія на историческую арену, другіе же два пастыря льютъ бальзамъ утѣшенія въ истерзанное муками сердце несчастнаго пастыря и рисуютъ ему страданія, какъ необходимое средство для достиженія прекрасной цѣли. Этотъ діалогъ названъ Уске «*Утѣшеніе въ бѣдствіяхъ Израиля*»[1]). Онъ намѣревался своимъ художественнымъ изображеніемъ еврейскаго прошлаго утѣшить португальскихъ бѣглецовъ въ Ферарѣ, вернувшихся къ іудаизму, облегчить имъ ихъ бѣдствія и тяжкія страданія и открыть предъ ними свѣтлое будущее. Самуилъ Уске вовсе не хотѣлъ написать связную и послѣдовательную исторію еврейскаго племени; она служила ему лишь средствомъ потрясти и возвысить сердца напоминаніемъ о го-

*) Лже-Іосифа, Грецъ т. VI, 213. *Ред.*

[1]) Consolaçao as tribulacoes de Israel, оконч. въ 1552 г. См. прим. 7.

рестной судьбѣ и указаніемъ на божественный промыселъ. Онъ изображалъ еврейскую націю то вдовой, скорбящей, судорожно ломающею руки, денно и нощно льющею слезы, вспоминая длинный, на тысячелѣтія простирающійся, рядъ страданій, которыя претерпѣли ея сыны, изъ свѣта и блеска низвергнутые въ тьму и горе, то восторженной пророчицей въ лучистомъ одѣяніи, глаза коей пронизываютъ тьму и видятъ прекрасное будущее, а изъ устъ льются слова мудрости, утѣшенія и облегченія жгучихъ страданій. Но, если Самуилъ Уске и не историкъ, все же никто не изложилъ еврейской исторіи въ общихъ чертахъ, начиная съ древнѣйшаго времени и до послѣднихъ дней, такъ ярко, живо и выпукло, какъ онъ. Стараясь достовѣрно обрисовать ходъ исторіи, онъ не пренебрегъ и хронологіей, указывая къ тому же источники, изъ коихъ онъ почерпнулъ свой матеріалъ.

Содержаніе исторически-поэтическаго діалога слѣдующее. Пастырь Икабо (или Яковъ, представитель всего еврейства) оплакиваетъ въ уединенной мѣстности несчастье своей паствы, которая разсѣяна по всему свѣту, унижена, растерзана. «Къ какой странѣ, къ какой части свѣта мнѣ обратиться, чтобы найти исцѣленіе моимъ ранамъ, забвеніе моей скорби и утѣшеніе въ моихъ тяжкихъ, нестерпимыхъ мукахъ? Весь земной шаръ полонъ моего несчастья, моихъ страданій. Въ счастливой Азіи съ ея богатствами и наслажденіями я—бѣдный, тяжко обремененный пилигримъ. Въ жгучей Африкѣ съ ея обиліемъ золота я—несчастный ссыльный, погибающій отъ голода и жажды. Европа, мой адъ на землѣ, что мнѣ сказать о тебѣ, празднующей тріумфы надъ истерзанными трупами? Какъ мнѣ хвалить тебя, порочная и воинственная Италія? Какъ голодный левъ, ты пресытилась мясомъ моихъ растерзанныхъ овечекъ. Испорченныя французскія пастбища, мои овечки пожираютъ на васъ ядовитыя травы. Гордая, суровая и гористая Германія, мои питомцы, сброшенные съ вершины твоихъ дикихъ Альпъ, лежатъ разбитые. Вы, сладкія и свѣжія воды Англіи, мое стадо напилось у васъ горькой и соленой воды. Ханжеская, жестокая и кровожадная Испанія, у тебя дикіе, проголодавшіеся волки проглотили и еще теперь пожираютъ мою, богатую шерстью, паству[1])». Два пастыря, Нумео и Зикарео, привлеченные душераздирающими жалобами Икабо, долго уговариваютъ его и убѣждаютъ повѣдать свое горе и тѣмъ облегчить страданія своей души. Только послѣ долгихъ колебаній онъ соглашается на это. Онъ разсказываетъ своимъ друзьямъ о быломъ великолѣпіи своей паствы, изображая блестящія времена еврейской исторіи. Затѣмъ онъ переходитъ къ несчастью, постигшему божескую паству. По просьбѣ своихъ друзей Икабо соглашается

[1]) Consolaçao стр. 6.

разсказать подробно исторію своего несчастнаго племени, сначала объ ударахъ и изгнаніи въ эпоху перваго іерусалимскаго храма, затѣмъ, во второмъ діалогѣ, о горестяхъ въ изгнаніи и о разрушеніи храма римлянами, а въ третьемъ о страданіяхъ, которыя его народъ претерпѣлъ во время столь продолжительнаго изгнанія, о насильственномъ крещеніи испанскихъ евреевъ вестготскимъ королемъ, Сизебутомъ (612 г.[1]), объ изгнаніи евреевъ изъ Англіи и Франціи, Испаніи и Португаліи, объ ужасахъ инквизиціи, которую Уске зналъ изъ личнаго опыта, и объ оскверненіи синагоги въ Пезаро (1552 г.). Такимъ образомъ, Икабо (или Самуилъ Уске) перечисляетъ длинный рядъ событій еврейской исторіи. Онъ заканчиваетъ перечень страданій: «Вы видите, добрые люди, что пережилъ я уже и переживаю еще по сей день, съ тѣхъ поръ, какъ нахожусь въ этомъ несчастномъ изгнаніи, съ тѣхъ поръ, какъ римляне разсѣяли мою паству. Коварные и злобные испанцы истерзали земное тѣло и божественную душу моихъ милыхъ; моя паства испытала на себѣ гнѣвъ и вражду буйныхъ французовъ; перемѣшанная съ желчью пища съ ихъ испорченныхъ пастбищъ погубила ихъ. Тутъ безсердечные англичане давятъ ихъ холоднымъ желѣзомъ, тамъ дикіе нѣмцы отравляютъ ихъ своей водой. Хитрые фламандцы всячески пакостятъ имъ, а неблагодарные итальянцы истязаютъ ихъ. Храбрые полу-варвары, испанцы, растерзали ихъ на куски, отрывали нѣжныхъ младенцевъ отъ груди ихъ матерей и бросали ихъ въ огонь или воду или отдавали на растерзаніе дикимъ звѣрямъ. И до сегодняшняго дня не прекращается ни одна изъ этихъ пытокъ и мукъ; напротивъ, подобно судну, которое въ открытомъ морѣ настигнуто сильною бурею, бросающей его въ разныя стороны, такъ и я, многострадальный Израиль, нахожусь въ морѣ страданій по сей день. Едва прекратились твои муки у вавилонянъ, заставлявшихъ тебя опорожнить отравленную чашу, какъ ты снова ожилъ для испытанія новыхъ мукъ со стороны римлянъ. И, когда этому двойному несчастью, столь жестоко истерзавшему тебя, наступилъ конецъ, ты, правда, снова ожилъ, но все же былъ попрежнему прикованъ къ своему несчастью, испыталъ муки новыхъ пытокъ. Все во вселенной постоянно мѣняется, но только не Израиль; его несчастное положеніе не мѣняется и не кончается»[2]). Друзья успокаиваютъ и утѣшаютъ Икабо, говоря: какъ ни тяжелы и невыносимы его страданія, они все же ведутъ къ хорошей цѣли; они частью вызваны грѣховной жизнью и отпаденіемъ отъ Бога; однако они служатъ къ улучшенію и просвѣтленію Израиля; то, что онъ разсѣянъ среди всѣхъ народовъ земли, является для него благодѣяніемъ, ибо злобѣ народовъ не удастся уничтожить его; «ибо, если возстаетъ противъ тебя народъ въ

[1]) Грецъ т. VI, 65. [2]) Consolaçao стр. 213.

Европѣ, желая истребить тебя, ты можешь поселиться въ Азіи; когда тебя изгнали испанцы, Богъ устроилъ такъ, что ты нашелъ страну, которая тебя приняла и не стѣсняла, именно Италію»[1]).

Враги, которые столь безчеловѣчно преслѣдовали Израиля, всѣ безъ исключенія понесли свои кары. Объ испанцахъ можно сказать, что Италія была ихъ могилой, о Франціи, что Испанія была ея кнутомъ, о Германіи, что турки были ея палачами, а объ Англіи, что дикая Шотландія является ея постояннымъ бичемъ[2]). Главное утѣшеніе въ томъ, что всѣ эти страданія, бѣдствія и мученія, претерпѣваемыя еврейскимъ народомъ, буквально предсказаны и съ точностью предначертаны пророками. Они служатъ лишь къ возвышенію Израиля и, подобно тому, какъ осуществились предсказанныя бѣдствія, придутъ, навѣрное, въ исполненіе и утѣшительныя пророчества.

Въ концѣ Уске пускается въ слѣдующія своеобразно-нелѣпыя разсужденія о постепенномъ возвышеніи Израиля: первое плѣненіе его въ Асиріи и Вавилоніи вознесло остатокъ его въ первый небесный кругъ, гдѣ обитаетъ луна; страшное разрушеніе второго храма Титомъ вознесло Израиля во второй кругъ, носящій имя Меркурія; благодаря страданіямъ и мукамъ, испытаннымъ Израилемъ при его несчастномъ прибытіи въ Римъ, онъ перешелъ въ третій кругъ; итакъ, страданія въ Италіи, Франціи, Англіи, Германіи и Испаніи возносятъ его все выше и выше, покуда стоны погибшихъ на кострахъ и бѣдствія въ Португаліи не вознесутъ его въ девятый и послѣдній кругъ; тогда всѣмъ страданіямъ наступитъ конецъ[3]). Утѣшительныя предсказанія изъ кн. Исаіи, льющія бальзамъ на жгучія раны, заключаютъ діалоги. Икабо успокаивается, преисполняясь надежды на славное будущее и грядущее великолѣпіе.

---

[1]) Т. же стр. 229. [2]) Т. же стр. 230.
[3]) Т. же стр. 241.

ГЛАВА X.

Реакція въ католической церкви. Карафа и Лойола, орденъ театиновъ и іезуитовъ. Всеобщая инквизиція; строгая духовная цензура надъ книгами. Новыя обвиненія противъ Талмуда. Озлобленные ренегаты, Эліано Романо и Виторіо Эліано. Новая конфискація Талмуда. Павелъ IV и его буллы, направленныя противъ евреевъ. Инквизиція противъ марановъ въ Анконѣ. Аматусъ Лузитанусъ. Мученическая смерть марановъ въ Анконѣ. Репресіи со стороны турецкихъ евреевъ. Дона Грація Мендесія. Іоао Микецъ (Іосифъ Наси) съ большой свитой въ Константинополѣ. Угрожающее посланіе султана къ папѣ по поводу евреевъ. Репресіи левантинскихъ евреевъ. Скрытые евреи въ монашескомъ орденѣ. Новое сожженіе Талмуда. Зогаръ пощаженъ; первое напечатаніе его. Изгнаніе евреевъ изъ Австріи и Богеміи. Папа Пій IV и евреи. Тридентскій соборъ и Талмудъ. Пій V. Суровое отношеніе къ евреямъ. Изгнаніе евреевъ изъ церковной области.

(1553—1569).

Іосифъ ибнъ-Верга закончилъ свое историческое повѣствованіе о преслѣдованіяхъ противъ евреевъ потрясающей жалобой на горе, коему не видно конца; Уске же закончилъ гимномъ въ надеждѣ на лучшія времена. Онъ былъ поэтической натурой и обрисовалъ еврейскую исторію въ романтическомъ свѣтѣ. Несомнѣнно, его историческій трудъ много способствовалъ тому, что мараны оставались вѣрны своему іудейскому вѣроисповѣданію и мужественно претерпѣвали за это всякаго рода мученія, не останавливаясь и передъ смертью.

Самуилъ Уске питалъ надежду, что страданія еврейскаго народа идутъ *на убыль*, и что мрачная ночь скоро смѣнится долгожданнымъ разсвѣтомъ[1]). Церковь скоро показала ему, что онъ жестоко ошибался. Ему суждено было еще дожить до того времени, когда въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ возникли новыя гоненія, которыя еврейскій историкъ, *Іосифъ Когенъ,* успѣлъ еще занести на страницы своихъ лѣтописей-мартирологовъ. Болѣе глубокая причина этихъ новыхъ бѣдствій лежала въ реакціи католической церкви противъ все усиливавшагося и возраставшаго реформаціоннаго лютеровскаго движенія. Двое мужей почти въ одно время, но независимо другъ отъ друга снова поставили на ноги погибавшій католицизмъ и тѣмъ наложили оковы прогрессу человѣчества. Это были неаполитанецъ *Петръ Карафа* и испанецъ *Игнатій Лойола*. Оба, обладая недюжинной энергіей, начали съ господства надъ самимъ собой, а кончили порабощеніемъ духа и тѣла людей. Полурастлѣвшее папство, о которомъ всѣ въ то время думали, что оно само собою распадется при насмѣшкахъ и издѣвательствахъ своихъ противниковъ и которое уже у своихъ друзей вызывало лишь пожиманіе плечъ—это полуразрушившееся

---

[1]) Т. же стр. 2, прологъ.

папство было усиліями обоихъ мужей поднято до такой высоты власти, что наступившая эпоха своимъ блескомъ затмила время Инокентія III и его преемниковъ, ибо власть папства не покоилась болѣе на зыбкой почвѣ туманной мистики, а опиралась на прочный фундаментъ сильной воли, глубокаго убѣжденія и неустрашимой послѣдовательности.

Карафа, позже папа Павелъ IV, и *Лойола*, создавшій еще и по сіе время могущественный іезуитскій орденъ, серьезно отнеслись къ господству папства надъ умами вѣрующихъ и къ его неограниченной власти надъ судьбою людей на небѣ и на землѣ, ибо они сами были убѣждены въ этомъ. Карафа возстановилъ ослабѣвшую церковную дисциплину, усилилъ ее еще болѣе и вооружилъ ее желѣзнымъ бичемъ. Лойола же предоставилъ въ ея распоряженіе цѣлую рать фанатическихъ и слѣпо преданныхъ ему палачей. Такимъ путемъ можно было снова возстановить полуразрушенную связь католической церкви. Католическая церковь была настолько испорчена, что человѣкъ, который поборолъ въ себѣ низшіе инстинкты, устранилъ хозяйничаніе метресъ среди духовенства и снова ввелъ приличіе и честность, вызвалъ всеобщее изумленіе и пріобрѣлъ авторитетъ. А старые монашескіе ордена всѣхъ родовъ и названій были такъ ненавистны всѣмъ, что человѣкъ, объявившій войну безстыдному корыстолюбію и сластолюбію, привлекъ къ себѣ множество приверженцевъ и могъ создать новый орденъ, который, извращая совѣсть и вытравляя разумъ, превратилъ всѣхъ католиковъ въ одну вооруженную рать, всегда готовую отдать свои силы на служеніе папѣ. Карафа, основатель ордена театиновъ, составившагося не изъ сброда нищихъ, а изъ зажиточныхъ дворянъ, которые постепенно заняли высшія церковныя должности, предложилъ потерявшему голову папѣ введеніе строжайшей инквизиціи, какъ единственное средство бороться съ распущенностью церкви, съ ослабленіемъ дисциплины среди свѣтскаго и монастырскаго духовенства и съ отпаденіемъ отъ католицизма. То же средство, которое примѣняли Торквемада, Деца, Ксименесъ де-Цисперосъ въ Испаніи для того, чтобы привлечь къ церкви евреевъ и мавровъ, и которое сводилось къ пылающимъ кострамъ по приказу безпощадныхъ судей и съ помощью послушныхъ палачей—то же самое средство Карафа предложилъ примѣнить по отношенію ко всему католическому міру. Всѣ тѣ, которые въ своей вѣрѣ и убѣжденіяхъ хоть на волосъ уклонялись отъ папства, должны были либо отречься отъ своихъ заблужденій, либо быть сожжены. Безпощадная сила, не разсуждающая сама и убивающая всякое самостоятельное мышленіе, должна была вернуть опозоренной церкви утраченный авторитетъ. Какъ только Карафа получилъ отъ папы разрѣшеніе ввести инквизицію для всего католическаго міра, онъ поспѣшилъ учредить ее въ Римѣ, средоточіи

міровего владычества церкви. Онъ самъ устроилъ тюрьмы съ замками, засовами, цѣпями и колодками, чтобы во мракѣ темницъ истребить всѣхъ тѣхъ, кто болѣе или менѣе былъ уже разъѣденъ лютеровской ересью и питалъ хотя бы тѣнь сомнѣнія въ непогрѣшимости папы. Правила всеобщей инквизиціи были немногочисленны, но чрезвычайно суровы. Инквизиція не принимала во вниманіе ни ранга, ни званія; напротивъ, съ высокопоставленными лицами духовнаго званія, проявлявшими непокорность, она обходилась еще болѣе сурово. Склонявшимся къ реформаціи элементамъ не должно было быть сдѣлано никакой уступки, а расправа съ непокорными должна была быть, наконецъ, совершена безъ дальнѣйшихъ отстрочекъ. Какъ только была открыта инквизиція[1]), предъ ея трибуналъ предстали (даже высокопоставленныя) лица духовнаго званія, которыя смѣли имѣть особое мнѣніе о таинствахъ церкви. Они были пытаемы, осуждены и сожжены, и только нѣкоторымъ удалось спастись бѣгствомъ въ Германію или Швейцарію. Суровая инквизиція не только не вызывала сопротивленія со стороны феодаловъ и городскихъ властей, а, напротивъ, встрѣтила содѣйствіе и поддержку, ибо всѣ тѣ, которые изъ привычки или по личному настроенію не сочувствовали ученіямъ Лютера и Кальвина, желали усиленія католицизма и всячески содѣйствовали этому усиленію. Всякій, кто остался членомъ католической церкви, сталъ ревностнымъ приверженцемъ инквизиціи и поддерживалъ всѣ ея насильственные акты. Такимъ образомъ, даже стремившіеся къ независимости епископы были вынуждены подчиниться папѣ и проявить самое строгое послушаніе.

Чтобы снова уловить въ свои сѣти и поработить освободившіеся отъ оковъ умы, инквизиція сочла необходимымъ слѣдить за печатью. Печать вызвала расколъ и разорванность церкви (такъ думали Карафа и его единомышленники), ее въ первой линіи и слѣдовало бы обуздать. Отнынѣ должны были печататься и читаться только тѣ книги, которыя одобрены папою и его приверженцами. Правда, цензура надъ книгами была уже введена прежними папами, установившими, что всякое печатное произведеніе должно быть представлено цензурной комисіи для просмотра. Но такъ какъ до того все было продажно, да къ тому же отсутствовала всякая дисциплина, то издатели могли даже безъ вѣдома цензурной комисіи печатать и распространять зажигательныя сочиненія, направленныя противъ существующихъ церковныхъ учрежденій. Возбуждавшія страсти полемическія произведенія по поводу дѣла Рейхлина, «письма мракобѣсовъ» и другіе зажигательные памфлеты, сочиненіе Гутена противъ папства, первое сочиненіе Лютера, направленное противъ римско-вавилонской блуд-

[1]) 21 іюля 1542 г.

ницы—весь этотъ быстро возраставшій горючій матеріалъ, который зажегъ церковь со всѣхъ сторонъ, былъ лишь слѣдствіемъ небрежнаго примѣненія цензуры. Отнынѣ это должно было измѣниться. Назначеннымъ цензорамъ было строжайше предписано не пропускать въ предѣлахъ все еще огромнаго католическаго міра, т. е. Италіи, части Германіи, Австріи, Испаніи и Португаліи, ни единой книги, содержащей хотя бы отдаленный намекъ на сомнѣніе въ догмахъ церкви и непогрѣшимости папы[1]).

Цензорами назначались лишь слѣпо преданные папѣ священники, и они, дѣйствительно, не знали снисхожденія изъ фанатизма или изъ чувства самосохраненія. Подростающее поколѣніе было, такимъ образомъ, воспитано въ слѣпой вѣрѣ, а люди зрѣлаго возраста были тоже пріучены къ безпрекословному повиновенію. Тридентскій соборъ, который былъ неохотно созванъ папой и партіей реакціонеровъ, былъ всецѣло увлеченъ подавляющимъ фанатизмомъ Карафы и все усиливавшагося ордена іезуитовъ и, санкціонировавъ всѣ реакціонныя мѣропріятія, въ такой степени укрѣпилъ папство, какъ о томъ не могъ и мечтать носитель тіары.

Евреи, лишенные всякой защиты и обязанные своимъ существованіемъ лишь непослѣдовательному примѣненію изданныхъ противъ нихъ каноническихъ законовъ, скоро почувствовали на себѣ эту мрачную католическую реакцію. Какъ только церковь стала серьезно и строго осуществлять эти каноническія установленія, существованіе или, во всякомъ случаѣ, спокойствіе евреевъ было въ опасности. Сначала былъ снова возбужденъ вопросъ о Талмудѣ, но не въ той мягкой формѣ, какъ 40 лѣтъ тому назадъ. Въ то время доминиканцы не могли надѣяться на то, что папа согласится сжечь Талмудъ, и потому вынуждены были прибѣгнуть къ разнаго рода уловкамъ, чтобы привлечь на свою сторону императора. Теперь господствовалъ иной духъ. Стоило лишь озлобленнымъ ренегатамъ указать на вредное вліяніе Талмуда, и тотчасъ же былъ изданъ декретъ противъ него. Новый клеветническій походъ на Талмудъ, въ дѣйствительности, и былъ инсценированъ ренегатами.

Илія Левита[2]), еврейскій филологъ, который долгое время жилъ въ домѣ кардинала Эгидіо де-Витербо, обучилъ многихъ христіанъ еврейскому языку и доставилъ имъ поверхностное знаніе кабалы, имѣлъ двухъ оставшихся послѣ своей дочери внуковъ, которые уже съ дѣтства вращались въ христіанскихъ кругахъ. Одинъ изъ нихъ, *Эліано*, основательно изучилъ еврейскій языкъ и былъ коректоромъ и переписчикомъ во многихъ городахъ Италіи, а его братъ, *Соломонъ Романо*, много путешествовалъ по Германіи, Турціи, Палестинѣ и Египту и зналъ еврейскій, латинскій,

[1]) Эта строгая цензура была введена въ 1543 г. [2]) См. выше стр. 165.

испанскій, арабскій и турецкій языки. Эліано перешелъ въ христіанство, принявъ имя *Виторіо Эліано,* и сдѣлался священникомъ, позже даже каноникомъ. Соломонъ Романо былъ такъ возмущенъ этимъ поступкомъ брата, что поспѣшилъ въ Венецію, чтобы побудить его вернуться въ лоно іудаизма. Но вмѣсто того, чтобы вернуть брата къ іудаизму, онъ самъ измѣнилъ своей религіи. Одинъ венеціанскій патрицій-церковникъ, *Кантарено*, сталъ убѣждать его перейти въ христіанство; дѣло, начатое имъ, было завершено іезуитомъ *Андреемъ Фрузіемъ.* Такимъ образомъ, къ великой скорби еще бывшей въ живыхъ матери, Соломонъ Романо также перешелъ въ христіанство подъ именемъ *Іоанна Баптисты.* Онъ сталъ іезуитомъ, а также церковнымъ писателемъ, писалъ о таинствахъ христіанскаго вѣроученія, составилъ еврейскій и арабскій катехизисъ и т. под. Этотъ внукъ филолога Иліи Левиты[1]) еще съ двумя другими ренегатами, *Іосифомъ Моро* и *Ананеломъ де-Фолиньо* не только измѣнили своей вѣрѣ, но, подобно Донину, выступили предъ папой съ клеветническими обвиненіями, будто Талмудъ содержитъ поношенія Іисуса, церкви и всего христіанскаго міра, да кромѣ того препятствуетъ массовому переходу евреевъ въ христіанство,

Юлій III не былъ строго церковнаго образа мыслей и отнюдь не былъ враждебно настроенъ противъ евреевъ; онъ пользовался даже услугами еврейскихъ врачей, знаменитаго въ то время *Витала Алатино* изъ Сполето и марана *Аматуса Лузитануса*[2]). Но разрѣшеніе вопроса о Талмудѣ уже не находилось болѣе во власти папы, а зависѣло отъ трибунала инквизиціи, т. е. отъ фанатическаго Карафы, и Юлій III долженъ былъ одобрить и подписать декретъ, предложенный ему великимъ инквизиторомъ (12 августа 1553 г.). Въ этомъ вопросѣ также ярко обнаружилась столь прославленная непогрѣшимость папы. Левъ X способствовалъ напечатанію Талмуда (см. выше, стр. 151), а третій преемникъ Льва приказалъ уничтожить Талмудъ. Палачи инквизиціи ворвались въ дома римскихъ евреевъ, конфисковали экземпляры Талмуда и сборники агады и подвергли ихъ сожженію въ день еврейскаго Новаго года (9 сентября), желая этимъ еще увеличить скорбь евреевъ. Охота за Талмудомъ производилась не только въ Римѣ, но и во всей римской области, въ Венеціи, гдѣ въ еврейскихъ книгопечатняхъ находились тысячи экземпляровъ, въ Ферарѣ, Мантуѣ, Падуѣ, даже на принадлежавшемъ Венеціи

---

[1]) Іосифъ Когенъ называетъ доносчиковъ на Талмудъ: ואלה שמות האנשים המלשינים ההם אשר היו בעוכרינו חננאל די פוליניו, יוסף מורו ושלמה רומאנו (Emek ha-Bacha стр. 111).

[2]) Давидъ де Помисъ, de medico hebraeo, стр. 70. Аматусъ Лузитанусъ, центурія III въ началѣ.

островѣ Критѣ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ. Въ то время были сожжены сотни и тысячи экземпляровъ Талмуда. Въ своемъ неистовомъ рвеніи слуги инквизиціи не дѣлали различія между Талмудомъ и другими книгами, написанными на еврейскомъ языкѣ. Все, что имъ попадалось въ руки, дѣлалось добычей пламени, даже св. Писаніе[1]). Евреи въ католическихъ странахъ пребывали въ полномъ отчаяніи, ибо, вслѣдствіе обысковъ инквизиціи, они лишились и такихъ сочиненій, въ коихъ были приведены религіозныя предписанія и ни словомъ не упоминалось о христіанствѣ. Они обратились, поэтому, къ папѣ, умоляя его отозвать декретъ или же, по крайней мѣрѣ, разрѣшить имъ пользованіе безобидными религіозными сочиненіями равиновъ. Юлій III исполнилъ послѣднюю просьбу и издалъ булу (29 мая 1554 г.), въ коей, правда, подтверждалъ, что евреи обязаны, подъ угрозой тѣлеснаго наказанія, выдать инквизиціи имѣющіеся у нихъ экземпляры Талмуда, но запретилъ слугамъ инквизиціи отбирать у евреевъ другія еврейскія сочиненія. За непослушаніе онъ угрожалъ суровой церковной карой[2]). Отнынѣ всѣ еврейскія сочиненія до ихъ опубликованія должны были быть подвергнуты цензурѣ, которая должна была установить, не содержится ли въ нихъ хотя бы тѣнь упрека по адресу христіанства или Рима. Цензорами были большей частью крещеные евреи, которымъ, такимъ образомъ, была дана возможность вымещать злобу на своихъ прежнихъ единовѣрцахъ.

Со смертью папы Юлія III положеніе евреевъ еще болѣе ухудшилось. Ибо колегія кардиналовъ тщательно слѣдила за тѣмъ, чтобы въ папы былъ избранъ строгій церковникъ, по возможности изъ монаховъ. Оставшіеся еще въ небольшомъ числѣ образованные, гуманные, любящіе науки и искусства церковные сановники вызывали къ себѣ недовѣріе. Первымъ реакціоннымъ папой былъ *Марцелъ II*, во время непродолжительнаго правленія коего евреи въ церковной области чуть было не подверглись полному истребленію. Какой-то гнусный магометанскій выкрестъ, съ цѣлью завладѣть огромнымъ состояніемъ своего питомца, распялъ молодого наслѣдника и тайкомъ бросилъ трупъ на кладбище Кампо-Санто, которое предназначалось только для богатыхъ и знатныхъ круговъ, въ виду того, что это кладбище было покрыто землей, привезенной изъ Св. земли. Это обстоятельство придало преступленію особый отпечатокъ. И, дѣйствительно, нѣсколько безсовѣстныхъ христіанъ и крещеный еврей, *Ананелъ ди Фолиньо* предстали предъ папой Марцеломъ съ обвиненіемъ евреевъ въ убійствѣ ребенка. Папа былъ склоненъ серьезно отнестись къ этому об-

[1]) Іосифъ Когенъ, хроника въ концѣ. Emek ha-Bacha стр. 111; Гедалія ибнъ-Яхія, Schalschelet стр. 52 и въ концѣ.

[2]) Іосифъ Когенъ, Emek ha-Bacha, стр. 113.

виненію, готовясь жестоко расправиться съ еврейской общиной Рима; только благодаря уму и гуманности друга евреевъ, кардинала Александра Фарнезе, который обнаружилъ настоящаго виновника (апрѣль 1555 г.), римскіе евреи были на сей разъ спасены[1]).

Послѣ Марцела папскій престолъ занялъ фанатическій Карафа подъ именемъ Павла IV (май 1555 до августа 1559). Онъ старикомъ сохранилъ еще всю рѣзкость и страстность своей молодости и повелъ соотвѣтственную политику. Онъ ненавидѣлъ не только протестантовъ и евреевъ, но и испанцевъ, хотя они были самымъ надежнымъ орудіемъ церковнаго фанатизма; онъ называлъ испанцевъ вмѣстѣ съ ихъ лицемѣрнымъ королемъ, Филиппомъ II, «испорченнымъ сѣменемъ евреевъ и мавровъ». Вскорѣ послѣ своего вступленія на папскій престолъ онъ издалъ булу, согласно коей каждая синагога въ церковной области должна была уплатить десять дукатовъ на содержаніе воспитательнаго дома, гдѣ евреи воспитывались въ духѣ христіанства[2]). Болѣе жестокой была его вторая була (12 іюля 1555 г.), которая осуществила во всей строгости каноническіе законы о евреяхъ. Они должны были быть заключены въ гето и имѣть лишь одну синагогу, всѣ другія были обречены на разрушеніе. Имъ запрещено было имѣть христіанскую прислугу и кормилицъ, какъ и вообще имѣть сношенія съ христіанами, ѣсть или играть съ ними. Всѣ евреи должны были носить зеленыя шапки, а еврейки—зеленыя вуали, даже за стѣнами города. Христіане не должны были называть еврея «господиномъ». Евреямъ запрещено было пріобрѣтать недвижимую собственность; въ теченіе одного года они должны были продать принадлежавшую имъ землю. Въ виду этого они принуждены были продать свою недвижимость, стоимость коей превышала 500.000 золотыхъ кронъ, лишь за 100.000. Они должны были вести свои торговыя книги на итальянскомъ языкѣ, что, впрочемъ, было вполнѣ справедливымъ предписаніемъ. Но къ чему имъ были торговыя книги, когда всякая торговля была имъ запрещена, за исключеніемъ торговли старымъ платьемъ? Но и старьевщики не находили покупателей, ибо була предписывала христіанамъ избѣгать общенія съ евреями. Такимъ образомъ торговцы превратились въ нищихъ. Мало того, була запрещала еврейскимъ врачамъ оказывать врачебную помощь христіанамъ, несмотря на то, что многіе папы обязаны были сохраненіемъ своего здоровья именно еврейскимъ врачамъ. За нарушеніе булы была назначена суровая кара[3]). Эти, внушенныя враждой къ евреямъ, мѣропріятія были проведены со

---

[1]) Т. же стр. 114.

[2]) Гедалія ибнъ-Яхія, Schalschelet въ концѣ.

[3]) Bullarium magnum I, Bartolocci Bibliotheca III, стр. 742 и слѣд., Іосифъ Когенъ въ ук. м. стр. 116 и Ибнъ-Яхія т. же.

всей возможной строгостью. Отнынѣ итальянскіе князья, желая приблизить къ себѣ еврейскаго врача, должны были ходатайствовать предъ папой о разрѣшеніи имъ этого. Какая перемѣна![1]) Еще только недавно въ папскомъ городѣ, Авиньонѣ, совѣтъ города пригласилъ еврейскаго врача, *Имануила де-Латесъ*, оказывать населенію врачебную помощь и обучать молодежь врачебному искусству[2]). А отнынѣ больной христіанинъ не могъ прибѣгнуть къ помощи еврейскаго врача. При Павлѣ IV также производились обыски съ цѣлью конфисковать экземпляры Талмуда. Нѣкоторые евреи покинули сдѣлавшійся негостепріимнымъ Римъ и направились въ болѣе терпимыя страны; но на пути они подверглись истязаніямъ черни. Папа изъ ордена театиновъ отравлялъ жизнь оставшимся въ Римѣ евреямъ. То онъ обвинялъ ихъ въ томъ, что они только для виду продали свою недвижимость и предъявили подложныя продажныя свидѣтельства, и по этой причинѣ приказалъ бросить ихъ въ темницу. То онъ приказалъ тѣмъ евреямъ, которые не проявляли никакой дѣятельности, направленной къ общему благу, въ кратчайшій срокъ покинуть Римъ. Когда же испуганные евреи спросили, что имъ собственно слѣдуетъ понимать подъ «дѣятельностью, направленной къ общему благу», то они получили загадочный отвѣтъ: «въ свое время узнаете». Павелъ IV принуждалъ ихъ участвовать въ работахъ по улучшенію стѣнъ Рима, который онъ хотѣлъ укрѣпить, опасаясь нападенія со стороны имъ же оскорбленныхъ испанцевъ. Однажды этотъ папа, котораго евреи съ правомъ называли Гаманомъ, въ своей дикой ненависти къ нимъ, приказалъ своему племяннику въ темную ночь поджечь всѣ ихъ дома. Послѣдній собирался уже, хотя и съ отвращеніемъ, привести приказъ въ исполненіе, но встрѣтилъ проницательнаго кардинала, *Александра Фарнезе*, который убѣдилъ его повременить съ выполненіемъ этого безчеловѣчнаго порученія, дабы дать папѣ возможность одуматься. Дѣйствительно, днемъ позже папа отказался отъ этого плана. Вслѣдствіе жестокаго отношенія этого папы къ евреямъ, многіе видные и богатые евреи перешли въ христіанство.

Если фанатическій папа, Павелъ IV, такъ свирѣпствовалъ по отношенію къ евреямъ, то можно легко себѣ представить, какъ немилосердно преслѣдовалъ онъ марановъ, жившихъ въ его области. Многіе, насильно крещенные въ Португаліи, евреи или ихъ дѣти нашли себѣ убѣжище въ Анконѣ и получили отъ папы Климента VII разрѣшеніе исповѣдывать іудаизмъ, не опасаясь преслѣдованія инквизиціи (см. выше, стр. 200). Двое слѣдующихъ папъ, Павелъ III и Юлій III, у которыхъ было еще чувство

[1]) Gustave Bayle, les medecins d'Avignon стр. 73, Revue V, стр 331.
[2]) Іосифъ Коганъ въ ук. м. стр. 116—118.

справедливости, подтвердили эту привилегію[1]), ибо были убѣждены, что насильственно совершенное крещеніе не имѣетъ силы таинства. Чѣмъ болѣе португальская инквизиція, подобно испанской, свирѣпствовала противъ марановъ, тѣмъ больше бѣглецовъ направлялись въ Италію и, твердо довѣряя привилегіямъ верховнаго главы католическаго христіанства, поселялись въ Анконѣ и Ферарѣ, принеся съ собой спасенныя богатства. Въ Анконѣ они устроили молельню въ домѣ одного христіанина[2]). Но что значили для человѣконенавистника Павла IV дарованныя его предшественниками и нѣкоторое время признаваемыя имъ самимъ привилегіи, когда онѣ противорѣчили, по его мнѣнію, строгому правовѣрію? Онъ не могъ допустить, чтобы люди, которые, правда, насильно, но все же были окроплены св. водой, на его глазахъ исповѣдывали іудаизмъ. Поэтому Павелъ издалъ тайный приказъ бросить въ тюрьмы инквизиціи всѣхъ марановъ въ Анконѣ, число коихъ превышало нѣсколько сотенъ, подвергнуть ихъ строгому допросу и конфисковать ихъ имущество (элулъ, августъ 1555 г.[3]). Это было тяжелымъ ударомъ для марановъ, изъ которыхъ многіе жили тамъ уже болѣе полувѣка и мнили себя въ полной безопасности. Даже тѣ мараны, которые были турецкими подданными и находились въ этомъ, благодаря торговлѣ съ Левантомъ, цвѣтущемъ городѣ по своимъ дѣламъ, были обвинены въ принадлежности къ іудаизму и заключены въ тюрьму. Ихъ товары были, конечно, также конфискованы. Обезумѣвшій отъ ненависти папа, такимъ образомъ, самъ лишилъ себя значительныхъ источниковъ дохода и какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ хотѣлъ ринуться въ войну съ Испаніей, требовавшую большихъ денегъ.

Лишь немногимъ маранамъ удалось ускользнуть изъ когтей папскихъ инквизиторовъ; всѣ они были гостепріимно приняты герцогомъ *Гвидо Убалдо* изъ Урбино и поселились въ Пезаро. Это объясняется тѣмъ, что герцогъ находился тогда во враждѣ съ папой и надѣялся, съ помощью связей марановъ съ Турціей, отвлечь левантинскую торговлю изъ Анконы въ Пезаро. Герцогъ *Эрколе II* изъ Ферары также предоставилъ португальцамъ и испанцамъ еврейскаго происхожденія убѣжище въ своемъ государствѣ и даже буквально приглашалъ ихъ въ свою страну (декабрь 1555 г.[4]). Среди поселившихся въ Пезаро марановъ находился весьма ува-

---

1) Гедалія ибнъ-Яхія, Schalschelet въ концѣ: שהיה להם רשיות משלשה פפה.

2) Revue XI, 150 и слѣд.

3) Іосифъ ибнъ-Лабъ, Resp. изд. въ Амстердамѣ, стр. 63: קצת מאותם אנשים שהיו יושבים באנקונא ומלטו מהרב השסד של אפיפיור חדש צורר ושונא את היהודים—וברחו להם לפיזארו ונתקבלו בסבר פנים יפות מאת הדוכוס. Іосифъ Когенъ: (האנוסים באנקונה) וישבו בבית הסהר ימים רבים.

4) Maskir, 1864, стр. 45.

жаемый въ то время и знаменитый врачъ, *Аматусъ* (Хавивъ) *Лузитанусъ* (род. 1511 г., ум. въ 1568 г.), умный и даровитый человѣкъ, опытный врачъ, выдающійся ученый и столь же добросовѣстный, сколь и любезный человѣкъ. Принужденный перейти въ христіанство, онъ получилъ имя *Іоао Родриго де Кастелъ-бранко*. Повидимому, и его изгнала изъ родины португальская инквизиція. Онъ въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени проживалъ въ тогдашней столицѣ Фландріи, Антверпенѣ, позже въ Ферарѣ и Римѣ, но въ концѣ концовъ поселился въ Анконѣ (около 1549 г.), гдѣ онъ открыто принялъ свое еврейское имя, Хавивъ, и соотвѣтствующее ему на латинскомъ языкѣ имя, Аматусъ Лузитанусъ. Хотя онъ и открыто признавалъ себя евреемъ, все же его часто приглашали ко двору папы Юлія III для консультацій[1]). Онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ даже съ португальскимъ посланникомъ въ Римѣ, княземъ *ланкастерскимъ, Альфонсомъ,* въ жилахъ коего текла кровь англійскихъ и португальскихъ королей, часто посѣщалъ его въ дворцѣ и даже посвятилъ ему одно изъ своихъ сочиненій объ исторіяхъ болѣзней. Изъ близкихъ и далекихъ мѣстъ стекались къ нему страждущіе, ибо онъ былъ добросовѣстнымъ и осторожнымъ врачемъ, который, хотя и придерживался старой (галеновской) методы, но не отвергалъ нововведеній, подобно большинству врачей того времени, изъ слѣпой и безсмысленной послѣдовательности или по неразумѣнію; онъ самъ изобрѣлъ нѣкоторые весьма удачные способы леченія. Онъ лечилъ довѣрившихся его искусству больныхъ не по шаблону, прописывая всѣмъ одни и тѣ же лекарства, а изслѣдуя сущность и особенности каждаго недуга. Врачебное искусство было для него святыней, которой онъ былъ преданъ всей душой, стремясь продлить человѣческую жизнь. Аматусъ могъ по чистой совѣсти клясться, что онъ всегда стремился лишь ко благу людей, не заботясь о вознагражденіи, не принимая богатыхъ подарковъ, безплатно пользуя бѣдныхъ и не дѣлая никакой разницы между евреями, христіанами и турками. Ничто не останавливало его въ его серьезномъ призваніи, ни семейныя обстоятельства, ни утомительныя путешествія, ни изгнаніе[2]). Какой контрастъ съ большинствомъ лекарей того времени, которые стремились лишь къ наживѣ, не интересовались здоровьемъ больного, знали наизусть весь запасъ ихъ безсодержательной учености и ничего не понимали въ болѣзняхъ. У Аматуса было много учениковъ, которые были очень къ нему привязаны и съ которыми онъ обходился, какъ со своими дѣтьми. Уже въ молодости онъ написалъ нѣсколько медицинскихъ сочиненій, которыя были настолько популярны, что вышли въ нѣсколькихъ изданіяхъ еще при жизни его. Наибольшій успѣхъ

[1]) См. выше стр. 282. [2]) Centuria VII, конецъ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Въ то время жила одна благородная еврейская женщина, которая, благодаря своей граціи, уму, сердечности, характеру и душевному величію, служила украшеніемъ своего пола и народа и принадлежала къ тѣмъ избраннымъ натурамъ, которыя отъ времени до времени Провидѣніе посылаетъ человѣчеству какъ бы для того, чтобы напомнить людямъ, что они созданы по образу и подобію Бога. Дона *Грація Мендесія*[1]) пользовалась такимъ громкимъ именемъ, которое рѣдко выпадаетъ на долю женщины и которое произносилось еврейскими современниками съ любовью и уваженіемъ. Обладая крупнымъ состояніемъ, она мудро пользовалась имъ, стремясь лишь ко благу другихъ и къ духовному самоусовершенствованію, и пользовалась вліяніемъ, точно королева, владычествуя надъ сотнями тысячъ радостно подчинившихся ей сердецъ. Ее называли *Эсѳирью* того времени. Но ей пришлось испытать не мало душевныхъ мукъ прежде, чѣмъ она получила возможность свободно называть себя Граціей, т. е. Ханой. Подлая и гнусная злоба не пощадила и ее, но не была въ состояніи помутить кристальную чистоту ея души. Родившись въ Португаліи (около 1510 г., ум. около 1568 г.) въ маранской семьѣ *Бенвенисти*, она, подъ христіанскимъ именемъ Беатриче, была выдана замужъ за богатаго марана изъ дома *Наси*, который принялъ имя *Франциска Мендеса*. Послѣдній основалъ крупный банкирскій домъ, который производилъ свои операціи даже во Фландріи и Франціи. Германскій императоръ и владыка двухъ частей свѣта, Карлъ V, король Франціи и множество другихъ князей состояли должниками дома *Мендеса*. Младшій братъ Франциска, *Діого Мендесъ*, управлялъ отдѣленіемъ банка въ Антверпенѣ. Когда мужъ Беатриче умеръ (до 1535 г.), оставивъ послѣ себя дочь, по имени *Рейну*, а португальская инквизиція стала угрожать имуществу и жизни Беатриче и ея ребенка, она отправилась къ своему шурину въ Антверпенъ въ сопровожденіи своей младшей сестры и нѣсколькихъ молодыхъ племянниковъ. Кромѣ того она снабдила бѣдныхъ марановъ деньгами, давъ имъ такимъ образомъ возможность спастись отъ костровъ инквизиціи[2]). Черезъ руки Беатриче и ея шурина проходили всѣ тѣ суммы, которыя португальскіе мараны уплатили папскимъ посланникамъ и инымъ ставленникамъ, дабы помѣшать введенію инквизиціи[3]). Богатые мараны, которымъ удавалось освободиться изъ когтей инквизиціи, руководимой де-Мело (см. выше, стр. 234), отправлялись обыкновенно въ Антверпенъ, бывшій въ то время центромъ міровой торговли. Императоръ Карлъ V, хотя и допускалъ пылающіе костры въ Испаніи и самъ же способствовалъ введенію въ Пор-

[1]) О Граціи Мендесіи, ея племянникѣ и фамиліи прим. 6.

[2]) Самуилъ Уске, Consolaçao, стр. 231.

[3]) См. выше, стр. 229

тугаліи инквизиціи со всѣми ея жестокостями, все же поощрялъ переселеніе марановъ изъ Португаліи въ его любимые Нидерланды, желая привлечь туда ихъ богатства[1]). Присутствіе Мендесіи въ бельгійской столицѣ было тѣмъ необходимѣе, что постепенно дѣятельность банкирскаго дома была перенесена въ Антверпенъ, а Мендесія была главной соучастницей дѣла, такъ какъ ея мужъ завѣщалъ ей половину своего состоянія. Въ Антверпенѣ семья Мендеса пользовалась всеобщимъ уваженіемъ; молодой, изящный и красивый племянникъ Мендесіи, *Іоао Микесъ*, находился въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ высокопоставленными лицами въ столицѣ и былъ очень любимъ даже намѣстницей Нидерландовъ, *Маріей*, бывшей венгерской королевой и сестрой Карла V.

Однако Мендесія чувствовала себя не совсѣмъ хорошо въ Антверпенѣ. Любовь къ вѣрѣ ея предковъ, отъ которой ей приходилось отрекаться, отвращеніе къ навязанной ей католической религіи, къ ежедневному посѣщенію церкви, колѣнопреклоненію и исповѣди, быть можетъ, подъ надзоромъ особыхъ шпіоновъ—все это дѣлало Фландрію столь же ненавистной для нея, какъ и Португалію. Она страстно желала поселиться въ странѣ, гдѣ, слѣдуя пламенному влеченію своего сердца, она могла бы свободно исповѣдовать іудаизмъ. Поэтому она настойчиво просила своего шурина, руководившаго банкирскимъ домомъ и женившагося тѣмъ временемъ на ея младшей сестрѣ, переселиться вмѣстѣ съ нею въ Германію или въ иную страну или же выплатить ей причитающіяся ей деньги. Діого Мендесъ уже назначилъ время для отъѣзда, но до истеченія этого времени скончался (1540—1546), оставивъ послѣ себя вдову и дочь, *Грацію* младшую. Съ этого времени для благородной Мендесіи наступили тяжелыя времена. Ея покойный шуринъ въ своемъ завѣщаніи призналъ ее главой своего обширнаго дѣла, такъ какъ вполнѣ довѣрялъ ея уму и честности; при ней же были только два ея молодыхъ племянника. Она не могла такъ быстро ликвидировать дѣла, чтобы можно было, слѣдуя влеченію сердца, поселиться въ какомъ-нибудь уголкѣ земного шара и исповѣдовать свободно іудаизмъ. Между тѣмъ своекорыстный Карлъ V зарился на огромное состояніе дома Мендеса. Императорскій фискалъ возвелъ обвиненіе противъ умершаго Діого Мендеса въ тайномъ соблюденіи іудаизма. Быть можетъ, стало также извѣстно, что онъ словомъ и дѣломъ помогалъ противникамъ инквизиціи въ Португаліи. Въ наказаніе все имущество Мендеса, какъ еретика, должно было поступить въ казну, ибо во Фландріи были изданы строгія распоряженія противъ переселившихся туда марановъ[2]). Уже былъ изданъ приказъ конфисковать все имущество и дѣловыя книги дома Мендеса. Однако вдовѣ Мендесіи

[1]) Геркулано въ ук. м. II стр. 112. [2]) См. ниже послѣдн. гл.

удалось крупнымъ займомъ и подкупомъ чиновниковъ на время отдалить грозившую ей опасность. Въ такомъ положеніи она тѣмъ менѣе могла покинуть Антверпенъ, что ея отъѣздъ укрѣпилъ бы подозрѣнія противъ нея и повлекъ бы за собой полную потерю состоянія. Такимъ образомъ она принуждена была, испытывая неимовѣрныя душевныя муки, еще два года пробыть въ Антверпенѣ, покуда заемъ не былъ погашенъ императоромъ.

Наконецъ, пробилъ, какъ казалось, часъ ея свободы, наконецъ, она могла покинуть Антверпенъ и переселиться въ Венецію. Говорили, что ея племянникъ, Іоао Микесъ, тайкомъ увезъ въ Венецію ея дочь, Рейну, руки коей добивались многіе высокопоставленные и знатные христіане. Быть можетъ, это былъ слухъ, нарочно распространенный семьей Мендеса, дабы имѣть поводъ къ безпрепятственнному отъѣзду въ Венецію. Однако эта осторожность ни къ чему не привела. Послѣ ея отъѣзда Карлъ V снова приказалъ конфисковать все имущество фирмы, поскольку оно находилось въ предѣлахъ его имперіи, обвиняя обѣихъ сестеръ въ тайной принадлежности къ еврейству. Мендесія старшая (какъ ее называли) должна была снова потратить значительную сумму денегъ, чтобы отвратить ударъ.

Въ Венеціи (гдѣ она приняла имя Де-Луны) ей пришлось испытать болѣе тяжелые дни, чѣмъ когда-либо раньше, ибо удары посыпались на нее съ той стороны, съ которой она ихъ менѣе всего ожидала. Ея младшая сестра, легкомысленная и безхарактерная, потребовала отъ нея выдачи причитавшейся ей и ея дочери части состоянія, дабы она могла самостоятельно распоряжаться ею. Но Мендесія не хотѣла и не могла согласиться на это, ибо была назначена своимъ шуриномъ единственной руководительницей дѣла и опекуншей надъ своей, еще несовѣршеннолѣтней, племянницей. Тяготясь этой опекой и, вѣроятно, находясь подъ вліяніемъ плохихъ совѣтчиковъ, младшая сестра рѣшилась на шагъ, повредившій ей самой. Она заявила венеціанскому совѣту: «ея старшая сестра собирается со всѣми своими богатствами переселиться въ Турцію, между тѣмъ какъ она съ дочерью намѣрена остаться вѣрной христіанству; поэтому она проситъ венеціанскія власти помочь ей получить причитающуюся ей часть состоянія, дабы она могла, какъ правовѣрная христіанка, использовать ее въ предѣлахъ Венеціи». Венеціанскія власти, надѣясь на хорошій уловъ, не замедлили удовлетворить ходатайство, привлекли Мендесію къ суду и даже, чтобы воспрепятствовать ея бѣгству, задержали ее. Ея безхарактерная сестра послала къ тому же одного своекорыстнаго и ненавидѣвшаго евреевъ христіанина во Францію, съ цѣлью ходатайствовать о наложеніи ареста на имущество дома

Мендеса, тоже, вѣроятно, опираясь на обвиненіе своей старшей сестры въ принадлежности къ іудаизму. Онъ, недовольный полученнымъ вознагражденіемъ, обвинилъ и младшую сестру въ тайной принадлежности къ еврейству и добился того, что французскій дворъ наложилъ арестъ на имущество фирмы Мендеса во Франціи. Кромѣ того король Генрихъ II отказался по этой же причинѣ уплатить фирмѣ причитавшіяся съ него деньги. Между тѣмъ несчастная Мендесія принимала всѣ мѣры къ тому, чтобы по возможности ослабить посыпавшіеся на нее удары. Ея племянникъ не жалѣлъ денегъ, чтобы предупредить огромныя потери и освободить Мендесію. Послѣдняя или ея племянникъ обратились къ султану Сулейману съ просьбой вступиться за нее. Въ его государство должны были быть привезены столь значительныя богатства, а венеціанская республика, своимъ существованіемъ обязанная его милости, осмѣливается препятствовать этому. Это возбудило его гнѣвъ. Еврейскій лейбъ-медикъ султана, Моисей Гамонъ (см. выше, стр. 23), питавшій надежду женить своего сына на богатой наслѣдницѣ, Рейнѣ, настроилъ султана въ пользу семьи Мендеса. Особенный государственный посолъ (чаусъ) былъ посланъ изъ Порты въ Венецію съ требованіемъ немедленно освободить арестованную маранку и не ставить никакихъ препятствій ея переѣзду въ Турцію. Вслѣдствіе этого между Турціей и венеціанской республикой возникли натянутыя отношенія, которыя позже повели къ разрыву. Такимъ образомъ, Грація Наси, скрываясь подъ неизвѣстнымъ именемъ Мендесіи или *Беатриче де-Луна* явилась причиной того, что не только Венеція, но и французскій дворъ пришли въ замѣшательство. Противъ ея воли ей пришлось сыграть крупную роль.

Между тѣмъ ей удалось неизвѣстнымъ образомъ найти убѣжище въ Ферарѣ, гдѣ она, подъ охраной герцога Эрколе д'Эсте II прожила нѣсколько лѣтъ (1549—1553) подъ своимъ еврейскимъ именемъ, утѣшая и поддерживая своихъ несчастныхъ единоплеменниковъ. Лишь теперь она получила возможность свободно и открыто проявить свои высокія добродѣтели, свое состраданіе, свое благородство, глубокую благочестивость— словомъ, свою великую душу. Ея разсудительный умъ также не мало помогъ маранамъ. Поэтъ *Самуилъ Уске*, посвящая ей свой прекрасный трудъ «Утѣшенія въ печальной судьбѣ Израиля», говоритъ о ней съ восторгомъ и глубочайшимъ уваженіемъ: «Сердце считаютъ самымъ благороднымъ органомъ человѣческаго тѣла, ибо оно ощущаетъ боль скорѣе всѣхъ другихъ органовъ; поэтому, если хотятъ удовлетворить организмъ, необходимо прежде всего удовлетворить его сердце; я намѣренъ этой небольшой вѣткой свѣжихъ плодовъ принести пользу нашимъ португальскимъ собратьямъ (маранамъ); надлежитъ преподнести ее Вашей

милости, какъ сердцу народа, ибо Вы чувствуете его страданія болѣе, чѣмъ кто-либо другой; меня при этомъ не ослѣпляетъ любовь и чувство благодарности за всѣ тѣ великія благодѣянія, которыя я испыталъ отъ Васъ; ибо съ тѣхъ поръ, какъ Вы стали озарять свѣтлыми лучами свой народъ, всѣ члены его вплоть до самыхъ низшихъ впитали въ себя истину и сохранятъ въ своихъ сердцахъ Ваше имя и Вашу благословенную память на вѣчныя времена»[1]).

Еще болѣе превозносилъ ее поэтъ Самуилъ Уске въ самомъ трудѣ своемъ. Нумео, утѣшитель Израиля въ діалогѣ, въ числѣ другихъ утѣшеній указываетъ на неожиданную помощь со стороны этой благородной женщины. «Кто не видѣлъ божественнаго милосердія, снизошедшаго къ тебѣ въ образѣ человѣка, помогавшаго и еще теперь помогающаго тебѣ въ твоихъ несчастьяхъ? Кто видѣлъ, какъ возродились сострадание Мирьямъ, готовой отдать свою жизнь для спасенія братьевъ, великій умъ Деборы, предводительницы своего народа, безконечная добродѣтельность и святость Эсѳири, защитницы угнетенныхъ, достославный подвигъ цѣломудренной вдовы, Юдиѳи, освободительницы осажденныхъ? Всѣ эти высокія добродѣтели Богъ почерпнулъ изъ сонма своихъ ангеловъ и вложилъ ихъ всѣ въ одну душу, и эту душу онъ, къ твоему счастью, вселилъ въ прекрасное женское тѣло благословенной еврейки, Наси. Она преисполнила силы и надежды тѣхъ изъ твоихъ бѣдныхъ питомцевъ, которые, за недостаткомъ средствъ отчаявались въ возможности спастись отъ огня (костровъ) и пуститься въ далекое путешествіе. Она поддерживала щедрой рукой тѣхъ изъ нихъ, которые, поселившись во Фландріи и другихъ мѣстностяхъ, впали въ нищету и пребывали въ опасности, и помогла имъ устроиться. Она охраняла ихъ отъ суровости дикихъ Альпъ Германіи и помогала имъ въ ихъ крайней нуждѣ и несчастьи. Она не отказывала въ своей помощи даже и врагамъ. Своей чистой рукой и божественной волей она освободила большинство твоихъ питомцевъ (марановъ) отъ нищеты, грѣховъ и безконечныхъ мукъ, помогла имъ переселиться въ страны, гдѣ они находились въ безопасности, и собрала ихъ подъ знаменемъ своего стараго Бога. Такимъ образомъ она была силой въ твоей слабости»[2]).

Оба издателя Библіи на испанскомъ языкѣ въ Ферарѣ, Авраамъ Уске и Атіасъ (см. выше стр. 273), которые частью посвятили ее «свѣтлѣйшей синьорѣ Граціи», въ краткихъ словахъ говорятъ объ ея заслугахъ. «Мы посвящаемъ этотъ переводъ Вашей милости, какъ личности, которая по своимъ заслугамъ предъ еврействомъ занимаетъ высочайшее мѣсто. Мы надѣемся, что Ваша милость приметъ этотъ трудъ, поддержитъ его

[1]) Самуилъ Уске, Consolaçao, посвященіе ей.

[2]) Т. же стр. 24.

и защититъ, подобно тому, какъ Вы поддерживали и защищали всякаго, кто нуждался въ вашей помощи».

Она поддерживала всѣхъ трехъ Уске; поэтъ-историкъ Самуилъ Уске самъ упоминаетъ о томъ, что всѣмъ обязанъ ей; поэта Соломона Уске (Дуарте Гомеца) она допустила къ участію въ банковскомъ дѣлѣ, а Аврааму Уске она, вѣроятно, помогла содержать еврейскую и испанскую книгопечатню. Поэтому панегирики съ ихъ стороны могли бы казаться пристрастными; но всѣ, даже самые добросовѣстные равины того времени, превозносили ее и писали о ея добродѣтеляхъ такъ же восторженно, хотя и не такъ красиво, какъ упомянутые писатели. «Благородная княгиня, слава Израиля, мудрая женщина, которая построила свой домъ въ чистотѣ и святости. Она щедрой рукой поддерживаетъ бѣдныхъ и нуждающихся, доставляя имъ счастье въ этомъ и блаженство въ иномъ мірѣ. Она многихъ спасла отъ смерти, многихъ подняла изъ низовъ суетной жизни, многихъ освободила изъ темницъ, въ коихъ они томились, обреченные на смерть. Она построила школы, въ коихъ каждый могъ впитать въ себя мудрость и ученіе Бога. Она многимъ давала ссуды, дабы они могли не только пропитать себя, но и жить въ довольствѣ[1])».

Помирившись со своей сестрой, которая, повидимому, поняла, что своимъ необдуманнымъ шагомъ она только подвергла опасности самое себя, помолвивъ свою племянницу, красивую Грацію младшую II, со своимъ племянникомъ, *Самуиломъ Наси* въ Ферарѣ, дабы крупное состояніе осталось въ семьѣ нераздробленнымъ, и по-матерински пристроивъ всѣхъ членовъ своей семьи, она осуществила свою давнюю мечту переселиться въ турецкую столицу, дабы освободиться отъ всякаго рода опасностей со стороны христіанства. Ея даровитый племянникъ, Іоао Микесъ, женихъ дочери ея, Рейны, совершилъ далекія путешествія въ Ліонъ, Марсель, Римъ и Сицилію, дабы привести въ порядокъ ея дѣла. Онъ весьма искусно подготовилъ ей въ Константинополѣ хорошій пріемъ. Научившись въ сношеніяхъ съ христіанскими государственными людьми дипломатическому искусству, онъ получилъ отъ посланника французскаго двора, съ коимъ семья Мендеса жила въ глухой враждѣ, *Де-Ланзака*, рекомендательное письмо[2]) и потому встрѣтилъ въ Константинополѣ радушный пріемъ. Лишь въ Константинополѣ Іоао Микесъ открыто перешелъ въ іудаизмъ, принялъ имя *Іосифа Наси* и женился на своей богатой кузинѣ, Рейнѣ. Но онъ не одинъ пріѣхалъ туда, а въ сопровожденіи 500 испанскихъ, португальскихъ и итальянскихъ евреевъ. Онъ съ самаго начала сталъ выступать тамъ, какъ князь. Благодаря своему уму, знанію евро-

[1]) Іошуа Сонцинъ, Resp. № 12.

[2]) Charriére. Négociations de la France dans le Levant II, стр. 403, прим.

пейскихъ условій и богатству, Іосифъ Наси былъ скоро приближенъ ко дворцу и пользовался большимъ вліяніемъ на султана Сулеймана. Его теща попрежнему оставалась руководительницей огромнаго состоянія семьи.

Скоро еврейскіе жители Константинополя узнали благородство доны Граціи и ея зятя. Они поддерживали бѣдныхъ, основывали школы и молельни и назначали учителямъ Талмуда годовые оклады. Испанскій равинъ, *Іосифъ ибнъ-Лабъ*, вслѣдствіе нанесеннаго ему оскорбленія и изъ-за чумы переселившійся изъ Салоникъ въ Константинополь, находился на полномъ содержаніи Граціи и Іосифа Наси. Но ихъ благотворительность распространялась не только на испанцевъ и португальцевъ въ Турціи, но и на нѣмцевъ, далеко за предѣлами Константинополя.

Когда дона Грація получила извѣстіе о томъ, что папа Павелъ IѴ приказалъ бросить въ тюрьмы марановъ въ Анконѣ, чтобы раньше или позже сжечь ихъ, она почувствовала жгучую боль, какъ мать, узнавшая о несчастіи своихъ дѣтей. Ибо она считала всѣхъ марановъ своими сыновьями и братьями. Однако она не предалась чувству безполезной скорби, но энергично принялась дѣйствовать вмѣстѣ съ Іосифомъ Наси. Сначала она обратилась къ султану Сулейману, умоляя его требовать освобожденія, по крайней мѣрѣ, тѣхъ марановъ изъ Турціи, которые были въ Анконѣ лишь по своимъ торговымъ дѣламъ. Она была счастлива, когда это ея ходатайство было удовлетворено. Султанъ Сулейманъ обратился къ папѣ съ посланіемъ (9-го марта 1556 г.), написанномъ въ томъ высокомѣрномъ тонѣ, въ которомъ турецкіе султаны, сознававшіе свою силу, позволяли себѣ обращаться къ раздробленнымъ и враждовавшимъ другъ съ другомъ христіанскимъ монархамъ. Онъ жаловался на то, что его еврейскіе подданные противузаконно арестованы, въ виду чего онъ потерпѣлъ прямо убытокъ въ 4000 дукатовъ, не говоря уже объ уменьшившихся доходахъ, такъ какъ турецкіе евреи понесли отъ этого большія потери. Султанъ настаивалъ на томъ, чтобы папа немедленно же освободилъ всѣхъ турецкихъ марановъ, арестованныхъ въ Анконѣ, и довольно прозрачно намекалъ, что, если его представленія не подѣйствуютъ, онъ отвѣтитъ репресіями по отношенію къ своимъ христіанскимъ подданнымъ. Павелъ IѴ принужденъ былъ со скрежетомъ зубовнымъ удовлетворить требованіе султана, освободить турецкихъ евреевъ и позволить имъ безпрепятственно выѣхать на родину. Остальные мараны, не имѣвшіе могущественныхъ защитниковъ, были, по слухамъ, сожжены. За это евреи хотѣли чувствительно отомстить папѣ, разсчитывая на энергичную поддержку со стороны доны Граціи и ея зятя.

Торговыя сношенія турецкихъ евреевъ были въ то время весьма значительны; вся торговля проходила черезъ ихъ руки, они конкурировали

даже съ венеціанцами и обладали собственными кораблями и галерами[1]). Съ цѣлью вытѣснить венеціанцевъ, еврейско-левантскіе купцы пользовались Анконой, какъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, шедшихъ изъ Турціи въ Европу и обратно. *Герцогъ Гвидо* Убалдо изъ Урбино пріютилъ въ Пезаро бѣжавшихъ изъ Анконы марановъ, разсчитывая на то, что такъ называемая торговля съ Левантомъ, находившаяся въ рукахъ евреевъ, будетъ отвлечена отъ Анконы и сосредоточена въ его гавани. Поэтому община въ Пезаро и особенно маранскіе бѣглецы обратились съ посланіемъ ко всѣмъ турецкимъ общинамъ, находившимся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Италіей, прося ихъ посылать отнынѣ свои товары не въ Анкону, а въ Пезаро[2]). Изъ Пезаро спеціально съ этой цѣлью былъ посланъ въ Турцію *Іегуда Фарагъ,* который долженъ былъ поддержать эту просьбу и на словахъ сказать то, чего нельзя было довѣрить бумагѣ. Въ первомъ порывѣ возмущенія многія левантскія общины приняли это предложеніе (августъ 1556 г.) и условились между собою чувствительно наказать папу, лишивъ его значительныхъ доходовъ, которые онъ до того времени получалъ отъ торговли съ Левантомъ. Но такъ какъ подобная мѣра была осуществима и дѣйствительна только въ томъ случаѣ, если бы всѣ жившіе въ Италіи еврейскіе купцы присоединились къ этому рѣшенію, то левантскія общины рѣшили не вести торговли съ Анконой пока только въ теченіе восьми мѣсяцевъ (до марта 1557); тѣмъ временемъ столь важное мѣропріятіе, такъ глубоко затрагивавшее торговые интересы, могло быть основательно взвѣшено и обдумано; кромѣ того могло быть достигнуто единодушное рѣшеніе всѣхъ евреевъ европейской Турціи. Особенно заинтересованные въ этомъ евреи изъ Пезаро и бывшіе мараны въ турецкой имперіи, конечно, прилагали всѣ усилія, чтобы достигнуть единодушнаго рѣшенія бойкотировать папу и его гавань. Между прочимъ указывалось на слѣдующее: «герцогъ Гвидо Убалдо пріютилъ марановъ только потому, что разсчитывалъ на привлеченіе левантской торговли въ свою гавань, и мараны обязались содѣйствовать этому; герцогъ отвергнулъ требованіе папы выдать ему маранскихъ бѣглецовъ и тѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ папы, лишившаго герцога капитаната, который приносилъ ему большіе доходы, и все это онъ сдѣлалъ ради евреевъ; поэтому можно опасаться, что, если левантскіе евреи будутъ по прежнему вести свои дѣла съ Анконой, герцогъ выдастъ разъяренному папѣ пезарскихъ марановъ; слѣдовательно, жизнь послѣднихъ находится въ величайшей опасности, и религіозный долгъ всякаго еврея содѣйствовать ея устраненію». Въ самомъ дѣлѣ, отлученіе, которымъ угрожалъ равинъ въ Салоникахъ

[1]) Alberi Relazioni серія III, т. I, стр. 275.
[2]) Revue d. Et. XVI, 66 и слѣд.

всякому, ведущему дѣла съ Анконой, оказалось весьма чувствительнымъ для этого города. Спустя приблизительно годъ послѣ сожженія марановъ въ Анконѣ, магистратъ этого города жаловался папѣ[1]), что благосостояніе его падаетъ и что, если онъ не окажетъ помощи, Анкона, которая до того съ успѣхомъ конкурировала съ другими портовыми городами, превратится въ незначительный городокъ (10 августа 1556 г.). Въ свою очередь, анконскіе евреи, не принадлежавшіе къ маранамъ, потерпѣли отъ этого значительные убытки и не замедлили черезъ посредство своего равина, весьма уважаемаго кабалиста, *Моисея Басулы,* обратиться съ посланіемъ къ турецкимъ общинамъ, заклиная ихъ не связывать себя опредѣленнымъ рѣшеніемъ и объясняя имъ: «если папа узнаетъ, что евреи хотятъ отомстить ему за преслѣдованія марановъ, онъ въ своемъ бѣшенствѣ истребитъ всѣхъ евреевъ въ своей области; напротивъ, за судьбу пезарскихъ марановъ нечего опасаться, ибо Гвидо Убалдо очень разсудительный человѣкъ, да кромѣ того мараны не могутъ отвѣчать за дѣйствія левантскихъ евреевъ; герцогъ къ тому же возвѣстилъ, что маранскіе бѣглецы всѣхъ странъ могутъ въ его государствѣ свободно исповѣдовать іудаизмъ».

Между тѣмъ возмущеніе турецкихъ евреевъ нѣсколько улеглось подъ вліяніемъ многихъ причинъ чисто матеріальнаго свойства. Еврейскіе купцы, направившіе свои корабли въ Пезаро, нашли, что тамошняя гавань не представляетъ такой безопасности, какъ анконская. Гвидо Убалдо, правда, обѣщалъ улучшить ее; но еврейскіе купцы Леванта не хотѣли на основаніи одного этого обѣщанія рисковать своими капиталами. Поэтому всѣ глаза устремились на главную общину въ Константинополѣ: къ ней были направлены посланія представителей торговыхъ городовъ, Салоникъ, Адріанополя, Брусы, Аулоны и Мореи съ просьбой тщательно обсудить этотъ вопросъ, принявъ во вниманіе ихъ торговые интересы. Въ Константинополѣ пользовались огромнымъ вліяніемъ дона Грація и Іосифъ Наси, которые твердо рѣшили наказать безчеловѣчнаго папу и уже приказали своимъ агентамъ направлять всѣ товары въ Пезаро. Португальскія общины въ Турціи и часть испанскихъ тоже были согласны запретить еврейскимъ купцамъ подъ угрозой отлученія вести дѣла съ Анконой. Но въ самомъ Константинополѣ появилась небольшая опозиція со стороны тѣхъ купцовъ, которые опасались, что это рѣшеніе принесетъ имъ большія потери. Рѣшеніе въ этомъ вопросѣ такимъ образомъ зависѣло отъ константинопольскихъ равиновъ; если бы они единодушно высказались въ пользу бойкота Анконы, въ виду опасности, грозившей пезарскимъ маранамъ, и угрожали бы ослушникамъ отлученіемъ, то ихъ авторитету подчинились бы равины Салоникъ и другихъ большихъ турецкихъ общинъ.

[1]) Revue т. же 618 прим.

Поэтому Грація и Іосифъ Наси просили равина *Іосифа ибнъ-Лабъ*, находившагося у нихъ на содержаніи, побудить остальныхъ равиновъ различныхъ константинопольскихъ общинъ высказаться въ пользу отомщенія папѣ. Сначала ихъ планъ не встрѣтилъ препятствій. Три равина, испанцы *Соломонъ ибнъ-Била* и *Самуилъ Саба*, а также уважаемый старецъ, *Авраамъ Іерушалми* (послѣдній на смертномъ одрѣ), подписали рѣшеніе, предложенное Ибнъ-Лабомъ. Послѣдній написалъ даже равинскій отзывъ, въ которомъ онъ, по желанію доны Граціи, указывалъ на всеобщее рѣшеніе бойкотировать папскую Анкону, какъ на нѣчто само собою разумѣющееся.

Но два равина были противъ этого рѣшенія, именно *Іошуа Сонцинъ*, родомъ итальянецъ, равинъ одной изъ испанскихъ общинъ, и равинъ одной нѣмецкой общины. Первый заявилъ, что никакъ не можетъ подписать подобное постановленіе, покуда онъ не убѣдится, что оно не угрожаетъ жизни проживающихъ въ Анконѣ евреевъ, ибо нельзя желать спасти жизнь однихъ на счетъ жизни другихъ. Онъ вѣрилъ словамъ равина Моисея Басулы, что евреямъ Анконы грозитъ опасность, если осуществится постановленіе. Іошуа Сонцинъ былъ возмущенъ тѣмъ, что прихлебатели доны Граціи старались подорвать довѣріе къ свидѣтельству Моисея Басулы указаніемъ на то, что онъ, можетъ быть, подкупленъ анконскими купцами. Сонцинъ по этому поводу горестно воскликнулъ: «неужели же равиновъ, служителей Торы, можно поставить на одну доску съ католическими священниками (того времени), дѣйствующими только изъ своекорыстія?» Іошуа Сонцинъ предложилъ послать особаго посла въ Италію, именно въ Падую, къ весьма уважаемому и добросовѣстному равину, *Меиру Каценеленбогену*, дабы послѣдній окончательно рѣшилъ вопросъ, кому угрожаетъ бо́льшая опасность, пезарскимъ ли маранамъ или анконскимъ евреямъ; Сонцинъ согласился даже за свой счетъ снарядить посла. Какъ Сонцинъ ни былъ преданъ Іосифу Наси и восторгался доной Граціей, онъ все же не хотѣлъ, изъ желанія услужить имъ, подписать постановленіе, которое противорѣчило его совѣсти. Онъ прямо заявилъ, что до поры до времени не можетъ присоединиться къ постановленію. Равинъ нѣмецкой общины также отказался возвѣстить это постановленіе въ своей синагогѣ и за то поплатился годовымъ окладомъ, который онъ до сихъ поръ получалъ отъ Іосифа Наси. Ибо послѣдній, хотя и отличался благороднымъ характеромъ, не выносилъ прекословія. Въ данномъ случаѣ онъ былъ, быть можетъ, и правъ, ибо онъ лучше равиновъ зналъ герцога Гвидо Убалдо и мало разсчитывалъ на его дружелюбное отношеніе къ маранамъ, если онъ не будетъ имѣть отъ этого какихъ-либо выгодъ. Такъ какъ въ главной константинопольской общинѣ не пришли къ единогласному постановленію, то

еврейскіе купцы другихъ турецкихъ общинъ обрадовались этому, какъ поводу къ возобновленію торговыхъ сношеній съ Анконой. Напрасно дона Грація, всей душой стремившаяся поддержать пезарскихъ марановъ, потребовала отзыва отъ колегіи равиновъ въ Сафетѣ, которая, благодаря двумъ своимъ представителямъ, *Іосифу Каро* и *Моисею ди Трани*, пользовалась огромнымъ авторитетомъ среди еврейства на Востокѣ. Постановленіе равиновъ, направленное противъ папы Павла IV, не вступило въ силу[1]). Равины еще не закончили своихъ совѣщаній, какъ, къ величайшей скорби доны Граціи и ея приверженцевъ, наступило то, чего они такъ долго опасались. Герцогъ Гвидо Убалдо, надежды коего на подъемъ Пезары путемъ привлеченія туда торговли съ Левантомъ не оправдались и котораго папа засыпалъ упреками и репресіями, изгналъ, наконецъ, марановъ изъ Пезаро (мартъ 1558 г.). Но нужно воздать ему похвалу за то, что онъ, по крайней мѣрѣ, не предалъ ихъ въ руки палачей инквизиціи. Изгнанники на наемныхъ корабляхъ направились большей частью на Востокъ. Но папская корабельная полиція подстерегала ихъ на пути, и они лишь съ трудомъ спаслись отъ гибели. Нѣкоторые изъ нихъ попали въ плѣнъ и были проданы въ рабство[2]). Искусный и гуманный маранскій врачъ, Аматусъ Лузитанусъ, нѣкоторое время пробывшій въ Пезаро, а позже жившій въ Рагузѣ, спасшій жизнь и возстановившій здоровье многихъ христіанъ, принужденъ былъ также покинуть христіанскій міръ и переселиться въ почти еврейскій городъ, Салоники (1558—1559 [3]). Этотъ годъ принесъ, повидимому, несчастье и маранамъ въ Ферарѣ, которые лишились покровительства герцога; ибо въ этомъ году прекратилась книгопечатня Авраама Уске[4]). Кардиналъ *Микель Гисліери*, позже папа Пій V, принадлежавшій къ партіи монаховъ и зелотовъ, обратился къ этому герцогу съ посланіемъ, въ коемъ требовалъ наказанія стихоплета Якова да Фано, который въ стихахъ прославлялъ мученическую смерть анконскихъ марановъ (см. выше, стр. 288), и опубликовавшаго ихъ типографа, (Авраама Уске?), такъ какъ еретики справедливо сожжены[5]). Братъ Іосифа Наси, *донъ Самуилъ Наси*, который завѣдывалъ дѣлами фирмы въ Ферарѣ, былъ въ такой степени преслѣдуемъ герцогомъ Эрколе, что принужденъ былъ прибѣгнуть къ посредничеству турецкаго двора, дабы свободно пере-

---

[1]) Іошуа Сонцинъ, респ. № 39, 40; респ. Ибнъ-Лаба II, стр. 63; респ. Моисея ди Трани I, № 237.

[2]) Іосифъ Когенъ, Emek ha-Bacha стр. 119.

[3]) Его VI центурія нап. въ Рагузѣ, а VII—въ Салоникахъ въ 1559 г.

[4]) Де Роси, de typographia Hebraeo-Ferrariensi, стр. 44.

[5]) Feroso въ Revue d. Et. XI, 150.

ѣхать въ Константинополь[1]). Грозный взглядъ невѣрующаго султана имѣлъ на христіанскихъ монарховъ большее вліяніе, чѣмъ голосъ справедливости и человѣчности.

Чѣмъ болѣе папа Павелъ IV приближался къ могилѣ, тѣмъ болѣе свирѣпо относился онъ къ евреямъ. Онъ приказалъ бросить въ темницу *Давида д'Асколи*, осмѣливавшагося критиковать декретъ папы о ношеніи желтыхъ шляпъ[2]). По приказу папы, крещеные евреи, *Сикстусъ Сененсисъ* и *Филиппъ* или *Іосифъ Моро*, вращались въ общинахъ Церковной области, приставая къ евреямъ со своими вызывающими проповѣдями. Послѣдній ворвался однажды въ синагогу въ судный день (1558) съ распятіемъ, которое евреи считали идоломъ, и имѣлъ наглость поставить его въ хранилище «священной Торы». Когда же евреи, оскорбленные въ своихъ самыхъ святыхъ чувствахъ, выгнали его изъ синагоги, онъ собралъ вокругъ себя яростную чернь и добился того, что, по приказу начальника города, два еврея, прикоснувшіеся къ нему руками, были закованы и высѣчены[3]). Папа былъ особенно возбужденъ противъ марановъ и Талмуда. Первыхъ онъ отыскивалъ въ самыхъ затаенныхъ уголкахъ. Многіе испанскіе и португальскіе мараны, которымъ не удалось спастись бѣгствомъ, вступали въ монашескій орденъ и, такъ сказать, выли съ волками, дабы послѣдніе не трогали ихъ. При этомъ мараны предпочитали вступать въ орденъ іезуитовъ, который въ теченіе короткаго времени успѣлъ превзойти всѣ прежніе ордены, ибо въ немъ цѣнились способные люди, и мараны могли тамъ перехитрять хитрецовъ и оказывать услуги своимъ единоплеменникамъ. Поэтому испанское правительство во главѣ съ мрачнымъ Филиппомъ II, сыномъ Карла, не покровительствовало іезуитамъ; оно опасалось (правильно ли или ошибочно—неизвѣстно), что многочисленные мараны въ рядахъ іезуитовъ впослѣдствіи отомстятъ за испытанныя муки[4]). Мараны скрывались и подъ капюшонами францисканскихъ монаховъ, они пробирались въ самые затаенные уголки враждебнаго лагеря. Павелъ IV, которому пожаловались на то, что въ монашескіе ордены принимаютъ марановъ, запретилъ орденамъ допускать въ свою среду лицъ еврейскаго происхожденія[5]).

Съ Талмудомъ онъ расправился еще основательнѣе; во всей церковной области и въ большей части Италіи не было болѣе ни одного экземпляра Талмуда; если бы кто держалъ у себя это, то онъ подвергся бы суровому наказанію. Большинство школъ прекратило свое существованіе. Если

[1]) Фонъ Гамеръ, Исторія османовъ III, стр. 364, прим.
[2]) Волфъ, Bibliotheca III, стр. 181.
[3]) I. Когенъ въ ук. м. стр. 120.
[4]) Ранке, Государи и народы южной Европы II, стр. 369.
[5]) Итальянское сообщеніе прим. 6.

бы повсюду воцарились такія условія, то итальянскіе евреи были бы обречены на невѣжество и отупѣніе, и конечная цѣль папы, привлеченіе евреевъ къ христіанству, была бы, пожалуй, легко осуществима. Но въ *Кремонѣ*, принадлежавшей къ Милану, основалась большая школа и убѣжище для преслѣдуемаго Талмуда. Прибывшій изъ Германіи талмудистъ, *Іосифъ Отоленги* изъ Этлингена, открылъ въ Кремонѣ школу, обучалъ Талмуду и издалъ цѣлый рядъ равинскихъ писаній[1]). Всѣ, имѣвшіе экземпляры Талмуда, тайно доставляли ихъ въ Кремону, гдѣ образовался, такимъ образомъ, довольно большой складъ; отсюда Талмудъ вывозили на Востокъ, въ Польшу и Германію. Эту, правда, весьма незначительную религіозную свободу евреи сохранили и при господствѣ испанцевъ, которые были вынуждены вести войну съ Павломъ IV. Послѣ того, какъ папа принужденъ былъ заключить позорный для себя миръ, онъ сталъ изыскивать средства къ уничтоженію еврейскихъ книгъ въ Кремонѣ. Доминиканцы, эти папскіе полицейскіе, обрабатывали въ этомъ направленіи населеніе съ цѣлью оказать давленіе на намѣстника, испанскаго герцога *Сіесы* (Сесы). Въ Кремонѣ были распространены зажигательныя писанія, въ которыхъ народъ прямо призывался къ умерщвленію евреевъ (8 апрѣля 1559 г.). Нѣсколько дней спустя двое доминиканцевъ, изъ коихъ одинъ былъ крещеный еврей, *Сикстусъ Сененсисъ*, обратились къ намѣстнику съ просьбой воздвигнуть костеръ для сожженія Талмуда, такъ какъ онъ полонъ издѣвательствъ надъ Іисусомъ и т. д. Такъ какъ герцогъ Сіесы не соглашался на слово повѣрить обвиненіямъ доминиканцевъ, то противъ Талмуда выступили два свидѣтеля (17 апрѣля), крещеный еврей, *Викторъ Эліано* (см. выше, стр. 281), и одинъ безсовѣстный негодяй, нѣмецкій еврей, *Іошуа деи Кантори* (?), находившійся во враждѣ съ Іосифомъ Отоленги и хотѣвшій отомстить ему. Такимъ образомъ испанскій намѣстникъ Милана былъ убѣжденъ во вредности Талмуда и отдалъ приказъ своимъ солдатамъ обыскать еврейскіе дома и книгопечатню въ Кремонѣ, бросить всѣ экземпляры Талмуда въ одну кучу и сжечь ихъ. Отъ 10—12 тысячъ книгъ стали добычей пламени (апрѣль или май 1559 г.[2]). Этотъ самый папа приказалъ сжечь всѣ найденныя въ Италіи сочиненія протестантовъ и даже Библію, переведенную на новые языки; какъ же ему было пощадить Талмудъ?

Викторъ Эліано, этотъ озлобленный выкрестъ, чуть было самъ не пострадалъ отъ костра, предназначеннаго для Талмуда. Ибо испанскіе сол-

---

[1]) Въ Ривѣ ди Трента отъ 1559—1562. Эршъ и Груберъ. Энциклопедія, отд. II т. 23, стр. 46.

[2]) Источники объ этомъ: Сикстусъ Сененсисъ, Bibliotheca sacra II s. v. traditiones, IV; s. v. catalogus expositorum—Rabbinorum; Іосифъ Когенъ т. же стр. 120 и слѣд.

даты, которымъ былъ отданъ приказъ отыскивать еврейскія книги, мало заботились о томъ, были ли книги талмудическаго или иного содержанія. Такимъ образомъ они едва не сожгли и кабалистическую книгу, Зогаръ, любимое дѣтище папства. Ибо со времени увлеченія мистицизмомъ Пико де-Мирандола и особенно Рейхлина, кардинала Эгидіо де-Витербо и францисканца Галатино правовѣрные учители церкви и церковные сановники были непоколебимо убѣждены въ томъ, что кабала содержитъ въ себѣ таинства христіанства. Вотъ почему уничтоженіе, на которое былъ обреченъ Талмудъ, не распространялось на кабалистическую книгу, Зогаръ. Напротивъ, послѣдняя была отпечатана *Эмануиломъ де-Беневентъ* при папѣ Павлѣ IV и съ разрѣшенія инквизиціи[1]). На развалинахъ Талмуда должно было быть возведено зданіе кабалы. Правда, видные итальянскіе равины, *Меиръ изъ Падуи* и другіе, не дали своего согласія на это, ибо не хотѣли, чтобы то, что должно было оставаться *тайнымъ ученіемъ*, было напечатано и, такимъ образомъ, стало доступно каждому человѣку. Однако закоснѣлый кабалистъ, *Моисей Басула* (см. выше, стр. 297), далѣе равинъ изъ Мантуи, *Моисей Провенцали*, и какой-то пришлый полуравинъ, *Исаакъ бенъ-Эмануилъ* де-Латесъ, который до самой старости былъ лишь домашнимъ учителемъ у Исаака Абрабанела II въ Ферарѣ—эта тройка поддерживала и сдѣлала возможнымъ опубликованіе Зогара (Мантуа 1558 до 1559 г.).

Еще во время печатанія Зогара въ Мантуѣ нѣкоторые итальянскіе равины хотѣли наложить на него запрещеніе и предать издателей отлученію, мотивируя это тѣмъ, что папа приказалъ сжечь Талмудъ, а Зогаръ пощадилъ, что чтеніе Зогара приводитъ къ ереси и что поэтому онъ заслуживаетъ быть изъятымъ изъ употребленія и даже быть сожженнымъ. Но Исаакъ де-Латесъ энергично вступился за Зогаръ и его издателей. Изъ его нелѣпыхъ доводовъ, приведенныхъ въ пользу Зогара, особенно характеренъ слѣдующій: «благодаря кабалистическимъ занятіямъ, обряды не кажутся столь сухими, бездушными и безсмысленными». Такимъ образомъ печатаніе Зогара, который нанесъ впослѣдствіи столь тяжелыя раны еврейству, продолжалось. Такъ какъ сбытъ Зогара въ Италіи и на Востокѣ сулилъ большія выгоды мантуанскимъ издателямъ, то одинъ христіанскій издатель, *Виченти Конти*, въ Кремонѣ приступилъ тоже къ печатанію Зогара. Хотя онъ и обѣщалъ, съ цѣлью заподозрить мантуанское изданіе, дать болѣе полный текстъ Зогара, но онъ все же не сдержалъ своего слова и выпустилъ изданіе, полное ошибокъ и искаженій. Участникомъ этого *кремонскаго изданія Зогара* былъ внукъ Ильи Левиты, ядовитый каноникъ, Викторъ Эліано, который не постѣснялся снаб-

[1]) Сперва תקוני הזהר, вступленіе, Мантуа 1558.

дить изданіе развязнымъ еврейскимъ предисловіемъ съ цѣлью привлечь покупателей своимъ именемъ[1]). Когда испанскіе солдаты разыскивали въ Кремонѣ еврейскія книги, они нашли, между прочимъ, и двѣ тысячи экземпляровъ Зогара и чуть было не бросили ихъ въ костеръ. Викторъ Эліано и его компаньоны понесли бы отъ этого огромныя потери, такъ какъ не только лишились бы ожидавшихся доходовъ, но и потеряли бы всѣ сдѣланныя затраты. Однако другой выкрестъ, тотъ самый *Сикстъ изъ Сіены*, который за ересь былъ едва не сожженъ, но былъ, къ несчастью для евреевъ, спасенъ кардиналомъ и получилъ отъ папской инквизиціи порученіе содѣйствовать уничтоженію Талмуда въ Кремонѣ, успокоилъ разъяренныхъ солдатъ и спасъ Зогаръ[2]). Такимъ образомъ Талмудъ былъ сожженъ, а Зогаръ пощаженъ. Инстинктъ враговъ еврейства правильно подсказалъ имъ, что лучше оставить евреямъ этотъ отравленный кладезь мудрости, ибо приверженцы Зогара скорѣе отрекутся отъ унаслѣдованнаго іудаизма. Благодаря напечатанію Зогара, эту книгу стали все болѣе почитать какъ каноническую, и въ теченіе долгаго времени въ каждомъ еврейскомъ сочиненіи, не выдержанномъ въ строго-талмудическомъ духѣ, Зогаръ цитировался на ряду съ библейскими стихами, и ему придавалось такое же значеніе, какъ и св. Писанію. Но увлеченіе папы кабалой было непродолжительно; нѣсколько лѣтъ спустя кабалистическія сочиненія также попали въ списокъ обреченныхъ на сожженіе книгъ (Index expurgatorius[3]).

Враждебное отношеніе Павла IV къ евреямъ и ихъ книгамъ распространилось далеко за предѣлы Италіи, разжигая фанатическіе инстинкты. Орудіями этихъ гоненій всегда служили крещеные евреи. Выкрестъ *Ашеръ* изъ Удине также возвелъ въ Прагѣ обвиненіе противъ еврейскихъ книгъ, и власти конфисковали ихъ, не исключая и молитвенниковъ, и все это вѣсомъ въ 80 центнеровъ послали въ Вѣну (1559 г.). Канторы были поэтому вынуждены произносить въ синагогахъ молитвы наизусть. Въ то же время (17 тамуза—22 іюня) въ Прагѣ въ еврейскомъ кварталѣ вспыхнулъ пожаръ, который уничтожилъ до тла большую часть домовъ (72); тутъ еще болѣе обнаружилась фанатическая ненависть христіанъ къ евреямъ. Вмѣсто того, чтобы помочь несчастнымъ, они бросали въ бушевавшее пламя слабыхъ женщинъ и похищали уцѣлѣвшіе пожитки евреевъ. Но чаша горя, повидимому, все еще не была полна, и вотъ выбранный годомъ раньше императоръ, *Фердинандъ I*, привелъ въ

[1]) Въ концѣ кремонскаго изданія сказано: ותשלם מלאכת הקדש ע״י חיים גשיניו וע״י הבחור כמר׳ ויטוריו אליגו נכדו של ראש המדקדקים החר׳ אליהו.

[2]) Сикстусъ Сененсисъ т. же ad nomen Simon ben Jachay.

[3]) Т. же ad nomen Esdras.

исполненіе уже давно замышлявшееся изгнаніе евреевъ изъ Богеміи и Праги. Еще будучи эрцгерцогомъ, онъ предложилъ императору Карлу V изгнать евреевъ изъ Богеміи за то, что они злоупотребляютъ своими денежными операціями; на согласіе ландтага можно было вполнѣ надѣяться. Спустя полгода онъ повторилъ свое предложеніе изгнать евреевъ изъ Праги, превратить ихъ синагоги въ церкви и продать ихъ дома. Онъ убѣдился въ томъ, что для этихъ домовъ найдутся покупатели, такъ что казна не потерпитъ отъ этого никакого убытка (10 октября до 16 ноября 1557 г.). Однако евреи добились отсрочки; имъ разрѣшено было остаться еще на годъ[1]). Императоръ Фердинандъ былъ, въ сущности, кроткимъ монархомъ и серьезно стремился къ умиротворенію католиковъ и протестантовъ; но по отношенію къ евреямъ онъ чувствовалъ непреодолимую антипатію. Онъ первый ввелъ для немногочисленныхъ австрійскихъ евреевъ *особыя явочныя записки*. По его приказу, всякій проживающій въ Австріи еврей, который по дѣламъ пріѣзжалъ въ Вѣну, долженъ былъ въ теченіе непродолжительнаго времени явиться къ намѣстнику и указать, какими дѣлами онъ будетъ заниматься и какъ долго онъ намѣренъ оставаться въ городѣ. Иностранные евреи, которые не составляли *государственнаго имущества*, должны были тоже являться за явочными записками, но могли оставаться въ городѣ не больше разрѣшеннаго имъ судьей времени. Кромѣ того евреи австрійскіе и иностранные должны были ночевать только въ двухъ гостинницахъ; если ихъ заставали въ другихъ, они подвергались суровому наказанію. Не было, конечно, позабыто и распоряженіе о томъ, чтобы евреи во все время своего пребыванія въ Вѣнѣ для отличія отъ христіанъ носили особые значки. Въ этихъ продиктованныхъ нетерпимостью распоряженіяхъ Фердинанда проскользнулъ все же лучъ кротости. Декретъ объ ограниченіи правъ австрійскихъ евреевъ не долженъ былъ быть обнародованъ публично, ибо это вызвало бы къ нимъ со стороны простого народа большое презрѣніе, негодованіе и опасную ненависть, и легкомысленные христіане могли бы подумать, будто евреямъ ограниченъ доступъ въ Вѣну за тяжкія преступленія. Этотъ декретъ былъ сообщенъ представителямъ еврейскихъ общинъ, которые уже сообщили объ этомъ своимъ единовѣрцамъ. Напротивъ, декретъ объ иностранныхъ евреяхъ долженъ былъ быть публично обнародованъ; ибо, если бы даже легкомысленные христіане и были возбуждены противъ нихъ, то въ этомъ нѣтъ никакой бѣды[2]). За этимъ ограниченіемъ послѣдовали другія, и наконецъ Фердинандъ повелѣлъ изгнать до

[1]) Maskir IV стр. 150, Давидъ Гансъ ad annum 5319, Іосифъ Когенъ въ ук. м. стр. 123 и слѣд.

[2]) Вертгеймеръ, Евреи въ Австріи I, стр. 110 и слѣд.

Иванова дня евреевъ съ женами, дѣтьми, челядью и имуществомъ изъ нижней Австріи и Герца[1]). Они, правда, добились отстрочки на два года; но въ концѣ концовъ были все же вынуждены взять въ руки страннической посохъ[2]).

На ту же печальную участь императоръ Фердинандъ обрекъ и старую общину Праги. Что послужило поводомъ къ этому, легко отгадать. Пражская община слыла во всемъ еврействѣ низкой, своекорыстной, безсовѣстной, насильничающей и сутяжнической. Многіе члены ея не останавливались и передъ лжеприсягой. Главари общины и ихъ родственники позволяли себѣ совершать всевозможныя несправедливости, пострадавшіе же не могли защитить своихъ правъ. По поводу назначенія равиновъ и избранія представителей обыкновенно возникали столь крупные раздоры, что, по порученію императора, виднѣйшіе равины Германіи и Италіи, *Меиръ изъ Падуи, Яковъ изъ Вормса* (верховный равинъ всѣхъ нѣмецкихъ общинъ) и *Элеазаръ Тревесъ* изъ Франкфурта[3]), должны были выработать избирательный порядокъ для общины Праги. Колегія равиновъ въ Прагѣ состояла въ то время изъ трехъ заурядныхъ людей, которые были настолько безпомощны, что на ихъ глазахъ совершались преступленія. Цинично и открыто искали и находили лже-свидѣтелей. Доносы были обычнымъ явленіемъ. Это печальное положеніе дѣлъ объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что, послѣ изгнанія евреевъ двадцать лѣтъ тому назадъ изъ Праги, туда вернулись только отбросы прежней общины. Несомнѣнно, что эта еврейская чернь обманывала и эксплуатировала христіанъ. Но врядъ ли христіане того же класса были добросовѣстнѣе и нравственнѣе. Но въ то время христіанское общество относилось съ большимъ снисхожденіемъ къ своимъ собратьямъ, къ еврейству же предъявляло самыя строгія требованія добродѣтельности и справедливости. Впрочемъ, по поводу второго изгнанія евреевъ изъ Праги шли долгіе переговоры, ибо даже эрцгерцоги были противъ изгнанія; тѣмъ не менѣе оно состоялось (въ 1561 г.[4]). Разбойничьи рыцари напали на изгнанниковъ и ограбили ихъ. Но и теперь, какъ послѣ перваго изгнанія, пражскіе христіане или, по крайней мѣрѣ, феодалы, повидимому, затосковали по евреямъ. Едва ихъ изгнали, какъ снова предприняты были шаги къ допущенію вновь ихъ, и эрцгерцоги сочувствовали этому стремленію. Однако императоръ Фердинандъ отвергнулъ ходатайство о вторичномъ допущеніи евреевъ подъ предлогомъ, будто онъ клялся изгнать евреевъ изъ

[1]) Т. же стр. 118. [2]) Т. же стр. 164. [3]) Maskir, г. 1861.

[4]) Источники: Мардохай Яфа לבוש I. Вступ.: גזרת גירוש בארץ מולדתי מדינת פיהם . . . בשנת שכ״א. Гансъ т. же I. Іосифъ Когенъ т. же. Ф. Германъ, Исторія евреевъ въ Богеміи, стр. 41.

Праги и не можетъ нарушить своей клятвы. Тогда одинъ пражскій еврей предпринялъ поѣздку въ Римъ, чтобы добиться отъ новаго папы, Пія IV, смѣнившаго умершаго Павла IV, освобожденія императора отъ клятвы.

Этотъ благородный мужъ былъ *Мардохай Цемахъ* бенъ-Гершонъ изъ знаменитой семьи книгоиздателей, *Сонцинъ;* прадѣдъ его, *Герсонъ* или *Джироламо Сонцино,* приказалъ изготовить для своей книгопечатни не только еврейскія, но и латинскія литеры и издалъ, кромѣ равинскихъ сочиненій, еще и стихотворенія Петрарки; его родственники весьма успѣшно руководили книгопечатнями во многихъ городахъ Ломбардіи, въ Константинополѣ и Прагѣ[1]). Хотя пражская община жестоко оскорбила Мардохая Цемаха и съ помощью лжесвидѣтелей и покорныхъ судей обвинила его ни въ чемъ неповинную замужнюю дочь въ прелюбодѣяніи и осудила ее, тѣмъ не менѣе онъ былъ готовъ на жертвы для блага пражской общины. Съ уже упомянутой цѣлью онъ совершилъ поѣздку въ Римъ, сопряженную со многими лишеніями и опасностями. Его усилія увѣнчались успѣхомъ. Папа, во власти коего было освобождать отъ присяги, исполнилъ просьбу Цемаха; императоръ Фердинандъ чувствовалъ облегченіе своей совѣсти. Его сынъ, *Максимиліанъ* (позже императоръ), особенно защищалъ евреевъ, и такимъ образомъ декретъ объ изгнаніи былъ отозванъ[2]). Имъ разрѣшено было снова проживать въ Прагѣ и нѣкоторыхъ богемскихъ городахъ, они были также допущены въ австрійскія земли. Но даже подъ властью лучшихъ императоровъ, какъ Максимиліанъ II и Рудольфъ, имъ пришлось не мало перестрадать, ибо рука католической церкви лежала на нихъ тяжкимъ бременемъ.

Правда, первый послѣдовательный представитель фанатическаго и нетерпимаго католицизма, папа Павелъ IV, умеръ (въ августѣ 1559 г.), а римляне проклинали его память и систему. Какъ въ прежнія времена римской республики, народъ собрался на Капитоліи, оттуда толпами повалилъ въ вѣчный городъ, поджегъ зданіе инквизиціи, избилъ палачей и доминиканцевъ, разбилъ гербъ и статую папы, а голову ея волочилъ по всѣмъ улицамъ; римскіе же патриціи, которые такъ много претерпѣли отъ этого главы церкви, злорадствовали при видѣ этой оргіи и даже поддерживали ее. Когда одинъ еврей покрылъ голову папской статуи желтою еврейскою шапкою, ношеніе коей этотъ папа такъ сурово предписалъ, римляне огласили улицы громкимъ смѣхомъ[3]). Однако какая польза была

[1]) Цунцъ въ Zeitschrift Гейгера I, стр. 38 и слѣд. Эршъ и Груберъ, энциклопедія I, отд. 38, стр. 42, Maskir I, 126 и слѣд.

[2]) Эпитафія на могилѣ Мардохая Цемаха: מצבת הר׳ מרדכי . . . בה נטמן צדיק כשר ראש ומנהיג הרבה גירושים בטל מסר נפשו ולרומי הלך בשבועת הקסיר על ידי האפיפיור התיר.

[3]) Pallavicini historia concilii Tridentini XXV, 9, 7.

въ этомъ дѣтскомъ гнѣвѣ на умершаго папу? Система Павла IV на много столѣтій пережила своего творца. Римляне не осуществили своего плана освободиться отъ духовныхъ монарховъ, и за это упущеніе они и все человѣчество жестоко поплатились. Прошло больше полугода, прежде чѣмъ былъ избранъ новый папа. Пій IV (1559 до 1565 г.) былъ кроткій человѣкъ, мало или ничего не понимавшій въ богословіи и питавшій отвращеніе къ безчеловѣчности инквизиціи. Тѣмъ не менѣе онъ былъ вынужденъ сохранить это адское учрежденіе, и могъ лишь втихомолку оплакивать несчастныя жертвы. Іезуиты и церковная партія одержали верхъ въ католицизмѣ, и всякій новый папа долженъ былъ имъ волею неволею безпрекословно подчиниться. Этимъ объясняется то странное обстоятельство, что постановленія тридентскаго собора, до нынѣшняго дня порабощающія умы католиковъ, вступили въ законную силу какъ разъ въ правленіе лучшаго римскаго папы, Пія IV.

Къ новоизбранному папѣ отправилась для привѣтствія депутація римскихъ евреевъ, которая краснорѣчиво описала страданія, причиненныя имъ его предшественникомъ. Пій IV обѣщалъ имъ свою помощь и (правда, нѣсколько поздно) издалъ булу, весьма благопріятную для евреевъ церковной области (27 февраля 1562 г.); но на фонѣ этихъ новыхъ постановленій тѣмъ ярче выдѣлялись оставшіяся еще ограниченія. Введеніе къ этой булѣ интересно тѣмъ, что освѣщаетъ лицемѣріе папской куріи. «Постановленія, изданныя моимъ покойнымъ предшественникомъ и продиктованныя его религіознымъ рвеніемъ, послужили (какъ мы узнали) для многихъ, позарившихся на ваше имущество, поводомъ къ ложнымъ обвиненіямъ и неправильнымъ толкованіямъ, вопреки намѣренію моего предшественника, чѣмъ вселили въ васъ безпокойство и тревогу. Поэтому, принимая во вниманіе, что святая праматерь, церковь, многое разрѣшаетъ евреямъ, съ цѣлью доставить блаженство остатку ихъ, и слѣдуя примѣру нашихъ предшественниковъ, мы постановляемъ (великое постановленіе), что евреи церковной области могутъ внѣ предѣловъ города снимать предписанныя имъ желтыя шапки, могутъ пріобрѣтать недвижимость, стоимость коей не превышаетъ 1500 дукатовъ, могутъ торговать и другими вещами, кромѣ стараго платья, и могутъ входить въ сношенія съ христіанами, хотя имѣть христіанскую прислугу имъ попрежнему воспрещено». Имъ разрѣшено было также имѣть свои лавки и внѣ предѣловъ гето, но торговля могла производиться въ нихъ лишь отъ восхода солнца до вечера. Это было все, что разрѣшилъ, что могъ разрѣшить евреямъ одинъ изъ лучшихъ папъ. Болѣе важнымъ для римскихъ евреевъ было прекращеніе дѣлъ по обвиненію въ неисполненіи суровыхъ предписаній Павла IV, а также въ непредъявленіи и сокрытіи экземпляровъ Талму-

да. Пій IV отмѣнилъ также несправедливое предписаніе, согласно коему еврейскіе кредиторы должны были возвратить христіанамъ уже раньше полученные ими проценты. Онъ разрѣшилъ имъ также имѣть нѣсколько синагогъ[1]). Итальянскіе евреи попытались добиться отъ папы освобожденія талмудическихъ сочиненій отъ тяготѣвшаго надъ ними проклятія. Но этотъ вопросъ находился тогда въ рукахъ кардиналовъ и епископовъ, засѣдавшихъ на соборѣ въ Тріентѣ. Итальянскія общины выбрали двухъ депутатовъ (октябрь 1563 г.), которые должны были ходатайствовать о томъ, чтобы Талмудъ и прочія находившіяся подъ подозрѣніемъ еврейскія книги не были внесены въ списокъ (индексъ) запрещенныхъ книгъ или чтобы, по крайней мѣрѣ, предоставить рѣшеніе этого вопроса самой папской куріи. Послѣдняго они, повидимому, добились. Такъ какъ соборъ утвердилъ только тотъ списокъ запрещенныхъ сочиненій, который былъ заранѣе выработанъ папской канцеляріей, то и въ вопросѣ о еврейскихъ книгахъ все зависѣло отъ папы и его приближенныхъ. Рѣшеніе было предоставлено папѣ, который (за деньги) издалъ булу, смыслъ коей былъ слѣдующій: вообще Талмудъ, подобно всей гуманнистической литературѣ, подобно «Глазному зерцалу» и кабалистическимъ сочиненіямъ Рейхлина, а также «письмамъ мракобѣсовъ» Эразма и сочиненіямъ Пиркгеймера, достоинъ проклятія; но онъ все же можетъ быть напечатанъ при условіи, если названіе Талмуда будетъ выпущено, а содержаніе будетъ до опубликованія освобождено отъ враждебныхъ христіанству мѣстъ, т. е. процензуровано (24 марта 1564 г.[2]). Странно, что папа разрѣшилъ самый Талмудъ, а запретилъ названіе его! Онъ опасался общественнаго мнѣнія, которое могло бы найти рѣзкой такую перемѣну отношенія къ Талмуду: одинъ папа совершаетъ обыски и сжигаетъ Талмудъ, а другой разрѣшаетъ его свободное распространеніе. Теперь же имѣлась, по крайней мѣрѣ, возможность снова выпустить въ свѣтъ этотъ, столь необходимый для евреевъ, письменный памятникъ, хотя и въ искаженномъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько лѣтъ спустя въ *Базелѣ* начался печатаніемъ Талмудъ.

Но и эти немногія облегченія были снова отняты у евреевъ церковной области, при преемникѣ Пія IV, уважавшемъ монашескія и фанатическія предписанія болѣе, чѣмъ человѣческое счастье и жизнь, и доведшемъ до крайности церковную систему Карафы и его присныхъ. Пій V (1566 до 1572 г.) по страсти къ преслѣдованіямъ и жестокости превзошелъ

[1]) Эта була наход. въ Bullarium magnum Romanum и въ извлеченіи у Bartolocci Bibliotheca III стр. 741, также въ Schalschelet Ибнъ-Яхіи, въ концѣ.

[2]) Продолжатель Emek ha-Bacha сообщаетъ (стр. 138): גם את התלמוד התירו בעצת החיא—קונציליו בעיר טרינטו—אך כי ישנו את טעמו (את שמו ?).

своего учителя, Павла IV, ибо послѣдній, кромѣ церковнаго рвенія, былъ преисполненъ еще и стремленія къ независимости Италіи и потому часто долженъ былъ подчинять церковные интересы политическимъ. Напротивъ, Пій V, который былъ отъ головы до пятокъ доминиканскимъ монахомъ и ничего не смыслилъ въ политикѣ, приносилъ людей и другіе интересы въ жертвы одному идолу, неприкосновенности папскаго престола. Представляя собою смѣсь простоты, благородства, суровости по отношенію къ самому себѣ и строгой благочестивости съ грубой нетерпимостью, горькой ненавистью и страстью къ кровавымъ преслѣдованіямъ[1]), Пій V охотно превратилъ бы всю землю въ одинъ большой монастырь, а всѣхъ людей въ бичующихъ себя, мрачныхъ и мечтающихъ о небесномъ царствѣ монаховъ и монахинь. Какъ ни велико было число жертвъ, загубленныхъ въ его время молохомъ инквизиціи, папа все же былъ неудовлетворенъ. Самые строгіе католики казались ему недостаточно правовѣрными, если въ какомъ-нибудь незначительномъ пунктѣ они уклонялись отъ взглядовъ, принятыхъ на тридентскомъ соборѣ; онъ бросалъ ихъ въ темницу или въ огонь. Одно время онъ самъ былъ главнымъ инквизиторомъ, и его ухо привыкло къ стонамъ обреченныхъ на сожженіе жертвъ. Этотъ папа ненавидѣлъ евреевъ не менѣе, чѣмъ нѣмецкихъ протестантовъ, швейцарскихъ кальвинистовъ и французскихъ гугенотовъ. Они скоро почувствовали наступленіе новой системы. Спустя три мѣсяца послѣ своего восшествія на папскій престолъ (19 апрѣля 1566 г.) онъ подтвердилъ полностью всѣ ограниченія, установленныя для евреевъ Павломъ IV, еще болѣе ухудшилъ ихъ и упразднилъ всѣ улучшенія своего предшественника, какъ если бы они никогда не были изданы. Появилось снова запрещеніе вступать въ сношенія съ христіанами, пріобрѣтать недвижимость, вести торговлю другими вещами, кромѣ стараго платья, имѣть больше одной синагоги, снова предписаніе носить еврейскіе значки. Но папа распространилъ эти ограниченія не только на евреевъ церковной области, но и на евреевъ всего католическаго міра[2]). Ибо въ то время, въ эпоху церковной реакціи противъ протестантизма, слово папы звучало иначе, чѣмъ прежде, и находило добровольныхъ исполнителей. Такимъ образомъ для евреевъ католическихъ странъ снова наступили тяжелыя времена. Въ особенно тяжеломъ положеніи находились въ то время миланскія общины, ибо ими управлялъ намѣстникъ испанскаго короля, Филиппа II, того мрачнаго тирана, которому доставляло радость зрѣлище корчившихся въ предсмертныхъ мукахъ евреевъ и еретиковъ. Онъ нерѣдко

[1]) Ранке, Монархи и народы II стр. 373.

[2]) Его була въ Bullarium magnum Romanum; также у Іосифа Когена въ ук. м. стр. 130 и у его продолжателя стр. 138.

предписывалъ своему намѣстнику изгнать евреевъ изъ области Милана. Изгнаніе не послѣдовало; но евреи подвергались преслѣдованіямъ, и, инквизиція снова конфисковала еврейскія книги въ Кремонѣ и Лоди. Яростный церковникъ, кардиналъ *Карлъ Боромео,* котораго церковь провозгласила святымъ, также проявлялъ вражду къ евреямъ[1]). Всегда недружелюбно относившаяся къ евреямъ Генуа снова изгнала ихъ изъ своей територіи (15 іюня 1567 г.). Исключеніе должно было быть сдѣлано лишь по отношенію къ еврейскому врачу и историку, *Іосифу Когену,* проживавшему въ Волтаджіо. Но этотъ благородный мужъ не хотѣлъ воспользоваться правомъ, коего лишены были его единоплеменники. Онъ раздѣлилъ съ ними печальную участь и переселился въ Кастелето (въ Монфератѣ), гдѣ онъ былъ дружески принятъ христіанскимъ населеніемъ[2]).

Іосифу Когену приходилось описывать въ его «ежегодникѣ преслѣдованій» все новыя гоненія и собирать въ его «юдоли печали» (Emek ha Bacha) все новыя слезы его соплеменниковъ. Кровожадный Пій V доставлялъ ему богатый матеріалъ. Подъ предлогомъ, будто евреи церковной области преступили подтвержденные имъ каноническіе законы, онъ приказалъ бросить въ темницу многихъ евреевъ, отыскать и сжечь ихъ книги. Въ особенно тяжкомъ положеніи очутилась богатая община Болоньи, богатствами коей хотѣлъ завладѣть папа. Дабы, однако, имѣть законное основаніе для этого грабежа, инквизиція заточила въ тюрьму нѣсколькихъ богатыхъ евреевъ (1567 г.) и, подвергнувъ ихъ формальному допросу, задала имъ цѣлый рядъ щекотливыхъ вопросовъ относительно христіанства, напр., считаютъ ли евреи католиковъ идолопоклонниками, относится ли формула проклятія «минеевъ» и «царства наглости» къ христіанамъ и папству, содержитъ ли малоизвѣстный разсказъ о «незаконно-рожденномъ сынѣ блудной женщины» намекъ на Іисуса и т. д. Одинъ выкрестъ, *Алесандро,* возвелъ противъ евреевъ эти обвиненія, послѣ чего эти вопросы были предложены узникамъ, которыхъ подвергли при этомъ пыткѣ. Нѣкоторые изъ нихъ не вынесли страданій пытки и признали все, что требовала отъ нихъ инквизиція. Только раввинъ Болоньи, *Измаилъ Ханина,* имѣлъ мужество во время пытки заранѣе объявить недѣйствительнымъ всякое признаніе, которое онъ, быть можетъ, сдѣлаетъ подъ вліяніемъ неимовѣрныхъ страданій[3]). Однако, въ виду того, что другіе обвиняемые признали свою вину, то папская курія воспользовалась этимъ какъ поводомъ для ограбленія общины. Богатымъ и именитымъ евреямъ было, подъ угрозой тяжкаго наказанія, запрещено по-

[1]) Іосифъ Когенъ т. же, стр. 129 и слѣд. [2]) Т. же стр. 131.
[3]) Сборникъ ha-Schachar, г. II, вып. I.

кинуть городъ. Но этотъ безсмысленно жестокій запретъ только возбудилъ въ евреяхъ желаніе навсегда покинуть Болонью. Благодаря подкупу привратника, имъ удалось съ женами и дѣтьми избѣгнуть гибели и бѣжать въ Феррару. Папа Пій V былъ такъ раздраженъ за это противъ всѣхъ евреевъ, что объявилъ колегіи кардиналовъ о своемъ рѣшеніи изгнать евреевъ изъ всей церковной области. Нѣкоторые церковные сановники тщетно указывали на то, что папство всегда защищало евреевъ, даже вмѣняло это себѣ въ обязанность, дабы остатки евреевъ не погибли и достигли блаженства. Тщетно купцы въ Анконѣ умоляли папу не разрушать собственными руками цвѣтущую торговлю церковной области. Его ненависть къ евреямъ заглушила въ немъ голосъ разума, справедливости и выгоды. 26 февраля 1569 года была издана була, приказывавшая всѣмъ евреямъ церковной области, за исключеніемъ римскихъ и анконскихъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ покинуть страну; тѣмъ, которые, вопреки булѣ, остались бы въ странѣ, угрожало рабство и еще болѣе тяжкое наказаніе[1]). Но, такъ какъ все же необходимо было указать на какую-нибудь законную причину, то Пій V въ своей булѣ обвинилъ евреевъ въ неисправимости, въ неисполненіи каноническихъ законовъ, ростовщичествѣ, колдовствѣ и введеніи въ соблазнъ христіанъ; при этомъ онъ отрицалъ тотъ фактъ, что евреи, благодаря своимъ торговымъ связямъ съ Турціей, приносятъ огромную пользу церковной области[2]). Терпимость по отношенію къ евреямъ въ Римѣ и Анконѣ папа оправдывалъ тѣмъ, что за ними легче слѣдить церковнымъ властямъ. Особенно суровымъ было распоряженіе о томъ, чтобы эти обѣ общины уплачивали налогъ и за изгнанныхъ евреевъ[3]).

Въ то время въ церковной области, за исключеніемъ городовъ Рима, Анконы и Болоньи, проживало больше 1000 еврейскихъ семействъ, у которыхъ было 72 синагоги: въ *Кампаніи* 19, въ *Романьи* 13, въ области такъ называемаго *Наслѣдія Петра* (Patrimonium Petri) 12, въ *Умбріи* 8, въ *Беневентѣ* 2, въ *Фано* 1, въ находившейся въ южной Франціи папской области, *Венесенѣ* 6, въ Анконѣ 30, въ Римѣ 9 и въ Болоньѣ 11 синагогъ[4]). Несмотря на грозившее имъ разореніе,

---

[1]) Bullarium magnum Pius V, const. 60. I. Когенъ т. же стр. 132, продолженіе стр. 139.

[2]) Вула т. же.

[3]) Revue d. Et. X, 199: זה עשרים שנה ויותר יצאה גזרה מאת אפיפיור שהיה באותו זמן גרש יגרש היהודים הדרים בממשלתו חוץ מרומי ואנקונה באופן כי להם לבדם שאר פרעון דצישפאצו (ר. מישטאצו, testaso) יתפשר ק״ק אנקונה וגם קהילות רומי בסך ידוע לשנה בתנאי שאם יחזרו היהודים לגור בבריגות למר׳קה אסק׳ולי ופאנו יגבו מהם ק״ק אנקונה אפורציאני למען הקל מעליהם. הנה עתה כי פקד ה׳ את עמו ונתן אותו לחן בעיני מעלת האפיפיור יר״ה וחזרו היהודים במלכותו ועיר שם, זעיר שם.

[4]) Bartolocci Bibliotheca III, стр. 757.

почти всѣ евреи рѣшили выселиться, и только немногіе приняли христіанство. Изгнанники потеряли къ тому же все свое имущество, такъ какъ въ теченіе назначеннаго имъ непродолжительнаго времени они не могли сбыть свою недвижимость и не могли взыскать причитавшіеся имъ долги. Историкъ Гедалія ибнъ-Яхія потерялъ въ Равенѣ болѣе 10.000 дукатовъ[1]). Изгнанники разсѣялись, причемъ часть ихъ нашла пріютъ въ близлежавшихъ небольшихъ государствахъ, Пезаро, Урбино, Ферарѣ, Мантуѣ и Миланѣ. Евреи Венесена, единственные евреи, проживавшіе на французской землѣ со времени изгнанія евреевъ изъ Франціи, также были принуждены покинуть Авиньонъ и Карпентра (1570), гдѣ они были такъ избалованы прежними папами[2]).

При Львѣ X, Климентѣ VII и особенно Павлѣ III, принадлежавшихъ къ числу гуманистовъ, евреи Венесена находились подъ покровительствомъ чиновниковъ церковной области. Папская курія почти всѣ свои доходы въ этой области черпала исключительно изъ торговыхъ оборотовъ евреевъ, ибо евреи Авиньона, Карпентра и другихъ городовъ обладали большими богатствами, всякаго рода драгоцѣнностями и даже полями. Имъ разрѣшено было брать крупные проценты, вслѣдствіе чего ихъ должники, конечно, легко разорялись. Двое братьевъ-богачей, *Самуилъ* и *Бондіанъ Крескасы* въ Карпентра, повидимому, завѣдывали даже финансами куріи и потому позволяли себѣ многое по отношенію къ евреямъ и даже христіанамъ[3]). И вотъ внезапно ихъ всѣхъ безъ исключенія изгнали. Въ Карпентра шести богатымъ еврейскимъ семьямъ разрѣшено было остаться съ прислугой въ городѣ еще на два года, чтобы они успѣли взыскать свои долги. Но имъ запрещено было оставить при себѣ дѣтей[4]).

Большинство евреевъ изъ итальянской и французской церковныхъ областей, какъ вообще изгнанники изъ нетерпимыхъ христіанскихъ странъ, переселились въ Турцію, гдѣ они встрѣтили самый радушный пріемъ, если только имъ удалось счастливо достигнуть страны и если ихъ не настигли по дорогѣ разбойники изъ мальтійскаго ордена[5]). Казалось, что наступилъ конецъ евреямъ въ христіанской Европѣ; повсюду ненависть, преслѣдованія, изгнанія; въ католическихъ странахъ фанатизмъ папства, а въ протестантскихъ государствахъ ослѣпленіе опустившагося до безсмысленныхъ словопреній лютеранства. Католи-

---

[1]) Schalschelet въ концѣ. Revue d. Et. IX стр. 85.

[2]) Revue d. Et. XII стр. 163 и слѣд.

[3]) Sadoleti Episcopi Carpentocratensis epist. XII, 17; XIII, 3 и Resp. Исаака де Латесъ, стр. 3: כי האחים האלה (שמואל ובונדיאן קרישקאש) בעלי זרוע נשיאי עדה עשירים קרובים למלכות אשר כל הממשלה על פיהם.

[4]) Revue XII, 165.

[5]) Emek ha-Bacha 132, 140.

цизмъ и протестантство какъ бы хотѣли осуществить часто высказывавшуюся мысль враговъ еврейства, что евреямъ нечего искать на западѣ. Въ видѣ исключенія, бывшіе мараны изъ Португаліи и Испаніи, за которыми такъ кровожадно охотилась папская инквизиція, нашли убѣжище въ Савойѣ (за деньги). Герцогъ этой страны, *Эмануилъ Филиберъ*, былъ отнюдь не другомъ евреевъ. Онъ угрожалъ изгнаніемъ крошечнымъ общинамъ въ этой странѣ; но согласился терпѣть ихъ за единовременную уплату 2.000 дукатовъ и ежегодный взносъ въ 1500 дукатовъ. Португальскіе и испанскіе мараны воспользовались его корыстолюбіемъ и обратились къ нему за разрѣшеніемъ поселиться въ его странѣ. Ихъ капиталы, трудолюбіе и искусность соблазнили его; онъ исполнилъ ихъ просьбу и даровалъ имъ чрезвычайныя привилегіи (1572 г.). Особенно важно было для нихъ, что папская инквизиція не могла преслѣдовать ихъ за отпаденіе отъ церкви, что врачамъ было разрѣшено лечить евреевъ и христіанъ, что они могли одѣваться, какъ христіане ихъ сословія, и что имъ разрѣшено было имѣть и печатать еврейскія книги. Вмѣстѣ съ маранами и ради нихъ Эмануилъ Филиберъ терпѣлъ у себя и итальянскихъ, нѣмецкихъ и левантскихъ евреевъ; кто знаетъ, за какія суммы онъ разрѣшилъ имъ поселиться въ своей странѣ. Однако онъ даровалъ имъ эти привилегіи не на всегда, а лишь на 25 лѣтъ. Поэтому многіе евреи предпочли продолжительную и безкорыстную терпимость Турціи временной и за деньги купленной терпимости христіанства.

---

[1]) Т. же 125, 129.
[2]) Revue d. Et. V, 232 и слѣд.

ГЛАВА XI.

Евреи въ Турціи, донъ Іосифъ Наси.

Политическое положеніе Турціи въ царствованіе Сулеймана. Все возраставшая благосклонность султана къ Іосифу Наси, онъ становится довѣреннымъ лицомъ принца Селима. Враждебное къ нему отношеніе со стороны Франціи и Венеціи. Онъ получаетъ титулъ герцога Наксоса и Цикладскихъ острововъ. Интриги французской дипломатіи, направленныя противъ него. Предательство принимаетъ чрезвычайно благопріятный для Наси оборотъ. Помощь со стороны колегій равиновъ. Онъ осуществляетъ планъ кипрской войны. Вліяніе евреевъ въ Турціи. Соломонъ Ашкенази, еврейскій дипломатъ. Онъ рѣшаетъ вопросъ объ избраніи польскаго короля. Онъ заключаетъ миръ между Турціей и Венеціей. Улучшеніе положенія евреевъ въ Венеціи. Приподнятое настроеніе евреевъ въ Турціи. Моисей Алмосннио, Самуилъ Шуламъ, Гедалія ибнъ-Яхія и его школа поэтовъ, Іегуда Зарко, Саадія Лонго и Израиль Нагара. Стремленіе турецкихъ евреевъ къ независимости. Іосифъ Наксосскій хочетъ основать еврейское государство и сооружаетъ Тиверіаду, какъ убѣжище для евреевъ. Онъ мало интересуется еврейской наукой. Его деспотизмъ по отношенію къ равинамъ. Кодексъ Іосифа Каро, Schulchan Aruch. Азарія деи Роси. Гедалія ибнъ-Яхія и его „цѣпь традиціи“. Экзальтированная кабала Исаака Лурьи и Хаима Витала; ихъ вредное вліяніе. Смерть Іосифа Наксосскаго и герцогини Рейны. Соломонъ Ашкенази въ царствованіе Мурада. Еврейская управительница гарема, Эсѳирь Кіера. Ослабленіе вліянія евреевъ въ Турціи.

(1560 до 1600).

Нити всемірной исторіи снова, какъ и въ прежнія времена, переплелись такъ, что систематическое преслѣдованіе евреевъ въ христіанскомъ мірѣ не повело къ ихъ полному истребленію. Солнце, которое на западѣ омрачилось свинцовыми тучами, освѣтило ихъ на востокѣ своимъ лучезарнымъ сіяніемъ. Благопріятный ходъ событій создалъ имъ въ Турціи положеніе, которое поверхностному взгляду можетъ показаться блестящимъ. Еврей, который въ христіанскихъ странахъ былъ бы безъ промедленія сожженъ на кострѣ, занималъ вліятельное положеніе въ Турціи, былъ сдѣланъ герцогомъ и господствовалъ надъ многими христіанами. Вмѣстѣ съ нимъ и благодаря ему всѣ милліоны турецкихъ евреевъ заняли свободное и независимое положеніе, которому могли бы позавидовать малочисленные и презираемые братья ихъ въ христіанской Европѣ.

Христіанскіе властелины, ненавидѣвшіе евреевъ, со скрежетомъ зубовнымъ смотрѣли, какъ еврейская рука разстраиваетъ ихъ планы и еще болѣе осложняетъ и безъ того запутанныя отношенія. Растоптанный червь оказался еще опаснымъ для своихъ мучителей. *Іосифъ Наси* или *Іоао Микесъ,* презрѣнный португальскій маранъ, причинилъ не мало безпокойствъ христіанскимъ монархамъ и дипломатамъ, которые

были принуждены рабски льстить тому, кого они убили бы, какъ собаку, если бы онъ попался въ ихъ руки. Просвѣщенная венеціанская республика, всемогущая Испанія, чванливая Франція и даже высокомѣрное папство почувствовали на себѣ, какъ опасенъ этотъ презрѣнный еврей.

Іоао Микесъ или донъ Іосифъ Наси[1]) при своемъ прибытіи въ Константинополь былъ рекомендованъ турецкому двору французскими государственными мужами; но онъ самъ еще лучше зарекомендовалъ себя своей привлекательной внѣшностью, своимъ изобрѣтательнымъ умомъ, своей опытностью, а также знаніемъ христіанско-еврейскихъ странъ и ихъ политическаго положенія. Знатокъ людей, султанъ Сулейманъ очень милостиво отнесся къ нему. Сулейманъ носился съ грандіозными планами, хотѣлъ завязать войну съ Испаніей, а также послать свои войска на африканское побережье, гдѣ магометане страдали отъ преслѣдованій инквизиторовъ. Благодаря своимъ богатствамъ и преданности своихъ единовѣрцевъ въ христіанскихъ странахъ, Іосифъ Наси узнавалъ все, что происходило при христіанскихъ дворахъ, и могъ такимъ образомъ сообщать султану правдивыя свѣдѣнія о положеніи политическихъ дѣлъ и военныхъ приготовленіяхъ въ христіанскихъ странахъ. Султану не было, поэтому, надобности содержать шпіоновъ или полагаться на обманчивыя сообщенія христіанскихъ посланниковъ при его дворѣ. Донъ Іосифъ могъ ему помогать мудрыми совѣтами. Такимъ образомъ онъ очень скоро сдѣлался *франкскимъ беемъ,* занявъ выдающееся положеніе въ Константинополѣ, и могъ оказывать большія услуги своимъ единовѣрцамъ. Но его вліяніе еще возросло, благодаря одному благопріятному случаю. Послѣ того, какъ Сулейманъ приказалъ казнить своего старшаго сына, *Мустафу,* за заговоръ противъ его жизни, кандидатами въ престолонаслѣдники оказались два принца: *Селимъ,* мирный, нѣжный, сладострастный, но все же благородный сынъ султана отъ русской жены, Роксоланы, и молодой, воинственный и буйный *Баязидъ* (Баязетъ), любимецъ воиновъ и честолюбцевъ. Планъ Сулеймана о назначеніи престолонаслѣдникомъ не старшаго, а младшаго сына разстроился, вслѣдствіе интригъ гарема и другихъ круговъ. Баязетъ, который по своей природѣ былъ склоненъ къ необдуманнымъ поступкамъ, оказалъ непослушаніе своему отцу и вступилъ въ войну со своимъ братомъ (1556—59). Онъ былъ разбитъ и долженъ былъ бѣжать въ Персію. Преемничество Селима было обезпечено въ случаѣ, если Сулейманъ пережилъ бы своего непокорнаго сына, Баязида. Но, если бы султанъ умеръ раньше, войско провозгласило бы преемникомъ султана воинственнаго принца. Разсчетливые придворные понимали это и потому не хотѣли заступничествомъ за Селима вы-

[1]) Ср. о немъ выше стр. 292 и слѣд.

звать вражду къ себѣ со стороны его брата. Они поэтому держались въ сторонѣ отъ Селима и не вступались за него и передъ отцомъ. Только Іосифъ Наси тепло защищалъ интересы Селима предъ его отцомъ, и, когда послѣдній, въ знакъ милости къ своему сыну, захотѣлъ подарить ему 50.000 дукатовъ наличными деньгами и на 30.000 драгоцѣнностей, то онъ послалъ этотъ подарокъ черезъ посредство своего еврейскаго любимца, который и отправился въ резиденцію принца въ Малой Азіи (1558-59). Принцъ, весьма обрадованный подаркомъ и отцовской милостью, съ того времени сталъ относиться весьма милостиво къ Іосифу Наси и всю жизнь былъ ему благодаренъ за его содѣйствіе. Повидимому, Іосифъ Наси былъ посланъ къ Селиму въ качествѣ довѣреннаго лица и совѣтника, съ цѣлью уберечь его отъ сѣтей, хитро разставленныхъ придворными интригантами, съ цѣлью погубить его. Съ того времени еврейскій бей сталъ любимцемъ Селима, который и назначилъ его почетнымъ членомъ своей тѣлоохраны (мутафарика); этого виднаго сана добивались даже сыновья христіанскихъ князей, и онъ былъ связанъ съ весьма крупнымъ окладомъ. Кромѣ того Селимъ назначилъ годовое жалованье и брату своего любимца, *Самуилу Наси*, который, лишь благодаря властному слову Сулеймана, могъ покинуть Ферару (см. выше, 299). Посланники христіанскихъ дворовъ съ ужасомъ видѣли, какъ росло вліяніе Іосифа Наси, знавшаго всѣ ихъ тайны, и стали распространять о немъ разные клеветническіе и лживые слухи. Они сообщили своимъ дворамъ, что Іосифъ Наси развращаетъ принца и устраиваетъ съ нимъ оргіи и попойки. Посланники Франціи и Венеціи были особенно возбуждены противъ Наси, такъ какъ онъ угадалъ ихъ хитросплетенные планы, направленные противъ Турціи, и сумѣлъ разстроить ихъ, да кромѣ того у нихъ были личныя, денежныя дѣла. Венеціанскія власти бросили въ темницу его тещу, отняли у нея имущество, а къ самому Наси относились весьма пренебрежительно; французскій же дворъ, будучи долженъ фирмѣ Мендесъ - Наси значительную сумму денегъ (150.000 дукатовъ), даже не думалъ о погашеніи долга. Поэтому французскій посланникъ, *Де-ла-Винь*, всячески старался погубить дона Іосифа; онъ просилъ Генриха II написать султану Сулейману, что Іосифъ Наси сообщаетъ врагамъ Франціи о всѣхъ переговорахъ, ведущихся при турецкомъ дворѣ, руководясь при этомъ интересами Испаніи, ибо онъ самъ по происхожденію испанецъ. Де-ла Винь предложилъ также королю написать папѣ, что Іосифъ высокомѣрно обходится съ французскими подданными въ Турціи. Онъ совѣтовалъ королю просить султана и папу строго наказать Наси за его высокомѣріе. Въ видѣ доказательства, султану должны были быть представлены письма Іосифа къ

[1]) Serono, commentarii della Guerre di Cypro, стр. 7.

королю (по поводу долга); этого, по мнѣнію посланника, было вполнѣ достаточно, чтобы Наси былъ наказанъ, и его гордость сломана, ибо онъ, въ качествѣ подданнаго, осмѣлился обратиться съ письмомъ къ французскому королю[1]). Но принцъ Селимъ и султанъ Сулейманъ не только не наказали Іосифа, но даже вступились за него, настоятельно требуя отъ французскаго двора уплаты долга Іосифу. Генрихъ II и его преемникъ оспаривали обоснованныя притязанія Наси, приведя слѣдующій, характерный для тогдашнихъ нравовъ, мотивъ: законъ и религія запрещаютъ королю уплатить долгъ еврейскому кредитору, ибо евреямъ вообще не разрѣшено вести дѣла во Франціи, а ихъ имущество можетъ быть конфисковано королемъ. Конечно, султанъ и его сынъ не могли признать такой морали и, наполовину угрожая, требовали удовлетворенія притязаній Іосифа Наси. Поэтому король Карлъ IX, второй преемникъ Генриха II, сдѣлавшаго этотъ заемъ у Граціи Наси, поспѣшилъ послать въ Турцію особаго посланника съ цѣлью погубить Іосифа Наси и такимъ образомъ быть освобожденнымъ отъ необходимости погасить долгъ. Но Іосифъ, который не уступалъ въ хитрости французскимъ дипломатамъ, сумѣлъ разстроить всѣ ихъ интриги. Селимъ упорно настаивалъ на томъ, чтобы его еврейскій любимецъ былъ удовлетворенъ. Еврейскій поэтъ и купецъ, Дуарте Гомецъ (Соломонъ Уске), находившійся подъ покровительствомъ доны Граціи, получилъ довѣренность и препроводительное письмо съ порученіемъ отправиться во Францію и взыскать долгъ[2]). Милость Сулеймана къ Наси настолько возросла, что онъ подарилъ ему участокъ земли у Тиверіадскаго озера въ Палестинѣ, разрѣшивъ одновременно, чтобы на этой землѣ жили только евреи. Соотвѣтствующая грамота была подписана султаномъ Сулейманомъ, его наслѣдникомъ, Селимомъ, и сыномъ послѣдняго, Мурадомъ, дабы она сохранила свою силу и на будущія времена и не могла быть оспариваема[3]). Селимъ предложилъ своему отцу еще болѣе вознаградить Наси, назначивъ его суверенными правителемъ острова Наксоса и нѣкоторыхъ другихъ острововъ[4]). Но, повидимому, этому воспротивился визирь *Магометъ Соколи,* христіанскій ренегатъ, который уже давно былъ недоволенъ все возраставшимъ вліяніемъ еврейскаго приближеннаго, и планъ Селима не былъ осуществленъ. Проповѣднику *Моисею Алмоснино* изъ Салоникъ, часто бывавшему въ домѣ Наси, уже приснилось даже, что Наси получилъ повышеніе, и онъ передалъ послѣднему объ этомъ вмѣстѣ со своимъ изслѣдованіемъ о сновидѣніяхъ. Въ дипломатическихъ кру-

---

[1]) Charrière, Négociation de la France dans le Levant II, стр. 416.

[2]) Т. же стр. 773.

[3]) Т. же стр. 736; Іосифъ Когенъ, Emek ha-Bacha, стр. 128.

[4]) Алмосанно, Extremos y grandezas de Constantinopla, стр. 77.

гахъ передавали другъ-другу шепотомъ слухъ, что Іосифъ Наси сдѣлается королемъ евреевъ, и французскій посланникъ поспѣшилъ даже оповѣстить объ этой неожиданной новости своего короля.

Правда, королемъ онъ не сдѣлался, но онъ сталъ герцогомъ. Послѣ смерти Сулеймана, когда Селимъ II вступилъ въ столицу и, принимая изъявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ, допустилъ къ себѣ и Іосифа, молодой султанъ тутъ же назначилъ его герцогомъ Наксоса и цикладскихъ острововъ, Андроса, Пароса, Антипароса, Мело, всего двѣнадцати острововъ, которые онъ ему постепенно подарилъ и за которые Іосифъ платилъ лишь незначительную дань. Кромѣ того онъ предоставилъ ему откупъ доходныхъ налоговъ, которые взымались съ винъ, привозимыхъ по Черному морю. Такимъ образомъ, еврей Наси сталъ издавать приказы въ обычномъ высокопарномъ стилѣ: «Мы, герцогъ эгейскаго моря, князь Андроса»[1]). Однако Іосифъ не жилъ въ столицѣ своего герцогства, такъ какъ этимъ онъ удалился бы отъ центра міровыхъ событій. Онъ остался въ своемъ прекрасномъ дворцѣ въ Белведерѣ у Константинополя, а управленіе островами поручилъ одному христіанину, испанскому дворянину, *Коронело,* отецъ коего былъ губернаторомъ Сеговіи и происходилъ отъ крещенаго еврея, министра финансовъ, Авраама Сеніора[2]). Такимъ образомъ, испанскій гидальго оказался на услуженіи у еврея, родители коего были выгнаны изъ Испаніи. Какъ ни косились христіанскіе монархи на еврейскаго герцога, но положеніе дѣлъ въ Европѣ было таково, что они боялись его и принуждены были льстить ему. Онъ хорошо зналъ, что христіанство раскололось на два непріятельскихъ лагеря, ожесточенно враждовавшихъ другъ съ другомъ, и всячески поощрялъ протестантовъ къ стойкому сопротивленію тиранической католической церкви, главари коей, папа и Филиппъ II испанскій, такъ неумолимо преслѣдовали марановъ. Онъ узналъ, что нидерландская аристократія и нѣкоторые города соединились съ цѣлью всѣми средствами воспрепятствовать введенію инквизиціи. Тогда еврейскій герцогъ написалъ совѣту реформатской церкви въ Антверпенѣ (осенью 1556), увѣщевая союзниковъ оказать мужественное сопротивленіе испанскому королю, ибо султанъ Селимъ задумалъ планъ противъ Испаніи, и скоро его оружіе настолько стѣснитъ испанскаго короля, что тотъ позабудетъ Нидерланды[3]). Если христіанскіе монархи хотѣли чего-нибудь добиться при турецкомъ дворѣ, то они принуждены были щадить герцога и его единовѣрцевъ, такъ какъ они знали, какимъ вліяніемъ пользовался онъ при турецкомъ дворѣ. Когда, послѣ новыхъ завоеваній Турціи въ Венеціи и послѣ паденія Шигета, австрійское посольство

[1]) У Курціуса въ ук. м., въ концѣ.

[2]) Т. же стр. 40. [3]) Strada de bello Belgico I, 284 и слѣд.

короля Фердинанда I прибыло въ Константинополь, чтобы умолять о заключеніи мира и привлечь на свою сторону турецкихъ сановниковъ подарками и годовыми окладами, оно имѣло порученіе войти въ соглашеніе и съ Іосифомъ Наксосскимъ. Послы обѣщали ему годовой окладъ въ 2:000 талеровъ (1567 г.). Его лютѣйшіе враги принуждены были скрывать свою ненависть къ нему. Тѣ же, которые не соглашались на это, Франція и Венеція, тяжко пострадали отъ властнаго еврейскаго герцога. Французскій король все еще не хотѣлъ уплатить денегъ, взятыхъ правительствомъ у маранской фирмы Мендеса и слѣдовавшихъ Іосифу Наси. Послѣдній скоро добился отъ султана права конфисковать всѣ суда французскаго флага, прибывавшія въ турецкія гавани. Іосифъ Наси разослалъ свои суда вплоть до Алжира, охотясь за кораблями французскихъ купцовъ. Наконецъ ему удалось задержать нѣсколько французскихъ кораблей въ гавани Александріи; конфискованные товары были проданы, и вырученная сумма была обращена на погашеніе долга (1569). Французскій дворъ поднялъ шумъ, протестовалъ, бѣсновался, но все было напрасно. Селимъ защищалъ своего любимца. Благодаря этому наступило охлажденіе въ дипломатическихъ сношеніяхъ обѣихъ странъ, которое для Франціи было болѣе непріятно, чѣмъ для Турціи.

Французскому посланнику въ Константинополѣ, Де-Граншану, было очень важно свергнуть Іосифа Наксосскаго, ибо отъ этого зависѣла не только его личная честь, но и честь французскаго правительства. Послѣднее такъ часто хвасталось предъ европейскими правителями своимъ вліяніемъ при турецкомъ дворѣ, которое даетъ ему возможность по желанію настроить султана въ пользу мира или войны, и вотъ оказалось, что именно дружественная Турція покрыла позоромъ ихъ флагъ, а они не могли даже добиться удовлетворенія въ видѣ смѣщенія еврея, виновника позора. Французскій посланникъ надѣялся сверженіемъ вліятельнаго и могущественнаго еврея превратить этотъ позоръ въ тріумфъ. Поводомъ послужило недовольство одного изъ агентовъ Іосифа. Еврейскій врачъ, по имени *Давидъ* или *Додъ,* будучи однимъ изъ лейбъ-медиковъ при турецкомъ дворѣ и въ то же время состоя на службѣ у герцога, по порученію послѣдняго, задержалъ французскіе корабли въ Александріи, но считалъ себя оскорбленнымъ и обойденнымъ со стороны герцога. Между ними возникли натянутыя отношенія. Какъ только французскій посланникъ провѣдалъ объ этомъ, онъ постарался подлить масла въ огонь, обѣщалъ Доду большую сумму денегъ и должность переводчика при французскомъ посольствѣ съ большимъ годовымъ окладомъ и сблизился съ нимъ, дабы вывѣдать отъ него какія-нибудь тайны о Іосифѣ Наксосскомъ. Въ своей возбужденности, Додъ возвелъ противъ Наси цѣ-

лый рядъ ни на чемъ неоснованныхъ обвиненій. Онъ обѣщалъ французскому посланнику, *Де-Граншану,* представить неопровержимыя доказательства того, что долговыя обязательства, на основаніи коихъ Наси требовалъ отъ французскаго правительства уплаты денегъ, являются подлогомъ, что Іосифъ обманывалъ султановъ относительно своего прежняго положенія и, самое ужасное, что онъ ввелъ измѣнническую переписку противъ Турціи. Додъ взялся доказать, что Іосифъ о всѣхъ событіяхъ при турецкомъ дворѣ ежедневно сообщаетъ папѣ, королю Испаніи, герцогу Флоренціи, генуэзской республикѣ—словомъ, всѣмъ врагамъ султана. Преисполненный радости отъ возможности свергнуть еврейскаго герцога, Де-Граншанъ сообщилъ шифромъ своему королю и хитрой вдовствующей королевѣ, *Екатеринѣ Медичи,* что ему удастся вскорѣ привести на висѣлицу могущественнаго врага Франціи при турецкомъ дворѣ, но просилъ прислать ему на помощь кого-нибудь, обладающаго краснорѣчіемъ и длинной бородой, который долженъ былъ быть снабженъ полномочіями чрезвычайнаго посланника и потребовать отъ султана принятія энергичныхъ мѣръ противъ Іосифа Наксосскаго (3 и 16 октября 1569). Еврейскій герцогъ, а съ нимъ, вѣроятно, и все еврейство въ турецкой имперіи пребывали въ величайшей опасности. Если бы Додъ выступилъ съ открытымъ обвиненіемъ, французскія деньги поддержали бы интригу, а смертельный врагъ Іосифа, великій визирь, Магометъ Соколи, взялъ бы дѣло въ свои руки, то Наси погибъ бы. Но французскій посланникъ считалъ болѣе цѣлесообразнымъ держать все это до поры до времени въ тайнѣ, вѣроятно, для того, чтобы дать Доду возможность добыть какіе-нибудь документы въ подтвержденіе обвиненій. Онъ поэтому просилъ короля Франціи не разглашать этого дѣла и особенно ничего не говорить турецкому посланнику, въ то время отправившемуся ко французскому двору; «ибо, какъ только онъ узнаетъ объ этомъ, онъ немедленно же дастъ знать Іосифу Наси, а этотъ уже обработаетъ султана такъ, что всѣ планы противъ него рушатся».

Несмотря на то, что интриги Дода и французскаго посланника держались въ тайнѣ, Іосифъ Наси все же провѣдалъ о нихъ и въ самомъ дѣлѣ предупредилъ ихъ. Ему не трудно было убѣдить султана Селима, что онъ ему всегда былъ преданъ и что изъ всѣхъ его придворныхъ онъ самый искренній его сторонникъ. Онъ добился также отъ султана декрета о пожизненной ссылкѣ предателя Дода на островъ Родосъ, куда ссылались турецкіе преступники. По предложенію дона Іосифа или же по собственному побужденію, всѣ раввины и общины Константинополя подвергли Дода и его двухъ клевретовъ отлученію. Къ нимъ присоединились колегіи раввиновъ самыхъ большихъ турецкихъ общинъ, во главѣ

съ Іосифомъ Каро, которые сдѣлали это изъ желанія услужить Наси, не удостовѣрившись раньше въ виновности Дода [1]). Чрезвычайныя старанія французскаго посланника и двора свергнуть еврейскаго любимца Селима потерпѣли полное фіаско и оставили лишь въ душѣ Наси вполнѣ понятное и естественное ожесточеніе, которое побудило его съ удвоенной энергіей бороться съ дипломатическими планами Франціи и всячески препятствовать имъ.

Еще болѣе пострадала отъ Іосифа Наксосскаго венеціанская республика. Между еврейскимъ герцогомъ и просвѣщенной республикой существовала вражда, которую они тщетно старались скрыть, обмѣниваясь взаимными комплиментами. Не говоря уже о преслѣдованіяхъ, которымъ венеціанскія власти подвергли его тещу, они прямо таки отвергли его ходатайство о предоставленіи ему и брату права свободнаго проѣзда черезъ венеціанскую територію[2]). Поэтому Наси часто убѣждалъ Селима, который также недолюбливалъ венеціанцевъ, прервать столь продолжительный миръ съ республикой и завоевать венеціанскій островъ, Кипръ. Несмотря на противодѣйствіе перваго визиря, Магомета Соколи, который благосклонно относился къ венеціанцамъ, Селимъ все же предпринялъ свой кипрскій походъ. Передаютъ, будто султанъ обѣщалъ Іосифу, если завоеваніе Кипра удастся, назначить его королемъ острова. Разсказываютъ также, будто въ домѣ герцога Наксосскаго уже хранилось заранѣе приготовленное знамя съ надписью: «Іосифъ, король Кипра» [3]). Его связи съ Европой облегчили это предпріятіе. Въ то время, какъ Магометъ Соколи все еще боролся противъ этой морской войны, Іосифъ получилъ извѣстіе, что военный арсеналъ Венеціи отъ взрыва пороха взлетѣлъ на воздухъ. Этимъ затруднительнымъ для республики моментомъ воспользовались Наси и тѣ придворные, которыхъ онъ успѣлъ привлечь на свою сторону, чтобы побудить султана немедленно снарядить свой флотъ. Послѣ перваго же приступа былъ взятъ одинъ городъ Кипра, *Никозія,* а другой, *Фамагуста,* былъ осажденъ (1570 г.).

И на этотъ разъ, какъ всегда, всѣ евреи были сдѣланы отвѣтственными за дѣйствія отдѣльнаго еврея. Варварскія международныя отношенія того времени дѣлаютъ понятнымъ, что венеціанскія власти бросили въ темницу всѣхъ левантскихъ, большей частью еврейскихъ, купцовъ, которые

---

[1]) Источники объ этихъ интригахъ: Charrière, Negociation III, стр. 80, 83 и Resp. Иліи б.-Хаимъ מים עמוקים № 55, 56.

[2]) Alberi, Relazioni, серія III, т. 2, стр. 66; также Марія Граціани, de bello Cypri, стр. 35.

[3]) У ф. Гамера, Исторія Османовъ III, стр. 564, Alberi, Relazioni т. же т. 3, стр. 87 и Gratiani т. же, стр. 38.

ко времени объявленія войны находились въ Венеціи, и конфисковали ихъ товары. Но рѣшеніе сената, принятое по предложенію врага евреевъ, дожа *Луиса Моцениго* (18 декабря 1571 г.[1]), объ изгнаніи всѣхъ евреевъ Венеціи, объясняется исключительно рассовой ненавистью, которую сѣяло тогдашнее христіанство. Къ счастью, рѣшеніе это не было приведено въ исполненіе. Несмотря на всѣ усилія папы Пія V создать лигу христіанскихъ государствъ противъ Турціи, вызвать крестовый походъ противъ, такъ называемыхъ, «невѣрующихъ» и изгнать турецкій флотъ изъ кипрскихъ водъ, городъ Фамагуста принужденъ былъ сдаться турецкому полководцу, и такимъ образомъ весь островъ перешелъ въ руки Турціи. Венеціанцы должны были умолять о мирѣ и всѣ свои надежды возложили на посредничество одного вліятельнаго еврея. Несмотря на торжественное рѣшеніе венеціанскаго сената, запретившаго кому-либо вступаться за евреевъ, послѣднихъ все же приходилось терпѣть, такъ какъ Венеція не рѣшалась возстановить противъ себя турецкихъ евреевъ.

Власть послѣднихъ была, дѣйствительно, такъ велика, что христіане обращались къ нимъ съ мольбами о помощи. Нидерланды подняли знамя возстанія противъ Испаніи и мрачнаго короля, Филиппа II, который хотѣлъ ввести военный трибуналъ инквизиціи въ страну, уже давно чуждую католицизма. Кровопійца Альба пытался предупредить отпаденіе и снова ввести въ страну католицизмъ съ помощью гекатомбъ человѣческихъ жертвъ. Висѣлица должна была поддержать пошатнувшійся крестъ. Въ этомъ стѣсненномъ положеніи, нидерландскіе повстанцы, гезы, обратились къ Іосифу Наксосскому, который имѣлъ связи съ нѣкоторыми аристократами во Фландріи. Герцогъ *Вилгельмъ Оранскій,* душа возстанія, послалъ особаго посла къ Іосифу Наксосскому съ просьбой побудить султана объявить войну Испаніи, которая будетъ принуждена въ этомъ случаѣ отозвать свои испанскія войска изъ Фландріи[2]). Іосифъ дѣлалъ всѣ усилія, чтобы настроить султана Селима въ пользу войны съ ненавистнымъ ему Филиппомъ. Но противъ этого возстали многіе сановники, въ особенности первый визирь, Магометъ Соколи, который питалъ симпатію къ Испаніи, какъ къ Венеціи, да и ко всѣмъ христіанскимъ народамъ. Австрійскій императоръ, Фердинандъ, добиваясь благосклонности Турціи, тоже снизошелъ до того, что передалъ черезъ посредство своего посланника собственноручное письмо еврейскому герцогу; это, конечно, лишь усилило зависть перваго визиря. Польскій король, *Сигизмундъ Августъ,* ожидавшій отъ Турціи крупной услуги, также обратился къ

[1]) Продолженіе Emek ha-Bacha, Maskir I, стр. 18.

[2]) Charrière, Négociation III, стр. 61; Strada, de bello Belgico, стр. 135.

нему и, чтобы привлечь его на свою сторону, пожаловалъ его званіемъ «сіятельнаго князя» и, что еще важнѣе, обѣщалъ ему даровать евреямъ своей страны выгодныя привилегіи (1570 г.[1]).

Можно почти сказать, что диванъ или государственный совѣтъ въ Турціи при султанѣ Селимѣ разбился на двѣ партіи, взаимно враждовавшихъ другъ съ другомъ, на тайную христіанскую группу съ первымъ визиремъ во главѣ и на еврейскую, руководимую Іосифомъ Наксосскимъ. На ряду съ дономъ Наси дѣйствовали и другіе евреи, находившіеся, правда, въ извѣстной зависимости отъ Іосифа, причемъ мужчины старались повліять на сановниковъ, а женщины на султаншъ[2]). Благосклонность султана Селима къ евреямъ была такъ очевидна, что создалась даже легенда, будто султанъ самъ урожденный еврей, который младенцемъ попалъ въ гаремъ подъ видомъ принца[3]). Даже первый визирь, Магометъ Соколи, несмотря на то, что былъ врагомъ Іосифа и еврейскаго вліянія, былъ вынужденъ пользоваться услугами еврейскаго посредника для важныхъ дипломатическихъ шаговъ. Венеціанскій посолъ, тайная мисія котораго въ сущности заключалась въ противодѣйствіи евреямъ въ Турціи, самъ доставилъ одному изъ нихъ вліяніе при турецкомъ дворѣ.

Соломонъ б.-Натанъ Ашкенази[4]), который въ теченіе почти трехъ десятилѣтій руководилъ дипломатическими переговорами Турціи съ христіанскими дворами и позже вытѣснилъ Іосифа Наксосскаго, былъ къ тому времени, когда послѣдній пользовался огромнымъ вліяніемъ въ диванѣ, совершенно неизвѣстенъ въ Константинополѣ. Происходя изъ нѣмецкой семьи въ Удинѣ, онъ уже съ раннихъ лѣтъ много путешествовалъ, очутился въ Польшѣ и тамъ достигъ званія перваго лейбъ-медика польскаго короля. При своемъ переселеніи въ турецкую столицу, онъ, въ качествѣ подданнаго венеціанской республики, находился подъ защитой дипломатическаго агента въ Венеціи. Соломонъ Ашкенази былъ свѣдущъ въ Талмудѣ, за что его и называли «раби», но главная его способность заключалась въ умѣніи тонко вести сложные дипломатическіе переговоры, распутывать труднѣйшіе узлы, посредничать, примирять и улаживать. Благодаря этой своей способности, онъ былъ очень любимъ и цѣнимъ смѣнявшими другъ друга венеціанскими агентами въ Константинополѣ, *Брагадиномъ, Соранцо* и *Маркомъ Антоніемъ Барбаро*. Когда вспыхнула кипрская война, онъ состоялъ тайнымъ агентомъ Барбаро и оказалъ ему огромныя услуги, нерѣдко подвергая себя большой опасности. Еще во время войны Барбаро велъ переговоры о мирѣ, но, будучи арестованнымъ, онъ рекомендовалъ

[1]) У ф. Гамера въ ук. м., стр. 610.
[2]) См. примѣч. 8.
[3]) ф. Гамеръ т. же, стр. 563; Charrière т. же, стр. 78.
[4]) См. о немъ примѣч. 8.

Соломона первому драгоману, Янусу-бею, который, въ свою очередь, открылъ ему доступъ къ великому визирю, Магомету Соколи[1]).

Верховный министръ турецкаго двора сразу убѣдился въ дипломатическомъ искусствѣ Соломона, привлекъ его къ себѣ и съ тѣхъ поръ давалъ ему всегда такія порученія, которыя требовали тонкой и искусной дипломатіи. Въ то время, когда турецкое оружіе было еще направлено противъ венеціанцевъ, Соломонъ Ашкенази долженъ былъ уже заложить основаніе будущему миру. Конечно, этимъ Соломонъ навлекъ на себя подозрѣнія противниковъ визиря, вѣроятно, и Іосифа Наксосскаго. Во время пребыванія султана во второй его резиденціи, Адріанополѣ, Магометъ Соколи послалъ туда Соломона, подъ предлогомъ, будто его жена нуждается во врачебной помощи; въ сущности же онъ долженъ былъ наблюдать за всѣми движеніями и событіями въ резиденціи и сообщать объ этомъ визирю. Вслѣдствіе этого военная партія обвинила его въ шпіонствѣ и подвергла его въ комнатѣ султана строгому допросу. Соломонъ находился въ большой опасности и, только благодаря своему уму и находчивости, освободился изъ приготовленной для него петли.

Христіанскіе кабинеты и не подозрѣвали, что ходъ событій, вовлекавшихъ ихъ въ свой круговоротъ, былъ приводимъ въ движеніе еврейской рукой; послѣднее особенно ярко проявилось по поводу избранія польскаго короля. Смерть послѣдняго изъ Ягелоновъ, польскаго короля, Сигизмунда Августа (іюля 1572 г.), не оставившаго престолонаслѣдника, привелъ въ волненіе всю Европу, по крайней мѣрѣ, всѣ кабинеты и дипломатическіе круги. Ближайшее участіе въ этомъ дѣлѣ принимали германскій императоръ, Максимиліанъ II, и русскій царь, Іоаннъ Грозный, сосѣди Польши. Первый привелъ все въ движеніе, чтобы возвести на престолъ своего сына, а второй добивался того, чтобы въ польскіе короли былъ избранъ онъ самъ или же его сынъ. Папа старался, чтобы польскій престолъ достался католику, ибо избраніе сочувствующаго реформаціи короля угрожало бы усиленіемъ все возраставшаго реформаціоннаго движенія въ средѣ дворянъ и въ городахъ Польши и Литвы и отпаденіемъ этихъ странъ отъ папы. Онъ поручилъ своему нунцію и чрезвычайному легату, *Комендони,* дѣйствовать въ этомъ духѣ. Съ другой стороны, протестантскія страны, Германія и Англія, а главнымъ образомъ приверженцы различныхъ сектъ въ Польшѣ были очень заинтересованы въ томъ, чтобы провести короля ихъ же исповѣданія или, по крайней мѣрѣ, не строгаго приверженца католической церкви. Ко всему этому присоединилось личное честолюбіе могущественной французской королевы. Столь же умной, сколь и коварной, вдовствующей королевѣ, *Екатеринѣ Медичи,*

[1]) То же прим.

увлекавшейся астрологіей, было возвѣщено, что всѣ ея сыновья будутъ вѣнценосцами. Дабы исполненіе этого астрологическаго предсказанія не было обусловлено смертью ея царствующаго сына, Карла IX, она хотѣла возложить на голову своего сына, *Генриха, герцога Анжу,* чужую корону. Она и ея сынъ, французскій король, привели всѣ рычаги въ движеніе, чтобы возвести на польскій престолъ герцога Анжу. Но и Турція имѣла важные интересы и большое вліяніе при избраніи короля.

Прежде всего Порта была противъ такого короля, который находился бы въ родственной связи съ одной изъ могущественныхъ христіанскихъ державъ и такимъ образомъ усилилъ бы ея враговъ; поэтому она была противъ избранія въ короли австрійскаго или русскаго ставленника. Кромѣ того она желала, чтобы избраніе пало на одного изъ польскихъ дворянъ, который такимъ образомъ принужденъ былъ бы искать опоры въ Турціи. Великій визирь, Магометъ Соколи, душа турецкаго дивана, охотно способствовалъ бы избранію одного изъ Потоцкихъ, ибо его связывали съ ними родственныя узы.

Такимъ образомъ вокругъ избранія польскаго короля возникъ цѣлый хаосъ интригъ и козней; каждый кандидатъ старался создать сильную партію среди крупнаго и мелкаго польскаго дворянства, а также заручиться симпатіями Порты. Сначала Генрихъ Анжу имѣлъ нѣкоторые шансы, которые, однако, исчезли послѣ кровавой Варѳоломеевской ночи во Франціи, когда, по приказанію короля и вдовствующей королевы, были умерщвлены въ одну ночь сотни тысячъ гугенотовъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей (24 августа 1572 г.). Со времени рѣзни албигойцевъ по папскому приказу въ XIII вѣкѣ, Европа не знала ничего, что хотя бы отдаленно походило на это безчеловѣчное, хладнокровно задуманное и выполненное избіеніе. Лютеране и приверженцы реформаціи во всѣхъ странахъ были точно оглушены этимъ ударомъ. Поэтому кандидаты на польскій престолъ старались использовать ужасы Варѳоломеевской ночи противъ Анжу; даже самъ католическій императоръ, Максимиліанъ, притворился возмущеннымъ, дабы завоевать симпатіи польскихъ элементовъ, сочувствовавшихъ реформаціи. Французскій кандидатъ, его мать и его братъ тѣмъ энергичнѣе старались обработать Порту, дабы заручиться ея содѣйствіемъ. Въ Константинополь былъ посланъ съ этой цѣлью чрезвычайный посолъ, *акскій епископъ.* Такимъ образомъ избраніе польскаго короля въ конечномъ счетѣ зависѣло отъ державшагося въ тѣни еврея. Ибо внѣшней политикой отъ имени султана руководилъ первый визирь, который, однако, находился подъ полнымъ вліяніемъ Соломона Ашкенази. Послѣдній сталъ самъ и привлекъ великаго визиря на сторону Генриха Анжу, когда выяснилось, что Потоцкій не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Кромѣ того еврейскій дипломатъ воспользо-

вался своими связями съ польскимъ дворянствомъ, оставшимися у него еще съ того времени, когда онъ жилъ въ Краковѣ, въ качествѣ лейбъ-медика умершаго короля, Сигизмунда Августа. Когда, наконецъ, благодаря стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, въ польскіе короли былъ почти единогласно избранъ Генрихъ Анжу (май 1573 года), французскій посланникъ, акскій епископъ, хвастался, что въ этомъ избраніи принадлежала ему не послѣдняя роль. Однако Соломонъ Ашкенази справедливо писалъ польскому, а позже французскому королю подъ именемъ Генриха III: «Я болѣе всѣхъ помогъ Вашему величеству быть избраннымъ въ польскіе короли; все, что тутъ (при Портѣ) было сдѣлано, вызвано мною, хотя, какъ мнѣ кажется, акскій епископъ все припишетъ себѣ»[1]).

Когда же Порта поручила этому еврейскому врачу и дипломату заключить, наконецъ, миръ съ Венеціей, который Ашкенази подготовлялъ уже нѣсколько лѣтъ, и послала его въ Венецію, въ качествѣ офиціальнаго своего представителя, это произвело сенсацію въ христіанской Европѣ. Однако еврейскій посланникъ встрѣтилъ сначала нѣкоторыя препятствія со стороны венеціанской республики. Въ сенатѣ долго обсуждался вопросъ о томъ, принять ли еврейскаго посланника, причемъ члены правительства высказались противъ этого. Но, съ одной стороны, на этомъ настаивалъ визирь Магометъ Соколи, такъ какъ онъ питалъ къ Соломону полное довѣріе, къ тому же возложилъ на него одновременно и иную дипломатическую мисію, съ другой же стороны, за него тепло вступился вернувшійся изъ Константинополя консулъ, Маркъ Антоній Барбаро, который неоднократно увѣрялъ сенатъ, что еврейскій дипломатъ питаетъ самыя теплыя симпатіи къ Венеціи. Такимъ образомъ «раби Соломонъ Ашкенази», какъ его называли, прибылъ въ Венецію въ качествѣ чрезвычайнаго посланника Турціи. Согласившись принять его, сановники республики, дожъ и сенаторы, принуждены были оказать ему великія почести и отнестись къ нему съ величайшимъ вниманіемъ, ибо турецкій дворъ былъ весьма чувствителенъ въ этомъ отношеніи, и неоказаніе достаточныхъ почестей его посланнику считалъ оскорбленіемъ. Соломонъ былъ принятъ въ торжественной аудіенціи во дворцѣ дожей, и тамъ былъ подписанъ мирный трактатъ, заключенный между Турціей и Венеціей, причемъ Соломонъ подписался отъ имени первой. Совѣтъ республики относился къ нему съ большимъ вниманіемъ и предупредительностью въ теченіе всего времени его пребыванія въ Венеціи (май—іюль 1574 г.), а всѣ европейскіе посланники добивались его благосклонности. Еврейскій посланникъ имѣлъ также порученіе побудить венеціанскую республику вступить съ Турціей въ наступательный и оборонительный союзъ противъ Испаніи,

[1]) Прим. 8.

съ которой султанъ постоянно находился во враждѣ. Соломонъ отъ имени правительства далъ Венеціи самыя заманчивыя обѣщанія за вступленіе въ этотъ союзъ; однако его усилія не увѣнчались успѣхомъ.

Для своихъ единовѣрцевъ въ Венеціи Соломонъ оказался спасителемъ. Радость, которую испытывали венеціанскіе евреи при видѣ почестей, оказываемыхъ республикой одному изъ ихъ соплеменниковъ, была смѣшана со скорбью и озабоченностью въ виду грозившаго имъ изгнанія. Дожъ Моцениго настаивалъ на осуществленіи ранѣе уже принятаго рѣшенія объ изгнаніи евреевъ (см. выше, стр. 322). Многія еврейскія семьи, не дожидаясь послѣдняго срока, уже успѣли выселиться. Но Соломонъ еще въ Константинополѣ велъ переговоры съ венеціанскимъ агентомъ, *Джакопо Соранцо,* прося его вступиться за изгоняемыхъ евреевъ. По своемъ возвращеніи въ Венецію, Соранцо тотчасъ же возбудилъ въ совѣтѣ дожа и десяти верховныхъ сановниковъ вопросъ объ евреяхъ. Онъ слѣдующимъ образомъ разъяснилъ имъ, какой вредъ причинитъ республикѣ изгнаніе евреевъ: это евреи, изгнанные изъ Испаніи и Португаліи, изготовляли для Турціи пушки и оружіе; кромѣ того очень опасно возбуждать противъ себя евреевъ, которые пользуются такимъ вліяніемъ въ Турціи, тѣмъ болѣе, что дружественныя отношенія къ Портѣ являются для Венеціи лучшей гарантіей мира, ибо на папу и Испанію разсчитывать нельзя. Это ревностное заступничество Соранцо повліяло на дожа и совѣтъ десяти. Декретъ объ изгнаніи евреевъ былъ отозванъ (19 іюля 1573 г.), а присутствіе Соломона въ Венеціи еще болѣе увеличило радость его соплеменниковъ, такъ какъ онъ добился обѣщанія, что евреямъ никогда болѣе не будутъ угрожать изгнаніемъ[1]). Будучи осыпанъ почестями и получивъ въ подарокъ десять фунтовъ золота, Соломонъ возвратился въ Константинополь, гдѣ его положеніе еще болѣе укрѣпилось, его вліяніе еще болѣе возросло. Дожъ относился съ большой внимательностью къ его сыну, *Натану,* воспитывавшемуся въ Венеціи[2]).

Вслѣдствіе вліянія, которое имѣлъ Іосифъ Наксосскій на султана Селима, а Соломонъ Ашкенази на перваго министра, Магомета Соколи, христіанскіе дворы заискивали предъ турецкими евреями въ Стамбулѣ. Если какое-нибудь иностранное правительство хотѣло чего-либо добиться отъ Порты, оно старалось пріобрѣсти еврейскаго посредника, ибо безъ этого не было никакой возможности добиться чего-нибудь[3]). И даже мрачный Филиппъ II, фанатическій врагъ евреевъ и еретиковъ, когда хотѣлъ добиться

[1]) Іосифъ Коганъ, Emek ha-Bacha, стр. 134, продолженіе стр. 147 и слѣд.; Maskir I, стр. 18.

[2]) ф. Гамеръ въ ук. м. IV, стр. 38.

[3]) Charrière, Négociation III, стр. 470 прим.

перемирія съ Турціей, принужденъ былъ обратиться къ посредничеству еврея. Положеніе евреевъ въ Турціи и особенно въ столицѣ, вблизи ихъ могущественныхъ покровителей, было чрезвычайно благопріятное. Они могли свободно развивать свои силы и пріобрѣли большія богатства, которыя уже тогда доставляли власть. Крупная торговля и таможня были большей частью въ ихъ рукахъ. Они также занимались судоходствомъ въ крупныхъ размѣрахъ и конкурировали съ венеціанцами. Въ Константинополѣ они владѣли чрезвычайно красивыми и большими домами, съ садами и кіосками, которые не уступали дворцу визиря[1]).

Въ случаѣ, если евреямъ въ провинціи грозила какая-либо опасность (послѣдняя исходила обыкновенно отъ озлобленныхъ грековъ) или если они хотѣли чего-нибудь добиться отъ правительства, то стоило депутаціи отправиться въ Константинополь, и ихъ желанія, благодаря поддержкѣ ихъ могущественныхъ соплеменниковъ, были удовлетворяемы. Евреи въ Салоникахъ, которымъ, несмотря на то, что они составляли большую часть населенія въ городѣ, приходилось претерпѣвать много непріятностей со стороны греческаго меньшинства, тщетно просили султана Сулеймана о подтвержденіи ихъ привилегій. Ихъ проповѣдникъ, *Моисей Алмоснино,* который вмѣстѣ съ другими представителями салоникской общины ходатайствовалъ объ этомъ, уже отчаявался въ возможности добиться результата. Но, какъ только Селимъ вступилъ на престолъ, и Іосифъ Наксосскій пріобрѣлъ большое вліяніе при дворѣ, Алмоснино немедленно же получилъ грамоту, подтверждающую дарованыя привилегіи[2]).

Благосостояніе, свобода, личная и имущественная неприкосновенность турецкихъ евреевъ не замедлили вызвать въ нихъ приподнятое настроеніе, освободить ихъ умъ отъ повседневныхъ заботъ и возбудить его къ новому творчеству. Духовная плодовитость испанскихъ евреевъ, создавшихъ столь прелестныя и глубокія произведенія, не истощилась, не погасла и въ Турціи. Они сохранили свой прежній интересъ къ исторіи и событіямъ, разыгрывавшимся внѣ еврейства. *Моисей Алмоснино,* во время своего пребыванія въ Константинополѣ, гдѣ онъ ходатайствовалъ о привилегіяхъ въ пользу салоникскихъ евреевъ, очень наглядно изобразилъ полную контрастовъ жизнь въ турецкой столицѣ, ея знойную жару и суровый холодъ, поразительное богатство и ужасающую нищету, расслабляющую роскошь и суровое воздержаніе, щедрую благотворительность и бездушную скупость, чрезмѣрное благочестіе и индиферентное

[1]) Alberi, Relazioni, серія III, т. I, стр. 275 и слѣд., т. 3, стр. 389.

[2]) Алмоснино, сборникъ проповѣдей מאמץ כח № I. Предисловіе къ его Extremos y grandezas de Constantinople. Смотри Франкла Monatsschrift годъ 1864, стр. 42 и слѣд.

невѣріе. Въ своемъ сочиненіи о «контрастахъ и величіи Константинополя»[1]) на испанскомъ языкѣ, Алмоснино изобразилъ съ большимъ знаніемъ дѣла могущество и развитіе турецкой имперіи. Онъ вообще питалъ склонность къ наукамъ и философіи и облекалъ свои проповѣди и толкованія Библіи въ научную форму. Склонность къ исторіи питалъ и врачъ *Самуилъ Шуламъ*, тоже испанецъ по происхожденію, который велъ жизнь искателя приключеній, покуда не встрѣтился въ Константинополѣ съ одной еврейской женщиной, по имени *Эсѳирь Кіера*[2]), которая стояла въ близкихъ отношеніяхъ съ султаншей. Поддерживаемый ею, онъ на ея же счетъ издалъ, хотя плохую, все же полезную хронику Закуто (см. выше, стр. 14), сокращенную и сжатую (1566-67). Онъ прибавилъ въ дополненіе къ ней историческое произведеніе, которое до того времени ускользнуло отъ вниманія евреевъ, именно, арабскую хронику династій сирійскаго хроникера, *Абулфарага Баребреуса;* эту хронику Шуламъ самостоятельно дополнилъ турецкой исторіей. Онъ перевелъ также съ латинскаго языка интересное сочиненіе стараго еврейскаго историка, Іосифа Флавія, въ защиту отъ нападокъ александрійскаго врага евреевъ, Апіона. Болѣе цѣнными были два документа, которые онъ присовокупилъ къ хроникѣ Закуто, историческое посланіе Шериры и важныя сообщенія Натана Бабли о времени гаоновъ, безъ коихъ цѣлая эпоха еврейской исторіи представляла бы собой пустую страницу. Самуилъ Шуламъ намѣревался кромѣ того написать исторію гоненій противъ евреевъ[3]); неизвѣстно, исполнилъ ли онъ свое намѣреніе. Эту мрачную сторону еврейской исторіи, это тысячелѣтнее мученичество еврейскаго племени изобразилъ въ то время болѣе способный историкъ, престарѣлый Іосифъ Когенъ, тоже испанецъ по происхожденію. Его «Юдоль печали»[4]) изображаетъ цѣлый рядъ мрачныхъ зрѣлищъ, истязаній, умерщвленій и горе во всѣхъ его видахъ; но онъ все же могъ заключить свою исторію радостнымъ повѣствованіемъ о томъ,

---

[1]) Названное сочиненіе, Extremos y grandezas de Constantinople, составленное на испанскомъ языкѣ еврейскими литерами въ 1567 г., издано испанскими литерами еврейскимъ переводчикомъ испанской короны, *Яковомъ Кансино*, въ Мадридѣ въ 1638 г.

[2]) См. прим. 8.

[3]) *Самуилъ Шуламъ* присоединилъ къ хроникѣ Закуто, слишкомъ бѣдной свѣдѣніями о гаонахъ, историческое посланіе Шериры и важное сообщеніе Натана Когена Вавилонскаго о послѣднихъ гаонахъ изъ ненайденнаго до сихъ поръ источника. Въ концѣ сочиненія онъ замѣчаетъ, что умышленно пропустилъ сообщенія Закуто объ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи, намѣреваясь составить полную исторію гоненій. Вмѣсто краткой всемірной хроники Закуто, Шуламъ излагаетъ хроникообразно исторію ряда десяти всемірныхъ династій. Исторія Турціи въ этой части — его собственное дополненіе. Наконецъ онъ даетъ въ заключеніе еврейскій переводъ книги Флавія, „противъ Апіона“.

[4]) Сравни выше стр. 310. Заключеніе עמק הבכא отмѣчено 24 тамуза 1575.

какъ венеціанцы, хотя лишь изъ политическихъ разсчетовъ, осыпали почестями еврейскаго посланника Турціи, Соломона Ашкенази.

Блестящее положеніе евреевъ въ Турціи вызывало въ нихъ стремленіе отыскать въ прошлой ихъ исторіи аналогичныя блестящія эпохи. Для выполненія этой задачи всего болѣе подходилъ хромой странникъ, *Исаакъ Акришъ,* который проживалъ во многихъ странахъ и занимался собираніемъ рѣдкихъ сочиненій. Послѣ долгихъ скитаній и лишеній, онъ, наконецъ, причалилъ къ тихой пристани; его поддерживала еврейская меценатка, Эсѳирь Кіера; позже онъ сдѣлался домашнимъ ученымъ герцога Наксосскаго и имѣлъ много времени для удовлетворенія своей страсти. Онъ выбралъ изъ своей колекціи два сочиненія, содержаніе коихъ во многомъ напоминало положеніе турецкихъ евреевъ въ то время, и издалъ ихъ подъ заглавіемъ: «Голосъ радостнаго вѣстника»[1]). Это были: историческіе разсказы объ экзилархѣ *Бостанаѣ,* родомъ будто изъ дома Давидова, находившемся въ милости у перваго калифа, Омара, и женившемся на дочери персидскаго короля[2]), и переписка еврейскаго государственнаго мужа, *Хасдая ибнъ-Шапрутъ,* въ Испаніи, съ еврейскимъ королемъ хазаровъ, *Іосифомъ*[3]).

Даже еврейская поэзія принесла нѣкоторые цвѣты, хотя осенніе, на которыхъ лежалъ отпечатокъ холоднаго солнца и сырого тумана, все же благотворно выдѣлявшіеся на фонѣ безотрадной зимней пустоты другихъ мѣстностей и послѣдующаго времени. Но болѣе самихъ произведеній интересенъ ихъ вдохновитель, Ибнъ-Яхія, одинъ изъ отпрысковъ турецкой линіи этой широко развѣтвленной семьи, которая въ цѣломъ рядѣ поколѣній сохранила аристократизмъ ума и сердца ея племени. Родоначальникъ *Яковъ Тамъ,* сынъ *Гедалія ибнъ-Яхія,* внукъ *Моисей* и правнукъ *Гедалія ибнъ-Яхія II* всѣ съ большой талмудической ученостью соединяли любовь къ наукѣ. Во время чумы Моисей ибнъ-Яхія не только жертвовалъ тысячи дукатовъ въ пользу пострадавшихъ, но и безстрашно ухаживалъ за больными, подвергая свою жизнь большой опасности. Его гостепріимство не дѣлало никакого различія между приверженцами различныхъ вѣроисповѣданій. Его сынъ, *Гедалія,* мудрецъ и краснорѣчивый ораторъ, подражалъ отцу въ его добродѣтеляхъ[4]), присоединяя къ нимъ еще любовь къ поэзіи. Онъ образовалъ поэтическую школу или поэтическій кружокъ. Отъ времени до времени онъ приглашалъ къ себѣ молодыхъ еврейскихъ поэтовъ для прочтенія своихъ стиховъ, а также обращался къ тѣмъ изъ нихъ, которые жили въ отдаленныхъ странахъ,

[1]) קול מבשר, напечатано въ 1577 г. Ср. прим. 7, III.

[2]) Грецъ т. VI стр. 110. [3]) Т. же стр. 274.

[4]) Аматусъ Лузитанусъ, центурія VII, введ.

съ просьбой присылать ему ихъ произведенія, возбуждалъ такимъ образомъ ихъ рвеніе и интересъ къ осиротѣвшей еврейской поэзіи. Изъ многочисленныхъ поэтовъ кружка Ибнъ-Яхіи выдѣлялись двое, *Іегуда Зарко* и *Саадія Лонго*. Къ нимъ можно, пожалуй, еще причислять жившаго въ Дамаскѣ плодовитаго стихотворца, *Израиля Нагару*. Правда, ихъ стихи не блещутъ поэзіей. Въ нихъ нѣтъ ни возвышенныхъ настроеній, ни паѳоса, ни вообще какихъ-либо чувствъ. Религіозныя оды и нравственныя размышленія этихъ трехъ лучшихъ поэтовъ школы Ибнъ-Яхіи полны банальныхъ мѣстъ и вѣчно повторяющихся варіацій на одну и ту же истасканную тему. Болѣе сносными были ихъ эпиграммы, особенно написанныя Зарко. Вообще же эти стихотворцы заслуживаютъ названія поэта только изъ-за звучныхъ и гладкихъ стиховъ. Само собою понятно, что эта плеяда поэтовъ въ своихъ стихахъ воспѣвала своего покровителя и вдохновителя, Гедалію ибнъ-Яхія. Израиль Нагара написалъ въ своей юности много стихотвореній общаго содержанія; его религіозныя стихотворенія (что весьма замѣчательно) построены по образцу его первыхъ произведеній и даже турецкихъ испанскихъ и новогреческихъ любовныхъ пѣсенъ. Израиля Нагару упрекали въ томъ, что опьяненіе порождало его поэтическія изліянія и что въ минуты веселья онъ велъ себя не совсѣмъ пристойно.

Турецкіе евреи принялись и за латинскія стихотворенія. Конечно, авторами ихъ были бывшіе мараны, которые, пребывая въ той огромной тюрьмѣ, какою для нихъ была Испанія и Португалія, научились языку своихъ притѣснителей. Когда добросовѣстный врачъ, Аматусъ Лузитанусъ, популярный цѣлитель и королей, и нищихъ, который, спасаясь отъ нетерпимости реакціонной партіи въ Испаніи (см. выше, стр. 287), переселился въ Салоники и тамъ пріобрѣлъ себѣ новыхъ друзей и поклонниковъ, но вскорѣ палъ жертвой исполненія своего врачебнаго долга, погибнувъ отъ чумы, его другъ, маранъ *Флавіо Якобо де Эвора*, увѣковѣчилъ его память въ прекрасныхъ латинскихъ стихахъ. «Онъ, который такъ часто возрождалъ угасавшую жизнь въ больномъ тѣлѣ страждущихъ и потому былъ такъ любимъ народами и королями, лежитъ нынѣ вдали отъ родины въ македонской землѣ»[1]).

Удовлетворенные своимъ положеніемъ въ настоящемъ, турецкіе евреи стали подумывать о независимости. Въ то время, какъ евреи въ христіанскихъ странахъ и не мечтали объ этомъ, издавна привыкнувъ къ покорности и къ сгибанію спины предъ своими притѣснителями, турецкіе евреи, напротивъ, чувствовали потребность въ самоуправленіи и

[1]) Barbosa Machado, Bibliotheca Lusitana I, стр. 129. Аматусъ умеръ 21 января 1568 г.

независимости. Сообщенія авантюриста Давида Реубени о воинственныхъ еврейскихъ племенахъ и коронованныхъ еврейскихъ властелинахъ въ Аравіи и Нубіи серьезно занимали турецкихъ евреевъ. Они жадно прислушивались къ вѣстямъ изъ тѣхъ странъ, стараясь найти въ слухахъ и толкахъ подтвержденіе своихъ догадокъ. Къ этому примѣшивались и месіанскія мечтанія: если, въ самомъ дѣлѣ, имѣются еще независимыя еврейскія племена, то слова пророковъ о будущемъ блескѣ еврейскаго народа не были бреднями и непремѣнно придутъ въ исполненіе. Поэтъ и историкъ, *Самуилъ Уске*, который, спасаясь отъ яростныхъ преслѣдованій противъ марановъ, повидимому, переселился изъ Ферары въ Константинополь, вмѣстѣ съ друзьями широко распространилъ собранныя имъ свѣдѣнія объ этихъ независимыхъ еврейскихъ племенахъ[1]). Даже Исаакъ Акришъ, который весьма недовѣрчиво относился къ подобнаго рода извѣстіямъ и считалъ Самуила Уске и его друзей фантазерами и лжецами, даже онъ съ радостью прислушивался къ вѣстямъ о независимомъ еврейскомъ государствѣ въ Африкѣ и даже печаталъ ихъ, какъ заслуживающія довѣріе[2]). Тогдашнее положеніе евреевъ способствовало распространенію подобныхъ небылицъ.

Іосифъ Наксосскій уже давно носился съ планомъ основанія небольшого еврейскаго государства. Въ качествѣ еврея и государственнаго мужа, онъ глубоко сочувствовалъ этому плану, а несмѣтныя богатства его тещи, находившіяся въ его распоряженіи, давали ему возможность осуществить свою мечту. Еще въ качествѣ бѣглаго марана онъ серьезно ходатайствовалъ предъ венеціанской республикой о предоставленіи ему одного изъ принадлежавшихъ ей острововъ для заселенія его евреями. Но его ходатайство было отклонено[3]), либо изъ-за расоваго фанатизма, либо же изъ боязни конкуренціи. Позже, когда онъ находился въ милости у принца Селима и султана Сулеймана, онъ получилъ въ подарокъ отъ нихъ развалины города Тиверіады и семь деревень съ разрѣшеніемъ превратить ихъ въ небольшое еврейское государство. Только евреи имѣли право тамъ жить. Іосифъ Наксосскій послалъ туда для руководительства возстановленіемъ Тиверіады одного изъ своихъ агентовъ, *Іосифа б.-Ардутъ*, который получалъ отъ Селима 60 асперовъ ($1^1/_6$ дуката) въ день. Постройка города совершалась, главнымъ образомъ, на деньги доны Граціи. Турецкій принцъ отдалъ сирійскому пашѣ приказъ всячески содѣйствовать работамъ по постройкѣ города. Арабскіе поселяне были принуждаемы участвовать въ этихъ работахъ. Но они противились этому, ибо, по преданію, распространенному среди магометанъ, съ воз-

[1]) Сравни прим. 7. [2]) Акришъ въ קול מבשר, въ концѣ.

[3]) Strada, de bello Belgico, стр. 135.

становленіемъ Тиверіады іудаизмъ восторжествуетъ надъ всѣми другими религіями, а исламъ погибнетъ. Какой-то старый магометанинъ снова пробудилъ эту вѣру и возбуждалъ магометанскихъ рабочихъ противъ возстановленія города. Паша изъ Дамаска долженъ былъ вмѣшаться, и только послѣ того, какъ двое строптивыхъ рабочихъ были привлечены къ турецкому суду, остальные согласились исполнить требованіе и участвовать въ работахъ. Въ теченіе одного года было закончено сооруженіе города Тиверіады съ красивыми новыми домами и улицами. Іосифъ Наксосскій хотѣлъ сдѣлать изъ нея фабричный городъ, который долженъ былъ бы вступить въ конкуренцію съ венеціанцами. Онъ приказалъ привезти туда тутовое дерево для разведенія шелковичнаго червя и изготовленія шелковыхъ тканей; онъ выписалъ также изъ Испаніи тонкую шерсть для приготовленія сукна[1]).

Іосифъ Наксосскій обратился къ евреямъ съ призывомъ[2]), предлагая притѣсняемымъ и угнетаемымъ христіанской любовью поселиться въ созданное имъ убѣжище, Тиверіаду, гдѣ они обрѣтутъ покой. Съ присущей ему практичностью, онъ желалъ привлечь въ свое убѣжище трудоспособныхъ ремесленниковъ, чтобы способствовать процвѣтанію еврейской колоніи, а не мистиковъ и фантазеровъ, увлекавшихся мечтой о томъ, что съ возстановленіемъ Тиверіады наступитъ месіанское царство въ Св. землѣ. Призывъ, конечно, встрѣтилъ радостный откликъ. Первыми отозвались на него евреи церковной области, которыхъ жестокая була папы Пія V повергла въ отчаяніе. Еврейскій герцогъ позаботился также о томъ, чтобы дать переселенцамъ возможность совершить переѣздъ. Его корабли поджидали ихъ въ италіанскихъ портовыхъ городахъ, Венеціи, Анконѣ и другихъ, дабы защитить ихъ отъ нападеній ханжескихъ пиратовъ мальтійскаго ордена; ибо эта священная братія проявляла свое рыцарство по отношенію къ евреямъ, ограбляя ихъ или принуждая принять христіанство. Сколько новыхъ колонистовъ прибыло въ Тиверіаду, неизвѣстно; но сомнительно, чтобы они содѣйствовали плану Іосифа.

Онъ самъ, повидимому, не очень много занимался этимъ новымъ убѣжищемъ; его планы вообще были слишкомъ широки, чтобы новая Тиверіада могла сыграть крупную роль. Онъ прежде всего старался получить Наксосъ и близлежащіе острова Эгейскаго моря, какъ самостоятельное герцогство. Когда же его завѣтная мечта исполнилась, и султанъ Селимъ назначилъ его герцогомъ, онъ уже забылъ про свое намѣ-

[1]) Charrière, Négociation II, стр. 736, Gratiani, de bello Cypro стр. 374, прим., Іосифъ Когенъ, Emek ha-Bacha, стр. 227 и слѣд.

[2]) Прим. 6 въ концѣ.

реніе заселить свое герцогство евреями; можетъ быть, это было и неосуществимо. Затѣмъ всѣ его усилія были направлены на полученіе званія Кипрскаго короля. Возможно, что, если бы онъ получилъ во владѣніе этотъ островъ богини красоты, онъ превратилъ бы его въ еврейское государство. Но его врагъ, визирь Магометъ Соколи, помѣшалъ этому и разрушилъ тѣмъ его иллюзіи о созданіи независимаго еврейскаго государства.

Вообще же Іосифъ Наксосскій не сдѣлалъ ничего существеннаго и важнаго для еврейства. Онъ все носился съ разными планами, которые, однако, не осуществлялись либо потому, что его энергія внезапно ослабѣвала, либо потому, что онъ пользовался нецѣлесообразными средствами. Это объясняется его недостаточнымъ знакомствомъ съ еврейской письменностью, а также малымъ пониманіемъ значенія науки. Въ этомъ отношеніи Іосифъ Наксосскій не выдерживаетъ никакого сравненія ни съ государственнымъ мужемъ, Хасдаемъ Шапрутомъ, ни даже съ Самуиломъ Нагидомъ, которые считали задачей своей жизни поддержаніе еврейской науки. Онъ, правда, основалъ въ своей резиденціи, Белведерѣ, близъ Константинополя школу и вообще поддерживалъ талмудистовъ; но это было у него дѣломъ скорѣе внѣшней религіозности, чѣмъ внутренняго побужденія и стремленія способствовать развитію талмудической науки. Если бы онъ остался христіаниномъ, онъ съ тѣмъ же рвеніемъ строилъ бы монастыри. Онъ покупалъ также рѣдкія еврейскія рукописи, заказывая на свой счетъ и копіи съ рѣдкихъ манускриптовъ; но, вѣдь, и бѣдный Исаакъ Акришъ по собственному почину еще раньше его составлялъ большую колекцію рѣдкихъ рукописей[1]). Іосифъ основалъ въ Константинополѣ типографію, но напечаталъ въ ней лишь часть еврейской Библіи, а потомъ закрылъ ее, такъ какъ она не приносила достаточно доходовъ[2]). Но до и послѣ него менѣе богатые предприниматели содержали типографіи въ Салоникахъ и Константинополѣ. Іосифъ Каро, заслуженный авторитетъ Палестины, который такъ горячо вступился за Наси, когда тому грозила опасность, принужденъ былъ собирать деньги, необходимыя для напечатанія одного изъ своихъ обширныхъ сочиненій, въ Италіи, такъ какъ онъ не встрѣтилъ поддержки со стороны богатаго еврейскаго герцога. Іосифъ Наксосскій вообще не задумывался надъ вопросами религіи; весь свой несомнѣнно выдающійся умъ онъ направилъ на свѣтскія дѣла, принимая религію іудаизма какъ унаслѣдованную традицію, относительно коей собственно излишни всякія изслѣдованія. На старости

[1]) Акришъ, предисл. коментарія къ Пѣсни пѣсней.

[2]) У Charrière въ ук. м. II, стр. 779.

лѣтъ онъ, правда, отпечаталъ небольшую религіозную бесѣду[1]), которую онъ велъ съ однимъ христіаниномъ, невѣрующимъ и въ то же время полнымъ астрологическихъ заблужденій. Неизвѣстно, что въ этой бесѣдѣ принадлежитъ перу Іосифа и что сочинено издателемъ *Исаакомъ Онкенейрой*; но, если даже приписать все произведеніе самому Іосифу Наксосскому, то послѣднее доказывало бы только, что онъ успокоился на воззрѣніяхъ Талмуда, устраняя отъ себя всѣ религіозныя и философскія проблемы.

Іосифъ Наксосскій вообще не былъ способенъ вызвать духовный подъемъ среди евреевъ; благодаря своимъ сношеніямъ съ турецкимъ дворомъ, онъ сталъ гордымъ и высокомѣрнымъ, требуя отъ всѣхъ безпрекословнаго подчиненія. Онъ относился къ равинамъ, коихъ онъ содержалъ, какъ къ своимъ капланамъ, которые должны были оправдывать и поддерживать своимъ авторитетомъ всякій его капризъ, даже несправедливый; за непослушаніе онъ лишалъ ихъ своей милости. Поэтому, когда, по капризу или изъ-за разсчета, онъ захотѣлъ вернуть изъ ссылки на Родосъ своего прежняго агента, *Дода*, который, по его же настояніямъ, былъ подвергнутъ отлученію и сосланъ (см. выше, стр. 320), онъ потребовалъ отъ равиновъ снять съ Дода отлученіе съ той же быстротой, съ какой они нѣсколько раньше, по его приказу, отлучили Дода. Однако это было не легко сдѣлать. Ибо, по закону, столь торжественное отлученіе, произнесенное такимъ большимъ числомъ равиновъ и общинъ, вообще не могло быть снято, тѣмъ болѣе, что многихъ равиновъ, принимавшихъ участіе въ произнесеніи отлученія, къ тому времени не было въ живыхъ. Тѣмъ не менѣе Іосифъ Наси требовалъ особенно отъ константинопольскихъ равиновъ снятія отлученія съ Дода; за непослушаніе онъ грозилъ не только прекращеніемъ поддержки, но и своей немилостью. Однако нравственный уровень и религіозность равиновъ не позволяли имъ уступить этому маленькому тирану. Престарѣлый равинъ, *Іосифъ ибнъ-Лабъ,* хотя находился на содержаніи у Наси, тѣмъ не менѣе не согласился снять съ Дода отлученіе; къ нему присоединились вся его коллегія и равины Египта, Александріи и Салоникъ, которые были запрошены объ этомъ. И только два константинопольскихъ равина, *Илія бенъ-Хаимъ и Іегуда Алгази,* высказались въ пользу Іосифа Наксосскаго[2]).

---

[1]) Заглавіе פורת יוסף, издано Іосифомъ Онкенейрой 1577. Ср. объ этомъ Вѣнскій ежегодникъ Вертгеймера за 1856 г. къ біографіи Іосифа Флавія.

[2]) Resp. Иліи б.-Хаимъ מים עמוקים № 55, 56; въ послѣднемъ № сказано: וכל שכן אם יש בענין רצון השר (דון יוסף הנשיא) אשר הוא קרוב למלכות ואיכא קפידא לעשות את שאלתו שאין לנו לקפח פרנסתנו ודאי ולהכניס עצמנו בסכנת שנאתו מפני הנדוי . . ואין לנו להכניס עצמנו בשנאת השר כדי להחזיק הנדוי.

Такимъ образомъ чрезвычайно благопріятное положеніе евреевъ въ Турціи, длившееся довольно долгое время, не привело ихъ къ духовному подъему. Оно не способствовало появленію выдающейся личности, которая произнесла бы новое, значительное слово и предначертало бы заурянымъ людямъ новые пути; исключеніе составляетъ лишь Азарія деи Роси. Ни одинъ изъ главарей общинъ въ то время не возвышался надъ среднимъ уровнемъ заурядныхъ людей. Равины и проповѣдники отличались большой ученостью въ своей области, но шли по протореннымъ дорожкамъ и не создали ничего даже въ своей узкой области. И только одинъ равинъ оставилъ потомству грандіозный трудъ, который и по сіе время имѣетъ большое значеніе; но и онъ не создалъ ничего новаго, самобытнаго. *Іосифъ Каро,* первый равинъ палестинскаго города Сафета, ученикъ мистика Молхо (см. выше, стр. 196), Берава и духовидцевъ (стр. 250), послѣ многолѣтнихъ трудовъ, закончилъ, наконецъ, свой новый сводъ религіозныхъ законовъ (Schulchan Aruch[1]). Религіозныя исканія, кабалистическая экзальтація и честолюбіе наложили отпечатокъ на этотъ трудъ. Іосифъ Каро все еще имѣлъ сновидѣнія, въ коихъ ему возвѣщалось, что, послѣ завершенія своего религіознаго кодекса, который послужитъ общей нормой для всего еврейства, онъ сдѣлается высшимъ авторитетомъ, осуществитъ неудавшуюся попытку Якова Берава возстановить обрядъ рукоположенія равиновъ[2]) и тѣмъ ускоритъ наступленіе месіанскаго царства. И онъ всю свою жизнь посвятилъ[3]) собиранію обширнаго матеріала, изложенію всѣхъ доводовъ въ защиту и противъ отдѣльныхъ постановленій и ихъ тщательной группировкѣ. Правда, это соотвѣтствовало назрѣвшей потребности. Ибо въ то время, дѣйствительно, ощущался недостатокъ въ общихъ нормахъ, которыя бы охватывали всю область религіозной практики; это ощущалось не вслѣдствіе отсутствія науки, какъ во время Маймонида, а, напротивъ, вслѣдствіе избытка науки. Переселенія евреевъ съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ, а также книгопечатное искусство вызвали коренной переворотъ. Еврейскія книгопечатни въ Италіи облегчили пріобрѣтеніе сочиненій, бывшихъ до того времени дорогими и рѣдкими. Талмудъ, коментаріи къ нему, разнаго рода религіозные кодексы и собранія равинскихъ отзывовъ печатались все въ большемъ количествѣ; число свѣдущихъ въ Талмудѣ быстро возрастало. Интеллигентные бѣдняки получали эти книги въ подарокъ отъ богачей или пользовались ими въ библіотекахъ, которыя находились при школахъ почти во всякой общинѣ. Кромѣ того, благодаря многочисленнымъ раздроблен-

[1]) Впервые появился въ Венеціи въ 1567 и до 1598 г. выдержалъ 7 новыхъ изданій; ср. библіографовъ.

[2]) См. выше стр. 249. [3]) Отъ 1522 до 1556.

нымъ общинамъ, возникшимъ въ Европейской и Азіатской Турціи, ощущался большой недостатокъ въ равинахъ; въ каждой маленькой общинѣ былъ равинъ, а часто даже цѣлая колегія. Каждый сколько-нибудь способный человѣкъ брался за изученіе талмудической и равинской письменности, такъ какъ всякій былъ увѣренъ, что гдѣ-нибудь найдетъ себѣ пропитаніе. Поэтому въ 16 столѣтіи было много больше, чѣмъ когда-либо лицъ, свѣдущихъ въ Талмудѣ. Такъ какъ Талмудъ, а особенно болѣе поздніе религіозные кодексы содержатъ въ себѣ противорѣчивыя сужденія почти по каждому вопросу религіозной, ритуальной, правовой и семейной жизни, то рѣдко два равина сходились въ своихъ мнѣніяхъ по какому-либо вопросу; это, въ свою очередь, повело къ препирательствамъ, ссорамъ и дрязгамъ въ общинахъ. Каждый равинъ по желанію могъ отыскать въ разросшейся письменности нужные ему аргументы. Одинъ придерживался Маймонида, другой—Алфаси, третій—либо Ашери или кодекса Якова Ашери, либо Нахманида, Бенъ-Адрета или какого-либо другого авторитета; нѣмецкіе евреи придерживались большей частью нѣмецкихъ авторитетовъ.

Своимъ новымъ религіознымъ кодексомъ Іосифъ Каро хотѣлъ воспрепятствовать этой разрозненности. Онъ охватилъ своей памятью всю почти необозримую область талмудической и равинской письменности, но не сумѣлъ вполнѣ распоряжаться ею. Въ своемъ трудѣ онъ слѣдовалъ порядку, установленному въ кодексѣ Якова Ашери, исправляя его на основаніи постановленій другихъ авторитетовъ и дополняя позднѣйшими элементами. Вообще Каро придалъ своему труду характеръ свода законовъ, самостоятельно обрабатывая, формулируя и округляя каждый отдѣлъ, между тѣмъ, какъ Яковъ Ашери часто приводилъ постановленія въ той формѣ, въ какой онъ ихъ находилъ, и даже упоминалъ имя ихъ автора. Каро, напротивъ, въ этомъ отношеніи болѣе придерживался Маймонида. Въ большинствѣ случаевъ онъ слѣдовалъ принципу большинства голосовъ. Гдѣ Алфаси, Маймонидъ и Ашери расходились во мнѣніяхъ по какому-нибудь вопросу, тамъ онъ принималъ то мнѣніе, котораго придерживались двое изъ нихъ, и отвергалъ мнѣніе третьяго. Такъ какъ онъ былъ по происхожденію испанецъ, то онъ невольно предпочиталъ взгляды испанскихъ талмудистовъ мнѣніямъ нѣмецкихъ и французскихъ равиновъ, и потому у него получилась нѣкоторая односторонность. Онъ преклонялся предъ обычаями и традиціями испанскихъ евреевъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ они заслуживали, и помѣстилъ ихъ въ своемъ кодексѣ, въ качествѣ обязательныхъ нормъ. И только относительно нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обычаевъ, которые частью уже встрѣчаются въ Талмудѣ, хотя и были обойдены молчаніемъ Май-

монидомъ и Яковомъ Ашери, частью же возникли лишь позже, онъ сталъ на сторону нѣмецкой школы и принялъ ихъ въ свой кодексъ. Такъ, напримѣръ, Каро въ своемъ кодексѣ предписываетъ омовеніе рукъ утромъ, послѣ сна или послѣ извѣстныхъ отправленій для того, чтобы изгнать злой духъ[1]), и постъ въ субботу для того, чтобы устранить вредъ злыхъ сновидѣній[2]); онъ предписываетъ также не хоронить враговъ рядомъ[3]). Своей чрезмѣрной набожностью онъ превзошелъ Якова Ашери. Онъ предписываетъ: въ субботу нельзя даже читать стиховъ или разсказовъ; собственно этого нельзя дѣлать и въ будни, особенно не слѣдуетъ читать такія произведенія, которыя трактуютъ о любви и распущенности, какъ напримѣръ, новелы Имануила Роми[4]); авторовъ, переписчиковъ и издателей такихъ сочиненій слѣдуетъ причислить къ совратителямъ. Само собою разумѣется, что Каро внесъ въ свой кодексъ и кабалистическіе элементы[5]), хотя и не въ большомъ количествѣ, не желая, повидимому, ставить въ религіозной практикѣ Зогаръ на одну линію съ Талмудомъ. Въ его кодексъ вошли и превосходныя ученія, позаимствованныя изъ Талмуда и равинской письменности о святости, цѣломудріи, братской любви, нравственности и честности; но они теряются въ этомъ морѣ казуистическихъ подробностей, подраздѣленій, разъясненій и оговорокъ. Всѣ возможные и невозможные, когда-либо возникавшіе вопросы затронуты, обсуждены и разъяснены въ кодексѣ Каро. Словомъ, въ немъ живетъ духъ не того іудаизма, который былъ данъ Израилю на Синаѣ, возвѣщенъ пророками и проповѣдуемъ Маймонидомъ. Но этотъ новый іудаизмъ вполнѣ соотвѣтствовалъ представленіямъ евреевъ того времени, и потому кодексъ Каро былъ съ радостью принятъ, распространенъ и признанъ несокрушимой нормой не только въ Турціи и на всемъ Востокѣ, но и въ Италіи и даже Польшѣ[6]). Каро былъ яростнымъ врагомъ всякаго углубленія въ религіозные вопросы и считалъ тяжкой ересью малѣйшее сомнѣніе въ правильности какой-либо талмудической сентенціи; но онъ не стоялъ одиноко въ еврействѣ, ибо такъ же, какъ и онъ, думало и чувствовало въ то время большинство его единовѣрцевъ, ученыхъ и неученыхъ.

Такимъ образомъ религіозная жизнь достигла завершенія и единства, но на счетъ свободы духа и внутренняго убѣжденія. Каро придалъ еврейству ту неизмѣнную форму, которую оно сохранило и по на-

[1]) Кодексъ Orach Chajim § 4.

[2]) Т. же § 288.

[3]) Jore Deah § 362.

[4]) Ист. Греца, т. VIII, стр. 221.

[5]) Orach Chajim § 61, 3.

[6]) Соломонъ Лурія, ים של שלמה къ Chulin въ предисловіи: והנה שגו בזה מאחר שראו שכך כתב בספרו שכך הלכה. אמרו: כך כתב הקארו להד״א.

стоящій день. Сновидѣніе Каро отчасти исполнилось. Его кодексъ сталъ достояніемъ всего еврейства и создалъ религіозное единство. Но вождемъ еврейства, какъ это ему неоднократно возвѣщалъ «духъ мишны», онъ не сдѣлался, его почитали лишь однимъ изъ авторитетовъ на ряду съ другими. Не удалось ему также возстановить рукоположеніе судей-равиновъ и синедріонъ и тѣмъ менѣе вызвать пришествіе месіи.

Въ то время въ Италіи жилъ человѣкъ, который не только превосходилъ своимъ пытливымъ умомъ и стремленіемъ къ истинѣ всѣхъ своихъ еврейскихъ современниковъ, но былъ бы въ состояніи очистить еврейство отъ плевелъ, примѣшавшихся къ нему въ теченіе послѣднихъ вѣковъ, если бы только его эпоха благопріятствовала этому стремленію или если бы онъ обладалъ мужествомъ смѣло выступить противъ направленія своего времени. *Азарія б.-Моисей деи-Роси* (min ha-Adomim, род. въ Мантуѣ прибл. въ 1514 г., ум. въ 1578 г.[1]), происходившій изъ стараго итальянскаго рода, настолько увлекся чтеніемъ книгъ, что даже подорвалъ этимъ свое здоровье. Слабый, желтый, исхудалый, мучимый припадками лихорадки, онъ бродилъ, какъ тѣнь, какъ призракъ мертвеца. Но въ этомъ живомъ трупѣ работалъ подвижной и сильный умъ. Онъ прекрасно ознакомился со всей еврейской письменностью, кромѣ того оріентировался въ исторической литературѣ на латинскомъ языкѣ, а также занимался медициной. При всемъ этомъ онъ много странствовалъ, жилъ нѣкоторое время въ Ферарѣ, потомъ въ Болоньѣ, затѣмъ послѣ изгнанія евреевъ изъ Болоньи при папѣ Піѣ V (см. выше, стр. 311) онъ во второй разъ поселился въ Ферарѣ на продолжительное время. Онъ находился въ сношеніяхъ съ лучшими людьми того времени, евреями, маранами и христіанами, преклонявшимися предъ его поразительной ученостью. Но его духовныя сокровища не были мертвымъ капиталомъ, а создавали все новыя богатства. Особенно привлекала его древняя исторія. Деи-Роси былъ однимъ изъ немногихъ, основательно знавшихъ еврейско-греческихъ писателей, Филона и Іосифа (правда, въ латинскомъ переводѣ), и литературу отцовъ церкви. Но еще болѣе, чѣмъ его изумительной начитанности, слѣдуетъ удивляться тому, какъ онъ использовалъ ее. Онъ первый привелъ въ соприкосновеніе и сопоставилъ двѣ столь отдаленныя одна отъ другой области, Талмудъ съ его развѣтвленіями съ одной стороны и Филона, Іосифа и отцовъ церкви съ другой, стараясь, посредствомъ сличенія различныхъ источниковъ, установить достовѣрность историческихъ фактовъ. Деи-Роси не удовлетворялся простыми сообщеніями, а старался, путемъ тщательнаго разсмотрѣнія и освѣщенія, установить степень ихъ

[1]) См. превосходную біографію его, сост. Цунцемъ, въ Kerem Chemed V, стр. 131 и слѣд.

достовѣрности. Въ христіанскихъ, какъ и въ еврейскихъ кругахъ, все, что сообщено было въ религіозной письменности, принималось, безъ дальнѣйшей критики, за неоспоримую истину. Это обстоятельство было источникомъ печальныхъ заблужденій, превратныхъ представленій, вражды и обособленности. Еврей вѣрилъ во все, что разсказывалось въ Талмудѣ, а христіане считали истиннымъ все, что приводилось въ Евангеліи и у отцовъ церкви. Такъ какъ авторы этихъ различныхъ писаній считались авторитетами въ вопросахъ вѣры, то приверженцы той или другой религіи слѣпо вѣрили всякому слову ихъ, не провѣряя его истинности. Поэтому велика заслуга Деи-Роси, освободившагося отъ этой догматичности и начавшаго различать между исторіей и преданіями, истиной и сказками, зерномъ и шелухой. Ореолъ, которымъ вѣрующее потомство окружило старые авторитеты, не ослѣплялъ его, и онъ посмотрѣлъ на нихъ, какъ на людей, которые въ числѣ многихъ истинныхъ сообщеній и мыслей высказывали и ложныя идеи, передавали и недостовѣрные факты.

Случайное событіе обнаружило духовныя богатства Деи-Роси. Въ Ферарѣ, куда онъ незадолго до того переѣхалъ изъ Болоньи, произошло (18-го ноября 1570 года) ужасное землетрясеніе; разрушенные и полуобвалившіеся дома принудили жителей искать себѣ убѣжища внѣ города. Въ одной деревнѣ Деи-Роси встрѣтился съ однимъ ученымъ христіаниномъ, который хотѣлъ разогнать свои печальныя мысли, вызванныя землетрясеніемъ, чтеніемъ одной греческой книжки изъ еврейской древности. Роси былъ пораженъ тѣмъ, что даже образованные евреи, вслѣдствіе односторонняго изученія Талмуда или устарѣвшихъ философскихъ сочиненій, не знакомы съ блестящей еврейской литературой эпохи второго храма, между тѣмъ какъ христіане читаютъ ее для укрѣпленія духа. Тогда, ободряемый своимъ христіанскимъ другомъ, Роси принялъ рѣшеніе перевести на еврейскій языкъ *письмо Аристея*, которое содержало вымышленную бесѣду греческаго царя съ еврейскими мудрецами объ еврейской мудрости, и сдѣлать это произведеніе доступнымъ для своихъ единовѣрцевъ. Въ двадцать дней онъ закончилъ эту свою первую работу, которая скоро повела его къ составленію новыхъ трудовъ. Его главное сочиненіе, *Глазное зеркало*[1]), содержитъ въ себѣ преимущественно сопоставленіе мнѣній Талмуда съ мнѣніями другихъ объ однихъ и тѣхъ же вопросахъ. Во вступленіи Роси принужденъ извиниться за то, что онъ придаетъ значеніе и нееврейскимъ источникамъ. Въ своемъ сочиненіи онъ даже приходитъ къ заключенію, что нѣкоторыя сообщенія талмудистовъ объ извѣстныхъ историческихъ и научныхъ вопросахъ недостовѣрны и потому должны быть замѣнены свѣдѣніями

[1]) מאור עינים.

изъ другихъ не-еврейскихъ источниковъ. Онъ не побоялся высказать ту смѣлую мысль, что еврейское лѣтосчисленіе со дня сотворенія міра невѣрно, ибо основано на ошибочной хронологіи Талмуда. Съ присущей ему правдивостью онъ отрицалъ за агадическими разсказами какую-либо историческую цѣнность и считалъ ихъ лишь поэтическими и нравственными сказаніями. Значеніе Роси заключалось лишь въ томъ, что онъ подвергъ разбору и критикѣ такія писанія, которыя казались широкой массѣ незыблемой истиной, для лучшаго освѣщенія матеріала использовалъ и нееврейскіе источники и отвелъ агадѣ подобающее ей мѣсто. Ибо положительные результаты его историческихъ изслѣдованій въ большинствѣ случаевъ не выдерживаютъ никакой критики. Его заслуга въ устраненіи мусора и очищеніи почвы, но не въ созиданіи.

Но заслуга его была велика, и это особенно ярко освѣщается сопоставленіемъ его съ современной ему средой и особенно съ его колегой по спеціальности, историкомъ *Гедальей ибнъ-Яхія.* Отпрыскъ благородной фамиліи итальянской вѣтви яхіидовъ, *Гедалья* (род. въ 1515 г., ум. въ 1587 г.) унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ страсть къ знанію, а его богатство давало ему возможность удовлетворять эту страсть. Онъ былъ проповѣдникомъ и, вслѣдствіе нетерпимости папы, велъ непостоянный образъ жизни; во время своего добровольнаго и вынужденнаго скитанія по сѣверной Италіи онъ много видѣлъ и много читалъ, ознакомился даже съ не-еврейской литературой, но ему недоставало самостоятельности въ мышленіи, способности различать существенное отъ неважнаго, зерно истины отъ плевелъ заблужденій. Сжатая *„Исторія евреевъ“* Ибнъ-Яхіи въ связи съ хроникой міровой исторіи, *„Цѣпью Традиціи“*[1]), надъ которыми онъ трудился почти сорокъ лѣтъ, содержитъ огромный матеріалъ достовѣрныхъ историческихъ сообщеній и небылицъ, подлинныхъ документовъ и вздорныхъ разсказовъ. Гедалія ибнъ-Яхія столь же непоколебимо вѣрилъ въ колдовство и злыхъ духовъ, какъ и въ Синайское откровеніе и Талмудъ. И, несмотря на свой сказочный характеръ (а, можетъ быть, именно потому), эта книга встрѣтила среди евреевъ болѣе живой откликъ, чѣмъ изслѣдованія Роси. Когда «Глазное зеркало» Роси дошло до Сафета, тамошніе благочестивцы нашли содержаніе книги крайне еретическимъ. Іосифъ Каро поручилъ одному изъ членовъ своей колегіи равиновъ, *Элишѣ Галико,* составить посланіе ко всему еврейству съ предложеніемъ проклясть Роси и сжечь его книгу. Сафетанцы отправляли функціи инквизиціи противъ еретиковъ. Но Іосифъ Каро умеръ, не успѣвъ подписать формулу проклятія (нисанъ, апрѣль 1575 г.). Однако итальянскіе евреи не были такими фанатиками.

[1]) ספר יה״א или שלשלת הקבלה, впервые напеч. въ Венеціи.

чтобы проклясть Роси, тѣмъ болѣе, что они его знали, какъ правовѣрнаго еврея, преисполненнаго самыхъ чистыхъ побужденій. Колегія мантуанскихъ равиновъ примѣнила лишь мѣру Бенъ-Адрета противъ изученія не-еврейской литературы и запретила чтеніе книги Роси всѣмъ юношамъ моложе 25-и лѣтъ[1]). Вслѣдствіе этого, хотя и неофиціальнаго, объявленія книги еретической, она не оказала большого вліянія ни на современниковъ, ни на ближайшее потомство; лишь въ новѣйшее время она была оцѣнена по достоинству и дала толчекъ къ новымъ историческимъ изслѣдованіямъ въ еврейскихъ кругахъ. Въ христіанскомъ же мірѣ на сочиненіе Роси уже раньше обращено было вниманіе, и оно было даже переведено на латинскій языкъ.

Да и какъ могло трезвое и критическое изслѣдованіе найти откликъ въ то самое время, когда одурманивавшая умы кабала господствовала въ еврействѣ, восхваляя слѣпую вѣру, какъ высшую добродѣтель, и стараясь довести восторженность до фанатической экзальтаціи. Фантазерство Соломона Молхо и Іосифа Каро и ихъ месіанская экзальтированность являются образцомъ спокойствія и разсудительности по сравненію съ той изступленностью, которая охватила ихъ преемниковъ, справляя настоящій шабашъ. Въ послѣднія тридцать лѣъ 16 столѣтія кабала достигла въ Палестинѣ неограниченнаго господства, а оттуда распространилась по всей Турціи, Польшѣ, Германіи и Италіи; она запутала и затемнила умы, даже испортила сердца, и безпощадно подавляла всякую здоровую мысль или же клеймила ее ересью и грѣхомъ. Снова, какъ въ эпоху юнаго христіанства, въ Галилеѣ и особенно въ области Сафета появилось множество злыхъ духовъ и одержимыхъ бѣсомъ, которые вызывали мистическія заклинанія и открывали глубочайшія тайны. Неизвѣстно только, вызвали ли бѣснующіеся заклинателей или наоборотъ. Наступило время кабалистической изступленности, которая сопровождалась необузданностью и испорченностью и подрывала довѣріе не только къ наукамъ, но даже къ Талмуду. Въ то время, какъ въ европейскомъ мірѣ ночной мракъ средневѣковья почти исчезъ, въ еврействѣ начались лишь мрачные и темные средніе вѣка. Носителями этого теченія, охватывавшаго все болѣе широкіе круги еврейства, были *Исаакъ Лурія* и его ученикъ, *Хаимъ Виталь Калабрезе.*

Исаакъ Лурія Леви (род. въ Іерусалимѣ 1534 г., ум. въ 1572 г.[2]) происходилъ изъ одной нѣмецкой семьи. Рано лишившись отца, молодой Исаакъ очутился въ Египтѣ въ домѣ своего богатаго дяди, откупщика налоговъ, *Мардохая Франсиса*[3]), и сталъ изучать Талмудъ. Своимъ

[1]) Источникъ у Цунца въ ук. м.

[2]) См. о немъ примѣч. 9.

[3]) Азулаи s. v. Исаакъ Лурія.

яснымъ умомъ онъ выдѣлялся среди учениковъ *Давида ибнъ-аби-Зимра,* и въ возрастѣ 24 лѣтъ онъ уже считался крупнымъ раввинскимъ авторитетомъ, не уступавшимъ и необыкновенному знатоку талмудической литературы, *Бецалелу Ашкенази*[1]). Вѣроятно, Ибнъ-аби-Зимра и посвятилъ его въ кабалу, которая затуманила его умъ и совершенно овладѣла всѣми его помыслами. Сухое изученіе Талмуда, наполнявшее голову огромной ученостью и безплодной казуистикой и формалистикой, но оставлявшее пустымъ сердце, повидимому, не удовлетворяло Луріи и привело его къ фантастической мистикѣ. Онъ предпочелъ шумной школѣ жуткое одиночество въ долинѣ Нила, а сухой разсудочной формалистикѣ—углубленіе въ мистическіе міры и экзальтированныя молитвы[2]). Зогаръ, который въ то время былъ впервые отпечатанъ и потому сталъ доступенъ каждому, произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Чѣмъ болѣе онъ углублялся въ дебри Зогара и увлекался кабалой, тѣмъ болѣе искалъ онъ одиночества, избѣгалъ сношеній съ людьми, пренебрегалъ даже своей молодой женой, посѣщая свой домъ лишь по субботамъ (его богатый тесть заботился о немъ и его семьѣ), говорилъ мало и только на еврейскомъ языкѣ. Въ этомъ тихомъ одиночествѣ Лурія провелъ нѣсколько лѣтъ, и оно сдѣлало его, какъ и всѣхъ тѣхъ, у которыхъ разсудокъ не сильнѣе фантазіи, экзальтированнымъ фантастомъ; его постоянный спутникъ, мистическій Зогаръ, много способствовалъ разгоряченію его воображенія. Глубоко убѣжденный въ происхожденіи этой книги отъ Симона б.-Іохай и божественномъ происхожденіи содержащихся въ ней нелѣпостей и фантазій, Лурія искалъ въ ней высшихъ откровеній и глубочайшей мудрости. Онъ молился и проливалъ слезы, стараясь постичь загадочныя и темныя мѣста Зогара; когда же ему казалось, что онъ находилъ ключъ къ разгадкѣ ихъ, онъ не сомнѣвался, что обязанъ этимъ самому пророку Иліи; въ своей разгоряченной фантазіи онъ видѣлъ Илію, этого учителя таинствъ.

Что открылъ ему пророкъ Илія или Зогаръ или, вѣрнѣе, его собственное воображеніе? Сначала онъ старался привести въ стройную и цѣльную систему разрозненные и безпорядочные элементы Зогара; это равносильно попыткѣ отыскать логическую связь въ болтовнѣ безумца. Каирскій отшельникъ старался показать, какимъ образомъ Богъ создалъ міръ съ помощью сефиръ, какимъ образомъ Божество проявляется въ формѣ существъ и какимъ образомъ оно какъ бы сократилось, чтобы развить

[1]) Т. же и Конфорте, Kore ha-Dorot, стр. 40. Бецалелъ Ашкенази авторъ שטה מקובצת.

[2]) Элеазаръ Аскари, Charedim, стр. 66: כך למד ר׳ יצחק המקובל הנזכר שזה (התבודדות) מועיל לנפש שבעתים מהלמוד ולפי כח ויכולת האדם יתבודד.

изъ своей безконечности конечныя существа. Онъ составилъ систему въ видѣ чрезвычайно запутанной сѣти разнообразныхъ силъ, сопротивленій, дѣйствій и противодѣйствій, формъ и ступеней (Parsophim) въ четырехъ міровыхъ сферахъ, именно *выдѣленія, творенія, образованія* и *измѣненія*. Эти лишенныя всякаго содержанія понятія онъ обозначилъ такими причудливыми именами, что онъ впослѣдствіи справедливо жаловался: никто не въ состояніи понять его мистической системы. Лурія хотѣлъ всякому выраженію и всякому слову въ Зогарѣ, брошеннымъ ради эфекта или въ погонѣ за каламбуромъ, придать глубокое, безконечно глубокое значеніе; такимъ образомъ то, что было несущественно въ лживой книгѣ *Моисея де Леонъ*, пріобрѣло важность въ мозгу Лурьи. *Первобытный человѣкъ* (Adam Kadmon), *старецъ временъ* (Atik Jomin), *длинное лицо* (Arich Anpin), *короткое лицо* (Seir Anpin), *мужское* и *женское, отецъ* и *мать, мозгъ, свѣтила, искры* и *сосуды* (органы, Kelim), *зачатіе, сосаніе* и *ростъ, союзъ* и *разрывъ* (Siwug, Nesira) и многое другое имѣли для него глубокое значеніе, такъ какъ онъ воображалъ, что съ помощью этихъ пустыхъ понятій можно построить систему міра. Во всей этой туманной и путанной мистикѣ нова лишь слѣдующая теорія: органы, съ помощью коихъ божественная благодать сообщается міру, разрушились отъ слишкомъ сильнаго напора (Sod Schebirat Kelim), вслѣдствіе чего возсталъ новый хаосъ изъ семи ступеней (Schewa Melachim), а изъ этого безпорядочнаго хаоса произошло новое твореніе. Но эта запутанная теорія о сотвореніи міра была для Луріи лишь предпосылкой для, казавшейся ему болѣе важной, практической части кабалы, съ помощью коей можно было установить божественный міропорядокъ (Olam ha-Tikkun). Эта практическая кабала Луріи покоится на слѣдующемъ не менѣе странномъ ученіи о душѣ, тоже основанномъ на фантазіяхъ Зогара.

Души отражаютъ въ себѣ тѣсную связь безконечнаго съ конечнымъ, и онѣ многообразны. Всѣ души, которыя являются во времени, созданы были вмѣстѣ съ *Адамомъ*, но каждая душа, въ зависимости отъ своей ступени, высокой или низкой, образована изъ высокихъ или низкихъ формъ и органовъ. Поэтому имѣется мозговая душа, глазная, ушная, ручная, ножная. Каждая изъ нихъ является *истеченіемъ* или *искрой* (Nizuz) Адама. Послѣ грѣхопаденія перваго человѣка (кабала также признаетъ наслѣдственный грѣхъ) смѣшались высокое и низкое, высшія и низшія души, добро и зло. Такимъ образомъ самыя чистыя существа содержатъ примѣсь злого или демоническаго начала, «скорлупы» (Kelipha). Но нравственный міропорядокъ или же просвѣтленіе перваго человѣка не можетъ наступить, пока не будетъ устранено послѣд-

ствіе грѣхопаденія, смѣшеніе добра и зла. Отъ самыхъ низкихъ душъ происходятъ язычники, напротивъ еврейскій народъ происходитъ отъ высокихъ душъ; но какъ первые не лишены примѣси добра, такъ и евреи не свободны отъ испорченности и демоническихъ элементовъ; это и является вѣчнымъ побужденіемъ къ грѣховности и мѣшаетъ избранной части человѣчества исполнять Тору, заповѣди Божьи. Месіанская эпоха устранитъ этотъ извращенный грѣхопаденіемъ міропорядокъ и поведетъ къ обожествленію міра, т. е. къ проникновенію всей вселенной благодатью Божіею. Поэтому прежде всего необходимо отдѣлить добро отъ зла, а это можетъ совершить только Израиль, если онъ или совокупность его членовъ освободится отъ примѣси зла. Для этой цѣли души (сначала еврейскія) должны переселяться въ тѣла людей и животныхъ, даже въ рѣки, дерево и камни[1]). Ученіе о переселеніи душъ образуетъ центръ тяжести кабалы Луріи; онъ своеобразно развилъ ее еще дальше. Согласно его теоріи, души благочестивыхъ евреевъ также должны переселяться, ибо и онѣ не свободны отъ демонической примѣси; нѣтъ праведника на землѣ, который бы творилъ одно добро, не совершая грѣховъ. Такимъ образомъ Лурія разрѣшилъ проблему, которой не могли преодолѣть старые кабалисты, напримѣръ, какимъ образомъ душа Сета переселилась въ Моисея?

Это отдѣленіе злыхъ и добрыхъ элементовъ или это раскаяніе въ грѣхопаденіи и устраненіе его послѣдствій или же возстановленіе міропорядка времени Адама потребовали бы чрезвычайно долгаго времени, въ виду постояннаго побужденія къ совершенію грѣховъ. Но имѣется средство ускорить этотъ процесъ; это средство является вполнѣ самостоятельнымъ изобрѣтеніемъ Луріи. Помимо переселенія грѣшныхъ душъ, содержащихъ демоническіе элементы, существуетъ еще и *зачатіе душъ* (Ibbur, superfoetatio). Если даже просвѣтленная душа не исполнила на землѣ какихъ-либо религіозныхъ предписаній или же не имѣла случая исполнить свой долгъ, то она принуждена снова возвратиться на землю, прильнуть къ душѣ живого человѣка, соединиться и тѣсно сплотиться съ ней, дабы исполнить свое назначеніе. Даже отпущенныя души благочестивыхъ, безгрѣшныхъ людей отъ времени до времени возвращаются на землю, чтобы поддержать, ободрить и обнадежить слабыя, колеблющіяся души, которыя собственными силами не могутъ создать добра. Эти свѣтлыя души сростаются съ борющимися душами и сливаются съ ними. Даже три души могутъ слиться въ одну душу, но только при

[1]) Хаимъ Виталъ Калабрезе גלגולים, изд. во Франкфуртѣ, стр. 36: בסוד הגלגולים אמר מורי ר׳ יצחק לוריא שאפילו בעצים ובאבנים יתגלגל האדם . . . ובזמננו נתגלגל אדם אחר שהיה בעל לשון רע בנחל שוטף והכירו מורי שהיה מגולגל ונודע אצלו מי היה.

условіи, если эти души родственны одна другой, т. е. происходятъ изъ одной и той же искры или органа Адама. Вообще только однородныя (гомогенныя) души притягиваютъ одна другую, напротивъ разнородныя (гетерогенныя) души отталкиваютъ одна другую. Согласно этой теоріи изгнаніе и разсѣяніе Израиля имѣетъ цѣлью искупленіе міра и душъ. Просвѣтленныя души благочестивыхъ евреевъ должны соединиться съ душами другихъ народовъ, дабы освободить ихъ отъ живущихъ въ нихъ демоническихъ элементовъ[1]).

Исаакъ Лурія мечталъ о цѣлой системѣ переселеній и удвоенія душъ. Онъ думалъ, что онъ разгадалъ тайну происхожденія, родства и развитія душъ. Ему казалось также важнымъ установить различіе душъ въ *половомъ* отношеніи; ибо въ мужскихъ тѣлахъ бываютъ иногда женскія души и наоборотъ, въ зависимости отъ сродства и переселенія душъ. При вступленіи въ бракъ, весьма важно установить, подходятъ ли души мужчины и женщины одна къ другой по своему происхожденію и своей ступени или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ онѣ произведутъ хорошее потомство, во второмъ же случаѣ онѣ разойдутся. Владѣя этой тайной, каирскій фантастъ воображалъ, что обладаетъ средствомъ путемъ заклинаній принудить добрыя души слиться съ тѣлами живыхъ людей и повѣдать о томъ, что онѣ испытали въ иномъ мірѣ. Такимъ образомъ, онъ имѣлъ ключъ къ месіанскому царству и къ установленію божественнаго міропорядка. Разъ онъ былъ въ состояніи по лицу живыхъ людей узнать и разъяснить имъ, въ какой связи съ высшимъ міромъ находится живущая въ нихъ душа, каковы были ея прегрѣшенія, за которыя она была возвращена на землю, какія скитанія она уже пережила, чѣмъ она можетъ снова возстановить порядокъ въ высшихъ мірахъ, какъ ей освободиться отъ путъ живущихъ въ ней злыхъ духовъ, съ какой душой ей слѣдуетъ слиться, разъ онъ могъ указать на опредѣленныя заклинанія, съ помощью коихъ можно было привлечь къ себѣ чистыя души для того, чтобы начать новую, высшую, нравственно-религіозную и аскетическую жизнь, то ему должно было быть не трудно и ускореніе пришествія месіи, которое заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ спасеніи душъ сыновъ Адама. Лурія воображалъ, что обладаетъ душой месіи по линіи Іосифа и что его предназначеніе—спасти міръ. Онъ всюду видѣлъ духовъ и слышалъ ихъ шепотъ въ журчаніи водъ, въ шелестѣ деревьевъ и травъ, въ пѣніи и щебетаніи пташекъ, въ пылающемъ огнѣ. Онъ видѣлъ, какъ души отрывались отъ тѣлъ, покидая ихъ, возносились въ высь или же поднимались изъ могилъ. Всего чаще онъ сносился съ духами библейскихъ, талмудическихъ

[1]) Gilgulim гл. 2, 5.

и равинскихъ праведниковъ и особенно съ Симономъ бенъ-Іохай; онъ зналъ, какія души слились съ его современниками, и называлъ ихъ по имени первыхъ. Словомъ, Лурія духовидецъ и заклинатель, второй Авраамъ Абулафія или же Соломонъ Молхо; онъ будилъ месіанскія надежды съ помощью кабалы, но трезво и прибѣгая къ софистикѣ; онъ внесъ въ кабалу талмудическую казуистику.

Съ высоты своей спасительной мистики онъ нѣсколько презрительно смотрѣлъ на большинство кабалистовъ прежняго времени и своихъ современниковъ, удостаивая лишь немногихъ этого почетнаго званія; поэтому же онъ отвергалъ большинство кабалистическихъ сочиненій, за исключеніемъ произведеній Исаака Слѣпого и Нахманида, считая первыя придуманными мудрствованіями, ничего общаго не имѣющими съ истинными и не искаженными традиціями[1]). Духъ, объ откровеніяхъ коего сообщалъ Іосифъ Каро, Лурія прямо называетъ духомъ лжи. Не будучи высокомѣрнымъ[2]), онъ все-таки воображалъ, что только онъ одинъ вполнѣ постигъ кабалистическую мудрость. Въ Египтѣ Исаакъ Лурія со своимъ лабиринтомъ высшихъ міровъ, своей теоріей сотворенія и спасенія міра не встрѣтилъ почти никакого отклика. Никто не заботился объ уединенномъ мечтателѣ, какъ и онъ, впрочемъ, не заботился о реальномъ мірѣ. Вѣроятно для осуществленія своей высокой мисіи, онъ переселился съ семействомъ въ Сафетъ, этотъ кабалистическій Іерусалимъ, гдѣ кабалистическое ученіе находилось въ полномъ расцвѣтѣ и гдѣ твореніе Моисея де-Леонъ, Зогаръ, было такъ же боготворимо, какъ и законъ Моисея, сына Амрама. Почти вся колегія равиновъ и всѣ видные члены общины Сафета были кабалисты: во главѣ *Іосифъ Каро,* его двойникъ, *Соломонъ Алкабецъ,* далѣе *Моисей Кордуеро* (род. въ 1522 г., ум. въ 1570 г.), имѣвшій собственную школу, *Моисей Алшайхъ,* болтливый и ограниченный проповѣдникъ, *Илія де-Видасъ, Элиша Галико, Іосифъ Сагисъ, Моисей Басула,* переселившійся изъ Анконы въ Сафетъ, и еще цѣлый сонмъ молодыхъ мистиковъ. Этотъ городъ былъ въ то время населенъ исключительно зажиточными евреями[3]). Члены общины не знали матеріальныхъ заботъ, и потому кабалисты могли безпрепятственно проповѣдовать свои бредни. Находясь подъ защитой любимца султана, наксосскаго герцога, они чувствовали себя какъ бы въ собственномъ государствѣ, гдѣ они были сами законодателями и властелинами. По предложенію Іосифа Сагиса, нѣкоторые кабалисты образовали особый союзъ, члены коего собирались по пятни-

---

[1]) См. пред. къ עץ חיים, гдѣ Виталъ говоритъ: מהרמבן ז"ל עד מורי (האר"י) לא היה מי שיודע להשיג בחכמה זאת על אמתתה כמוהו, также Gilgulim въ концѣ т. же стр. 43: מה שאמר המגיד להר"י קארו על בנו שהיה לו נשמת בצלאל, שקר ענה לו.

[2]) См. прим. 9.

[3]) Charrière, Nègociations de la France III, стр. 811.

цамъ и совершенно открыто исповѣдовались другъ передъ другомъ въ своихъ грѣхахъ[1]). Кабалисты, въ подражаніе католицизму, дошли даже до тайной исповѣди и до почитанія мучениковъ. Такова была среда, въ которую Исаакъ Лурія, творецъ новой кабалы, хотѣлъ внести еще новыя заблужденія.

Въ первое время послѣ своего прибытія въ Сафетъ (около 1569 г.[2]) онъ, повидимому, не имѣлъ никакого вліянія на кабалистовъ. Чему онъ могъ научить этихъ сѣдыхъ мистиковъ? Онъ держался отлично отъ всѣхъ другихъ. Онъ не сидѣлъ надъ книгами, не носилъ съ собой даже Зогара, а любилъ бродить по полямъ и кладбищамъ. Лишь благодаря его знакомству съ еще болѣе экзальтированнымъ, но, можетъ быть, не столь честнымъ фантастомъ, итальянцемъ *Хаимомъ Виталомъ Калабрезе*, онъ пріобрѣлъ популярность и увлекъ все еврейство своими фантазіями. Калабрезе (род. въ 1543, ум. въ тамузѣ 1620 г.), отецъ коего былъ переписчикомъ свитковъ Торы, переселился въ Палестину изъ Италіи. Въ своей юности Виталъ немногому учился и слегка познакомился съ Талмудомъ и кабалой у Моисея Алшайха и Моисея Кордуеро. За то онъ обладалъ дикой фантазіей и питалъ рѣшительную склонность ко всему авантюристическому и шумливому. Два съ половиною года Виталъ занимался алхиміей и искусствомъ изготовленія золота[3]), пользуясь при этомъ кабалистическими формулами. Отъ этого занятія онъ перешелъ къ кабалѣ Луріи. Неизвѣстно, кто кого отыскалъ; но ихъ приверженцы разсказывали, что Лурія прочелъ на лбу Витала, будто послѣдній обладаетъ избраннѣйшей душой изъ чистѣйшаго душевнаго эѳира, даже не запятнанною адамовскимъ грѣхопаденіемъ, и что Лурія лишь ради него переселился изъ Египта въ Сафетъ; возможно, что Виталъ первый отыскалъ Лурію, чтобы познакомиться съ его новой кабалой. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что они оба, сами не желая этого, обманули другъ друга. Лурія, увлеченный авантюристическимъ характеромъ Витала, надѣялся, что послѣдній поможетъ ему исполнить мисію спасителя міра, а Виталъ, въ свою очередь, далъ себя увлечь Луріею и возмечтать о себѣ, будто на него возложена великая мисія. Сидя въ челнокѣ, беззвучно скользившемъ по зеркальной по-

---

[1]) Автобіографія Витала стр. 13: בשנה ההיא (ש׳ השי״ל) הסכימו קצת תלמידי חכמים שבעיר צפת יראי ה׳ וחסידים להתקבץ יחד כלם בבית הכנסת בכל ע״ש ולספר כל אחד מהם כל המעשים שעשה בשבוע ההוא כי על ידי זה יתבייש האדם ויחדל מלחטא. Въ дальнѣйшемъ приводится тоже: אבי ר׳ שלמה סגים (ר׳ יוסף) היה המתחיל בענין ההסכמה וו

[2]) См. прим. 9.

[3]) Автобіографія стр. 22: גם אמר לי (מורי) שראה כתוב במצחי פסוק: „לחשב מחשבות לעשות בזהב ובכסף“ לרמוז על ענין ב׳ שנים ומחצה שבטלתי מן התורה ועסקתי בחכמת האלכימיא; на это намекаетъ и предисловіе: חכם גדול אמר לי כי בהיותך כ״ד שנים יבואו הרהורים רעים בלבך להתבטל מעסק התורה שתי שנים ומחצה.

верхности Тиверіадскаго озера, Лурія впервые повѣдалъ своему новому ученику свои кабалистическія тайны; онъ нашелъ его достойнымъ этого, ибо онъ утолилъ свою жажду изъ *источника Маріами*[1]). Съ того времени каирскій мистикъ, бывшій въ возрастѣ лѣтъ тридцати, и его итальянскій ученикъ, бывшій на нѣсколько лѣтъ моложе учителя, были такъ неразлучны, что преданіе сообщаетъ о нихъ, какъ объ единомъ человѣкѣ. Они вмѣстѣ бродили по пустынѣ и посѣщали могилы, особенно могилу Симона бенъ-Іохай въ Мейронѣ, мнимаго автора Зогара. Это было любимымъ мѣстомъ Луріи, ибо тутъ изъ могилы этого мнимаго отца мистицизма ему было легче вызывать его духъ. Отъ времени до времени Лурія посылалъ своего ученика произносить заклинанія и научилъ его извѣстнымъ формуламъ, состоявшимъ въ различныхъ перестановкахъ буквъ имени Бога[2]). Конечно, злые духи оставляли Витала, напротивъ, добрые духи посѣщали его и открывали ему великія тайны. Виталъ, со свойственной ему шумливостью и страстью къ эфектамъ, сталъ повсюду преувеличенно расхваливать[3]) необыкновенную, почти божественную натуру своего учителя, его власть надъ душами живыхъ и мертвыхъ людей, его глубокое проникновеніе таинствами кабалы, его планъ спасенія міра и его способность точнымъ указаніемъ прегрѣшеній повести людей по пути улучшенія и исправленія. До тѣхъ поръ уединенный Лурія внезапно былъ окруженъ цѣлыми толпами посѣтителей; къ нему приходили молодые и старые кабалисты, чтобы услышать новое откровеніе. Нѣсколько учениковъ присоединились къ нему, и онъ ихъ посвятилъ въ тайны своей запутанной головы; онъ указалъ каждому, какая адамовская душа живетъ въ нихъ, какія скитанія уже испытала ихъ душа прежде, чѣмъ очутилась въ ихъ тѣлѣ, каково ихъ призваніе на землѣ, что имъ сдѣлать, дабы возстановить нарушенный грѣхопаденіемъ міропорядокъ и ускорить пришествіе месіи. Конечно, никто и не вздумалъ сомнѣваться въ истинности этихъ сообщеній, ибо умы и безъ того были затуманены кабалой. Ученикамъ Луріи было очень лестно слышать и распространять, что въ нихъ возродилась душа того или другого библейскаго героя или талмудическаго мудреца. Изъ примкнувшихъ къ нему учениковъ Лурія составилъ два класса, *посвященныхъ* и *послушниковъ*.

Дѣятельность Луріи и его кружка заключалась въ кабалистическихъ бесѣдахъ, заклинаніяхъ и вызываніи духовъ. Часто онъ отправлялся со своими приверженцами въ близлежащій Мейронъ, гдѣ якобы

[1]) Gilgulim, конецъ.

[2]) Во многихъ мѣстахъ въ автобіографіи и у Шломела, посланіе.

[3]) Виталъ, автобіографія, стр. 2.

находилась могила Симона б.-Iохай; тамъ онъ указывалъ каждому изъ нихъ особое мѣсто въ томъ порядкѣ, въ какомъ якобы сидѣли перечисленные въ Зогарѣ (но на самомъ дѣлѣ никогда не существовавшіе) ученики Бенъ-Iохая. Въ падкое на чудеса время и въ жаждавшей чудесъ средѣ Лурія встрѣтилъ поразительный откликъ. Ему уже удалось образовать изъ своихъ учениковъ и ихъ семействъ особую кабалистическую общину, которая занимала особый замкнутый дворъ и чуждалась главной еврейской общины. Словомъ, Лурія готовился создать новую еврейскую секту. Въ субботу онъ одѣвалъ бѣлое (цвѣтъ милости) платье, состоявшее изъ четырехъ частей, соотвѣтственно четыремъ буквамъ имени Бога.

Основой всѣхъ его откровеній и всей его дѣятельности была вѣра въ то, что онъ месія изъ колѣна Iосифа, предтеча месіи изъ дома Давидова. Однако онъ лишь туманно намекалъ своимъ ученикамъ объ этомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что месіанская эпоха началась съ наступленіемъ второй половины второго тысячелѣтія со времени разрушенія храма. Именно потому, что близко наступленіе месіанскаго царства, онъ считалъ себя вправѣ обнародовать свои кабалистическія тайны. Однажды, въ пятницу, незадолго до наступленія субботы, Лурія собралъ своихъ учениковъ, повелъ ихъ, съ пѣніемъ субботнихъ пѣсенъ, въ поле и задалъ имъ вопросъ: «Хотите ли вы отправиться въ Iерусалимъ и тамъ отпраздновать субботу?» (разстояніе отъ Сафета до Iерусалима равно прибл. 25 милямъ). Ученики Луріи были ему такъ преданы, что они, по его повелѣнію, готовы были бы нарушить даже святость субботы. Онъ же сказалъ это, преисполненный вѣры, что въ этотъ моментъ месія появится въ Iерусалимѣ. Нѣкоторые его ученики отвѣтили: «Мы хотимъ сперва сообщить нашимъ женамъ о нашемъ внезапномъ путешествіи». Лурія отвѣтилъ имъ, что они своей медлительностью снова отсрочили пришествіе месіи. Еще при его жизни распространились слухи о томъ, что онъ чудотворецъ, способный даже воскрешать мертвыхъ. Эти слухи дошли до Луріи, и онъ былъ настолько честенъ, что назвалъ ихъ сплошнымъ вымысломъ.

Между тѣмъ возникли и опасенія по поводу совсѣмъ небезопасной дѣятельности Луріи и его приверженцевъ. Еще были, хотя и немногочисленные, противники кабалы. Столѣтній старецъ, *Давидъ ибнъ-аби-Зимра,* учитель Луріи, предостерегалъ его, чтобы не обходиться съ этими глубокими и опасными тайнами, какъ съ повседневными вещами. Первый равинъ Сафета, Iосифъ Каро, который съ нѣкоторой завистью слѣдилъ за успѣхами Луріи, не былъ высокаго о немъ мнѣнія. Одинъ еврей въ Сафетѣ имѣлъ даже мужество сказать Луріи въ лицо, что онъ не вѣритъ во все это кабалистическое сумасбродство. Ученики Кордуеро

не придавали Луріи большого значенія. Даже нѣкоторые изъ его учениковъ не совсѣмъ вѣрили въ его пламенныя слова. Лурія былъ принужденъ даже изгнать изъ своего кружка одного изъ своихъ учениковъ, *Илію Фалко*. Несмотря на то, что Лурія неоднократно призывалъ своихъ учениковъ къ мирной совмѣстной жизни и дѣятельности, дабы вызвать соединеніе ихъ душъ, въ ихъ средѣ часто возникали тренія, ибо каждый хотѣлъ быть первымъ въ небесномъ царствѣ. Особенно высокомѣрно держалъ себя Хаимъ Виталъ Калабрезе, который всюду протискивался впередъ и даже, повидимому, пользовался вліяніемъ на своего учителя[1]). Лурья уже носился съ планомъ отказаться отъ всѣхъ своихъ учениковъ, оставивъ при себѣ лишь трехъ-четырехъ изъ нихъ, какъ внезапно его постигла смерть отъ свирѣпствовавшей тогда чумы (5 ава, августъ 1572 г.[2]). Во время пятидневной болѣзни Лурьи его преданные ученики оплакивали потерю, грозившую имъ и всему міру, и спрашивали его, что станется съ его пророчествами. И тогда онъ, по ихъ словамъ, сталъ утѣшать ихъ и обѣщалъ снова придти къ нимъ во снѣ или на-яву, быть можетъ, даже въ своемъ прежнемъ видѣ[3]). Болѣе правдоподобно звучитъ разсказъ о томъ, что Лурья на смертномъ одрѣ простилъ всѣхъ тѣхъ, которые его обманывали, и хотѣлъ вознаградить тѣхъ, которые были, быть можетъ, обмануты имъ [4]).

Внезапно послѣдовавшая смерть тридцати-восьмилѣтняго мистика еще болѣе способствовала его прославленію. Смерть окружаетъ такія натуры таинственнымъ ореоломъ, и преклоненіе предъ ними съ годами все усиливается и возрастаетъ. Съ чисто восточной склонностью къ преувеличеніямъ ученики Лурьи считали его чѣмъ-то повыше чудотворца; они называли его «святымъ и божественнымъ» и, для увеличенія своей собственной славы, вербовали Лурьѣ и его экзальтированному фантазерству новыхъ приверженцевъ. Они увѣряли: если бы Лурья могъ прожить еще пять лѣтъ, онъ такъ основательно улучшилъ бы міръ, что месіанская эпоха неизбѣжно наступила бы. Авраамъ Абулафія, который самостоятельно разрабатывалъ кабалу, былъ объявленъ еретикомъ и преслѣдуемъ. Исаакъ же Лурья, который дѣлалъ то же на основаніи Зогара, былъ боготворимъ.

Послѣ смерти Исаака Лурьи, на первый планъ выдвинулся Виталъ Калабрезе; онъ тотчасъ же возомнилъ себя учителемъ своихъ бывшихъ соучениковъ, утверждалъ, что Лурья въ послѣднія минуты своей жизни назначилъ его своимъ преемникомъ, и отнялъ у нихъ, якобы во исполненіе послѣдней воли покойнаго, всѣ письменные матеріалы, оставшіеся

[1]) Виталъ, автобіографія, стр. 22, 18; посланіе Шломела въ ук. м. стр. 46.
[2]) Виталъ, т. же стр. 23. [3]) Т. же 20. [4]) См. примѣч. 9.

у нихъ отъ Лурьи. Онъ хотѣлъ, чтобы это новое ученіе было въ точности извѣстно лишь ему одному[1]) и потому сталъ увѣрять учениковъ Лурьи, что, если они опубликуютъ его новыя откровенія, то отсюда проистекутъ ересь и опасности для спасенія души. Виталъ Калабрезе еще намекнулъ на то, что онъ месія изъ колѣна Іосифова. Однако нѣкоторые ученики не вняли увѣреніямъ Калабрезе и стали распространять ученіе Лурьи въ томъ видѣ, въ какомъ они его восприняли отъ своего учителя, въ различныхъ странахъ; между ними выдѣлился *Израиль Сарукъ,* переселившійся въ Италію. Преклоненіе предъ Лурьей было такъ велико, что его поклонники платили большія суммы денегъ за предметы, находившіеся въ его употребленіи, и особенно за его сочиненія.

Кабала Лурьи причинила всему еврейству несказанный вредъ. Она покрыла еврейство такимъ толстымъ слоемъ плѣсени, что еще и по сіе время не удалось совершенно удалить ее. Со времени Лурьи, наряду съ талмудически-равинскимъ іудаизмомъ, образовался и зогаро-кабалистическій. Ибо, лишь подъ его вліяніемъ, лживая книга Зогара была поставлена на ряду со Св. писаніемъ и Талмудомъ и даже выше ихъ. Школа Лурьи канонизировала каждое слово Зогара, наложивъ на него печать святости. Съ того времени умопомрачающее обиліе безсмысленныхъ формулъ и безсодержательныхъ словъ, перестановки буквъ, искаженія имени Бога, ложныя и произвольныя истолковыванія Св. писанія—все это еще болѣе, чѣмъ прежде, стало считаться глубокой мудростью и истинной религіозностью. Кабала Лурьи видѣла во всякой мелочи, во всякомъ пустякѣ нѣчто важное и возвышенное, и этимъ она еще болѣе скрѣпила печать бездушной мелочности, уже и прежде наложенную на іудаизмъ равинскимъ педантизмомъ. Предписанія Лурьи (Minhagim) возбуждаютъ смѣхъ, но въ то же время вызываютъ грусть, ибо показываютъ, какъ самыя возвышенныя идеи могутъ быть загрязнены и принижены. Эта кабалистика учитъ: слѣдуетъ въ субботу носить бѣлое платье и во всякомъ случаѣ избѣгать чернаго и краснаго цвѣта; обѣдать только за столомъ съ четырьмя ножками; въ субботу ѣсть рыбу, такъ какъ рыбы не имѣютъ вѣкъ и такимъ образомъ символизируютъ божественное Провидѣніе[2]); слѣдуетъ всегда смотрѣть на ногти пальцевъ, но не слѣдуетъ складывать пальцы обѣихъ рукъ[3]). Лурья превратилъ іудаизмъ въ особый видъ ученія Брамы. По его ученію не

---

[1]) Виталъ, т. же, стр. 20, 22, Шломелъ, т. же, 46.
[2]) Tikkunim Лурьи о субботѣ, ס' הכונות, изд. Моисея Гиренко, стр. 5.
[3]) Т. же.

слѣдуетъ убивать животныхъ, даже самыхъ крошечныхъ и безобразныхъ[1]). Къ уже давно накопившимся суевѣрнымъ обычаямъ, обильно позаимствованнымъ отъ всѣхъ временъ и народовъ, кабала Лурьи прибавила еще безчисленное множество новыхъ суевѣрій, напримѣръ: не слѣдуетъ держать въ домѣ голубей, ибо это приноситъ дѣтямъ смерть; въ домѣ, въ которомъ уже разъ жили, не слѣдуетъ снова поселяться до истеченія семи лѣтъ[2]); не слѣдуетъ раздѣвать двѣ вещи сразу. Кабала Лурьи содержитъ до смѣшного точныя и подробныя предписанія, какъ слѣдуетъ одѣвать и раздѣвать платья[3]).

Мистика Лурьи подчеркнула одно важное обстоятельство, которое страннымъ образомъ отсутствовало въ еврействѣ, именно благоговѣйное чувство во время молитвы; но и это благоговѣніе выродилось скоро въ кабалистическія забавы. Каждое слово и каждый слогъ въ молитвахъ должны были быть благоговѣйно взвѣшены и приведены въ связь съ мірами Sefirot, съ именами Бога и еще со многимъ инымъ[4]). Правда, кабала Лурьи требовала жизнерадостнаго настроенія и презирала мрачныхъ и хмурыхъ людей, вспыльчивыхъ и раздражительныхъ; но эта жизнерадостность, вслѣдствіе примѣси мистицизма, была какой-то подавленной и жуткой, какъ смѣхъ безумца. Центральнымъ пунктомъ кабалы Лурьи является суббота съ ея молитвами и трапезами. Кабала считала субботу воплощеніемъ міровъ Sefirot и Божества (Schechina), называла ее *Яблочнымъ садомъ* (Chakal Tappuchin) и утверждала: все, что дѣлается и совершается въ субботу, вліяетъ на высшій міръ. Лурья со своими учениками встрѣчали субботу пѣснопѣніемъ о «мистической невѣстѣ». Для этой цѣли Лурья сочинилъ халдейскія пѣсни, полныя безсодержательныхъ и непонятныхъ формулъ. Важнѣйшей частью субботы были послѣобѣденная молитва и трапеза (mincha) вплоть до исхода субботы, до «часа разлуки съ невѣстой». Счетъ дней отъ Пасхи до Пятидесятницы, являющійся по Талмуду пустою формальностью, былъ кабалой окруженъ какимъ-то мистическимъ ореоломъ[5]). Іосифъ Каро, хотя и самъ кабалистъ, все же указываетъ въ своемъ кодексѣ, что слѣдуетъ избѣгать напоминающаго жертвоприношеніе истребленія птицъ наканунѣ Суднаго дня. Напротивъ, Исаакъ Лурья и его школа превратили этотъ суевѣрный обычай въ высокій религіозный актъ и даже составили всевозможныя предписанія по этому

[1]) Виталъ, Gilgulim p. 35: Тренко, Kewanot 6: גם היה אומר מורי (הארי) כי הכנים הנולדים מזיעת האדם ובפרט לאנשים כשרים שהם מצד מותרי האדם וְסָגָיו ומהם נעשו קליפות . . . ולכן לא יקוץ האדם מן הכנים שלו כי הוא תקון לעצמו.

[2]) Gilgulim въ ук. м. [3]) Въ разныхъ сочиненіяхъ Лурьи и Витала.

[4]) Большая часть отдѣла כונות посвящена этой темѣ.

[5]) Все содержится въ כונות или עץ חיים גוף.

поводу. Кабала Лурьи ввела даже нѣчто вродѣ второго Суднаго дня. Седьмой день праздника Кущей, день осанны, считался въ старину радостнымъ днемъ, и въ храмѣ въ этотъ день алтарь обыкновенно украшался вѣтками вербы, символа воды и плодовитости[1]). Позже въ вавилонскихъ общинахъ возникъ обычай брать эти вѣтки въ руки и потрясать ими, чтобы спала листва. Іосифъ Каро не рѣшался еще придать въ своемъ кодексѣ этому дню характеръ высшаго мистическаго освященія. Лишь направленіе Лурьи въ духѣ Зогара превратило этотъ день въ Судный день въ маломъ видѣ, предписавъ мистическое бодрствованіе въ теченіе всей предшествующей ночи, и узрѣло въ каждомъ листѣ вербной вѣтки и особенно въ семикратномъ обходѣ синагоги со свитками Торы въ рукахъ особое мистическое содержаніе. Кромѣ того кабала Лурьи, буквально насилуя чужую совѣсть, вмѣнила благочестивымъ евреямъ въ обязанность ознакомиться съ нею подъ угрозою, что, если кто этого не сдѣлаетъ, его душа будетъ переселяться изъ одного тѣла въ другое, покуда она не усвоитъ себѣ кабалу[2]). Мистика Лурьи оказала вредъ и въ нравственномъ отношеніи. Она утверждала: въ бракѣ требуется гармонія душъ, которая, съ точки зрѣнія мистика, а не поэта, встрѣчается рѣдко, и, если возникаетъ какое-нибудь несогласіе въ бракѣ, то послѣдній не является союзомъ, предустановленнымъ гармоніей сефиръ. Поэтому кабалисты (а кто въ то время не былъ кабалистомъ?) при первой же малѣйшей перебранкѣ съ женой разводились съ нею и искали гармонирующую съ ними и предустановленную половину, и разводы стали весьма частымъ явленіемъ въ кабалистическихъ кругахъ. Нерѣдко кабалисты покидали своихъ женъ и дѣтей на Западѣ, переселялись на Востокъ и вступали тамъ въ новый бракъ, а часто даже по нѣсколько разъ, при чемъ дѣти отъ различныхъ браковъ ничего не знали другъ о другѣ.

Эти пагубныя кабалистическія ученія не остались мертвой буквой, а, напротивъ, были тотчасъ же практически осуществлены ихъ приверженцами. Послѣдніе даже составили особый кабалистическій кодексъ[3]), регулировавшій ихъ религіозную жизнь. Культъ могилъ въ Палестинѣ, подъ вліяніемъ Лурьи, еще болѣе возросъ и выродился скоро въ безумныя оргіи. Уже издавна существовалъ обычай 18 іара (въ маѣ) посѣщать мнимую могилу Симона б.-Іохай въ *Мейронѣ* и сжигать тамъ дорогія вещи и даже драгоцѣнныя кашемировыя шали. Въ этой процедурѣ участвовали женщины, дѣти, а также магометане, причемъ, судя по сообщеніямъ,

[1]) См. ист. Греца т. IV. стр. 66.

[2]) מי שלא עסק בפרדס ... חוזר בגלגול לקיים את כלה въ Schulchan Aruch Лурьи стр. 37.

[3]) שלחן ערוך של ארי, напеч. впервые въ Краковѣ.

было всегда очень весело, а нерѣдко происходили и безнравственныя излишества. Но кабалисты школы Лурьи хотѣли чѣмъ-либо перещеголять толпу. И вотъ они стали два раза въ году, именно до Новаго года и Пятидесятницы, проводить на могилѣ 10 дней и 10 ночей. Между мнимыми могилами Б.-Іохая и его сына, Элеазара, былъ устроенъ шатеръ, и подъ этимъ шатромъ кабалисты поочередно громко читали Зогаръ и толковали его, согласно указаніямъ Лурьи. Слуга приносилъ имъ кушанья и напитки, а четверо магометанскихъ стражниковъ охраняли ихъ[1]).

Такимъ образомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, блестящій свѣтъ, падавшій отъ еврейскаго герцога Наксоса и другихъ вліятельныхъ при турецкомъ дворѣ евреевъ на ихъ восточныхъ единовѣрцевъ, былъ подобенъ блуждающему огоньку, который озаряетъ свѣтлой полосой болотную мѣстность. Ибо въ то время еврейство, дѣйствительно, погрязло въ религіозномъ болотѣ, снова переживъ возвратъ къ язычеству. И всего печальнѣе, что не раздалось ни одного предостерегающаго, хотя бы и слабаго, голоса, не возсталъ ни одинъ человѣкъ, который бы прозрѣлъ опасность и заклеймилъ бы виновниковъ. Не способствало ли этому упадку чувство безопасности, которое убаюкивало турецкихъ евреевъ, находившихся подъ защитой своихъ могущественныхъ единовѣрцевъ? Во всякомъ случаѣ упадокъ не прекращался, когда это чувство безопасности постепенно исчезало. Ибо вліяніе Іосифа Наксосскаго прекратилось со смертью султана Селима (1574 г.). Правда, его преемникъ, султанъ *Мурадъ III* (1574—1595), исполняя послѣднюю волю своего отца, оставилъ еврейскому герцогу его титулъ и его постъ; но прямого вліянія на диванъ онъ уже не оказывалъ болѣе; онъ былъ вытѣсненъ своимъ противникомъ, великимъ визиремъ, Магометомъ Соколи, и своимъ соперникомъ, Соломономъ Ашкенази, и могъ еще кое-чего добиться лишь съ помощью интригъ и чрезъ посредство гарема[2]). Іосифъ Наси не надолго пережилъ частичную немилость, которой онъ подвергся, и умеръ отъ каменной болѣзни (2 августа 1579 г.), искренно оплакиваемый своими единоплеменниками. Поэтъ и проповѣдникъ, *Саадія Лонго*, изъ Салоникъ произнесъ надгробное слово въ честь его. Его накопленныя богатства погибли, какъ и его грандіозные планы. Корыстолюбивый султанъ, Мурадъ, спавшій на грудѣ золота, дабы ея не утащили, конфисковалъ, по совѣту Магомета Соколи, все состояніе Іосифа, якобы для покрытія его долговъ. Овдовѣвшая герцогиня, *Рейна Наси*, едва получила обратно свое приданое въ размѣрѣ 90.000 дукатовъ. Эта благородная женщина, которая, прав-

[1]) Шломелъ, посланіе въ ук м. стр. 46.
[2]) Charrière, Négociations de la France III, стр. 648. прим.

да, не наслѣдовала ни высокихъ умственныхъ качествъ своей матери, доны Граціи, ни ума своего мужа, намѣревалась, подобно имъ, употребить свое состояніе на пользу еврейской наукѣ. Она основала сначала въ своемъ дворцѣ, *Белведерѣ,* а позже въ деревушкѣ *Куру жизму* на европейской сторонѣ Константинополя еврейскую типографію. Но она была введена въ заблужденіе невѣжественнымъ *Іосифомъ Аскалони,* которому она поручила веденіе дѣла, и потому въ ея типографіи (1579—1598) появились лишь незначительныя сочиненія, которымъ лучше было бы не увидать свѣта[1]). Самой большой потребностью было въ то время новое изданіе Талмуда, такъ какъ папа и доминиканцы все еще преслѣдовали его въ христіанскихъ странахъ. Типографія доны Рейны сдѣлала попытку издать Талмудъ, но попыткой дѣло и кончилось. Такимъ образомъ, эта благородная фамилія, двое мужчинъ и двое женщинъ, о коихъ въ то время такъ много говорили, въ сущности не создала ничего непреходящаго, не оставила послѣ себя вѣчнаго памятника; несмотря на благородныя намѣренія, ихъ дѣятельность безслѣдно растворилась въ бурномъ теченіи временъ.

Когда герцогъ Іосифъ сошелъ со сцены, возросло вліяніе еврейскаго государственнаго мужа, Соломона Ашкенази (см. выше, стр. 323 и д.), заключившаго миръ между Турціей и Венеціей. Но какъ ни было сильно его вліяніе, которымъ онъ былъ обязанъ своему дипломатическому таланту, онъ не былъ, подобно герцогу Іосифу, турецкимъ сановникомъ, стоялъ не въ центрѣ политической жизни, а на заднемъ планѣ, въ качествѣ умнаго и надежнаго посредника. Соломонъ Ашкенази не имѣлъ личнаго доступа къ султану, а только вращался среди визирей, правой рукой коихъ онъ былъ. Раби Соломонъ съ величайшимъ искусствомъ и отчасти съ успѣхомъ велъ переговоры между Турціей и Испаніей; переговоры эти были очень трудны, ибо, хотя обѣ державы и желали установленія мира или, по крайней мѣрѣ, сносныхъ отношеній, но изъ гордости постоянно затягивали, прекращали и затѣмъ снова возобновляли переговоры. При этомъ онъ отличался рѣдкой въ то время безкорыстностью въ служеніи интересамъ турецкаго государства. Испанскій посланникъ обѣщалъ ему нѣсколько тысячъ дукатовъ, если онъ добьется того, чтобы перемиріе было продлено на 8 лѣтъ. На это Соломонъ изъ Удине съ презрѣніемъ отвѣтилъ: «Да сохранитъ меня Богъ отъ такой измѣны моему господину; вѣдь я знаю, что испанскій король, Филиппъ, воспользуется этимъ перемиріемъ лишь для того, чтобы нанести Турціи еще большій вредъ»[2]). Онъ все же добился мира и отъ имени сул-

[1]) Кармоли, Ioseph, Duc de Naxos, стр. 12 и слѣд.; Maskir, г. 1858, стр 67 и слѣд.; Фюрстъ, Bibliotheca III, стр. 150. [2]) Charrière въ ук. м. стр. 832.

тана подписалъ предварительное соглашеніе вмѣстѣ съ первымъ драгоманомъ, Хуремомъ[1]). Онъ очень ревностно заботился о сохраненіи хорошихъ отношеній между Портой и Венеціей. За это дожъ его вознаградилъ тѣмъ, что его сыновья проживали въ Венеціи на счетъ государства[2]).

Въ пользу своихъ единоплеменниковъ Соломонъ Ашкенази выступалъ лишь тогда, когда они нуждались въ заступничествѣ. Однажды султанъ Мурадъ, подъ вліяніемъ настроенія, приказалъ просто перебить всѣхъ евреевъ въ турецкой имперіи. Поводомъ послужила чрезмѣрная роскошь, къ коей питали пристрастіе евреи, особенно ихъ жены; одна еврейская женщина позволила себѣ украсить свою шею ожерельемъ изъ бриліантовъ и жемчуга, стоимостью въ 40.000 дукатовъ. Это было донесено султану, и возбудило въ немъ гнѣвъ или же зависть. Между тѣмъ Соломонъ и друіе вліятельные евреи вступились, вѣроятно, предъ визиремъ за своихъ единоплеменниковъ; евреи подарили матери султана и предводителю янычаровъ крупныя суммы денегъ, и вслѣдствіе этого декретъ объ истребленіи евреевъ былъ превращенъ въ декретъ объ ограниченіи чрезмѣрной роскоши. Отнынѣ евреи, подобно христіанамъ, не должны были носить шелковое платье и чалму; вмѣсто послѣдней они должны были носить нѣчто вродѣ фуражки (около 1579 г.[3]). Тѣмъ не менѣе евреи и при Мурадѣ сохранили откупъ налоговъ, а крупная торговля по-прежнему сосредоточивалась въ ихъ рукахъ[4]). Соломонъ оставался совѣтникомъ и дипломатическимъ агентомъ всѣхъ визирей, которые довольно быстро смѣняли другъ друга вслѣдствіе перемѣнъ настроенія Мурада и интригъ гарема. Еще въ правленіе Магомета IV (1595—1603) онъ пользовался вліяніемъ при дворѣ и оказалъ большія услуги находившемуся въ стѣсненномъ положеніи визирю, *Фергадъ-пашѣ*. Когда этого визиря оклеветали предъ султаномъ, обвинивъ въ томъ, что онъ вызвалъ возстаніе въ подвластной ему арміи, и Фергадъ-Паша былъ принужденъ бѣжать въ Константинополь, Соломонъ добился отъ султана, которому онъ преподнесъ драгоцѣнный кинжалъ, посланія, гарантировавшаго жизнь и безопасность визирю (іюль 1595 г.[5]). Сынъ Соломона, *Натанъ*, вѣроятно тоже врачъ, пользовался вліяніемъ на султана Ахмеда I, а его жена, *Була Иштаки*, на султаншу[6]). У каждаго визиря былъ свой еврей-дѣлопроизводитель; братъ Соломона находился въ милости у *Ибрагима-*

---

[1]) Гамеръ, Исторія османской имперіи IV, стр. 40.

[2]) Т. же 38.

[3]) Сообщеніе венеціанскаго посла Maffeo Venier у Alberi, Relazioni, серія 3, т. II, стр. 299.

[4]) Сообщеніе венеціанскаго посла Zane т. же 3, III, стр. 389.

[5]) Ср. Гамеръ въ ук. м. IV, стр. 247 и слѣд.

[6]) Прим. 8.

паши, а врачъ Бенвенисти былъ близокъ къ *Сіавусу-пашѣ,* который три раза былъ великимъ визиремъ[1]).

Еврейскія женщины, выдѣлявшіяся умомъ и отчасти посвященныя во врачебное искусство, добились при султанахъ Мурадѣ III, Магометѣ IV и Ахмедѣ I при посредствѣ гарема большого вліянія. Между ними особенно выдѣлялась *Эсѳирь Кіера*[2]), вдова нѣкоего, помимо того ничѣмъ не извѣстнаго, *Иліи Хендали.* Она пользовалась особой милостью у султанши *Бафы,* любимой жены Мурада, управлявшей политикой при своемъ мужѣ, Мурадѣ, и сынѣ, Магометѣ. Если христіанское государство хотѣло чего-либо добиться у Порты, то оно должно было привлечь на свою сторону еврейскую посредницу, Кіеру. Этимъ сумѣли воспользоваться особенно венеціанцы. Благодаря разрѣшенію Кіерѣ устроить лотерею въ Венеціи, послѣдняя добилась отъ султана значительныхъ торговыхъ привилегій, которыя, въ противномъ случаѣ, никогда не были бы ей дарованы. Вліяніе Кіеры дошло до того, что она раздавала государственныя должности и назначала военачальниковъ. Поэтому всѣ честолюбцы, которые хотѣли занять высокія должности, льстили Кіерѣ и оказывали ей всяческія почести. Конечно, съ помощью своей власти, она накопила большія богатства, какъ и всякій въ Турціи, кто, будь на высокомъ, будь на низкомъ посту, соприкасается съ государственнымъ механизмомъ. Въ своихъ единоплеменникахъ она принимала теплое и сердечное участіе; она поддерживала бѣдныхъ и страждущихъ, кормила голодныхъ и утѣшала скорбящихъ. Ея щедрая рука коснулась и еврейской науки. На ея средства былъ опубликованъ историческій трудъ Закуто (стр. 329). Конечно, ея положеніе возбудило сильную зависть. Эсѳирь Кіера необдуманно вмѣшалась въ дѣло назначенія главы наѣздниковъ, обѣщавъ этотъ высокій постъ сначала одному, а затѣмъ предоставивъ его другому. Гордая военная каста турецкихъ сипаевъ возмутилась этимъ и стала требовать ея головы. Замѣститель великаго визиря, *Халилъ,* хотѣлъ спасти Кіеру и ея сыновей, переведя ихъ въ свой дворецъ. Но на лѣстницѣ Эсѳирь Кіера и ея три сына были схвачены сипаями, которые растерзали ихъ и отдѣльные члены развѣсили у дверей сановниковъ, которые съ ея помощью добились своей власти. И только одинъ изъ ея сыновей остался въ живыхъ, такъ какъ перешелъ въ исламъ (мартъ 1600 г.[3]). Въ царствованіе султана Ахмеда I имѣла большое вліяніе вдова Соломона Ашкенази, *Була Иштаки.* Ей посчастливилось излечить молодого султана отъ оспы, которая угрожала жизни послѣдняго вскорѣ послѣ восшествія его на престолъ и противъ которой турецкіе врачи не знали никакого средства. За то, что она ухажи-

[1]) Т. же. [2]) Т. же. [3]) Т. же

вала за нимъ до самого его выздоровленія, она была щедро вознаграждена; ея сыну, отправившемуся въ то время въ Венецію, было дано рекомендательное письмо къ дожу *Гримани,* и сынъ, подобно отцу, былъ принятъ тамъ съ великими почестями (1603 г.[1]). Однако такое милостивое отношеніе къ евреямъ становилось все рѣже и, наконецъ, совершенно прекратилось, ибо постепенно турецкая имперія стала ослабѣвать, султаны превратились въ сарданапаловъ, и правленіемъ завладѣли съ одной стороны гаремъ, съ другой солдаты сипаи и янычары. Блескъ турецкихъ евреевъ погасъ, какъ метеоръ, и снова воцарилась темная ночь, въ которой отъ времени до времени появлялись кошмары и тяжелыя сновидѣнія. Вымогательства, грабежи, явныя насилія сановниковъ надъ евреями отдѣльныхъ провинцій становились повседневнымъ явленіемъ съ тѣхъ поръ, какъ они лишились могущественныхъ защитниковъ вблизи султана[2]). Центръ еврейства передвинулся на иную арену.

ГЛАВА XII.

Евреи въ Польшѣ.

Положеніе евреевъ въ Польшѣ; нѣмецкіе цехи купцовъ и ремесленниковъ враждебно относятся къ евреямъ. Число евреевъ въ Польшѣ. Ихъ участіе въ наукахъ. Изученіе Талмуда. Шаломъ Шахна, Соломонъ Лурья и Моисей Исерлесъ, три выдающихся польскихъ равина. Историческій трудъ Давида Ганса. Главенство польскихъ равиновъ, талмудическая атмосфера. Выборные короли. Генрихъ Анжуйскій относится враждебно, Стефанъ Батори и Сигизмундъ III относятся дружелюбно къ евреямъ. Польско-еврейскіе синоды. Мардохай Яфа и Фалкъ Когенъ. Реформація въ Польшѣ, противники тріединства. Симонъ Будни и Мартинъ Зейделъ. Диспутъ между евреями и польскими диссидентами. Яковъ изъ Бельчицъ и караимъ Іосифъ Троки. Полемическое произведеніе, Chisuk Emuna.

(1566—1600).

Польша, сдѣлавшаяся, благодаря соединенію съ Литвой при сыновьяхъ Казимира IV, великой державой, служила въ то время, подобно Турціи, убѣжищемъ для всѣхъ гонимыхъ, травимыхъ и преслѣдуемыхъ. Каноническое, падкое на преслѣдованія христіанство еще не пустило въ Польшѣ глубокихъ корней, монархическая деспотія не могла утвердиться тамъ, въ виду независимости польскаго крупнаго и мелкаго дворянства. Старосты могли, подобно англійскимъ лордамъ и шотландскимъ помѣщикамъ, безгранично

[1]) Продолженіе Emek ha-Bacha Іосифа Когена въ концѣ; Ф. Гамеръ т. же IV, стр. 354.

[2]) Израиль Нагара о притѣсненіяхъ въ Сафетѣ и Дамаскѣ въ сборникѣ пѣсенъ זמירות ישראל, стр 159.

господствовать въ своей области, не допуская никакого вмѣшательства со стороны короля. Реформаціонныя идеи, особенно ученіе Кальвина, нашли откликъ среди дворянства и городскихъ жителей, т. е. въ тѣхъ самыхъ слояхъ, которые прежде были охвачены гуситскимъ оппозиціоннымъ движеніемъ противъ католицизма. Поэтому Польша все еще продолжала быть для евреевъ вторымъ Вавилономъ, гдѣ они въ общемъ были защищены отъ кровавыхъ преслѣдованій и потому могли безпрепятственно развить особенности своего духа, и многіе изъ нихъ достигли довольно виднаго положенія[1]). Когда евреи были изгнаны изъ Богеміи и направились въ Польшу, они были тамъ встрѣчены весьма радушно[2]); поляки высоко цѣнили ихъ и даже предполагали, что не могутъ обойтись безъ евреевъ. Когда многіе изъ нихъ, зная, въ какомъ счастливомъ положеніи находятся ихъ единоплеменники въ Турціи, намѣревались переселиться туда, краковскій намѣстникъ отъ имени короля принялъ всевозможныя мѣры, чтобы убѣдить или принудить ихъ остаться въ странѣ[3]). А между тѣмъ въ Германіи князья и города, повидимому, не имѣли иной заботы, кромѣ преслѣдованія и изгнанія евреевъ. Правда, они были въ Польшѣ необходимы. Въ ихъ рукахъ находилась аренда соляныхъ копей и пивоваренныхъ заводовъ, а также откупъ пошлинъ; благодаря своему прилежанію, бережливости и находчивости, они владѣли наличными капиталами, которые они давали взаймы крупному и мелкому дворянству, занимавшемуся лишь военными упражненіями и политическими интригами. Отношеніе къ нимъ королей, враждебное или доброжелательное, не играло большой роли, ибо дворяне, по большей части, охраняли ихъ въ своихъ помѣстьяхъ отъ всякихъ враждебныхъ поползновеній, конечно, поскольку отъ этого не страдали ихъ собственные интересы. Послѣдніе ягелонскіе короли, Сигизмундъ I (1506—1548) и Сигизмундъ Августъ (1548—1572), не чувствовали ни вражды, ни симпатіи къ евреямъ, да и вообще они не обладали установившимся характеромъ, а вели государственныя дѣла подъ вліяніемъ случайныхъ воздѣйствій, личныхъ симпатій, каприза и настроенія. Привилегіи въ пользу евреевъ и ограниченія ихъ чередовались въ царствованіе этихъ обоихъ королей въ зависимости отъ того, подъ чьимъ вліяніемъ они находились, подъ вліяніемъ ли доброжелателя или врага евреевъ.

Послѣ смерти проницательнаго канцлера, *Христофа Шидловецкаго*, въ царствованіе Сигизмунда для евреевъ началось время стра-

---

[1]) Czacki, o. Zydach, стр. 44. I. M. Zünz, Geschichte der Krakauer Rabbinate (עיר הצדק), стр. 14.

[2]) Zünz т. же.

[3]) Ад. Краусгаръ, Historia Zydach II, 198 и слѣд. Zünz т. же

даній. Корыстолюбивая королева, *Бона*[1]), пользовалась услугами одного безсовѣстнаго воеводы, *Петра Кмиты,* чтобы вымогать у евреевъ деньги, угрожая имъ изданіемъ ограниченій. Для характеристики этого негодяя достаточно указать на то, что онъ, съ одной стороны, нагналъ страхъ на нѣмецкихъ купцовъ въ Краковѣ, разсказавъ имъ, будто на ближайшемъ сеймѣ торговыя права евреевъ будутъ еще болѣе расширены, съ другой же стороны, онъ, повидимому, поддерживалъ предложеніе нѣмцевъ объ изгнаніи евреевъ и обѣщалъ имъ дѣйствовать въ ихъ интересахъ, чтобы такимъ образомъ получить деньги отъ обѣихъ сторонъ.

Въ Польшѣ была въ то время сильная партія, которая была недовольна тѣмъ, что евреи въ Польшѣ находились въ несравненно лучшемъ положеніи, чѣмъ ихъ соплеменники въ другихъ христіанскихъ странахъ, и настойчиво добивались отмѣны все еще находившагося въ силѣ статута Казимира IV объ охранѣ евреевъ отъ слишкомъ суровыхъ преслѣдованій; въ эту партію входили, съ одной стороны, католическое духовенство, которое требовало введенія каноническихъ ограниченій евреевъ въ польскомъ законодательствѣ, и, съ другой стороны, нѣмецкіе купцы и ремесленники, опасавшіеся конкуренціи евреевъ. Въ царствованіе Сигизмунда I эта партія затронула на сеймѣ еврейскій вопросъ, причемъ мнѣнія раздѣлились. Одни, именно представители нѣмецкихъ городовъ, были за полное изгнаніе евреевъ изъ Польши, другіе за предоставленіе имъ полной свободы, а третьи за ограниченіе ихъ торговли[2]). Въ Германіи не было бы, вѣроятно, разногласій по этому вопросу, въ Польшѣ же остановились на ограниченіи торговли. Конечно, нѣмецкіе цехи не удовлетворились принятымъ рѣшеніемъ и всячески старались возбудить ненависть противъ евреевъ. Когда сильный пожаръ, начавшійся въ еврейскомъ кварталѣ, уничтожилъ большую часть города Познани, магистратъ обвинилъ въ этомъ евреевъ, приписывая это несчастіе ихъ высокомѣрію и безстыдству. Магистратъ сталъ ходатайствовать предъ маркграфиней бранденбургской о томъ, чтобы она упросила своего мужа, и безъ того недоброжелательно относившагося къ евреямъ, Іоахима II, побудить польскаго короля изгнать евреевъ изъ Познани или, по крайней мѣрѣ, принудить ихъ жить внѣ города[3]). Краковскіе купцы, опять таки нѣмцы, обратились къ королю Сигизмунду съ жалобой на то, что евреи выписываютъ свои товары изъ Валахіи, вслѣдствіе чего деньги уплываютъ изъ страны, и т. п.[4]).

---

[1]) О королевѣ Бонѣ см. респ. Соломона Лурія № 35 отъ 1547 г. и о Книгѣ Чацкаго Rozprava o Żydach, стр. 82. прим., также стр. 81 и 82 прим.

[2]) Пренія на сеймѣ 1532 - 34. Чацкій, т. же 82.

[3]) Петиція отъ 1536 года у Лукашевича, привед. у Перлеса, Исторія евреевъ въ Познани, стр. 18 и слѣд.

[4]) Чацкій въ ук. м. стр. 83.

Тѣ же краковскіе нѣмцы обратились къ королю съ своеобразной просьбой отмѣнить справедливый законъ о томъ, что за убійство еврея виновный подвергался смертной казни, а за попытку уничтоженія собственности евреевъ на виновнаго налагался крупный денежный штрафъ. И Сигизмундъ былъ настолько безтолковъ, что согласился отмѣнить дѣйствіе закона, присовокупивъ безсмысленное увѣщеваніе о томъ, что граждане должны охранять евреевъ отъ насилій и уважать ихъ привилегіи[1]).

Въ свою очередь, католическое духовенство было недовольно тѣмъ, что евреи въ Польшѣ сумѣли освободиться отъ позорныхъ значковъ на платьѣ и одѣвались такъ же, какъ и христіане. Оно такъ долго натравливало на евреевъ, пока депутаты не предложили сейму законопроектъ, коимъ евреямъ, подъ угрозой тяжкаго наказанія за ослушаніе, приказывалось носить желтыя шапки[2]). Въ отвѣтъ на всѣ эти обвиненія польскіе евреи составили апологетическое сочиненіе на латинскомъ языкѣ, гдѣ они доказывали: религіозные взгляды измѣняются, и то, что сегодня считается благочестіемъ, завтра признается заблужденіемъ (во время реформаціи); поэтому люди не должны преслѣдовать другъ друга изъ-за религіозныхъ убѣжденій; евреи не только не лишаютъ Польшу денегъ, а, напротивъ, привлекаютъ капиталы въ страну тѣмъ, что торговлей оживляютъ земледѣліе; въ Польшѣ на 500 польскихъ купцовъ приходится 3200 еврейскихъ; ремесленниковъ у евреевъ втрое больше; если бы христіанскіе купцы не были такъ расточительны и продавали свои товары такъ же дешево, какъ евреи, то у нихъ было бы столько же покупателей, сколько у послѣднихъ. Въ этомъ же сочиненіи евреи протестуютъ противъ христіанскаго духовенства, которое, опираясь на каноническіе законы, хочетъ разрушить нововыстроенныя синагоги. Они заявляютъ, что признаютъ надъ собой только королевскую власть, ибо подъ ея охраной они пришли въ страну и поселились въ ней[3]). Тогда было время полемическихъ сочиненій, которыми всѣ хотѣли повліять на общественное мнѣніе. Эта защита евреевъ не обезоружила ихъ враговъ, но и многочисленныя обвиненія послѣднихъ не причинили евреямъ большого вреда.

Въ точности неизвѣстно, сколько евреевъ жило въ то время въ Польшѣ. Передаютъ, будто число ихъ доходило до 200,000 мужчинъ и женщинъ, хотя по переписи ихъ оказалось 16,509 человѣкъ; но эта перепись была организована съ цѣлью взиманія подушнаго налога, и потому евреи были, конечно, заинтересованы въ указаніи возможно меньшаго числа[4]). Во всякомъ случаѣ евреевъ было въ Польшѣ не очень мно-

[1]) У Штернберга, Исторія евреевъ въ Польшѣ, 130 и слѣд.

[2]) Т. же стр. 135.

[3]) Чацкій стр. 84.

[4]) Перепись 1451—53 у Чацкаго стр. 80. Сравни Штернберга, стр. 144.

го. Познанская община насчитывала тогда 3000 членовъ, жившихъ въ 80 домахъ[1]); столько же было и въ *Краковѣ* или, вѣрнѣе, въ предмѣстьѣ *Казиміежѣ*, куда евреевъ прежде изгнали. Третьей по величинѣ общиной былъ *Люблинъ*. Имъ приходилось платить большіе налоги подъ всевозможными именами. Съ этой цѣлью вѣдь ихъ и пригласили въ страну, за это именно ихъ терпѣли и охраняли короли и дворянство. Они были почти единственнымъ элементомъ, обладавшимъ капиталами въ этой въ общемъ бѣдной странѣ. Поэтому короли и поддерживали ихъ торговыя предпріятія. Когда *Сигизмундъ Августъ* вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ вступилъ въ переговоры съ русскимъ царемъ, Іоанномъ IV (Грознымъ), о продленіи мира, онъ поставилъ условіемъ, чтобы литовскимъ евреямъ была по-прежнему разрѣшена свободная торговля въ Россіи. Но Іоаннъ рѣшительно отвергнулъ это условіе; онъ не хотѣлъ допускать евреевъ въ свою страну. «Мы не хотимъ этихъ людей, которые принесли съ собой ядъ для тѣла и души; они продавали у насъ ядовитыя травы и поносили нашего Господа и Спасителя»[2]). Дѣло въ томъ, что лѣтъ семьдесятъ тому назадъ въ Новгородѣ образовалась, подъ вліяніемъ еврея *Захаріи* (Зхаріи), еврейская секта, къ которой примыкали *попы*, митрополитъ *Зосима*, княгиня *Елена*, невѣстка великаго князя литовскаго, и много людей изъ народа. Эта іудействующая секта существовала до начала XVI вѣка; ея приверженцевъ жестоко преслѣдовали[3]). Поэтому евреи не были терпимы въ Россіи. Король Сигизмундъ Августъ, несмотря на полученное имъ за-границей образованіе, былъ такъ же несамостоятеленъ, какъ и его отецъ, и дѣйствовалъ подъ впечатлѣніемъ минуты. Послѣ своего вступленія на престолъ онъ подтвердилъ привилегіи своего дѣдушки, Казимира IV[4]). Онъ поддерживалъ сношенія съ дисидентами и даже съ христіанскими сектантами, одинаково проклинаемыми какъ католиками, такъ и протестантами. И тѣмъ не менѣе онъ терпѣлъ въ своей странѣ іезуитовъ, которые своими гоненіями наложили на Польшу отпечатокъ католической страны, но погубили ея свободу и могущество. Заслугой этого короля было перенесеніе наукъ и изящныхъ искусствъ изъ Италіи, Франціи и Германіи въ Польшу и распространеніе ихъ среди дворянскаго сословія.

Польскіе дворяне, которые охотно совершали путешествія, тоже заинтересовались науками въ Германіи и Италіи и посылали своихъ сыновей въ протестантскіе университеты Витенберга и Женевы. Въ Польшѣ

---

[1]) Лукашевичъ у Перлеса т. же стр. 20. Перепись 1549.

[2]) Карамзинъ, истор. государства россійскаго, нѣм. переводъ, VII, стр. 281. г. 1549.

[3]) Т. же VI, стр. 153 и слѣд.

[4]) У Штернберга 138, у Перлеса 144.

возникли школы, въ коихъ еврейскіе мальчики и юноши обучались вмѣстѣ съ христіанами[1]). Еврейскій синодъ даже издалъ посланіе къ общинамъ, въ которомъ увѣщевалъ евреевъ заниматься науками. Это посланіе, если только оно достовѣрно, весьма интересно. Члены синода поучали: «Богъ имѣетъ много Sefirot (эманацій); Адамъ далъ намъ примѣръ разнообразныхъ совершенствъ; поэтому еврей не долженъ ограничиваться изученіемъ одной какой-нибудь науки; первая наука (теологія), правда, священна, но изъ-за этого не слѣдуетъ пренебрегать и прочими науками; райское яблоко самый лучшій плодъ, но изъ-за этого не слѣдуетъ отказаться отъ другихъ плодовъ; всѣ науки изобрѣтены нашими предками; всякій, кто не безбожникъ, найдетъ источникъ нашего знанія въ книгахъ Моисея; то, что составило славу нашихъ предковъ, не можетъ внезапно превратиться въ нѣчто нечестивое..; были евреи и при дворахъ королей...; займитесь науками, будьте полезными королямъ и другимъ господамъ, и весь міръ будетъ васъ уважать; на земномъ шарѣ столько евреевъ, сколько звѣздъ на небѣ и песчинокъ на берегу моря; но у насъ они не свѣтятъ звѣздами, а весь міръ топчетъ ихъ ногами, какъ песчинки; нашъ король, мудрый, какъ Соломонъ, и святой, какъ Давидъ, имѣетъ при себѣ Самуила, почти пророка (*Самуилъ Мацѣевскій*, канцлеръ); онъ смотритъ на свой народъ, какъ на необозримый лѣсъ; вѣтры разсѣиваютъ сѣмена деревьевъ, и никто не спрашиваетъ, откуда произросли красивыя растенія; почему и нашему ливанскому кедру не возвыситься среди зеленыхъ лужаекъ?»[2])

Польскіе евреи не увлеклись науками; все же они не были такъ далеки отъ нихъ, какъ нѣмецкіе евреи. Аристотель, этотъ столь знакомый евреямъ и столь родственный еврейскому духу философъ, нашелъ почитателей среди польскихъ евреевъ; особенно была увлечена имъ молодежь[3]). Религіозно-философскія сочиненія Маймонида тоже нашли въ Польшѣ нѣкоторыхъ, хотя и не многихъ, читателей. Польскіе евреи занимались также астрономіей и медициной, къ которымъ евреи уже издавна питали пристрастіе[4]). Вообще же среди евреевъ въ Польшѣ не царила такая мертвечина, какъ среди нѣмецкихъ евреевъ, гдѣ даже изученіе Талмуда носило такой рутинный, скучный и усыпляющій характеръ. Поэтому нѣмецкіе равины скоро впали въ полную зависимость отъ сво-

---

[1]) Объ этомъ жаловался примасъ Польши, патеръ Гамратъ, въ 1542 г., у Чацкаго т. же, стр. 180.

[2]) Чацкій т. же стр. 178 и слѣд.

[3]) Ср. Resp. Моисея Исерлеса № 6 отзывъ Соломона Лурьи: ועתה הנני הגבר ראיתי כתוב בתפילות ובסדורים הבחורים רשום בהן תפלת ארסטו. также № 7 т. же.

[4]) Commendoni.

ихъ польскихъ колегъ. Чтобы добиться чего-нибудь въ своихъ общинахъ, они нуждались въ содѣйствіи польскихъ авторитетовъ[1]). Въ Польшѣ изученіе Талмуда, дѣйствительно, достигло такого пышнаго расцвѣта, какого не было даже во Франціи во время школы тосафистовъ. Между всѣми евреями Европы и Азіи польскіе позже всѣхъ познакомились съ Талмудомъ; но за то они стали изучать его съ восторженной любовью, точно желая наверстать потерянное. Казалось, что глубокія мысли Талмуда лишь въ Польшѣ будутъ правильно поняты, истолкованы, оцѣнены; казалось, что тамъ появятся рулевые, которые сумѣтъ совладать съ бурями «талмудическаго моря». Польскій талмудистъ удивительнымъ образомъ соединялъ въ себѣ обширную ученость и поразительную силу ума, и всякій, кто не былъ совершенно обдѣленъ натурой, кто не былъ лишенъ ума, предавался изученію Талмуда. Мертвая буква буквально оживлялась подъ вліяніемъ горячей восторженности еврейскихъ сыновъ Польши; здѣсь она была животворящей силой, зажигавшей умы и будившей мысль. Польскія талмудическія школы сдѣлались съ того времени знаменитѣйшими во всемъ европейскомъ еврействѣ. Кто хотѣлъ основательно изучить Талмудъ, тотъ направлялся туда. Обученіе въ польско-еврейской школѣ считалось тогда рекомендаціей, безъ коей талмудистъ не считался авторитетомъ.

Слава польскихъ равинскихъ школъ была создана, послѣ Якова Полака, тремя мужами: *Шаломомъ Шахной, Соломономъ Лурьей* и *Моисеемъ Исерлесомъ.* Шаломъ Шахна, старѣйшій изъ нихъ (его дѣятельность въ 1528 г., ум. въ 1558 г.[2]), перенесъ въ Польшу нѣсколько искусственный, казуистическій и остроумный (пилпулистическій) методъ Якова Полака (см. выше, стр. 46). Школа Шахны наполнилась учениками и скоро сдѣлалась самымъ выдающимся институтомъ, изъ коего вышла большая часть равиновъ въ польскихъ общинахъ. О другихъ сторонахъ его дѣятельности, какъ и объ его личности, извѣстно очень мало. Одна черта въ его характерѣ достойна быть упомянутой. Шахна, подобно своему учителю, Полаку, былъ настолько свободенъ отъ тщеславія, что даже не запечатлѣлъ на бумагѣ своихъ равинскихъ отзывовъ и заключеній, а это составляетъ большую заслугу, если вспомнить, какъ охотно писались въ то время всевозможныя сочиненія.

Совсѣмъ инымъ былъ Соломонъ Лурья (род. въ Познани? около 1510 г., ум. ок. 1573 г.[3]), происходившій изъ семьи, которая переселилась въ Польшу изъ Германіи. При болѣе благопріятныхъ условіяхъ и въ другой обстановкѣ, онъ могъ бы повести къ дальнѣйшему разви-

[1]) Слѣдуетъ изъ нѣкот. респонсовъ Моисея Исерлеса.

[2]) Jeschurun, Кобака, г. V, 194. [3]) По Давиду Гансу.

тію іудаизма. Но, въ качествѣ сына эпохи упадка, онъ сдѣлался лишь ученымъ талмудистомъ, правда, въ лучшемъ значеніи этого слова, ибо онъ не успокаивался на усвоеніи передававшихся изъ поколѣнія въ поколѣніе традицій, а подвергалъ каждую изъ нихъ самому тщательному и пытливому критическому анализу. Уже въ своей молодости онъ былъ настолько самостоятеленъ, что выразилъ свое несогласіе со своими современниками, которые въ каждомъ написанномъ или напечатанномъ словѣ какого-нибудь былого авторитета видѣли неопровержимую истину. Примѣромъ и образцомъ ему служила французская школа тосафистовъ, которая съ необычайной строгостью относилась къ каждому слову, сопоставляла разсѣянныя и разрозненныя талмудическія изреченія, подвергая ихъ, такъ сказать, перекрестному допросу, возбуждала щекотливые вопросы и приходила къ смѣлымъ выводамъ. Лурья былъ рабену Тамъ XVI-го вѣка. Всѣ его духовныя силы были посвящены основательному и тонко взвѣшивающему изслѣдованію обширной талмудической области, а самъ онъ отъ природы былъ надѣленъ выдающимися критическими и аналитическими способностями. Со своимъ смѣлымъ чутьемъ изслѣдователя, безпощадно подвергающаго все строгому испытанію, Лурья въ другое время перешагнулъ бы черезъ Талмудъ при явныхъ противорѣчіяхъ въ немъ. Глубокія разногласія по всякому пункту въ хаосѣ талмудическихъ и равинскихъ диспутовъ отталкивали его; но онъ примирился съ ними съ помощью слѣдующаго собственнаго кабалистическаго ученія о душѣ: всѣ души созданы уже съ самаго начала; всѣ онѣ присутствовали при синайскомъ откровеніи и, въ зависимости отъ того положенія, которое онѣ занимали на ступеняхъ 49 входовъ или каналовъ (Zinorot), онѣ слабѣе или сильнѣе восприняли откровеніе; этой различной степенью первоначальнаго воспріятія и объясняется различное толкованіе Торы душами, пребывающими въ тѣлесной оболочкѣ[1]). Конечно, Лурья, какъ истый сынъ вѣрующаго времени, считалъ весь Талмудъ истиннымъ расширеніемъ синайскаго откровенія, высшимъ неприкосновеннымъ авторитетомъ, который требуетъ глубокаго пониманія и, хотя многое подлежитъ исправленію, все же въ общемъ содержитъ истину. Но ко всему, что писалось о Талмудѣ нѣмецкой и испанской школами, Соломонъ Лурья съ высоты своей горделивой критики относился съ величайшимъ презрѣніемъ, даже къ сочиненіямъ Маймонида, которыя онъ считалъ поверхностными произведеніями, не выдерживающими серьезной критики. Особенно онъ негодовалъ на пилпулистическую методу Якова Полака, которая гналась за каламбурами и остротами. Онъ искалъ истины, и потому игривость школы Шахны возбуждала въ немъ отвращеніе. Лурья былъ въ то же время цѣльной

[1]) Предисловіе къ ים של שלמה.

личностью со всей прямолинейностью и угловатостью, присущими таковой. Несправедливость, продажность и ханжество были такъ ненавистны ему, что онъ часто нерасчетливо впутывался изъ за этого въ самыя непріятныя исторіи. Эта его самостоятельность и твердость характера, конечно, задѣвали и оскорбляли многихъ тщеславныхъ людей. Онъ весьма рѣзко нападалъ на тѣхъ талмудистовъ, чья жизнь не соотвѣтствовала ихъ ученію и которые занимались Талмудомъ лишь для участія въ спорахъ или пріобрѣтенія славы. Поэтому онъ нажилъ себѣ много враговъ, особенно въ Польшѣ, гдѣ задавала тонъ школа Шахны. Соломона болѣе боялись, чѣмъ любили, и ему пришлось вести непостоянный образъ жизни. Уже рано онъ сталъ то тутъ, то тамъ открывать школы, собиралъ вокругъ себя учениковъ и затѣмъ снова оставлялъ ихъ, и только на сороковомъ году своей жизни онъ поселился въ *Острогѣ*, въ Волыни[1]). Тотчасъ же по своемъ прибытіи туда онъ вступилъ въ споръ съ равиномъ Владиміра, *Исаакомъ Бецалелсомъ*, который, не сдѣлавъ никакихъ сообщеній колегіи равиновъ, самовольно объявилъ себя судьей и вынесъ несправедливый приговоръ въ процесѣ по поводу конкуренціи въ дѣлѣ виннаго откупа одного города въ области королевы Боны. Лурья отнесся, повидимому, къ Бецалелсу съ большимъ пренебреженіемъ, несмотря на то, что этотъ былъ старше его[2]). Будучи рѣзкимъ въ полемикѣ, грубымъ и не знающимъ пощады, онъ, конечно, вызывалъ соотвѣтствующій отпоръ со стороны своихъ противниковъ; это его еще болѣе раздражало, онъ жаловался на преслѣдованія, даже на неблагодарность своихъ собственныхъ учениковъ, выступавшихъ противъ него, и видѣлъ все въ мрачномъ свѣтѣ. Онъ бичевалъ современныхъ ему талмудистовъ, говоря: число невѣждъ среди нихъ велико, число свѣдущихъ незначительно, число высокомѣрныхъ все возрастаетъ, и никто не хочетъ быть на подобающемъ ему мѣстѣ; когда кто-нибудь изъ нихъ становится равиномъ, онъ выдаетъ себя за великаго учителя, за деньги окружаетъ себя толпою учениковъ, подобно тому, какъ феодалъ пріобрѣтаетъ крѣпостныхъ; имѣются немало престарѣлыхъ равиновъ, которые мало смыслятъ въ Талмудѣ, но высокомѣрно относятся къ общинамъ и истиннымъ талмудистамъ, налагаютъ и снимаютъ отлученія, посвящаютъ своихъ учениковъ въ равины, и все это дѣлаютъ только изъ корыстолюбія»[3]). Соломонъ Лурья осыпалъ желчными сарказмами тѣхъ нѣмецкихъ талмудистовъ, которые очень снисходительно смотрятъ на нарушеніе ра-

[1]) Resp. № 10 въ концѣ, № 8 отъ сент. 1553 года изъ Острога. Въ № 66 онъ жалуется: תלמידים המורדים ופושעים כי סומכין ובוטחין על ג ב ו ר ת הזקן ובנו הגאון . . . ואף בהיותי בארץ אויבי וכפוי תחת ידם לא מאס וגעל ה' להפר ברית אתי והרבה גבולי בתלמידים הגונים מכל קצוי ארץ .

[2]) Лурья, Resp. № 35, 36. [3]) ים של שלמה къ Baba Kama III, № 58.

не ввелъ этихъ оттягченій, а только удержалъ и завершилъ; онъ лишь удовлетворилъ потребность времени. Если бы Исерлесъ не помѣстилъ ихъ въ кодексѣ, то это сдѣлалъ бы кто-либо другой; одинъ изъ его учениковъ, *Мардохай Яфа,* даже принялся уже было за этотъ трудъ.

Исерлесъ живо интересовался и другими науками, въ особенности астрономіей; онъ даже составилъ коментарій къ астрономическому сочиненію Фробаха (Theorica[1]). Онъ также питалъ склонность къ философіи и занимался ею, поскольку она была ему доступна по еврейскимъ книгамъ; «Руководитель» Маймонида былъ его руководителемъ. За это онъ подвергся грубымъ нападкамъ со стороны горделиваго Соломона Лурьи, который былъ настроенъ противъ него, быть можетъ, какъ ученика школы Шахны. Лурья сказалъ или написалъ ему, что онъ неосторожно идетъ по краю зіяющей пропасти и даетъ этимъ дурной примѣръ, и посовѣтовалъ ему избѣгать грамматическихъ ошибокъ. Исерлесъ оправдывался тѣмъ, что онъ познакомился съ философіей по сочиненіямъ не грековъ и не на ихъ языкѣ (отчего, Боже, упаси!), а благочестивыхъ евреевъ[2]). Онъ написалъ даже своеобразное философское произведеніе[3]), символическое описаніе храма, храмовыхъ сосудовъ и ритуаловъ, которое, какъ безвкусно и нелѣпо намъ ни кажется, все же было во вкусѣ того времени и даже очень понравилось образованному Азаріи деи Роси. Къ кабалѣ Исерлесъ относился не очень дружелюбно[4]). Однако ея сила была въ то время такъ велика, что и онъ не могъ освободиться отъ ея вліянія, и написалъ коментарій къ Зогару. Исерлесъ интересовался исторіей, и, когда ему попалась въ руки хроника Закуто (Iochasin), онъ немедленно же, по своему обыкновенію, снабдилъ ее примѣчаніями и дополненіями[5]).

Исерлесъ возбудилъ въ одномъ изъ своихъ учениковъ желаніе серьезно заняться исторіей. *Давидъ Гансъ* (род. въ Вестфаліи въ 1541 г., ум. въ Прагѣ въ 1613 г.[6]) юношей прибылъ въ Краковъ, чтобы поступить въ тамошнюю раввинскую школу; но Исерлесъ, воспитавшій его и руководившій имъ, невольно пробудилъ въ немъ природное влеченіе къ научнымъ предметамъ, исторіи, географіи, математикѣ и астрономіи. Гансъ занялся этими науками, познакомился съ обоими выдающимися мате-

---

[1]) См. библіографовъ.

[2]) Resp. Исерлеса, № 6 и слѣд. Ср. также его примѣчаніе къ Jochasin въ концѣ.

[3]) תורת העולה, напечат. въ 1570, еще при жизни его.

[4]) Т, же Ш, 4; Resp. № 6.

[5]) Нап. въ Краковѣ 1580 - 81 съ пропускомъ словъ, вызывающихъ сомнѣніе въ подлинности Зогара.

[6]) Цунцъ въ изд. Ашеромъ Itinerarium Веніамина изъ Туделы.

матиками и астрономами того времени, *Кеплеромъ* и *Тихо де Браге*, и написалъ нѣсколько сочиненій въ этихъ областяхъ, конечно, на еврейскомъ языкѣ. Особенной знаменитости достигла его хроника (Zemach David[1]), лѣтопись еврейской и всеобщей исторіи. Большой, очень большой заслугой для нѣмецкаго еврея было въ то время пріобрѣтеніе знаній, такъ далеко лежавшихъ отъ интересовъ повседневности. Но историческіе труды Давида Ганса нельзя назвать значительными. Онъ ввелъ въ еврейскіе круги сухую форму историческаго повѣствованія, которой прежде пользовались бездарные монахи и которая уже въ то время стала уступать мѣсто художественному разсказу. Такимъ образомъ, евреи, по крайней мѣрѣ, нѣмецкіе отставали отъ образованнаго міра на нѣсколько столѣтій. Однако, какъ ни заурядна хроника Ганса, все же она имѣла заслугу, что напомнила погруженнымъ въ изученіе Талмуда еврейскимъ ученымъ о томъ, что имъ предшествовала длинная историческая жизнь. Правда, эта наука такъ мало соотвѣтствовала кругу повседневныхъ занятій, что Гансу приходилось оправдываться предъ ученой публикой и доказывать ей, что благочестивый еврей можетъ со спокойною совѣстью читать его хронику въ субботу. Онъ сослался при этомъ на своего учителя, Исерлеса, который въ данномъ случаѣ руководствовался болѣе своей склонностью къ исторіи, чѣмъ дѣйствовавшими равинскими установленіями. Что нѣмецкіе евреи не интересовались исторіей, доказывается также краткой надписью (не превышающей 2 строчекъ[2]) на могилѣ Ганса, между тѣмъ, когда дѣло шло объ увѣковѣченіи какого-нибудь ничтожнаго равина, славословіе не знало никакихъ предѣловъ. Изученіе Талмуда, даже ограничивающееся лишь работою памяти, составляло въ то время больше славы, чѣмъ занятіе даже глубочайшей наукой.

Эти три первыхъ по таланту и по времени выдающихся равина, Шахна, Соломонъ Лурья и Исерлесъ, вмѣстѣ съ другими равинами, которые были лишь мѣстными знаменитостями, положили основаніе чрезвычайному расцвѣту польско-еврейской учености. Всякій запутанный и важный вопросъ предлагался имъ, въ особенности Исерлесу, для окончательнаго разрѣшенія; такіе вопросы получались ими не только изъ Германіи, Моравіи и Богеміи, но даже изъ Италіи и Турціи. Отвратительныя гнусности, которыя имѣли мѣсто въ пражской общинѣ и противъ которыхъ была безсильна тамошняя колегія равиновъ, были предложены на обсужденіе польскихъ равиновъ, которые энергично вмѣша-

---

[1]) Напечат. впервые въ Прагѣ 1592.

[2]) Lieben, надгробныя надписи Праги № 9.

лись въ дѣло[1]). Страстные споры во Франкфуртѣ на М., которые грозили вызвать притѣсненія или изгнаніе, были улажены польскими равинами[2]). Такимъ образомъ этотъ равинскій тріумвиратъ создалъ главенство Польши надъ европейскимъ еврействомъ, со всѣхъ сторонъ признанное. Польскіе равины сохранили свое вліяніе до конца XVIII вѣка, а отчасти еще и дольше.

Благодаря этому тріумвирату, многочисленные ученики коего соревновали другъ съ другомъ въ изученіи Талмуда, во всей странѣ появились школы, которыя посѣщались почти большей частью польскихъ евреевъ, такъ что мало-по-малу почти всѣ польскіе евреи стали свѣдущими въ Талмудѣ и даже получили право стать равинами. Даже въ небольшихъ общинахъ съ 50 членами было, по крайней мѣрѣ, 20 талмудистовъ, у которыхъ, въ свою очередь, обучались Талмуду не менѣе 30 учениковъ. Повсюду возникали школы, во главѣ коихъ стоялъ равинъ; функція его заключалась, главнымъ образомъ, въ чтеніи лекцій; все же остальное было менѣе важно. Молодежь стекалась въ школы; ученики могли жить безъ заботъ, ибо касса общины или отдѣльные богачи отпускали имъ деньги, необходимыя на содержаніе. Уже въ самомъ нѣжномъ возрастѣ дѣти принимались за изученіе Талмуда, что, конечно, вредно отзывалось на естественномъ развитіи духовныхъ способностей; высшая честь заключалась въ томъ, чтобы руководить равинской школой, и потому честолюбіе направлено было къ этой завѣтной цѣли. Въ школахъ были введены особые надзиратели, которые слѣдили за прилежаніемъ студентовъ (Bachurim) и дѣтей. Они были вправѣ подвергать тѣлесному наказанію лѣнивыхъ и невѣжественныхъ учениковъ. Мало-помалу вводилось нѣчто въ родѣ *программы* талмудическихъ лекцій съ перемѣнными темами для лѣтняго и зимняго полугодій; эта программа сохранилась до начала новаго времени.

Въ концѣ семестровъ всѣ талмудисты-учителя вмѣстѣ со своими многочисленными учениками отправлялись на главныя польскія ярмарки, лѣтомъ въ *Заславъ* и *Ярославъ*, а зимой въ *Львовъ* и *Люблинъ*. Тамъ сходилось нѣсколько тысячъ учениковъ и происходилъ оживленный обмѣнъ мнѣній о различныхъ талмудическихъ тонкостяхъ. Тамъ же происходили публичные диспуты, въ коихъ каждый могъ принять участіе. Способныя головы получали въ вознагражденіе за умственное напряженіе богатыхъ невѣстъ[3]). Ибо богатые и даже не очень состоятельные родители считали

---

[1]) Resp. Исерлеса № 11, 15 и слѣд.; 55, 66, 82 и слѣд., 90 и слѣд., Resp. Луріи № 33.

[2]) Многіе респ. Исерлеса.

[3]) Это описаніе изъ יון מצולה Натана Ғановера.

гордостью заполучить въ зятья ученаго талмудиста, и искали такихъ жениховъ для своихъ дочерей на ярмаркахъ. Польскіе евреи, вслѣдствіе своего ревностнаго изученія Талмуда, получили, такъ сказать, талмудическую выправку, которая обнаруживалась въ каждомъ движеніи, въ некрасивомъ пожиманіи плечъ, въ своеобразномъ движеніи большого пальца. Всякій разговоръ дѣлового или безразличнаго характера походилъ на талмудическій диспутъ; слова, выраженія, фразы, обороты и намеки перешли изъ талмудической литературы въ народный языкъ и были понятны даже женщинамъ и дѣтямъ.

Но это преувеличенное рвеніе въ изученіи Талмуда не принесло пользы іудаизму. Талмудъ изучали не съ цѣлью проникнуть въ его глубины, а лишь для того, чтобы найти въ немъ нѣчто особое, пикантное, остроумное, щекочущее умъ. На главныхъ ярмаркахъ, куда стекались многія тысячи талмудистовъ, учителей и учениковъ, каждый старался найти что-нибудь новое, неожиданное и хитроумное и тѣмъ затмить своихъ соперниковъ, нисколько не заботясь о правильности и обоснованности высказываемыхъ взглядовъ, а стремясь лишь прослыть способной головой. Главнымъ стремленіемъ польскихъ талмудистовъ было сказать нѣчто новое, изобрѣсти что-нибудь (Chiddusch). Главари школъ и всѣ равины стремились въ своихъ лекціяхъ лишь къ тому, чтобы смастерить хитросплетеніе софистическо-талмудическихъ сентенцій и увеличить сѣть тонкостей (Chillukim). Вслѣдствіе этого весь образъ мыслей польскихъ евреевъ получилъ ложное направленіе; они превратно смотрѣли на міръ и переходили отъ одного заблужденія къ другому. Особенно пострадалъ при этомъ языкъ, который выродился въ смѣхотворную помѣсь изъ нѣмецкихъ, польскихъ и талмудическихъ элементовъ, въ безобразный лепетъ, который, вслѣдствіе привычки острить, сталъ еще отвратительнѣе. Одичавшій языкъ, не признававшій никакихъ формъ, былъ понятенъ однимъ лишь мѣстнымъ евреямъ. Вмѣстѣ съ языкомъ польскіе евреи потеряли свое человѣческое достоинство и вызвали скоро насмѣшки и презрѣніе нееврейскихъ круговъ. Всѣмъ ходомъ дѣлъ со времени Маймонида Библія была оттѣснена на задній планъ, но въ Польшѣ знаніе ея совсѣмъ изчезло, и ею еще занимались только съ цѣлью отыскать въ ней остроты и шутки.

Обстоятельства сложились въ то время такъ, что польскіе евреи могли образовать государство въ государствѣ. Правда, церковно реакціонная католическая партія, которая при папѣ Павлѣ IV властвовала надъ папскимъ престоломъ, стремилась къ преслѣдованію или, по крайней мѣрѣ, порабощенію евреевъ въ Польшѣ. Папскій нунцій, *Алоизъ Липомано,* который былъ посланъ въ славянское королевство, чтобы воспрепятство-

вать распространенію реформаціи, началъ свою роль палача съ евреевъ. У доминиканцевъ онъ научился тому, какъ можно ложными обвиненіями фанатизировать народныя массы. Липомано инсценировалъ и въ Польшѣ обвиненіе въ оскверненіе гостіи. Одна дѣвочка показала, что евреи *Сохачева* (округъ Равы въ Мазовіи) купили у нея священную гостію, осквернили ее и вызвали въ ней чудотворную силу. Тогда намѣстникъ *Барковъ*, привлеченный папскимъ нунціемъ на его сторону, приказалъ схватить и заковать въ кандалы трехъ евреевъ, а канцлеръ *Пржембежъ,* холмскій епископъ, получилъ порученіе фанатизировать короля Сигизмунда Августа и добиться отъ него приказа казнить обвиняемыхъ. Однако виночерпію, протестанту Мишкову, удалось убѣдить короля въ лживости этого обвиненія, и разсудительный Сигизмундъ Августъ объявилъ, что не вѣритъ этой нелѣпой побасенкѣ. Онъ приказалъ сохачевскому старостѣ освободить обвиненныхъ еврвъ. Община Сохачева клялась въ ложности обвиненія. Однако безсовѣстный холмскій епископъ вручилъ гонцу, который долженъ былъ освободить трехъ обвиняемыхъ евреевъ, подложное письмо короля изъ Вильны о томъ, что несчастные должны быть казнены. Они и были сожжены (1558 г.). Липомано, который руководилъ этой интригой, хотѣлъ запугать враговъ, но онъ обманулся въ своихъ разсчетахъ. Король Сигизмундъ Августъ былъ возмущенъ этимъ злодѣяніемъ, при которомъ злоупотребили его именемъ, и открыто выразилъ нунцію свое негодованіе. Онъ ему сказалъ въ лицо: «Я трепещу при воспоминаніи объ этой жестокости и не хочу слыть дуракомъ, вѣрующимъ въ то, что изъ разрубленной гостіи течетъ кровь». Все протестантское населеніе стало на сторону евреевъ, освѣтило позорное поведеніе нунція и преслѣдовало его злыми сатирами. Нѣкоторые представители народа и въ особенности гетманъ Тарновскій настаивали предъ королемъ на изгнаніи изъ государства епископовъ, сѣющихъ раздоры. Но на такой шагъ у Сигизмунда Августа не хватило энергіи. Онъ, однако, издалъ законъ (1559 г.), согласно коему еврей, обвиненный въ убійствѣ ребенка или въ кражѣ гостіи, подлежитъ суду не отдѣльнаго сановника, а всего сейма, и только въ томъ случаѣ, если обвиненіе не голословно, а основано на достовѣрныхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ и уликахъ. Съ протестантской стороны травилъ евреевъ маршалъ *Рей ф. Нагловицъ,* который въ своихъ ядовитыхъ сочиненіяхъ призывалъ къ истребленію евреевъ [1]). Иногда врагамъ евреевъ удавалось побудить колебавшагося короля нарушить дарованныя евреямъ привилегіи, подвергнуть ихъ ограниченіямъ и предать въ руки завистливыхъ нѣмецкихъ цеховъ. Однажды онъ воспретилъ евреямъ носить золотыя цѣпочки

[1]) Czacki въ ук. м., стр. 88. Штернбергъ 144.

и драгоцѣнности на своихъ поясахъ и мечахъ[1]). Однако, ради еврейскаго герцога Наксоса[2]), котораго король называлъ своимъ дорогимъ другомъ, онъ принужденъ былъ относиться къ евреямъ, по крайней мѣрѣ, наружно весьма привѣтливо, ограждать ихъ старыя привилегіи и даже предоставлять имъ новыя. Не задолго до своей смерти онъ выдалъ охранительную грамоту познанской общинѣ, которая всего болѣе страдала отъ нѣмецкихъ цеховъ и чиновниковъ[3]). Но даже ограниченія имѣли какія-либо послѣдствія только въ томъ случаѣ, если съ ними соглашались намѣстники и воеводы, а эти были, большей частью, на сторонѣ евреевъ. Поэтому, когда нунція Липомано смѣнилъ его болѣе умный и спокойный преемникъ, *Комендони*, послѣдній къ своему изумленію нашелъ, что положеніе евреевъ въ Польшѣ, по крайней мѣрѣ, въ русинской провинціи (львовской), не такъ позорно, какъ въ Италіи и Германіи. Вмѣсто позорныхъ значковъ, они носили оружіе и рыцарскія украшенія; вмѣсто отверженности, они были въ общеніи съ христіанами, какъ равные съ равными[4]). Нашептываніямъ церковно-фанатической придворной партіи противодѣйствовали еврейскіе лейбъ-медики. *Соломонъ Ашкенази* изъ Удине, игравшій впослѣдствіи столь значительную дипломатическую роль въ Турціи, былъ нѣкоторое время лейбъ-медикомъ короля Сигизмунда Августа. *Симонъ Гинцбургъ* (род. ок. 1507 г., ум. въ 1586 г.[5]) пользовался въ теченіе нѣкотораго времени вліяніемъ на короля. Онъ былъ богатъ, ученъ, щедръ и скроменъ, состоялъ представителемъ познанской общины, и современники не могли вдоволь нахвалиться имъ. Симонъ Гинцбургъ и другіе любимцы при дворѣ разсѣивали собиравшіяся тучи, не дожидаясь ихъ сгущенія.

Послѣ смерти Сигизмунда Августа (1572 г.) польскихъ королей стали выбирать, и это было очень благопріятно для евреевъ. Ибо всякій новоизбранный король нуждался прежде всего въ деньгахъ, которыя можно было достать только у евреевъ, а затѣмъ ему необходимо было имѣть за собой партію среди дворянства, и потому это, въ общемъ дружелюбно относившееся къ евреямъ, сословіе получило перевѣсъ надъ враждебнымъ къ евреямъ нѣмецкимъ населеніемъ. Въ царствованіе перваго избраннаго короля, герцога анжуйскаго, *Генриха*, на голову коего былъ возложенъ польскій терновый вѣнецъ лишь благодаря усиленнѣйшимъ интригамъ его матери, евреи, правда, не могли чувствовать себя счастливыми. Хотя этотъ легкомысленный и предававшійся лишь наслажденіямъ король былъ обязанъ своимъ избраніемъ въ конечномъ счетѣ

[1]) Т. же стр. 89—91.
[2]) См. прим. 5, конецъ.
[3]) У Перлеса 24.
[4]) См. выше. стр. 48.
[5]) Объ этомъ Симонѣ см. Давида Ганса צמח דוד 1 къ г. 5346.

еврею, лейбъ-медику Соломону Ашкенази [1]), онъ все же не проявлялъ къ евреямъ никакой благосклонности. При его содѣйствіи въ Польшѣ впервые образовалась подвижная и смѣлая католическая партія, которая задушила до того царившую въ странѣ религіозную свободу. Какъ онъ могъ въ такомъ случаѣ покровительствовать евреямъ? Генрихъ даже не призналъ дарованныхъ польскимъ евреямъ привилегій и такимъ образомъ въ извѣстномъ смыслѣ поставилъ ихъ внѣ закона. Онъ уже рѣшилъ было принять цѣлый рядъ мѣръ противъ евреевъ[2]). Неудивительно, что гидра церковнаго фанатизма, при немъ и подъ вліяніемъ іезуитскаго ордена, снова подняла голову, и нѣкоторые литовскіе евреи были обвинены въ убіеніи христіанскихъ дѣтей. Къ счастью, этотъ скучавшій на тронѣ король царствовалъ не долго (отъ 16 февраля до 18 іюня 1574 г.).

Послѣ тринадцатимѣсячнаго междуцарствія и продолжительныхъ избирательныхъ соглашеній и интригъ, на польскій престолъ вступилъ умный князь Трансильваніи, *Стефанъ Батори*, тоже, вѣроятно, не безъ содѣйствія еврея Соломона Ашкенази, такъ какъ Турція поддерживала избраніе Батори. Скоро послѣ своего восшествія на престолъ, онъ обратился къ евреямъ съ милостивыми словами, принялъ подъ свою охрану литовскихъ евреевъ, обвиненныхъ въ убіеніи христіанскихъ дѣтей, и выразилъ убѣжденіе, что евреи добросовѣстно слѣдуютъ своему закону, воспрещающему пролитіе человѣческой крови[3]). Его почти двѣнадцатилѣтнее царствованіе (1575—1586) является мирной страницей въ исторіи польскихъ евреевъ.

Въ долгое царствованіе шведскаго принца, Сигизмунда III (1587—1632), избраніе коего повело къ внутреннимъ раздорамъ и гражданской войнѣ, евреямъ жилось лучше, чѣмъ можно было ожидать отъ питомца іезуитовъ и ревностнаго католика, сурово преслѣдовавшаго польскихъ диссидентовъ [4]).

На сеймѣ въ Варшавѣ (1592 г.) онъ подтвердилъ старыя, весьма благопріятныя для евреевъ привилегіи, дарованныя имъ еще Казиміромъ [5]). Злые нападки двухъ польскихъ писателей, *Моецкаго* и *Минчиньскаго*, доказываютъ лишь, въ какомъ благопріятномъ положеніи находились евреи. Нѣкоторые поляки осуждали вылазки Минчиньскаго, сѣющаго раздоръ, многіе же другіе называли его апостоломъ истины[6]). Только одно установленіе, введенное Сигизмундомъ III во вредъ евреямъ,

[1]) Выше, стр. 323. [2]) Прод. עמק הבכא Іосифа Когена стр. 149.

[3]) Чацкій т. же стр. 94, продолженіе Emek ha-Bacha, стр. 150.

[4]) Исаакъ Троки пишетъ о времени его правленія въ Chisuk Emuna I. гл. 46: כי מלכי אלו הארצות ושריהם . . תם אתבי חסד לפיכך אינם עושים עול וחמס ליהודים.

[5]) Перлесъ въ ук. м., стр. 12, 130. [6]) Чацкій тамъ же стр. 95.

носитъ ярко церковный характеръ. Онъ установилъ, что евреи для постройки новыхъ синагогъ должны испрашивать разрѣшенія у католическаго духовенства[1]), и такимъ образомъ поставилъ еврейскую религію въ зависимость отъ фанатической церкви.

При королѣ Стефанѣ Батори польское еврейство ввело у себя учрежденіе (ок. 1580[2]), которое въ такой формѣ никогда не существовало во всей еврейской исторіи и придало общинамъ въ Польшѣ чрезвычайное единство, силу и выдержку. Раньше само собою происходило такъ, что на польскихъ главныхъ ярмаркахъ, куда стекались со всѣхъ сторонъ равины и главари школъ со своими учениками, обсуждались важные вопросы, улаживались крупныя недоразумѣнія и вырабатывались общія соглашенія. Полезность подобныхъ соглашеній, вѣроятно, стала мало-по-малу очевидной и возбудила мысль о томъ, чтобы главные представители общинъ регулярно собирались вмѣстѣ для выработки общихъ и обязательныхъ постановленій. Сначала объединились общины *Малой Польши, Великой Польши* и *русинской области* съ цѣлью устраивать періодическіе синоды (Vaad) на одной изъ главныхъ ярмарокъ, въ *Люблинѣ* или *Ярославѣ*. Главныя общины посылали депутатовъ, ученыхъ и уважаемыхъ людей, которые пользовались правомъ голоса въ синодѣ. Они избирали предсѣдателя, который руководилъ дебатами по возбужденнымъ вопросамъ и велъ протоколъ засѣданій. Раздоры въ общинахъ, споры между купцами, налоги, религіозныя и нравственныя предписанія, борьба съ приближающейся опасностью, общая поддержка нуждающихся братьевъ—таковы были вопросы, которые обсуждались въ синодахъ и по поводу которыхъ выносились обязательныя для всѣхъ рѣшенія. Синодъ слѣдилъ также за книгами, разрѣшая печатать и продавать однѣ и запрещая другія. Правительство, заинтересованное въ томъ, чтобы торговля евреевъ текла безпрепятственно и чтобы установленные налоги правильно поступали, поддерживало порядокъ, установленный синодомъ. По всей вѣроятности разрѣшеніе на учрежденіе синода было дано Стефаномъ Батори. Внутренняя организація синода не извѣстна, такъ какъ протоколы позже погибли во время пожаровъ и еврейскихъ погромовъ; поэтому остается неизвѣстнымъ, были ли внутренніе распорядки синода при его возникновеніи такіе же, какіе господствовали въ немъ позже, и участвовало ли въ немъ болѣе 10 членовъ, изъ коихъ четверо были представители четырехъ главныхъ общинъ, Кракова, Познани, Люблина, Львова, а шестеро остальныхъ были равины. Повидимому, позже къ организаціи присоединилась и Литва, поэтому и она стала называться

[1]) Чацкій тамъ же.

[2]) См. примѣч. 10.

(Vaad Arba Arazat) *синодомъ четырехъ странъ.* Засѣданія синода оказывали очень благотворное дѣйствіе. Они предупреждали серьезные раздоры, препятствовали несправедливостямъ и наказывали ихъ, будили духъ общности, стремились къ общему благу и противодѣйствовали своекорыстнымъ и мелочнымъ мѣстнымъ интересамъ, способствовавшимъ разъединенію общинъ; послѣднее особенно укоренилось въ Германіи, гдѣ евреи прониклись ограниченными мѣщанскими взглядами. Благодаря этому, польско-еврейскій синодъ пользовался вліяніемъ и далеко за предѣлами Польши; отдаленныя нѣмецкія общины или частныя лица обращались со своими жалобами къ этой высшей инстанціи, увѣренные въ томъ, что синодъ поможетъ имъ. Необходимо вмѣнить тѣмъ мужамъ, которые въ теченіе почти двухъ столѣтій руководили синодомъ, въ великую заслугу, что ихъ имена, достойныя быть извѣстными потомству, были оставлены въ тѣни, точно какъ бы они намѣренно хотѣли стушеваться передъ общимъ дѣломъ. Также неизвѣстны учредитель или учредители синода, выполнившіе трудную задачу подчинить дисциплинѣ своихъ собратьевъ, которые, въ качествѣ евреевъ и поляковъ, питали отвращеніе къ ней. Можно только догадываться, что равинъ *Мардохай Яфа,* родомъ изъ Богеміи (род. около 1530 года, умеръ въ 1612 году [1]), много странствовавшій и много перестрадавшій, организовалъ эти періодическія собранія синода. Въ своей юности онъ прибылъ въ Польшу, чтобы заняться изученіемъ Талмуда подъ руководительствомъ Соломона Лурьи и Моисея Исерлеса. Тогда же онъ нѣсколько ознакомился съ философіей и астрономіей и углубился въ мистику. Возвратившись въ свой родной городъ, Прагу, онъ собралъ вокругъ себя учениковъ, которые стекались къ нему, чтобы научиться у него принесенной имъ изъ Польши талмудической мудрости; но онъ не долго тамъ оставался, ибо, во время изгнанія евреевъ изъ всей страны [2]), и онъ принужденъ былъ взяться за страннический посохъ. Яфа переселился въ Венецію, а изъ Италіи снова въ Польшу. Тамъ онъ былъ равиномъ сначала въ Гроднѣ, а потомъ въ Люблинѣ и Кременцѣ (ок. 1575 г. и до весны 1592 г.). Въ Люблинъ, гдѣ происходила главная ярмарка, стекалось, какъ уже упомянуто, много тысячъ евреевъ, и тамъ всегда улаживались многочисленные споры и тяжбы. Это навело, быть можетъ, Мардохая Яфу на мысль превратить эти случайные синоды въ регулярные и выработать для нихъ уставъ. У итальянскихъ евреевъ онъ научился порядку и организаціи. Его авторитетъ былъ достаточно силенъ, чтобы провести въ жизнь свое предложеніе, которое къ тому же удовлетворяло насущной потребности. Когда онъ уже на старо-

[1]) Срав. о немъ Перлеса въ ук. м. 42 и слѣд.

[2]) Выше стр. 305.

сти снова возвратился въ Прагу, чтобы сдѣлаться тамъ равиномъ, предсѣдательство въ синодѣ, перешло, повидимому, къ *Іошуѣ Фалку Когену,* руководителю львовской школы (1592—1616), которую содержалъ его богатый и вліятельный тесть. Частые синоды дисидентовъ въ Польшѣ, лютеранъ и антитринитаріевъ съ родственными имъ сектами въ различныхъ городахъ послужили, вѣроятно, образцомъ и примѣромъ еврейскому синоду съ той только разницей, что въ послѣднемъ не обсуждались и критиковались догматы, а разрѣшались вопросы практической жизни.

По внѣшнему виду, Польша и Литва представляли собой въ то время картину страны, потрясенной и взбудораженной религіозными спорами, изъ которыхъ должно было возстать новое христіанство. Въ то время, какъ въ Германіи реформаціонное и антиреформаціонное движеніе давно уже улеглось, титаническіе протестанты превратились въ повседневныхъ пасторовъ, а сама новая церковь, въ свою очередь, переходила въ состояніе окаменѣлости и послѣ непродолжительнаго молодого опьяненія впала въ старческое безсиліе, въ польскихъ странахъ волны религіозной нетерпимости и сектантской разрозненности бушевали съ такой яростью, что грозили затопить всю страну. Нѣмецкія колоніи въ Польшѣ перенесли туда реформацію, а польское дворянство, лишенное собственныхъ убѣжденій, изъ одного лишь слѣпого подражанія пристало къ модному антипапистскому движенію. Мѣщане же и крестьяне, т. е. крѣпостные, были слишкомъ тупы и темны, чтобы выступить въ защиту или противъ папы. Христіанство вообще было еще слишкомъ молодо въ Польшѣ и Литвѣ и потому не успѣло пустить глубокіе корни. Такимъ образомъ, реформація, встрѣчая мало сопротивленія, быстро проникла въ круги дворянства и бюргеровъ, Въ общемъ, польское дворянство отдавало предпочтеніе ученію женевца Кальвина, а нѣмецкіе бюргеры были послѣдователями Лютера. Кромѣ этихъ двухъ исповѣданій, которыя въ Польшѣ такъ же враждовали другъ съ другомъ, какъ и въ западной Европѣ, существовали еще *гуситы*, оставшіеся отъ движенія прошлыхъ столѣтій и представлявшіе собой жалкій примѣръ мысли, испугавшейся собственныхъ же выводовъ. Оба первыхъ исповѣданія заигрывали съ гуситами, стараясь увеличить ими ряды своихъ приверженцевъ. Короли Сигизмундъ I и Сигизмундъ Августъ не препятствовали этому движенію, а послѣдній, находясь подъ неотразимымъ вліяніемъ *Радзивиловъ* въ Литвѣ, которые были приближены къ его трону, даже собирался измѣнить папѣ. Такимъ образомъ Польша стала ареной, на которой безпрепятственно и свободно дѣйствовало ученіе августинскаго монаха изъ Витенберга. На сеймѣ въ Варшавѣ (1566 г.) былъ принятъ законъ, согласно коему каж-

дый дворянинъ могъ свободно ввести въ своихъ владѣніяхъ какое ему угодно богослуженіе, лишь бы послѣднее было основано на св. Писаніи. Какъ презирали въ Польшѣ представителя католицизма, видно изъ того, что, когда нунцій Липомано появился на сеймѣ, депутаты встрѣтили его словами: „*здравствуй, змѣиное отродье!*"[1]) И даже мыслители или фантазеры, которые были преслѣдуемы въ Италіи, Швейцаріи или Германіи со стороны католиковъ или реформаторовъ, находили гостепріимный пріемъ во владѣніяхъ самостоятельныхъ польскихъ дворянъ, которые охраняли и защищали бѣглецовъ.

Только при этихъ условіяхъ въ Польшѣ могла возникнуть секта, которая при извѣстной послѣдовательности въ состояніи была бы нанести всему христіанству уничтожающій ударъ, предназначавшійся, собственно, для католицизма. Пепелъ отъ сожженнаго въ Женевѣ арагонца *Сервета*, который писалъ «о заблужденіяхъ тріединства», вызвалъ, какъ казалось, новый церковный расколъ. Ученики Сервета, смѣлые итальянцы, подкапывавшіеся подъ основы христіанства и подвергавшіеся преслѣдованіямъ какъ католиковъ такъ и реформаторовъ, *Социнъ, Бландрата, Парута,* перешли черезъ польскую границу и получили возможность не только свободно жить въ Польшѣ, но и свободно проповѣдовать. Главные нападки *социніанъ* и *пинчовіанъ* (какъ называли эту секту въ Польшѣ) были направлены противъ тріединства, какъ многобожія, за что они и получили названіе *унитаріевъ* или *анти-тринитаріевъ*. Одинъ изъ этой секты, полякъ *Георгъ Паулъ*, бывшій одно время проповѣдникомъ въ Краковѣ, замѣтилъ и правильно охарактеризовалъ половинчатость лютеровской реформаціи. «Черезъ посредство Лютера Богъ сталъ разрушать церковь антихриста, но началъ съ крыши, а не съ фундамента, дабы это гнилое зданіе не погребло его подъ своими развалинами». Въ Польшѣ возникло безчисленное множество сектъ, которыя часто созывали объединительныя синодальныя собранія, но возвращались оттуда еще болѣе разъединенными, чѣмъ прежде.

Распространившаяся въ Польшѣ экзальтація дѣлаетъ вѣроятнымъ сообщеніе о томъ, что нѣкоторые христіане, руководясь Библіей, не только отвергнули католическій уставъ и само христіанство, но даже приблизились къ іудаизму. Дочь князя *Николая Радзивила* питала большую склонность къ ученію *Моисея*. Вдова краковскаго городского совѣтника, *Екатерина Зелазевская*, прямо таки перешла въ іудейство, была, конечно, сожжена за это въ Краковѣ, но приняла смерть съ радостной готовностью, идя на костеръ точно на свадьбу. Соединеніе реформаторскаго движенія въ Польшѣ съ сектой *захараитовъ* въ Новгородѣ вызвало въ Россіи

[1]) У Штернберга 139: „Salve, progenies viperarum".

полу-еврейскую секту *субботниковъ*. Приверженцы Зхаріи (см. выше, стр. 363) были тоже унитаріями, отрицали божественность Іисуса и отвергали почитаніе креста, иконъ, а также монашество. Митрополитъ *Зосима,* апостолъ этой секты, публично произнесъ: «Кто онъ, этотъ Іисусъ Христосъ? Вѣдь онъ долженъ былъ явиться во второй разъ! Гдѣ видно воскресеніе изъ мертвыхъ?» Испытавъ милость и гнѣвъ русскихъ князей и позже подвергнувшись преслѣдованіямъ епископа *Генадія* и другихъ православныхъ священниковъ, зхараиты были сожжены въ Новгородѣ; но вскорѣ къ этой сектѣ присталъ *Ѳеодосій Косой* изъ Москвы, который сталъ ревностно распространять зхараитскіе взгляды и пріобрѣлъ многихъ сторонниковъ въ Бѣлоруссіи, Витебскѣ и Москвѣ, даже среди монаховъ. Передаютъ, будто онъ самъ женился на еврейкѣ. Косой и его приверженцы признавали св. Писаніемъ лишь Пятикнижіе и потому отвергали Троицу и многіе обряды православной церкви. Конечно, они подверглись преслѣдованіямъ и должны были исповѣдывать тайкомъ свою еретическую вѣру. Приверженцы Косого, разсѣянные преслѣдованіями, распались на отдѣльныя секты, изъ коихъ сохранились до нашего времени *молокане*. Они праздновали субботу вмѣсто воскресенья, и потому народъ прозвалъ ихъ «субботниками»; они вообще многое еще позаимствовали у евреевъ и потому считаются въ Россіи «іудействующими христіанами»[1]).

Противники унитаріевъ старались опорочить особенно тѣхъ изъ нихъ, которые на половину примыкали къ іудаизму и отвергали божественное происхожденіе Христа, и называли ихъ *полу-евреями* (Semi-judaizantes). Къ числу самыхъ послѣдовательныхъ унитаріевъ въ Польшѣ принадлежалъ *Симонъ Будни* изъ Мазовіи, кальвинистскій пасторъ въ Клецкѣ (ум. послѣ 1584 г.), основавшій особую секту *буднійцевъ*. Онъ былъ ученѣе основателей другихъ сектъ, понималъ по-гречески и имѣлъ нѣкоторыя познанія и въ еврейскомъ языкѣ, которому онъ научился, вѣроятно, у евреевъ. Симонъ Будни прославился своимъ переводомъ Ветхаго и Новаго завѣтовъ на польскій языкъ (Заславъ 1572). Слѣды его сношеній съ евреями сказались и въ томъ, что онъ питалъ высокое уваженіе къ Талмуду, къ которому весь міръ относился съ такимъ презрѣніемъ[2]). Среди этого пышнаго расцвѣта всевозможныхъ сектъ особенное положеніе занималъ нѣкій *Мартинъ Зейдель,* который, хотя и былъ родомъ силезецъ (изъ Олау), все же проживалъ на границахъ Польши, гдѣ господствовала большая свобода мысли и фантазерства. Зейдель вообще отвергалъ Христа и не хотѣлъ его признавать не только какъ Бога, но даже и не какъ

---

[1]) У Штернберга 116 и слѣд. изъ соч. Руднева о русскихъ сектахъ.

[2]) Мнѣніе Будни о Талмудѣ у Bolafio, בן זקונים стр. 32: עוד יש חכם אחר הנקרא סימון בודינו משבחו מאוד (התלמוד) וחושבו יותר מכל ספרי האומות.

месію. Онъ утверждалъ: месія, какъ и Ханаанская земля, обѣтованъ евреямъ, но въ видѣ человѣка-царя, подобнаго Давиду, а не въ формѣ какого-то необыкновеннаго сверхчеловѣческаго существа; еврейскій законъ обязателенъ лишь для евреевъ, для всѣхъ же прочихъ людей нормой служатъ десять заповѣдей[1]).

Хотя это реформаторско-сектантское движеніе въ Польшѣ и Россіи, несмотря на частые синоды, диспуты и протесты, все же не было достаточно глубокимъ, ибо большая часть населенія была къ нему равнодушна, а само дворянство, охранявшее это движеніе, было настолько поверхностно задѣто имъ, что многіе дворяне позже вернулись къ католицизму[2]), оно все же не прошло безслѣдно для евреевъ. Они охотно вступали въ диспутъ съ сектантами, не съ цѣлью обратить ихъ въ іудейство, а просто желая щегольнуть своимъ знаніемъ Библіи. Поэтому между ними и *дисидентами* (какъ назывались въ Польшѣ всѣ отпавшіе отъ католицизма христіане) часто происходили религіозныя бесѣды[3]). Унитарій *Мартинъ Чеховицъ* (род. (1530 г., ум. 1613 г.) изъ Великой Польши, фантазеръ, участвовавшій во всѣхъ фазахъ религіознаго движенія, бывшій прежде католическимъ священникомъ (въ Курникѣ), затѣмъ склонявшійся на сторону гуситовъ, потомъ поочередно становившійся послѣдователемъ Лютера, Кальвина и Цвингли и, наконецъ, сдѣлавшійся схизматикомъ, отвергая крещеніе дѣтей и утверждая, что христіанинъ не долженъ занимать государственную должность, пытался въ одномъ сочиненіи опровергнуть доводы евреевъ противъ месіанства Христа и возсталъ противъ обязательности предписаній іудаизма. Раввинъ *Яковъ* (Нахманъ) изъ *Белжицъ*[4]) въ Люблинѣ написалъ опроверженіе, которое, повидимому, было настолько рѣзко, что Чеховицъ счелъ необходимымъ защитить свои взгляды въ особомъ сочиненіи.

Но еще болѣе охотно, чѣмъ Яковъ изъ Белжицъ, вступалъ въ диспутъ съ польскими и литовскими приверженцами различныхъ исповѣданій караимъ Исаакъ б.-Авраамъ *Троки* (изъ Трокъ у Вильны, род. ок. 1533 г., ум. 1594 г.[5]). Онъ имѣлъ доступъ къ дворянамъ, цер-

---

[1]) О Зейделѣ см. Лукашевича въ ук. м. II, стр. 829 и слѣд.

[2]) Т. же стр. 11.

[3]) Мартинъ Чеховицъ, Rozmowy Christianskie.

[4]) У Занда и Бока приводится сочиненіе Odpis Jakuba Zyda z Belzyce na Dialogi Marcina Czechowica.

[5]) О немъ Гейгеръ въ календ.-ежегодн. Либермана 1854 г. стр. 21 и сл. Уже Роси доказалъ, что сочинителемъ חזוק אמונה былъ караимъ. Чтобы доказать это, излишенъ весь ученый апаратъ въ ук. м., ибо въ записной книгѣ караимовъ этотъ сочинитель выставляется первымъ въ ряду литовскихъ караимовъ זכר כה' יצחק . . . החכם המובהק בעל חזוק אמונה. Это полемико-апологетическое сочиненіе было сперва издано Ваген-

ковнымъ сановникамъ и другимъ христіанамъ, зналъ прекрасно Библію и Новый завѣтъ и былъ знакомъ съ равинской письменностью, какъ и съ различными религіозно-полемическими сочиненіями своего времени. Незадолго до своей смерти Исаакъ Троки издалъ результаты своихъ выдержанныхъ въ спокойномъ тонѣ религіозныхъ бесѣдъ (1593 г.) въ отдѣльномъ сочиненіи, которому суждено было позже послужить арсеналомъ, изъ котораго добывалось смертоносное оружіе, направленное противъ христіанства. «Укрѣпленіе вѣры» (Chisuk Emuna)—заглавіе этого сочиненія; но онъ не только отразилъ многочисленные нападки христіанъ на іудаизмъ, а прижалъ къ стѣнѣ и само христіанство, искусно и съ полнымъ знаніемъ дѣла подчеркнувъ противорѣчія и не выдерживающія критики утвержденія, встрѣчающіяся въ Евангеліи и у первыхъ христіанъ. Это единственная книга, написанная караимомъ, которую можно еще читать; она, правда, не содержитъ ничего новаго; все, что тамъ приведено въ защиту іудаизма и противъ христіанства, уже было сказано испанско-еврейскими писателями прежняго времени, особенно даровитымъ Профіатомъ Дураномъ[1]), въ болѣе красивой и убѣдительной формѣ. Тѣмъ не менѣе сочиненіе Троки имѣло большой успѣхъ: и книги имѣютъ свою судьбу. Оно было переведено на испанскій, латинскій, нѣмецкій и французскій языки и, благодаря нападкамъ христіанъ, пріобрѣло еще большую славу. Орлеанскій герцогъ[2]) выступилъ съ опроверженіемъ нападокъ польскаго караима на христіанство. Когда же пробудившійся и окрѣпнувшій разумъ поставилъ себѣ задачей привести всѣ рычаги въ движеніе, чтобы потрясти основы христіанства и разрушить все зданіе его, онъ добылъ свое смертоносное оружіе въ этомъ арсеналѣ.

зейломъ въ 1861 г., въ Tela ignea satanae съ латинскимъ переводомъ, но оно было напечатано съ неправильнаго текста, добытаго Вагензейломъ въ Африкѣ. Правильно новѣйшее изданіе равина М. Дейча въ Sorau 1865 и 1873 съ примѣненіемъ и исправл. изъ кодекса Унгера.

[1]) Ист. Греца т. IX, стр. 73.

[2]) De Rossi, Bibliotheca Antichristiana стр. 45.

ГЛАВА XIII.

Поселеніе евреевъ въ Голандіи. Начало ихъ равноправія.

Упадокъ образованности. Преслѣдованія въ протестантскихъ и католическихъ странахъ. Императоръ Рудольфъ II и „великій ребъ Левъ". Мардохай Майзелъ и его поразительная филантропическая дѣятельность. Итальянскіе евреи и папа Григорій XIII. Була противъ еврейскихъ врачей, еврейскихъ покровителей, марановъ и Талмуда. Папа Сикстъ V. Давидъ де Помисъ. Переговоры съ папой по поводу отпечатанія Талмуда. Климентъ VIII. Цензурныя мытарства. Изгнаніе изъ Мантуи и Ферары. Нидерланды и мараны. Самуилъ Палахе. Красавица Марія Нунесъ и голандскіе иммигранты. Яковъ Тирадо и его встрѣча съ Моисеемъ Ури Галеви въ Эмденѣ. Первая тайная синагога въ Амстердамѣ. Новые поселенцы: Алонзо Авраамъ де Герера. Обнаруженіе первой общины въ Амстердамѣ въ Судный день. Первый храмъ Якова Тирадо. Участіе португальскихъ евреевъ въ Остъ-Индской торговой компаніи. Мученическая смерть прозелита Діего де ла Асцепсіонъ. Давидъ Есурунъ, Павелъ де Пина-Реулъ Есурунъ. Илія Монтальто. Ростъ амстердамской общины, ихъ храмъ, равины и кладбище. Іосифъ Пардо, Іегуда Вега и Яковъ Узіелъ. Частичная терпимость въ Голандіи.

(1593—1618).

Свободный духъ европейскихъ народовъ, который такъ смѣло воспрянулъ въ началѣ XVI вѣка, разбилъ старыя оковы, коими церковь такъ долго держала въ плѣну умы народовъ, подорвалъ прежнюю вѣру въ авторитеты, до того считавшіеся святыней, и отравилъ ядомъ сомнѣнія даже мозги носителей папской куріи, этотъ духъ, сулившій возрожденіе цивилизованнаго человѣчества и политическое освобожденіе, повидимому, былъ сломленъ и совершенно подавленъ во второй половинѣ того же столѣтія. Папизмъ или, вѣрнѣе, католицизмъ оправился отъ своего перваго испуга, собрался съ силами и, воспрянувъ духомъ благодаря Тридентскому собору, сталъ ковать новыя цѣпи, которыя оставшіеся ему вѣрными народы охотно наложили на себя. Орденъ іезуитовъ, этотъ подвижной и неустанный борецъ, который не только обезоруживалъ противниковъ, но и привлекалъ ихъ на свою сторону, успѣлъ, благодаря своимъ грандіознымъ цѣлямъ и обширнымъ планамъ, отвоевать многія уже потерянныя было области и даже съ излишкомъ вознаградить себя за потери. Италія, большая часть южной Германіи и австрійскихъ земель, Франція (послѣ продолжительныхъ потрясеній и гражданскихъ войнъ, послѣ кровавой Варѳоломеевской ночи и убійства двухъ королей), а также большая часть Польши и Литвы сдѣлались снова католическими странами, не уступавшими въ фанатизмѣ Испаніи и Португаліи, этимъ пылающимъ очагамъ инквизиціи. Въ лютеровской и реформированной Германіи, Англіи и Скандинавіи воцарился иной папизмъ, папизмъ сухой вѣры и преклоненія предъ мертвой буквой. Византійскіе споры о призрачныхъ догмахъ и лишенныхъ содержанія

словахъ раскололи евангелическія общины на множество большихъ и малыхъ сектъ, парализовавшихъ всякое политическое развитіе. Рвеніе нѣмецкихъ князей въ пользу реформаціи значительно охладѣло послѣ того, какъ они захватили въ свои руки богатства духовенства, и они частью сами перешли къ католицизму, частью воспитывали въ его духѣ своихъ сыновей. Классическая филологія, которая въ началѣ дѣйствовала такъ благотворно, скоро была, вслѣдствіе строгой вѣры въ Библію съ одной стороны и въ авторитеты съ другой, принижена до степени изящной болтовни или ученаго педантизма. Изученіе еврейскаго языка, которое въ началѣ дѣйствовало зажигающе на умы, тоже находилось въ полномъ пренебреженіи и служило лишь средствомъ для церковныхъ перебранокъ. Знаніе еврейскаго языка считалось въ истинно-католическихъ кругахъ все еще ересью; тѣмъ болѣе равинская письменность. Когда ученый испанскій теологъ, *Аріасъ Монтано*, издалъ въ Антверпенѣ на средства Филиппа II первую полную Библію на нѣсколькихъ языкахъ, а также грамматику еврейскаго языка и родственныхъ ему нарѣчій съ соотвѣтствующими словарями, при составленіи коихъ онъ пользовался, между прочимъ, и трудами еврейскихъ коментаторовъ, то іезуиты стали обвинять его, любимца короля Филиппа и автора индекса еретическихъ книгъ, въ склонности къ ереси и, чтобъ опорочить его, называли *равиномъ*. Если бы король и папа не вступились энергично за него, онъ палъ бы жертвой инквизиціи. Правда, въ этой травлѣ сыграли нѣкоторую роль личная вражда и зависть его враговъ. Но, главнымъ образомъ, преслѣдованіе Монтано было вызвано инстинктивнымъ чувствомъ, что распространеніе еврейскаго языка и знанія Библіи пагубно для католической церкви[1]). Католики и протестанты презирали естественныя науки и обрекли ихъ на позорное служеніе мрачной теологіи. Философская мысль притаилась; свободные мыслители были преслѣдуемы и сжигались, напр. *Джордано Бруно*, или были осуждаемы на лицемѣріе, какъ *Беконъ Веруламскій*. Такимъ образомъ, человѣчество попятилось, повидимому, назадъ, съ тою только разницей, что прежняя радостная и наивная религіозная вѣра смѣнилась мрачнымъ и фанатическимъ религіознымъ упрямствомъ.

Церковный фанатизмъ и религіозное рвеніе, вызвавшіе то напряженіе умовъ, которое позже разразилось взаимнымъ истребленіемъ и тридцатилѣтней войною, превратили пребываніе евреевъ въ католическихъ и протестантскихъ странахъ въ одно сплошное мученіе. Приверженцы Лютера въ Германіи позабыли всѣ тѣ краснорѣчивыя слова, которыя

[1]) О преслѣдованіи Аріаса Монтано, срв. соч. Лоренте, histoire de l'inquisition en Espagne III, стр. 75 и слѣд.

Лютеръ произнесъ въ защиту евреевъ въ началѣ своей дѣятельности, и помнили лишь ядовитыя нападки раздраженнаго старика (см. выше, стр. 261). Когда курфюрстъ, *Іоаннъ Георгъ*, обвинилъ могущественнаго любимца своего предшественника, курфюрста *Іоахима II*, его министра финансовъ и главнаго сотрудника по финансовымъ операціямъ, еврея-врача *Липольда* въ отравленіи своего покровителя, что онъ сперва подъ пыткой призналъ, но позже снова отрицалъ, евреи Берлина и бранденбургской области были поставлены передъ печальнымъ выборомъ либо креститься, либо выселиться изъ страны[1]). Католическіе народы и князья, конечно, не пожелали проявлять больше гуманности и терпимости, чѣмъ ихъ протестантскіе противники, и вотъ въ то же самое время въ нѣкоторыхъ городахъ Моравіи населеніе перебило всѣхъ евреевъ[2]), а въ области Майнца архіепископъ *Даніилъ* мучилъ, истязалъ и затѣмъ изгналъ ихъ[3]).

Къ счастью для евреевъ Германіи и австрійскихъ наслѣдственныхъ земель, тогдашній императоръ, *Рудольфъ II*, хотя и былъ питомцемъ іезуитовъ, воспитывался въ странѣ, гдѣ безпрерывно пылали костры, и былъ заклятымъ врагомъ протестантовъ, тѣмъ не менѣе не былъ слишкомъ предубѣжденъ противъ евреевъ. Если, вслѣдствіе слабости и неустойчивости характера, онъ и не былъ въ состояніи остановить преслѣдованій противъ евреевъ, то онъ, по крайней мѣрѣ, не поддерживалъ гоненій. Онъ даже предписалъ одному епископу (изъ Вюрцбурга) не нарушать привилегій, дарованныхъ евреямъ, а другому (изъ Пасау)—не подвергать евреевъ пыткѣ[4]). Однако, опасаясь, что современники или потомство могутъ счесть его за покровителя евреевъ, онъ издалъ приказъ объ изгнаніи евреевъ въ теченіе полугода изъ эрцгерцогства Австріи[5]).

Современники придавали большое значеніе одному разговору между императоромъ и тогдашнимъ равиномъ или, вѣрнѣе, руководителемъ школы, *Ливой* (Іегуда) *б.-Бецалелъ* (род. ок. 1525, ум. 1609 г.[6]), котораго императоръ вызвалъ къ себѣ для бесѣды. Извѣстность этого равина, котораго называли «великій раби Лебъ», основывалась не на заслугахъ, а на легендѣ. Его талмудическія и равинскія познанія не были такъ велики, чтобы его можно было поставить на ряду съ современными ему авторитетами польской школы. Онъ болѣе интересовался

[1]) 1573. См. Менцеля, Geschichte von Preussen in Heeren und Uckert I. стр. 346. Предисл. Менделсона въ תשועת ישראל Манасіи б.-Израиль.

[2]) Гансъ, Цемахъ Давидъ I и II къ 1574 г.

[3]) Шаабъ, diplomatische Geschichte der Juden von Mainz стр. 182 и слѣд.

[4]) Волфъ, Maskir I, стр. 131 отъ 1577 г.

[5]) Т. же въ указ. мѣстѣ.

[6]) Его біографію написалъ H o o k въ изд. Либеномъ могильныхъ надписяхъ пражскаго кладбища.

агадою, чѣмъ галахою, и всѣ его труды относятся къ первой области. Лива б.-Бецалелъ, правда, пріобрѣлъ нѣкоторыя математическія и поверхностныя философскія познанія, но использовалъ ихъ лишь для страстной борьбы противъ духа свободнаго изслѣдованія и для объявленія еретикомъ Азаріи деи Роси (см. выше, стр. 339 [1]). У народа было слѣдующее повѣрье: Лива создалъ изъ глины человѣка (Golem), вдохнулъ въ него жизнь съ помощью записки, исписанной именами Бога, и пользовался его услугами; когда же Лива отнималъ у голема кабалистическую записку, послѣдній снова превращался въ глиняный истуканъ. Однако надъ умами и сердцами людей Лива не имѣлъ никакой власти. Возможно, что императоръ, который самъ увлекался изслѣдованіемъ тайнъ природы путемъ праздныхъ забавъ, пригласилъ къ себѣ на аудіенцію Ливу бенъ-Бецалелъ, чтобы научиться у него чудесному созданію подобія людей или чтобы вывѣдать у него какія-нибудь кабалистическія тайны. Раввинъ упорно молчалъ о предметѣ своей бесѣды съ императоромъ. Но, повидимому, она не была особенно пріятной для него, ибо спустя нѣсколько мѣсяцевъ Лива оставилъ Прагу и занялъ постъ равина въ Познани; эта должность не могла быть блестящей, ибо незадолго до того община Познани, послѣ большого пожара, впала въ крайнюю нужду[2]).

Мелочный и хищный характеръ императора, занимавшагося астрологіей и алхиміей и нуждавшійся для своихъ опытовъ въ благородныхъ металлахъ, проявился въ его отношеніяхъ къ одному благородному пражскому еврею, который былъ прославляемъ своими современниками и увѣковѣчилъ свою память филантропіей, слѣды коей сохранились по сей день.

Маркъ или *Мардохай Майзелъ* (Meysell, род. 1528, умеръ въ 1601 году [3]) принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ натуръ, которыя облагораживаютъ мамону, источникъ столькихъ несчастій и преступленій, правильно пользуясь ею. Въ компаніи съ нѣкіимъ врачемъ, Исаакомъ, онъ велъ дѣла съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, что, послѣ того, какъ онъ употребилъ большую часть своего состоянія на филантропическія дѣла, онъ все же оставилъ болѣе 600.000 марокъ серебра. Майзелъ былъ первый еврейскій капиталистъ въ Германіи. Такой человѣкъ, который еще болѣе, чѣмъ богатствами, выдѣлялся своимъ благородствомъ и филантропіей, въ другой странѣ достигъ бы высокаго положенія; въ Германіи же Майзелъ, какъ передаютъ, получилъ лишь титулъ совѣтника императора Рудольфа. Щедрая и мудрая благотворительность Майзела

[1]) Его соч. באר הגולה (Прага 1580). [2]) Гансъ, Zemach David I къ 5352 г.

[3]) Источники о немъ у его современника, Ганса, т. же; надпись на его могилѣ см. у Либена въ ук. мѣстѣ № 16.

была буквально манной небесной для разоренной, обнищавшей и опустившейся пражской общины. Онъ кормилъ голодныхъ, одѣвалъ нагихъ, ежегодно выдавалъ замужъ двухъ осиротѣвшихъ дѣвушекъ, строилъ больницы и дома для бѣдныхъ, а также, что еще важнѣе, давалъ безпроцентныя ссуды для веденія дѣлъ. Благодаря его неустанной дѣятельности, страшная нужда, которая воцарилась въ Прагѣ со времени возвращенія туда изгнанныхъ прежде евреевъ, нѣсколько уменьшилась. Онъ даже изгналъ грязь изъ еврейскаго квартала, давъ ему мостовую. Само собою разумѣется, что, при своей религіозности, онъ заботился и о поддержаніи іудаизма; съ этой цѣлью онъ открылъ талмудическую школу (Klaus), коей руководитель (Лива б.-Бецалелъ[1]) и ученики содержались на его счетъ; кромѣ того онъ построилъ двѣ синагоги, изъ коихъ одна, *синагога Майзела*, стоила ему болѣе 10.000 талеровъ, считалась въ свое время замѣчательнымъ произведеніемъ искусства и увѣковѣчиваетъ его имя до настоящаго времени. Благотворительность Майзела не ограничивалась пражской общиной. Не жалѣя денегъ, онъ освобождалъ изъ нужды и рабства всѣхъ гонимыхъ и попавшихъ въ плѣнъ евреевъ. Когда еврейскій кварталъ въ Познани сталъ добычей пламени (1590), и большая часть тамошней общины впала въ нищету, онъ подарилъ ей значительную сумму въ размѣрѣ 10.000 талеровъ; столько же онъ позже пожертвовалъ въ пользу краковской общины. Его пожертвованія въ пользу іерусалимской общины не могутъ быть вмѣнены ему въ особую заслугу, ибо это соотвѣтствовало религіозному настроенію того времени. Майзелъ старался устранить не только нужду пражской общины, но и испорченность царившихъ тамъ нравовъ, продажность и несправедливость. Выборы правленія всегда вызывали вопіющіе скандалы. Избраніе или неизбраніе кандидата зависѣло не отъ его достоинства или недостатковъ, а отъ дружбы или ненависти къ нему. Императорскія власти бывали принуждены поэтому вмѣшиваться въ дѣла общины и навязывать ей правленіе, причемъ, конечно, не всегда соблюдались требованія справедливости. Благодаря стараніямъ Майзела, пражское еврейство снова получило свободу въ избраніи старѣйшинъ, равиновъ и судей; онъ же заботился и о томъ, чтобы прежніе скандалы не повторялись болѣе[2]).

Какъ же отнесся императоръ Рудольфъ къ этому благородному человѣку и императорскому совѣтнику? Майзелъ одолжилъ одному дворянину деньги, причемъ обезпеченіемъ долга служили помѣстья должника. Послѣдній, однако, заявилъ, что по закону недвижимости не могутъ закладываться евреямъ, и императорская канцелярія на этомъ основаніи объявила при-

[1]) Надпись надъ могилою Майзела гласитъ: ויעשה בית ועד לחכמים.

[2]) Волфъ Maskir въ ук. м.

тязанія Майзела недѣйствительными. Далѣе, Майзелъ одолжилъ императору значительную сумму денегъ и серебряныя вещи, конечно, подъ проценты. Но онъ не получилъ ни капитала, ни процентовъ[1]). Безсовѣстность и своекорыстіе императора обнаружились особенно послѣ смерти Майзела. Правда, онъ оказалъ праху его послѣднія почести, пославъ своего представителя на похороны. Многіе придворные слѣдовали за останками искренне оплакиваемаго благотворителя; но послѣдней воли покойнаго императоръ не исполнилъ. Майзелъ, будучи бездѣтнымъ, назначилъ наслѣдниками своихъ племянниковъ, поручивъ имъ, вѣроятно, увѣковѣчить его память благотворительными учрежденіями. Но императоръ приказалъ конфисковать все его имущество, недвижимость и наличные капиталы, превышавшее $^1/_2$ милліона, основываясь на томъ, что наслѣдство умершаго бездѣтнымъ еврея, государственнаго раба, принадлежитъ императорской казнѣ. Равины къ тому же были принуждены обязать, подъ угрозой отлученія, всѣхъ должниковъ Майзела передать казнѣ причитавшіяся ему деньги. Процесъ по поводу этого наслѣдства длился цѣлыхъ десять лѣтъ.

Такимъ образомъ, обираемые, попираемые и гонимые какъ католиками, такъ и лютеранами, слабо охраняемые, но за то эксплуатируемые императоромъ, евреи опускались все ниже и ниже. Они были такъ всецѣло заняты повседневными заботами, что даже пренебрегали изученіемъ Талмуда, который, по крайней мѣрѣ, давалъ имъ хоть нѣкоторую духовную пищу. Кромѣ Ливы б. Бецалелъ, его брата, *Хаима б.-Бецалелъ*[2]), и еще двухъ другихъ братьевъ, въ Германіи не было въ то время сколько-нибудь крупнаго равина.

Итальянскимъ евреямъ приходилось еще хуже, они тоже впали въ нищету и все болѣе опускались. Въ Италіи былъ главный центръ безпощадной и ожесточенной церковной реакціи, которая только и думала о томъ, какъ бы стереть съ лица земли всѣхъ враговъ католицизма. Изъ Ватикана пожаръ гражданской войны былъ переброшенъ въ Германію, Францію и Нидерланды. Такъ какъ со времени Павла IV и Пія V (см. выше стр. 284, 390) евреи стояли въ спискѣ еретиковъ, то ихъ судьба была незавидна. Съ уничтоженіемъ послѣднихъ остатковъ свободы, число евреевъ въ Италіи сильно понизилось. Въ южной Италіи не было совсѣмъ евреевъ. Въ сѣверной же Италіи самыя крупныя общины Венеціи и Рима насчитывали едва 2000 и 1000 душъ, въ Мантуѣ жило 1844, а во всей миланской области (Кремона, Лоди, Павія, Алесандрія, Казалмаджіоре) только 889 душъ [3]).

[1]) Т. же.

[3]) Maskir V, стр. 75.

[2]) Ученикъ Шахны и товарищъ Исерлеса, ум. въ Фридбергѣ 1588.

За папой Піемъ V, который отъ природы былъ мрачнымъ фанатикомъ, падкимъ на преслѣдованія, и обращался съ евреями, какъ съ проклятыми сынами Хама, послѣдовалъ папа Григорій XIII, который былъ искусственно фанатизированъ іезуитами и театинами. А воля строгаго папизма была рѣшающей для Италіи. По отношенію къ евреямъ Григорій оказался послѣдовательнымъ продолжателемъ своего жестокаго предшественника. Несмотря на многократные запреты, въ Италіи было еще много христіанъ, которые предпочитали опытныхъ еврейскихъ врачей, напр. *Давида де Помисъ, Илію Монталто,* христіанскимъ врачамъ - шарлатанамъ. Папа Григорій не могъ стерпѣть этого. Возобновивъ старый каноническій законъ [1]), воспрещавшій больнымъ христіанамъ обращаться за помощью къ еврейскимъ врачамъ и предписывавшій имъ въ теченіе трехъ дней послѣ заболѣванія причаститься Св. тайнъ, Григорій XIII наложилъ суровую кару не только на христіанъ, нарушившихъ законъ, но и на еврейскихъ врачей въ случаѣ, если бы они осмѣлились продлить жизнь или облегчить страданія какому-нибудь больному христіанину. Другой законъ Григорія коснулся не только сословія врачей, но всѣхъ вообще евреевъ, которые были отданы имъ подъ надзоръ инквизиціи. Если какой-нибудь еврей будетъ высказывать или проповѣдовать еретическіе, т. е. не угодные церкви взгляды, или даже только войдетъ въ сношенія съ еретикомъ или вѣроотступникомъ и окажетъ ему малѣйшую услугу или любезность, онъ долженъ быть привлеченъ къ суду инквизиціи и присужденъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, къ потерѣ имущества, къ галернымъ работамъ или даже къ смертной казни. Такимъ образомъ, если бѣжавшій изъ Испаніи или Португаліи маранъ находилъ пристанище у своего единоплеменника въ Италіи, то оба рисковали попасть въ когти кровожадной инквизиціи. Папа Григорій XIII воспылалъ гнѣвомъ и противъ Талмуда. Евреямъ снова было приказано выдать инквизиціи талмудическія и иныя книги, которыя церковь считала подозрительными; причемъ римскимъ евреямъ былъ данъ 10-тидневный, а другимъ трехмѣсячный срокъ. Инквизиторамъ и другимъ духовнымъ властямъ было предписано произвести повсемѣстные обыски, и всякаго, у кого, по истеченіи установленнаго срока, будутъ найдены запрещенныя книги, подвергать суровой карѣ, даже если означенныя книги процензурованы и освобождены отъ подозрительныхъ мѣстъ [2]). Особенно усердствовалъ папа въ обращеніи евреевъ въ христіанство. Онъ, энергично поддерживавшій іезуитовъ и ихъ вліятельную школу и основавшій Collegium Ger-

[1]) Була отъ 30 марта 1581 г.

[2]) Була отъ 1 іюня 1581 г.

manicum, въ которомъ воспитывались питомцы всѣхъ народовъ и говорили на 25 языкахъ, съ цѣлью снова привлечь отпавшихъ нѣмцевъ въ лоно католической церкви, снова ввелъ каноническій законъ о томъ, чтобы христіанскіе проповѣдники произносили по субботамъ и праздникамъ въ синагогахъ проповѣди о христіанскомъ вѣроученіи, по возможности на еврейскомъ языкѣ; на эти проповѣди должна была явиться, по крайней мѣрѣ, треть общины, считая мужчинъ, женщинъ и дѣтей старше 12 лѣтъ. Папа увѣщевалъ католическихъ князей поддерживать эти мѣропріятія [1]). То, что полупомѣшанный схизматикъ-папа (Бенедиктъ XIII) придумалъ въ минуту возбужденности, хладнокровно санкціонировалъ верховный пастырь всей католической церкви. Этотъ законъ былъ равносиленъ религіозному насилію, которое очень напоминаетъ требованіе Антіоха Епифана посвятить храмъ единаго Бога Юпитеру. Характерно для тогдашнихъ нравовъ, что евреи были вынуждены платить оклады тѣмъ самымъ ненавистнымъ проповѣдникамъ, которыхъ ихъ заставляли выслушивать. Подобно своему предшественнику, Пію V, папа Григорій не пренебрегалъ никакимъ средствомъ, дабы привлечь евреевъ. Подобно тому, какъ Пій V возвелъ въ дворянство виднаго еврея римской общины, по происхожденію испанца, *Илію Коркоса,* послѣ перехода его въ христіанство, такъ и Григорій причислилъ одного родственника этой фамиліи, *Соломона Коркоса,* вмѣстѣ съ сыномъ и невѣсткой къ сословію римскихъ дворянъ [2]). Нѣкоторые евреи изъ боязни или изъ выгоды перешли въ христіанство, а нѣкоторые изъ нихъ даже поддерживали гоненія противъ итальянскихъ евреевъ. Эдикты Григорія не оставались мертвой буквой, будучи проводимы со всевозможной строгостью и суровостью.

Особенную радость доставляли клерикаламъ еврейскіе выкресты, которые, зная еврейскій языкъ, соглашались проповѣдывать въ синагогахъ христіанство. Къ числу такихъ ренегатовъ принадлежалъ *Андреа де Монти.* Онъ былъ настолько великодушенъ, что не требовалъ у евреевъ вознагражденія за свои проповѣди. Одинъ еврей имѣлъ мужество сказать въ анонимномъ письмѣ къ этому ренегату, что думаютъ его слушатели о немъ и о всемъ папскомъ режимѣ, именно: папское правительство, въ сущности, такая-же свѣтская власть, какъ правительства фараоновъ, халдеевъ и древнихъ римлянъ; но подобно тому, какъ они не могли ничего подѣлать противъ богоизбраннаго народа, потомства Авраама, такъ точно это не удастся и христіанскому деспоту; непрекращающіяся ми-

[1]) Була отъ 1 сент. 1584 г. въ Bullarium magnum Romanum, также у Bartolocci Bibliotheca, стр. 784.

[2]) У Bartolocci т. же, стр. 785.

лость Бога къ своему народу проявляется и въ томъ, что даже при всемогуществѣ папы евреи уважаемы и почитаемы многими князьями, свободны и богаты; его, презрѣннаго ренегата, постигнетъ такая же судьба, какъ и Гамана; Богъ можетъ тысячью способовъ наказать притѣснителей и угнетателей Его народа; евреи нисколько не благодарны ему за его безвозмездныя проповѣди; они скорѣе согласились бы за плату слушать проповѣди настоящаго христіанина[1]). Вслѣдствіе этого насилія надъ совѣстью и другихъ мученій, многіе евреи покинули Римъ, этотъ Вавилонъ тогдашняго времени[2]).

При его преемникѣ, Сикстѣ V (1585—1590), который замѣчателенъ не только тѣмъ, что, начавъ свинопасомъ, онъ кончилъ пастыремъ католической церкви, но и своей изумительной энергіей, проявленной имъ въ управленіи церковнымъ государствомъ, положеніе евреевъ, повидимому, измѣнилось. Онъ допускалъ ихъ къ себѣ и поддерживалъ даже бѣжавшаго изъ Португаліи марана, *Лопеца*, который давалъ ему совѣты относительно улучшенія финансовъ церковнаго государства[3]). Оказаніе довѣрія католическому ренегату, котораго непосредственные предшественники Сикста приказали бы сжечь, было совсѣмъ не маловажно. Но онъ пошелъ еще далѣе и издалъ булу (22 окт. 1586 г.), коей отмѣнилъ почти всѣ ограниченія своихъ предшественниковъ. Сикстъ разрѣшилъ евреямъ не только жить во всѣхъ городахъ церковной области, но и имѣть сношенія съ христіанами, а также нанимать христіанскихъ слугъ. Онъ гарантировалъ имъ религіозную свободу въ цѣломъ рядѣ параграфовъ и даровалъ имъ амнистію за совершенныя преступленія, т. е. за утаеніе религіозныхъ книгъ. Онъ запретилъ также рыцарямъ мальтійскаго ордена нападать въ морѣ на отправлявшихся изъ Европы на Востокъ и обратно евреевъ и продавать ихъ въ рабство, что эти святые рыцари до сихъ поръ обыкновенно дѣлали. Папа Сикстъ сумѣлъ внушить уваженіе къ своимъ законамъ, и потому изгнанные прежде евреи снова возвратились въ церковное государство. Римская община насчитывала при немъ 200 членовъ[4]). Наконецъ, онъ отмѣнилъ эдиктъ, тяжелымъ бременемъ лежавшій на еврейскихъ врачахъ, о воспрещеніи лечить христіанскихъ больныхъ. И только вве-

[1]) Charles Dejob въ Revue d. Et. XI, 87. Dejob полагаетъ, что этотъ проповѣдникъ Андреа де Монти идентиченъ съ тѣмъ самымъ, котораго Монтень слышалъ въ Римѣ въ 1581 г. и котораго обрисовалъ, какъ un Rabi renié qui prêchait les Juifs le Samedi après-diner.

[2]) Leti, vita di Sisto Quinto, гл. 14. Удивительно, что продолжатель Emek ha-Bacha сообщаетъ о немъ стр. 147; אפיפיור גריגוריו . . . וישבו שארית ישראל בימיו בשלוה ובמישור.

[3]) Ранке, Монархи и народы II, стр. 466.

[4]) Була отъ 22 окт. 1586 г. Содержаніе ея приводится также въ продолженіи Emek ha-Bacha, стр. 155, срав. Leti т. же.

денныя предшественникомъ Сикста насильственныя проповѣди остались неприкосновенными.

Весьма важный эдиктъ относительно еврейскихъ врачей былъ отмѣненъ Сикстомъ, вѣроятно, благодаря стараніямъ знаменитаго тогда врача, *Давида де-Помисъ*. Происходя изъ старинной фамиліи, родоначальникъ коей, по преданію, поселился въ Римѣ еще при Титѣ, *Давидъ де-Помисъ* (род. въ Сполето 1525, ум. въ Венеціи 1588) былъ совсѣмъ не заурядной личностью. Съ медицинскими познаніями онъ соединялъ знаніе языковъ и знакомство съ еврейской и классической литературами, писалъ изящно какъ по-еврейски, такъ и по-латыни и былъ знакомъ съ философіей. Перемѣны въ настроеніяхъ папской куріи довольно чувствительно отзывались на его судьбѣ. Вслѣдствіе человѣконенавистническихъ эдиктовъ Павла IV, онъ лишился всего своего состоянія. Пій IV отнесся къ нему весьма милостиво; послѣ красиваго латинскаго доклада, который Давидъ де-Помисъ прочиталъ передъ папой и колегіей кардиналовъ, ему было, въ видѣ исключенія, разрѣшено практиковать среди христіанъ. Пій V снова подвергъ его мучительнымъ ограниченіямъ, вслѣдствіе чего онъ принужденъ былъ практиковать среди мелкихъ и капризныхъ дворянъ. Съ цѣлью опровергнуть необоснованныя предубѣжденія противъ евреевъ вообще и еврейскихъ врачей въ частности, Де-Помисъ написалъ на латинскомъ языкѣ сочиненіе «Еврейскій врачъ» [1]), которое свидѣтельствуетъ объ его благородныхъ помыслахъ и обширномъ образованіи. Де-Помисъ весьма краснорѣчиво доказывалъ, что іудаизмъ вмѣняетъ каждому еврею въ обязанность любить христіанина, какъ своего брата, и что еврейскій врачъ не только далекъ отъ желанія нанести вредъ своему христіанскому паціенту, но и относится къ нему съ особеннымъ вниманіемъ. Онъ перечислилъ цѣлый рядъ врачей, которые лечили церковныхъ сановниковъ, кардиналовъ и папъ, возстановили ихъ здоровье и были отличаемы какъ высокопоставленными паціентами, такъ и цѣлыми городами. Въ заключеніе Помисъ приводитъ нѣкоторыя моральныя сентенціи изъ Талмуда въ латинскомъ переводѣ съ цѣлью показать, что эта, столь опороченная и опозоренная, книга вовсе не такъ пагубна, какъ это утверждаютъ враги евреевъ. Эта апологія іудаизма и еврейскихъ врачей, написанная въ изящномъ латинскомъ стилѣ и посвященная князю *Франциско Маріи* изъ Урбино, повидимому, произвела сильное впечатлѣніе на папу Сикста. Де-Помисъ былъ, видно, вообще близокъ къ папѣ, ибо онъ посвятилъ ему свой второй выдающійся литературный трудъ, талмудическій словарь на трехъ языкахъ.

[1]) De medico Hebraeo enarratio apologetica (Венеція 1588); его второе главное произведеніе, צמח דוד, Lexicon Hebraicum (т. же 1587).

Благопріятное отношеніе папы Сикста къ евреямъ возбудило въ нихъ надежду на то, что Талмудъ и еврейская письменность будутъ на всегда освобождены отъ все еще тяготѣвшаго надъ ними проклятія. Въ правленіе двухъ послѣднихъ папъ каждый экземпляръ Талмуда, найденный въ Италіи, подвергалъ своего владѣльца большой опасности со стороны свирѣпой инквизиціи. Даже другія, совершенно безобидныя книги на еврейскомъ языкѣ были не совсѣмъ безопасны, ибо, такъ какъ инквизиторы и духовныя власти не понимали по-еврейски, то они всякую еврейскую книгу считали еретической, что, конечно, открывало широкій просторъ доносительству. Въ концѣ-концовъ, судьба владѣльца еврейской книги, будетъ ли онъ лишенъ состоянія или осужденъ на галерныя работы, зависѣла отъ настроенія крещеныхъ евреевъ, знавшихъ еврейскій языкъ. Чтобы избавиться отъ этихъ непріятностей, община Мантуи предложила обратиться къ Сиксту V съ просьбой разрѣшить евреямъ имѣть у себя экземпляры Талмуда и другія сочиненія, процензурованныя и освобожденныя отъ подозрительныхъ и якобы враждебныхъ христіанству мѣстъ. Общины Милана, Ферары и другихъ городовъ присоединились къ этой просьбѣ. Они могли сослаться на постановленіе папы Пія IV, что Талмудъ не цѣликомъ заслуживаетъ проклятія, а содержитъ лишь достойныя проклятія мѣста, которыя и должны быть устранены цензурой (см. выше, стр. 308). Захвативъ съ собой 2000 скуди, еврейскій депутатъ, *Бецалелъ Масерано,* отправился (въ іюнѣ 1586 г.[1]) въ Римъ, чтобы повергнуть ходатайство евреевъ къ стопамъ его святѣйшества. Оно было удовлетворено въ булѣ отъ 22 октября 1586 г., быть можетъ, благодаря посредничеству Лопеца, но во всякомъ случаѣ изъ-за денежныхъ разсчетовъ. Сикстъ разрѣшилъ евреямъ снова отпечатать Талмудъ и другія книги, конечно, съ предварительной цензурой. Для этой цѣли были назначены двѣ комисіи, къ участію въ коихъ были, конечно, приглашены крещеные евреи, въ качествѣ экспертовъ. Итальянскіе евреи обрадовались, что скоро будутъ снова имѣть Талмудъ, хотя въ искаженномъ видѣ. Они предприняли новое изданіе Талмуда, ибо незадолго до того появившееся базельское изданіе[2]) уже слишкомъ пострадало отъ цензуры и не было годно къ употребленію. Цѣлый трактатъ объ идолопоклонничествѣ и язычествѣ (Aboda Sara) былъ выпущенъ, такъ какъ все, что въ этомъ трактатѣ говорится объ идолопоклонникахъ, относится, по мнѣнію цензора, всецѣло къ христіанамъ. Но для новаго изданія Талмуда нужны были значительныя суммы денегъ; чтобы достать ихъ,

---

[1]) Срв. Emek ha-Bacha стр. 155; сообщ. М. Мортары, цензура еврейскихъ книгъ въ Италіи и canon purificationis, ספר הזקוק, въ Maskir V, стр. 75 и слѣд.; 96 и слѣд.

[2]) 1570—1580, ср. Волфа Bibliotheca II, стр. 900 и слѣд.

колегія римскихъ равиновъ разослала всѣмъ общинамъ циркулярное посланіе съ просьбой щедрыми пожертвованіями поддержать столь благочестивое начинаніе. Однако комисія не успѣла еще выработать цензурныя установленія, какъ внезапно (7 августа 1590 г.) умеръ умный папа, Сикстъ, и предпринятое новое изданіе Талмуда не было выполнено частью вслѣдствіе равнодушія богатой венеціанской общины, частью изъ-за неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ.

Дѣло въ томъ, что снисходительное къ евреямъ отношеніе со стороны Сикста V было порождено не чувствомъ справедливости, а его пламеннымъ и страстнымъ желаніемъ составить значительный денежный фондъ. Его біографъ говоритъ: «этотъ папа пустилъ кровь христіанамъ изъ горла, а евреямъ изъ всѣхъ органовъ». Евреи были часто принуждаемы доставлять невѣроятныя суммы въ папскую сокровищницу. Правда, онъ весьма энергично защищалъ ихъ отъ преслѣдованій и насилій. Когда слуга графскаго дома Конти сорвалъ у еврея шляпу съ головы и бросилъ ее въ Тибръ, папа приказалъ повѣсить слугу въ гетто на глазахъ у евреевъ. Но евреи должны были давать ему деньги, деньги безъ конца.

За деньги онъ иногда отказывался отъ своей, вошедшей въ поговорку, строгости. Во время его правленія, въ Римѣ оказался одинъ *христіанскій Шейлокъ*. Островъ С.-Доминго въ Вестъ-Индіи, находившійся во власти Испаніи, былъ осажденъ англичанами подъ начальствомъ Дрека (1586 г.). Всѣхъ интересовалъ вопросъ: завоеванъ ли островъ англичанами или нѣтъ. По этому поводу на биржѣ въ Римѣ возникъ горячій споръ между христіанскимъ купцомъ, *Піетро Секи*, который утверждалъ, будто получилъ свѣдѣнія о паденіи С.-Доминго, и евреемъ *Сансоне Ценедой*, который отрицалъ это и въ пылу спора держалъ пари, согласно коему онъ разрѣшилъ противнику вырѣзать у него фунтъ мяса, если тотъ окажется правымъ. Христіанскій купецъ выигралъ пари и настаивалъ на исполненіи условія. Когда Сикстъ узналъ объ этомъ, онъ призвалъ обоихъ къ себѣ, призналъ за христіаниномъ право требовать выполненія условія, но пригрозилъ ему смертью въ случаѣ, если онъ вырѣжетъ на драхму больше. Помимо этого, онъ присудилъ обоихъ къ смерти, христіанина за то, что онъ покушался на жизнь еврея, послѣдняго же за то, что онъ проигралъ въ пари свое тѣло, которое принадлежитъ суверену. Лишь благодаря посредничеству одного кардинала, папа помиловалъ ихъ, замѣнивъ казнь галерой, а затѣмъ и денежнымъ штрафомъ въ 2000 скуди[1]). Христіанскій Шейлокъ отдѣлался такимъ образомъ сравнительно счастливо.

[1]) Лети къ 1587 г. въ изд. 1593 и слѣд., Parte terza, libro II, стр. 135. Въ

После смерти Сикста, колегія кардиналовъ, повидимому, нѣкоторое время руководилась взглядами умершаго папы. Ибо Григорій XIV, хотя былъ фанатикомъ, тѣмъ не менѣе нарушилъ каноническій запретъ своихъ предшественниковъ, разрѣшивъ недалекому еврейскому врачу и скучному писателю, *Аврааму б.-Давидъ Порталеоне* (род. 1542 въ Мантуѣ, ум. въ 1612 г.[1]) практиковать среди христіанъ (августъ 1591 г.). Но такъ какъ папа Григорій большей частью былъ болѣзнью прикованъ къ постели, то слѣдуетъ предположить, что это снисхожденіе исходило отъ колегіи кардиналовъ, дѣйствовавшихъ въ духѣ прежняго папы, Сикста. Съ *Климентомъ VIII* (1592—1615) возобновилась нетерпимость Павла IV, Пія V и Григорія XIII по отношенію къ евреямъ. Въ самомъ началѣ своего правленія онъ возобновилъ самые тягостныя ограниченія противъ евреевъ церковной области, Венесенъ, разрѣшивъ имъ торговать лишь старымъ платьемъ; при этомъ онъ слегка попрекнулъ Сикста V, говоря, что эти ограниченія были по упущенію забыты (февраль 1592 г.[2]). Въ Карпентра и другихъ городахъ этой церковной области, при папѣ Сикстѣ V, вѣроятно, снова поселились евреи. Папа снова повторилъ декретъ объ изгнаніи евреевъ (25 февр. 1593 г.[3]) и позволилъ имъ проживать лишь въ Римѣ, Анконѣ и Авиньонѣ. Еврей, котораго находили въ другомъ папскомъ городѣ, подвергался лишенію состоянія и галернымъ работамъ. Но и въ этихъ трехъ городахъ евреямъ было запрещено (28 февр. того же года[4]) читать и сохранять у себя Талмудъ и другія еврейскія книги. Но такъ какъ этотъ папа былъ разсчетливѣе своихъ предшественниковъ-единомышленниковъ и не хотѣлъ вредить столь выгодной для папской казны торговлѣ Анконы съ Левантомъ, то онъ допустилъ исключеніе въ пользу турецкихъ евреевъ (8 марта 1593 г.[5]).

Изгнанные изъ церковнаго государства евреи, повидимому, нашли пріютъ у герцога *тосканскаго, Фердинанда,* который поселилъ ихъ въ Пизѣ (іюль 1593 г.). Онъ разрѣшилъ имъ также имѣть книги всякаго рода и на всѣхъ языкахъ, слѣдовательно, и Талмудъ; но экзем-

---

старыхъ изданіяхъ нѣтъ этого разсказа, потому что Лети прибавилъ его позже для характеристики этого папы.

[1]) Ср. о немъ еврейскихъ библіографовъ.

[2]) Revue d. Et. X. 180 и сл. Уступая настоятельнымъ просьбамъ гражданъ Феррары, онъ разрѣшилъ въ видѣ исключенія рекомендованному ему въ качествѣ искуснаго врача, *Моисею Алатино* (вѣроятно, сынъ Витала Алатино), и сыну его, Bonajudo, лечить христіанъ.

[3]) Була въ Bullarium Clementi VII constitutio 19; Emek ha-Bacha стр. 158.

[4]) Була т. же const. 20.

[5]) Т. же const. 26.

пляры его должны были быть предварительно процензурованы, согласно установленіямъ комисій, назначенныхъ Сикстомъ V[1]). Фанатизмъ папскаго престола имѣлъ такое вліяніе, отъ котораго не могли или не рѣшались освободиться такіе благородные монархи, какъ *Фердинандъ Медичи* изъ Тосканы и *Виченцо Гонцага* изъ Мантуи, любимцемъ коего былъ еврей *Іосифъ де Фано*[2]). Тѣ евреи, которымъ было милостиво разрѣшено имѣть цензурованныя книги, подвергались всякаго рода непріятностямъ и вымогательствамъ. Они принуждены были за искаженіе книгъ цензорами (преимущественно изъ выкрестовъ) платить имъ большія деньги и все же не были обезпечены отъ возможности того, что ихъ книги будутъ вторично конфискованы, а они строго наказаны, такъ какъ то или другое опасное слово осталось незачеркнутымъ. Незавидна была бы участь того, кто осмѣлился бы снова возстановить перечеркнутыя цензоромъ мѣста. Чтобы избѣгнуть непріятностей, евреи сами искажали свои литературныя святыни и вычеркивали не только все, что касалось идолопоклонства, но и все, что было сказано въ прославленіе еврейскаго племени, а также о месіи и его будущемъ пришествіи[3]). Такъ какъ Италія была тогда главной поставщицей еврейскихъ книгъ, то евреи всѣхъ другихъ странъ получали лишь искаженные экземпляры, въ коихъ были совершенно вытерты громкіе или глухіе протесты противъ Рима.

Если подобное происходило на глазахъ у наполовину дружелюбно относившихся къ евреямъ князей, то чего имъ было ожидать отъ монарховъ, систематически и послѣдовательно травившихъ ихъ? Что евреевъ терпѣли въ миланской области, принадлежавшей увлекавшемуся кострами Филиппу II, было, въ сущности, непослѣдовательностью. Предавать сожженію евреевъ въ Испаніи и во всей великой имперіи, въ которой въ то время не заходило солнце, и терпѣть ихъ въ уголкѣ Италіи, находившемся подъ властью той же Испаніи, было слишкомъ неестественно. И потому, какъ только вниманіе мадридскаго двора было обращено на эту непослѣдовательность, послѣдняя была устранена. Столкновеніе между евреями и христіанами въ Кремонѣ обратило на себя всеобщее вниманіе. Убійцу одного еврея выволокли изъ церкви и убили; впрочемъ, это произошло съ разрѣшенія епископа. Это обстоятельство возбудило гнѣвъ кремонскихъ жителей, которые, соединившись съ жителями Павіи, возбудили при дворѣ Филиппа II жалобу противъ евреевъ. Тщетно вступился за нихъ вице-король, доказывая, что евреи являются необходимымъ элементомъ и что это лишній разъ подтвердилось при не-

---

[1]) М. Мортара въ Maskir въ ук. м. стр. 75.

[2]) De Barrios Historia universal Judayca, стр. 69; Emek ha-Bacha, стр. 155.

[3]) М. Мортара т. же, стр. 76, 97 и слѣд.

задолго до того свирѣпствовавшей эпидеміи чумы. Напрасно также краснорѣчиво защищалъ ихъ предъ королемъ еврейскій депутатъ, *Самуилъ Коенъ,* изъ Алесандріи. Враги евреевъ также имѣли при дворѣ своего представителя, который долженъ былъ всячески способствовать изгнанію евреевъ. Ростовщичество евреевъ и религіозныя книги, которыя были находимы у нихъ, несмотря на папскій запретъ, служили попеременно средствомъ возбудить противъ евреевъ гнѣвъ мрачнаго короля. Исповѣдникъ Филиппа II тоже дѣйствовалъ въ этомъ направленіи, и скоро изъ миланской области, изъ городовъ Кремоны, Павіи и Лоди и другихъ мѣстностей, было (весной 1597) изгнано около 1000 евреевъ[1]); они должны были молить о предоставленіи имъ убѣжища въ Мантуѣ, Моденѣ, Реджіо, Веронѣ и Падуѣ. При выселеніи они были ограблены бездушными христіанами, и имъ лишь съ большимъ трудомъ удалось собрать причитавшіеся имъ долги. Надъ евреями Ферары, которая издавна была надежнымъ убѣжищемъ не только для евреевъ, но и для преслѣдуемыхъ марановъ, также нѣкоторое время виталъ дамокловъ мечъ каноническихъ ограниченій. Фамилія герцоговъ де-Эсте, члены коей соревновали въ благородствѣ и любви къ искусству съ фамиліей Медичи, вымерла. Евреи Ферары были настолько привязаны къ дому этихъ владѣтельныхъ герцоговъ, что при тяжкой болѣзни разумной принцесы, *Леоноры,* которую обезсмертили два великихъ поэта, они установили въ синагогахъ молитвы объ ея выздоровленіи[2]); она была покровительницей евреевъ и часто принимала ихъ подъ свою охрану. И вотъ послѣдній отпрыскъ этой фамиліи, Альфонсъ II, умеръ бездѣтнымъ (1597), и Ферара была, наперекоръ его послѣдней волѣ, присоединена папой Климентомъ VIII къ церковному государству. Еврейская община, состоявшая большей частью изъ бывшихъ марановъ, ожидала изгнанія, такъ какъ не могла разсчитывать на терпимость этого папы. Они просили только папскаго племянника, *Алдобрандини*, который принялъ во владѣніе Ферару, предоставить имъ нѣкоторый срокъ для того, чтобы подготовить выселеніе. Но такъ какъ Алдобрандини видѣлъ, что торговый расцвѣтъ города былъ неразрывно связанъ съ евреями, то онъ былъ настолько сообразителенъ, что уже въ интересахъ церковнаго государства не притѣснялъ ихъ; онъ поэтому обѣщалъ имъ терпимость въ теченіе пяти лѣтъ и исполнилъ свое обѣщаніе, несмотря на фанатизмъ папы Климента VIII,

---

[1]) Emek ha-Bacha стр. 154, 157 и слѣд.

[2]) Луцато изъ рукоп. отъ 1581 г. въ Maskir VII, стр. 23: תפלה נעשית בפיראה שנת שט״ה לפ״ק בעד סיניורה ליאונורה די איסטי . . . "אוהבת היהודים דורשת טוב לעמינו בכל צרי צררים".

намѣревавшагося изгнать ихъ [1]). Но преслѣдуемые мараны не могли болѣе останавливаться въ Ферарѣ, не попадая въ когти кровавой инквизиціи. Такимъ образомъ въ Италіи исчезло послѣднее убѣжище для марановъ, и, въ сущности, во всемъ христіанскомъ мірѣ не было мѣста, гдѣ бы они могли себя чувствовать въ безопасности.

Правда, въ Бордо проживала крошечная еврейская община, состоявшая изъ бывшихъ португальскихъ марановъ, которымъ удалось спастись отъ неистовствъ инквизиціи[2]). Ихъ единоплеменники, которые уже задолго до того поселились въ этомъ городѣ и, въ качествѣ врачей, адвокатовъ или професоровъ въ высшихъ школахъ и въ университетѣ, пользовались большимъ уваженіемъ, особенно фамилія ученыхъ, *Говея,* выхлопотали для нихъ у короля Генриха II разрѣшеніе поселиться въ Бордо, заниматься тамъ дѣлами и даже пріобрѣтать недвижимость. Однако ихъ терпѣли лишь какъ новохристіанъ и португальскихъ купцовъ. Они принуждены были утаивать свое еврейское вѣроисповѣданіе, посѣщать церкви, причащаться и крестить своихъ дѣтей. Тѣмъ не менѣе пятьдесятъ или шестьдесятъ фамилій, которыя постепенно переселились въ Бордо изъ Португаліи и Испаніи, были заподозрѣны въ тайной принадлежности къ еврейству. Одинъ фанатическій совѣтникъ парламента, *Де Ланкръ*, которому было поручено розыскивать и предавать сожженію вѣдьмъ и колдуновъ, обвинилъ эти маранскія фамиліи въ томъ, что они тайно исповѣдуютъ іудаизмъ, не ѣдятъ свинины и въ субботу не приготовляютъ пищи. Если бы парламентъ и судьи не приняли ихъ подъ свою охрану, они подверглись бы преслѣдованіямъ. Эта крошечная община и ея колонія въ Байонѣ, повидимому, были проникнуты необыкновенно глубокой любовью къ своему исповѣданію, ибо они не растворились въ христіанствѣ, несмотря на то, что имъ долго пришлось наружно пребывать подъ этой личиной.

Мудрая рука Провидѣнія устроила такъ, что еврейскій народъ, который въ концѣ XVI вѣка потерялъ почву подъ ногами въ Европѣ и Азіи, въ христіанскихъ и мусульманскихъ странахъ, сталъ твердой ногой какъ разъ въ странѣ своего заклятаго врага, Филиппа II испанскаго, и оттуда сталъ добиваться своего равноправія. Причины и слѣдствія такъ переплелись, что, въ конечномъ счетѣ, кровавая инквизиція сама помогла евреямъ добиться своей свободы. Голандія, этотъ уголокъ земли, насильственно отвоеванный отъ водной стихіи, стала пріютомъ для всѣхъ жертвъ жестокаго и свирѣпаго фанатизма, которыя могли тамъ осѣсть

[1]) Прод. Emek ha-Bacha стр. 165 и слѣд.

[2]) Срав. о поселеніи и исторіи марановъ въ Бордо Malvesin, histoire des Juifs à Bordeaux, 104 и слѣд.

и развить свои способности во всемъ ихъ своеобразіи. Но много измѣненій и преобразованій должно было произойти прежде, чѣмъ эта невѣроятность могла сдѣлаться дѣйствительностью. Сѣверо-западный уголокъ Европы уже издавна былъ слабо населенъ евреями; о нихъ имѣется очень мало свѣдѣній, и во всякомъ случаѣ они ничѣмъ не выдѣлялись. Они, подобно своимъ братьямъ въ сосѣднихъ странахъ, страдали отъ фанатическаго возбужденія массъ, подверглись во времена крестовыхъ походовъ и черной смерти рѣзнѣ или изгнанію, снова собирались то въ томъ, то въ другомъ пунктѣ, но всегда забытые и заброшенные всѣми. Когда эта область, подъ именемъ Нидерландовъ, была подъ обширнымъ скипетромъ Карла V соединена съ Испаніей, принципы испанскаго юдофобства были перенесены на евреевъ этой страны. Этотъ императоръ издавалъ одинъ приказъ за другимъ объ изгнаніи изъ нидерландскихъ городовъ малочисленныхъ евреевъ, проживававшихъ тамъ. Каждому гражданину было предписано доносить королевскимъ чиновникамъ о противузаконномъ пребываніи евреевъ. Вслѣдствіе введенія инквизиціи въ Португаліи, многія маранскія фамиліи, обладавшія богатствами и отличавшіяся искусностью въ разнаго рода ремеслахъ, отправились въ цвѣтущіе города Нидерландовъ, Антверпенъ, Брюсель, Гентъ, чтобы тамъ исповѣдовать тайно свою религію, не подвергаясь гоненіямъ. Центральными фигурами среди нихъ были одно время *Діого Мендесъ* и его великодушная невѣстка, дона *Грація*[1]). Суровые законы Карла и особенно его сына, Филиппа II, не пощадили и этихъ фамилій; ихъ приказано было изгнать. Магистраты въ этомъ отношеніи точно исполняли приказы своего властелина, опасаясь, какъ бы присутствіе новохристіанъ не повлекло за собой введеніе инквизиціи, которое было бы, конечно, для нихъ величайшимъ несчастьемъ [2]).

И все же Нидерланды не избѣгнули инквизиціи; вѣдь жители этой области, хотя и принадлежали къ Испаніи, все же были окружены лютеровскими еретиками и насчитывали таковыхъ даже въ своихъ собственныхъ рядахъ. Инквизиція должна была быть введена въ Нидерландахъ. Это было главной причиной, вызвавшей отпаденіе ихъ и ту продолжительную войну, которая, хотя въ началѣ была незначительной,

[1]) См. выше, стр. 289 и слѣд.

[2]) Объ истор. евр. въ Бельгіи и Голандіи: Кармоли, Revue orientale I стр. 42 и слѣд., 168 и слѣд. Koenen Geschiedenis der Joden in Nederland стр. 127 и слѣд. Emile Ouverleaux „Notes et Documents sur les Juifs de Belgique“ Paris 1885. Комисія 1653 г. послала памятныя записки эрцгерцогу Леопольду-Вилгельму, гдѣ указано было, что Карлъ V и Филиппъ II издали приказъ объ изгнаніи марановъ изъ Нидерландовъ. (у Уверло, стр. 32). Koenen, стр. 130 т. же справедливо замѣчаетъ, что граждане вооружились противъ марановъ, очевидно, изъ боязни предъ инквизиціей.

все же повела къ огромнымъ послѣдствіямъ, обезсиливъ могущественную Испанію и превративъ крошечную Голандію въ первоклассную державу. Нидерландскія войны за независимость являютъ впервые въ исторіи примѣръ побѣды стойкихъ гражданъ надъ высокомѣріемъ кровавой тираніи. Бѣшеный гнѣвъ мрачнаго Филиппа II, палача - полководца, Альбы, кровожаднаго Варги съ ихъ сотнями тысячъ наемныхъ рабовъ ничего не могли подѣлать противъ неискоренимаго свободолюбія героическаго народца. Жестокій фанатикъ, папа Пій V, былъ весьма доволенъ рѣзней нидерландскихъ еретиковъ, устроенной Альбой и кровожаднымъ трибуналомъ. Но казалось, будто вмѣсто всякой отсѣченной Альбой головы появлялись, какъ у гидры, сто новыхъ головъ. Само собою разумѣется, что евреи не были терпимы въ странѣ, которую дикій фанатизмъ превратилъ въ арену кровавой борьбы. Альба обратился къ магистратамъ *Арнгейма* и *Цютфена* съ приказомъ задержать евреевъ, если таковые тамъ проживаютъ, и ждать дальнѣйшихъ распоряженій. Легко понять, что означалъ этотъ приказъ въ устахъ Альбы. Совѣты упомянутыхъ городовъ отвѣтили, что среди нихъ не имѣется евреевъ[1]). Однако въ городкѣ *Вагенингенъ* (Гелдернъ) оказалось нѣсколько евреевъ, которые и были изгнаны для болѣе торжественнаго празднованія рожденія испанскаго инфанта[2]).

Португальскіе мараны, которые даже въ третьемъ поколѣніи не могли забыть своего еврейскаго происхожденія и не хотѣли отречься отъ іудаизма, возложили всѣ свои надежды на штаты, боровшіеся за свою независимость, тѣмъ болѣе, что инквизиція все еще свирѣпствовала противъ нихъ, бросая ихъ въ темницу и предавая сожженію[3]). Какъ только счастливая звѣзда Испаніи стала угасать, какъ только погибла непобѣдимая армада, съ помощью коей Филиппъ II намѣревался поработить физически и морально не только Англію, но по возможности и весь земной шаръ, подъ желѣзнымъ бичемъ этого тирана сердца новохристіанъ воспылали страстнымъ стремленіемъ къ свободѣ[4]). Такъ какъ Италія, вслѣдствіе ненавистнической политики реакціонныхъ папъ, была для нихъ закрыта, то имъ оставалась еще только надежда найти убѣжище въ Нидерландахъ.

Одинъ извѣстный въ свое время еврей, *Самуилъ Палахи*, который былъ посланъ марокскимъ государствомъ въ Нидерланды въ качествѣ консула (около 1591 г.), предложилъ магистрату *Миделбурга*

[1]) Koenen, въ ук. м., стр. 133 отъ 1570 г.

[2]) Т. же отъ 1571 г.

[3]) Самуилъ Валеріо, коментарій къ кн. Даніила (напеч. 1586) стр. 76. См. итальянское сообщеніе въ концѣ. прим. 6.

[4]) Koenen т. же, стр. 190 и слѣд.

(провинція Зеландія) допустить марановъ, предоставивъ имъ религіозную свободу. Мудрые отцы города охотно приняли бы это предложеніе; но страстная борьба за вѣру и независимость противъ религіознаго и политическаго деспотизма Испаніи вселила даже въ проповѣдниковъ реформаціи фанатизмъ и нетерпимость. Они-то и воспротивились допущенію евреевъ въ Зеландію[1]).

Тѣмъ не менѣе мараны не оставили надежды найти убѣжище въ освободившихся отъ испанскаго ярма Нидерландахъ. Могучія узы связывали ихъ съ этой гражданской республикой; они раздѣляли ея пламенную ненависть противъ захлебывавшейся въ человѣческой крови Испаніи и ея короля, Филиппа II. Великій штатгалтеръ, *Вилгельмъ Оранскій*, душа нидерландскаго возстанія, провозгласилъ принципъ взаимной терпимости и мирнаго сожительства различныхъ религіозныхъ ученій, вѣроисповѣданій и сектъ. Если этотъ первый зачатокъ истинной гуманности и погибъ, то все же онъ преисполнилъ марановъ надеждой на избавленіе отъ мучительныхъ терзаній, которыми была столь богата ихъ жизнь. Одна маранская женщина, *Майоръ Родригесъ*, повидимому, задалась планомъ отыскать убѣжище въ Голандіи сначала для своей семьи. Она, ея мужъ, *Гаспаръ Лопесъ Гомемъ*, ихъ двое сыновей и дочерей, какъ и другіе члены этой богатой и уважаемой фамиліи, были все еще преданы іудаизму и не выносили вынужденнаго лицемѣрія, которое было имъ глубоко ненавистно и все же не охраняло ихъ отъ ужасовъ инквизиціи. Когда изъ Португаліи, съ соблюденіемъ всякаго рода предосторожностей, пустилось въ путь, подъ управленіемъ нѣкоего *Якова Тирадо*[2]), судно съ переселявшимися маранами, Майоръ Родригесъ довѣрила судну свою очаровательную дочь, *Марію Нунесъ*, и своего сына, *Мануела*, находившихся въ сопровожденіи ея шурина, *Лопеца Гомема*. Мать разсчитывала, повидимому, на очаровательность своей дочери; необыкновенная красота Маріи Нунесъ должна была послужить щитомъ для гонимыхъ марановъ и открыть имъ убѣжище въ Голандіи. Въ самомъ дѣлѣ, ея красотѣ удалось отвратить первую опасность, грозившую маранскимъ бѣглецамъ. Дѣло въ томъ, что они были схвачены и отвезены въ Англію однимъ англійскимъ судномъ, охотившимся за испанско-португальскими кораблями, и Марія Нунесъ такъ очаровала капитана, англійскаго герцога, что тотъ предложилъ ей свою руку, не сомнѣваясь въ ея принадлежности къ кругу португальскаго дворянства. Однако она отклонила это почетное предложеніе, такъ какъ хотѣла исповѣдовать іудаизмъ. Между тѣмъ красота португальской плѣнницы надѣ-

[1]) Т. же.

[2]) См. прим. 11.

лала такой шумъ въ Лондонѣ, что даже дѣвственная королева, *Елизавета*, возгорѣлась любопытствомъ и пожелала видѣть столь прославляемую и недоступную даже для влюбленнаго герцога красавицу; она пригласила ее къ себѣ на аудіенцію и въ открытомъ экипажѣ объѣхала съ ней улицы столицы. Вѣроятно, при посредствѣ Маріи Нунесъ, маранскіе переселенцы могли безпрепятственно покинуть Англію и направиться въ Голандію. Имъ пришлось пережить еще ураганъ, грозившій имъ гибелью; два судна, на которыхъ находились они со всѣми своими богатствами, получили уже пробоины; но скоро море успокоилось, и они могли достигнуть гавани Эмдена. Въ Эмденѣ, какъ и вообще въ восточной Фрисландіи, было въ то время мало нѣмецкихъ евреевъ, которые жили тамъ, вѣроятно, уже съ давнихъ временъ[1]).

Какъ только мараны случайно, по еврейскимъ буквамъ и другимъ признакамъ, узнали о присутствіи въ этомъ городѣ ихъ единоплеменниковъ, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ среди нихъ, *Яковъ Тирадо*, отправился къ слывшему ученымъ *Моисею Ури Галеви* (род. 1544, ум. 1620), на домѣ коего мараны замѣтили еврейскія буквы, открылся ему и высказалъ намѣреніе марановъ отречься отъ навязаннаго имъ христіанства и всецѣло, если возможно, немедленно примкнуть къ іудаизму. Моисей Ури опасался, однако, совершить такой важный шагъ, какъ обращеніе христіанъ въ іудейство въ такомъ маленькомъ городкѣ, гдѣ ничто не проходитъ незамѣченнымъ. Поэтому онъ посовѣтовалъ маранамъ отправиться въ Амстердамъ, указалъ имъ мѣсто, гдѣ имъ слѣдовало поселиться, и обѣщалъ прибыть къ нимъ со своимъ сыномъ, *Арономъ*, и всей семьей, остаться у нихъ и пріобщить ихъ къ іудаизму. Согласно уговору, мараны, подъ руководительствомъ Тирадо, прибыли въ Амстердамъ (22 апрѣля 1593 г.), отыскали жилища, въ которыхъ они могли вмѣстѣ жить, и, послѣ прибытія Моисея Ури съ семьей, примкнули къ іудаизму, радостно подвергнувъ себя мучительной и не безопасной операціи. Находившійся уже въ преклонномъ возтѣ Яковъ Тирадо ободрилъ своихъ единомышленниковъ мужественнымъ примѣромъ. Моисей Ури и сынъ устроили затѣмъ молельню для марановъ и отправляли въ ней богослуженіе. Ревностную приверженность къ іудаизму проявилъ не только *Яковъ Тирадо*, но и консулъ *Самуилъ Палахи* и переселившійся изъ Мадейры поэтъ, *Яковъ Израиль Белмонте*, который описалъ всѣ мученія инквизиціи въ стихотвореніи, удачно названномъ имъ „*Іовъ*"[2]) Новые переселенцы усилили численно

[1]) Ср. Ганса Zemach David II къ 1581 г.: דבר זה שמעתי . . . משארי וויבש עמדן . ובר אורין כמר וויבלמן נוירדן ורבים אחרים יושבי מדינת וריזלנד.

[2]) De Barios, Triumpho del govierno popular, стр. 61 и слѣд., гдѣ перечислены также

и морально молодую общину. Англійскій флотъ, который подъ командой графа Эсекса застигъ врасплохъ крѣпость Кадиксъ и нанесъ испанцамъ чувствительные удары (лѣтомъ 1596 г.), привезъ съ собой въ Голандію многихъ марановъ, въ числѣ коихъ находился одинъ оригинальный умъ, не оставшійся безъ вліянія на послѣдующее развитіе іудаизма, *Алонзо де Герера* (род. 1570, ум. 1631 г.). Въ его жилахъ текла еврейская и древне-испанская кровь; его предкомъ былъ великій капитанъ, Гонзалво де Кордова, завоеватель Неаполя (см. выше стр. 7). Онъ самъ былъ испанскимъ резидентомъ для Мароко въ Кадиксѣ и при взятіи этого города попалъ въ англійскій плѣнъ. Будучи освобожденъ, онъ прибылъ въ Амстердамъ, принялъ іудаизмъ и получилъ имя *Авраама де Герера* (ошибочно Ирира). Просвѣщенный *Израилемъ Сарукомъ*, онъ сдѣлался главнымъ распространителемъ кабалы Лурьи среди образованныхъ евреевъ (см. выше, стр. 368) и придалъ ей обманчивый лоскъ нео-платоновской философіи[1]).

Однако исповѣдованіе еврейской религіи амстердамскими маранами сопряжено было для нихъ съ большими волненіями. Когда эта первая португальская община въ четвертый разъ праздновала тайкомъ Судный день (октябрь 1596 г.), христіанскіе сосѣди обратили вниманіе на то, что въ одинъ и тотъ же домъ тайкомъ пробирались какія-то замаскированныя лица; подозрѣвая, что тутъ происходятъ собранія заговорщиковъ изъ числа преданныхъ папѣ фанатиковъ, они донесли объ этомъ маги-

остальные первые члены общины; о Белмонте т. же и въ другихъ малыхъ сочиненіяхъ того же автора.

[1]) Тотъ же, Historia universal Judayca стр. 20. Это сообщеніе еще мало принято во вниманіе. Поэтому я приведу его тутъ съ нѣкоторымъ освѣщеніемъ. Въ немъ говорится, что принцъ Морицъ Оранскій вмѣстѣ съ гаагскимъ дворянствомъ слѣдовали за трупомъ резидента *Самуила Палахе* (1616). Такъ же былъ почтенъ Авраамъ Герера далѣе де Баріосъ продолжаетъ: come en el de 1531 (leg. 1631) el del insigne Jaxam; Abr. Herrera, cuya vida canta este soneto; это есть могильная надпись:

„Don Alonso de Herrera con nobleza
Fue del gran Capitan gran descendiente,
Y del Rey de Marruecos Residente.
Donde en el Cabo Herculeo el mar empieza,
Prendiolo la Anglicana fotaleza,
Quando a Cadiz rindio su naval gente.
Y en la tierra de Hollanda al fin sapiente
Guardò la ley Mosayca con firmeza,
Llamose Abraham Herrera, y el loado
Libro de Cabalá con docto anhelo
Hizo, Puerta del Cielo intitulado etc.

Завоеваніе Кадикса англійскимъ флотомъ произошло въ 1596 г., какъ извѣстно изъ англійской исторіи.

страту. Въ то время, какъ маранскіе евреи углубились въ молитвы, въ молельню ворвались вооруженные люди, наводя на молящихся ужасъ. Большинство евреевъ, напуганные ужасами инквизиціи и опасаясь въ Амстердамѣ той же печальной участи, хотѣли спастись бѣгствомъ; но этимъ только усилили подозрѣніе амстердамскихъ офицеровъ, которые тщетно розыскивали распятія и гостіи, и тѣмъ не менѣе увели въ темницу Моисея Ури и его сына. Однако Яковъ Тирадо, который, владѣя латинскимъ языкомъ, могъ вести переговоры съ властями, сумѣлъ убѣдить ихъ, что собравшіеся не приверженцы папы, а евреи, вырвавшіеся изъ когтей инквизиціи, что они привезли съ собою большія богатства, что за ними послѣдуютъ ихъ португальскіе и испанскіе единомышленники со своими богатствами и что это можетъ повести къ расцвѣту амстердамской торговли. Рѣчь Тирадо произвела впечатлѣніе на магистратъ, и заключенные были освобождены. Такъ какъ ихъ вѣроисповѣданіе было все равно уже извѣстно, то Яковъ Тирадо дерзнулъ обратиться къ магистрату съ ходатайствомъ разрѣшить имъ построить синагогу. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній ходатайство было удовлетворено. Яковъ Тирадо купилъ участокъ земли и построилъ первую синагогу на сѣверѣ Европы. Синагога была названа „*Домомъ Іакова*“ (Bet Jakob, 1598) и освящена при энтузіазмѣ небольшой общины[1]).

Благопріятныя вѣсти отъ амстердамскихъ марановъ, тайно получавшіяся въ Италіи и Португаліи, вызывали во многихъ желаніе переселиться въ Нидерланды. Первая иниціаторша этого переселенія, *Майоръ Родригесъ Гомемъ*, воспользовалась удобнымъ случаемъ, чтобы бѣжать изъ Португаліи и соединиться со своей красивой дочерью, Маріей Нунесъ, и своимъ сыномъ, Мануеломъ. Она привезла съ собой своего младшаго сына, *Антонія Лопеца*, и свою младшую дочь, *Юсту Перейру* (ок. 1598); ея мужа, повидимому, уже не было въ то время въ живыхъ. Тогда же прибыла изъ Португаліи и уважаемая семья, *Франко Мендеса*, которая чуть не погибла на кострѣ инквизиціи; семья эта состояла изъ родителей и двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ, *Франциско Мендесъ Медейросъ*, обладалъ большимъ литературнымъ образованіемъ и принялъ еврейское имя *Исаакъ*, а другой, *Христовалъ Мендесъ Франко*, былъ богатъ и щедръ и назвалъ себя *Мардохай*. Они оба играли крупную роль въ амстердамской общинѣ; но позже послужили поводомъ къ расколу.

Филиппъ II дожилъ еще до того времени, когда два народа, которыхъ онъ яростно ненавидѣлъ и преслѣдовалъ, нидерландцы и евреи, подали другъ другу руки для уничтоженія его твореній. Ибо Голандія

[1]) См. примѣч. 11; другіе источники передаютъ этотъ фактъ нѣсколько иначе.

извлекла громадную пользу отъ переселившихся туда португальскихъ евреевъ; прежде она была самымъ бѣднымъ государствомъ; цвѣтущая торговля и роскошь были только на югѣ, въ собственной Фландріи; депутаты сѣверныхъ провинцій собирались на важныя собранія, руководимыя Вилгельмомъ Оранскимъ, захвативъ съ собой лишь чернаго хлѣба съ сыромъ. Ожесточенныя опустошительныя войны еще болѣе разорили страну, и потому капиталы, привезенные маранами въ Амстердамъ, пришлись весьма кстати и были очень полезны всей странѣ. Голандцы только потому и могли положить начало своему величію, что вырвали торговлю съ Индіей изъ рукъ португальцевъ, соединенныхъ съ Испаніею узами неприличнаго брака. Несомнѣнно, что только маранскіе капиталы сдѣлали возможнымъ основаніе огромныхъ заморскихъ обществъ и снаряженіе торговыхъ экспедицій (Maatschappy van derre), въ которыхъ приняли дѣятельное участіе и португальскіе евреи [1]). Связи, которыя имѣли послѣдніе со своими тайными единовѣрцами въ индійскихъ владѣніяхъ Португаліи, тоже способствовали успѣху голандцевъ.

Смерть Филиппа II (сент. 1598 г.) должна была бы послужить ужасающимъ примѣромъ для всѣхъ своевольныхъ и безсовѣстныхъ деспотовъ. Нарывы и паразиты покрыли его тѣло, возбудивъ къ нему всеобщее отвращеніе; даже его слуги не могли безъ содроганія приблизиться къ нему. Передаютъ, будто какой-то священникъ предсказалъ ему эту ужасную смерть, которая постигнетъ его за кровавую расправу съ маранами [2]). Но и огромная имперія, оставленная имъ своему слабому сыну, *Филиппу III*, была полна нарывовъ и паразитовъ; она доживала свои послѣдніе дни и потеряла всякое значеніе въ совѣтѣ европейскихъ народовъ. Бразды правленія ослабѣли, и потому маранамъ было еще легче спастись отъ преслѣдованій инквизиціи. У нихъ была теперь цѣль, къ которой они могли стремиться. Необыкновенный случай, имѣвшій мѣсто въ Лисабонѣ, побудилъ и самыхъ равнодушныхъ марановъ снова вернуться къ іудаизму. Францисканскій монахъ, *Фрай Діого де-ла Асумсао*, чистокровный христіанинъ, благодаря чтенію Библіи, убѣдился въ истинности іудаизма и несостоятельности христіанства (чтеніе Библіи опасно), и открыто сталъ высказывать это убѣжденіе своимъ братьямъ по ордену. Къ чему было изобрѣтать инквизицію, если такія преступленія остаются безнаказанными? Діого былъ заключенъ въ

[1]) Manasse Ben-Israel, Humble Address to the Protector Cromwell въ Jewish Chronicle, г 1859 нояб. и дек.; Кайзерлингъ ежегодникъ литературнаго ферейна 1861, стр. 158; de Barrios, Historia universal Judayca стр. 4.

[2]) Сообщеніе марана Авраама ибнъ-Яишъ у Хаима Витала, въ его автобіографіи, стр. 24.

тюрьму, но выпытать у него было нечего. Онъ открыто признавался въ своемъ преступленіи, въ своей любви къ еврейству; самое большее, что трибуналъ могъ сдѣлать, это попытаться заставить пытками выдать виновниковъ, ибо Діого утверждалъ, что многіе изъ его товарищей по ордену раздѣляютъ его убѣжденія. Ученымъ теологамъ было поручено переубѣдить отступника-францисканца и тѣмъ отвратить опозореніе христіанства и ордена. Напрасно, Діого остался вѣрнымъ своему убѣжденію въ истинности іудаизма. Протомившись около двухъ лѣтъ въ тюрьмѣ инквизиціи, онъ былъ, наконецъ, живьемъ сожженъ на торжественномъ ауто-да-фе въ Лисабонѣ въ присутствіи вице-короля (августъ 1603 г.[1]); вмѣстѣ съ нимъ были сожжены еще нѣкоторыя другія лица, въ томъ числѣ и маранка *Тамара Барокасъ*, которая, вѣроятно, имѣла сношенія съ нимъ.

Тотъ фактъ, что урожденный христіанинъ и монахъ претерпѣлъ столько мученій и умеръ за іудаизмъ, произвелъ могучее впечатлѣніе на португальскихъ марановъ и неотразимо привлекалъ ихъ къ исповѣданію ихъ предковъ. Съ тѣхъ поръ инквизиція перестала ужасать ихъ; они болѣе открыто проявляли свои симпатіи къ іудаизму, не заботясь о томъ, что эта смѣлость можетъ имъ стоить жизни. Молодой поэтъ, *Давидъ Іесурунъ*, котораго муза посѣщала уже въ годы его дѣтства и котораго знакомые называли «маленькимъ поэтомъ», воспѣлъ въ пламенномъ сонетѣ на португальскомъ языкѣ мученическую смерть Діого де ла Асумсао:

„Ты былъ золотомъ, погребеннымъ въ подвалѣ темницы,
И, какъ золото очищается огнемъ,
Ты хотѣлъ быть имъ просвѣтленъ.
Ты былъ фениксомъ, не поддающимся смерти,
А возрождающимся къ новой жизни.
Ты сгорѣлъ во пламени,
Какъ жертва всесожженія,
Богу въ огнѣ принесенная,
Но изъ пепла снова возсталъ.
Въ небесахъ ты смѣешься надъ твоими мучителями,
И зовешься болѣе не Фрай Діого,
А золотымъ фениксомъ, ангеломъ, жертвой"[2]).

Этотъ пламенный молодой поэтъ счастливо избѣгнулъ мести инквизиціи и поспѣшилъ въ Амстердамъ. При видѣ этого города, который показался ему вторымъ Іерусалимомъ, онъ написалъ прекрасное стихо-

[1]) Manasse Ben-Israel, Spes Israelis стр. 88. Ishak Cardoso, Excellencias, стр. 363; de Barrios, Govierno popular Judayco, стр. 43. Испанцы называли португальскаго прозелита-мученика Diego de la Assencion.

[2]) De Barrios, Triumpho del Govierno popular, стр. 75.

твореніе на испанскомъ языкѣ[1]). Онъ написалъ нѣсколько стиховъ по поводу своего обрѣзанія. Другой маранскій юноша-поэтъ сталъ приверженцемъ іудаизма подъ непосредственнымъ вліяніемъ трагической смерти францисканца Діого. *Павелъ де Пина*, обладавшій поэтической душой, отличался религіозной экзальтированностью и намѣревался сдѣлаться монахомъ. Одинъ изъ его родственниковъ, *Діого Гомецъ Лобато*, въ душѣ преданный іудаизму, очень былъ опечаленъ этимъ и старался всячески отговорить его отъ этого шага. Когда же Павелъ де Пина отправился въ Италію, Лобато далъ ему письмо къ знаменитому въ то время еврейскому врачу, *Иліи Монталто*, прежде бывшему мараномъ и называвшемуся *Феликсомъ Монталто*[2]). Письмо гласило: «нашъ двоюродный братъ (Павелъ де Пина) идетъ въ Римъ, чтобы сдѣлаться тамъ монахомъ. Ваша милость окажетъ мнѣ великую услугу,

---

[1]) De Barrios стр. 74.

[2]) Т. же Relacion los Poetas стр. 55; Barbosa Machado Lusitana II, стр. 75; тотъ же замѣчаетъ, что Монталто былъ младшимъ братомъ Аматуса Лузитануса. О возмущеніи Монталто хвастовствомъ лурьянистовъ въ то время, когда онъ еще жилъ въ Италіи, см. ниже. О его сочиненіяхъ см. Karmoly, histoire des Medecins Juifs стр. 169. Въ рукописяхъ изъ его произведеній находятся слѣдующія: Trattado sobre o Capitulo 53 de Isaias e otros textos de sagrada Escritura на португальскомъ языкѣ, принадлежитъ д-ру Кайзерлингу (срав. Frankels Monatsschrift 1868 стр. 323). Семинарская библіотека также имѣетъ одну рукопись Монталто (№ 87) подъ заглавіемъ Trattado por el Doctor Montalto sobre el capitulo de Ezayas на испанскомъ языкѣ, копир. 1670. Это лишь одна выдержка изъ оригинала. Поводъ къ составленію этого трактата, изложенный въ оригиналѣ въ началѣ, находится въ испанской копіи въ концѣ. Упомянутое де Роси libro feyto por el illustre Eliau Montalto въ Bibliotheca judaica antichristiana, судя по приведенному де Роси содержанію, совершенно идентично съ Trattado. Наоборотъ, Razonamiento del senor Haham Montalto en Paris поддѣлка, какъ все изданное Капланомъ въ Брюселѣ въ 1868 г. произведеньице подъ заглавіемъ Daniello ò repuesta á los Christianos. Все то, что объ этомъ говорится въ Monatsschrift въ указан. мѣстѣ не имѣетъ ни малѣйшаго историческаго значенія. Интересно, что Леонъ Модена сообщаетъ о Монталто въ ארי נהם стр. 66: посланецъ-кабалистъ изъ Палестины, Іуда Галанте, разсказывалъ въ Венеціи о чудесахъ, которыя совершилъ Исаакъ Лурья; такъ какъ онъ былъ боленъ, его лечилъ въ Венеціи Монталто, который былъ внѣ себя отъ этихъ чудодѣйствій ויחזק הרופא וישב על מטתו והתחיל לצעוק בקול גדול . לא ידענו מה היה לו . כי חשבנו אחזו אותו הכאב מהחולי . ובצעקתו אמר : איני יכול לסבול חי המוני ! הכל שקר וכזב . אותותינו לא ראינו אין עוד נביא ואין אתנו יודע עד מה · Модена указываетъ при этомъ дату: מה שהיה בִּפְנֵי זה יותר מן כ״ה שנה . Эта дата, однако, должна быть ближе изслѣдована. Антикабалистическое произведеньице ארי נהם было закончено авторомъ зимою 1638 г. (въ концѣ); 25 лѣтъ и больше тому назадъ былъ приблизительно 1613 или 1612 г. Однако Монталто еще до смерти Генриха IV (1610) уже былъ не въ Венеціи, а въ Парижѣ (см. ниже). Слѣдовательно, нужно читать כ״ח ויתר. Это былъ 1610 или 1609 г.

если помѣшаетъ этому». Если бы это письмо попало въ руки члена римской инквизиціи, то оно стоило-бы жизни автору и адресату. Илья Монталто, младшій братъ знаменитаго врача, *Аматуса Лузитануса* (см. выше, стр 287), тоже покинулъ свою родину, Португалію, чтобы свободно исповѣдовать іудаизмъ. Онъ поселился въ Ливорно, новой гавани, которая была обязана своимъ расцвѣтомъ стараніямъ тосканскихъ герцоговъ и разрушенію гавани Пизы. Монталто слылъ столь же искуснымъ врачемъ, какъ и его братъ, и герцогъ пользовался его услугами. Онъ былъ прекрасно освѣдомленъ въ теологической литературѣ и вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ своемъ убѣжденіи о ложности христіанскихъ догмъ. Во время его пребыванія въ Венеціи, одинъ аристократъ познакомилъ его съ какимъ-то францисканскимъ монахомъ, который хотѣлъ диспутировать съ нимъ и доказать ему истинность христіанства. Такъ какъ диспутъ нѣсколько растянулся, а Монталто не успѣлъ еще опровергнуть обычные въ то время церковные аргументы, то монахъ просилъ Илью послать ему въ Испанію, куда тотъ долженъ былъ поспѣшно отправиться, письменное опроверженіе христіанскихъ догмъ. Съ этой цѣлью Монталто написалъ небольшое сочиненіе, въ которомъ онъ, исходя изъ несостоятельности догмата о первородномъ грѣхѣ и вытекающаго изъ него догмата искупленія, освѣщаетъ ложное толкованіе 53-й главы пророка Іешаи[1]) служащей настоящимъ кладомъ для христіанской догматики. Монталто было не трудно убѣдить молодого Де-Пину, принесшаго ему письмо, въ неразумности его намѣренія. Де-Пина оставилъ мысль о поѣздкѣ въ Римъ, отправился въ Бразилію и затѣмъ снова возвратился въ Лисабонъ, все еще скрываясь христіаниномъ. Но мученическая смерть Діого де ла Асумсао, повидимому, окончательно возбудила его противъ христіанства. Съ этой печальной вѣстью онъ поспѣшилъ въ Амстердамъ (1604), съ восторгомъ перешелъ тамъ въ іудейство и принялъ еврейское имя, *Рогелъ* (Реуелъ) *Іесурунъ*. Заботившійся о немъ его родственникъ, *Лобато*, также принялъ еврейское исповѣданіе и сталъ называть себя *Авраамъ Когенъ*. Де-Пина сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ іудаизма и украшеніемъ амстердамской общины.

Приверженность къ іудаизму, которую мараны съ того времени открыто проявляли, конечно, умножила жертвы инквизиціи. Вскорѣ послѣ этого 150 марановъ были брошены въ мрачныя темницы; съ помощью пытокъ у нихъ вырвали признанія. Но, повидимому, самъ правитель Португаліи считалъ неудобнымъ сжечь такое множество людей. Кромѣ того испанскій дворъ, къ которому, послѣ соединенія обоихъ королевствъ,

[1]) Barrios, Casa de Jacob 18.

принадлежала и Португалія, былъ всецѣло въ рукахъ маранскихъ капиталистовъ. Испанскій дворъ долженъ былъ имъ значительныя суммы, которыхъ онъ не могъ уплатить вслѣдствіе все возраставшаго обнищанія обѣихъ странъ. Эти мараны обѣщали королю Филиппу III освобожденіе отъ долговъ и къ тому же подарокъ въ 1,200,000 крузадо (почти рублей) за освобожденіе и помилованіе заключенныхъ марановъ. Чтобы привлечь на свою сторону и совѣтниковъ короля, имѣвшихъ на него вліяніе, мараны должны были еще потратить 150000 крузадо. Вслѣдствіе этого испанскій дворъ былъ склоненъ къ помилованію марановъ и обратился къ папѣ Клименту VIII съ просьбой разрѣшить инквизиціи на этотъ разъ не сжигать грѣшниковъ. Климентъ VIII самъ вспомнилъ или ему напомнили, что его предшественники, Климентъ VII и Павелъ III, даровали португальскимъ маранамъ отпущеніе. Онъ послѣдовалъ ихъ примѣру и издалъ булу о помилованіи заключенныхъ марановъ (23 августа 1604 г.). Инквизиція удовлетворилась лицемѣрнымъ раскаяніемъ обвиняемыхъ. Нѣсколько сотъ марановъ были въ покаянной одеждѣ приведены къ ауто-да-фе въ Лисабонѣ (10 января 1905 г.), но не для того, чтобы быть сожженными на кострѣ, а чтобы подвергнуться гражданской смерти[1]). Большинство этихъ страдальцевъ отправилось въ новооткрытое убѣжище; въ ихъ числѣ былъ и *Іосифъ б.-Израиль*, который прибылъ въ Амстердамъ, испытавъ три адскія пытки инквизиціи и потерявъ здоровье и состояніе. Онъ привезъ съ собой своего маленькаго сына, *Манасіо* (его христіанское имя неизвѣстно[2]), который былъ призванъ внести въ еврейскую исторію прекрасную страницу.

---

[1]) Безъ сомнѣнія это массовое обвиненіе вызвало булу Климента VIII отъ 23 авг. 1604, за № 342 въ конституціяхъ Климента. Начало гласитъ: Postulat a Nobis officii pastoralis ratio. Далѣе значится Cum itaque . . in Portugaliae et Algarbiorum regnis... post editas a Clemente VII, et deinde a Paulo III . . literas super generali venia et absolutione . . omnibus et singulis . . ex Hebraica perfidia ad Christi fidem conversis . . nonnulli ex genere hujusmodi oriundi Hebraicam perfidiam rursus sectari . . . non dubitaverint . . .; такъ какъ безпощадная суровость инквизиціи только увеличиваетъ зло, а, наоборотъ, отъ милости можно ожидать искренняго обращенія . . . et hi omnes . . . sub ejusdem Philippi (III) regis id summopere desidetantis et a Nobis exposcentis ac enixe postulantis obedientia revertantur; поэтому папа издаетъ декретъ о помилованіи и приказываетъ инквизиціи отпустить заключенныхъ на свободу. О фактѣ помилованія срав. Кайзерлинга Geschichte der Juden in Portugal, стр. 284. Мануилъ Томацъ сообщаетъ объ этомъ: Christiaos Novos desobrigarao a fazenda Real da divida, a quel lhe erao credores, e contriburao alem disso com o serviço de um milho e duzentos mil cruzados pelo perdao geral, que o Soberano obteve do Santo padre.

[2]) См. Кайзерлинга Манасія бенъ-Израиль въ ежегодникѣ литературн. ферейна 1861 г. 61, стр. и слѣд.

Моисей Ури постепенно принялъ въ іудейство 248 марановъ[1]); молодая амстердамская община быстро росла. Она пригласила изъ Салоникъ равина сефардскаго происхожденія, *Іосифа Пардо* (ум. 10 декабря 1619 г.), который хорошо зналъ настроеніе полукатолическихъ членовъ общины и составилъ для нихъ книгу (на испанскомъ языкѣ), которая была написана скорѣе въ христіанскомъ, чѣмъ въ еврейскомъ духѣ [2]). Выстроенная Тирадо синагога, Bet-Jacob, не могла вмѣстить въ себѣ большого числа молящихся; тогда (1608) община построила новую синагогу (Newe-Schalom). Она была основана *Исаакомъ Францискомъ Мендесъ Медейросомъ* [3]) и его родственниками. Подобно тому, какъ при открытіи новой, неизвѣстной дотолѣ страны каждый шагъ, каждое новое предпріятіе и всѣ лица, чѣмъ-либо отличившіяся, пріобрѣтаютъ значеніе и интересъ, такъ и молодая амстердамская община радостно отмѣчала все, что происходило въ ея средѣ въ первое время послѣ ея основанія. Ею сохранены также и имена лицъ, занимавшихъ различныя должности во второй синагогѣ: *Іуда Вега,* переселившійся изъ Африки, былъ равиномъ, *Аронъ Ури*, сынъ основателя общины, отправлялъ богослуженіе. *Вега,* обладавшій обширными талмудическими познаніями, которыхъ онъ не могъ использовать въ Амстердамѣ, не могъ долго удержаться въ общинѣ, члены коей не могли даже правильно читать по-еврейски; поэтому онъ скоро покинулъ Амстердамъ и отправился въ Константинополь, гдѣ сталъ руководителемъ талмудической школы. Тамъ онъ составилъ исторію евреевъ отъ разрушенія храма [4]); но этотъ трудъ ничѣмъ не былъ замѣчателенъ и, можетъ быть, пришелся бы болѣе по вкусу амстердамскимъ полухристіанамъ. Болѣе подходящимъ лицомъ для этой своеобразной общины былъ его преемникъ, *Исаакъ Узіелъ* (ум. 1620), который переселился изъ Африки (Феца), принадлежалъ вѣро-

---

[1]) Scaligerana II (до янв. 1609 г., года смерти Скалигера) статья Judaei: il y a plus de 200 Juifs Portugais à Amsterdam. De Barrios, Casa de Jacob, стр. 1, 2.

[2]) De Barrios, vida de Ishak Huziel и въ другихъ мѣстахъ. Бартолочи Biblioth. III, стр. 817, Вольфъ I. 237. стр. 556; первый говоритъ собственно: J. Pardo vertit 1610 librum חובת הלבבות, слѣдовательно не въ этомъ году напечатано.

[3]) De Barrios, Casa de Jacob, стр. 10; Govierno popular стр. 27. Ср. объ основаніи первыхъ синагогъ въ Амстердамѣ. S. H. de Castro, de Synagoge der Portugeesch-Israel. Gemeente te Amsterdam (1875) стр. 5 и слѣд.

[4]) De Barrios, Vida de Ishak Huziel, стр. 42 и Triumpho del Govierno popular Judayco л. 3. На первомъ мѣстѣ онъ пишетъ:

El sabio Vega . . . Y hay en la rara Synagoga Griega
El libro Jazania (?) intitulado
De quanto à sus Hebreos ha passado,
Desque que à destruirlos Tito llega.

ятно также къ семьѣ бѣглецовъ и потому хорошо зналъ амстердамскихъ пришельцевъ. Онъ былъ поэтомъ, филологомъ и математикомъ, но главнымъ образомъ увлекательнымъ и краснорѣчивымъ проповѣдникомъ, который впервые отважился мощнымъ голосомъ разбудить убаюканную католическими привычками совѣсть своихъ слушателей и разбить ихъ иллюзію, будто бездушное исполненіе религіозныхъ обрядовъ является своего рода отпущеніемъ всѣхъ будущихъ грѣховъ, глупостей и пороковъ. Исаакъ Узіелъ не щадилъ самыхъ видныхъ и вліятельныхъ членовъ общины; но возбудилъ къ себѣ ненависть, которая повела къ расколу. За то онъ пріобрѣлъ и страстныхъ приверженцевъ, которые прославляли его въ восторженныхъ стихахъ [1]).

Такъ заботилась община о религіозномъ воспитаніи и объединеніи одичавшихъ переселенцевъ; неразрѣшеннымъ оставался еще вопросъ о погребеніи мертвыхъ. Община была вынуждена отвозить ихъ далеко отъ города въ Groede (сѣверная Голандія). Благодаря стараніямъ выдающихся членовъ общины, *Якова Израиля Белмонте*, поэта *Рогела Іесуруна* (Де Пина) и другихъ, община пріобрѣла недалеко отъ Амстердама въ Ouderkerk (у Муидерберга) кладбище (апрѣль 1514 г.[2]), что очень обрадовало всѣхъ членовъ общины. Первымъ былъ погребенъ тамъ *Мануель Пиментелъ* (еврейское имя *Исаакъ Абенакръ*), который былъ любимымъ партнеромъ французскаго короля, Генриха IV, называвшаго его «королемъ игроковъ»[3]). Двумя годами позже на этомъ же кладбищѣ были погребены привезенные издалека останки выдающагося и благороднаго врача, *Иліи Феличе Монталто*.

Королева Марія Медичи, супруга Генриха IV французскаго, знавшая Монталто изъ своего отцовскаго дома, такъ высоко цѣнила его, что побудила его прибыть въ Парижъ. Монталто поставилъ, однако, условіемъ своего переселенія разрѣшеніе ему, его дому и его слугамъ исповѣдовать іудаизмъ, что и было ему позволено. Дворъ считался даже съ его религіозными обрядами. Когда одна принцесса заболѣла вдали отъ Парижа, Монталто просили поспѣшить къ больной; но такъ какъ еврейскій врачъ опасался, что онъ не успѣетъ совершить поѣздку до наступленія субботы, то король послалъ впередъ нѣсколько почтовыхъ каретъ, дабы Монталто могъ, избѣгая потери времени, возможно скорѣе достигнуть мѣста назначенія[4]). Послѣ смерти Генриха IV онъ остался придворнымъ врачемъ и сопровождалъ дворъ во всѣхъ его путешествіяхъ; во время од-

[1]) De Barrios, Vida de J. Huziel.
[2]) Т. же Triumpho del Govierno popular стр. 83, Gemilat Jassadim, стр. 50.
[3]) Т. же Triumpho стр. 84.
[4]) Т. же Vida de Huziel стр. 37 и слѣд. Relazion de los poetas стр. 55.

ного изъ такихъ путешествій онъ скончался въ Турѣ (16 февраля 1616 г.). Королева приказала набальзамировать его тѣло и отвезти въ сопровожденіи его сына, его дяди и его ученика, *Саула Мортейры,* черезъ Нантъ въ Ouderkerk на еврейское кладбище[1]). Амстердамскіе евреи были вынуждены въ теченіе продолжительнаго времени платить за каждаго мертвеца особый налогъ въ пользу церквей, мимо которыхъ проходила похоронная процесія[2]). Вообще же въ первое время ихъ офиціально не признавали, но дѣлали видъ, будто не замѣчаютъ ихъ. Спачала ихъ подозрѣвали въ томъ, что они, подъ маской евреевъ, въ сущности шпіоны, находящіеся на службѣ у католической Испаніи, и готовы каждую минуту измѣнить Голандіи. Но даже когда власти и населеніе убѣдились уже въ искренней ненависти марановъ къ Испаніи и Португаліи, они все еще были далеки отъ признанія ихъ особой религіозной общиной. Нѣкоторое время синагоги были даже запрещены и закрыты[3]). Еврейскіе бѣглецы, прибывшіе изъ Пиренейскаго полуострова, были брошены въ темницу [4]). Возникновенію нетерпимости въ странѣ, гдѣ впервые былъ воздвигнутъ храмъ религіозной свободы, много способствовалъ страстный споръ между двумя реформаторскими партіями *ремонстрантовъ* и *контрремонстрантовъ.* Первые были приверженцами проповѣдника и професора *Арминія* (арминіане) и болѣе кротко толковали и примѣняли христіанство, чѣмъ ихъ противники, мрачные кальвинисты, голандскіе индепенденты, сторонники професора *Гомаруса* (гомаристы). Въ Амстердамѣ контрремонстранты взяли вверхъ надъ своими противниками и преслѣдовали ихъ, выставляя ихъ тайными приверженцами Испаніи и измѣнниками. Хотя ремонстранты имѣли всѣ основанія требовать терпимости по отношенію ко всѣмъ религіознымъ сектамъ, они тѣмъ не менѣе выступили съ обвиненіями противъ евреевъ. Они часто жаловались амстердамскому магистрату на то, что въ столицу Голандіи допускаются всевозможныя секты, даже евреи, «поносящіе Спасителя», но только не ремонстранты[5]). Глава государства, принцъ *Морицъ Оранскій,* былъ доброжелателемъ евреевъ, но не могъ ничего подѣлать противъ духа нетерпимости и самостоятельности отдѣльныхъ штатовъ и городовъ. Поэтому и въ Голандіи возникъ еврейскій вопросъ, для обсужденія коего была назначена особая комисія. Наконецъ, было рѣшено (1615), что всякій городъ, какъ и Амстердамъ, можетъ издать относительно евреевъ особое

[1]) Также Bassempierre, memoire de sa vie къ 1615 г.
[2]) Koenen въ ук. м., стр. 149.
[3]) Т. же стр. 146.
[4]) Т. же стр. 147.
[5]) Т. же стр. 146.

распоряженіе, терпѣть ли ихъ или изгнать; но тамъ, гдѣ ихъ терпѣли, они не должны были носить особыхъ значковъ[1]). Въ виду многократныхъ жалобъ ремонстрантовъ, бургомистръ Reinier Pauw предложилъ совѣту (15 октября 1519 г.) слѣдующій вопросъ многіе бѣжавшіе изъ Португаліи евреи вступаютъ въ половыя сношенія съ голандскими женщинами, что вызываетъ въ народѣ сильное раздраженіе; кромѣ того ремонстранты жалуются на то, что имъ запрещаютъ совершать богослуженіе между тѣмъ, какъ евреямъ это дозволено. 8 ноября было принято рѣшеніе, согласно коему евреямъ было строго запрещено всякое физическое сближеніе съ христіанками, даже съ публичными женщинами; однако имъ разрѣшалось свободно исповѣдовать свою религію[2]).

Амстердамъ, въ то время еще не богатый, не могъ обойтись безъ евреевъ, принесшихъ съ собой богатства и знаніе условій, господствующихъ въ разныхъ странахъ. При сближеніи съ евреями населеніе мало-по-малу отказывалось отъ своихъ устарѣлыхъ предразсудковъ. Ибо португальскіе переселенцы своей образованностью, манерами и внѣшностью не производили впечатлѣнія, будто они принадлежатъ къ отверженной кастѣ; напротивъ, они выступали, какъ аристократы, знакомство съ коими иной христіанскій бюргеръ считалъ для себя великой честью. Поэтому къ нимъ относились съ извѣстными симпатіями. Скоро ихъ число возросло до 400 фамилій, жившихъ въ городѣ въ 300 домахъ[3]). Затѣмъ возникла въ Амстердамѣ еврейская типографія, которой не приходилось трепетать предъ бдительнымъ окомъ цензуры. Изъ зависти къ тому, что, благодаря португальскимъ евреямъ, Амстердамъ достигъ благосостоянія, нѣкоторые владѣтельные князья приглашали ихъ въ свои страны. Датскій король, Христіанъ IV, обратился съ посланіемъ къ представителямъ амстердамскихъ евреевъ (25 ноября 1622 г.), прося ихъ побудить нѣкоторыхъ членовъ общины поселиться въ его государствѣ и особенно въ *Глюкштадтъ;* король обѣщалъ имъ свободу вѣроисповѣданія и еще другія привилегіи[4]). Герцогъ савойскій пригласилъ португальскихъ евреевъ въ *Ниццу,* а герцогъ Модены въ *Реджіо,* обѣщая имъ самую широкую свободу[5]). Такимъ образомъ, среди мрачнаго и нетерпимаго христіанскаго міра, двѣ религіозныхъ партіи коего скрестили свои мечи въ тридцати-

---

[1]) Т. же стр. 147.

[2]) Т. же стр. 146.

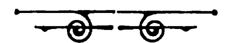
[3]) Манасія б.-Израиль, Estatua de Nabuchaduezar, стр. 248. Humble Adress to the Protector Cromwell.

[4]) Т. же Adress; Давидъ Франко Мендесъ у Koenen стр. 430; De Barrios, Historia universal Judayca стр. 4.

[5]) Т. же.

лѣтней войнѣ, евреи отыскали мирные оазисы, откуда получали возможность снова завоевать потерянную свободу, освободиться отъ тяжкаго рабства.

Терпимость по отношенію къ португальскимъ и испанскимъ маранамъ со стороны Голандіи побудила гонимыхъ инквизиціею вернуться также во Францію при протестантски настроенномъ королѣ, Генрихѣ IV; они намѣтили себѣ для поселенія уже тогда цвѣтущій торговый городъ, *Нантъ*. Принимая во вниманіе, что бѣглецы изъ Пиренейскаго полуострова всюду увеличивали благосостояніе страны, а такъ же изъ вражды къ Испаніи, король Генрихъ IV разрѣшилъ имъ поселиться въ этомъ городѣ (ок. 1600 г.). Скоро ихъ число возросло до 500 лицъ. Но только они были, подобно своимъ собратьямъ въ Бордо, принуждены скрывать свое исповѣданіе, но въ Нантѣ врагами евреевъ было не только католическое духовенство, но и купечество, завидовавшее ихъ міровой торговлѣ. И потому, какъ только Генрихъ IV скончался, его сынъ или, вѣрнѣе, королева-регентша изгнала марановъ изъ Нанта (1615 г.[1]).

[1]) Срв. Revue d. Et. XVII, 125 и слѣд.

Примѣчанія

I.

Званіе нагида въ Египтѣ и послѣдній нагидъ, Исаакъ Шалалъ.

Не только Маймонидъ, его сынъ и внукъ, но всѣ тѣ, которые до и послѣ нихъ стояли во главѣ египетскаго еврейства, имѣли офиціальное званіе и титулъ נגיד, по-арабски ריס (Reis), „верховный глава". Съ этимъ званіемъ была соединена опредѣленная власть. До Маймонида титуловался такъ Натаніелъ Хибатъ-Алахъ Алджами (у Веньямина изъ Туделы, ср. томъ VII, стр. 227). Праправнукъ Маймонида, *Авраамъ Маймуни II*, сохранилъ еще это званіе (у Parchi Kaftor и Ferach, гл. 5, стр. 13). Перешло ли оно и къ сыну его, *Іошуѣ*, неизвѣстно. Сынъ Іошуи, Давидъ II, называется *нагидомъ* Дамаска (Предисловіе коментарія Іосифа Сефарди къ Ибнъ-Эзрѣ). Но, какъ сейчасъ будетъ доказано, это званіе сохранилось до начала 16 столѣтія. Относительно конца 15 вѣка это засвидѣтельствовалъ Исаакъ Абрабанелъ (въ своемъ ישועות משיחו, написанномъ въ концѣ 1497 года, стр. 21): אמנם הנשיא בארץ ישראל הלא הוא הנגיד שעומד היום במצרים כי להיות בית מקדש מלך הארץ ההיא במצרים נעתק הנשיא מירושלם לשבת שם קרוב למלכות . ופעמים רבות עולים לירושלם לשפוט. Вопросъ о происхожденіи и исчезновеніи званія нагида, а также о связанной съ этимъ титуломъ власти еще не былъ подвергнутъ критическому изслѣдованію, а между тѣмъ онъ заслуживаетъ большого вниманія, ибо, по выясненіи этого вопроса, будетъ видно, что присоединеніе Египта къ турецкой имперіи измѣнило положеніе египетскихъ евреевъ.

Жившій въ Египтѣ равинъ, Давидъ ибнъ-ави-Зимра приводитъ въ своихъ Респ., т. III (изд. Fürth 1781, № 509; начинается съ № 400) слѣдующее интересное сообщеніе, которое мы приводимъ цѣликомъ: קרוב לתחילת מלכות הישמעאלים מלך מצרים הנקרא אצלם אל כליפא נשא בת מלך בגדד וכשבאה למצרים שאלה על ענין היהודים ואם יש להם מלך או נשיא ואמר המלך אין להם לא מלך ולא נשיא . אמרה לו והלא במלכות אבי יש ישראלים הרבה ויש להם נשיא נקרא ריש גלותא והוא מזרע המלך ואבי מתברך בו ועושה לו כבוד גדול לפי שהוא מזרע המלכים ונביאים . ומיד צוה המלך להביא לו משם איש אחד מזרע דוד המלך . ושלחו איש נבון וחכם מר פלוני מזרע הנשיאים ומנה אותו לנגיד על כל היהודים אשר בכל מלכותו . ומשם נשתלשלה הנגידות במצרים והיה לו הרמנותא דמלכא :מאמר המלך לרדות את העם במקל וברצועה . . . ואחר שנפסקה זרע דוד ממצרים או שלא היו זרעו ראויים למנוי חזר הנגידות למי שראויה לה מצד חכמתו ומעשיו . והיה דן יחידי בדיני ממונות ומעניש קנס ומכה ומנדה ומחרים וכל זה במאמר וגזרת המלך עד שמלכו התוגראין . ואף על גב דבטלה הנגידות בעונותינו ואין לנו הורמנותא נשאר מנהג הראשון והיה דן יחידי דיין אחד במקום הנגיד .

Іосифъ Замбари, сообщающій о томъ же (Нейбауеръ, Anecdota Oxon. стр. 115), называетъ имена восточнаго калифа и египетскаго, женившагося на дочери перваго, которая исходатайствовала для Египта это званіе нагида; онъ даже приводитъ хронологическія даты: וימלוך בבבל מאייע (?) אלכליפא בשנת שס"ג לחשבונם והשיא בתו למלך מצרים ושמו ע צ ר (נצר ?ч.) א ל ד ו ל ה . ובשנת שס"ו לחשבונם הוא ד' אלפים ותשמ"ה ליצירה באה המלכה לארץ מצרים ושאלה על ענין היהודים וכו'. Но эти даты невѣрны. Ибо Геджра 366 то же, что 976 х. эры и 4736 по еврейскому лѣтосчисленію. Однако это не мѣшало бы разобраться, если бы остальное было исторически достовѣрно. Имя калифа מאייע, навѣрное, искажено и не даетъ никакихъ указаній. Но ясно указанное имя царя *Насръ-Адаула*, который будто бы царствовалъ въ то время въ Египтѣ, доказываетъ недостовѣрность сообщенія.

Тутъ идетъ рѣчь, вѣроятно, о весьма видномъ гамданидѣ, *Насръ-Адаулѣ*, который около 942 г. былъ назначенъ калифомъ Алмутати главой эмировъ (Emir al-Umra) и вступилъ съ нимъ въ родство; но онъ не былъ властелиномъ Египта. Самостоятельными царями или калифами Египта были лишь обеидиты, господство коихъ началось въ 910 году; но они, будучи фатимидами, были смертельными врагами абасидовъ Багдада. Вступленіе въ родство этихъ двухъ династій калифовъ, изъ коихъ восточные калифы были сунитами, а египетско-фатимидскіе шіитами, не имѣло мѣста вплоть до того времени, когда послѣдняя династія прекратилась съ калифомъ Саладиномъ въ 1169 году. Имена, приводимыя Замбари, какъ и его даты, не свидѣтельствуютъ о достовѣрности позаимствованнаго имъ у Давида ибнъ-ави Зимра сообщенія.

Вышеприведенное сообщеніе о томъ, будто багдадская принцеса просила своего мужа, египетскаго султана, создать въ Египтѣ званіе нагида, аналогичное званію экзиларха, и будто сначала это званіе давалось лишь потомкамъ дома Давида, а впослѣдствіи распространилось и на членовъ другихъ фамилій, врядъ ли соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Но можно легко себѣ представить, что какой-нибудь пользовавшійся вліяніемъ при египетскомъ дворѣ еврей стремился къ полученію званія верховнаго главы египетскихъ общинъ и сослался при этомъ на примѣръ экзилярховъ, поддерживаемыхъ восточными калифами. Но важнѣе вопроса о возникновеніи званія нагида является вопросъ о его прекращеніи. Относительно этого пункта сообщеніе Давида ибнъ-ави-Зимра можно считать неоспоримымъ подтвержденіемъ того, что это званіе существовало до династіи תוגראין. Весь вопросъ въ томъ, что означаетъ это слово; подъ нимъ можно понимать и селджуковъ и турокъ. Однако изъ многихъ сообщеній явствуетъ, что званіе нагида прекратилось лишь съ завоеваніемъ Египта Селимомъ I въ 1517 году. Мы знаемъ имя послѣдняго нагида. *Овадія де Бертиноро* приводитъ имя *Натана Когена* отъ 1443 года, который пользовался еще властью въ прежнемъ объемѣ (письмо Бертиноро о своемъ путешествіи, Ежегодникъ литературнаго кружка 1863, стр. 209): ונגיד היושב במצרים הוא רודה בכל היהודים אשר תחת ממשלת מלך מצרים ויש לו כח מאת המלך לאסור ולהכות כטוב בעיניו לכל אשר ימרה את פיהו מן היהודים אשר בכל הקהלות מסביב והוא ממנה דיינים בכל קהל וקהל. ואשר הוא היום נגיד ישב בירושלים שנים רבות שמו ר' נ ת ן ה כ ה ן והוא עשיר וחכם וחסיד וזקן והוא מ א ר ץ ב ר ב ר י א ה. Это, несомнѣнно, тотъ самый *Натанъ Когенъ*, о которомъ Ибнъ-ави-Зимра сообщаетъ, что онъ отказался вступить въ родство съ семьей въ Каирѣ, предки коей при Авраамѣ Май-

муни II (1313 г.) перешли изъ караимства въ іудейство (Respp. II, № 796, стр. 37): הנגיד ר' נתן ז"ל הכהן לא רצה לקחת אשה מאותם משפחות (אשר שבו מהקראין לדת האמת במצרים על ידי הנגיד ר' אברהם). Его фамилія явствуетъ изъ одного сообщенія Авраама Леви въ рѣдкой книгѣ כתר תורה Сол. да-Вида: ובימים ההם היה במצרים אחד מן החכמים נגיד ושר ממונה מתחת יד המלך על כל היהודים . . . ובכל מלכיות ארץ מצרים. והאיש הזה שמו ר' נתן הכהן שוליל וילך . . . לאור באור החיים . . . ויקימו עליהם לראש . . . ולנגיד את הנכבד ר' יצחק הכהן שולל.

Такимъ образомъ, самымъ послѣднимъ египетскимъ нагидомъ былъ его преемникъ, *Исаакъ Когенъ Шалалъ* или *Шолалъ* (встрѣчаются оба варіанта). Матеріалъ, касающійся этой личности, на которую раньше обращали такъ мало вниманія, прилежно собранъ въ Ozar Nechmad (II, стр. 149 и слѣд.). Однако намъ важно не столько знать, какъ часто и въ какихъ сочиненіяхъ упоминается это имя, сколько установить историческій фактъ. Ис. Шалалъ еще пользовался правомъ назначать Dajanim, т. е. судей-равиновъ. Одно изъ его назначеній дало поводъ къ обширной перепискѣ. Однажды онъ далъ торжественный обѣтъ (назирейскій обѣтъ) не назначать извѣстной личности даяномъ, но позже онъ раскаялся въ этомъ, ибо не могъ найти для этого поста болѣе подходящее лицо (Respp. Иліи Мизрахи, № 50): ראה ראיתי את האגרת השלוחה מבית דינו של הנגיד מר' יצחק שלשל (שלאל ?) יגדל כבודו . . . ויתמיד ממשלתו . . . שאמר אני מקבל עלי נזירות שמשון אם אעשה כך וכך. Въ дополненіе къ этому ср. слѣдующій Responsum: ראובן נדר ואמר הריני נזיר שמשון אם יהיה שמעון דיין . . ואותו ראובן נגיד: ויש בידו יכולת למנוע שמעון מלהיות דיין. Еще яснѣе въ Respp. Давида бенъ-Месеръ Леонъ (кодексъ Bodlejana Ozar Nechmad въ ук. м.). Въ разрѣшеніи этого ритуальнаго вопроса участвовали, кромѣ *Иліи Мизрахи*, еще *Яковъ Беравъ* и *Яковъ бенъ-Хавивъ*. Такимъ образомъ, отсюда явствуетъ, что нагидъ Исаакъ Шалалъ еще пользовался правомъ назначать и отвергать равиновъ-судей.

Исаакъ Шалалъ былъ племянникомъ ранѣе упомянутаго нагида, Натана. Рѣдко встрѣчающееся имя Шалалъ, повидимому, принадлежитъ одной мѣстности въ Берберіи. Оттуда былъ родомъ *Натанъ*, какъ это можно усмотрѣть изъ сообщенія Де-Бертиноро: והוא מארץ ברבריאה. Изъ Resp. *Цемаха Дурана* (יכין ובעז I, № 65) мы узнаемъ, что этотъ или другой *Натанъ Шалалъ* жилъ прежде въ Тлемсенѣ: ותשלחום לתלמסאן עיני ליד הזקן ר' נתן הכהן שלאל и (№ 136): ה' נתן בר חיים שלאל.

Постараемся отыскать какой-нибудь хронологическій базисъ для того, чтобы установить, что Исаакъ Шалалъ былъ послѣднимъ нагидомъ и что онъ лишился своего званія вслѣдствіе завоеванія Египта турками. Въ мѣсяцѣ элулѣ =сентябрѣ 1514 г. онъ былъ еще нагидомъ, ибо въ это время іерусалимская община просила Исака Шалала и его колегію подтвердить принятое ею постановленіе о томъ, что всякій, пожертвовавшій что-нибудь синагогѣ, тѣмъ самымъ терялъ право дальнѣйшаго распоряженія своимъ пожертвованіемъ (Respp. Д. ибнъ-ави-Зимра II, № 1644, л. 9): הסכמנו . . שמהיום הזה כו לחודש אלול שנת ה' רע"ד ליצירה והלאה לא ישתמשו בבית הכנסת הנזכר בשום דבר של הקדש . . וחתימי עלה כל גדולי הקהל . . וחכמיה (?) הנגיד (כמהר' יצחק שלאל) עם בית דינו של מצרים . אני (דוד ן' אבי זמרה) הייתי מבני ישיבתו של הנגיד ז"ל וחתמתי בהסכמה הנזכרת. Постановленіе іерусалимской общины и подтвержденіе Шалала приведены въ сочиненіи Да-Виды כתר תורה, откуда явствуетъ, что постановленіе было задумано въ 1509 г.=רס"ט). Но уже ок. 1518 г. Исаакъ

Шалалъ былъ въ Іерусалимѣ, какъ это видно изъ Responsum Леви б.-Хавивъ (№ 25). Тамъ идетъ рѣчь о завѣщаніи врача Моисея Виталиса изъ Іерусалима (отъ 1503 года), наслѣдники коего требовали отъ общины возвращенія двора, который былъ ею противузаконно сперва заложенъ, а затѣмъ и проданъ. Дворъ былъ заложенъ въ 1518 году: ששה ימים לחודש תמוז ה׳ רע״ח משכנו בני ק״ק ירושלים החצר. При этомъ называется и нагидъ (т. е. Исаакъ Шалалъ): וכן אמר לי הנגיד ז״ל. Въ 1518 г. онъ уже поселился въ Іерусалимѣ, гдѣ его и засталъ итальянскій туристъ или богомолецъ, авторъ שבחי ירושלים (тамъ же, стр. 19,21): אב לכלם הנגיד כמה״ר יצחק שולל המוכתר בכתר כהונה וכתר עושר וכתר שם טוב מצדקות שהוא עושה לעניים וללומדי תורה על גביהן. Египетъ былъ присоединенъ къ Турціи въ 1517 году. Поэтому можно предположить, что Исаакъ Шалалъ, вслѣдствіе этихъ измѣнившихся обстоятельствъ, покинулъ Египетъ и переселился въ Іерусалимъ. Въ этомъ случаѣ сообщеніе Давида ибнъ-ави-Зимра (см. выше) о томъ, что званіе Нагида прекратилось вслѣдствіе побѣды תוגראין, было бы исторически обосновано. Повидимому, завоеватель Селимъ I не хотѣлъ и въ этомъ пунктѣ сохранить самостоятельность Египта. Придя къ этому выводу, мы можемъ установить точно, къ какому времени относится сочиненіе кабалиста *Авраама Леви* о злоупотребленіи кабалой и упоминаемыя въ немъ лица (Kerem Chemed XI стр. 141 и слѣд.). Это сочиненіе обращено къ Исааку Шалалу и его колегіи и имѣетъ заголовокъ: שמעו מלכים .... והנשיא בתוכם .. הוא הרב המופלא הוא ארונינו עטרת ראשנו וצניף מליכת דתנו .. אור עינינו ראש הגולה ... החכם השלם כמהר׳ יצחק הכהן שאל (שלאל ч.) ... נגיד ומצוה לאומים. Это сочиненіе могло быть написано до 1518 или 1517 года, т. е. до прекращенія званія нагида.

Послѣдній нагидъ умеръ въ Іерусалимѣ около 1525 года, ибо Леви бенъ-Хавивъ прибылъ въ Іерусалимъ между 1524 и 1525 годами. Леви самъ сообщаетъ, что онъ приблизительно за 14 лѣтъ до спора о возобновленіи рукоположенія былъ уже въ Сафетѣ (сочиненіе о Semicha въ его Respp., конецъ, стр. 319), т. е. около 1524 года. За годъ до адара 1527 года, т. е. въ 1526 г. онъ участвовалъ въ процесѣ наслѣдника Исаака Шалала (№ 95, 96), но раньше засталъ еще въ живыхъ самого Исаака Шалала: ויען כי בחיי הנגיד ז״ל נבחרנו לדיינים ושלח הוא בעצמו אחרינו ... וגם אחרי באנו לעיר הזאת (תו״בב) נטל קנין וקבל עליו לקיים מה שנדין.

Въ тишри, сентябрѣ 1526 г. не только Исаака Шалала не было въ живыхъ, но его вдова, по имени *Камръ*, уже успѣла выйти замужъ (Respp. Якова Берава 4): אנו עדים חתומי מטה יודעים ומעידים בפנינו נשבעה קמר אשת ר׳ סולימאן .. ן׳ דנון .. לדעת החכמים השלמים אפיטרופסים של היתום בנה אברהם בנו של הנגיד .. יצחק הכהן שלאל שאחר שתתגרש ... עוד כל ימי עולם לא תנשא לשום אדם בעולם ⁖.. והיה זה ביום ג׳ י״ח לחודש תשרי שנת הר״פז ליצירה בירושלם.

Права нагида въ Египтѣ, которыя прекратились, какъ видно изъ предыдущаго, въ 1517 году, уже достаточно охарактеризованы выше. Нагидъ имѣлъ право назначать и увольнять судей-равиновъ во всѣхъ общинахъ. Калифъ предоставилъ ему кромѣ того право наказывать всѣхъ непослушныхъ евреевъ Египта. Онъ могъ также вести процесы, одинъ безъ асесоровъ.

2.

Изложеніе послѣдовательнаго хода развитія спора о Талмудѣ между Рейхлиномъ съ одной стороны, Пфеферкорномъ и доминиканцами съ другой.

Какъ много ни написано по поводу сдѣлавшагося всемірно извѣстнымъ спора наглаго ренегата, *Пфеферкорна,* и его союзниковъ-доминиканцевъ съ основателемъ гуманизма въ Германіи, Рейхлинымъ, спора, который способствовалъ появленію лютеровской реформаціи, все же еще многое требуетъ разъясненія. Не только чувствуется потребность въ лучшемъ освѣщеніи событій, но многіе факты просто ускользнули отъ вниманія историковъ. Объясняется это тѣмъ, что въ ихъ распоряженіи не было всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ; въ особенности, памфлеты Пфеферкорна не были имъ вполнѣ извѣстны. Эти наглые памфлеты, которые въ пылу борьбы жадно читались и появились во многихъ изданіяхъ, позже, когда реформація отвлекла общее вниманіе въ другую сторону, пали жертвой времени, и лишь немногіе экземпляры были погребены въ нѣкоторыхъ библіотекахъ. Но ни одна изъ нихъ не имѣетъ полнаго собранія ихъ. А между тѣмъ какъ разъ пфеферкорнскіе пасквили ярко освѣщаютъ этотъ споръ, столь близко касающійся евреевъ. *Еврейская сторона* этого спора, которая насъ здѣсь главнымъ образомъ интересуетъ, была, по понятнымъ причинамъ, лишь поверхностно затронута въ монографіяхъ. Безъ всесторонняго изученія всѣхъ источниковъ отношеніе императора Максимиліана къ этому спору кажется прямо таки загадочнымъ. Кромѣ того до сихъ поръ не было извѣстно, что весь этотъ горячій споръ, вызвавшій міровой пожаръ, разгорѣлся по винѣ одной женщины-ханжи.

Этой темѣ посвящены слѣдующія монографіи: 1) Majus, wita I. Reuchlini (1687), 2) *Мейнерсъ*, жизнеописанія мужей эпохи возрожденія наукъ, томъ I (1795); 3) *Мейергофъ*, Рейхлинъ и его время (1830); 4) *Эргардъ*, Исторія расцвѣта научнаго образованія, т. II (1830); 5) *Ламей*, Рейхлинъ и его время (1855); 6) *Давидъ Фр. Штраусъ*. Ульрихъ фонъ Гутенъ, главнымъ образомъ I томъ; 7) *Эд. Бекингъ*, два дополнительныхъ тома къ Ulr. Hutteni opera (1868 до 1869) и 8) *Л. Гейгеръ*, жизнь и произведенія Рейхлина (1871) въ третьей книгѣ. Какъ ни цѣнны всѣ эти труды, въ особенности Эргарда, Штрауса и Бекинга, въ отношеніи сопоставленія источниковъ и группировки фактовъ, все же они не даютъ полнаго и исчерпывающаго представленія объ этомъ спорѣ, незначительномъ въ началѣ и громкомъ впослѣдствіи, и потому не избавляютъ насъ отъ необходимости изслѣдовать первоисточники. Я воспользовался также еврейскимъ письмомъ и Promemoria Рейхлина, которыя освѣщаютъ интересующій насъ вопросъ, но не были использованы въ прежнихъ монографіяхъ. Кромѣ того я имѣлъ счастье открыть въ библіотекѣ покойнаго Розентала въ Гановерѣ нѣкоторые рукописные *документы* и письма, въ которыхъ изложено начало спора со стороны евреевъ и кромѣ того содержатся нѣмецкіе документы, которые до того были неизвѣстны. Я ихъ впервые опубликовалъ въ ежемѣсячникѣ Франкела-Греца, 1875 г. Изъ всѣхъ этихъ источниковъ выяснился хронологически-точный и послѣдовательный ходъ развитія спора, и я считаю небезполезнымъ подѣлиться съ читателями этими выводами.

Источниковъ чрезвычайно много; мы ихъ тутъ вкратцѣ перечислимъ для того, чтобы избѣжать повтореній.

1) *Пфеферкорнскіе памфлеты*, частью противъ евреевъ, частью противъ Талмуда и частью противъ Рейхлина, объ этомъ ниже.

2) *Сочиненія Рейхлина*.

a) Отзывъ о Талмудѣ „Rathschlag", написанный на нѣмецкомъ языкѣ для императора Максиміліана, законченъ въ октябрѣ 1510 г.

b) Написанные по-латыни Argumenta и поясненія къ нимъ, закончены въ авг. 1511. Позже онъ дополнилъ ихъ и издалъ на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Ain clar verständnus in tütsch off Doctor Reuchlins Rathschlag von den judenbüchern, напечатано, по сообщенію Бекинга, въ 1512 г. (дополнит. томъ, II, 53).

c) *Глазное зерцало*, т. е. только что упомянутые отзывъ и аргументы со вступленіемъ съ приложеніемъ документовъ и заключеніемъ, въ которомъ Рейхлинъ опровергаетъ обвиненія Пфеферкорна; напечатано въ Тюбингенѣ въ августѣ 1511 г. Это сочиненіе тоже стало теперь рѣдкостью, оно заново издано въ historia literaria reformationis Гардта, часть 2-я.

d) Defensio Reuchlini contra calumniatores suos Colonienses, обращенное къ императору Максиміліану, закончено 1 марта 1513 г., напечатано въ Тюбингенѣ въ 1513—14 гг., тоже вновь издано у Гардта.

e) Отчасти сюда же принадлежатъ и Acta Judiciorum inter fratrem Jacobum Hochstraten, Inquisitorem Coloniensium et I. Reuchlin ex registro publico autentico et sigillato, отпечатано въ Гагенау 1518 г., также и у Гардта. Акты, повидимому, собраны и отпечатаны подъ руководствомъ Рейхлина. Сюда же относится и письмо Рейхлина къ Вимфлингу отъ 30 ноября 1513 г. о ходѣ процеса въ Майнцѣ, у Маюса.

3) Многочисленныя письма, частью написанныя Рейхлинымъ, частью ему адресованныя, тоже служатъ важнымъ источникомъ.

a) Epistolae clarorum (или illustrium) virorum (я называю ихъ ниже „собраніемъ писемъ"); въ первой части, напечатанной въ Тюбингенѣ 1514 г., содержатся лишь немногія письма, имѣющія отношеніе къ интересующему насъ спору. Напротивъ, ихъ много во второй части, которая подъ заглавіемъ Epp. illustrr. virr., отпечатана въ Гагенау въ 1519 году; въ ней содержится также *еврейская* Promemoria Рейхлина объ этомъ спорѣ и апологетическое посланіе императора къ папѣ въ защиту Рейхлина.

b) Библіотекарь *Г. Фридлендеръ* отыскалъ въ одномъ берлинскомъ архивѣ новыя письма Рейхлина и другихъ участниковъ спора, которыя онъ издалъ подъ заглавіемъ „Матеріалы къ исторіи реформаціи", Берлинъ 1837. Эти „матеріалы" содержатъ 31 письмо, въ коихъ сообщаются нѣкоторыя интересныя подробности. Упомянутыя письма не использованы ни одной изъ вышеприведенныхъ монографій, ни даже Штраусомъ. Особенно интересно еврейское письмо Рейхлина къ еврейскому лейбъ-медику папы, *Боне де-Латъ*, которое мы, въ виду его важности и рѣдкости, ниже приводимъ цѣликомъ. Отдѣльныя письма Рейхлина и къ Рейхлину разсѣяны въ различныхъ сочиненіяхъ *Эразма*, *Пиркгеймера*, *Гутена*, *Мутіанса*, *Меланхтона*, въ біографическихъ и литературныхъ извѣстіяхъ *Шнурера* о бывшихъ преподавателяхъ еврейской литературы въ Тюбингенѣ и въ historia Gothana *Тенцела*.

c) Но и мнимыя, литературныя письма доставляютъ матеріалъ для пониманія этой грандіозной бумажной битвы; особенно это относится къ Epistolae

obscurorum virorum, своею сатирою вызывавшему смѣхъ въ теченіе многихъ столѣтій. Послѣ изслѣдованій Эргарда и Штрауса можно считать установленнымъ, что инициаторомъ этихъ писемъ и авторомъ первой части былъ *Кротусъ Рубіанусъ*, что Ульрихъ фонъ Гутенъ составилъ много писемъ въ дополненіи и во второй части и проредактировалъ все собраніе и что отдѣльныя письма составлены различными членами кружка гуманистовъ. О времени ихъ перваго опубликованія см. ниже.

4) Произведенія противниковъ Рейхлина менѣе цѣнны и требуютъ большой внимательности, ибо искаженіе истины и клевета составляли всегда излюбленныя средства борьбы доминиканцевъ.

a) Arnoldi de Tungaro articuli sive propositiones, обвиненіе въ еретичности нѣкоторыхъ мѣстъ въ Глазномъ зерцалѣ Рейхлина, составлено въ августѣ 1512 г.

b) Acta doctorum Parrhisiensium de sacr. facultate theologiae . . . contra oculare speculum I. Reuchl., Кельнъ, декабрь 1514 г. (Бекингъ, дополн. томъ II, 82).

c) Сюда же относится скучное и глупое подражаніе „письмамъ мракобѣсовъ", составленное кельнскими доминиканцами подъ заглавіемъ: Lamentationes obscurorum virorum non prohibitae per sedem Apostolicam, Кельнъ, мартъ 1518 г. Второе изданіе, выпущенное въ августѣ того же года, содержитъ нѣсколько новыхъ бездарныхъ писемъ. Самымъ важнымъ тутъ является була Льва X противъ „писемъ мракобѣсовъ".

Какъ уже упомянуто выше, самыми важными матеріалами являются *пфеферкорнскіе пасквили*. Хотя ихъ сила заключается главнымъ образомъ въ *искаженіи истины*, но все же иной разъ въ нихъ встрѣчаются и правдивыя сообщенія. Кромѣ того въ нихъ содержатся важные документы, выданные императоромъ и нѣкоторыми князьями церкви, которыхъ въ другомъ мѣстѣ нѣтъ. Всѣ сочиненія, напечатанныя подъ именемъ Пфеферкорна, написаны не имъ, какъ это утверждали уже его современники.

При первой разработкѣ сочиненій Пфеферкорна, они нигдѣ не были полностью перечислены, не были сгруппированы въ ихъ хронологической послѣдовательности (даже въ анналахъ нѣмецкой литературы Волфа и Панцера). Я поэтому старался непосредственно познакомиться съ источниками. Но тѣмъ временемъ Бекингъ (въ указ. мѣстѣ, стр. 55 и дальше) обстоятельно изложилъ эти памфлеты. Поэтому я могу сослаться на приведенный тамъ списокъ:

1) Еврейское зерцало 1507, по-латыни Speculum hortationis Judaicae.

2) Еврейская исповѣдь, февраль 1508 г., на верхне и нижне-германскомъ діалектахъ, по-латыни libellus de Judaica confessione, sive de Sabbato afflictionis.

3) *Пасхальная книжка*, январь 1509 г., на тѣхъ же діалектахъ. По-латыни Narratio de ratione Pascha celebraudi inter Judaeos recepta.

4) *Врагъ евреевъ* напечатанъ одновременно съ пасхальной книжкой. По-латыни: Hostis Judaeorum, Кельнъ 1509 г. Mensis Martius. Къ латинскому изданію приложено стихотвореніе: Ortuini Gratii Daventriensis . . . de pertinacia Judaeorum epigramma politum. Кромѣ того латинское посланіе Пфеферкорна къ курфюрсту и архіепископу Филиппу Кельнскому. Послѣднее посланіе помѣчено: tertio Kal. Martias 1509. Стихотвореніе и посланіе не имѣются въ нѣмецкомъ оригиналѣ.

5) *Въ честь и во славу императора Максимиліана 1510.* Латинскій переводъ *Андрея Кантера*, Кельнъ, 8 марта 1510, подъ заглавіемъ: In laudem

et honorem imperatoris Maximiliani et caet. Отсюда слѣдуетъ, что нѣмецкое изданіе было закончено еще раньше, вѣроятно, въ январѣ или февралѣ того же года, *во всякомъ случаѣ до спора Пфеферкорна съ Рейхлинымъ*. Этотъ памфлетъ весьма важенъ, такъ какъ содержитъ свѣдѣнія о вовлеченіи императора Максимиліана въ споръ противъ Талмуда, которыя подтверждаются и еврейскимъ письмомъ Рейхлина къ *Боне де-Латъ*, что, однако, осталось неизвѣстнымъ авторамъ всѣхъ монографій.

6) *Посланіе къ лицамъ духовнаго званія и мірянамъ по поводу императорскаго указа объ уничтоженіи еврейскихъ книгъ*. Это оставшееся въ рукописи и занимающее четыре страницы письмо было совершенно неизвѣстно библіографамъ. Я ознакомился съ нимъ въ библіотекѣ Волфенбютела, которая обладаетъ почти всѣми сочиненіями Пфеферкорна. Хотя большая часть письма представляетъ собой вздорную болтовню, но въ немъ же содержатся нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія. Это посланіе полностью напечатано Бекингомъ (дополн. томъ II, стр. 73 и д.), къ которому я и отсылаю читателей.

7) *„Ручное зерцало“* противъ благопріятнаго рейхлиновскаго отзыва о Талмудѣ. Апрѣль 1511.

8) *„Зажигательное зерцало“* 1512.

9) *Набатъ*. Противъ стараго грѣшника Рейхлина, 1514. Это единственный памфлетъ, съ которымъ мнѣ, несмотря на всѣ мои старанія, не удалось лично ознакомиться. Какъ указано въ Epistolae obscurorum virorum, авторомъ „Набата“ былъ доминиканецъ *Вигандъ Виртъ*, который былъ причастенъ къ бернскому обману относительно conceptio immaculata.

10) *Защита* Іог. Пфеферкорна (котораго вовсе не сожгли) 1516 г., полатыни: Defensio contra famosas et criminales obsc. virr. epistolas, посвящено папѣ Льву и колегіи кардиналовъ, у Бекинга въ дополн. томѣ I, 81 до 176. Она содержитъ ретроспективное описаніе происшедшихъ событій. Переведено, вѣроятно, Ортуиномъ Граціемъ.

11) *„Полемическая книга“* противъ лицемѣрнаго Рейхлина и его учениковъ Obscurorum virorum, 1516.

12) *Жалоба* противъ невѣрующаго Рейхлина, 21 марта 1521 г. Въ серединѣ экземпляра, имѣющагося въ библіотекѣ Волфенбютела, находятся нѣсколько пустыхъ страницъ, образующихъ пропускъ. Это самый наглый и безсовѣстный памфлетъ, въ которомъ Рейхлинъ описанъ и изображенъ на картинкахъ, какъ самый безчестный и бездушный преступникъ.

Написалъ ли гнусный Пфеферкорнъ еще и иныя сочиненія, неизвѣстно. Но во всякомъ случаѣ его утвержденіе, будто онъ *для обращенія евреевъ въ христіанство перевелъ Евангеліе на еврейскій языкъ*, несомнѣнно ложь и пустая похвальба передъ христіанской публикой.

Основываясь на этихъ источникахъ, можно точно прослѣдить начало, ходъ и всѣ подробности этого спора о Талмудѣ. Для начала спора особенно интересны опубликованные мною матеріалы изъ библіотеки Розенталя (см. выше, стр. 421). Нѣкоторыя подробности содержатъ и сообщенія изъ книгъ франкфуртскаго бургомистра, приведенныя Л. Гейгеромъ въ Историческомъ архивѣ (1869, стр. 208 и д.). Но прежде всего должна быть установлена личность Пфеферкорна, ибо исторія, подобно юстиціи, должна установить личность даже гнусныхъ преступниковъ. Къ тому же всѣ монографіи болѣе или менѣе обстоятельно касаются этого пункта; ибо въ концѣ

концовъ мнѣніе объ обвиненіяхъ, возведенныхъ противъ евреевъ и ихъ письменности Пфеферкорномъ, всецѣло зависитъ отъ взгляда на его личный характеръ. Пфеферкорнъ самъ указываетъ на свое происхожденіе. Въ „Ручномъ зерцалѣ“ онъ замѣчаетъ: „все, что я пишу объ этомъ (о Талмудѣ), я узналъ отъ ихъ (евреевъ) главнаго и высокоуважаемаго талмудиста, *раби Меира Пфеферкорна*, который мнѣ приходится двоюроднымъ братомъ. У евреевъ нѣтъ болѣе такого великаго ученаго; у этого раби я выросъ . . . отъ него я слышалъ и научился всему, у него же я видѣлъ и читалъ все“. Ну, это, конечно, все пустое хвастовство. Правда, къ тому времени Меиръ Пфеферкорнъ и былъ равиномъ, но второстепеннымъ и во всякомъ случаѣ не пользовавшимся авторитетомъ. Мой другъ, г. Кирхгеймъ, сообщилъ мнѣ замѣтку, содержащуюся въ одномъ экземплярѣ Respp. Іосифа Колона (מהרי"ק) и принадлежащую, судя по стилю, къ 16 вѣку. Изъ этой замѣтки, которая, повидимому, составлена современникомъ, явствуетъ, что *Меиръ Пфеферкорнъ* въ 1482 г. былъ принужденъ, съ цѣлью освободить изъ тюрьмы свою жену и дѣтей, противъ своей воли разрѣшить Якову Полаку въ Прагѣ расторгнуть бракъ съ несовершеннолѣтней, вопреки постановленію болѣе стараго авторитета и мнѣніямъ всѣхъ современныхъ ему крупныхъ равиновъ. Эта замѣтка гласитъ:
שנת רנ"ב היה המעשה שפסק רי"ף (ר' יעקב פולק) שימאן אחות אשתו באישה ר' דוד סענדריש והכה על קדקדו כל חכמי ישראל בשם מהר"ם (מנחם) ממירזבורג שאין ממאנין בדורות הללו והחרימו אותו. ור' מאיר פעפירקאורן הסכים על ידו ואח"כ נתן ההנצלות שעשה משום אשתו ובניו שהיו תפוסים וחמותו של מהר"יף היתה קרובה למלכות ולא רצתה להשתדל בעבורם עד שיסכים עם מהר"יף התנה ואותו ר' מאיר פעפירקאורן היה תלמידו של בעל התשובה הלז מהר"י קולון.
По поводу этого инцидента и возмущенія, вызваннаго разводомъ Якова Полака, ср. Respp. Іегуды Менца № 13 и Соломона Лурьи коментарій къ Jebamot (ים של שלמה) XIII, № 17, гдѣ тоже сообщается, что Я. Полакъ за это былъ подвергнутъ отлученію. Меиръ Пфеферкорнъ, повидимому, былъ одновременно съ Яковомъ Полакомъ равиномъ въ Прагѣ, но онъ во всякомъ случаѣ не былъ высшимъ и самымъ уважаемымъ равиномъ того времени. Его имя не встрѣчается ни въ современной, ни въ позднѣйшей равинской литературѣ. Фамилія Пфеферкорнъ встрѣчалась довольно часто у евреевъ. Одинъ богачъ съ той же фамиліей ר' פֿעפֿרקורן ב' שמריה заказалъ въ 1344 г. копію Библіи (Каталогъ вѣнскихъ еврейскихъ рукоп., стр. 8). Въ 1486 г. проживалъ въ Нюрнбергѣ одинъ богачъ *Пфеферкорнъ* (см. K. Hegel, Chroniken der fränkischen Städte, I, стр. 122). Въ эпитафіяхъ на пражскомъ еврейскомъ кладбищѣ упоминается умершій въ 1585 *Іона б.-Меиръ Пфеферкорнъ*, родомъ изъ знатной фамиліи: יונה בן מוריא מאיר פפערקורן ממשפחה מיוחסת (Либенъ, Gal-Ed, евр. часть, стр. 70). Если этотъ Іона б.-Меиръ былъ сыномъ вышеупомянутаго равина, Меира Пфеферкорна, то можно было бы предположить, что эта семья проживала въ Прагѣ. Ренегатъ Іог. Пфеферкорнъ, повидимому, былъ знакомъ съ Прагой (см. Ручное зерцало). Сообщеніе, приводимое въ „Письмахъ мракобѣсовъ“, будто онъ родомъ изъ Моравіи, не очень далеко отъ истины (I, № 36): Vester Iohannes Pfefferkorn . . . quando fuit adhuc in M o r a v i a percussit unam mulierem in faciem, см. выше, стр. 53. Ибо Моравія и Богемія составляли въ то время почти одну страну.

Всѣ современники поразительно единодушны въ констатированіи элементарнаго невѣжества Пфеферкорна. Не только насмѣшники изъ „писемъ мракобѣсовъ“, но и серьезный и правдивый Рейхлинъ утверждали, что онъ не

понималъ ни слова по-латыни („Глазное зерцало", л. 49, и собраніе писемъ II л. 3). Но онъ не зналъ даже и еврейскаго языка, основательнымъ знаніемъ коего онъ такъ кичился. Рейхлинъ отзывается о немъ въ „Глазномъ зерцалѣ": „Шестая ложь Пфеферкорна. Этотъ выкрестъ былъ въ своемъ дѣтствѣ, по обыкновенію, обучаемъ Пятикнижію, можетъ быть, еще нѣсколькимъ Haphtoris. Вообще же онъ ничего основательно не знаетъ, и у меня имѣется много еврейскихъ книгъ, которыхъ онъ не можетъ ни прочесть, ни понять. . . Все это сущая правда". Въ другомъ мѣстѣ Рейхлинъ пишетъ: „Правда то, что, когда я ему показалъ въ моей библіотекѣ талмудическую книгу, Mardochai, онъ мнѣ признался, что онъ былъ обучаемъ лишь Библіи и не понимаетъ другихъ книгъ". Этотъ отзывъ Рейхлина вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ своихъ обвиненіяхъ противъ равинской письменности и противъ евреевъ онъ обнаруживаетъ ужасное невѣжество. Такъ, напримѣръ, онъ неоднократно въ своихъ памфлетахъ упрекаетъ евреевъ въ томъ, что они называютъ Іисуса 'ישו נוצרי', что въ его переводѣ означаетъ seductor populi. Въ спискѣ еврейскихъ книгъ, которыя онъ рекомендуетъ (въ памфлетѣ „въ честь и во славу императора") сжечь, значатся: Babo Meutzeo, Babo Cammo, Babo Baszro и, въ качествѣ особой книги, Arbo Ovos Nesykin. Онъ такимъ образомъ не зналъ, что послѣдняя идентична съ Babo Cammo. Онъ перемѣшалъ и перепуталъ танаитовъ, амореевъ и равиновъ: Rabbi Ischlokysch, R. Gamliel, R. Gerson, R a f f Popo. Уже одно имя Rabbi Ischlokysch указываетъ на поразительное невѣжество Пфеферкорна. Онъ имѣлъ въ виду Симона б.-Лакишъ, котораго сокращенно называли ריש לקיש; талмудисты называли его Resch-Lokisch или Lakisch; у Пфеферкорна же получился Rabbi Ischlokysch.

Одинъ изъ манускриптовъ освѣщаетъ вполнѣ личность Пфеферкорна; согласио приведенному тамъ сообщенію, онъ былъ *мясникомъ*, который долженъ былъ отбыть тюремное наказаніе за совершенную имъ кражу со взломомъ. Графъ фонъ Гутенштейнъ свидѣтельствуетъ: „*Еврейскій мясникъ Іосифъ*, называющійся *Пфеферкорномъ* и перешедшій недавно въ Кельнѣ въ христіанство, совершилъ кражу со взломомъ у одного подданнаго, за что и попалъ въ тюрьму" (документы, ежемѣсячникъ, въ указ. мѣстѣ, стр. 295). Лживость этого негодяя проявляется во всѣхъ его произведеніяхъ. Можно ли довѣрять ему, когда онъ сообщаетъ о фактахъ, лживость коихъ констатируется самимъ Рейхлинымъ? Можно ли довѣрять ему, когда онъ въ своей „полемической книжкѣ" приводитъ отзывъ бургомистра и совѣтника города Дахау (Тахау) о томъ, что „Пфеферкорнъ не былъ уличенъ въ воровствѣ"? Онъ и его вдохновители не останавливались и предъ изготовленіемъ подложныхъ документовъ и писемъ.

Перейдемъ къ изложенію хода всей этой исторіи. Въ началѣ 1509 г. Пфеферкорнъ выпустилъ сразу два памфлета противъ евреевъ: „Пасхальную книжку" и „Врага евреевъ". Въ послѣднемъ онъ изображаетъ евреевъ отъявленными негодяями, а Талмудъ весьма опаснымъ для христіанства и потому заслуживающимъ уничтоженія. Въ августѣ того же года въ его рукахъ уже было разрѣшеніе императора, согласно коему Талмудъ оказался во власти Пфеферкорна. Это вмѣшательство императора подняло цѣлую бурю. Что побудило столь разсудительнаго монарха стать орудіемъ въ рукахъ негодяя? Одинъ намекъ, содержащійся въ еврейскомъ письмѣ Рейхлина (см. ниже), разрѣшаетъ эту загадку. Сестра императора, вдовствующая баварская герцо-

гиня, *Кунигунда*. была слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ доминиканцевъ, пользовавшихся ею въ цѣляхъ воздѣйствія на ея царствующаго брата. Эта герцогиня-абатиса, сидя въ своей кельѣ, привела въ движеніе механизмъ реформаціи. Поразительно, что ни въ одной изъ монографій, посвященныхъ рейхлиновскому спору, не упомянуто о томъ участіи, которое принимало въ немъ эта женщина, а между тѣмъ Пфеферкорнъ неоднократно упоминаетъ объ этомъ. Въ памфлетѣ „въ честь и во славу императора" (л. В. 1): „Пфеферкорнъ уже раньше напечаталъ подобныя статьи (о пагубномъ вліяніи еврейскихъ книгъ), которыя понравились нѣкоторымъ благочестивымъ и ученымъ христіанамъ. Они и рекомендовали упомянутаго Пф. свѣтлѣйшей *княгинѣ* N., *урожденной эрцгерцогинѣ австрійской, вдовѣ князя Альбрехта Баварскаго*, которая, послѣ смерти своего супруга, вступила въ третье отдѣленіе Sanctae Francissin. И когда тотъ же Пф. разсказалъ *княгинѣ* о продѣлкахъ и замыслахъ евреевъ, она отнеслась къ нему весьма милостиво и дала ему *собственноручное посланіе къ своему брату, римскому императорскому величеству*, который благосклонно отнесся къ Пф. и далъ ему нѣсколько посланій ко всѣмъ князьямъ и городамъ имперіи".

Первое посланіе императора Максимиліана къ князьямъ по поводу еврейскихъ книгъ не сохранилось; но посланіе къ евреямъ, въ которомъ они увѣщевались безъ сопротивленія выдать свои высокоуважаемыя книги Пф., дошло до насъ. На немъ помѣтка: въ *арміи, Бадуа*, 19 августа 1509 г. (тамъ же и въ документахъ, ежемѣсячникъ, годъ 1875, стр. 295 и дальше) и составлено вполнѣ въ духѣ Пф. и доминиканцевъ. Императоръ издалъ также приказъ ко всѣмъ лицамъ духовнаго званія о содѣйствіи Пф. въ его ревизіи книгъ.

Пф. далѣе разсказываетъ о себѣ (какъ Цезарь, въ третьемъ лицѣ): „Когда Пф. получилъ посланія императора, онъ *снова посѣтилъ княгиню, сестру императора*, чтобы сообщить Ея милости объ этомъ а также показать посланія. Она была очень обрадована и послала Пф. въ указанные въ посланіяхъ города". Онъ разсказываетъ затѣмъ о томъ, что онъ пріѣхалъ во Франкфуртъ на Майнѣ, „гдѣ жило много евреевъ и гдѣ находилась одна изъ ихъ высшихъ школъ"; при содѣйствіи городского совѣта, онъ отбираетъ въ синагогахъ огромное количество еврейскихъ книгъ и передаетъ ихъ совѣту. Такимъ образомъ герцогиня абатиса оказала Пф. помощь уже при конфискаціи Талмуда. Мы съ ней еще часто будемъ встрѣчаться въ дальнѣйшемъ. Ее слѣдуетъ выдвинуть на первый планъ въ этомъ спорѣ, поставить на ряду съ Гохстратеномъ и Пфеферкорномъ. Вернемся къ изложенію хода событій. Пфеферкорнъ сообщаетъ намъ на этотъ разъ правду: „Какъ во *Франкфуртѣ*, такъ поступилъ Пф. и въ *Вормсѣ*, гдѣ онъ отнялъ у евреевъ книги, которыя тѣ всячески старались утаить". Конфискація книгъ во Франкфуртѣ была совершена наканунѣ еврейскаго праздника Кущей, 28 сентября 1509 г., какъ видно изъ документовъ, въ коихъ излагается и дальнѣйшій ходъ событій.

ביום ו׳ בערב סוכות ע״ר לפ״ק בא טרפה קצב ימח שמו ואתו ג׳ גלחים וב׳ עירוני העצה יר״ה פה ק״ק ורנקבורט דמיין ולקחו בעו״ה הספרים בבי כנישתא תפילות ומחזורים וסליחות את כל אשר מצאו וציוה עלינו בצווי הקיסר יר״ה שלא להתפלל עוד בבית הכנסת. ודעתו היה לבא למחרת לקחת גם הספרים בבתינו. כי אותו היום היה קצר מהכיל והגלחים לא רצו לבטל השבת ויום א׳ אח״כ חגם שלהם. ואותו יום ו׳ שלחנו הר׳ יונתן לק״ק ווירמיישא להשתדל עם הקמר־משפט אם אפשר לעכב העובדא בישא להני הספרים שבבתינו ולא יכול. וביום השבת

שלחנו הנ״ל גומפרעכט וויושני׳ להגמון מענץ יר״ה לאשנבורג להסיר יד הגלחים מזה הענין. והשיג המבוקש. ות״ל רוח והצלה יעמוד ליהודים. והיה ביום שני בא טרפה קצב י״ש עם הגלחים והעירונים לקחת הספרים. ואותו היום עדיין לא בא הנ״ל גומפראכט. ודחינו אותו היום בגרמת צעקה וצוחה לקרא הדבר לפני ארונינו הקיסר יר״ה בלשון אפלירן. והסכימו יחד הגלחים והעירונים לעמוד הדבר על יום ג׳ לפני העצה לדרוש ולחקור אם כח בידינו לקרא לפני הקיסר יר״ה מאחר שהדבר יצא מפי הקיסר יר״ה. ותשובת רעצה פה יר״ה היה בזה הלשון. "וייר זוולטען דען מנדאט גינינגען טוןי אונד זוולטען דאן אפלירען„ והיה ההסכמה ביניהם לבא אחר חצות. ובתוך כך ה״ל באו הכתבים מההגמון מענץ יר״ה להגלחים שימשכו ידיהם מזה הענין, ודעהו לענוש על מה שעשו, ובשביל שהגלחים משכו ידיהם, גם העצה יר״ה אינם רשאים לפעול בענין זה עוד. ועל יום ד׳ י״ט תשרי שלחנו ה״ר יונתן ס״ל לרכוב אל ארונינו הקיסר יר״ה לבטל מחשבות הרשע. וה׳ הצליח דרכו ומחשבתנו. ושלחנו ה״ קנעבלן בכל שטח אשכנז בכל המדינות לבוא אצלינו ליום המוגבל חצי חשון ליעץ ולהועד מה לעשות כמבואר אח״כ.

Такимъ образомъ архіепископъ Уріелъ фонъ Гемингенъ воспрепятствовалъ обыску еврейскихъ домовъ и талмудическихъ библіотекъ. Вообще этотъ прелатъ обнаружилъ въ данномъ случаѣ благосклонность къ евреямъ, какъ это видно изъ его письма къ императору и еще болѣе изъ письма къ Эйтелволфу фонъ Гутенъ; оба письма помѣчены 5 октября 1509 г.

Пфеферкорнъ нѣсколько искажаетъ дальнѣйшій ходъ событій, но даже изъ его разсказа въ Defensio contra famosas явствуетъ, что архіепископъ Майнца, *Уріелъ*, былъ недоволенъ предоставленною императоромъ Пфеферкорну властью. Пфеферкорнъ болтливо сообщаетъ далѣе, что архіепископъ Уріелъ оказалъ ему денежную помощь для второй поѣздки къ императору и что франкфуртскій сенатъ также сильно поддержалъ его. Въ бургомистерской книгѣ (Архивъ, въ указ. мѣстѣ, стр. 212) указано, что Пф. получилъ отъ города лишь 2 гульдена.

Эта вторая поѣздка къ императору и второе разрѣшеніе, данное имъ Пф., оказали большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій, о чемъ, однако, совершенно не упоминаютъ другіе источники. Дѣло въ томъ, что евреи не такъ легко отдались въ плѣнъ, а приняли, напротивъ, всѣ мѣры къ тому, чтобы противодѣйствовать планамъ Пф.

Франкфуртскіе евреи сперва обратились въ судъ съ протестомъ и послали къ императору своего адвоката, чтобы доказать всю незаконность конфискаціи ихъ книгъ и освѣтить личность Пфеферкорна. Ихъ адвокатомъ былъ *Іонатанъ Леви Ціонъ*, къ которому присоединился еще нѣкій *Исаакъ Тріестъ*. Они послѣдовали за императорской арміей и 15 ноября сообщили о результатахъ своей дѣятельности.

ראשי העם, יודעי טעם באמרינו עם יהר שאר העם. כלם יתברכון ממעון קהל קדישא דק״ק ורנקבורט יצ״ו. הנה אהובי שומו לבבכם לכל הדברים אשר אני כותב לכם. כי מקדמת דנא כתבתי לכם מק״ק ווירדאו וגם מעיר פאצין כתבתי לכם ע״י ציר מק״ק ווירצבורג, וכתבתי לכם את כל הרעה אשר מצאוני בעו״ה שלעת הזאת אי אפשר לעשות חילוף או אשראה במדינה הזאת כדי להביא אל ידי מעות להתעסק בדבר הזה כפי הנכון והראוי. ביום ו׳ ה׳ חשון ע״ד לפ״ק כשבאתי לחצר בית ארונינו הקיסר יר״ה מצאוני דל ושפל אני. ולא מצאתי לכל האנשים אשר כתבתם רק להה״ר יצחק מטרישט אשר רכב אחר הקיסר יר״ה ועמו גיסו ה״ר מושיל יצ״ו ומכל מקום טרחנו והלכנו ה״ר יצחק וגיסו

ואני השפל עבדיכם ונתנו קצת ונדרנו קצת עד שהבאנו הדבר לפני אדונינו הקיסר יר"ה עצמו ושמע צעקתינו ומכאובינו . ודברנו עם הקיסר יר"ה ע"י עצמינו וגם ע"י מושל אחד ממשרתיו אשר מילא את דברינו איך שראה וקרא הקיומים אשר בידי מקיסרים ואפיפיורים הקדומים . הקיסר יר"ה אמר ליתן לנו תשובה . ואיך ומה נעלמה ממנו . והיריעה קצרה מהכיל למיפרט אימתי שיתן לנו תשובה מרוב עסקיו אשר אי אפשר להשיג . ולכן אהובי התחכמו בדבר מה לעשות. כי חקרנו ומצאנו באמת שאדונינו הקיסר יר"ה הניח לכתוב פתשגן הכתב של המנדאט ברצונו ובדעת מיושבת ויודע הכל מה שכתוב בו. רק התנצלתו אמר לי ה"ר יצחק מטרישט שאין כונתו כל כך להרע כמו שעשה המומר לנו. ושומר ישמור שארית ישראל. כי יש לחוש כשיצא המומר שישיג כל רצונו ח"ו כי רוב יועציו מרשיעים מאוד. ובשם [1] הסרנטינר השיב לנו כי המומר היה באהלו וצוח וצועק הדין. ואותה הצעקה ובקשה באה לפני אדונינו הקיסר יר"ה. וע"כ נתן לו המנדאט הנכונה והמיושרת בעיניו מאחר שמוטל עליו לסייע לכל העולים לדין. ודברים רבים כאלה ודי מזה. כי סיומא דמלתא שלא יעלה על דעתכם כל יושבי תחת הנשר הגדול, דהיינו כל בר ישראל, שיצא הדבר הזה מתחת יד מושל אחד או שנים או שהתחילו הדבר הזה בשביל מעט מעות כאשר לקחתי לי כח כשנפרדתי מכם, אל יעלה על לבבכם והתחכמו בדבר הזה ושלחו אנשים חכמים ונבונים יותר מכני אשר צרור כספם בידם ותנסו אם אפשר לבטל הרעה כי יש לחוש דהיפוק ח"ו חורבה מניה. וכל אשר תצוו עלי השפל ברצון אשמע בקולכם. רק מהרו ושלחו איש עתי עם מעות ועשו כאשר מוטל עליכם ואני בוטח בכם. והנה אהובי אחרי כל זה ביום ו' י"ב חשון ע"ר לפ"ק שלח מרקגרוף מבאדן לבית היהודים בק"ק בערין וביקש שיבואו אליו היהודים לאושפיזבנא להודיע תכלית בקשתם מחמת המומר כי אדונינו הקיסר יר"ה צוה עליו להיות [2] פרקריר שלנו. בכן באתי אצלו ביום ו' הנ"ל והייתי אצלו בערך ג' שעות הוא והסופר שלו ואני והניח ליתן לי [3] סופליגאציון כאשר תראו בהעתקה ונתתי לו דבר מה על הדבר הזה. וכשישיג רצוננו לפי משמעות הזופליגאציון אתן לו מיד מאה זהובים לפני טרחו. וכן עשה והטריח עצמו בדבר עד מאוד. וגם כן ה"ר יצחק השתדל בגוי אחד אשר אצל הקיסר יר"ה יומם ולילה אשר ירצה להוסיף ולדבר על לב אדונינו הקיסר יר"ה ולנסות אם אפשר להוציא הדבר הזה מן הכח אל הפועל. ושהיה קרוב לוראי שע"י ה"ר יצחק מטרישט ושריו ·וע"י המרקגרוף מבאדן וע"י המרשלק גאלדקר אשר הטיב אתי עד מאוד השגנו דבר זה לטובת הכלל. כי לעת בא המומר פפעפירקארן לחצר אדונינו הקיסר יר"ה ביום [4] ב' ט"ו חשון ע"ר לפ"ק הרים קולו עלי לפני רוכבי הרכב וגם לפני ההולכים והבאיש בעיני העם שהוכרחתי ליפול על ברכי לפני אדונינו הקיסר יר"ה והשיב אלי המרשלק מפי הקיסר יר"ה שלא אירא כי שלום יהי' לי. והקיסר יר"ה ימנה ויפקוד שרים השומעים את המומר ואנו מתווכחים יחד זה כנגד זה. וישמעו ויבינו הדבר ויצדיקו הצדיק וירשיעו הרשע. וע"ז נמלכנו ה"ר יצחק ואני השפל ובקשנו להחזיר לנו הספרים שלקח בק"ק ורנקבורט ולהרחיב לנו זמן עד שיוכלו לבא לחצר אדונינו הקיסר יר"ה יהודים יודעי דת ודין יותר מאנחנו והם יתווכחו עמו. ובתוך כך ביום ה' ח"י חשון בא שלוחכם ה"ר אייזק העלפענט לעיר ראבריים והביא אלי מכתבכם וכתב מההגמון ממענץ יר"ה אשר בלבל על הדברים הנ"ל כי המרשלק של ההגמון בקש מאדונינו הקיסר יר"ה להפקיד ההגמון ממענץ על הדבר הזה וחקיסר יר"ה לא רצה למלאות כל משאלתו רק מקצתו וצוה על אחד מסופרי הקיסר לכתוב ארבע כתבים א' לההגמון יר"ה להבוע מיד המומר ויהודי' הספרים אשר לקח בק"ק ורנקבורט וההגמון יר"ה והטוקטארים שלו יבדקו הספרים ומה שהוא שלא היה נגד תורתינו וגם אינו מולזל האמונה שלהם יחזור לנו. ומה שהוא מולזל

[1]) Serentainer, секретарь императора Максимиліана.

[2]) Prokurator. [3]) Supplikation. [4]) 29 октября 1509 г.

האמונה שלהם יותן ליד המוסר. ושורש מכל דבר יודיע ההגמון יר״ה להקיסר יר״ה. וכתב אחד להעצה שישמעו דברי ההגמון, ויעשו אשר יכתוב להם, וכתב אחד ליאהניש פפעפירקארן שילך ויבוא על היום. ועוד כתב תיר והגבלת היום באותו כתב לכל הנזכרים בהמנדאט הראשונה שיבואו על ט״ו שבט ע״ר לפ״ק או כחם להתוכח וירד לדין עם המוסר אחרי שיודיע ההגמון יר״ה להקיסר יר״ה איך שמצא הספרים, וכפל עוד בכתב ההגמון שאין כונת הקיסר לבטל הקיומים שהשיגו בקונצליום, וכתב ההגמון קרא המרשלק של ההגמון יר״ה ושאר ג׳ כתבים כלם היו כתובים ונקראים לפני והם קצת כולם בשוה מאחר שהקיסר יר״ה לא רצה כלל לבטל המנדאט ראשונה, ועל זה המשיך הדבר שהקיסר יר״ה יכתוב כתיבת ידו בכתבים הנ״ל. וכמדומה לי שהקיסר סיים בכתיבת ידו כתב של ההגמון יר״ה. ובזה האופן הלכתי יותר מה׳ ימים שסברתי לרכוב לדרכי באופן הנ״ל ואם היה בידי הסך אשר לקחתי כח מכם היה קרוב לודאי שהשגתי אותם הכתבים שהיה כח ביד ההגמון יר״ה להחזיר לנו ספרינו ולהבאיש עיני המוסר בדברים אמתים וכשבאנו אל היום לפני הקיסר יר״ה או מושליו לא היה לו פה להשיב ולא מצח להרים ראש. ומה אמר ואדבר כל דלעיל נתהפך והמוסר ומושליו השיגו שאדונינו הקיסר יר״ה ימנה ויכתוב להגמון יר״ה שהוא יהיה קומיסאר בדבר זה והוא ישב אצל ההגמון בדין, ויקטאר הכומר מקוילן. ועוד טאקטר אחד מקוילן, וטוקטאר אחד מהיידלבורג, וטוקטר ר י י כ ל ן מ ש ט י ג ר ט ן, ובפירוש כתב בקומיסיאן שההגמון ממענץ בלבל המוסר שלא יוכל להשיג הספרים הנ״ל וליום בואו עם הטוקטרים הנ״ל יסייע ההגמון יר״ה להמוסר שיבאו לפניו כל ספרים והם יבדקו אותם לפי מנדאט הראשונה וכן יעשה ההגמון יר״ה לכל יושבי תחת ממשלת הנשר הגדול הנ״ל. ולא כתב תוך אותו קאמיסיאן מאומה שהוא בצידינו רק שהקיסר יר״ה צוה על ההגמון יר״ה בל״א „זיין מיינונג זייא ניט, דאס דיא יודשהייט ווידער דיא בילכקייט בישווערט ווערדא" והעתק כזה קרא לנו הסופר ביום ש״ק .(11 Ноября) כ״ח ח ש ו ן ע״ר לפ״ק.

וסירבנו בקומיסיאן זאת ושלחנו להקיסר יר״ה זופליגאציאן השנייה כאשר תראה. וקרוב לודאי שהמוסר יקח אותו קאמיסיאן. כי היום א׳ כ ס ל י ו בערב הגיד לי הרב יצחק מטרישט שחקר ודרש שהעצה בק״ק ורנקבורט העידו עלינו ונתנו אותו עדות להמוסר שסירבנו בהמנדאט ובזה האופן שאמרנו שאין לקיסר כח לעלינו רק אנו רובצים תחת ממשלתם ובזה נתמלא חימה של אדונינו הקיסר יר״ה ויועציו ויש לחוש שכוונהם להתגולל ולהתנפל עלינו ולזה צריכים אתם אנשים חכמים ונבונים משאר קהלות אשר יבאו לפני אדונינו הקיסר יר״ה להתחנן לפניו ולבקש על נפשם ואשר צרור כספם וזהבם בידם שאולי ירחם הש״י עלינו ושימצאו חן בעיניו להשיג דבר מה לטובת הכלל, כי יש לחוש דברים אשר לא נתנו לכתוב. ואילולי שהמרשלק של ההגמון יר״ה הלווה לי לא יכולתי להשיג ולמצוא דמי פזורי עד הנה. ונאמ׳ לא שניתי לכם דבר והתחכמו וטוב בעיניכם עשו. ובכן אל רחם. וכו׳ כ״ח משרתכם יונתן לוי.

הכתב תוך ספר אחד אצל של עון ויצא שלוחו יום ה׳ ב׳ כסליו ע״ר וכל מה שלא כתבתי שאלו את הנוכח ה״ר חזקיה כי ידע כל דבר. ואילולי שהיה נראה בעיני שצורך גדול הוא לא יכלתי את עצמי אשר שלחתי מעלי משרהו כי הרבה פעמים בא הקיסר יר״ה למקום שאין מבינים אותי ואני לא ידעתי לשאול להם. לכן אל תעזבני לאורך ימים.

והנה אחי כל בעלי בתים אם תאבו ושמעתם טוב תאכלו. ואם תמאנו ברכה והצלחה יפנו כאחד. ואע״פ שידעתי ששאר בני קהלות ייהר העם לא יאמינו אלי ולא ישמעו לקולי. ויחשדוני ברבר זה מאחר שאני אחד מיושבי ורנקבורט מכל מקום לעצור במילין לא אוכל ושיהו אל לבבכם הכתב של המנדאט הראשונה. כי נאמר אם שמעתם וראיתם את אשר שמעתי וראיתי חיל ורעדה אחזתכם יותר משאוכל לכתוב. לכן הסירו מעליכם לב האבן ואזרו כגבורים חלציכם ושלחו מכם אנשים חכמים ונבונים המתעסקים בדבר הזה ולראות אם חפץ ד׳ בידם יצליח לבטל

מחשבות הרעות אשר חושבים עלינו שונאינו יותר משהפה יוכל לדבר. ובכ׳ ברוכים אתם בבואכם ובצאתכם כ״ד אח״ו יונתן לוי ציון.

שלומכם רבים כטיפי ימים למרנן ורבנן חכמי קהל ורנקבורט יצ״ו ולשאר ק״ק יושבי תחת הנשר הגדול שלומכם ישגה לעד. אהובי ורעי שום תשימו לכל אשר כתב למעלה אה״ו ה״ר יונתן יצ״ו ואל תשליכון אותו אחרי גוכם. כי בעו״ה שעה נחוצה היא, לכן עושו גושו חושו ואל תעמדו בחוץ ותשלחו לחצר הקיסר יר״ה אנשים חכמים ונבונים מכם וצרור כסף וזהב בידם, יצחק טרישט. נכתב ב׳ כסליו ע״ר ובא הנה י״ו כסליו.

Пф. тоже разсказываетъ, что императоръ былъ склоненъ стать на сторону евреевъ, но что Пф., благодаря сестрѣ императора, удалось переубѣдить послѣдняго.

Второе разрѣшеніе, данное императоромъ Пф., благодаря посредничеству Кунигунды, приведено въ памфлетѣ Пф. Defensio contra famosas (у Бекинга, дополн. томъ I, стр. 88 и дальше) и издано въ *Роферейтѣ* (Ровередо) 10 ноября 1509 г. Въ своемъ распоряженіи, адресованномъ Уріелу, императоръ назначаетъ его комисаромъ по дѣламъ о Талмудѣ. Уріелъ долженъ былъ призвать къ себѣ професоровъ университетовъ и, если найдетъ нужнымъ, также иныхъ ученыхъ мужей, какъ Гохстратенъ, Рейхлинъ, Викторъ фонъ Карбенъ и Пфеферкорнъ. Интересны заключительныя слова: insuper Judaeos de Frankfordia ad te atque illos doctores accessas. Слѣдовательно, и евреи должны были быть выслушаны въ этомъ, столь близко ихъ касавшемся, дѣлѣ. Это несомнѣнно явствуетъ изъ письма Іонатана Л. Ціона (см. выше, стр. 430). Съ изданіемъ этого *второго* императорскаго распоряженія дѣло о конфискаціи Талмуда переходитъ во вторую стадію; этотъ мандатъ былъ въ томъ смыслѣ нѣсколько благопріятнѣе для евреевъ, чѣмъ первый, что они, по крайней мѣрѣ, не зависѣли вполнѣ отъ произвола одного Пфеферкорна.

Архіепископъ Уріелъ назначилъ делегата и послалъ его вмѣстѣ съ Пф. во Франкфуртъ. Повидимому, къ этому же времени слѣдуетъ отнести конфискаціи книгъ въ общинахъ Вормса, Майнца, Бингена, Дейтца, Лорха и Ланштейна, о коихъ Пф. упоминаетъ въ своемъ письмѣ (см. выше, стр. 424 № 6), говоря, что все это совершено было по приказу Уріела. Сомнительно, чтобы послѣдній приказалъ также упомянутымъ лицамъ просмотрѣть книги, хранившіяся во франкфуртскомъ совѣтѣ. Во всякомъ случаѣ, ясно, что Рейхлинъ уже раньше имѣлъ случай серьезно заняться этимъ вопросомъ. Слѣдовательно, требованіе императора отъ іюля 1510 г. послать ему отзывъ о Талмудѣ не застало его неподготовленнымъ. Но прежде, чѣмъ дѣло дошло до разбора, повѣялъ иной вѣтеръ, о чемъ опять таки ни слова не упоминается въ монографіяхъ. Онѣ могли бы изъ приложеннаго къ рейхлиновскому „Зерцалу" письма императора къ Уріелу отъ 6 іюля 1510 г. усмотрѣть, что Максимиліанъ приказалъ *возвратить евреямъ всѣ конфискованныя у нихъ книги*. Императорское посланіе гласитъ: „Я не сомнѣваюсь, что ты *хорошо помнишь* еще нашъ приказъ о конфискаціи *въ разныя времена* еврейскихъ книгъ и о назначеніи тебя, *нѣкоторыхъ университетовъ*, ученыхъ и свѣдущихъ въ этомъ вопросѣ лицъ членами комисіи. *Нынѣ мы повелѣваемъ возвратить евреямъ отобранныя у нихъ въ разныя времена книги, которыми они могутъ безпрепятственно пользоваться впредь до нашего новаго распоряженія*". Слѣдовательно, еще до 6 іюля 1510 г. императоръ приказалъ возвратить книги евреямъ. Изъ Defensio contra famosas

Пфеферкорна мы узнаемъ, что это не было случайностью и что императоръ принялъ это рѣшеніе вслѣдствіе ходатайства евреевъ. Пф. разсказываетъ, что дьяволъ помогъ евреямъ помѣшать приказу императора о конфискаціи ихъ книгъ.

Недавно открытые источники объясняютъ, какимъ образомъ императоръ пришелъ къ рѣшенію, противорѣчащему его двумъ предыдущимъ приказамъ. Повидимому, совѣтъ города Франкфурта вступился за евреевъ. Онъ поручилъ своему делегату, *Якову Гелеру*, возбудить объ этомъ вопросъ на сеймѣ и постановилъ всячески помогать евреямъ. Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство, принудившее совѣтъ выступить въ защиту евреевъ. Дѣло въ томъ, что Пф. хотѣлъ конфисковать книги и у иногороднихъ евреевъ, пріѣхавшихъ во Франкфуртъ на ярмарку. Но послѣдніе находились подъ охраной владѣтельныхъ князей ихъ родины, и поэтому было опасно нарушать ихъ право собственности. Эти чужестранные евреи воспротивились также этому насилію и отказались выдать книги. Къ тому же нарушеніе обычныхъ ярмарочныхъ привилегій могло бы повести къ непріятнымъ осложненіямъ. Возможно, что именно это обстоятельство побудило совѣтъ выступить передъ императоромъ въ защиту евреевъ. Прошеніе совѣта безъ даты находится въ упомянутыхъ „документахъ" и его содержаніе сводится къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: 1) сохраненіе еврейской письменности необходимо въ интересахъ самого христіанства. 2) религія и книги евреевъ гарантированы привилегіями императоровъ и папъ и, наконецъ, 3) Пф. дѣйствовалъ противузаконно и не въ духѣ даннаго ему разрѣшенія.

Повидимому, и съ другой стороны были сдѣланы шаги въ пользу евреевъ. Въ книгѣ бургомистровъ имѣется слѣдующее замѣчаніе: *приписаны разные евреи Майнца, Бранденбурга, Гесена* и т. д., пріѣхавшіе по поводу гоненія на ихъ книги", Отсюда явствуетъ, что евреи этихъ странъ, повидимому, устроили во Франкфуртѣ съѣздъ общинъ. Вѣроятно, они и обратились къ своимъ курфюрстамъ и князьямъ съ жалобой на то, что выкрестъ Пф. совершилъ по отношенію къ нимъ вопіющую несправедливость. Ибо упомянутая книга содержитъ еще и другое сообщеніе: *„несомнѣнно, что, благодаря успѣшному ходатайству евреевъ, курфюрстовъ и иныхъ князей, преслѣдованіе еврейскихъ книгъ было пріостановлено"*. Такимъ образомъ Максимиліанъ былъ, повидимому, прижатъ къ стѣнѣ со многихъ сторонъ и потому былъ вынужденъ издать приказъ о возвращеніи евреямъ отобранныхъ у нихъ книгъ, приказъ, свидѣтельствующій о неустойчивости его характера, легко поддававшагося чужому вліянію. Это третье посланіе императора получено было совѣтомъ города Франкфурта 9-го іюня. Въ книгѣ бургомистра отмѣчено было: Назначенная Его Императорскимъ Величествомъ комисія по дѣлу о еврейскихъ книгахъ упраздняется, и всѣ книги возвращаются евреямъ". Совѣтъ назначилъ комисію изъ четырехъ совѣтниковъ для возвращенія книгъ ихъ собственникамъ.

Въ промежутокъ времени между вторымъ императорскимъ приказомъ отъ 10 ноября 1509 г. и третьимъ отъ 23 мая 1510 г. Пф. или доминиканцы выпустили два памфлета: „Въ честь и во славу Максимиліана" и „посланіе къ лицамъ духовнаго званія и т. д." (см. выше, № 6, стр. 424), съ цѣлью парализовать благопріятное для евреевъ настроеніе. Въ этомъ посланіи Пф. увѣщеваетъ не отказываться отъ столь славно начатой конфискаціи. Онъ разсказываетъ въ немъ (у Бекинга II, стр. 73): „большое число евреевъ не только въ Имперіи, но и въ другихъ странахъ и городахъ соединились для борьбы со

мною. Они меня нѣсколько разъ старались уговорить прекратить свои враждебныя дѣйствія противъ Талмуда, обѣщая дать мнѣ цѣнные подарки и деньги Когда же я не согласился на это, они дали сигналъ всѣмъ своимъ единовѣрцамъ живущимъ повсюду, чтобы преслѣдовать и обезчестить меня. Но, такъ какъ они не хотятъ дѣлать этого лично, то они, съ помощью денегъ и подарковъ, привлекли на свою сторону нѣсколькихъ христіанъ, которые словомъ и дѣломъ помогаютъ евреямъ". Далѣе онъ находитъ, что это было бы скандаломъ, если возвратить евреямъ отобраныя у нихъ книги; поэтому онъ увѣщеваетъ всѣхъ вѣрующихъ христіанъ не допускать этого. Изъ этого посланія съ очевидностью явствуетъ что даже христіане хлопотали объ отмѣнѣ конфискаціи. И имъ это удалось, ибо третій императорскій приказъ отъ 23 мая 1510 г. повелѣваетъ снова возвратить евреямъ конфискованныя у нихъ книги.

Но на этомъ дѣло не кончилось. Максимиліанъ въ третій разъ измѣнилъ свое мнѣніе и издалъ *четвертый* приказъ (въ Фюсенѣ, 6 іюля), приведенный въ „Гл. зерцалѣ". Согласно этому приказу еврейскія книги должны были быть разсмотрѣны 4-мя университетами и тремя учеными (Рейхлинымъ, Гохстратеномъ и Викторомъ изъ Карбена), которые должны были высказать свое мнѣніе о томъ, пагубенъ ли Талмудъ или безвреденъ. Пф. поручено было доставить отзывы императору. Этотъ приказъ монографіи считаютъ вторымъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ четвертымъ: 1) отъ 19 августа 1509 г. въ Падуѣ, 2) отъ 10 ноября 1509 г. въ Роверѣдо, 3) отъ 23 мая 1510 г. и, наконецъ, 4) 6 іюля 1510 г. въ Фюсенѣ. Что вызвало эту новую перемѣну во взглядахъ императора? *Въ Бранденбургѣ* противъ евреевъ было *возведено ложное обвиненіе* въ оскверненіи гостіи, причемъ 38 евреевъ были сожжены въ Берлинѣ. Это ауто-да-фе произошло, правда, лишь 19 іюля 1510 г., а четвертый приказъ былъ изданъ раньше, но процесъ уже прежде надѣлалъ много шуму. Этимъ воспользовались доминиканцы, чтобы произвести давленіе на императора и побудить его нѣсколько модифицировать свой третій, благопріятный для евреевъ, декретъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Пф. (Defensio contra famosas, у Бекинга II 91); тамъ же приведенъ и самый декретъ, который идентиченъ съ тѣмъ же декретомъ, опубликованнымъ въ „Глазномъ зерцалѣ" Рейхлина. Мы знаемъ уже откуда, дулъ вѣтеръ; онъ дулъ изъ Кельна—ибо сомнительно, чтобы Уріелъ въ Майнцѣ держался тѣхъ же взглядовъ (ср. стр 428)—вѣроятно, и изъ *Мюнхена* изъ монастыря кларисъ. Декретъ изданъ въ *Фюсенѣ*, въ Баваріи, ко времени регенсбургскаго имперскаго сейма. Очень возможно, что императоръ посѣтилъ свою сестру въ Мюнхенѣ. Этому соотвѣтствуетъ и сообщеніе Рейхлина (въ его еврейскомъ письмѣ), что абатиса, сестра императора, бросилась съ плачемъ къ его ногамъ и умоляла его издать декретъ объ уничтоженіи еврейскихъ книгъ. Вотъ почему Пф. говоритъ, что ему лишь *съ большимъ трудомъ* удалось добиться новаго декрета. Послѣдній составленъ въ болѣе мягкихъ выраженіяхъ, чѣмъ первые два декрета. Ученые должны высказать свое мнѣніе о томъ, правда ли, что уничтоженіе еврейскихъ книгъ (талмудическихъ и равинскихъ, а не библейскихъ) есть дѣло похвальное, благочестивое и христіанству полезное" Такимъ образомъ, императоръ хочетъ выслушать мнѣнія и другихъ людей, а не только Пф.; между тѣмъ, какъ въ первомъ декретѣ онъ, слѣпо довѣряя Пф., приказалъ, на основаніи одного только пфеферкорнскаго мнѣнія, уничтожить еврейскія книги.

Дальнѣйшія событія извѣстны уже читателю, именно: отзывъ Рейхлина

о Талмудѣ, коварное опубликованіе его доминиканцами и Пфеферкорномъ, Ручное зерцало Пфеферкорна и Глазное зерцало Рейхлина. Отзывъ Рейхлина надѣлалъ столько шуму, что на отзывы четырехъ университетовъ, Гохстратена и Виктора ф. Карбенъ не обратили достаточно вниманія. Тѣмъ не менѣе они очень важны, ибо они свидѣтельствуютъ о томъ, какъ велика была заслуга Рейхлина, высказавшаго справедливое мнѣніе объ еврейской письменности, не только предъ евреями, но и предъ цивилизаціей. Кельнскіе доминиканцы замышляли совершенно устранить еврейскій текстъ Библіи, оставивъ лишь ея латинскій переводъ, Vulgata. Эти отзывы остальныхъ экспертовъ отпечатаны въ Decisiones quatuor Universitatum и въ Defensio contra famosas Пфеферкорна у Бекинга I, стр. 94 и д.

1) *Кельнскій теологическій факультетъ*, подавшій свой *отзывъ* 11 ноября 1510 г. (мѣсяцемъ позже Рейхлина), не приводитъ никакихъ доказательствъ, а просто утверждаетъ: manifestum est, librum Judaeorum-Thalmut-tantos continere nedum errores et falsitates, verum etiam blasphemias et haereses contra legem propriam; поэтому папы Григорій III и Инокентій IV приказали сжечь его (о чемъ ученый факультетъ узналъ изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ, изъ Andreas Novella); у евреевъ имѣются еще и другія грѣховныя книги, поносящія христіанство (ut dicitur, осторожно присовокупляетъ факультетъ), и разрѣшеніе ихъ употребленія противорѣчитъ требованіямъ религіи; можно даже предположить, что и остальныя ихъ книги (кромѣ Талмуда и полемическихъ сочиненій) пропитаны пагубнымъ духомъ; поэтому отобраніе у нихъ всѣхъ ихъ книгъ, кромѣ Библіи ветхаго завѣта, было бы дѣломъ разумнымъ и богоугоднымъ; слѣдуетъ сдѣлать выписки изъ подозрительныхъ еврейскихъ книгъ и запросить о нихъ евреевъ; если послѣдніе найдутъ ихъ еретическими и богохульными, то они не смогутъ противиться тому, чтобы ихъ книги были сожжены; если же они станутъ упорствовать, то императоръ вправѣ осудить евреевъ. Факультетъ присовокупляетъ еще въ своемъ отзывѣ для Уріела, совершенно въ духѣ Пфеферкорна, что евреи должны быть ограничены во взиманіи процентовъ и принуждены заниматься ремеслами, носить особые значки и выслушивать христіанскія проповѣди. Въ посланіи къ императору кельнскій факультетъ горячо рекомендуетъ ему Пф., котораго преслѣдуютъ евреи, и атестуетъ его, какъ наиправовѣрнаго и ревностнаго христіанина.

2) *Отзывъ инквизитора Гохстратена* отъ 9 октября 1510 г. кажется какъ бы отголоскомъ факультетскаго отзыва или, вѣрнѣе, основу его, такъ какъ Гохстратенъ высказалъ свое мнѣніе раньше факультета. Въ своемъ посланіи къ Уріелу онъ ссылается на отзывъ факультета. Но въ посланіи къ императору онъ развиваетъ яснѣе мысль, о которой онъ Уріелу лишь намекаетъ, о необходимости *введенія инквизиціи противъ евреевъ*. Гохстратенъ заключаетъ свое посланіе указаніемъ, которое и Пф. неустанно повторялъ, на то, что отмѣна конфискаціи Талмуда очень повредитъ христіанству.

3) *Майнцскій теологическій факультетъ*, въ отзывѣ отъ 31 октября 1510 г., своеобразно разсуждаетъ такъ: если каноническіе законы запрещаютъ свѣтской власти (terreno principi) принудить евреевъ къ крещенію, то это относится лишь къ насильственному крещенію; но свѣтскій монархъ вправѣ употребить всѣ средства къ тому, чтобы устранить препятствія, мѣшающія переходу евреевъ въ христіанство; главнымъ такимъ препятствіемъ является талмудическая письменность, которая не только содержитъ

множество заблужденій и искажаетъ смыслъ свящ. Писанія, но даже находится въ противорѣчіи со старыми талмудическими сочиненіями, написанными до Рождества Христова; поэтому слѣдуетъ отобрать у евреевъ эти книги; но можно уже заранѣе сказать, что и всѣ другія книги, а также оригинальный текстъ Библіи искажены евреями въ смыслѣ внесенія туда ереси; поэтому, слѣдуетъ отобрать у нихъ и передать инквизиціи *всѣ* ихъ книги не исключая и *Библіи;* инквизиція должна разсмотрѣть эти книги и, если найдетъ ихъ еретическими, должна поступить съ ними, какъ съ другими сочиненіями еретиковъ; лица, владѣющія такими книгами, тоже должны быть наказаны; вообще было бы цѣлесообразно каждыя десять лѣтъ поручать инквизиціи просмотръ еврейскихъ книгъ. Майнцскій факультетъ восхваляетъ императора, предпринявшаго такое богоугодное дѣло, и увѣщеваетъ его продолжать начатое, дабы способствовать этимъ обращенію евреевъ въ христіанство. И майнцскій университетъ тоже рекомендуетъ императору Пф-на и проситъ его взять этого образцоваго и ревностнаго христіанина подъ свою защиту.

4) *Отзывъ эрфуртскаго факультета* гласилъ такъ же, какъ и отзывы предыдущихъ факультетовъ, но, вслѣдствіе военныхъ смутъ, онъ прибылъ слишкомъ поздно. Всего разумнѣе отозвался *гейделбергскій* университетъ, который рекомендовалъ императору созвать ученыхъ отъ всѣхъ нѣмецкихъ университетовъ для зрѣлаго обсужденія вопроса о Талмудѣ. Отзывъ *Виктора изъ Карбена,* въ виду его чрезмѣрной распространенности, не былъ сообщенъ Пфеферкорномъ. Этотъ отзывъ совпадалъ, вѣроятно, съ мнѣніемъ кельнскаго факультета, такъ какъ Карбенъ находился подъ ихъ полнымъ вліяніемъ.

Дальнѣйшій ходъ спора, въ особенности судьба рейхлиновскаго отзыва до того времени, покуда послѣдній попалъ въ руки императора, тоже до сихъ поръ не изложены на основаніи источниковъ. Пфеферкорнъ сообщаетъ объ этомъ (Defensio conta famosas у Бекинга, стр. 101: ни онъ, ни кто-либо другой не нарушилъ тайны и архіепископъ Уріелъ считалъ отзывъ Рейхлина нелѣпымъ вздоромъ и выразился насмѣшливо по поводу этого, благопріятнаго для евреевъ или, вѣрнѣе, для Талмуда, отзыва: quod habuerit (Reuchl.) Judaicum nequam post aures suas sedentem; онъ разрѣшилъ Пфеферкорну взять изъ канцеляріи этотъ отзывъ, коимъ забавлялись писари; Уріелъ передалъ ему этотъ отзывъ и отзывы другихъ факультетовъ вмѣстѣ съ препроводительнымъ письмомъ, въ которомъ онъ выражаетъ свое согласіе съ отзывами изъ Кельна и Майнца. Посланіе Уріела сообщено тамъ же стр. 103 и д., но оно подозрительно въ виду даты: die Martis post festum Simonis et Judae 1510, т. е. *29 октября,* ибо къ тому времени большинство отзывовъ еще не было закончено. Пфеферкорнъ, очевидно, стремится выставить архіепископа Уріела единомышленникомъ кельнцевъ. Уріела въ то время уже не было въ живыхъ, и потому ему можно было приписать все, что заблагоразсудится. Я не знаю, насколько достовѣрно сообщеніе, будто императоръ передалъ всѣ полученные отзывы комисіи, состоявшей изъ 3 членовъ, а именно изъ духовника императора, *картезіанскаго монаха, Георга,* и правовѣда *Геронима Балдунга,* которые якобы одобрили мнѣніе кельнскаго и майнцскаго факультета (т. же 104 и слѣд.). Относительно *Балдунга* сообщеніе, вѣроятно, ложно. Ибо онъ позже очень интересовался судьбою Рейхлина и, слѣдовательно, принадлежалъ къ числу гуманистовъ. Въ одномъ пунктѣ Пф., несомнѣнно, исказилъ истину. Онъ влагаетъ въ уста императора оскорбительныя для Рейх-

лина слова, будто послѣдній написалъ свой отзывъ, будучи подкупленъ евреями. Эти слова произнесъ будто бы императоръ; между тѣмъ самъ Пф. въ другомъ мѣстѣ приписываетъ эти слова картезіанскому монаху, *Георгу* (mitleidige Klag): „Ты (Рейхлинъ) писалъ свой отзывъ красной краской или красными чернилами". Онъ, повидимому, такъ выразился. Ибо не даромъ Рейхлинъ, возмущенный обвиненіемъ въ продажности, говоритъ въ „*Глазномъ зерцалѣ*": „Кто это обо мнѣ утверждаетъ, тотъ лжетъ, *хотя бы онъ былъ благочестивъ, какъ картезіанскій монахъ*" Сомнительно также другое сообщеніе, приводимое Пф. (въ Defensio contra famosas, стр. 108), будто императоръ 13 янв. 1511 г. писалъ изъ Фрейбурга архіепископу Уріелу, что онъ намѣревается предложить вопросъ о конфискаціи Талмуда на обсужденіе имперскаго сейма.

Отношеніе императора къ этому дѣлу заслуживаетъ быть подробно изслѣдованнымъ, ибо монографіи лишь слегка касаются этого вопроса. Мы уже видѣли, что онъ въ началѣ три раза измѣнялъ свое мнѣніе. Прежде всего онъ снабдилъ Пфеферкорна разрѣшеніемъ самолично конфисковать еврейскія книги; затѣмъ онъ поручилъ это дѣло Уріелу; послѣ онъ приказалъ вернуть евреямъ отобранныя у нихъ книги; наконецъ, онъ потребовалъ отзыва о томъ, является ли конфискація похвальнымъ и богоугоднымъ дѣломъ. Потомъ онъ еще нѣсколько разъ измѣнялъ свое мнѣніе. Когда онъ получилъ извѣстіе о памфлетѣ Пфеферкорна противъ Рейхлина, Ручномъ зерцалѣ, онъ словами и жестами выразилъ свое негодованіе (Рейхлинъ, Defensio contra calumniatores, стр. 56). Тѣмъ не менѣе онъ 7 октября 1512 г. воспретилъ продажу Глазного зерцала Рейхлина, такъ какъ, по свидѣтельству одного лишь Пфеферкорна, тамъ сказано многое въ пользу евреевъ. Когда вскорѣ послѣ этого Рейхлинъ посвятилъ императору свою „защиту отъ кельнскихъ клеветниковъ", послѣдній написалъ ему успокоительное письмо, обѣщая поддержать его. По крайней мѣрѣ, такъ сообщилъ Рейхлину тайный секретарь императора, *Яковъ Шпигель* (сборникъ писемъ II, предпослѣдній № передъ еврейскимъ посланіемъ). И въ то же время императоръ будто осудилъ эту „защиту" въ своемъ посланіи изъ Кобленца отъ 9 іюля 1513 г., такъ какъ Рейхлинъ задѣлъ честь кельнцевъ и особенно Арнольда изъ Тонгерна (Пфеферкорнъ, Defensio contra famosas B, стр. 129 и д., также въ его Набатѣ).

Мейнерсъ, который, правда, не былъ знакомъ съ этими императорскими посланіями въ оригиналѣ, а только прочелъ кое-что о немъ въ vita Reuchlini Маюса, считалъ его недостовѣрнымъ. Онъ писалъ (въ жизнеописаніи Рейхлина, стр. 144, примѣч.): „При неизмѣнной милости, которую императоръ всегда проявлялъ къ Рейхлину, совершенно невѣроятно, чтобы Максимиліанъ воспретилъ продажу сочиненій Рейхлина противъ кельнцевъ. Въ дальнѣйшемъ мы приведемъ нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ, что Гохстратенъ позволяетъ себѣ грубѣйшіе подлоги, публичныхъ и судебныхъ документовъ". Однако, хотя и вѣрно, что ученые теологи и благочестивые кельнскіе доминиканцы со всей своей кликою и позволяли себѣ совершать in majorem Dei gloriam подлоги, и вообще ихъ наглость не признавала никакой морали,—все же немыслимо, чтобы они осмѣлились еще при жизни императора опубликовать поддѣльныя посланія отъ его имени. Къ тому же Рейхлинъ самъ свидѣтельствуетъ объ императорскомъ посланіи, направленномъ противъ Глазного зерцала (въ письмѣ къ Викту отъ апрѣля 1514 г. у Фридлендера, Beiträge стр. 131). Рейхлинъ обрадовался тому,

что императоръ не приказалъ сжечь Глазное зерцало, а только, подъ давленіемъ монаховъ, воспретилъ его продажу, и успокоился на этомъ тонкомъ различіи; мы же видимъ тутъ лишь неустойчивость императора. Въ Acta judiciorum (стр. 121) также указывается на посланіе императора, воспрещающее продажу Глазн. зерцала и Defensio contra calumniatores. Эти колебанія императора объясняются его неустойчивымъ характеромъ, и Рейхлинъ справедливо отозвался о немъ: qui rectus est, non rexit. Поэтому онъ то уступалъ нетерпимому, озлобленному и назойливому Пфеферкорну, своей сестрѣ, Кунигундѣ, своему духовнику, Георгу, и вообще партіи доминиканцевъ, то поддавался вліянію гуманистовъ. Пфеферкорнъ хвастался тѣмъ, что императоръ запросто обращался съ нимъ и убѣждалъ его потерпѣть немного (Defensio contra famosas № 3). Между тѣмъ имѣется письмо этого императора къ папѣ (отъ 23 октября 1514 г.), въ которомъ онъ не только рѣшительно высказывается въ пользу Рейхлина и его сочиненій, но клеймитъ кельнскихъ доминиканцевъ такъ же, какъ и Рейхлина. Это неустойчивое и противорѣчивое отношеніе императора къ столь возбуждавшему страсти вопросу о томъ, отобрать ли у евреевъ Талмудъ, было весьма важнымъ моментомъ въ развитіи этого вопроса, много способствовавшимъ появленію реформаціи. Противоположныя теченія, которыя увлекали за собой императора и папу (Левъ X проявилъ такую же неустойчивость), создало кружокъ гуманистовъ, побудивъ его къ самозащитѣ. Если императоръ и папа, слѣдуя совѣту Пфеферкорна, рѣшительно и энергично преслѣдовали бы Талмудъ и, какъ это было въ прежнія времена, сжигали бы его массами, то это коснулось бы однихъ лишь евреевъ; если же они съ самаго начала энергично подавили бы фанатическія и своекорыстныя посягательства доминиканцевъ на религіозную свободу евреевъ, то все это дѣло было бы въ зародышѣ подавлено. Только колебанія свѣтскихъ и церковныхъ властей, поддерживавшихъ то одну, то другую сторону, способствовали образованію и укрѣпленію общественнаго мнѣнія.

Та же необдуманность видна и въ письмѣ императора, написаннаго въ іюнѣ 1513 г. съ цѣлью прекратить споръ. Несмотря на декретъ императора, Гохстратенъ началъ въ сентябрѣ того же года скандальный процесъ противъ Рейхлина, чѣмъ еще болѣе воспламенилъ страсти и вражду. Нарушилъ ли кельнскій инквизиторъ приказъ императора? Нисколько, ибо Максимиліанъ приказалъ молчать *только* лишь Рейхлину и Пфеферкорну. Въ виду этого Гохстратенъ, которому императоръ ничего не воспрещалъ, считалъ себя вправѣ возбудить противъ Рейхлина обвиненіе въ ереси. Рейхлинъ сразу замѣтилъ этотъ пробѣлъ въ декретѣ и справедливо опасался, что доминиканцы все же выступятъ противъ него.

О дальнѣйшемъ ходѣ событій, о вспыхнувшей открытой войнѣ между Рейхлинымъ и доминиканцами, объ инквизиціонномъ судѣ въ Майнцѣ, о приговорѣ въ Шпейерѣ и судѣ въ Римѣ, ничего новаго сказать нельзя. Нужно еще только разобрать вопросъ о времени, къ которому относятся письмо Рейхлина къ Боне де-Латъ и Epistolae obscurorum virorum, сыгравшія также важную роль, ибо, благодаря своему антиклерикальному и даже антихристіанскому направленію, они доставили партіи доминиканцевъ новые голоса въ такъ называемой священной колегіи.

Это малоизвѣстное письмо Рейхлина, который проявилъ тутъ въ равинскомъ стилѣ большую искусность, чѣмъ въ классически-библейскомъ, не

помѣчено никакой датой. Рейхлинъ сообщаетъ въ этомъ письмѣ еврейскому лейбъ-медику папы о ходѣ всего спора, начиная съ того, какъ доминиканцы стали упрашивать императора уничтожить еврейскія писанія, и кончая тѣмъ, какъ Пфеферкорнъ выступилъ противъ него и какъ доминиканцы объявили его еретикомъ. Онъ сообщаетъ ему также, что апеллировалъ къ папѣ, но опасается, что папа поручитъ изслѣдованіе этого дѣла комисіи, которая будетъ судить его въ чужомъ приходѣ, или, другими словами, что кельнскіе доминиканцы будутъ судить его. Поэтому онъ, ссылаясь на услуги, оказанныя, имъ евреямъ, проситъ Боне де Латъ повліять на папу въ томъ смыслѣ чтобы судъ надъ его сочиненіями происходилъ въ его приходѣ. Этому письму вполнѣ соотвѣтствуетъ статья, находящаяся въ epistolae illustr. virr. Рейхлина. Онъ самъ называетъ ее ad perpetuam . . . memoriam. И письмо, и статья заслуживаютъ быть дословно приведенными.

A. Письмо.

לאדוני שיושב בשבת תחכמונים המאור הגדול עמוד גולת אריאל בהיר הוא בשחקים רופא מומחה א"מ מזל טוב בל"עז בוניטו במדינת רומי הגון רופא פיפיור.

אחרי דרך מבא הבאים בשערי הקידה נכנסים בשלום ויוצאים בשלום גם אני הצעיר החותם בשולי היריעה המשתחוה אפים ארצה כי אין ממנו למטה.

אדוני אחרי שלומות רבות ורשות מוכרע מפני קוצר לשוני ומעוט שכלי באתי להודיע למעלת כבודו איך תוך שני שנים הקיסר אדונינו יר"ה ירד לעיר קלוניאה מקום שיש לשם ישיבה גדולה באמונתינו וחכמים גדולים בחכמת האלהות ובאו כולם אגודה אחת נבהלים ונחפזים נאנחים ובוכים קוראים בקול גדול: הושיעה המלך וקיסר הנה במלכותך ישנו עם אחד מפוזר ומפורד ודתיהם שונות מכל עם וזה על ידי ספרי התלמוד שבידם, שבאותם הספרים כתוב באופן זה כמה חירופים וגידופים וקללות ותפלות נגד אמונתינו ואדוני האמנה פיפיור והגמונים חכמים גלחים וכומרים. ולא על זה לבד כי אם על הקיסר ומלך ושרים ופחות וכל אומה ועם שלנו וזה בכל יום ויום הם מתפללים ומקללים כמו שאמרתי וכל זה עבור ספרי התלמוד. ועוד רעה גדולה יותר שיש לנו לשום על נפשינו שאם לא היו ספרים אלו היה האמנה כולה אחת וכלם יהיו מאמינים בישו משיח שלנו רק אותם הספרים לבד מדיחים אותם מדרך ישרה. לכן למלך אין

B. Promemoria.

Ad perpetuam calumniae memoriam a theologistis et fratribus Coloniensibus mihi Joanni Reuchlin turpiter illatae.

ידוע לכל כי תוך שנים לא רבים הקיסר מכסימיליאן אדונינו ז"ל ירד לעיר קולוניאה מקום שיש לשם ישיבה גדולה באומתינו וחכמים גדולים בחכמת האלהות ובאו כלם אגודה אחת נבהלים ונחפזים נאנחים ונבוכים קוראים בקול גדול. הושיעה המלך וקיסר הנה במלכותך ישנו עם אחד מפוזר ומפורד ודתיהם שונות מכל עם וזה ע"י ספרי התלמוד שבידם ושבאותם הספרים כתוב באופן זה כמה חירופים וגידופים וקללות ותפלות נגד אמנתינו ואדוני האמנה אפיפיור הגמונים חכמים גלחים וכומרים. ולא על זה לבד כי אם על הקיסר ומלך ושרים ופחות וכל אומה ועם שלנו וזה בכל יום הם מתפללים ומקללים וכו' עבור ספרי התלמוד. ועוד

А. Письмо.

שוה להניחם ולכן אנו מיעצים לפי סוד אמנתינו ובתי תפילתינו וגם מזהירים שכל ספרי היהודים אם על הקיסר טוב יכתב ללקחם ולהביאם לאוצרי הקיסר ומלך ביד שר אחד ממונה על זאת ואחר כך כולם יתנו לשריפת אש לבד עשרים וארבעה שהם עיקר הורתינו אבל כל ספרי תלמוד ישרפו בנו נורא יקידתא כדי שלא יהא להם סבה לקלל מלכינו ולך קיסר ארונינו וכל בני עמינו גם לחרף ולגדף אלהינו ובתי תפילתינו. ועוד עבור סבה אחרת גדולה מכל אלו כדי שיוכלו כולם לקרא בשם אחד אחר שריפת כל אלו הספרים שהם מסך מבדיל ביניהם ובין אמנתינו ולכן אינם מכירין בוראינו: וכל זה עשה וסיבב אחד מבני עמכם שחזר לדתיכם (?) כמו שנאמר ממך יצא חושב על ד׳ רעה יועץ בליעל גם כמו שנאמר מהרסיך ממך יצאו. וזה המשומד כמו שאתם קוראים בלשונכם היו לו כמה אגרות משרים והגמונים ובלבד מכומרית אחת אחות ארונינו הקיסר יר״ה ולא לבד אגרתה רק בעצמה הלכה לפני הקיסר אחיה ונפלה ארצה ובכתה לפניו ואמרה: ארוני אחי עמוד עולם ומושל בגוים! עליך כל חטאים ופשעים שנעשים על ידי אלו הספרים מפני שבידך יש למחות ואינך מוחה. מה עדות יותר אתה צריך כי אם מאדם זה שהוא היה מאמנתם ויודע כל ספרי התלמוד. לכן ארוני אני אבקש ממעלתך כדי שיהיה לך שם בגוים ומלכים וקיסרים שהיו לפניך בשתעשה זאת ובמה יודע אתה נאמן ואדיק באמנתינו רק אם תעשה זאת כי יהיה טוב בעיני אלהים ואדם. לכן יכתב שבכל מקום ומקום שאותם ספרי התלמוד ימצאו ללקחם ולשרפם מפני סבות שאמרתי. ועתה ארוני עבור כל כך אזהרות ובקשות ותחינות ציוה ללקוח אותם הספרים ולהביאם אל גנזי המלך ונלקחו. אחר זה אמר הקיסר שרוצה ליקח עצה מה לעשות מספרים אלו. וכן עשה ואחר עצהו כתב לי אגרת חתומה והשביעני על מאמר גזירת הקיסר והמלכות שאני אהיה מבחין וחוקר ודורש בספרים אלו אם כאילו נמצאת בהם אם לאו. ואני לפי מיעוט שבלי וקוצר השגתי לפי מה שחנני הש״י על ידי טורח גדול שלמדתי ועיינתי בספרים אלו עבור חשק ואהבה שהיה לי כל ימי ללמוד ולקראת בספרי לשון הקודש הרגלתי והשגתי

Promemoria.

רעה גדולה יותר שיש לנו לשום על נפשינו שאם לא היו ספרים אלו היה האמונה כולה אחת וכולם יהיו מאמינים בישו משיח שלנו. רק אותם הספרים מדיחים אותם מדרך ישרה לכן למלך אין שוה להניחם ולכן אנו מיעצים לפי סוד אמנתינו ובתי תפילתינו וגם מזהירים שכל ספרי היהודים אם על הקיסר טוב יכתב ללקחם ולהביאם לאוצרי הקיסר ומלך ביד שר אחד ממונה על זאת ואח״כ כלם יתנו לשריפת אש לבד עשרים וארבעה שהם עיקר הורתינו אבל כל ספרי תלמוד ישרפו בנו נורא יקידתא כדי שלא יהיה להם סבה לקלל מלכינו ולך קיסר ארוננו וכל בני עמנו גם לחרף ולגדף אלהינו ובתי תפילתינו. ועוד עבור סבה אחרת גדולה מכל אלו כדי שיוכלו כולם לקרא בשם אחד אחר שריפת כל אלו הספרים שהם מסך מבדיל ביניהם ובין אמתינו ולכן אינם מכירים בוראנו: לכן יכתב שבכל מקום ומקום שאותם ספרי תלמוד ימצאו ללקחם ולשרפם מפני סבות שנאמרו. אחר זה אמר הקיסר שרוצה ליקח עצה מה לעשות מספרים אלו וכן עשה ואחר עצתו כתב לי אגרת חתומה שאני יוחנן רוחלין אהיה מבחין וחוקר ודורש בספרים אלו אם כאלו נמצאו בהם אם לאו. ואני לפי מיעוט שכלי וקוצר השגתי לפי מה שחנני השם ע״י טורח גדול שלמדתי ועיינתי בספרים

А. Письмо.

וכתבתי והשיבותי למאמר הקיסר שאני לא ידעתי ולא שמעתי מספרי התלמוד מאלו הדברים וכו' רק שספרי תלמיד יהיו נחלקים לדינים ולחוקים ואגדות וכל מי שיאמין יאמין וכו' ואם ימצאו כדברים האלו שאותו המשומד מדבר אותו הספר או ספרים ישרף או ישרפו כי יש כמה ספרי קבלה וספרים אחרים נכבדים שיהיה הפסד גדול לשורפם. וכל מה שאותו המשומד אמר, אמר רק להכעים ולהרשיע. ואחר שאדונינו הקיסר יר"ה קרא סברתי וכונתי ציוה אותם הספרים הנלקחים להשיבם לידי אדוניהם: והנה אדוני כשאותו המשומד וחכמי ישיבת קולוניאה ראו שעל ידי עצתי נתבטלו עצתם צעקו בקול גדול לאמור שאני מין ואפיקורוס באמנתינו וכופר בעיקרינו. ולא די להם שצעקו ברבים אלא שאותו המשומד ועם הארץ הדיוט גמור כתב עלי ספר אחד שהוא נגד כבודי ואמונתי בכמה טעיות וכזבים. ואותם חכמי אותה הישיבה כתבו עלי גם כן ספר אחד ושלחו לרבים בכל מקום כדי לפרסם הדבר נגד כבודי ואמונתי ופרסמו זה הדבר לפני חוקי האמנה והלשינו עלי. ואני פעם אחרת כתבתי עבור כבודי ספר אחד בלשון אשכנז וחלקתי תשובתי בכמה פנים ונתתי טעם לדברי ורצו לשרוף אותו הספר שחברתי כשראו שלא יכלו להבאיש ריחי בעיני חוקרי האמנה לשרוף ספרי וגם לקרא ברבים ממני כמו שכתבתי ושאני נתתי עצמי ועצתי תחת משפט הפיפיור בדבר זה ולא היה להם יכולת לעשות אי זה דבר נגדי כתבו עלי ספר גדול ושלחו אותו ברבים כדי לקללני בעיני אלהים ואדם. ולכן אדוני מפני שאני ירא שהם ידרשו אותי למשפט חוץ ממקומי ומדינתי ויהי פיזור גדול בדבר מחלה אני פניך הנעימים מאחר ששמעתי מעלת כבודו תמיד בחדרי הפיפיור אף כי גופו הקדוש נתן ביד חכמתך מבקש אני ממעלת כבודך שתשתדל לי מאת הקדושת הפיפיור אדונינו שלא יהיה להם יכולתם או רשותם להכריחני לבוא לפני דין אחר חוץ משופטי מדינתי כמו שנמצא בחוקים ונימוסים שלנו ואם א"חכ ירצו לבוא לפני קדושת אדונינו הפיפיור לכל אני מזומן להשיב להם ולישר דבר על אופנו. אבל לבוא לקולוניאה למשפטם או בקרוב ועליהם זה איני ישר בעיני וגם אינו דין

Promemoria.

אלו עבור חשק ואהבה שהיה לי כל ימי ללמוד ולקראת בספרי לשון הקודש הרגלתי והשנתי וכתבתי והשבותי למאמר הקיסר שאני לא ידעתי ולא שמעתי מספרי תלמוד מאלו הדברים וכו' רק שספרי תלמוד יהיו נחלקים לדינים וחוקים ואגדות וכל מי שיאמין יאמין וכו' ואם ימצאו כדברים האלו שאותו פלפל בלבל עם כומריו אותו הספר או ספרים ישרף או ישרפו כי יש כמה ספרי קבלה וספרים אחרים נכבדים ולא לשרפם. ואחר שארוננו הקיסר ז"ל קרא סברתי וכונתי ציוה אותם הספרים הנלקחים להשיבם לידי אדוניהם. והנה כשאותו פלפל וחכמיו ישיבת קולוניא ראו שעל ידי עצתי נתבטלה עצתם צעקו בקול גדול לאמר שאני מין ואפיקורוס באמונתינו וכוחש בעיקרינו ולא די להם שצעקו ברבים אלא אותו המשומד פלפל עם הארץ הדיוט גמור כתב עלי ספר אחד שהוא נגד כבודי ואמנתי בכמה טעיות וכזבים. ואותם חכמי אותה הישיבה כתבו עלי ג"כ ספר אחד ושלחו לרבים בכל מקום כדי לפרסם הדבר נגד כבודי ואמנתי ופרסמו זה הדבר לפני חוקר האמנה. ואני פעם אחרת כתבתי עבור כבודי ספר אחד בלשון אשכנז וחלקתי תשובתי בכמה פנים ונתתי טעם לדברי ורצו לשרוף אותו הספר שחברתי וכשראו שלא יכלו להבאיש ריחי בעני האפפיור הגמונים וחכמים אחרים

А. Письмо.

שבראשונה ח״ץ למדינתי אצא למשפט ולדין ובזה ארע כי מצאתי חן בעיני מ״כ ושלא לחינם עמלתי והשתדלתי בדבר זה והייתי סבה שלא נשרפו כל ספרי תלמוד באשכנז כי בודאי אני יודע ומאמין שכל מה שאמרו והוציאו דיבה על ספרים אלו הכל עשה ועשו כדי להראות ברבים וכו׳ לכן אני מבקש ומתחנן כמו שאמרתי שלא תחזור בקשתי חינם אחר שבידך יש יכולת לעשות זה ויותר. ובמה שאוכל במדינתי לשרת מ״כ או אחרים עבור מ״כ אעשה בלב שלם וברצון טוב ובנפש חפצה כי מ״כ יש לצוות ועלי למלאות. זה יודע האל המיוחד שתמיד יקיים מ״כ עם חוסי צילך בקו היושר כרצונך ורצון אהובך החותם בשולי היריעה.

תמיד מבקש אהבתך ומזומן
למאמר כבודך הקטן בגוים
יוחננים רוחילין מפורצעם
דוקטור.

Promemoria.

לשרוף ספרי וגם לקרא לרבים ממני כמו שכתבתי ושאני נתתי עצמי ועצתי תחת משפט האפיפיור בדבר זה ולא היה להם יכולת לעשות איזו דבר נגדי כתבו עלי ספר גדול מלא דבר שוא וכזב ושלחו אותו ברבים כדי לקללני בעיני אלהים ואדם כי הייתי סיבה שלא ישרפו כל ספרי תלמוד באשכנז: ואתה יהוה אדני עשה אתי למען שמך כי טוב חסדך תצילני יקללו המה ואתה תברך יקומו ויבושו.

Это Ad memoriam или Promemoria было либо наброскомъ для письма къ Боне де Латъ, либо копіей его, которую онъ съ пропускомъ нѣкоторыхъ мѣстъ передалъ для напечатанія въ epistolae illustr wirr. Бекингъ (дополн. II. 131) полагаетъ, что письмо Рейхлина къ Б. де-Л. относится ко времени между апрѣлемъ и маемъ 1514 г., т. е. между окончаніемъ процеса въ Майнцѣ и приговоромъ въ Шпейерѣ (29 марта 1514 г.). Но это невѣрно. Въ письмѣ нѣтъ и намека на то, что его сочиненія уже подверглись инквизиціонному суду. Напротивъ, Рейхлинъ во вступленіи говоритъ, что весь этотъ споръ о конфискаціи начался два года тому назадъ תוך שני שנים; это означало бы 1511 или 1512 г. Въ концѣ письма Рейхлинъ говоритъ о сочиненіи Пф., направленномъ противъ его отзыва (очевидно, о Ручномъ зерцалѣ), далѣе о своемъ сочиненіи на нѣмецк. языкѣ, которое доминиканцы провозгласили еретическимъ (несомнѣнно, о Глазномъ зерцалѣ), и затѣмъ объ обширномъ сочиненіи доминиканцевъ противъ него: כתבו עלי ספר גדול ושלחו אותו ברבים כדי לקללני. Подъ послѣднимъ могутъ подразумѣваться только лишь Articuli sive praepositiones Тонгерна отъ августа 1512 г. Такимъ образомъ онъ въ своемъ письмѣ упоминаетъ лишь о событіяхъ, происшедшихъ до августа 1512 г., именно: вслѣдствіе этихъ клеветническихъ сочиненій, онъ подчинился приговору папы и проситъ поэтому Б. де-Л. настроить папу въ его пользу такъ, чтобъ слѣдствіе быо назначено въ Германіи (не въ Римѣ), но не въ кельнскомъ приходѣ, гдѣ его враги могутъ добиться несправедливаго приговора. Отсюда явствуетъ, что это письмо было составлено еще до майнцскаго процеса, до сентября 1513 г.

Что касается до epistolae obscurorum virorum, то дата ихъ появленія тоже должна быть исправлена. До сихъ поръ критика приходила къ выводу, что первыя письма мракобѣсовъ, появившіяся, какъ извѣстно, безъ даты, были опубликованы лишь въ 1516 г,; такого мнѣнія придерживается Штраусъ. Мейнерсъ и другіе считали даже, что письма появились лишь въ 1517 году. Только Фонъ-деръ-Гардтъ отнесъ ихъ появленіе къ 1515 г., но не

привелъ никакихъ доказательствъ. Бекингъ установилъ дату конца 1515 г. и начала 1516 г. (дополн. II, стр. 138). Дата можетъ быть установлена на основаніи Defensio contra famosas epistolas Пфеферкорна. Этотъ памфлетъ былъ закончeнъ уже въ августѣ 1516 г., и въ немъ сказано (M. 4, у Бекинга, I, стр. 159): Impressae sunt igitur intra annum et silentii tempus epistolae aliquot famosissimae et infames, quae obscurorum virorum inscribuntur. Слѣдовательно, они появились въ теченіе года, предшествовавшаго августу 1516 г. Изъ другого мѣста явствуетъ даже, что слухъ о письмахъ мракобѣсовъ распространился уже въ маѣ 1515 г. Пф. цитируетъ тамъ же (L. 4, у Бекинга, тамъ же стр. 151) посланіе левенскаго теологическаго факультета къ папѣ, помѣченное decimo Kal. Junias=23 мая. Правда, годъ тамъ не указанъ, но вѣроятно, что это письмо, какъ предыдущій и послѣдующій документы, относится къ 1515 г. Тутъ высказывается жалоба на „пасквили съ собачьимъ юморомъ и змѣиной ядовитостью“ противъ теологическаго факультета и професоровъ (Гохстратена, Фонъ Тонгерна и Ортуина Грація); развѣ тутъ не идетъ рѣчь объ epistolae obscurorum virorum? Интересно, что левенцы говорятъ лишь о слухѣ о нихъ; они тогда еще не читали ихъ. Но кельнскіе гуманисты, Фонъ д. Бушъ и Нюнаръ, вѣроятно, уже говорили о нихъ, либо потому, что „письма“ были уже въ ихъ рукахъ, либо потому, что получили свѣдѣнія о ихъ скоромъ опубликованіи. Такимъ образомъ, epistolae obscurr. virr. должны быть отнесены ко времени до мая 1515 г.

3.

Лжемесія Ашеръ Лемлейнъ.

Свѣдѣнія объ этомъ лжемесіи начала XVI вѣка до сихъ поръ черпались изъ второстепенныхъ источниковъ; поэтому дата, относящаяся къ его появленію, была недостаточно прочно установлена. Іосифъ Когенъ, свѣдѣнія коего всегда являются надежнымъ источникомъ, относитъ въ своей хроникѣ этотъ фактъ къ 1501 г., а въ Emek ha-Bacha (стр. 93.) ко времени между 1496 и 1509 годами; Гедалья ибнъ-Яхія устанавливаетъ (въ Schalschelet, стр. 34) дату 1500; къ этому же году относитъ появленіе лжемесіи и Давидъ Гансъ (въ Zemach Dawid I). Но изъ сообщеній современниковъ, на которыя до сихъ поръ не обратили вниманія, явствуетъ съ несомнѣнностью, что появленіе Лемлейна относится къ 1502 г. Первый источникъ это *Авраамъ Фарисоль*, авторъ апологетическаго и полемическаго сочиненія מגן אברהם (имѣется лишь въ рукописи). Послѣ того, какъ Фарисолъ изобразилъ нѣсколько псевдо-месіанскихъ движеній и ихъ исходъ, онъ продолжаетъ: ואף גם היום בימי ובפני ולעיני בגלילות הלזו גלילות איטאליאה במחוז ויניציאה קם איש הבינים ממערכת אשכנז שמו ר׳ אשר לימלי ובאמצעות תלמידיו המעה הגליל בביאת המשיח הגואל והיה משמיע להאמין כבר בא. והכנים רוב גלות אדום בתשובה רבה ובהאמנה בו ובהקדמותיו ובדבריו ושהגואל בא. ולבסוף היה הכל הבל. וזה היה לפני ואני עד בשנת ר״ס״ב לאלף הששי פה פיראררה.

Другой источникъ—Пфеферкорнъ. Въ своемъ первомъ сочиненіи, направленномъ противъ евреевъ, „Зеркалѣ евреевъ“ или speculum hortationis judaicae отъ 1507 г. (см. выше стр. 423), онъ приводитъ обширный отзывъ о Лемлейнѣ (въ лат. изданіи, Pars I, л. C 3 . Хотя Пф. и былъ клеветникомъ и лжецомъ, но его сообщенія настолько совпадаютъ со свѣдѣніями другихъ источниковъ, что въ достовѣрности его указаній о Лемпейнѣ нельзя сомнѣваться. Такимъ образомъ, двое современниковъ свидѣтельствуютъ о томъ, что месіанское дви-

женіе, вызванное Лемлейномъ, относится къ 1502 году. Это подтверждается и Себастьяномъ Мюнстеромъ въ еврейскомъ предисловіи къ его изданію Библіи и въ его תורת המשיח, гдѣ онъ говоритъ: והלא אתם בשנת רס״ב לפ״ק עשיתם תשובה בכל מושבותיכם (H. Брюлъ, Jeschurun IV. 205, и Perles, Beiträge 41). Въ большинствѣ источниковъ указано, что онъ дѣйствовалъ въ *Истріи* или въ *области Венеціи.* Указанная Пфеферкорномъ мѣстность, Галія, представляетъ собой либо опечатку либо неточное сообщеніе. Противъ Ашера Лемлейна выступилъ съ полемикой *Іосифъ ибнъ-Саргу* (Perles, Beiträge, 41) כללים מתחכם ר׳ יוסף אבן שרגא שעשה תשובות על אשר המתנבא. эта полемика находится въ Bodleiana (Cod. Ms. № 16634).

4.

Къ исторіи изгнанія евреевъ изъ Регенсбурга (1519 г.) и Антонъ Маргарита.

Двое современниковъ, совершенно различные по своему характеру, единодушно указываютъ, какъ на причину изгнанія евреевъ изъ Регенсбурга, на раздоры и дрязги, царившіе въ послѣдніе годы до изгнанія въ дотолѣ миролюбивой регенсбургской общинѣ. Этими свидѣтелями являются безсовѣстный выкрестъ, *Антонъ Маргарита*, и честный, безстрашный, неутомимый, всегда стремившійся ко благу своихъ дальнихъ и близкихъ единовѣрцевъ, Іоселинъ (Іоселманъ изъ Росгейма). Послѣдній пишетъ въ своемъ сборникѣ ספר המקנה (Mr. Bodl. 2240, напечатано Letterbode, driemaandelijksch Tijdschrift, годъ X, 1880 —81, стр. 137): ראה על החורבן רעגינשבורק ההתחלה אינה אלא בסיבת שני מוסרים. Первый пишетъ („Вся еврейская вѣра", изд. 1530, К. 3). „Евреи изъ Регенсбурга были изгнаны за то, что среди нихъ возникли раздоры; ибо, если бы они были единодушны, то они бы предупредили изгнаніе". Раздоры возникли, по указанію Іоселина, изъ-за двухъ измѣнниковъ (מוסרים), которыхъ онъ не назвалъ. Но имя одного изъ нихъ называетъ Маргарита, а вторымъ былъ, судя по описаніямъ Іоселина, Маргарита самъ, сынъ равина *Якова Марголеса* изъ Регенсбурга.

Названный Маргаритой доносчикъ былъ *Моисей* изъ фамиліи *Вольфъ*. Онъ былъ богатъ и честолюбивъ; переселившись со своей семьей въ Регенсбургъ, онъ стремился занять почетную должность въ общинѣ; но регенсбуржцы не допускали этого, такъ какъ онъ лишь недавно сталъ членомъ общины. Теперь я предоставляю слово Маргаритѣ: „Въ то время въ Регенсбургѣ былъ капитаномъ *Рорбекъ*. И вотъ богатый Моисей пошелъ къ капитану и сказалъ... „я хочу вамъ донести, что здѣшніе евреи сравниваютъ васъ съ *Гаманомъ*.. и говорятъ, что васъ постигнетъ такая же судьба, что и Гамана, т. е. васъ тоже повѣсятъ... И если евреи въ этомъ не признаются, то я готовъ заплатить 1000 гульденовъ". Тогда Рорбекъ приказалъ бросить въ темницу трехъ евреевъ, которые сказали это про капитана... Мой отецъ, который въ то время былъ *верховнымъ равиномъ* въ Регенсбургѣ, соединился еще съ другими и хотѣлъ проклясть богатаго Моисея... Тогда жалобщикъ (Моисей) немного стушевался". Моисей Вольфъ имѣлъ приверженцевъ, съ которыми равинъ не хотѣлъ портить своихъ отношеній. Дѣло закончилось соглашеніемъ. Капитанъ получилъ 3000 гульденовъ за оскорбленіе и примирился съ прозвищемъ Гаманъ. Конечно, онъ сталъ поддерживать доносчика, „который сдѣлался главой регенсбургской общины и могъ по своему желанію раздавать должности. Его (побѣжденные) противники называли его не Моисей, а Мо-

ser (доносчикъ) и распространяли сочиненія, въ которыхъ поносили его и его фамилію". Вслѣдствіе этого разгорѣлись страсти и возникли отвратительныя дрязги. Такъ сообщаетъ Маргарита.

Эти подробности объясняютъ слѣдующій намекъ Іоселина: בא (המוסר) לאכול קורצא בבית מושל העיר היפמן (ч. הופטמן) לאמר .. פרנס הקהל גם הוא גם סיעהו קראו עליך שם גנאי ... לקראתך המן הנצלב כדי להוריד כבודך .. ועלה ביום ההוא והלאה העשן והקצף למעלה למעלה. Тутъ имѣются въ виду доносы Моисея Волфа и ихъ роковыя послѣдствія. Такимъ образомъ послѣдній и былъ однимъ изъ двухъ доносчиковъ, о которыхъ Іоселинъ говоритъ въ своемъ вступленіи.

Второго намъ еще легче будетъ узнать, такъ какъ Іоселинъ сообщаетъ о немъ еще больше фактовъ. Онъ говоритъ о немъ: ואותו האיש האחר (ч. האחר) ציער כל בני הגולה בדפוס העמיק ותקן ספרי מינות להוציא עלילות דברים בשלשה דברים לאמר להם: היהודים מקללים האומות ומזלזלים ישו בעלינו לשבח ומלים גרים. עד שבחימה שפוכה שלח הקסר כי להשיבו (ч. בי) תשובה הכף בלי שהיה. Іоселинъ указываетъ и соотвѣтствующую дату: המקום ב"ה .. נתן לי לשון למודים באותו שעה ב"ח א ב ש נ ת ר"ץ.

Изъ всего этого явствуетъ, что вторымъ доносчикомъ былъ *Антонъ Маргарита*. Послѣдній написалъ ядовитую книгу, отпечатанную въ апрѣлѣ 1530 г. въ Аугсбургѣ подъ заглавіемъ: „Вся еврейская вѣра". Въ этой книгѣ, которая стремится осмѣять еврейскія молитвы и обычаи, авторъ часто повторяетъ *три* обвиненія противъ евреевъ: они поносятъ Іисуса и христіанство, совращаютъ христіанъ въ свою вѣру и совершаютъ надъ ними обрядъ обрѣзанія. При переводѣ молитвы Алейну Маргарита указываетъ, что евреи при словахъ: שהם כורעים ... להבל וריק три раза выплевываютъ въ знакъ презрѣнія къ Христу и его приверженцамъ. (л. Т). На л. G сообщается: „Въ общемъ всѣ надежды и молитвы евреевъ направлены на то, чтобы лишить христіанъ власти и уничтожить ихъ; это видно уже изъ того, что они теперь такъ злорадствовали во время турецкой войны". На л. К.: „И, хотя евреи говорятъ, что они теперь не обращаютъ христіанъ въ еврейство, я клянусь Богомъ, что это часто совершается, чему я приведу въ этой книжкѣ множество примѣровъ".

Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что Іоселинъ подъ вторымъ изъ доносчиковъ, вызвавшихъ дрязги и раздоры въ регенсбургской общинѣ, подразумѣвалъ *Маргариту*. Послѣдній, повидимому, занимался въ Регенсбургѣ доносами уже до своего перехода въ христіанство. На это указываетъ Іоселинъ въ словахъ: עם יותר מסירות ... שנעשו סמוך להרבן, т. е. кромѣ прежнихъ доносовъ Моисея Волфа (когда Маргаритѣ, по его словамъ, было 13 или 14 лѣтъ и когда капитаномъ Регенсбурга былъ *Рорбекъ*, до 1512 г.) были сдѣланы доносы *незадолго до самаго изгнанія*. Послѣдніе, несомнѣнно, исходили отъ Маргариты еще до его крещенія. Поводомъ къ этому послужили зависть населенія къ счастливой конкуренціи еврейскихъ купцовъ и фанатическая ненависть доминиканцевъ къ евреямъ, проявлявшаяся въ рѣчахъ неистоваго проповѣдника, *Балтазара Губмайера* (позже вождя въ возстаніи крестьянъ). Маргарита, повидимому, самъ проговаривается въ своемъ сочиненіи о совершенныхъ имъ доносахъ. Онъ пишетъ (л. К. 2): „Если одинъ еврей обвиняетъ другого предъ христіанскими властями или вообще доноситъ послѣднимъ о продѣлкахъ и козняхъ евреевъ, то они его называютъ מוסר". Несомнѣнно, что въ этомъ подломъ че-

ловѣкѣ уже задолго до крещенія скрывалась крупная доза яда, который онъ впослѣдствіи излилъ въ своей книгѣ противъ еврейства. Можно легко себѣ представить возбужденіе общины, когда сынъ равина былъ уличенъ въ тайныхъ доносахъ. Чтобы избѣгнуть наказанія общины, онъ, вѣроятно, и, принялъ крещеніе. Повидимому, Маргарита уже до крещенія былъ помолвленъ и слѣдовательно, уже въ зрѣломъ возрастѣ. Іоселинъ сообщаетъ объ этомъ: אותם שני מוסרים שהתחילו בעבירה יצאו להרבות רעה האחר עם כל זרעו והאחר עם ארוסתו ואף שמבני גדולים היו אביהם .... לא הועיל להן זכות אביהן.

Такимъ образомъ, два доносчика, которыхъ не называетъ Іоселинъ, были *Моисей Волфъ* и *Антонъ Маргарита*; они вызвали раздоры въ общинѣ, которые повели къ изганію евреевъ изъ Регенсбурга. Между прочимъ стоитъ отмѣтить, что за негодяй былъ Маргарита, который лично возбудилъ противъ евреевъ и Лютера, воспользовавшагося ядовитой книгой ренегата. Іоселинъ разсказываетъ, что императоръ Карлъ V былъ очень возбужденъ противъ евреевъ въ виду обвиненій, содержавшихся въ книгѣ Маргариты и потребовалъ къ себѣ Іоселина для объясненій. Что привело императора въ такое возбужденіе? Дневникъ Іоселина освѣщаетъ это обстоятельство. Въ 1529 г. султанъ Сулейманъ совершилъ рядъ счастливыхъ завоеваній въ христіанскихъ странахъ, взялъ Офенъ и стоялъ со своими полчищами у Вѣны. И вотъ распространился слухъ, что евреи находятся въ тайныхъ сношеніяхъ съ турками. Императоръ и король Фердинандъ австрійскій были такъ возбуждены противъ евреевъ, что намѣревались совершенно изгнать ихъ изъ своихъ странъ (Revue d. Et. XVI, 90, № 14): בשנת ר"ץ יצא קול גדול וחזק מכל האומות הנה היהודים דילטורין הם להגור עד הגישו דברי עלילות דברים כזה באזני ארונינו הקיסר ומלך והפקידו בנו שלא להת לנו דריסת כף רגל בבמה ארצות. Маргарита высказываетъ въ своей книгѣ то же обвиненіе, которсе казалось тѣмъ правдоподобнѣе, что исходило отъ еврея. Въ дневникѣ и въ своемъ сочиненіи ,ס׳ הקנה, Іоселинъ разсказываетъ, что ему удалось опровергнуть это обвиненіе евреевъ въ измѣнѣ родинѣ, убѣдить обоихъ монарховъ въ ложности обвиненія и тѣмъ успокоить ихъ. Въ дневникѣ сказано: ועל פי הסכמת הקהלות הקנתי וסדרתי בדברי התנצלותינו וביותר בסייעתא דשמיא בעיר אישפרוק לפני השני מלכים. ויוסף מצא חן שקבלו דברי התנצלותינו ... וקיימו כל קיומינו נתן לי לשון למודים כמאז. Въ разсказѣ о доносахъ онъ выражается: באותה שעה שנת ר"ץ להשיב למין תשובות נצחות ולהתנצל באומה הישראלית כמספיק.

Апологія Іоселина по поводу обвиненія въ измѣнѣ настолько убѣдила императора, что онъ сперва приказалъ арестовать Маргариту, а потомъ изгналъ его изъ имперіи. Іоселинъ разсказываетъ въ заключеніе, что Маргарита, который принялъ сначала католичество, а позже перешелъ въ лютеранство, былъ самымъ опаснымъ врагомъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ: עד נחרץ דינו של המין ההוא לכונסו לקופה (לכיפה ?) בעד נפשו והוצרך לקבל בשבועה לצאת מבדורי אשכנז והלך אל הלוטר לברית והיה בצנינים (לצנינים) בצידנו.

Страстныя и свирѣпыя обвиненія, возведенныя противъ евреевъ Лютеромъ въ предсмертномъ сочиненіи, „о евреяхъ и ихъ лжеученіяхъ“, большей частью почерпнуты авторомъ изъ книги Маргариты, „Вся еврейская вѣра“.

5.

Соломонъ Молхо и Давидъ Реубени.

Какіе поразительные успѣхи сдѣлало за послѣднія десятилѣтія изслѣдованіе источниковъ еврейской исторіи, всего лучше видно изъ сопоставленія того, что было намъ раньше извѣстно объ авантюристѣ *Давидѣ Реубени* и кабалистически-месіанскомъ фантастѣ, *Соломонѣ Молхо*, съ тѣмъ, что мы теперь знаемъ о нихъ. *Бартолочи* и *Банажъ* прямо-таки объявили существованіе Давида Реубени легендой, объясняя ее тѣмъ фактомъ, что въ 1533 г. въ Европу прибыло посольство эфіопскаго короля, Давида, изъ страны священника Іоанна; евреи же замѣнили эфіопскаго короля еврейскимъ принцемъ. Ученый Фонъ деръ-Гартъ, правда, оставилъ за евреями этихъ обоихъ мужей (въ своемъ сочиненіи de abusu Psalmi 119), но, полагаясь на второстепенные источники, въ такой степени исказилъ ихъ біографіи, что трудно узнать ихъ настоящую физіономію. Іостъ посвятилъ имъ въ своей обширной исторіи лишь нѣсколько строкъ; на основаніи имѣвшихся у него источниковъ онъ и въ самомъ дѣлѣ не могъ создать ничего особеннаго. Въ настоящее время мы имѣемъ, въ качествѣ новыхъ источниковъ, не только сообщенія еврейскихъ современниковъ о глубокомъ движеніи, вызванномъ ими, и обширный дневникъ Давида Реубени, но и четыре сообщенія современниковъ изъ христіанскихъ круговъ. Изъ этихъ новооткрытыхъ источниковъ выяснилось, что вызванное ими движеніе было не незначительнымъ волненіемъ, а, напротивъ, имѣло продолжительныя, хотя и не очень отрадныя послѣдствія. Появленіе Давида сначала задержало, а потомъ ускорило введеніе инквизиціи противъ марановъ въ Португаліи, а Соломонъ Молхо способствовалъ тому, что папская курія одно время совершенно отвергнула эту инквизицію, а въ концѣ концовъ лишь противъ воли своей санкціонировала ее. Месіанское возбужденіе, вызванное Молхо, длилось и послѣ его смерти. Я уже давно предчувствовалъ связь между привязанностью папы Климента VII къ Молхо и тѣми препятствіями, которыя тотъ же папа ставилъ введенію инквизиціи, и высказалъ это предположеніе въ особой монографіи, „Давидъ Реубени и Соломонъ Молхо" (въ ежемѣсячникѣ Франкеля 1856 г.). Позже новооткрытый источникъ константировалъ эту предполагаемую связь, какъ историческій фактъ. Послѣ ознакомленія съ первоисточниками движеніе Реубени и Молхо представляется въ совершенно иномъ свѣтѣ; въ виду его своеобразности и важности, оно заслуживаетъ подробнаго критическаго изслѣдованія.

Я хочу предпослать обзоръ главныхъ источниковъ:

1) Съ хронологической и прагматической точекъ зрѣнія первымъ источникомъ является *дневникъ Давида Реубени*. Это—весьма интересный кодексъ, находящійся пока еще въ рукописи и принадлежавшій къ колекціи *Михаеля*. Онъ носитъ заголовокъ: נסיעת דוד הראובני и купленъ Bodleiana въ Оксфордѣ. Копія пріобрѣтена библіотекой бреславлской семинаріи, Ms. № 128.

2) Два *посланія Соломона Молхо*, которыя онъ направилъ къ своимъ приверженцамъ, о своемъ переходѣ въ іудейство и о всемъ пережитомъ имъ. Посланіе отъ 1531 г. сообщено въ хроникѣ Іосифа Когена, а оттуда оно перешло въ сочиненіе חית קנה (напечатано въ Амстердамѣ, вѣроятно, около 1868 года). Это сочиненіе содержитъ важную часть, которой нѣтъ у Іосифа Когена, отъ слова ועתה באתי להגיד и до ועתה באתי להגיד

למעלתכם נסיעתי מפורטוגאל. Эта часть находится и въ рукописи въ одномъ кодексѣ Алманци. Это *первое* посланіе, посланное изъ *Монастыря* къ Іосифу Тайтасаку въ Салоники. Напротивъ, посланіе, содержащееся только въ דברי הימים Іосифа Когена, написано позже.

3) О впечатлѣніи, которое Молхо произвелъ на турецкихъ евреевъ, свидѣтельствуютъ нѣкоторыя мѣста въ книгѣ, въ коей ихъ меньше всего можно было ожидать, именно въ „видѣніяхъ Іосифа Каро“ מגיד משרים, о чемъ ниже.

4) О впечатлѣніи, которое произвело его месіанское выступленіе на все-еврейство, свидѣтельствуетъ замѣтка *Элеазара Тревеса*, которую сообщаетъ отецъ его, *Нафтали Тревесъ* (въ своемъ кабалистическомъ молитвенникѣ דקדוק תפלה отъ 1531 г., листъ ד. 2): שנת רצ"א בא אלי מכתב מבני יקירי הר' אליעזר מטריוש אשר העתיק כתבי קדש הובאו מקאפו לקהלת בודקו (? בורון—Buda) ומשם קרקוב אשר בני דר שם נגד הגאולה כי התחילה וכבר החלו בני ברית עם קדש ירושלם עד שלוניקי תקנו תעניות ותשובה בה"ב בכל שבוע . . . גם הנשים ישפכו לבם בצום' Итакъ, въ 1531 г. съ Востока сообщаютъ въ Краковъ, что месіанское избавленіе уже началось, и отъ Іерусалима до Салоникъ всюду совершаются покаянія. Именно въ это время Соломонъ Молхо произносилъ на Востокѣ и въ Италіи свои месіанскія проповѣди. Объ Элеазарѣ Тревесѣ, см. также Брюла, ежегодникъ, I, стр. 105.

5) Изъ постороннихъ источниковъ первымъ по времени является *посланіе инквизитора города Бадайоца, Селай* и къ португальскому королю отъ 30 марта 1528 г. Г. Гейне сообщаетъ содержаніе этого посланія (въ Историческомъ журналѣ Шмидта, годъ 1848, стр. 160). Оно гласитъ: *„Два или три года тому назадъ въ Португалію прибылъ одинъ еврей изъ чуждыхъ странъ* и сталъ ободрять своихъ единовѣрцевъ, увѣщевая ихъ готовиться къ пріему Месіи, который скоро придетъ, соберетъ евреевъ всѣхъ странъ и поведетъ ихъ въ обѣтованную землю; этотъ человѣкъ нашелъ многихъ приверженцевъ, и потому всѣ еретики бѣжали въ Португалію, гдѣ и нашли себѣ убѣжище; на границѣ королевства ихъ собралось уже такое множество, что *недавно* цѣлая шайка ихъ изъ города *Кампо Майоръ* осмѣлилась съ оружіемъ въ рукахъ вторгнуться въ Бадайоцъ и произвела въ городѣ безчинства“. Изъ даты, указанной въ этомъ письмѣ инквизитора Бадайоца (два или три года до 1528 г., т. е. 1525 или 1526 г.), съ очевидностью явствуетъ, что этотъ еврей, пришедшій въ Португалію изъ дальнихъ странъ и пробудившій въ испанскихъ маранахъ месіанскія упованія, былъ никто иной, какъ Давидъ Реубени. Геркулано тоже приводитъ содержаніе этого посланія, и оттуда еще легче узнать Давида (Da Origem e Estabelecimento da Inquisicao em Portugal I, стр. 211).

6) Еще болѣе интересное сообщеніе содержится въ посланіи португальскаго посланника въ Римѣ, *Браса Нето*, къ королю Іоао III отъ 11 іюня 1531 г. о препятствіяхъ, которыя встрѣтило введеніе инквизиціи въ Португаліи при папскомъ дворѣ со стороны кардинала *Лоренцо Пучи* и папы Климента VII. Геркулано сообщаетъ содержаніе этого тайнаго посланія, въ которомъ посланникъ сообщаетъ королю: „Въ Римѣ жилъ одинъ португальскій еврей, по имени *Діого Пиресъ*, который былъ *секретаремъ* совѣта департамента прошеній и переселился изъ Португаліи въ Турцію, чтобы отречься отъ навязаннаго ему христіанства. Прибывъ въ Римъ, онъ *получилъ отъ папы привилегію*, согласно коей никто не могъ преслѣдовать его за это отступничество, и онъ поселился среди евреевъ, пользуясь славой святого и обучая ихъ Моисееву закону. Діого Пиресъ

לנשק ידי ורגלי ואמרו אלי בא ברוך ה׳ אדוננו בן אדוננו.. אחר כך נסעתי מחברון והלכתי לירושלים... Въ Іерусалимѣ онъ посѣщалъ всѣ мечети, выдавая себя за магометанина и потомка Магомета: ועמדתי בבית המקדש והתעניתי בקדש הקדשים ח׳ שבועות.... ובאו י׳ שלוחים מהמלך אחי יוסף וזקניו לפני והם מתנכרים ועמדו לפני בבית המקדש אחר שנסע את דוד הראובני (?) למצרים ולא ראיתי אותו... ונסעתי מירושלם בכ״ד סיון רפ״ג... והגעתי לעזה... ונסעתי מעזה ט״ו תמוז רפ״ג והלכתי לדאמידט -- ונכנסתי בספינה והגעתי באליסאנדריאה בכ״ד תמוז.. . ובא לפני החכם המקובל ר׳ מרדכי ------

И въ Даміетѣ онъ жилъ среди мусульманъ, выдавая себя за потомка Магомета: אני אדוניכם בן הנביא.

ונסעתי אני ומשרת יוסף מאליסאנדריאה בחצי כסלו רפ״ד ואני מתענה בכל יום ומתפלל ביום ובלילה ולקחתי באליסאנדריאה מכל מיני מאכל בעד יוסף ולא שוה לי כי היה הכל מעורב עם הנוצרים והיה אוכל בכלים של גוים וצעקתי עליו ולא קבל עד שהגעתי בקנדיאה וקניתי שם מיני מאכלים הרבה. והנוצרים היו צועקים עלי גם הקאפיטאני בעבור יוסף והקאפיטאני אמר לי שזה יוסף גנב לחם ויין לאנשי הספינה עד שהיה לי בושה ממנו ולא יכולתי עמו כי לא היה מקבל דברי עד שהגעתי בויניציאה. והלכתי בבית הראש היינו הקאפיטניה ונתן לי מקום והתעניתי בביתו ששה ימים וששה לילות לחם לא אכלתי ומים לא שתיתי ומתפלל הייתי ביום ובלילה. ואחר שהשלמתי תפלתי ראיתי איש לאחורי ואמרתי לו בלשון הקודש: מי אתה? ואמר לי אני יהודי. ואמרתי לו: מי הגיד לך שאני בזה המקום? והשיב יוסף משרתך, שאתה שליח מצוה. ואמרתי לו: מה שמך? ואמר לי אלחנן. ופעם אחרת חזר זה אלחנן ויהודי אחר עמו שמו ר׳ משה קאשטילין צייר ואמרתי לר׳ משה יש לי צורך גדול ז׳ דוקאט שזה יוסף משרתי עני חולה ואני הוצאתי בעדו באליסאנדריא ובדרך מעות הרבה והשיב לי ר׳ משה הנזכר: תבא לביתי ואקרא הפרנסים. והלכתי עם ר׳ משה הנו׳ בגיטא מקום היהודים. ובא לפני יהודי נכבד שמו ר׳ מצליח ודברתי עמו על דבר ההוצאה ואמר לי. נצטרך שנלך בבית ר׳ חייא והלכנו ואמרתי לו אני יהודי ממדבר חבור שלוח בדבר מצוה משבעים זקנים. והייתי כמצחק בעיניו ואמרתי לו צריך אני שבעה דוק׳ הדבר עם הפרנסים אם ירצו לתת אותם. ואמר אם שאר יהודים יתנו אני אתן חלקי. ואמרתי לו זה יום ששי לתעניתי ואיני אוכל עד הלילה תשלח לי מעט יין. וחזרתי למקומי לבית הקאפיטניי ולא שלח לי דבר ולא אכלתי כי אם ביצות ולחם ומים. והנכבד ר׳ מצליח השתדל במצותי ובא לפני ר׳ שמעון בן אשר משולם ואמר לי שמעתי שאתה שלוח מצוה משבעים זקנים ללכת ברומא הודיעני למה שלחוך ואשלח עמך שנים יהודים ואפרע כל ההוצאה. ואמרתי לו: אני הולך אל האפיפיור ולא אוכל לספר דבר כי אם אליו לטובת כל ישראל. ואם תעשה עמי חסד למען אהבת השם והזקנים וכל ישראל תשלח עמי שנים אנשים יבואו עד רומא ותזכה במצוה הזאת והם ישיבו לך בשורה טובה ואחר כן הלכתי אני ור׳ משה המצייר לבית הקאפיטאני ולקחתי ממנו רשות ולקחתי כל אשר לי והלכתי בגיטא בבית ר׳ משה המצייר ובא לפני ר׳ מצליח ואמרתי לו: תמצא לי ספינה ללכת ברומא. נכנסתי בספינה קטנה והלכתי אל הספינה הגדולה ואני מתענה. וכן עשה ועמדתי בבית ר׳ משה שמצייר צורות. ובלילה ההיא ישבתי בספינה עד הבוקר. ובבוקר באו המוכסים לראות מה יש בתוכה ופחדתי ויראתי כי לא ידעתי אנה הלך יוסף. ואחרי כן בא יוסף לפני ונסעתי ביום הששי ראש חודש אדר רפ״ד וישבתי יום השבת בספינה עד שהגעתי בפיזארו בבית ר׳ משה מפולונייו ואמרתי לו תעשה עמי חסד תדריכני ברומא כי לא ארצה לישן פה בלילה הזה ולכן הראו לי . והלך ובקש לי סוסים. ונסעתי אני ויוסף בעיר אחרת שהיה בה יהודים וכן בכל ערב וערב מסע למסע עם היהודים הרבה עד שהגעתי בערב פורים במקום קרוב לרומא חצי יום שמו קאשטילנווא בבית יהודי ושמו ר׳ שמואל וישבתי

עמו יום פורים וביום ההוא קניתי השור הידוע ועשיתי ממנו כאשר צוו אותי הזקנים ולמחרת נסעתי והגעתי ברומא תהלה לאל. אני דוד בן המלך שלמה זצ"ל. ממדבר חבור הגעתי בפתח מדינת רומה בחמשה עשר יום להודש אדר הראשון שנת רפ"ד ובא לפני גוי אחד מויניציאה ודבר עמי בלשון ערב וכעסתי עמו והלכתי בחצר האפיפיור ואני רוכב על סוס לבן זקן והמשרת שלי בפני וגם היהודים באו עמי ואני נכנסתי בבית האפיפיור ואני רוכב על הסוס. ואח"כ נכנסתי לפני החשמן גוליא"ו ובאו כל החשמנים והשרים לראות אותי והיה לפני החשמן גיליאו הנז' אח כמהר"ר יוסף אשכנזי שהוא היה המלמד מהחשמן הנז' ובא לפנינו כמהר"ר יוסף צרפתי ואני בפני החשמן מדבר אליו והמליץ שלי היה החבר שבא עמי והיהודים שמעו כל אשר דברתי להחשמן.

Поправка Цунца по поводу кажущагося противорѣчія датъ излишня, такъ какъ онъ былъ введенъ въ заблужденіе ошибочной копіей. Въ имѣющейся у меня копіи даты указаны вполнѣ правильно. Остается странной дата ט"ו יום לחודש אדר ראשון, такъ какъ 1524 г. не былъ високоснымъ годомъ и, слѣдовательно, имѣлъ лишь одинъ мѣсяцъ Adar.

II. Его дѣятельность въ Римѣ.

Мы хотимъ привести тутъ лишь самое важное относительно его пребыванія въ Римѣ и пропускаемъ все несущественное.

בח' שעות הלכנו בבית האפיפיור .... ודברתי עמו וקבל דברי בסבר פנים יפות ואמרתי לו איך המלך יוסף וזקיניו צוו אותי לדבר אליך שתעשה שלום בין הקסר וכין המלך צרפתי על כל פנים כי הוא טוב לך .... ותכתוב לי כתב אל השנים מלכים הנז' יהיו בעזרותינו ונהיה אנחנו בעזרתם והכתוב לי גם כן אל מלך פיטרי גואן. והשיב לי האפיפיור השנים מלכים אשר אמרת אעשה ביניהם שלום, לא אוכל. ואם אתה הצטרך לעזר, מלך פורטוגאל יספיק לך ואני אכתוב אליו .... וארצו יותר קרובה אל ארצך. ודרך הים הגדול הם רגילים ללכת בה בכל שנה יותר מהשנים מלכים .... והמשרת שבא עמי בקנדריא שמו היה יוסף הרשע שלחתיו לאביו בנאפולי מפני שבכל יום היה עושה קטטות ומריבות ... וגם היה לו לשון לפני האינבאשדור דון מיקל ממלך פורטוגאל והלשין אותי ואמר כי אני לא באתי כי אם להחזיר את האנוסים יהודים. ושמעו האנוסים מרומא דבריו אשר הלשין אליהם ובאו אלי ואמרו רצונינו להרוג המשרת שלך .... וחשבתי מי יהיה לי לעזור ויהיה תורגמן ביני ובין האפיפיור (תחת החשמון יוריאו) וראיתי איש אחד . . ר' דניאל מפיסא שבא לפני ---- האפיפיור והוא עשיר ונכבד עד מאוד וחכם ומקובל ---- ואז אמרתי לו כל חדרי לבי ---- ונדר ר' דניאל אלי איך הוא לא יסע ---- מרומא עד שיקבל לי כל המכתבים ---- ואז כתב לי כתב אל האפיפיור ---- והביאו לי הסוס מר' דניאל והלכתי בבית האפיפיור עם כל משרתי ופתחו לי כל החדרים ---- ונכנסתי אני והוא (ר' דניאל) לפני האפיפיור ודברתי עמו איך אני עמדתי לפניך קרוב לשנה ורצוני --- תכתיב לי הכתבים -- וגם לכל הנוצרים שאעבור בארצם -- והאפיפיור משיב דברים טובים ואמר ... אני אעשה כל מה שרוצה האינבשדוד ---- ויש אחד ששמו משה לאטין והיה עומר כנגדי והיה מדבר כל היום אל דון מיקיל -- ור' דניאל מפיסא היה עושה לי כל הצריך ----- והוך ימים מועטים קבל המכתבים מאת האפיפיור --- ובאו לפני ר' נכבדים --- מרומא ר' עובדיה מספורנו ור' יהודה הרופא אסקל -- ורצו לכתוב את בריוים שעשה אלי האפיפיור ---- לזברון וכעסתי עליהם ---- כי הם מרגלים ------- ואחר כן קרא האפיפיור ר' דניאל ודבר עמו בעדי ---- וצוה כי אלך לפניו כ"ח שעות בכ"ד ימים לחודש הראשון ---- והלכתי לפניו -- ודבר אלי איך אני עשיתי לך כתב אל פיטרי גואן וכתבתי גם למלך פורטוגאל --- וידברו אותך.

Затѣмъ слѣдуетъ длинный разсказъ о томъ, какъ португальскій посланникъ, *Мигуѣлъ*, всячески уклонялся отъ выдачи ему sauf-conduit (בטחון) въ Португалію. Объ этомъ португальскомъ посланникѣ сообщаетъ и Геркулано на основаніи португальскихъ документовъ о введеніи инквизиціи (Da origem I, стр. 216). Мигуелъ да Силва былъ еще посланникомъ въ Римѣ во время пребыванія тамъ Давида до 1525 г. Въ дневникѣ Давида упоминается и *донъ Мартино*, преемникъ дона-Мигуела: אחרי כן נסעתי מרומא בחצי היום בט"ו באדר כמו שנכנסתי בחצי היום ברומא בט"ו באדר ונמצא שעמדתי ברומא שנה תמימה . . . ובאו היהודים ללוות אותי בשלושים סוסים ה' מילין.

Черезъ *Ронцелинъ* (רונצלין), Витербо, *Болсену* и *Сіену* онъ отправился въ Пизу и проживалъ въ теченіе почти 7 мѣсяцевъ въ домѣ сына уважаемаго, богатаго и благочестиваго еврея, *Іехіела* изъ *Пизы;* тамъ къ нему относились съ величайшимъ вниманіемъ. Синьора Бенвенида Абрабанела тоже оказывала ему всяческія почести и дѣлала ему подарки: ושלחה אלי הסיניורא מנאפולי בעיר פיסא א' דגל משי יפה כתוב בו עשרת הדברות ויש בו זהב . . . וגם שלחה אלי הסינורא אמורקה מוהב ללבוש עצמי לשמה, מלבד ששלחה אלי בהיותי ברומא ג' פעמים מעות. Далѣе онъ разсказываетъ, что послѣ того, какъ португальскій король отозвалъ дона Мигуела и назначилъ на его мѣсто дона *Мартино,* послѣдній привезъ ему благопріятныя вѣсти и предоставилъ въ его распоряженіе судно для переѣзда изъ Ливорно въ Португалію: ואחרי כן לימים מעטים שלח המלך פורטוגאל (?) דון מיקיל מרומא ושלח דון מקיל דון מרטין אינבאשדור. ודון מרטין הכף שהגיע ברומא כתב אלי בפיסא איך המלך מפורטוגאל שמע עליך. איך אתה באת לעבודתו והוא שמח וטוב לב. לכן תתקן עצמך ותלך בזאת הספינה. Изъ Пизы онъ отправился судномъ черезъ Ливорно въ Кадиксъ (קאליצי, читай: קאדיצי), гдѣ онъ чуть было не былъ задержанъ и арестованъ испанскими властями, Однако его дальнѣйшая поѣздка не встрѣтила никакихъ препятствій, и такимъ образомъ онъ на португальскомъ суднѣ переѣхалъ черезъ *Алмерію* въ *Тавиру*, пограничный городъ Португаліи. Здѣсь онъ предъявилъ судьѣ папское посланіе, былъ вслѣдствіе этого радушно принятъ и пробылъ 40 дней въ домѣ одного марана (אנוס), пока онъ не получилъ отъ короля рекомендательныя письма.

III. Его дѣятельность въ Португаліи.

Изъ источника (см. выше стр. 448, 8) явствуетъ, что Давидъ прибылъ въ Португалію въ ноябрѣ 1525 г. Описаніе событій, происшедшихъ во время его пребыванія тамъ и до отъѣзда, занимаетъ болѣе 50 листовъ манускрипта. Листовъ 5 наполнены описаніемъ дрязгъ и ссоръ Давида съ его прислугою. Но и та часть, которая содержитъ важныя историческія сообщенія, слишкомъ обширна, чтобы быть тутъ приведена, и должна быть издана отдѣльно. Главное содержаніе сводится къ слѣдующему: мараны стекались къ нему со всѣхъ сторонъ, его посѣтили еврейскія посольства изъ Африки; король Іоао III и королева оказывали ему великія почести; король обѣщалъ поставить въ его распоряженіе 8 кораблей съ 4000 пушекъ, но былъ недоволенъ Давидомъ за то, что послѣдній позволялъ маранамъ цѣловать его руки: ואחר כן המלך נתן לי ידו ואמר אלי. תעשה לי זה החסד. לא תניח שום אדם שישק את ידיך. והמלך נדר לי ח' ספינות בחדש ניסן עם ד' אלפים מוריקי אש גדולים וקטנים.

Онъ сообщаетъ также, что Мигуелъ да Силва, который былъ съ нимъ во враждѣ, еще будучи посланникомъ въ Римѣ, старался разстроить его пла-

ны, постоянно указывая королю на то, что Давидъ намѣревается вернуть всѣхъ мароновъ въ лоно іудаизма. Въ этомъ онъ убѣждалъ короля еще до пріѣзда Давида: ודון מיקל האויב שלי מרומא עד הנה.... היה עומד לפני המלך וכי היה משנה למלך...ובעל הסוד מהמלך והוא היה מדבר כנגדי....ואז אמר דון מיקיל....הלא אמרתי לך כי בא (דוד) להחריב מלכותך ולהחזיר האנוסים יהודים. ואם תשלח לפניו שרים שלך שילוו אותו. יצאו כל האנוסים לפניו הם ונשיהם ובניהם וילוו אותו ויעצו עצה על הנוצרים ביניהם ויחזרו יהודים.

Почести, которыя мараны публично оказывали ему, усиливали подозрѣнія и потверждали взглядъ Мигуела. Давидъ разсказываетъ: король призвалъ его однажды къ себѣ и упрекалъ въ томъ, что мараны собираются съ нимъ въ синагогѣ для молитвъ: ואמר לי (המלך) אני שמחתי כי באת לעזור לי וכי אתה באת כדי להחזיר האנוסים יהודים. ואני שמעתי איך האנוסים הם מתפללים עמך קוראים בספרים שלך ביום ובלילה ואתה עשית בית הכנסת כשלהם. Но Давидъ отрицалъ этотъ фактъ, назвавъ его клеветой. Изъ разсказа Давида съ очевидностью явствуетъ: обрядъ обрѣзанія, который совершилъ надъ собой королевскій секретарь, *Діого Пиресъ* или *Соломонъ Молхо*, такъ разсердилъ короля, что онъ порвалъ свои сношенія съ Давидомъ и отказалъ ему въ корабляхъ. ובזה היום הלכתי לפני המלך ודבר עמי: היך אני יש לי עסקים רבים לעשות ואין אני יכול לשלוח הספינות עמך לא בזאת השנה ולא בשנה הבאה.... ואם תרצה תלך אל מלך קיסר . . . . או אם תרצה ללכת ולחזור ברומא . . או בפי״ץ בחר לך את אשר תחפוץ . . . . והחשוב הדבר עד ח׳ ימים. Королева открыла ему причину этой внезапной немилости, именно: король прогнѣвался на него за то, что онъ обрѣзалъ *секретаря* и имѣлъ тайныя совѣщанія съ маранами: . . . והמלכה אשתו שלחה בעדי אלי ביום השני . . . והשיבה . . . אלי המלך שמע עליך כי אתה עשית אל הסופר שלו ברית מילה והחזרת האנוסים יהודים וגם אתה עושה עצות עם האנוסים כנגד המלך. וכל שרי המלך ועבדיו מדברים למלך שלא יתן עליך דבר בעבור זה.

Наиболѣе враждебно отнесся къ нему דון מיקל, Мигуелъ да Силва, который воспрепятствовалъ также и тому, чтобы Давидъ получилъ обѣщанные ему королемъ подарки и почетную охрану. Этотъ донъ Мигуелъ, позже епископъ Визе, любимецъ трехъ папъ, Льва X, Климента VII и Павла III, которые хотѣли его сдѣлать кардиналомъ и оставить въ Римѣ, былъ поэтому отозванъ въ Португалію и подвергся тутъ преслѣдованіямъ ненавидѣвшаго его Іоао III (Геркулано II, стр. 304 и сл.). Когда онъ бѣжалъ въ Римъ и былъ возведенъ въ кардиналы, онъ энергично поддерживалъ римскихъ мароновъ, старавшихся помѣшать введенію инквизиціи въ Португаліи (Геркулано (II, стр. 310 и сл. и III, стр. 58 и сл.). Дикая ненависть короля къ маранамъ, все возраставшая, вслѣдствіе встрѣченнаго имъ сопротивленія, распространилась и на Мигуела да Силва. Время отъѣзда Давида изъ резиденціи Алмеринъ не указано, но, вѣроятно, онъ уѣхалъ отсюда лѣтомъ 1526 г., ибо въ декабрѣ того же года онъ уже снова былъ въ Алмеринѣ, см. ниже. Правда, въ манускр. указано, что онъ въ адарѣ (мартѣ) 1527 г. уволилъ двухъ своихъ прислужниковъ, съ которыми онъ имѣлъ безконечные споры: ואחרי נסעם ממני בחדש אדר רפ״ז; но это, несомнѣнно, опечатка вмѣсто רפ״ו. Король предоставилъ ему срокъ въ два мѣсяца для отплытія; но онъ на обратномъ пути пробылъ вдвое дольше въ Тавирѣ, пытаясь всяческими обманами и изворотами снова завязать сношенія съ королемъ, и на всемъ пути отъ Алмерина до гавани поддерживалъ сношенія съ маранами: והמלך לא נתן לו רשות שיעמוד הנה כי אם ב׳

חדשים ועמד סמוך לד׳ הרשים . . . . ואינו עומד הנה כי אם להחזיר האנוסים יהודים כי הם בביתו יום ולילה. Наконецъ, онъ былъ принужденъ покинуть портъ *Тавиру* (טאוילה) и сѣсть на корабль. Въ испанской области, въ гавани *Алмеріи* онъ вмѣстѣ со своей свитой былъ задержанъ, ибо, какъ еврей, онъ не имѣлъ права ступить на испанскую землю. Онъ, правда, предъявилъ папскую булу, но испанскія власти не придали ей никакого значенія и только разрѣшили ему послать гонца къ императору Карлу V, пребывавшему тогда въ Гренадѣ. Двѣнадцать дней спустя прибылъ гонецъ съ письмомъ императора, разрѣшавшаго ему безпрепятственный проѣздъ черезъ испанскую область. Тѣмъ не менѣе алкалдъ не хотѣлъ его пропускать, такъ какъ великій инквизиторъ Мурчіи (החוקר הגדול העומד במורסיאה) предписалъ задержать его. И лишь послѣ того, какъ инквизиторъ увидалъ письмо императора, онъ разрѣшилъ Давиду продолжать путешествіе. На этомъ обрываются записки Давида.

О его дальнѣйшихъ злоключеніяхъ мы узнаемъ изъ записокъ находившагося въ его сопровожденіи *Соломона Когена*, который отмѣтилъ всѣ расходы, сдѣланные имъ по порученію Давида до того времени, когда ихъ корабль потерпѣлъ крушеніе у одного острова (іаръ—май 1527 г.): פה אכתוב אני שלמה כהן מפרנוה (מפרטר, מפראגה?) את כל ההוצאות אשר עשיתי בעד אדוננו . . ר׳ דוד מיום ח״י לחדש טבת רפ״ו כי ביום ההוא לקחתי החשבון מיד בן ציון מקורייו מאת כל אשר הוציא הוא מן טאוילה עד אלמרינה . . . ואחרי כן עשיתי ההוצאות . . מיום י״ח טבת רפ״ו . . . . עד היום חצי חדש אייר רפ״ז. כי ביום ההוא נשברה הספינה שלנו שהם כמו י״ב חדשים.

Далѣе Соломонъ Когенъ сообщаетъ, повидимому, подъ диктовку Давида, что послѣ кораблекрушенія одинъ испанскій грандъ, *Кларомонте*, отобралъ у него многія цѣнныя вещи, хотя онъ прислалъ ему подарки и письма папы, португальскаго короля и императора. Тутъ же приведены точныя даты, которыя, однако, не совсѣмъ совпадаютъ съ первыми. . . . פה אכתוב אני שלמה את כל הענינים שלקח השר מקלארמונטי ביום ג׳ לירח אייר רפ״ז מאת . . דוד . . כ׳ דוקאט זהב אל השר מקלארמונטי ביום ב׳ י״ד לחדש אייר רפ״ז על גבריאלה בולה בעל ספינה שלנו ואותו שלחתיו באדרי אל השר למען יביא לנו את הבטחון . . . וכן שלחתי אל השר . . את כל הבולה וכל המכתבים . . . שהיו בירי הן מהאפיפיור וממלך פורטוגאל ומקיסר . . . ויהי ביום השלישי ט״ו ימים לחדש אייר רפ״ז בא השר אלינו עם כל שריו מאדרי לאי הים רחוק מהעיר ההיא ד׳ מילין . . ותפשו אותנו משרתיו ולקחו כל אשר לנו . . . לא נשאר לנו מאומה אשר לא לקחו . ואני לקחתי אותם מאת הספינה בטרם נטבעה.

Въ концѣ записокъ сообщается: донъ Кларомонте привезъ Давида и его спутника въ Авиньонъ (въ іюлѣ 1527 г.) и получилъ отъ общинъ Авиньона и Карпентра выкупную сумму въ 600 дукатовъ; кромѣ того евреи имѣли большіе расходы по посылкѣ своего представителя въ Римъ, дабы ходатайствовать объ уменьшеніи требуемой выкупной суммы, ибо Кларомонте запросилъ слишкомъ много и, въ качествѣ заложника, оставилъ у себя автора записокъ. (?) אחר כן בכ״ד לחדש אב רפ״ז בא עמנו את הראש מוקהנוליירה והוליכנו באויניון. עוד קבל השר מקלארמונט מבני ק״ק אויניון וקרפינטראש וסביבותיה בעד - - - דוד - - - סך שש מאות דוק׳ זהב - - - אשר - - - קבל מיד היהודים . בהתחננו לפניהם . . . וזה מלבד ההוצאות שעשו היהודים לשלח ברומה בעד בטול מותר הפדיון. כי היה שואל גדולות עד אין חקר שהכריחני להשתעבד גופו (גופי ?) לפרוע אליו עוד סך תשע מאות דוקאט.

Судя по указаніямъ Давида, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи огром-

ныя суммы денегъ. Расходы по путешествію въ Португалію и обратно достигли суммы въ 2200 дукатовъ, подарки, сдѣланные имъ слугамъ португальскаго короля, составляли такую же сумму, и на столько же обобралъ его донъ Кларомонте.

Однако докладъ Давида нельзя разсматривать, какъ преувеличенную похвальбу, ибо главные факты подтверждаются вполнѣ надежными очевидцами.

Современникъ Фарисоль, на сообщенія коего можно вполнѣ положиться, подтверждаетъ, что Давидъ имѣлъ доступъ къ папѣ и кардиналамъ, что онъ относился высокомѣрно къ евреямъ и совсѣмъ не раболѣпно къ высокопоставленнымъ христіанамъ, словомъ, что онъ прекрасно выполнилъ свою роль посланника великой еврейской державы. По сообщенію Фарисоля, Давидъ въ самомъ дѣлѣ привезъ съ собою изъ Африки удостовѣрительное письмо португальскихъ агентовъ, подлинность котораго была признана португальскимъ королемъ. Иначе было бы непостижимо, какъ могъ бы онъ такъ долго обманывать папскій и португальскій дворы и такъ многаго добиться отъ нихъ. Замѣтка Фарисоля гласитъ: וכתב (מלך פורטוגאל) אל האפיפיור שהיהודי הזה נאמן ודבריו נאמנים . . וישב ברומא כח׳ חדשים עד בא תשובת מלך פורטוגאל על אמיתת דבריו ועניניו. Правда, сообщенія Іосифа Когена о Давидѣ тоже не вполнѣ точны. По его словамъ (въ Хроникѣ и Emek ha-Bacha), Давидъ появился сперва въ Португаліи и потомъ лишь переселился въ Италію, гдѣ пробуждаетъ надежды у тамошнихъ евреевъ. Но это невѣрно, что явствуетъ изъ собственныхъ записокъ Давида и сообщеній Фарисоля, переданныхъ со словъ очевидцевъ и современниковъ. Іосифъ Когенъ, повидимому, не зналъ ничего о первомъ пребываніи Давида въ Италіи; его указанія относятся ко второму пребыванію Давида. Однако онъ подтверждаетъ, что Давидъ былъ въ Авиньонѣ: ויעבר צרפתה וילך לאביניון ויסע משם ויבא לאיטאליאה.

Даты, указанныя Цунцомъ въ Itinerary of Benjamin of Tudela (изд Ашера II, стр. 271 и д.) не точны; онѣ увеличены на цѣлый годъ.

IV. Знакомство Соломона Молхо съ Давидомъ и удаленіе его изъ Португаліи.

Этотъ періодъ изъ исторіи обоихъ фантастовъ еще недостаточно освѣщенъ. Обыкновенно предполагали, что Давидъ обратилъ Молхо въ іудейство и одновременно съ нимъ оставилъ Португалію. И то, и другое невѣрно, какъ это видно изъ собственныхъ указаній Молхо уже въ его *первомъ* посланіи къ Іосифу Тайтасаку (см. выше, стр. 447, 2), вполнѣ соотвѣтствующихъ сообщенію Давида. Послѣдній разсказываетъ, не называя имени Молхо: королевскій секретарь просилъ его совершить надъ нимъ обрядъ обрѣзанія; Давидъ отказалъ ему въ этомъ и обратилъ его вниманіе на связанныя съ этимъ опасности; тѣмъ не менѣе секретарь тайкомъ обрѣзалъ себя, послѣ чего Давидъ посовѣтовалъ ему переселиться въ Іерусалимъ, чтобы спастись отъ смерти: ובא אלי הסופר ההוא אשר עשה הברית מילה בהחבא וכי הוא מתחבא מפני המלך בדירת האנוסים. ודבר עמי בזה הלילה וכעסתי עמו ואמרתי לו: הראה מה שגרמת עלינו, הלך לך לירושלים ותצא מפני המלך פן ישרוף . . . אותך והלך מפני. וכי זה הסופר בא אלי בהחילה הגעתי לפני המלך. ואמר אלי. איך הוא חלם בלילה איך היה עושה ברית מילה. ואמר לי העשה עמי זה החכד

ותעשה אלי הברית .... וכעסתי עמו ... פן יהיה לך סכנה וגם לנו, אם יודע הדבר הזה יאמרו אלי כי אני עשיתי ... והשמר לך שלא תעשה .. יען אתה ואני וכל האנוסים נהיה בסכנה גדולה. והולך מפני :עושה בינו לבינו זה הפועל. והוא סופר ומכובד לפני המלך ... וברח והלך לו הסופר ההוא . והמלך והשרים .. אמרו איך אני גרמה שעושה זה הסופר הברית, אף אם לא עשיתי לו ... אני בעצמי.

Въ уже упомянутомъ посланіи (которое, въ виду его рѣдкости, мы приводимъ тутъ же), Молхо подтверждаетъ: онъ искалъ сближенія съ Давидомъ, но послѣдній не ободрилъ, а отвергнулъ его; Молхо одинъ покинулъ Португалію, но всюду говорилъ, что ѣдетъ по порученію Давида. Изъ этого посланія явствуетъ также, что онъ *сперва отправился въ Турцію* и лишь ко времени составленія письма намѣревался отправиться въ христіанскія страны. Поэтому невѣрно сообщеніе Когена, будто Молхо сначала былъ въ Италіи.

עתה באתי להגיד סיבת נסיעתי מפורטוגאל. ויהי אחר אשר הגיע האיש הגבור חיל החסיד מהור"ר דוד הראובני לחצר בית המלך מפורטוגאל בחלום הלילה ראיתי מראות נוראות משונות זו מזו אשר נבהלתי מאוד ויאריך זמן רב בסיפורם כאשר ינתן לי רשות להגידם. ותכלית המראה שראיתי ציוו עלי שאעשה ברית מילה. ובכל יום ויום אני מתהלך לפני מהר"ר דוד י"ץ ומגיד לו כאשר ראיתי בחלומי לדעת עצתו מזה. כי עלה בדעתי שבסיבתו נראין לי הדברים הדם. והוא היה מעלים ומכסה ממני ואמר לי: מכל זה לא ידעתי מאומה וכי מה אני שעל ידי יראו לך המראות הנוראות אשר אתה רואה. ואמרתי בלבי אולי אינו רוצה לגלות לי הדבר עד שאעשה ברית מילה והלכתי מאתו. ובלילה עשיתי ברית מילה ואין איש אתי והקב"ה למען שמו עזרני ורפאני אף על פי שצער גדול וכאב הרגשתי ונתעלפתי כי הדם היה שותת כמעין נובע המתגבר. והרחמן הרופא נאמן ריפא אותי במעט זמן לא נאמן (יאָמֵן .י) כי יסופר. ואחר שעמדתי ממטתי והלכתי אל מהר"ר דוד ואמרתי לו דבר אדוני עמי דבריך ואל תכסה ממני כי כבר קיימתי מצות בוראי יתעלה והריני מהול כאחד מבני ישראל. ואז הראה לי פנים זעופות ונער בי ואמר מה זאת עשיתי (עשית .י) שהבאת אותי ואותך בסכנה גדולה שאם יודע למלך יאמר שאני פתיתי אותך לעשות כן מה שלא ידעתי ולא עלה על לבי. ושמחתי מאוד על דבריו. ועם כל זה היה בלבי כי מעלים ממני הדברים האלה ואחר שהייתי חתום בחותם בוראי נראו אלי דברים גדולים ועצומים ונגלו אלי סודות גדולות והודיעני העלומות חכמה הקבלה הקדושה וצירופים גדולים מהספירות והראוני אוצרות חכמה והאירו את לבבי בתורת אלהינו, ואז ציוו עלי שאבוא במלכות תוגרמה והורשתי לפרסם הסיבות ולהקל מעלי דברי ריבות ותשובות ושאלות ודרשות וחקירות בני ישראל. והעברתי הרינה במחניהם כי מהר"ר דוד שלחני בשליחות נסתר לתוגרמה אבל עתה האמת אגיד לפני עושה שמים וארץ כי לא מלתי ולא נסיעתי על פי בשר ודם כי אם על פי ה' אלהינו: ועתה אגיד המראות אשר ראיתי בחלומי:

וארא והנה זקן נכבד וזקנו ארוך מאוד ומראהו כשלג חיור ואמר לי בא עמי לחורבה אחת מחורבות ירושלים והלכתי עמו לשם ובתוך הדברים האלה נראה שאני בדרך זמן רב ובדרך ראיתי ג' אילנות שכולם יצאו משורש אחד וענפיהם נפרדות לכל רוח ועל הענפים ראיתי יונת (יונות .י) הרבה לבנות, וביניהן יונות אחרות מגוון דשן והם רבות מהלבנות, וגוון דשן שעליהם נראה שלא היה להם בטבע כבתחילה רק שהיו לבנות מקודם ונשתנו לגוון דשן. ויונות אחרות שחורות ביניהם והם מעטים מן הלבנות. וסמוך לאלו הלבנות היה שדה גדול רבוע ובתוך השדה עבר נהר גדול ומעבר הנהר היה עם רב אנשי המלחמה פרשים רוכבי סוסים בכלי מלחמה הרבה עד מאוד חרבות ורמחים וקשתות וכלי מלחמה מורים כדורים ברזל עם אש. וכוונת החיל הזה להכרית האילנות. ושמעתי אומרים האילנות הם משכונתינו לכך נכריתם ונפילם לארץ. ולא היו יכולים להגיע

לאילנות להכריתם שחנהר היה מפסיק ביניהם והיו מכים ליונות שחורות וגם למדושנות. ומיד היה נופלות לארץ והיו באים עופות גדולות והיו אוכלות את בשרם עד שלא נשאר אחד מהם: ואני רואה את המכה הגדולה מאוד הנעשה ביונות השחורות והמדושנות. ובעת ההיא קרבו אלי אנשים ושאלו מסני מה הדבר הזה. ואומר להם הנה הכו את היונות הללו הנופלות לארץ ועתה רוצים להכות גם את היונות אשר היו יפות מאוד מלאוי (מנעו ?) את האילן שלא ייבש. ויאמרו אלי האנשים נעשה להם גדר מעלה ומחיצה להגן בעדם. ואומר להם נעשה בזה ומהרנו להם לעשות להם מחיצה מעפר וקרשים סמוך לנהר ואנשי המלחמה לא השיבו אחור ידיהם מלהכות היונות ולהמיתם וכאשר ראו המחיצה שעשנו להצילם היו הורסים אותה בכלי מלחמה של אש וגם הכו קצת האנשים אשר היו עמי והעופות הגדולות היו יורדים לאכול את בשרם כמו שעשו להיונות. ובתוך זה הכו אותי בחזה בכדור ברזל בכלי אש ויצא הכדור מאחורי והתאמצתי והתחזקתי בטורח גדול שלא אפול לארץ ולא עצרתי כח ונפלתי לארץ ובנפלתי אמרתי אוי לי שיאכלו העופות את בשרי כמו שאכלו את בשר האנשים אשר אתי ולא יקברו אותי בין אחי. ועם כל זה הייתי מיושב בדעתי וראיתי מראות גדולות ואומר אמת הוא מה שאמרו בהיותי בחיים שדברים גדולים רואה אדם אחר המות יותר מחיים. ואראה היונות הלבנות שהיו באילן מקצתן נשתנו לגוון דשן והמדושנות נשתנו לגוון הלבן והאנשים העומדים אצלי שנשארו חיים הביאו לי אשה לרפאותי ושאלו אלו לאלו: מי האשה הזאת והשיבו לי זאת האשה פלונית אשת פלוני ועדיין לא הורשתי לגלות את שמה, ותתפלל האשה לפני הש״י בתחנונים ובתפילה שירפאני והאנשים ההם היו מתאבלים עלי עד מאוד והיונות היו הולכות ומתמעטות והרבה מהם נשתנה גוון שלהן, ובתוך תפלת האשה ההיא ראיתי כמראה איש ובגדיו לבנים כשלג ומראיהו כמראה אלהים וארא איש אחד כנגדו ומראהו נורא מאוד יותר מן הראשון ובגדיו יותר לבנים ויקרים ומפוארים והיו בידו מאזנים גדולות והיו מכוון לתקן המאזנים שוה בלי מטיה והתחיל ללכת בדרך איש הראשון שראיתי. השני איש הגדול ממנו היה הולך באויר כנגדו עד שהגיעו שניהם קרוב אלי. שאל איש הראשון לאנשים העומדים אתי: וכי ירד שום עוף על זה והשיבו. לא הנחנו לעופות שיגיעו עליו ומיד שלח האנשים ההם למרחוק עד שלא נראה שום אחד מהם בשדה ונשארנו שנינו יחד. והאיש הגדול והשני עמד עלינו באויר. והאיש הראשון נפל עלי וישת פיו על פי ועיניו על עיני וכפיו על כפי ודבר עמי דברים בשם אלהינו בלחש פעמים מספר ויעמידני על עמדי ויאמר לי: ההבנת את מקרה היונות האלה ושנוי גווניהם מה הן ועל מה הן מורות וגם הגוים האלה המכים אותם וממיתים אותם מה הוא? ואומר אדוני לא הבין עבדך את הדבר הזה עד עתה. אך נכמרו רחמי על היונות הללו עם חברי ורחמתי עליהם והיה לבי כואב עליהם אבל לא ידעתי מה הן וגם לא ידעתי מראיהן, ויאמר אלי שא נא עיניך וראה את כל החיילות הללו והבין סופן תדע מה הן היונות, ויפח על הגוים ההם ונעשו גל עפר והאיש הזה לא עבר הנהר לחכות הגוים ההם והיה בעבור הנהר אשר היו שם היונות וגם נפח על היונות אשר שינו גוונם הם וכולם נתלבנו ובהן לא היתה אחת משונה מחברתה והנהר הרבה מים יותר מבראשונה ויצאו אילנות על שפת הנהר מזה ומזה ופירותיהם משונות זה מזה בעת ההיא ואומר אל האיש הגד אדוני אל עבדו מה המופתים והנסים האלה אם מצאתי חן בעיניך. ויאמר אלי לא תוכל עתה לדעת את הדברים אבל לא יהיה נעלם ממך. והשתחויתי לפניו ואמרתי לו דבר אדוני אל עבדו. כדי שאהיה בטוח שארע פירושו כל (? של) אלו הדברים ויברך אותי. ואיקץ מהמראה הזאת ולא הבנתי מאומה ואחר כך ראיתי כמראה הזקן הראשון שראיתי במראות הראשונות והוא פירש לי הכל. ועדיין אין אני רשות לפרסם דבר ממה שפירש. וכשיגיעני הקדוש ברוך הוא לשלח לארץ אדום אעשה חבור בארוכה מכל שראיתי עם פירוש באר היטב ומשם אשלחנה ליראי ה׳ ולחושבי שמו.

Такимъ образомъ, Молхо, повидимому, оставилъ Португалію уже до 1526 г.

V. Странствованія Молхо въ Турціи и Италіи и его совмѣстная дѣятельность съ Давидомъ Реубени вплоть до ихъ гибели.

Изъ вступленія къ проповѣдямъ Молхо (также подъ заглавіемъ ס' המפואר) явствуетъ, что онъ былъ въ Салоникахъ до 1526 г., когда была напечатана эта книжечка (издана въ Салоникахъ въ פר״ף = 5289 = 1529 году). Тамъ сказано: למען אחי ורעי הנאהבים היושבים בשאלוניקי הדורשים מכני לשלוח להם איזה דרוש. Тамъ онъ познакомился съ кабалистомъ *Іосифомъ Тайтасакомъ*, къ которому онъ и обратился изъ Монастыря съ уже упомянутымъ посланіемъ (I). О томъ же свидѣтельствуетъ одно мѣсто въ его второмъ посланіи, гдѣ онъ упоминаетъ о первомъ письмѣ (у Іосифа Когена): ענין המראה אשר כתבתי מעיר מונינשטיריאו למהרר׳ יוסף טיטסה (ר״ל טיטסק) כי בהיותי שם שאל ממני. Далѣе онъ разсказываетъ, что *Яковъ Мантинъ* перевелъ его книжечку, въ коей онъ описывалъ свое первое видѣніе, на латинскій языкъ и передалъ ее кардиналамъ въ качествѣ обвинительнаго акта противъ Молхо: מראת הראשונה אשר שלחתי אל כמ״ר יוסף טיטסק העתק ממנו גנוב הוא אתו והעתיקה (יעקב מאנטין) ללשון נוצרי והראה אותה לכמה חשמנים. Молхо познакомился и съ *Іосифомъ Каро*, вѣроятно въ то время, когда послѣдній жилъ еще въ Адріанополѣ. Какъ извѣстно, авторъ Schulchan Aruch'а еще до 1522 г. переселился изъ Никополя въ Адріанополь, а оттуда въ Салоники, гдѣ онъ жилъ еще въ 1533 г. (Conforte, стр. 35). Въ Сафетѣ онъ былъ до 1538 г., когда Яковъ Беравъ возобновилъ тамъ рукоположеніе (см. выше, стр. 249). Каро являлись кабалистическія видѣнія, причемъ описанія этихъ видѣній въ Салоникахъ и Сафетѣ собраны—хотя и не полностью—въ мистическомъ сочиненіи, מגיד משרים [1]). Онъ имѣлъ эти кабалистическія видѣнія уже во время своего пребыванія въ *Адріанополѣ*, что доказываетъ одно мѣсто (тамъ же, стр. 50, собственно, стр. 70): אם קודם לכן תרצה ללכת לשאלאניקי לתקן ספרך (בית יוסף) עשה אלא שלא תתישב שם. Здѣсь, повидимому, Каро и познакомился съ Соломономъ Молхо. Но сначала я долженъ привести доказательства

---

[1]) Maggid, отпечатанный сначала въ Венеціи въ 1645 году и дополненный въ 1654 г., былъ часто издаваемъ. (Я цитирую по амстерд. изданію 1708 г.). Подлинность этого сочиненія не подлежитъ сомнѣнію, т. е. Іосифъ Каро, дѣйствительно, описалъ свои видѣнія. Въ доказательство можетъ быть приведена одна дата. Въ отдѣлѣ פ׳ תבא, стр. 61 сообщается о видѣніи, которое явилось Каро въ день обрѣзанія его сына: אור לט״ו אלול שנת ה׳ש׳כ״ט יום ברית הילד . . ושמא דילד דתיטול יומא דין יהודה, והוא יהיה סימנא לך בתודה ותשבח לה׳ אשר הפליא חסדיו ורחמיו עמך להאיר עיניך. Слѣдовательно, этотъ сынъ, Іегуда, родился 8 элула = августа 1569 г. Самъ Іегуда подтверждаетъ правильность этой даты. При приготовленіи къ печати Reспр. его отца (תשובות חלק נשים) Іегудѣ было 27 лѣтъ, какъ сказ. во введен.: כי . . אמר הצעיר יהודה ב׳ ויהי שנת ה׳ש׳נ׳ח צעיר אנכי לימים כבן ז׳ך שנים אנכי היום. Печатаніе было закончено = теветъ 5358 г. = въ декабрѣ 1597 г. Если ему тогда было 27 лѣтъ, то, слѣдовательно, онъ родился въ 1569 г. (ср. прим. 9 по поводу другой правильной даты изъ Maggid'а). Изъ одного мѣста въ Maggid можетъ, правда, съ перваго взгляда показаться, что Каро имѣлъ видѣнія еще во время своего пребыванія въ Никополѣ, т. е. еще до 1522 г. (стр. 22): והלא את חזי דההיא קרתא דניקופול איתגזר עלה בגין מיעוט צדקה . . . ואת קום ואפיק ביתא מהאי אתרא וגם תיעץ לחותנך דיפיק ביתא. Однако, тутъ, повидимому, опечатка вмѣсто אדרינופול. Ибо невозможно, чтобы Каро уже до 1522 г., т. е. уже въ тридцать лѣтъ (Каро родился въ 1488 году), имѣлъ зятя.

ихъ знакомства, являющагося весьма важнымъ событіемъ для исторіи развитія кабалистическаго и равинскаго іудаизма. Maggid, стр. 65 spiritus familiaris или *олицетворенная Мишна* возвѣщаетъ Каро: ואזכך לאיתוקדא בארץ ישראל ברבים לקדשא שמי בפרהסיא והיסוק לעולתא על מדבחי - - - - ואזכך למגמר חיבורא דילך לאנהרה ביה עיני כל ישראל. דהא כל עמים חכמים ונבונים ומשכילים ישאבון מחבורך דילך דאקרי בית יוסף - - ופוק חזי מאי אדביקת ולמאי תזכה לקדשא שמי ברבים כך שלמה בחירי זכה דאתקרי מלכו דאהמשח ממשח רבות עלאה וסליק לרעוא על מדבחי והכי נמי תסתלק את. Смыслъ этого вздора слѣдующій: подобно тому, какъ Соломонъ, называемый *Молхо*, т. е. царственный, былъ удостоенъ помазанія свыше и мученичества, такъ и онъ, Іосифъ Каро, будетъ удостоенъ терноваго вѣнца, Это мѣсто написано послѣ смерти Молхо, т. е. послѣ 1532 г. и до окончанія сочиненія בית יוסף, т. е. до 1542 г. Отсюда ясно, что всюду, гдѣ въ Maggid говорится о שלמה בחירי или о שלמה ידידי, имѣется въ виду Молхо. Изъ другого мѣста (стр. 69 тамъ же) явствуетъ, что Каро находился *въ постоянныхъ сношеніяхъ* съ Молхо и обучался у него кабалистикѣ: וכאי דאוליף לך שלמה בחירי . . לא שפיר קאמר. Далѣе тамъ значится: ובתר הכי אנהר לך למקרבא לדחלתיה ואערא קמך שלמה בחירי למחזי אי תנדע ליה וזכו הוה לך דאשמודעהא ליה ואוליפת מניה למדחל יהי ואוף כתבתי (י״ קתבת) עליה טבון לההיא קרתא רבתא דאזל עד דאתערו הנהו חבריא קדישא. למכתב למריהין והאי זכותא תלי בך דאתערו דילך עביד. Ср. еще тамъ же, стр. 4, 9 и 21 Ясно, что Каро считалъ своей заслугой, что онъ *узналъ Молхо, сразу обратилъ вниманіе на него и рекомендовалъ его одному большому городу*. Этимъ большимъ городомъ были, вѣроятно, Салоники. Молхо долженъ былъ быть сначала въ Адріанополѣ и лишь потомъ въ Салоникахъ. Въ Монастырѣ онъ также былъ, но неизвѣстно, въ началѣ ли или въ концѣ своего пребыванія въ Турціи. Изъ другого мѣста явствуетъ, что Каро имѣлъ желаніе встрѣтиться съ Молхо въ Палестинѣ (Стр. 25): כי אזכך לעלות לארץ ישראל ולהתיהד שם עם שלמה ידידי ועם החברים ותלמוד ותלמד ואחר כך אזכך לישרף. Тамъ же (стр. 3) Каро цитируетъ одно сочиненіе Молхо: הלא לך למנדע דמאי דמדקדק האי צדיקא שלמה ידידי בספרא נעלמת דקאמר האי חכימא ש״ט שמיה יאה דקדק .

Что Молхо былъ въ *Палестинѣ* видно изъ его второго посланія изъ Италіи (конецъ), которое несомнѣнно адресовано въ Палестину, по всей вѣроятности, въ Сафетъ. Тамъ онъ имѣлъ возлюбленную (Schalschelet). Какъ долго онъ пробылъ въ Турціи и Палестинѣ, точно нельзя установить. За дней тридцать до адара (январь или февраль 1530 г.) онъ уже былъ въ Римѣ (II, посланіе у Іосифа Когена). Раньше онъ долгое время проживалъ въ *Анконѣ* и *Пезаро*. Слѣдовательно, онъ прибылъ въ Италію въ теченіе 1529 года. По всей вѣроятности, онъ прибылъ туда прямо изъ Палестины, гдѣ онъ, повидимому, и составилъ свои проповѣди, не позже 1529 года. Такъ какъ онъ во время своего пребыванія въ Португаліи врядъ ли много занимался кабалой, то онъ, очевидно, основательно изучилъ ее послѣ своего бѣгства въ Турцію. Его выѣздъ изъ Португаліи послѣдовалъ еще въ теченіе 1525 года (см. выше, стр. 457), и онъ могъ изучить кабалу въ промежутокъ времени отъ 1525 до 1528 г. Еврейскому языку онъ, повидимому, научился въ Португаліи.

Какъ уже выяснилось, онъ изъ Палестины прибылъ въ Анкону, гдѣ онъ пробылъ нѣкоторое время, а оттуда черезъ Пезаро направился въ Римъ. Тамъ онъ пробылъ не больше года, ибо уже въ адарѣ 1531 г. (בחדש שנים עשר בשנת כי)

. . . . . (שמעתי אמרים) покинулъ Римъ. И только въ теченіе 1530 года онъ снова сошелся съ Давидомъ Реубени и тогда только понялъ, что послѣдній мистификаторъ. Въ Римѣ онъ проповѣдовалъ каждую субботу (второе посланіе и португальскій докладъ, см. выше, стр. 448). Въ теченіе 1530 года онъ познакомился съ папой Климентомъ VII и получилъ отъ него охранительную грамоту (במחון האפיפיור . . . איך הוא נותן כח ורשות לעשות כרצוני, тамъ же и португальскій источникъ VI). До наступленія наводненія въ Римѣ, которое онъ, по его словамъ, предсказалъ папѣ, слѣдовательно, *до* 8 октября 1530 г. онъ оставилъ Римъ и провелъ нѣкоторое время въ Венеціи, чтобы отпечатать свое новое кабалистическое сочиненіе. Послѣ наводненія онъ прибылъ снова въ Римъ и былъ еще тамъ послѣ португальскаго землетрясенія 31 января 1531 г., когда вѣсть объ этомъ дошла до Италіи, т. е. еще въ теченіе февраля. И только между 18 февраля и 18 марта, т. е. въ адарѣ того же года, онъ принужденъ былъ оставить Римъ, въ виду участившихся обвиненій противъ него. Его второе посланіе относится къ этому времени. Въ то время его слава уже такъ широко распространилась, что на Востокѣ, въ Польшѣ и другихъ странахъ съ его именемъ связывали месіанскія упованія (то же посланіе и источникъ III). Начиная съ этого времени, т. е. февраля или марта 1531 г., и кончая его поѣздкой къ императору Карлу лѣтомъ 1532 г., у насъ нѣтъ прямыхъ извѣстій о немъ. Онъ тогда впервые путешествовалъ вмѣстѣ съ Реубени. Его отъѣздъ изъ Рима повелъ къ тому, что враги марановъ пріобрѣли вліяніе на папскую курію, въ особенности, послѣ смерти его покровителя, Лоренцо Пучи, и добились изданія папской булы отъ 17 сентября 1531 г. cum ad nihil magis о введеніи инквизиціи въ Португаліи.

Относительно совмѣстной поѣздки Молхо и Давида въ Регенсбургъ къ Карлу V, сожженія перваго и заключенія въ темницу второго нечего добавить къ еврейскимъ и христіанскимъ источникамъ. Слѣдуетъ только упомянуть, что сообщеніе, будто они хотѣли обратить императора въ іудейство, является пустымъ вымысломъ. Дѣйствительный мотивъ ихъ поѣздки къ императору сообщаетъ Іоселманъ изъ Росгейма, который былъ одновременно съ ними въ Регенсбургѣ, чтобы искать защиты для своихъ преслѣдуемыхъ единовѣрцевъ; но онъ не видался съ ними, а, напротивъ, уѣхалъ изъ Регенсбурга, дабы не быть заподозрѣннымъ въ соучастіи. Молхо хотѣлъ добиться согласія императора на вооруженіе евреевъ для похода противъ Турціи (дневникъ въ Revue des Etudes, XVI, стр. 91, № 17): . . . בשנת ר׳צב באותן הימים בא האיש לועז גר צדק המכונה ר׳ שלמה מולקה בדעות חיצוניות לעורר הקיסר באמרו שבא לקרא כל היהודים לצאת למלחמה נגד התוגר . . . . וכשמעי . . כתבתי אגרת לפניו להזהירו שלא לעורר לב הקיסר . . . וסלקתי מן העיר רעגינשפורק כדי שלא יאמר הקיסר ידי אתו במלאכתו. Въ дѣйствительности дѣло шло, вѣроятно, не о всѣхъ евреяхъ, а только объ испанскихъ и португальскихъ маранахъ, и Карлъ долженъ былъ дать разрѣшеніе послѣднимъ выселиться изъ странъ инквизиціи. Этотъ планъ вовсе не былъ авантюрой. Это было весьма разумное видоизмѣненіе плана Давида Реубени получить отъ христіанскихъ князей пушки для войны противъ магометанъ въ Аравіи. О Давидѣ Іоселманъ не говоритъ, и только въ концѣ упоминаетъ, что императоръ, послѣ первой же бесѣды, приказалъ заковать Соломона Молхо и сжечь его въ Болоньѣ. Напротивъ, Видманштадтъ и Іосифъ Когенъ сообщаютъ, что онъ былъ сожженъ въ Мантуѣ. Послѣдній сообщаетъ, что Давидъ былъ заключенъ въ испанскую темницу.

Увлеченіе Молхо продолжалось и послѣ его смерти. Изъ одной анаграмы кабалиста *Іосифа де Арли* видно, какъ много надеждъ возлагали кабалисты на Молхо и что они соединяли свои меcіанскія упованія съ реформаціей Лютера. Луцато сообщаетъ изъ одного манускрипта изъ библіотеки Алманци (Maskir V, стр. 45) анаграму Іосифа де Арли, т. е. кабалистическое предсказаніе на основаніи двухъ стиховъ изъ Іешаи, причемъ каждая буква начинаетъ собою слово: גמטריאות לנעלה כמהריר י ו ס ף מ א ר ל י. Первый стихъ הלא פרוס לרעב לחמך ועניים מרודים תביא בית (Іешая LVIII,7), взятый въ обратномъ порядкѣ, преобразованъ въ: תהיה ישועתנו בעת אמונת ישו בארץ הפול מפני יד דתות וחקים רבים משונים. מ[1]) .. יחדש נגד עמים ושרים. כי ממשלתו חזקה לנצח בכל עוז רומה למשסה סורה וגולה. רעת פ[2]) .. אלילים לנצח הורס. Второй стихъ: כי לי איים יקוו ואניות תרשיש בראשונה להביא בניך מרחוק כספם וזהבם אתם לשם יהוה אלהיך ולקדוש ישראל כי פארך (т. же 60, 9) преобразованъ въ: כאשר יתעורר ל (ומור) יהיה אשכנז יחד ירא מ[3]) ... יבוזה
קלימינטי ומלכותו וכומריו ואלהיו. אף נקמות יעשה והרג, תבל תפלות רשע, . שטותו יגלו שמים בשנה רביעית, אשר שלח והביא נגעי הריסתו למלאות העיר בולוניא יד אוכלוסים בעת נתנו ידיו כתר מלכות רוממה (רומה?), חשק ורצון קיסר כלבב ספרד. פקודת מלחמות ורעות זרות, הפוכים, בלבולי מעמדות, אז תגלגל מרה לנקום שדיפת מולכו, ישראלי הושלך ונשרף, ה' אניות לעשרת השבטים ינשאוהו כרצונו וצביונו להציל קדושת דמותו. והתמונה שלמה יבי'ם שונאו, רזים אלה לישראל כלם. ישועות פקד אלהים רפואת כלם.

Эта кабалистическая анаграма составлена послѣ смерти Молхо, послѣ 1532 г. בשנה הרביעית. на четвертомъ году, повидимому, означаетъ, что черезъ четыре года послѣ коронаціи императора Карла въ Болоньѣ должно было осуществиться меcіанское предсказаніе Молхо. Какъ извѣстно, папа Климентъ принужденъ былъ противъ своей воли совершить эту коронацію. На это намекаетъ анаграма. Коронація произошла 22 и 24 февр. 1530 г.; слѣд. получается 1534 г. Анаграма, повидимому, и составлена въ 1533 или 34 г. Автора называютъ יוסף מארלי или ארלי; Луцато тамъ же называетъ его דרלי, т. е. de Arli или איש ארלי (въ одномъ его письмѣ, Maskir IV, стр. 98, примѣч.). По сообщенію *Леона де Модена* (Ari Noham, стр. 75), Іосифъ былъ возмущенъ печатаніемъ Зогара въ Мантуѣ и написалъ сатирическое посланіе по адресу перваго издателя, Эмануила де Беневентъ: הוא (עמנואל) אשר כתב לו ר' יוסף מארלו הכתב הרשום המתחיל: מלא רחב ארצך עמנואל . . . כל מלתא דמתאמרי באנפי תלתא לית בה משום לישנא בישא.

---

[1]) Это слово было непонятно Луцато; это, вѣроятно, מרטין = Мартинъ Лютеръ.

[2]) פ можетъ быть פיפיור = אפיפיור, папа.

[3]) Нейбауеръ приводитъ изъ одной колекціи (Revue des Etudes XII, стр. 92) сходное слово, опирающееся на стихъ изъ кн. Михи II, 13, и выражающее предсказаніе паденія Рима и наступленія меcіанскаго времени вслѣдствіе войны между Францемъ и Карломъ V.

6.

Документъ къ исторіи возникновенія инквизиціи въ Португаліи; итальянское сообщеніе; фамилія Мендесъ Наси.

Въ то время, какъ инквизиція въ Испаніи была введена однимъ росчеркомъ пера, введеніе ея въ Португаліи продолжалось долгое время и сопровождалось борьбой, интригами и крупными столкновеніями. Прекрасной иллюстраціей этого могутъ послужить документы, которые Геркулано впервые открылъ въ архивахъ и опубликовалъ. Дополненіемъ къ нему является Итальянскій докладъ отъ 1564 года (Informationi), авторомъ коего, повидимому, является проживавшій въ Римѣ посолъ или агентъ венеціанской республики, быть можетъ *Джироламо Соранцо*. Манускриптъ этихъ Informationi находится въ императорской библіотекѣ въ Берлинѣ (Manuscripti Italiani Folio № 16, обширный кодексъ, содержащій много отдѣловъ; упомянутая рукопись помѣщена въ 13 отдѣлѣ). Давидъ Касель перевелъ Informationi на еврейскій языкъ (Kerem Chemed VIII); но онѣ заслуживаютъ быть изслѣдованы и освѣщены въ оригиналѣ. Къ тому же переводъ Каселя страдаетъ неточностью въ передачѣ многихъ именъ, а также важной опечаткой, будто Павелъ III наказалъ и изгналъ анконскихъ марановъ; эта ошибка становится ясной лишь послѣ ознакомленія съ оригиналомъ. Итальянскій докладъ содержитъ, кромѣ исторіи возникновенія португальской инквизиціи, еще многіе другіе важные факты, не извѣстные другимъ источникамъ. Однако многое въ этихъ Informationi должно быть исправлено и выяснено, ибо авторъ сообщаетъ о португальскихъ событіяхъ лишь по слухамъ, и кромѣ того весьма неточенъ въ области хронологіи.

Нѣсколько замѣчаній помогутъ намъ лучше освѣтить нѣкоторыя мѣста Informationi:

1) Геркулано также приводитъ свѣдѣнія о Фермафедѣ или по-португальски Фирме-Фе (I, стр. 195 и д.); согласно этимъ свѣдѣніямъ, послѣдній былъ мара номъ и назывался собственно *Генрихомъ Нунесомъ*. Геркулано относитъ его смерть къ февралю 1525 года (тамъ же, примѣчаніе). Судя по оставшемуся письму Фирме-Фе, онъ былъ шпіономъ.

2) Геркулано не знаетъ (стр. 200), съ какой цѣлью Фирме-Фе отправился въ Испанію. Итальянское сообщеніе указываетъ, что онъ имѣлъ порученіе относительно введенія инквизиціи, о чемъ тайно узнали мараны. Геркулано еще въ одномъ пунктѣ противорѣчитъ Informationi. Первый сообщаетъ, что шпіонъ былъ убитъ въ мѣстности Бадайоца во время поѣздки *въ Римъ*, Informationi относитъ то же событіе ко времени его *возвращенія* изъ Рима.

3) Informationi не касаются булы Климента VII о разрѣшеніи инквизиціи, не упоминаютъ объ отозваніи этой булы, а также о всѣхъ переговорахъ по этому вопросу, которые велись съ 1531 г., и переходятъ прямо къ разрѣшенію инквизиціи Павломъ III 25 мая 1536 г.

4) Геркулано извѣстна также и кощунственная прокламація въ Лисабонѣ, (тамъ же II, 205 и д.), которую онъ относитъ къ февралю 1539 г. Но онъ не знаетъ имени ея автора, *Мануела де Коста*, который упоминается лишь въ Informationi.

5) Появленіе маранскаго месіи, *Людовика Діаца*, и его приверженца, *Франциско Мендеса*, относится лишь къ 10 февраля 1542 г., согласно докладу, сдѣланному Г. Гейне.

6) Обильные источники того времени совершенно не знаютъ весьма богатой португальской маранки, по имени *Бріанда*, которая долгое время проживала христіанкой въ Ферарѣ и Венеціи, затѣмъ отправилась въ Турцію, выдала тамъ замужъ свою дочь и приняла со своей семьей іудаизмъ. Это описаніе во всѣхъ своихъ частяхъ подходитъ къ *Граціи Мендезіи*. Авторъ Informationi, вѣроятно, и имѣлъ ее въ виду, когда приводилъ примѣръ, какъ мараны обыкновенно уходятъ въ Турцію со своими богатствами. Бріанда, несомнѣнно, искаженное имя *Мендезіи*. Такъ называлась дона Грація, когда была христіанкой; ея мужа звали *Франциско Мендесъ*, а ея шурина *Діого Мендесъ*. Не слѣдуетъ смущаться тѣмъ, что, по словамъ Informationi, она выдала свою дочь за сына лейбъ медика султана. Ибо тогдашній французскій посланникъ въ Венеціи также раздѣлялъ это заблужденіе и передавалъ слухъ о томъ, будто дочь португальской *Мендесъ* повѣнчана или помолвлена съ сыномъ лейбъ медика султана, Гамона (Charrière, Négociations de la France, II, стр. 101). До 1566 г. ея шуринъ, Іосифъ Наси, былъ неизвѣстенъ въ Европѣ; поэтому въ то время были плохо освѣдомлены о немъ и о его отношеніяхъ къ донѣ Граціи. Своеобразное положеніе марановъ принуждало ихъ принимать различныя имена. Французскіе послы называли Грацію во все время ея пребыванія въ Венеціи и Ферарѣ Менде или la Mende portugaloise (у Charrière, тамъ же). Грацію и ея сестру они называли: les deux soeurs portugaloises, nommées M e n d é s (тамъ же 119).

Что касается имени ея мужа и шурина, то Геркулано извлекъ ихъ изъ письма нунція (отъ января до марта 1536 г.); благодаря этому мы познакомились и съ той ролью, которую играла эта фамилія въ дѣлѣ предотвращенія португальской инквизиціи. Препятствія со стороны папской куріи Павла III, медлившей съ окончательнымъ признаніемъ инквизиціи, обошлись маранамъ весьма дорого. Дуарте де Пацъ велъ переговоры съ куріей въ Римѣ, а видные португальскіе мараны имѣли тайныя совѣщанія съ нунціемъ, епископомъ Синигагліи, *Марко де ла Ровере*, въ Португаліи. Когда же требованія ненасытной папской камарильи стали все возрастать, и мараны, не имѣя возможности добыть столь крупныя деньги стали обвинять своего представителя, Дуарте де Пацъ, въ томъ, что онъ отъ имени марановъ далъ обѣщанія, которыхъ невозможно исполнять, и обогащался на ихъ счетъ, весь этотъ безобразный торгъ провѣдалъ португальскій дворецъ, и нунцій не получилъ въ Португаліи требуемыхъ или обѣщанныхъ денегъ. Отозванный изъ Португаліи, онъ отправился черезъ Фландрію въ Римъ, чтобы вымогать деньги у проживавшихъ тамъ марановъ. Въ письмѣ своемъ отъ 1536 г., де ла Ровере упоминаетъ (Геркулано II, стр. 159) о „Діого Мендесѣ, самомъ богатомъ и видномъ португальскомъ маранѣ во Фландріи и его невѣсткѣ, вдовѣ его брата, Франциско Мендеса"; съ перваго взгляда можно узнать, что тутъ рѣчь идетъ о донѣ Граціи Наси, ея умершемъ мужѣ, который завѣщалъ ей все свое огромное состояніе, и объ ея шуринѣ, участникѣ крупной банковской фирмы, которые стали намъ извѣстны изъ Respp. Іосифа Каро (אבקת רוכל № 80) и Самуила де Медина (II № 3 до 8), благодаря счастливой комбинаціи М. А. Леви. Въ 1541 г. мараны снова собрали значительную сумму денегъ для папы, которыя ихъ новый представитель, Діого *Фернандо Нето*, получилъ черезъ посредство Діого Мендеса (тамъ же, стр. 321). Было бы удивительно, если бы дона Грація Наси, которая такъ много сдѣлала для „su naçao portuguesa", для португальскихъ марановъ (какъ объ этомъ не уста-

етъ повторять Самуилъ Уске), не стояла бы своими богатствами и своимъ мудрымъ совѣтомъ во главѣ тайной агитаціи противъ инквизиціи. Кстати слѣдуетъ отмѣтить, что она уже въ 1535 г. была вдовой и жила во Фландріи (письмо нунція начато въ январѣ 1536 г.), изъ чего можно заключить о возрастѣ ея дочери и Іосифа Наксосскаго; ея же шуринъ, Діого Мендесъ, жилъ еще въ 1541 г. Дона Грація отправилась въ Италію послѣ 1541 г., а именно между 1541 и 48 г.; въ 1548 г. она уже была нѣкоторое время въ Венеціи. Ибо французскій посланникъ въ Венеціи, Mr. де *Морвилье,* пишетъ 12 іюля 1549 г.: „L'âinée de deux Mendés, qui a l'entière administration de tout le bien, s'est, il y a sept ou huit mois, retirèe (de Venice) avec sa fille à Ferrare souls sauf conduit bien ample qui lui a taillé Mr. le duc. Такимъ образомъ въ концѣ 1548 г. она уже покинула Венецію. Несомнѣнно, что она пробыла нѣкоторое время въ Ферарѣ; на это указываетъ, вѣроятно, хорошо освѣдомленный французскій посланникъ въ Венеціи, а Informationi подтверждаютъ это. Она прожила тамъ нѣсколько лѣтъ, а именно съ конца 1548 г., еще въ сент. 1552 г., когда Самуилъ Уске посвятилъ ей свое сочиненіе, Consolaçao, и, по крайней мѣрѣ, до 1 марта 1553 г., когда Авраамъ Уске посвятилъ ей испанскую Библію. Похвала, которую онъ воздалъ ей въ посвященіи и текстѣ (стр. 231), называя ее ангеломъ, посланнымъ Богомъ для спасенія преслѣдуемыхъ и гонимыхъ марановъ, основано на личномъ опытѣ Уске. Онъ и многіе другіе мараны въ Ферарѣ были облагодѣтельствованы ею. М. А. Леви (Іосифъ Наксосскій, прим. 42) ссылается на Іошуу Сонцина въ подтвержденіе своего взгляда, будто дона Грація либо совсѣмъ не была въ Ферарѣ, либо проживала тамъ въ теченіе весьма непродолжительнаго времени, отправившись изъ Венеціи непосредственно въ Константинополь; но его доказательства не совсѣмъ убѣдительны. Сонцинъ хотѣлъ лишь указать на ея *намѣреніе* покинуть Венецію, чтобы отправиться въ Констинополь (Resp. № 20): בנסעה הגברת מויניצייא לבא פה קושט׳. Въ дальнѣйшемъ (тамъ же) имѣется, повидимому, опечатка въ датѣ: אחרי ד׳ שנים לצאת הגברת מויניצייא אירעו באיטלייא הרבה מאורעות ומקרים מצאו שמה את אנשי עמנו. Бѣдствіе, о которомъ идетъ рѣчь тутъ, состояло въ заключеніи въ темницу марановъ въ Анконѣ въ 1555 г. Такимъ образомъ со времени отъѣзда Граціи изъ Венеціи прошло 7 лѣтъ (по указанію Морвилье), а, слѣдовательно, правильно будетъ אחרי ז׳ שנים. Сонцинъ самъ указываетъ: ея племянникъ и должникъ, *Агостинъ Энрикесъ*, отдавалъ ей отчетъ въ дѣлахъ регулярно каждыя 4 или 5 лѣтъ, считая со времени ея отъѣзда изъ Венеціи, т. е. съ 1548 г.; лишь съ этого времени онъ отказался заключить счеты. Продолжительность ея жизни можетъ быть приблизительно установлена. Въ 1535 она была уже вдовой, въ 1565 и 65 г., когда Фюреръ ф. Гаймендорфъ посѣтилъ Тиверіаду, Грація была еще въ живыхъ (Путешествіе въ обѣтованную страну, стр. 278). Въ 1568 г. она, повидимому, уже скончалась. Когда *Моисей Алмоснино* произносилъ надгробное слово при погребеніи *Іошуи Сонцина* 10 нисана 1569, онъ сказалъ (Собраніе проповѣдей, מאמץ כח, № VIII, стр. 64): והנה בדרוש שדרשתי על הגברת מרת גראסיאה נשיא נ״ע. Она, повидимому, скончалась раньше, чѣмъ ея шуринъ былъ сдѣланъ герцогомъ, т. е. около 1565—66 г. Родилась же она, вѣроятно, въ началѣ столѣтія.

Какъ извѣстно, дона Грація, поселившись въ Константинополѣ, приняла энергичное участіе въ судьбѣ марановъ, склонивъ султана Сулеймана къ противодѣйствію безчеловѣчной жестокости Павла VI. Іосифъ Когенъ, разсказавъ

о заключеніи въ тюрьму анконскихъ марановъ, сообщаетъ и этотъ фактъ (Emek ha-Bacha, стр. 117): ובקנסטנטינופולי אשה גדולה מיתר האנוסים ביאטריצי שמה ותלך אל שולימאן המלך ותתחנן לו. ושלח אל פאולו הבליעל לאמר שלח את אנשי ושמע בקולי (Беатриче или Беатриче де Луна было, какъ извѣстно, одно изъ именъ Граціи). Въ сборникѣ писемъ Lettere de principi (Венеція 1581 г.) III, стр. 171 сохранилось посланіе султана Сулеймана къ полусумасшедшему папѣ, Карафѣ или Павлу IV.

Относительно упоминаемой въ Informationi казни марановъ по приказу Павла IV въ настоящее время имѣется много современныхъ источниковъ, напримѣръ, элегія Якова де Фано, обнародованная въ Revue d. Et. X, 154 и сл. и элегія Соломона Хазана, напечатанная изъ рукописи Бодлеяны въ журналѣ Libanon V, 343. Имена мучениковъ точно перечислены у Кауфмана Revue т. же 152.

Исторія дона Іосифа, тѣсно связанная съ жизнью его тещи, доны Граціи, уже освѣщена на основаніи надежныхъ источниковъ. Тутъ мы хотимъ лишь привести два латинскихъ письма къ нему польскаго короля, Сигизмунда Августа; одно изъ нихъ, помѣченное 1570 г., показываетъ, какое высокое положеніе занималъ Іосифъ и какимъ вліяніемъ онъ пользовался. Алекс. Краузгаръ (Исторія евреевъ въ Польшѣ, historya Zydow w Polsce II, стр 318) и Матѳей Берзонъ (въ ежемѣсячникѣ Франкеля и Греца, годъ 1869, стр. 423) отпечатали эти оба письма, извлеченныя ими изъ архива:

1. Judaeo Nasi Sigismundus Augustus rex. Excellens domine amice noster dilecte. Redit ad felicitatem vestram Joannes Vancimulius Vincentinus pro expeditione negotii, per ipsum nobis enarrati, expectabimus nos ut communibus votis felices eventus respondeant.

Interimque procurabimus in promptu habere omnem illam summam quae ad centumquinquaginta millia suis temporibus exbursanda ascendit; Deus Optimus Maximus una cum suo Ministro transmittendo ad nos reducat, ut omnia hinc inde promissa adimpleri possint, ab eodem Celsitudo Vestra intelligere poterit, quam prompta sint voluntas nostra, et animi propensio erga illam tam espectu privilegiorum suo tempore confirmandorum quam cujusvis alterius officii praestandi, quod ab ipso Vancimulio plenius intelliget, quem illi pro securitate sua ex animo commendamus. Varsaviae, die XXV Februarii.

2. illustris Princeps amice noster dilecte. Gratissima est nobis egregia ista voluntas. Illustritatis Vestrae erga nos, quam nobis partim litterae illustritatis Vestrae repraesentant, partim etiam renuntiant ii, qui istinc ad nos reverti solent. Quod cum ita sit, persuadere sibi debet Illustritas Vestra, paratos nos vicissim esse atque fore ad referendam parem gratiam illustritatis Vestrae, quotiescunque se ejus declarandae occasio praebuerit. Nunc cum in negotiis nostris mitteremus istuc ad Excelsam Portam nobilem Andream Taranowski, internuncium nostrum, noluimus illum sine nostris ad illustritatem vestram litteris discedere, postulantes ab illustritate Vestra, ut si qua in re, in negotiis nostris, opere, officio, favore illustritatis Vestra opus habuerit, sentiat sibi has Nostras litteras magno apud illustritatem Vestram in rebus omnibus adjumento fuisse.

Datum Varsaviae, die VII Martii anno MDLXX.

Одно мѣсто въ первомъ письмѣ: „espectu privilegiorum suo tempore confirmandorum“ указываетъ, повидимому, на то, что Іосифъ Наксосскій требовалъ

подтвержденія нѣкоторыхъ привилегій въ пользу своихъ польскихъ единоплеменниковъ и что король обѣщалъ исполнить его просьбу.

Госп. Галберштамъ сообщилъ мнѣ, что въ одномъ мануск-ѣ, находящемся въ его владѣніи (№ 390) содержатся письма итальянскихъ равиновъ, гдѣ указывается, что Іосифъ Наксосскій отправилъ къ польскому королю посольство съ большой свитой. Сообщеніе гласитъ: שמעתי אחורי הפרגוד איך כמ׳ יוסף נשיא יר״ה. שלח ציר מיוחד אל המלך מפולוניא עם שרים ועבדים עמו ונעשה לו כבוד גדול ולכל העם אשר היה עמו . . . אבל לא נודע מחמת עסק מה היה שם הציר.

Посольскіе переговоры между польскимъ королемъ и Портой касались въ то время (1570 г.) избранія воеводы въ Молдавіи, въ коей были заинтересованы обѣ стороны. Польша поддерживала юнаго Богдана, Порта же была противъ него, такъ какъ она знала, что онъ хочетъ освободиться отъ ея сюверенитета. Поэтому Турція поддерживала авантюриста Ивонію. Но король Сигизмундъ Августъ былъ такъ заинтересованъ въ утвержденіи Богдана, что отправилъ къ султану въ Константинополь чрезвычайнаго посла, *Тарановскаго* (ср. Цинкейзена, Исторія османской имперіи III, стр. 519). Во второмъ посланіи короля къ Іосифу Наксосскому и идетъ рѣчь объ этомъ Тарновскомъ. Ему было поручено поддерживать планы короля. Цѣль посольства, отправленнаго Іосифомъ къ Сигизмунду Августу, мнѣ неизвѣстна.

Давидъ Кауфманъ сообщилъ въ Jewish Quarterly Review (Vol. II, стр. 305 и сл.) новые интересные документы къ исторіи Іосифа Наксосскаго. Такъ какъ этотъ журналъ мало извѣстенъ внѣ Англіи, то нѣкоторыя выдержки, касающіяся дона Іосифа и исторіи евреевъ въ Церковной области, не будутъ излишни. Одно посланіе написано небольшой общиной *Коре* въ Кампаніи, разоренной папскими булами, ко всѣмъ итальянскимъ общинамъ съ просьбой о денежной помощи (№ 167), а другое посланіе отъ анконской общины, которая рекомендуетъ и проситъ оказать помощь эмигрантамъ изъ Коре (№ 168). Изъ перваго посланія явствуетъ, что обѣднѣвшая община рѣшила выселиться подъ вліяніемъ призыва Іосифа Наксосскаго, приглашавшаго евреевъ поселиться въ новывыстроенной имъ Тиверіадѣ. Между прочимъ тамъ упоминается, какія страданія претерпѣли общины Церковной области отъ булъ Павла IV и Пія V: ויהי כי הקיפו ימי הצער והטירודים והמסיות והצרות והעולות . . . בזמן הפיפיור פאולו הרביעי שאז מה מאוד הקיפה הצעקה אל גבול ישראל . . . . מן העבודה הקשה אשר עבד בינינו מהבולא שהוציא כנגדנו עד שלא נשאר לנו מחיה. והדוחקים עלו השתרגו על צוארינו ביציאת הקומיסאריו שהיו נוטלים את ממונינו ועונשים אותנו או לגליא או למיתה, באופן שמי לא היה בידו כח לסבול ולקדש את השם היו ממירים דתינו הקדושה עד שארכו (צ״ל שרבו) כמו רבו הממירים בזמן ההוא. והנשארים לא נשאר להם בלתי אם נויהם וצורתם . . . . ובפרט מלכות קמפנייאה אשר עירנו בתוכה . . . . וזה בא הזמן בוקה ומבוקה ומבלקה . . . . כלנו קבצו פארור מגודל סדרי הבולא קשה ועצומה שיצאת (צ״ל שיצאה) עם כל דהי הנמוסים שיסדר (צ״ל שסדר) עלינו פיאו חמישי שלא די עצירתינו בכל מקום שאנחנו דרים בנו עלינו ויקיפו חומות סוגרים ומסוגרים . . . . עד כי הפליא . . . . הנימוס שאין אנו יכולים לעשות שום סחורה שבעולם לא מדבר הנזון ולא מבגדים חדשים . . . . . . הגם שהעמים נהפכו כלם ממתוק למר באמרם שאסור להם לתת לנו שום סיוע והנאה ולהשתדל עמנו בשום צד . . . . והנה צעקת ותפילת ק״ק קורי וענוים כי רבה . . . והנה אלינו קול רגלי מבשר משמיע שלום . . . . לצאת מן הגולה . . . . . הנשיא השר . . . . . אדונינו דון יוסף שמאת ה׳ היתה לו היות נתונה בידו ארץ טבריא אשר כו בחר

אל ית׳ לעשות אות ומופת על גאולתנו כמו שפסק הרמב״ם . . . . וקבלה היא שבטבריא עתידים לחזור תחלה . . . . שמענו מכנף הארץ . . . הנשיא האדון הנ״ל הזיל זהב מכים וסדר בכמה מקומות כגון בויניציאה ובאנקינה אניות וסיועים . . . להוציא ממסגר אסיר . . וכ״ש ליחידים אשר מטה ידם . . וגם שמענו כי רבים נסעו ועברו על סיוע הקהלות והנשיא הנ״ז . . ובפרט כי הוא מבקש אנשים יהודים בעלי מלאכות כדי לישב ולהקן את הארץ בישובה . . . . ולשמועתו שמחה אחותנו . . . . על ענין נסיעתנו מפה לבא לדור תחת צל כנפי השם לצווי האדון הנשיא הנז׳ בטבריא.

Рѣшеніе общины Коре переселиться въ Тиверію было, повидимому, принято еще до того, какъ папа Пій V издалъ булу объ изгнаніи всѣхъ евреевъ изъ церковныхъ земель за исключеніемъ Рима и Анконы, слѣдовательно, до февраля 1569 г. Изъ замѣтки, которую Charles Dejob извлекъ изъ письма одного епископа къ помѣшанному на обращеніи евреевъ кардиналу, Сирлето (Revue d. Et., IX, стр. 85), можно заключить, что община Коре, несмотря на приготовленія къ переселенію, своего рѣшенія не выполнила, не считаясь и съ указомъ объ изгнаніи. Замѣтка эта гласитъ: L'évêque de Minor. se plaignait qu'en donnant de l,argent (les Juifs) tant à Rome qu' à Core, ils eussent empeché l'execution d'un arret qui les chassait de cette petite ville. Откуда могла бѣдная община взять деньги, чтобы подкупить высокопоставленныхъ церковныхъ служителей и въ одно и то же время свѣтскую и духовную полицію такъ, чтобы декретъ объ изгнаніи не былъ приведенъ въ исполненіе? Судя по сообщенію анконцевъ, община насчитывала не болѣе 200 душъ: הם ונשיהם וטפם סך מאתים נפשות.

7.

Трое Уске и библія Ферары.

Около средины XVI столѣтія въ еврейской литературѣ выдвинулись трое выдающихся марановъ, писателей, по имени Уске. Библіографія до тѣхъ поръ недостаточно знакомилась съ ними и даже распространяла относительно нихъ ложныя свѣдѣнія. Это были *Соломонъ Уске, Авраамъ Уске* и *Самуилъ Уске*. Ниже выяснятся точнѣе ихъ имена и дѣянія.

I. Соломонъ Уске.

О немъ до сихъ поръ извѣстно лишь то, что онъ удачно переводилъ съ итальянскаго на испанскій стихи Петрарки, что онъ сочинилъ канцону о шести дняхъ творенія міра, которую посвятилъ кардиналу Боромео, и, наконецъ, что онъ совмѣстно съ другимъ (еврейск.) стихотворцемъ, *Лазаро Граціаномъ*, сочинилъ драму „Эсфирь“ (не напечатана, перевед. на италіанскій Леономъ ди Модена; ср. Wolf Bibliotheca III, стр. 300, 1025 и де Роси Dizzionario s. v. Modena). Португальскій библіографъ, *Барбоса Махадо*, сообщаетъ о немъ нѣсколько больше (Bibliotheca Lusitana т. III. s. v. Salusque Lusitano), откуда легко выяснить его маранское имя. Далѣе Барбоса Махадо приводитъ выдержку изъ *Алфонса де Улоа*, переведшаго на италіанскій первыя двѣ декады Бароса объ открытіяхъ португальцевъ въ Азіи, что послѣдній очень хвалилъ искусство *Салуске* переводить и говорилъ: самое трудное—переводить стихи Петрарки; *Салуске* особенно заслуживаетъ похвалы, что сумѣлъ передать не только смыслъ, но также красоту формъ поэзіи Пет-

рарки и даже размѣръ слоговъ. Онъ заслуживаетъ поэтому особенной похвалы. Тотъ же библіографъ, наконецъ, замѣчаетъ, что *Алфонсо де Улоа* посвятилъ переведенныя имъ декады *Дуарте Гомецу*, а въ честь *Салуске* сочинилъ сонетъ. Въ послѣднемъ онъ величаетъ Испанію „счастливой“, ибо она имѣетъ на своемъ языкѣ пѣсни Петрарки. „Слава доброму португальцу Салуске“ merced del buen Salusque Lusitano. Таково сообщеніе Барбосы Махадо. Нельзя не замѣтить, что *Салуске* есть сокращенное имя отъ Соломона Уске. Далѣе (стр. 407) у Барбосы Махадо это имя искажается въ *Селевко Лузитано*. Относясь безъ критики къ источникамъ, Барбоса не узналъ, что *Соломонъ* Уске, чье искусство переводить такъ прославлялъ въ сонетѣ Улоа, и *Дуарте Гомецъ*, которому тотъ посвятилъ декады—*одно и то же лицо*. Это видно изъ центурій врача-марана, Аматуса Лузитануса, современника и товарища по несчастью всѣхъ трехъ Уске.

Аматусъ Лузитанусъ лечилъ Дуарте Гомеца; во вступленіи къ его исторіи болѣзни (centuria V, curiatio 19) онъ сообщаетъ о немъ нѣкоторыя интересныя для насъ свѣдѣнія. Тамъ ясно сказано, что *Дуарте Гомецъ* искусно переводилъ стихи Петрарки. Никому, вѣрно, не придетъ въ голову подумать, что два разныхъ лица могли въ одно и то же время переводить поэзію великаго итальянскаго стихотворца на испанскій языкъ къ удивленію своихъ современниковъ. Слѣдовательно, *Салуске* или *Соломонъ Уске* и *Дуарте Гомецъ* (по португальски Гомесъ)—одно и то же лицо. Послѣднее имя онъ носилъ, вѣроятно, какъ лжехристіанинъ. Изъ сообщенія Аматуса Лузитануса мы узнали, что Соломонъ Уске или Дуарте Гомецъ былъ одновременно стихотворцемъ и *купцомъ*, ведшимъ значительныя дѣла въ Венеціи. Отсюда можно опредѣлить и годъ его рожденія. Пятую центурію Аматусъ собиралъ между августомъ 1553 г., временемъ окончанія четвертой центуріи, и 1556 г., временемъ приготовленій Альбы къ войнѣ съ Римомъ (срв. эпилогъ къ тому же). Леченіе Дуарте Гомеца приходилось до весны 1555 г., ибо, вслѣдствіе жестокостей Павла IV противъ марановъ въ Анконѣ, Аматусъ не находился болѣе въ то время въ римскомъ порту, а переселился въ Пезаро (срв. cent. V cur. 49). Какъ сказано въ cur. 19, въ 1553—1555 Дуарте Гомецу или Соломону Уске было 45 л.; онъ родился, слѣдовательно, въ 1510 г. Нужно полагать, что Уске былъ еще въ живыхъ въ 1567 г., когда печатался его переводъ поэмы. Отсюда явствуетъ также, что онъ ни въ коемъ случаѣ не могъ быть отцомъ *Авраама Уске*, который, какъ это дальше видно будетъ, почти равенъ ему по лѣтамъ. Правда, отца Авраама Уске звали *Соломономъ*, какъ видно изъ заглавнаго листа одного מחזור (у Волфа III, стр. 1201 מחזור, orden de Rosch Ha-schana y Kypur traslado en Espanol por . . Abraham Usque ben Schelomo Usque Portugues, напечатано въ Ферарѣ въ домѣ Авраама Уске, элулъ 5313 или 1553 г. Этотъ Соломонъ Уске, отецъ Авраама, былъ, конечно, старше но отсюда слѣдуетъ, что Уске были родственны между собой.

Можно еще предположить, что посланный Іосифомъ Наси ко французскому королю въ качествѣ агента по долговымъ дѣламъ именно тотъ же *Дуарте Гомецъ* или Соломонъ Уске. За это говоритъ не только имя, но также и указаніе въ источникахъ, что онъ *изъ Венеціи*. Французскій посолъ де *Петрмоль* писалъ Карлу IX, 11 августа 1564 г. (у Charrière, Négociations II, стр. 776), что наслѣдникъ Селимъ очень интересовался уплатой долга Іосифа Наси. Отсюда далѣе можно заключить, что онъ былъ также тѣмъ самымъ, кото-

раго за много лѣтъ до того дона Грація назначила участникомъ въ одномъ банковомъ дѣлѣ въ Ферарѣ и которому точно также, какъ и своему неблагодарному племяннику, *Агостину Энрикесу*, выдала впередъ деньги. Онъ пользовался довѣріемъ доны Граціи и ея шурина, Іосифа Наси. Объ этомъ извѣстно Іошуѣ Сонцину (Ressp. № 20): ברצות הגברת (דונה גרסיא) להועיל ולהטיב את אגושטין (אינריקיש) בנסעה מויניציא לבא פה קושטנטינה הניחה ביד אגושטין י"ח אלפים זהובים ונעשו בשותפות עם אגושטין ודוארטי גומיש. Когда Агостинъ отказывался отъ уплаты подъ предлогомъ отсутствія довѣреннаго лица доны Граціи, съ которымъ онъ могъ бы расчитаться, она писала ему: לא ידעתי שמה אדם הגון וראוי אצלך אלא זה הכתב שלחה הגברת דוארטי גומיש. עמו תשא ותתן על החשבון. Далѣе значится т. ж.: לאוגשטין יום ד' לח' אבריל משנת שי"ט ליצירה והאיש דוארכי גומיש מסר האגרת לאגושטין בעיר פיראדה.

Результатъ изслѣдованія: Соломонъ Уске назывался въ Португаліи Дуарте Гомецомъ въ качествѣ марана; онъ былъ искуснымъ стихотворцемъ и въ одно и то же время способнымъ, практичнымъ дѣловымъ человѣкомъ; онъ находился въ сношеніяхъ съ покровителями марановъ, *Граціей Мендесъ* Наси и ея шуриномъ.

II. Авраамъ Уске.

До сихъ поръ онъ знакомъ лишь какъ издатель и владѣтель типографіи въ Ферарѣ. У него печатались испанскія, португальскія и еврейскія сочиненія отъ 1551/52 до 1558 г. (срв. де Роси, de Typographia Hebraeo-Ferrarensi стр. 28 и слѣд. и 62 и слѣд.). У него была также напечатана готическими буквами прославившаяся впослѣдствіи *ферарская библія* Ветхаго завѣта, впервые переведенная на испанскій языкъ. На послѣднемъ листѣ написано: con industria y diligencia de Abraham Usque Portugues, estampada en Ferrara à costa y despesa de Yom Tob Atias, hijo de Levi Atias, Espanol, en 14 de Addar de 5313. Эта испанская библія, о которой такъ много писалось и говорилось *Бартолочи, Ришаромъ Симономъ, Фогтомъ, Волфомъ, Николаемъ Антоніо, Клементомъ, Кнохомъ, Омономъ, де Бюре, Кревеной, де Роси* и *Родригецомъ де Кастро*, представляетъ загадку, плохо разрѣшаемую до сихъ поръ. Ибо существуетъ точно такая же библія, съ такими же *литерами*, того же *формата*, въ томъ же *мѣстѣ* печатанная и, наконецъ, вышедшая *въ одинъ день и годъ*, которая однако издана *Дуарте Пинелемъ* на средства *Геронимо деВаргасъ*. Помимо того, въ нѣкоторыхъ экземплярахъ ферарской библіи, въ концѣ находятся слѣдующія слова: con industria y diligencia de Duarte Pinel Portugues, estampada en Ferrara á costa y despesa de Jeronimo de Vargas Espanol, en primero de Marco de 1553. Первое марта 1553 г. какъ разъ соотвѣтствуетъ 14 адара 5313 г. Итакъ, одно произведеніе вышло одновременно два раза, имѣло различныхъ издателей и патроновъ, то *Авраама Уске* и *Іомъ-Това Атіаса*, то *Дуарте Пинеля* и *Геронимо де Варгасъ*. Кромѣ этого встрѣчается еще одно различіе. Одни экземпляры посвящаются герцогу *Эрколе II* изъ Ферары, другіе, наоборотъ, *Граціи Наси*, причемъ подъ посвященіемъ первому подписаны Дуарте Пинель и де Варгасъ, подъ вторымъ Іомъ Товъ Атіасъ и Авраамъ Уске. Чѣмъ объясняется это различіе при полномъ сходствѣ въ остальномъ? Нѣкоторые экземпляры, хотя и незначительно, различаются еще въ одномъ. Экземпляры *Уске* (такъ будемъ называть ихъ) переводятъ стихъ Іешаи VII, 14 הנה העלמה הרה: he la m o ç a concibien,

Пинелевы же иначе: he la virgen concibien. Думаютъ, что переводъ „дѣва зачнетъ“ измѣненъ въ угоду христіанской догматикѣ. Отсюда большинство вышеназванныхъ библіографовъ рѣшило, что изданіе Пинеля предназначалось для христіанъ, изданіе же *Уске* для евреевъ.

Эта гипотеза была совершенно опровергнута Родригецомъ де Кастро (Bibliotheca Espanola I, стр. 402 и сл.). Будучи испанцемъ, онъ компетентенъ былъ разъяснить, что испанское слово moça такъ же вѣрно обозначаетъ „дѣва“, какъ virgen. Далѣе, онъ справедливо возражаетъ: если переводъ Пинеля предназначался для христіанъ, то почему и другіе стихи не были измѣнены въ духѣ христіанской экзегетики; между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ нѣтъ и слѣда этого; за исключеніемъ упомянутаго единственнаго варіанта, всѣ экземпляры имѣютъ одинаковый вполнѣ текстъ. Относительно предположенія о двухъ изданіяхъ различныхъ издателей для евреевъ и христіанъ можно вообще очень много возразить. Считать, что это изданіе предназначалось для христіанъ, немыслимо, потому что якобы христіанское изданіе Пинеля содержало папское Imprimatur, а оффиціальный католицизмъ, какъ извѣстно, ни къ чему не относился такъ подозрительно, какъ къ переводу Библіи для христіанъ. Далѣе, въ этомъ изданіи, какъ и въ другомъ, говорится, что сохраненъ *„старый, употребительный у евреевъ переводъ“*; очевидно разсчитывали на еврейскую публику. Далѣе, не считаясь съ тѣмъ, заключаетъ ли изданіе Пинеля הפטרות (библіографы оставляютъ это въ неизвѣстности), нужно отмѣтить, что оно, какъ и изданіе Уске, содержитъ по большей части лишь то, что имѣетъ значеніе и смыслъ *только для евреевъ*. 1) Во вступленіи послѣ пролога помѣщены перечень судей, царей, пророковъ и первосвященниковъ и хронологія отъ Адама до 4280 г. со времени сотворенія міра, взятая изъ סדר עולם. 2) Оба содержатъ отдѣлы для чтенія въ теченіе года פרשיות съ книги Бытія до וזאת הברכה. 3). Оба даютъ нѣкоторыя указанія масоры, сколько стиховъ „Pesuchim“, гдѣ середина книгъ „la mitad“. Зачѣмъ все это христіанамъ? Родригецъ де Кастро, хотя проглядѣлъ всѣ эти пункты, совершенно справедливо подрываетъ гипотезу о конфессіональномъ различіи обоихъ изданій ферарской Библіи, но не создаетъ вмѣсто нея другой; его предположеніе о товариществѣ между Уске и Атіасомъ съ одной стороны и Пинелемъ и де Варгасомъ съ другой для изданія испанской библіи лишено основанія.

Между тѣмъ загадка легко разрѣшается, если обратить вниманіе на одну особенность. Случайно ли, что въ обоихъ изданіяхъ издатель *португалецъ*, а патронъ-*испанецъ*? Разберемъ: con industria . . . de Duarte Pinel Portugues, con industria de Abraham Usque Portugues; à costa . . . de Jeronimo de Vargas Espanol, à costa . . . de Jom Tob . . Atias Espanol. Тотчасъ ясно становится, что *Дуарте Пинель* и *Авраамъ Уске* одно и то же лицо, также патронъ де *Варгасъ* и *Іомъ-Товъ Атіасъ*. Оба были маранами, которые, будучи христіанами, носили одно имя, а по возвращеніи въ іудейство—другое, какъ и многіе другіе. Фераро-испанская библія не имѣетъ *двухъ* изданій, а только *одно*, изданное однимъ лицомъ, *Пинелемъ*-Уске, на средства одного и того же еврея-марана, *Варгаса-де Атіаса*. Но почему вступленіе подписано въ однихъ экземплярахъ еврейскими, а въ другихъ испанскими именами? На этотъ вопросъ легко отвѣтить. Испанская библія была издана подъ покровительствомъ герцога Эрколе II изъ Ферары; объ этомъ сказано въ заглавномъ листѣ Пинелева экземпляра. Она была предложена затѣмъ на просмотръ цензурному начальству,

которое изслѣдовало и разрѣшило ее. Въ посвященіи къ герцогу издатель и его компаньонъ подчеркиваютъ, что переводъ Библіи подвергся цензурѣ, и просятъ защиты отъ клеветническихъ навѣтовъ. Хотя марановъ терпѣли въ Ферарѣ, однако офиціально они не могли выступать какъ евреи. Вотъ почему издатели Пинель и де Варгасъ должны были умолчать о своихъ еврейскихъ именахъ въ этихъ экземплярахъ, подвергшихся просмотру цензуры, представленныхъ и посвященныхъ герцогу; они должны были избѣгать возможности придирки къ переводу עלמה въ кн. Исаіи словами „молодая женщина". Поэтому въ нѣкоторыхъ экземплярахъ поставлено слово virgen, дабы умиротворить цензуру. Но они были столько же, если не больше, благодарны донѣ Граціи Наси, и хотѣли это выразить въ видѣ посвященія. Тутъ же, en famille, они могли сбросить маски, именовать себя просто Авраамомъ Уске и Іомъ Товомъ Атіасомъ и употребить вмѣсто virgen слово moça, которое, какъ עלמה, есть vox media и обозначаетъ какъ „дѣвицу", такъ и „молодую женщину". Словомъ феpаро-испанская библія издана только для евреевъ, одни экземпляры ея, офиціальные, предназначались для герцога и цензуры, другіе же, неофиціальные, для евреевъ.

Послѣ приведенныхъ объясненій нельзя сомнѣваться въ идентичности *Авраама Уске* и *Дуарте Пинеля* съ одной стороны, *Іомъ-Това Атіаса* и *Геронимо де Варгасъ* съ другой. Отсюда слѣдуетъ, что оба были маранами, первый изъ Португаліи, другой изъ Испаніи. Первый не только былъ владѣльцемъ типографіи въ Ферарѣ, но и писателемъ, ибо Николай Антоніо упоминаетъ о сочиненіи Пинеля: Eduardi Pinelli Lusitani latinae grammaticae compendium. Ejusdem tractatus de Calendis, печатано въ Лисабонѣ 1543 г.

Въ этомъ году Авраамъ Уске, вѣроятно, жилъ еще въ Португаліи въ качествѣ марана. Родригецъ де Кастро приписывалъ ему еще трактатъ о еврейскихъ ритуалахъ на Новый годъ; но это заблужденіе, въ которое онъ былъ введенъ Волфомъ. Это не болѣе, какъ orden de Rosch ha-schana, т. е. מחזור, изданный Авраамомъ Уске. Въ концѣ слѣдуетъ указать еще на то, что Авраамъ Уске, какъ и Соломонъ Уске, имѣлъ отношеніе къ донѣ Граціи Наси, которой онъ, со своимъ компаньономъ, посвятилъ Библію.

III. Самуилъ Уске.

Объ этомъ, быть можетъ, самомъ значительномъ изъ трехъ Уске извѣстно еще меньше и то, собственно говоря, лишь о его прочувствованномъ изложеніи еврейской исторіи въ мастерскомъ произведеніи, Consolacao as tribulacoes de Israel, напечатанномъ у Авраама Уске въ Ферарѣ, въ сентябрѣ 5313 г. и посвященномъ съ восторженною надписью донѣ Граціи. Нѣтъ сомнѣнія, что и онъ былъ мараномъ, какъ это явствуетъ изъ многихъ выраженій въ его произведеніи, но до сихъ поръ я не могъ доискаться его маранскаго имени. Изъ замѣтки Исаака Акриша (въ קול מבשר, напеч. въ1577 г.) можно заключить, что Самуилъ Уске жилъ позже въ Сафетѣ, гдѣ велъ національно-романтическую агитацію. Ввиду рѣдкости этой книги и важности этой замѣтки я приведу ее in extenso: ואף על פי שראיתי אגרת פרישטי זואן ומסעות של רבי בנימין וספר אלדד הדני שהם בדפוס והראובני שבא לקושטנדינא (?) והלך לפורטוגאל שנת רפ״ב כמו שכתוב בדברי הימים לר׳ יוסף הכהן, נוכל לומר שהם המצאות שהמציאו לחזק ברכים כושלות . . . ובפרט המצאה אחת

שראיתי אני בעיני מכתב אחד ששלח מצפת יהודה אנגילו שמו יש"ו
והוא שטן ומלאך המות וזה היה בהיותי בן ט'ו [1] שנה היום קרוב לשנים
ושלשים שנים שנת הש"ה והיה כתוב בכתב שבאו קרוב לצפת השבטים
והם לאלפים ורבבות ע' פעמים כיוצאי מצרים, והיה נותן סמנים לדגליהם
כמו ציורם וצבועיהם ושם מלכם. ומי יתן והיו דבריו נכונים . . ולא די
שהיה לץ ומהלוצץ (אנגילו) אלא שסבב את פני הרעה ונשמעה השמועה בין
העמים והיו לועגים עלינו ועל תורהנו. ואחריו קמו שני רשעים בצפת שם
האחד שמואל אושקי ושם השני שמואל צרפי וגם המה היו ליצני
הדור והיה אומר כל אחד בפני עצמו אני דברתי עם ערבי אחד שבא מארץ
השבטים . . ואלו השני רשעים אחד מעיד על חברו . . . ועניי צפת היו
מאמינים כהם. ואחרי מות שמואל צרפי ש"ט שהיה רשע יותר מחברו העידו
עליו אנשים רבים וכו'.

Ничего невѣроятнаго въ томъ, что Самуилъ Уске, вслѣдствіе церковной реакціи при Павлѣ IV, переселился изъ Ферары въ Сафетъ. Возможно также, что онъ предался націоналистическимъ мечтамъ, ибо, несмотря на образованіе и обширныя познанія въ свѣтской литературѣ, онъ питалъ пристрастіе и къ кабалѣ. Въ своемъ Consolacao (стр. 228) онъ заставляетъ Нумео и Икабо говорить на слѣдующую тему. Нумео: тѣ евреи пріобрѣтаютъ часть загробной жизни, которые въ одѣяніи еврейства отбываютъ грѣхи въ настоящей жизни, твердо придерживаясь вѣры въ Бога и Его законы. Икабо: „слѣдовательно, души тѣхъ погибаютъ, которые, подчиняясь силѣ и принужденію, измѣнили закону, изъ страха смерти надѣли маску новой религіи и умерли въ ней (мараны)?“. Нумео: „переселеніемъ душъ очистятся умершіе въ христіанствѣ мараны. Отсюда, а также изъ другихъ мѣстъ можно заключить, что Самуилъ Уске былъ мистически настроенъ. Мараны почти сплошь питали особую склонность къ кабалѣ. Можетъ быть, потому и переселился Самуилъ Уске въ Сафетъ, гнѣздо кабалистовъ.

Что Самуилъ Уске имѣлъ сношенія съ доной Граціей, повторяетъ онъ въ своемъ произведеніи; онъ называетъ себя въ посвященіи „ея твореніемъ, vossa feitura“. Замѣтимъ, кстати, что consolacao появился не въ 1553, а годомъ раньше; 27-ое сентября 5313 соотвѣтствуетъ 1552 г. Это сочиненіе было напечатано еще до сожженія еврейскихъ сочиненій въ Италіи, иначе авторъ привелъ бы еще и эту непріятность, какъ Іосифъ Когенъ въ концѣ своего דברי הימים. Интересны источники, которыми пользовался Самуилъ Уске для обработки исторіи въ цѣляхъ назиданія. Во введеніи онъ замѣчаетъ, что приложилъ всѣ усилія для собиранія историческихъ фактовъ и для приведенія на поляхъ достовѣрныхъ источниковъ (стр. 3). Въ первомъ и второмъ діалогахъ на поляхъ часто приводится: Iosefo das ystorias iudaicas съ указаніемъ книги и главы. Уске читалъ, слѣдовательно, Іосифа Флавія, вѣроятно въ вышедшемъ уже тогда латинскомъ переводѣ. Изъ еврейскихъ источниковъ онъ цитируетъ для исторіи Баръ-Кохбы Sanhedrin, Echa Rabbati и Авраама ибнъ-Даудъ. Изъ нееврейскихъ источниковъ онъ приводитъ: Coronica dos emperadores Romanos de Dion (стр. 142, 154), *Овидія, Лукіана, Плутарха* стр. 151). Для исторіи діаспоры онъ приводитъ въ третьемъ діалогѣ fortalitium fidei Альфонсо де-Спина, чаще Coronica de Espana, ystoria de Sam Denis de França (стр. 109),

---

[1]) Фраза בהיות בן ט"ו שנה искажено отъ בהיותי בן ט"ו שנה; ибо въ 15 лѣтъ Акришъ былъ далеко отъ этого мѣста и жилъ еще въ Италіи.

Coronica (de) Ingraterra (стр. 177), Coronica dos emperadores e dos Papas (стр. 186). Въ т. IX, примѣчаніи 1, я указалъ, что онъ пользовался неоднократно ס' הזכרונות Профіата Дурана (Эфоди).

8.

Врачъ и государственный мужъ, Соломонъ Ашкенази, и фаворитка Эсѳирь Кіера.

При султанѣ Мурадѣ III оказывали сильное вліяніе на дворъ и отсюда на государственныя дѣла еврейскій врачъ и еврейка-фаворитка изъ гарема; ихъ вліяніе превосходило по размѣрамъ вліяніе Іосифа Наксосскаго. Оба они были въ состояніи вліять на Турцію въ пользу своихъ единовѣрцевъ, стараясь по крайней мѣрѣ отдалить отъ нихъ то несчастное положеніе, въ которомъ они находились съ начала XVII столѣтія. Еврейскій врачъ и дипломатъ, *Соломонъ Ашкенази*, нѣсколько знакомъ; онъ былъ уже предметомъ историческаго изслѣдованія (Эршъ и Груберъ, Энциклопед., отд. II, т. 27, стр. 203 и сл; Луцато къ Emek ha-Bacha стр. 150 и сл. № 2. Леви, Іосифъ Наксосскій, стр. 8). Однако изслѣдователь упустилъ нѣкоторыя важныя замѣтки, при помощи которыхъ можно прослѣдить его, не лишенную интереса, біографію. О еврейской фавориткѣ Кіерѣ извѣстно лишь то, что сообщаетъ о ней ф. Гамеръ въ своей исторіи османовъ. Нѣкоторыя добавочныя свѣдѣнія о ней были бы не лишены извѣстнаго значенія.

I. Соломонъ Ашкенази.

Почти всѣ донесенія посольствъ, французскія, нѣмецкія, итальянскія и въ частности венеціанскія, упоминаютъ въ 16 столѣтіи Соломона Ашкенази, еврейскаго врача. Благодаря посредничеству своему при заключеніи мира между Турціей и Венеціей послѣ кипрской войны, онъ сдѣлался извѣстнымъ человѣкомъ. Одинъ французскій посолъ при турецкомъ дворѣ отмѣчаетъ его, какъ Rabi Salomon, favori de tous les Bassas (Charrière, Nègociations III, стр. 883). Извѣстно также, что онъ повліялъ на то, чтобы Генрихъ Анжуйскій (позже Генрихъ III французск.) былъ избранъ польскимъ королемъ. Хотя въ томъ же источникѣ, въ сообщеніи французскаго посла, указывается, что Соломонъ Ашкенази до своей врачебной и дипломатической дѣятельности въ Турціи былъ лейбъ-медикомъ короля Сигизмунда Августа въ Польшѣ, объ этомъ было мало извѣстно. Въ то время, когда Генрихъ, при полученіи извѣстія о смерти своего брата, Карла IX, во Франціи, тайно покинулъ Польшу, чтобы получить французскую корону, французскій посолъ въ Венеціи, Mr. де *Ферьеръ*, сообщилъ объ этомъ вдовствующей королевѣ, Екатеринѣ Медичи, 25 іюня 1574 г. и прибавилъ мудрый, по его мнѣнію, совѣтъ одного еврейско-турецкаго посла при венеціанскомъ сенатѣ, считавшаго опасными шаги Генриха Анжуйскаго, полагая, что вслѣдствіе отказа Генриха отъ польской короны возникнутъ большія затрудненія въ Польшѣ, которыя вызовутъ вмѣшательство Турціи.

Хотя въ этомъ сообщеніи о еврейскомъ послѣ, человѣкѣ науки, бывшемъ раньше долгое время *первымъ врачемъ* у *умершаго короля Польши* (Сигизмунда Августа), не названо имя перваго, однако, судя по тому, что онъ находился тогда въ Венеціи вслѣдствіе заключенія мира и былъ лейбъ-медикомъ султана и перваго паши (Магомета Соколи), которымъ управлялъ, легко узнать, что это былъ *Соломонъ Ашкенази*.

Благодаря этому сообщенію, мы можемъ дополнить исторію его прежней жизни. Онъ былъ первымъ врачемъ при королѣ Сигизмундѣ Августѣ польскомъ (1548—1572). Это, безъ сомнѣнія, тотъ самый *итальянскій врачъ, Соломонъ,* въ Краковѣ, о которомъ идетъ рѣчь въ Respp. Соломона Лурьи (№ 21) и Моисея Исерлеса (№ 30). Собственно, рѣчь тамъ идетъ о сомнительной помолвкѣ невѣстки одного италіанскаго врача того же имени. Въ первомъ мѣстѣ: נשאל נשאלתי מהרופא החכם השלם ואשר באמונתו יחיה בעד חלי ישראל איש אשר שמי בקרבו על אחות אשתו הבתולה המשודכת לבחור אברהם מעשה שהיה פה ק"ק קראקא באחד ששמו אברהם У Исерлеса: ברוינשווייג וכו׳ . היה משדך עם בתולה אחת באה ממרחקים לגור עמנו פה קראקאי ... והערב מצד הכלה הוא המומחה ר׳ שלמה לועז. Врачъ изъ Италіи, по имени *Соломонъ*, жившій въ то время въ Краковѣ, не могъ быть никѣмъ инымъ, какъ Соломономъ Ашкенази. Хотя онъ и носилъ фамилію Ашкенази, однако былъ по происхожденію итальянцемъ, родомъ изъ Удине. Изъ респонсовъ Исерлеса мы узнаемъ также годъ. Допросъ свидѣтелей по этому брачному процесу былъ совершенъ י"ב שבט שי"ט, т. е. въ январѣ 1559 г. Въ этомъ и прошедшемъ году С. Ашкенази былъ навѣрное въ Краковѣ, въ резиденціи польскихъ королей. Кармоли утверждаетъ, что видѣлъ рукопись, гдѣ сообщается о далекихъ путешествіяхъ этого еврейскаго врача во Франціи, Германіи, Польшѣ и Россіи (histoire de medecins juifs, стр. 185). Изъ важнаго сообщенія о немъ одного венеціанскаго посла (о чемъ ниже) выяснится, что Соломонъ уже въ 1564 г. былъ въ Константинополѣ. Если французскій посолъ, m-r *дю Ферье*, сообщаетъ, что онъ былъ *долгое время* первымъ врачемъ польскаго короля, Сигизмунда Августа, то это было между 1548 и 1564 г. Іехіелъ Цюнцъ въ своемъ произведеніи (Geschichte der krakauer Raebinate עיר הצדק Additam., стр. 68 и д.) довольно странно отрицаетъ идентичность врача Соломона Ашкенази съ врачемъ Соломономъ, о которомъ говорятъ Исерлесъ и Лурья. Онъ полемизируетъ противъ моего идентифицированія и утверждаетъ, что врачемъ въ Краковѣ былъ *Соломонъ Калагора* (тоже Калваръ). Но цитируемыя имъ доказательства должны были бы его же убѣдить, что онъ набрелъ на невѣрный слѣдъ. Ибо упомянутый въ польскихъ источникахъ докторъ Соломонъ Калагора, идентичность котораго съ שלמה רופא ספרדי קליפארא (отцомъ сочинителя ישמח ישראל) установлена, былъ испанцемъ изъ *Калагоры*, въ то время какъ врачъ Соломонъ у Исерлеса названъ הלועז *итальянцемъ*.

Относительно біографіи Соломона Ашкенази и въ частности пріобрѣтенія имъ довѣрія великаго визиря, Магомета Соколи, и его постепеннаго возвышенія очень интересно сообщеніе венеціанскаго посла, *Маркантоніо Барбаро*, отъ 1573. Этотъ самый Барбаро велъ переговоры о заключеніи мира съ Турціей при посредствѣ Соломона, писалъ о немъ сенату самыя благопріятныя свѣдѣнія и возражалъ тѣмъ, которые не питали довѣрія къ еврейскому дипломату. Барбаро разсказываетъ (т. же стр. 399), что въ началѣ кипрской войны (1570) онъ подвергся въ Константинополѣ домашнему аресту, не могъ сноситься ни съ кѣмъ изъ сановниковъ и пользовался для переговоровъ еврейскимъ врачемъ. Далѣе, Барбаро разсказываетъ, какъ онъ получалъ важныя извѣстія во время кипрской войны черезъ Соломона, которыя послѣдній доставлялъ ему съ опасностью для жизни. Онъ прославляетъ далѣе (стр. 401) съ особенной теплотой его умные совѣты, его самопожертвованіе, его рвеніе; на стр. 402 Бар-

баро сообщаетъ, что Соломонъ послѣдовалъ ко двору въ Адріанополь для леченія принцесы, супруги Магомета Соколи, что онъ былъ обвиненъ противникомъ послѣдняго, и въ присутствіи султана взятъ на допросъ, но что онъ удивительио искусно выпутался изъ бѣды. На стр. 407-408 онъ сообщаетъ, что Соломонъ выработалъ проектъ заключенія мира между Турціей и Венеціей. Все сообщеніе—панегирикъ для дипломатической дѣятельности Соломона и его преданности Венеціи и настоятельная просьба къ сенату о принятіи его въ число посредниковъ для заключенія мира. Слѣдовательно, Соломонъ только около 1570 познакомился съ пашей Соколи.

Маркантоніо Барбаро въ концѣ концовъ побѣдилъ. Соломонъ былъ допущенъ къ заключенію мира, какъ посолъ, и былъ принятъ въ Венеціи чрезвычайно внимательно, о чемъ сообщаютъ Іосифъ Когенъ, французск. посолъ (см. выше стр. 473) и издатель Schulchan-Aruch'a, оконченнаго въ тамузѣ 1574 г. (Emek ha-Bacha стр. 150). Рѣдко кому изъ евреевъ выпадали на долю такая честь и такое отличіе со стороны христіанъ. Въ маѣ 1574 г. онъ прибылъ въ Венецію и пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Хотя онъ услужилъ Венеціи, однако онъ не менѣе защищалъ интересы Турціи. Ему было поручено заключить съ республикой оборонительный и наступательный союзъ противъ Испаніи, но провести этого не удалось (Morosini, historia veneta LXII стр. 583 и д.). Позже онъ отказался услуживать Венеціи. Соломонъ Ашкенази имѣлъ вліяніе еще при Магометѣ III (1595) (источн. у v. Hammer, Gesch. d. Osmanen IV, стр. 247); слѣдовательно, принимая во вниманіе, что лейбъ-медикомъ онъ былъ уже въ пятидесятые годы, можно допустить, что онъ родился не раньше 1520 г.

Перлесъ обращаетъ вниманіе на одно, мало изслѣдованное, сообщеніе, откуда явствуетъ: дипломата Соломона Ашкенази уже не было въ живыхъ въ 1605 г.; жену его, пользовавшуюся большимъ почетомъ при турецкомъ дворѣ за излеченіе молодого султана, Ахмеда, отъ оспы, звали *Булой Иштаки;* онъ оставилъ трехъ сыновей, *Натана, Самуила и Овадію;* первый въ 1605—1610 г. пользовался расположеніемъ султана Ахмеда. Это сообщеніе находится въ предисловіи къ респонсамъ Моисея Алшайха (תשובות מהרם אלשיך) въ первомъ изданіи, выпущенномъ его сыномъ (печатано въ Венеціи въ 1605-1606 г., по сообщенію Перлеса (въ Monatsschrift Франкеля-Греца, 1879 г. стр. 287). Въ этомъ предисловіи сынъ сочинителя благодаритъ *Натана Ашкенази*, сына дипломата, за то, что онъ взялъ на себя всѣ издержки по печатанію, причемъ замѣчаетъ вышеприведенные пункты. Они гласятъ: ואפריון נמטייהו אל חמר היחס גזע המעלה . . . המחזיק טובה אל הכלל כלו הוא השר המרומם נתן אשכנזי . . . בן כמהר"ר שלמה אשכנזי זלה"ה אשר פיזר נתן לתת כסף מוצא כל הצריך להדפסת אלו השאלות . . . . לכן אמרתי אני הצעיר נכון יהיה זכרונו פה בפתח עינים . . . ידעו כלם ויתפללו לאל . . . ימלא משאלות לבו ומובו וחנו ומוב וחן וחסד לגברת המעטירה והנשאה ממשפחת רם מרת בולא איקשאתי . . . בעיני המלך והשרים ולאחיו הסגנים אשר מאצילי בני ישראל המה. הלא הם הגביר הוקם על רם ונשא כה"ר שמואל אשכנזי. והיקר נשא ונעלה כה"ר עובדיה . . .

Продолжатель Emek ha Bacha также сообщаетъ, что въ 1605 г. Натанъ Ашкенази передалъ синьоріи въ Венеціи рекомендательное письмо султана Ахмеда I, и потому былъ хорошо принятъ ею и дожемъ Гримани (Emek ha-Bacha, стр. 177).

II. Фаворитка Эсѳирь Кіера.

Сообщенія венеціанскихъ пословъ и турецкія хроники султана разсказываютъ о вліяніи одной еврейки на султаншу и черезъ нее на ходъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ при Мурадѣ III и Магометѣ IV и о томъ что все это исходило отъ гарема. Желая получить какія-нибудь выгоды для своихъ дворовъ, европейскіе послы должны были предварительно добиться ея расположенія. Ея имя называютъ различно въ разныхъ европейскихъ сообщеніяхъ: *Кіера, Хіера, Хіерара, Хираца* или *Хіараца*. Она была фавориткой султанши *Бафы*, венеціанки по рожденію, супруги султана Мурада III, державшей бразды правленія въ своихъ рукахъ сначала на правахъ *Хасаки* (супруги султана), а послѣ смерти его при сынѣ на правахъ *Валиде* (султанши-матери). Венеціанскій посолъ, Контарини, сообщаетъ въ 1583 г. за нѣсколько лѣтъ до того: Et perche il ambasciator Soranzo non la presento (la Sultana), se ne risenti assai con la C h i e r a r a, e b r e a che pratica seco famigliarmente (Alberi Relazioni, серія 3, III стр. 236). Въ другомъ венеціанскомъ сообщеніи она называется: la Chirazza Hebrea (у v. Hammer'a въ указ. мѣстѣ IV, стр. 156). Въ томъ же сообщеніи приводится: Polizza scritta dalla Sultana in favore della Chiarazza per il lotto suo, Marzo 1587 (т. же стр. 159). Венеціанцы разрѣшили еврейской фавориткѣ лотерею и благодаря этому добились обширныхъ привилегій отъ султанши. Султанша писала одному венеціанскому послу, что бархатъ получила per la Chiera nostra schiava (у v. Hammer въ указ. мѣстѣ, стр. 615). Турецкіе историки называютъ ее *Кира* и сообщаютъ о ней, будто она даже назначала на должности сипаевъ и умерла вслѣдствіе возстанія противъ нея сипаевъ (т. же 303 и д.).

Было бы странно, если бы въ еврейской литературѣ не упоминалось объ этой вліятельной женщинѣ. И дѣйствительно, еврейскіе писатели отзываются о ней съ большой похвалой, какъ о великодушной благотворительницѣ и покровительницѣ еврейской литературы. Странствующій хромоножка, *Исаакъ Акришъ*, разсказываетъ, что высокопоставленная госпожа, *Кіера Эсѳирь, вдова Иліи Хендали*, щедро поддержала его до большого пожара въ Константинополѣ и еще больше послѣ него (1569), когда почти весь еврейскій кварталъ сдѣлался жертвой пламени (предисл. коментарія къ Пѣсни пѣсней: ואחר ה׳ ימים (לשרפה) הלכתי אל בית הגברת הנקראת ק י י ר ה א ס ת ר . . א ל מ נ ת כ ה ר׳ א ל י ה חנדלי. כי בביתה מצאו מרגוע רבים עשירים ודלים. וגם קודם השרפה היתה מסייעת אותי בנדבתה ומתנת ידיה וכשהלכתי לביתה מצאתי שם את אשתי ואת בתי ומעט מספרי שהצילתם אשתי. Отсюда намъ становится извѣстнымъ ея еврейское имя; קיירה ее звали, вѣроятно, по-турецки. Познакомившись съ ея еврейскимъ именемъ, мы узнаемъ, что съ ея помощью былъ изданъ *Самуиломъ Шуламомъ* въ 1566 г. еврейское историческое произведеніе Закуто, Iochasin, и что она была матерью бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ. Во введеніи къ нему издатель замѣчаетъ: אמר שמואל בן . . . שולם מאת ה׳ היתה נסבה וסבה קרובה להעיר את רוח גברתי עטרת תפארתי אשת חיל מ׳ א ס ת ר נודע בשערים ב ע ל ה נשא ונעלה כהר׳ א ל י ה ח נ ד ל י נוחו עדן אשה יראת ה׳ אשה חכמה אשה גדולה במעשיה שמש צדקה ומרפא בכנפיה. מכנף הארץ יבואו העניים והאביונים כל הנחשלים לשמע אוזן ישמעו מבין עם תלמיד ובכל יום ויום סביב לשולחנה חברים מקשיבים . . . ידיה שלחה לאביון . . חדר בחדר ולא בקולי קולות.

יתומים ואלמנות ידיה חלקתה להם והנערות הראויות לבא אל בית הנשים.. מפרי ידיה נשא ינשאו. עמדה ובזבזה כל אוצרותיה. Самуилъ Шуламъ, неистощимый въ похвалахъ ей, разсказываетъ, что когда у нея за столомъ между присутствовавшими мужами науки зашла однажды рѣчь объ этомъ произведеніи и полезности распространенія его путемъ печати, она предложила печатать на свои средства: ותאמר אלי קום קרא לתבונות ואני אהיה למחזיק בצל הכסף. Самуилъ Шуламъ сочинилъ два неудачныхъ стиха для прославленія ея. Произведеніе Закуто, которое, несмотря на свою посредственность, распространяло знаніе еврейской исторіи, было обязано своимъ появленіемъ этой Кіерѣ-Эсѳири, имя и дѣянія которой были до сихъ поръ неизвѣстны. Итакъ, еще до 1566 года она была очень богата, но уже овдовѣла. Турецкими историками указанъ день убійства ея и сыновей возставшими сипаями 15 рамадана 1008 геджры = 30 марта 1600 г. (у v. Hammer т. же, стр. 303). Продолжатель Emek ha-Bacha Іосифа Когена (стр. 172) также разсказываетъ о ея вліяніи, объ уваженіи, которымъ она пользовалась, и позорной смерти ея, но не называетъ ея имени: גם בקונשטינה אשה חשובה יושבת בשער מלך התוגר וכל השרים כורעים ומשתחוים אליה וכו'. Ея конфискованное состояніе достигало по свѣдѣніямъ турецкихъ историковъ, 5,000,000 асперовъ=100,000 дукатовъ, а по сообщенію вышеназваннаго еврейскаго историка, יותר מתשע מאות שקל כסף.

Донесенія французскихъ и венеціанскихъ пословъ сохранили также имя дотолѣ неизвѣстнаго еврея-врача, *Бенвенисти*, дипломатическаго агента при Мурадѣ III. Французскій посолъ (у Charrière, Nègociations IV, стр. 236) сообщаетъ Генриху III 13 декабря 1589 г. о тайныхъ политическихъ переговорахъ, ains'y qu'a rapporté le Benveniste Juif. Сообщеніе отъ 15 янв. 1594 года гласитъ, что Бенвенисти и еще два довѣренныхъ лица паши были заключены однажды ночью въ тюрьму султаномъ (т. же 246 и въ примѣч.). Онъ долженъ былъ быть строго наказанъ по обвиненію сестры султана и принять магометанскую вѣру; однако отдѣлался болѣе легкимъ наказаніемъ, изгнаніемъ. Вернувшись затѣмъ на свободу, онъ сдѣлался снова довѣреннымъ дѣлопроизводителемъ перваго паши, *Сіавуса* или *Сціауса*, согласно сообщенію Матео Цане (Alberi, серія 3, III, стр. 389 отъ 1594 г.).

9.

Исаакъ Лурья и Хаимъ Виталъ Калабрезе.

Свѣдѣнія объ этихъ основателяхъ новѣйшей кабалы черпались до сихъ поръ изъ единственнаго источника, именно посланія *Шломеля Просница* изъ Лунденберга отъ 1607-1609 г. (напечатано въ сочин. Іосифа Делмедиго תעלומות חכמה стр. 37 и у другихъ). Этотъ источникъ оказывается, однако, очень мутнымъ, ибо упомянутый переселенецъ изъ Моравіи воспринималъ и отражалъ рѣшительно все то, что всякій встрѣчный простодушно или съ цѣлью обмана сообщалъ ему. Мы можемъ еще отчасти провѣрить его сообщенія съ помощью автобіографіи Витала подъ заглавіемъ שבחי ר' חיים ויטאל (напечатано безъ указанія года и мѣста, но, вѣроятно, въ Острогѣ 1826 г., перепечатано въ Львовѣ 1865 безъ нумераціи страницъ). Это то самое сочиненьице, которое цитируетъ Азулаи (s. v. חיים ויטאל) подъ заглавіемъ ס' חזיונות. Эту автобіографію Виталъ написалъ на старости лѣтъ отъ 1610--1613 г. Хотя онъ по большей части сообщаетъ о мистификаціяхъ, видѣніяхъ, снахъ и изреченіяхъ бѣснующихся, однако сквозь гу-

стой мистическій туманъ, распространяемый имъ, пробиваются иногда фактическія данныя. Также съ помощью другихъ сочиненій можно исправлять преувеличенія Шломела. Если вѣрить послѣднему, то приходится заключить, что Исаакъ Лурья жилъ въ безпрерывномъ мистическомъ безпамятствѣ, не заботясь ни минуты о предметахъ этого міра. Леонъ Модена приводитъ, наоборотъ, сообщеніе друга Лурьи, *Якова Абулафіи*, о томъ, что невѣрны разсказы о чудотворныхъ дѣйствіяхъ Лурьи и что послѣдній даже предъ смертью просматривалъ свои дѣловыя книги (ארי נהם, стр. 66): כמה פעמים החבר יעקב אבולעפיא שהיה כרע כאח להאר"י אמר לא היה דברים מעולם מהספור מנפלאותיו אלו ושהאר"י גם הוא היה אומר לו שלא היו כנים הדברים שאומרים עליו׳ . . . . שהיה האר"י רוב היום עוסק בסחורה וג׳ ימים קודם מותו חשב חשבונות עם הכל ואמר להם אני מוחל לכם ואם יש אונאה בערכם בואו ונשלם.

Въ автобіографіи Витала точно приводится годъ смерти Лурьи: 5 ава 5332=1572 (отсюда заимствовалъ Азулаи, у Конфорте же של"ג, что невѣрно). Что ему тогда было 38 лѣтъ (для запоминанія существуетъ выраженіе ח"ל עליו חובת תבעיר), очень возможно. Обычное предположеніе, что онъ лишь за *два* года до своей смерти переселился изъ Египта въ Палестину, именно въ Сафетъ, невѣрно. Правда, объ этомъ говоритъ не только Шломелъ, но и Виталъ (Автобіог., стр. 6), именно: одна гадальщица на картахъ предсказала ему въ 5330=1570 г., что въ концѣ этого года придетъ великій старецъ съ юга въ Сафетъ и будетъ его тамъ наставлять въ кабалѣ: (שנת) ש"ל . . חכם גדול יבא בסוף זה השנה לצפת מצד דרום כמו מצרים והוא ילמדך (חכמת הקבלה). וכן היה שבשנה ההיא בא מורי ז"ל מן מצרים. Однако трудно допустить, чтобы Лурья могъ за короткое время неполныхъ двухъ лѣтъ пріобрѣсти въ Сафетѣ столькихъ учениковъ или Виталъ встрѣчался съ нимъ собственно только полгода, что находитъ страннымъ и Азулаи. Виталъ противорѣчитъ себѣ въ другомъ мѣстѣ автобіографіи (стр. 11, 13), гдѣ разсказываетъ объ одномъ снѣ въ 1566 г. и при этомъ замѣчаетъ, что спустя *два года* Лурья прибылъ въ Сафетъ שנת השכ"ו ליל שבת ה׳ לחנוכה . נרדמתי מתוך הבכיה ואחלום . . . אחר ג׳ חדשים ליל שבת הגדול ואישן והנה חלום . . ואיקץ ואחר זה בשנתים ימים בא מורי ז"ל האשכנזי לצפת ולמדתי עמו. Это было, значитъ, въ 1568 г, Изъ книги видѣній Maggid къ (כי תבא) Іосифа Каро также явствуетъ, что Исаакъ Лурья находился въ Сафетѣ *до* 1569 г. и тогда уже пользовался тамъ значительной славой. Вдохновительница Каро, Мишна, предсказывала ему въ 1569 г., что она поможетъ ему еще глубже вникнуть въ кабалу, чѣмъ *„глава въ Меиронѣ“*: אור לט"ו אלול שנת השכ"ט . . . והא מימרי בסעדך . . . . ולירד לחכמת הקבלה יותר מהראש שבמירון והוא ייתי למילף מינך. „Главой Меирона“, который придетъ къ Каро поучиться у него кабалѣ, могъ въ то время быть одинъ лишь Исаакъ Лурья. Онъ со своимъ кругомъ учениковъ бывалъ часто въ *Меиронѣ*, у дѣйствительной или мнимой могилы Симона бенъ Іохай, какъ о томъ повѣствуютъ Шломелъ и Исаакъ Саругъ. Въ этомъ мѣстѣ онъ надѣялся приблизиться къ душѣ мнимаго автора Зогара и вселить ее въ себя. Отсюда слѣдуетъ, что Лурья въ 1569 г. уже жилъ въ Палестинѣ. Лурьянисты, конечно, доказывали противное, будто Каро не могъ постичь кабалы Лурьи, ибо она оказалась слишкомъ глубокой для его пониманія (у Шломела).

Было бы глупо провѣрять всѣ сумасбродства у Шломела; интересны только нѣкоторые пункты. Онъ приводитъ, что у Лурьи было 10 учениковъ;

это число невѣрно. Виталъ говоритъ въ автобіографіи (14) объ ученикахъ *двухъ* разрядовъ (כת ראשונה ושניה). Имъ приводятся также имена учениковъ Лурьи перваго разряда (23): 1. *Илья Фалконъ*; 2. *Іосифъ Арцинъ*; 3. *Іонатанъ* (можетъ быть Іосифъ) *Сагисъ*; 4. *Гедалья Леви;* 5. *Исаакъ Когенъ Ашкенази;* 6. *Самуилъ Уцеда;* 7. *Авраамъ Гамаліилъ;* 8. *Сабатай Моисей;* 9. *Іегуда Машанъ*; 10. *Іосифъ-ибнъ Тевилъ Магреби*; эти и Виталъ составляютъ уже одиннадцать; 12). *Израиль Саругъ* (סרוג или סרוק), главный распространиитель кабалы Лурьи въ Европѣ, учитель Авраама Гереры и другихъ. Въ сочиненіи о переселеніи душъ (גלגולים), гдѣ подчеркивается мистико-психическая связь всѣхъ учениковъ Лурьи, какъ дополняющихъ другъ друга въ высшемъ порядкѣ сефиръ, повидимому, принимается, что учениковъ было 12 соотвѣтственно двѣнадцати израильскимъ колѣнамъ или даже два класса по двѣнадцати. Виталъ самъ говоритъ о девяти анонимныхъ товарищахъ и еще трехъ: ט' חברים הקודמים לו ואיני יודע הסדר אך כפי שסדר מורי . הבנתי כי כן סדרם. תחלה אני הצעיר ואח"כ הרב ר' ישראל סרוג ואח"כ מהר"ר אמון (ארזין .ч) ואח"כ ר' יצחק הכהן. Въ другомъ мѣстѣ (Автобіографія 14) Виталъ замѣчаетъ, что въ 1610 г. изъ учениковъ Лурьи перваго порядка были въ живыхъ еще трое, кромѣ него, а именно № 4, 7 и 9. Какъ ученики второго порядка называются тамъ же: 1. *Іомъ-Товъ Цагалонъ* (былъ еще молодъ въ 1580 г. по его респонсамъ № 31, 33); 2. *Давидъ Когенъ;* 3. *Исаакъ Криспинъ*; 4. *Іосифъ* אלטרף (вѣроятно אלטרס); 5. *Іегуда Урiелъ;* 6. *Измаилъ Леви Ашкенази*. Помимо того въ פרי עץ חיים Витала упоминается ספי האר"י זל לתלמידו כה' שמעון אשכנזי. Виталъ наивно разсказываетъ объ одномъ изъ учениковъ, что тотъ недостаточно вѣрилъ въ своего учителя (т. же 23): ר' יצחק הכהן היה רובו טוב ויש בו ספק ולא מפני חסרון האמונה במורי רק סיבה אחרת ולא רצה (מורי) לפרשו .

Также и о кабалистическомъ наслѣдствѣ Лурьи распространяли всевозможныя мистификаціи Шломелъ и другіе и, какъ кажется, Виталъ изъ особыхъ разсчетовъ. Они утверждали, что Лурья не оставилъ ничего писаннаго, за исключеніемъ краткаго введенія. Одинъ ученикъ Витала, *Хаимъ Когенъ*, изъ Мосуля говоритъ (מקור חיים во введ.): מעולם לא כתב האר"י זולת הקדמה אחת לענין קשר עם הצדיקים. Другой же, внѣ этого круга стоящій, кабалистъ *Эліезеръ Аскари* цитируетъ (חרדים, стр. 66) *рукописное произведеніе* Лурьи подъ заглавіемъ בית מדות. Далѣе сторонники Витала говорили, будто Лурья приказалъ предъ своей смертью Виталу отобрать всѣ письменныя замѣтки у его учениковъ, что Виталъ и сдѣлалъ. Такимъ образомъ единственнымъ хранителемъ кабалы Лурьи оказался Виталъ. Въ автобіографіи и во введеніи къ עץ חיים Виталъ старается заподозрить подлинность кабалистическихъ преданій своихъ соучениковъ: דע כי קצת מחברינו כתבו להם ספרים ממה ששמעו ממורי וזולתו על שמו וכולם כתבו הדברים בתוספות וגרעון . . . לכן אין לסמוך על אלו הספרים וצריך להרחיק מהו. О продѣлкахъ съ кабалой Лурьи во время болѣзни Витала ср. Азулаи שם הגדולים и Хаимъ Виталъ № 21. Мы знаемъ о кабалистическихъ теоріяхъ Лурьи и изъ другого источника, а именно отъ *Израиля Саруга*; они нашли свое выраженіе въ кабалистическихъ сочиненіяхъ Авраама Гереры и не расходятся съ системой, съ которой познакомили Виталъ и его приверженцы. Въ томъ, что Виталъ не внесъ ничего собственнаго въ кабалу, а остался вѣрнымъ традиціямъ *Лурьи*, приверженцы Витала, пожалуй, правы. Его умъ способенъ былъ не творить а пользоваться готовымъ.

Итакъ, всѣ сочиненія, обращающіяся то подъ именемъ Лурьи, то Витала, оставить за первымъ; Виталу или его сыну, Самуилу, принадлежатъ лишь форма и расположеніе матеріала. Этихъ сочиненій, напечатанныхъ и рукописныхъ, существуетъ очень много; часто одно и то же сочиненіе подъ различными заглавіями и въ различныхъ формахъ По содержанію эти сочиненія можно подвести подъ пять рубрикъ; они находятся въ собраніи сочиненій Витала אוצרות חיים (печат. съ 1772 г.) и въ другихъ мѣстахъ.

1. Отвлеченная *теорія* кабалы Лурьи, ученіе о *лицахъ* или *ступеняхъ*, פרצופין сефиротъ, въ нѣкоторомъ родѣ *прозопопея*, о сочетаніи и расторженіи ихъ (נסירה и זווג) и другихъ странныхъ различіяхъ. Лурьянисты сами утверждаютъ, что ученіе о *прозопахъ* было незнакомо прежнимъ кабалистамъ: הרמבין וחבריו לא הזכירו רק י׳ ספירות ולא גלו עניני פרצופים.

2. Изложеніе и коментированіе св. Писанія, агады, особенно трактата Abot, а также галахи, книги יצירה, зогара и его частей, особенно обоихъ Idra и ספרא דצניעותא по этой теоріи. Эта рубрика носитъ заглавіе לקוטים или דרושים.

3. Теорія о *метемпсихозѣ* и *вторичномъ зачатіи* (גלגולי נשמות ועבור), главная составная часть находится въ сочиненіяхъ подъ заглавіемъ גלגולים.

4. *Приложеніе* кабалы къ молитвамъ, ритуаламъ, постамъ и праздничнымъ днямъ подъ понятіемъ כונות или מעשי מצות.

5, *Новые ритуалы* или видоизмѣненія старыхъ, которые Лурья ввелъ помощью своей кабалистической теоріи или санкціонировалъ. Они достигли авторитетности, и позднѣйшіе кабалисты составили изъ нихъ кодексъ שלחן ערוך של הארי״; часть ихъ составляли ритуалы и церемоніи для субботы: תקוני שבת. Введенный Лурьей кабалистическій аскетизмъ называется תקון הארי״. Не стоитъ критически анализировать мистическій туманъ, который лурьянисты распространяли о сохраненіи сочиненій Витала, какъ они сначала тайно хранились, затѣмъ были скопированы, закопаны, открыты и выведены на свѣтъ. Относительно дальнѣйшаго развитія кабалы, давшей отъ себя *сабатаизмъ* и *хасидизмъ*, занявшіе враждебную позицію противъ *равинизма*, не лишне будетъ замѣтить, что зародышъ ихъ хранился въ кабалѣ Лурьи. Талмуду въ ней отводится низшее мѣсто . Подобно тому, какъ Іосифъ ибнъ-Каспи ставилъ философію выше Талмуда, обозначая первую „душой", а послѣдній „тѣломъ", точно также и мистика Лурьи ставитъ Талмудъ въ подчиненную зависимость къ кабалѣ. „Кто не можетъ успѣшно заниматься Талмудомъ, пусть оставитъ его и займется исключительно кабалой" (введ. къ עץ חיים): ואנחנו הלומדים בחכמה זאת (חכמת הקבלה) צריך שילמדו מקרא ומשנה ותלמוד כל מה שיד שכלם מגעת בעיון קושיות ותרוצים לשבר הקליפות. כי זה בלא זה לא יקום כגוף בלא נשמה. ומי שהוא שבחן בלמוד שאינו מצליח בעסק הגמרא, יניח ידו מהתלמוד ויעסוק בחכמת הקבלה. Низшее положеніе, которое лурьянисты удѣляютъ Талмуду, сказывается и въ ихъ классификаціи наукъ: ближе всего къ Библіи находится кабала, а за ней Мишна и Талмудъ: קביעות התורה בכל יום מעילא לתתא נגיד תורה נביאים כתובים קבלה משנה תלמוד (Яковъ Цемахъ: כונות אר״י или ומצוה стр. 33).

Регулярные еврейскіе общіе синоды въ Польшѣ.

Интересное и единственное въ исторіи евреевъ въ діаспорѣ явленіе представляютъ регулярно возобновлявшіяся *синодальныя собранія* въ Польшѣ, которыя не прекращались до ея раздѣла. Эліакимъ Милзааги первый обратилъ на это вниманіе въ своемъ сочиненіи ראביה (Офенъ 1837); его сообщенія приведены въ Litbl. 1840, столб. 173 и слѣд. Мы узнаемъ отсюда лишь о фактѣ; *время возникновенія, учредители, порядокъ, функціи* и *развитіе* этихъ, такъ сказать, равинскихъ синодовъ въ Польшѣ— все это и понынѣ темные пункты. Хотя велись правильные протоколы (פנקס הארצות) о постановленіяхъ синодовъ, но они либо сдѣлались жертвой времени, либо лежатъ запыленными гдѣ-нибудь въ архивахъ общинъ. Нѣкоторыя важныя свѣдѣнія сообщены д-ромъ Перлесомъ изъ архивныхъ записей познанской общины (ספר הזכרונות) (Истор. евр. въ Познани, стр. 35 и д.). Слѣдующее изслѣдованіе не претендуетъ на полное исчерпаніе темы оно лишь хочетъ дать указаніе, въ какомъ направленіи должны вестись историческія изслѣдованія въ случаѣ открытія источниковъ.

Эти синоды называются вообще синодами *четырехъ областей* (ועד ארבע ארצות, сокращенно (ד"א или וד"א=ד' ארצות). Когда они впервые появились, можно опредѣлить только изъ указанія, когда ихъ еще не было. До 1558 г., когда жилъ *р. Шахна*, не было еще никакихъ синодовъ; ибо въ его время были приглашены по одному важному процесу спорящія партіи въ Люблинъ на ярмарку, причемъ не было рѣчи ни о большомъ, ни о регулярномъ собраніи (ועד) (Resp. Моисея Исерлеса № 63, 64). Также и въ 1568 г., во время печатанія люблинскаго изданія Талмуда, не упоминается о такомъ собраніи, хотя приводится, что равины трехъ странъ, Польши, Руси и Литвы, одобрили изданіе и предписали изученіе трактатовъ въ порядкѣ ихъ печатанія. Заглавіе трактата סוכה гласитъ: בהסכמת גאוני עולם וראשי ישיבות דשלש מרינות פולין רוסיא וליטא שהסכימו בהסכמה אחת . . . שילמדו בכל ישיבה דג' מדינות הנ"ל מסכתא אחר מסכתא כאשר נדפום אותן (каталогъ еврейскихъ печатныхъ произведеній Бодлеяны стр. 271 и д.). Здѣсь рѣчь идетъ не о *постановленіи* синода, а лишь о постановленіи отдѣльныхъ равиновъ. У Соломона Лурьи встрѣчаются частичные или провинціальные синоды, напр. русскіе (ים של שלמה къ Baba Kama № 10; къ Chulin I, № 31, 39), но не авторитетныя *общія* собранія.

Такой опредѣленно выраженный характеръ носитъ постановленіе одного синода 1580 г. Хаимъ Натанъ Дембицеръ, членъ равинской колегіи въ Краковѣ, который обѣщалъ написать исторію синодовъ четырехъ областей въ видѣ продолженія своего сочиненія о равинахъ Львова (כלילת יופי), любезно сообщилъ мнѣ одну изъ своихъ замѣтокъ, подтверждающую этотъ фактъ и эту дату. Эта замѣтка находится, по его словамъ, въ памятной книгѣ одной краковской синагоги. Она касается общаго постановленія о томъ, что евреи въ Польшѣ не должны брать въ откупъ налога на напитки, пиво, водку, вино и медъ, ибо повышеніе налога дѣлаетъ ненавистными евреевъ въ глазахъ народа. Содержаніе этого постановленія сообщено въ респонсахъ Іоиля Серкеса (בית חדש—ב"ח № 61): ראיתי בגוף התקנה שתקנו וגזרו בהרבה עונשים על מקצות ארצות במלכותנו שלא ישכיר שום יהודי המשפאווי [1] בשום ענין שבעולם. כי היה

[1]) Польское слово משפאווי = Szopowe Зигфридъ Гюпе объясняетъ (Verfassung der Republ. Polen. стр. 318) какъ передѣланное на польскій ладъ нѣмецкое слово

הסכנה גדולה מצעקת הגוים ברוב המקומות שהיהודים שולטים ומושלים עליהם ואוחזים בם במלכים ושרים. Въ названной памятной книгѣ сказано, что это было постановленіе *вождей и равиновъ четырехъ областей Польши*, причемъ приводится и дата: התקנה יצאה ממנהיגי וגאוני ד' ארצות פולין דועד לובלין ביום ג' ט"ו כסלו בשנת שלו"ה, т. е. 5341=ноя6. 1580 г. Въ этомъ году былъ уже институтъ синодальныхъ собраній, состоявшій изъ равиновъ и свѣтскихъ людей.

Г. Атласъ опубликовалъ протоколы, полученные имъ, по его словамъ, отъ одного лица съ замысловатымъ именемъ, списавшаго ихъ съ копіи у другого лица, а не съ оригинала; если эти протоколы дѣйствительны, что, какъ кажется, такъ и есть, то мы имѣемъ богатыя свѣдѣнія о преніяхъ и постановленіяхъ синодовъ отъ 1595—1597. Эти протоколы состоятъ изъ четырехъ номеровъ и напечатаны въ издаваемомъ Соколовымъ еврейскомъ журналѣ האסיף (г. II, 1886, стр. 451 и слѣд.). Изъ этихъ протоколовъ явствуетъ, что синоды имѣли уже тогда прочную организацію съ избирательнымъ порядкомъ, комисіей и кассой для обычныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ. Изъ этихъ протоколовъ также видно, что общины Литвы принимали участіе въ синодахъ.

Въ № 4 синодъ угрожаетъ наказать одного изъ Гнѣзна за незаконное повышеніе налоговъ. Заглавіе гласитъ: עסק משנת שנ"ו и конецъ: וזולת זה עוד עונשים קשים יושת עליו כפי ראות עיני הועד. Въ № 3 заглавіе гласитъ: ברירת דייני המדינות עד כלות יריד גראמניץ לפ"ק שנ"ו. Въ томъ же № поименованы 12 депутатовъ, по два изъ Кракова, Познани, Львова, Холмъ, Люблина, Волыни и Литвы: ממדינת ליטא מהור"ר חיים ומהור"ר ואלף. Въ томъ же номерѣ приводится детально счетъ погашенныхъ долговъ и издержекъ, причемъ встрѣчаются статьи расходовъ на предупрежденіе ложныхъ обвиненій и освобожденіе заключенныхъ. Въ этомъ и слѣдующемъ номерѣ обозначено пять именъ депутатовъ, которые не принадлежали къ сословію равиновъ.

Въ № 2 отъ 1595 г. сообщается постановленіе слѣдующаго содержанія: если король введетъ новый подушный налогъ на все еврейство въ Польшѣ, то не платить разомъ, а предоставить взимать съ каждаго въ отдѣльности: הסכמת של יריד סיון לפ"ק שנ"ה בהתאסף ראשי עם יחד נמנו וגמרו והסכימו כלם כאיש אחד על הצרה שלא תבא עוד, שאם חס ושלום הבקש עוד מפי המלך והשרים לגבות גלגולת מבני ישראל שלא ישתדלו עוד לשכור מהמלך והשרים רק יניחו הדבר על הגלגולת. Въ концѣ встрѣчается неясное сообщеніе, повидимому указывающее на то, какъ велика была сумма подушной подати со всѣхъ евреевъ въ Польшѣ: ואף אם אחרי כל זאת יהיו מוכרחים לחזור ולתן. מכל מקום לא יסייעו להם רק כפי ערך שהגיע אליהם לסך כ"ב אלפים וכפי ערך שהיתה הגבייה לעת עתה על פי הסכום ועל פי הגלגולת.

Фактъ взиманія разомъ суммы, какъ подушной подати, которую еврейскіе депутаты (т. е. члены синода) распредѣляли по областямъ и отдѣльнымъ общинамъ, приводится также въ одномъ документѣ; послѣдній находится въ королевскомъ государственномъ архивѣ познанской провинціи подъ рубрикой

„Zapfengeld", что означаетъ налогъ на пиво, медъ, вино и водку. Этотъ налогъ былъ установленъ съ 15 столѣт. сначала въ городахъ, а затѣмъ и въ дворянскихъ и церковныхъ владѣніяхъ. Можно себѣ представить, что этотъ налогъ, особенно на водку, былъ ненавистенъ въ Польшѣ; слѣдовательно, запрещеніе брать въ откупъ налогъ на напитки было мудрымъ распоряженіемъ, ибо непріязнь къ налогамъ распространялась на откупщиковъ и на все еврейство.

Schwersenz C. 122. На требованіе общины Познани, предъявленное шверзенской общинѣ, послѣдняя отвѣтила слѣдующее: мы ровно ничего не должны познанской синагогѣ; мы . . . . . только дали, потому что *въ прежнія времена всѣ евреи должны были платить ежегодно польской коронѣ 220.000, фл.* которые взимались четырьмя *еврейскими старѣйшинами* и *депутатами*; такъ какъ мы были малой синагогой и вблизи Познани, то платили ей государственные взносы и другія подати, которыя возлагались депутатами, по распредѣленію старѣйшинъ Познани; нужно также замѣтить, что упомянутые депутаты страны собирали эту сумму посредствомъ четырехъ главныхъ городовъ, а именно: *Кракова*, *Люблина*, *Львова* и *Познани*". Въ концѣ значится: „Anno 1764 г. король Станиславъ повелѣлъ . . . . чтобы подать не вносилась вся четырьмя депутатами, такъ какъ они заботились о собственной пользѣ, а каждый городъ долженъ самъ доставить свою подать . . . . . . съ каждой души по 2 фл. ежегодно польской коронѣ вмѣстѣ съ подымной податью [1])". Странно то, что въ этомъ документѣ значится сумма 220,000 фл., а въ вышеупомянутомъ протоколѣ указано только 22.000. Въ томъ или другомъ заключается ошибка въ суммѣ. Во всякомъ случаѣ отсюда ясно также, что синоды занимались также податными дѣлами и уже въ 1595 г.

Изъ одной замѣтки, которой я обязанъ также любезности г. Дембицера, также явствуетъ, что синоды четырехъ областей издавали постановленія по поводу податей. Эта замѣтка исходитъ также изъ одной старинной памятной книги краковской синагоги. Она касается въ нѣкоторомъ родѣ подарка королю подъ именемъ Spilkowo и гласитъ: תקנת שפילקאוי שנעשה בקיבוץ מנהיגי וגאוני ד׳ ארצות בועד לובלין ביום כ׳ פ׳ כי תצא שנת שס״ו לפ״ק ושם נמנו ונמרו שהמתנה אשר הבטיחו מנהיגי ד׳ ארצות ליתן להמלך בשביל כלל היהודים ממדינת פולין והמתנה הזאת נקראת בשם שפילקאוי. יוהן מהיום והלאה מקהל קראקה . . . . שהמתנה ההיא בריצוי ולטובה כל היהודים במדינת פולין קטן ומדינת פולין גדול פאדעליע ואוקריינאי Это постановленіе относится къ 1606 г. Прибавимъ еще сюда одно сообщеніе изъ первыхъ временъ дѣятельности синодовъ, а именно 1607 г., гдѣ упоминается, что при этомъ принималъ участіе равинъ *Іошуа Фалкъ Когенъ* (авторъ סמע = ס׳ מאירת עינים) въ одномъ изданномъ подъ его именемъ קונטרים или תקנות, печатано въ Зулцбахѣ 1692, въ Брюнѣ 1775). Тамъ же на заглавномъ листѣ значится:.

---

[1]) Это преобразованіе подушной подати указывается въ конституціи 1775 г. (voluмina legum т. VIII, стр. 95): на основаніи конституціи 1764 г. установлена подушная подать съ евреевъ и караимовъ польскаго государства, съ каждой души обоихъ половъ по два польскихъ гульдена съ перваго года рожденія. Въ конституціи 1764 г. (т. же т. VII стр. 81) о податяхъ евреевъ въ *Литвѣ* говорится: „такъ какъ намъ доподлинно извѣстно, что еврейскіе старшины (Zydzi starsi) привыкли взыскивать суммы значительно большія, установленной конституціею 1717 г. подушной подати въ 60.000 польскихъ гульденовъ, произвольно раскладывая ихъ и сильно притѣсняя всѣхъ евреевъ . . . . . . мы повелѣваемъ подушную подать для всѣхъ евреевъ и караимовъ . . . . . взимать по существующему установившемуся способу взиманія подушной подати, т. е. съ души по два польск. гульд. Итакъ отъ 1717 г. до 1764 г. сумма подушной подати отъ литовскихъ евреевъ достигала 60.000 польск. гульд. Въ этомъ случаѣ общая сумма областей Великой и Малой Польши, Руси и Волыни приблизительно равна 220.000.

כמה עניני אסורים אשר העם נכשלין בהם והיה מפקח בהן הגאון כבית ועד הוא מקום קבוץ חכמים המה ראשי ישיבות דשלש ארצות מדינת פולין בהתאסף ראשי עם יחד בשנת ש"סז. Въ текстѣ къ постановленіямъ о взиманіи процентовъ, конецъ № 14: עניני אסור שבת בהיות שאינן כלולין בג' ארצות כי באנפי פוזנא וקראקא ובשאר גלילות אינם מתעסקים באורנדות ורחיים . . . גם לא היה מוסכם גמור בינינו בענין התירם קודם נסיעות ראשי ישיבות מפה ביריד לכן הנחתיהו מלכתוב הסכמתי לבדי. Въ концѣ значится: . . . דברי הקטן יהושע בן אלכסנדרי . . . ולק כהן יכונה הכותב והחותם פה בהסכמת רבותיו ורעיו שנתוועדו פה ביריד גראמני שס"ז (выраженіе 'יריד גרמני', собственно גרמניץ обозначаетъ ярмарку въ St. Gromnice). Эти синоды иногда называются также •синодами трехъ областей, смотря по тому, причисляется ли или нѣтъ Литва. Въ вышеупомянутомъ протоколѣ (см. 482) упоминаются и делегаты Литвы. Въ другихъ же эта часть страны исключена. Отношеніе Литвы къ другимъ частямъ страны можетъ быть правильно выяснено, когда накопится больше матеріала по этому вопросу.

Можно съ увѣренностью сказать, что собранія синодовъ не были организованы до 1572 г.; слѣдовательно ихъ не было при королѣ Сигизмундѣ Августѣ. При эфемерномъ королѣ, Генрихѣ III анжуйскомъ, они не могли возникнуть. Хотя они не были утверждены короной, послѣдняя, по всей вѣроятности, одобряла ихъ въ собственныхъ интересахъ. Если принять въ соображеніе, что синоды регулировали налоги и распредѣляли ихъ, то нужно заключить, что король долженъ былъ дать свое согласіе на эту организацію· Изъ вышеприведеннаго акта явствуетъ, что въ 1764 г. король Станиславъ Понятовскій лишилъ этихъ депутатовъ ихъ полномочій. Итакъ, остается предположить, что организація синодовъ четырехъ областей началась между 1575 - 1580 при королѣ Стефанѣ Батори, оказывавшемъ расположеніе къ евреямъ.

Изъ вышеупомянутаго сообщенія рѣшительно слѣдуетъ что они были дѣйствительно организованы. Былъ выработанъ избирательный порядокъ, пренія и постановленія протоколировались; словомъ, обнаруживался цивилизованный характеръ ихъ. Эта организація, вѣроятно, была устроена людьми, которые обладали нѣкоторыми свѣтскими знаніями и авторитетомъ и были въ состояніи внести порядокъ въ безформенные польскіе нравы.

Изъ этого обстоятельства ясно, кто ввепъ регулярность въ синодахъ· Давидъ Гансъ съ точностью, достойной современника, сообщаетъ, что *Мардохай Яфа,* бывшій въ теченіи 20-ти лѣтъ равиномъ въ Гроднѣ, Люблинѣ и Кременцѣ, считался главой равиновъ и судей *трехъ областей;* онъ прибылъ въ Прагу въ Іарѣ 1592 г. (צמח דויד I къ 5352 г.): ר' מרדכי יפה . . . הוא ראש ועקר מגדולי ראשי ישיבות ודייני דשלש ארצות הוא בא הנה בחודש אייר שנ"ב. Послѣ смерти своего учителя, Моисея Исерлеса, и Соломона Лурьи Яфа былъ самымъ значительнымъ равинскимъ авторитетомъ въ Польшѣ; онъ путешествовалъ по Германіи и Италіи и былъ настолько образованъ и проникнутъ нѣмецкой, такъ сказать, распорядительностью или педантичностью, что сумѣлъ вести общественныя дѣла не съ польской халатностью. Такъ какъ онъ былъ равиномъ въ Люблинѣ, гдѣ происходила одна изъ двухъ главныхъ польскихъ ярмарокъ, то само собой разумѣется, что онъ предсѣдательствовалъ въ важныхъ процесахъ, переговорахъ и совѣщаніяхъ, возникавшихъ ко времени ярмарки Изъ трехъ польскихъ провинцій на ярмарку въ Люблинъ и Ярославъ собиралось столько тысячъ евреевъ, что вызвало со стороны христіанскаго сатирика

слѣдующее замѣчаніе: на знаменитой польской ярмаркѣ въ Ярославѣ, которая бываетъ на Успеніи Богородицы, евреи истребляютъ на 20.000 гульд. „луку и чеснока“ (у Шудта, jüdische Denkwürdigkeiten I, стр. 209). Такъ какъ ярмарки регулярно устраивались въ Ярославѣ въ іюлѣ и въ Люблинѣ въ началѣ весны, то отсюда и получалась регулярность синодальныхъ собраній равиновъ и представителей общинъ. Не доставало только, чтобы былъ начертанъ избирательный порядокъ для делегатовъ общинъ, которые имѣли право засѣдать и участвовать въ голосованіи, и чтобы, наконецъ, существовалъ авторитетъ, которому бы довѣряли всѣ общины и подчинялись санкціонированнымъ имъ рѣшеніямъ. Къ этому болѣе всего подходилъ *Мардохай Яфа*, и можно предположить, что, будучи равиномъ въ Люблинѣ между 1573—1592 г., онъ предпринималъ и устраивалъ регулярныя собранія синодовъ *трехъ областей*. За это говоритъ также замѣчаніе Іошуи Фалка Когена (введ. къ ס' מאירת עינים): Мардохай Яфа не могъ отдѣлать свой кодексъ (לבוש), потому что онъ занимался общественными дѣлами: בהיות ה״ר מרדכי יפה) עמוס התלאות וטרדות של צבור והישיבה שהיו מושלים עליו לא היה לו פנאי לחקור ולמצא מוצא הדינים . . . וכן שמעתי מפיו.

Въ 1624 г. идетъ рѣчь о *синодѣ четырехъ областей*, безъ указанія на то, причислялась ли Литва (архивныя записи познанской общины, сообщ. Перлесомъ въ указ. мѣстѣ): הא לך תקנות רוזני ד׳ ארצות יצ״ו בעניני הבורחים כל הנ״ל הועתק אות באות מגוף פנקס הארצות בהסכמת יריד אדר שפ״ד לפק׳ Эти постановленія о банкротахъ, которыя были изданы синодомъ въ этомъ году, также сообщены въ концѣ произведенія מאמר קדישין *Каима Кадиша* съ многими прибавленіями и варіантами; въ заглавіи значится דיני בורחים העתק מפנקס ארבע ארצות דמדינת פולין.

Въ 1640 объ этомъ сообщаетъ Іомъ-Товъ Липманъ Гелеръ (сочинитель תוספות י״ט въ своемъ מגילת איבה стр. 30): נסעתי ליריד יערסלאוו בשנה ההיא בקבוץ הרבה ראשי ישיבות גם מנהיגי וקציני ארבע ארצות פולין גדול וקטן רוסיא וואלין כרווא קרא בחיל גדול. Къ тому же времени, а именно *до* преслѣдованія при Хмѣльницкомъ въ 1648 г., относится восторженное описаніе великолѣпія синодовъ четырехъ областей, принадлежащее перу *Натана Гановера* (конецъ יון מצולה). Этотъ рефератъ даетъ лучшія свѣдѣнія объ этомъ учрежденіи во время его расцвѣта: ואם שני ראשי קהלות מתדינים זה עם זה הולכין לדון לפני פרנסי דארבע ארצות. והיו יושבים ב׳ פעמים בשנה בקבוץ יחד מכל ראשי הקהלות פרנס אחד וצרפו להם ששה גאונים מארץ פולין והם הם הנקראים ארבע הארצות והיו יושבין בכל יריד לובלין בין פורים לפסח ובכל יריד יערסלב בחודש אב או אלול והפרנסים דארבע הארצות היו כמו סנהדרין בלשכת הגזית והיה להם כח לשפוט כל ישראל שבמלכות פולין לגדר גדר ולתקן תקנות ולענוש אדם לפי ראות עיניהם וכל הדבר הקשה יביאו אליהם וכו׳. Отсюда видно, что синоды имѣли болѣе свѣтское, чѣмъ равинское основаніе. Не равины образовывали большинство, а делегаты общинъ, отъ каждой значительной общины по одному или по два (см. выше 482), которые присоединяли къ себѣ шесть равиновъ. Делегаты, хотя были свѣтскіе люди, были также свѣдущи въ Талмудѣ. Эти синоды четырехъ областей завѣдывали также цензурой книгъ, что видно изъ одобрительныхъ отзывовъ ихъ на многихъ сочиненіяхъ, напечатанныхъ въ Польшѣ.

Послѣ сильнаго гоненія евревъ въ Польшѣ въ 1648 г. дѣятельность синодовъ, хотя и не прекращалась, потеряла весь свой блескъ. Это видно изъ элегіи Иліи Люблина (респон. יד אליהו, введеніе) во второй половинѣ XVII

sterdam . . . . y començô a publicarse el de 5357. Этимъ сказано, что поселеніе послѣдовало въ 1590, а публичное признаніе его въ видѣ допущенія постройки синагоги въ 1597. Итакъ, дата 5350 у него, навѣрное, такъ же искажена, какъ выше (стр. 486), вмѣсто 5353. Изъ этого явствуетъ, что Яковъ Тирадо поселился въ томъ же году, когда группа съ Маріей Нунесъ; поселеніе послѣднихъ де Баріосъ датируетъ 1593=5350. Прибыли ли эти группы въ Амстердамъ вмѣстѣ или въ одномъ году, но каждая въ отдѣльности, какая группа посѣтила Эмденъ и познакомилась съ Моисеемъ Ури? Записи не называютъ именъ тѣхъ, которыхъ Моисей Ури направилъ въ Амстердамъ. Они указываютъ, что десять мужчинъ и четверо дѣтей прибыло въ Эмденъ на двухъ корабляхъ. Между тѣмъ Баріосъ указываетъ на сношенія Якова Тирадо съ Моисеемъ Ури. Тирадо принадлежалъ къ тѣмъ десяти мужчинамъ, которые завели въ Эмденѣ сношенія съ Ури. Съ другой стороны Баріосъ замѣчаетъ, что на кораблѣ, на которомъ ѣздила въ Амстердамъ Марія Нунесъ, находилось только трое человѣкъ, она, братъ ея, Мануелъ, и дядя обоихъ, Мануелъ (или Мигуелъ Лопецъ Гомемъ). Онъ намекаетъ, однако, что къ этой группѣ принадлежалъ Яковъ Тирадо, ибо въ разсказѣ о первыхъ основателяхъ, Яковѣ Тирадо и Моисеѣ Ури, онъ упоминаетъ о приключеніи Маріи Нунесъ и о прибытіи ея съ братомъ и дядей въ Амстердамъ. Этотъ пунктъ, слѣдовательно, сомнителенъ. Довольно странно относитъ Coenen сцену обнаруженія тайныхъ богослужебныхъ собраній новоприбывшихъ марановъ и ареста кантора Моисея Ури полиціей къ 1602—3, послѣ того, какъ онъ разсказалъ, что мараны съ Яковомъ Тирадо публично основали синагогу Бетъ-Яковъ въ 1598 (въ ук. мѣстѣ стр. 142—143).

УКАЗАТЕЛЬ X ТОМА.

Оглавленіе.

Третья эпоха четвертаго періода.
Время новыхъ странствованій и поселеній.

Глава I.
(обзоръ).

ГЛАВА II.
(продолженіе).

Глава III.

Глава IV.

(продолженіе).

Глава V.

(продолженіе)

Глава VI.

Глава VII.

Глава VIII.

Глава IX.

Глава X.

Примѣчанія.

